VISIT…

Pax
Britannica

Давид Юм

АНГЛИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ДОМА СТЮАРТОВ

(1649–1685)

Pax Britannica

David Hume

ENGLAND
UNDER THE HOUSE OF STUARTS
(1649–1685)

Volume II

Aletheia
Publishing House
St. Petersburg

Pax Britannica

Давид Юм

АНГЛИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ДОМА СТЮАРТОВ (1649–1685)

Том II

Перевод с английского *А. А. Васильева*
под общей редакцией *С. Е. Федорова*

Издательство
«Алетейя»
Санкт-Петербург

ББК Т3(4Вл)512
УДК 942.006
Ю 41

Давид Юм
Ю 41 Англия под властью дома Стюартов. Т. 2. / Перевод с английского А. А. Васильева под общей редакцией С. Е. Федорова. — СПб.: Алетейя, 2002. — 464 с. — (Pax Britannica)

ISBN 5-89329-531-5

Редколлегия:

Дмитриева О. В., Винокурова М. В.,
Лабутина Т. Л., Муха М. В., Репина Л. П.,
Сергеева Л. П., Федоров С. Е., Чамеев А. А.

Впервые публикуется русский перевод итоговой части обширного труда по истории Англии крупнейшего представителя шотландского Просвещения, философа, историка, экономиста и публициста Давида Юма (1711–1776).

Второй том охватывает период с момента провозглашения индепендентской республики (1649 г.) до конца правления Карла II (1685 г.).

Для историков, философов, а также всех тех, кто интересуется английской историей раннего нового времени.

Данное издание выпущено в рамках проекта
«Translation Project» при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия
и Института «Открытое общество» — Будапешт

ISBN 5-89329-531-5

© Издательство «Алетейя» (СПб), 2002 г.
© А. А. Васильев, перевод на русский язык, 2002 г.

РЕСПУБЛИКА

*Глава I (XVI)**

Состояние Англии. — Состояние Шотландии. — Состояние Ирландии. — Разгром левеллеров. — Снятие осады Дублина. — Штурм Дрогеды. — Ковенантеры. — Пленение Монтроза. — Его казнь. — Ковенантеры. — Битва при Денбаре и при Вустере. — Король спасается бегством. — Республика. — Война с Голландией. — Разгон парламента

СОСТОЯНИЕ АНГЛИИ

Страшная смута, охватившая Англию после убийства Карла I, была вызвана не только ниспровержением всех властей, гражданских и церковных, повиноваться которым народ привык с незапамятных времен, но и неодержимым стремлением ко всевозможным новшествам и усовершенствованиям, которое обуяло господствующую партию [1]** Всякий теперь изобретал собственный проект идеальной республики и, каким бы неслыханным или химерическим он ни был, с жаром расхваливал его перед согражданами или даже пытался навязать его силой. У каждого имелась наготове религиозная система собственной фабрикации,[2] никак не связанная с традиционными авторитетами, а потому совершенно оригинальная; и подобные системы, опиравшиеся на мнимое откровение, а не на принципы человеческого разума, могли снискать расположение толпы лишь благодаря ханжеству и пошлому краснобайству их творцов Левеллеры добивались равного распределения власти и собственности, отвергая всякую зависимость и подчинение. Милленарии, или люди пятой монархии,[3] требовали уничтожить самое правление и повергнуть в прах всякую мирс-

кую власть, дабы освободить таким образом место для единоличного владычества Христа, второго пришествия коего чаяли они уже в самом скором времени. Антиномиане[4] доходили до утверждений, что все обязанности, налагаемые нравственностью и естественным законом, ныне упраздняются и что избранники Божьи, руководимые иным, внутренним началом, началом более святым и совершенным, стоят выше **жалких принципов** справедливости и гуманности. Весьма влиятельная партия витийствовала против десятины и «наемных священников», твердо решив, что гражданские правители не должны поддерживать какую-либо церковь своей властью или денежными средствами. Другая партия яростно нападала на юриспруденцию и профессиональных юристов и под предлогом упрощения судопроизводства стремилась уничтожить всю английскую судебную систему как слишком тесно связанную с монархическим правлением. Даже те из республиканцев, кто не одобрял подобных крайностей и сумасбродств, были настолько опьянены представлением о своей праведности, что вообразили себя обладателями особых привилегий, и потому любого рода обещания, клятвы, обязательства и законы в значительной мере утратили над ними власть. Общественные узы повсюду ослабли, а порочные человеческие страсти поощрялись теперь теоретическими принципами, еще более порочными и пагубными для общества.

Роялисты (к числу которых принадлежали титулованная знать и верхушка джентри), лишенные прежней власти и безжалостно ограбленные, пылали яростным гневом и возмущением против своих худородных врагов, ставших теперь их господами. Пресвитериане, вначале поддерживавшие своим влиянием армию парламента, приходили в бешенство при мысли о том, что вследствие вероломства или необыкновенной хитрости прежних союзников они утратили плоды всех своих успешных трудов. Первые, по склонности и из принципа, сохраняли пылкую преданность сыну своего несчастного государя,[5] чтя его память и оплакивая ужасную смерть. Последние также обращали свои взоры в эту сторону, но им еще предстояло побороть в себе множество предрассудков, избавиться от многих страхов и сомнений, прежде чем они смогли бы искренне и всерьез задуматься о реставрации династии, которую они так жестоко оскорбили и чьи принципы внушали им столь бешеную ненависть.

Единственной прочной опорой индепендентов-республиканцев,[6] которые, хотя и составляли ничтожное меньшинство нации, грубо узурпировали всю власть в государстве, была сильная армия, насчитывавшая около пятидесяти тысяч солдат. Но этой армией, грозной не одним лишь числом, но также мужеством и дисциплиной, двигал особый дух, делавший ее весьма опасной для того самого собрания, которое приняло на себя командование ею. Привыкнув потворствовать любым своим химерам в политике и безрассудствам в религии, солдаты не имели понятия о том, что такое повиновение, подобающее гражданину, по необходимости усвоив лишь некоторые правила воинской субординации. Они по-прежнему думали, что все чудовищные несправедливости и беззакония, лежавшие на

их совести, вполне оправдываются успехом, коим благословило их Провидение, а потому готовы были совершить новые бесчинства, как только появится у них надежда на подобного рода высшую санкцию

Тем единственным, что вносило известный порядок в сумятицу всех этих бурных страстей и неустойчивых настроений, было огромное влияние, которое как в военных, так и в гражданских делах приобрел Оливер Кромвель. Этот человек, как будто созданный для своей эпохи, и только для нее одной, был в равной мере способен как завоевывать симпатию и доверие людей благодаря тому, что являлось в его характере самым низким, вульгарным и нелепым, так и внушать им готовность к повиновению величием, дерзостью и отвагой своего духа Доходя порой в своей фамильярности до грубых шуток с последним из солдат, он всегда умел сохранить авторитет в глазах окружающих; охваченный чуть ли не до безумия порывом религиозного исступления, он никогда не забывал о политических целях, которым могло бы оно послужить Подданный короля, ненавидевший монархию, гражданин, презиравший свободу, Кромвель известное время удерживал всю Англию в видимом повиновении парламенту, на самом же деле хитростью и мужеством тайно прокладывал путь к собственной неограниченной власти [7)]

С величайшей помпой и с соблюдением стольких внешних форм правосудия, а в сущности — с необычайной жестокостью и даже с каким-то бешенством умертвив своего государя, парламент (ибо так придется нам отныне называть этот жалкий обломок палаты общин) вознамерился придать себе вид законного гражданского органа и попытался расширить то узкое основание, на которое опиралась его власть Он согласился вновь допустить на свои заседания несколько исключенных и отсутствующих членов (тех, чьи взгляды вызывали менее всего возражений), но при условии, что они подпишут особую декларацию, одобрявшую все, сделанное в их отсутствие в связи с процессом короля [8)] Некоторые выразили готовность получить свою долю власти на подобных условиях, но большинство с негодованием отвергло самую мысль о том, чтобы санкционировать своим авторитетом столь вопиющие беззакония. Он распорядился устроить новые выборы — там, где, полагаясь на свое влияние, рассчитывал провести собственных друзей и приспешников Он назначил Государственный совет[9)] из тридцати восьми членов, которые принимали все петиции, командовали всеми сухопутными и морскими силами, ведали исполнением законов и предварительно рассматривали все вопросы, передававшиеся затем в парламент [1]

В общем, парламент делал вид, будто всецело поглощен принятием законов, упорядочением судопроизводства и созданием новой системы народного представительства, торжественно при этом заверяя, что как только переустройство государства будет завершено, он немедленно возвратит всю власть народу, от которого, по утверждению парламента, он ее некогда получил

К моменту установления республики вся Англия, устрашенная ее оружием, сохраняла видимое спокойствие. Иностранные державы, занятые войнами между собой, не имели ни возможности, ни желания вмешиваться в междоусобные раздоры на нашем острове. Юный король, несчастный и всеми презираемый, жил попеременно в Голландии, Франции и на острове Джерси, утешаясь в нынешних своих бедствиях надеждой на лучшую судьбу в будущем. И только события в Шотландии и Ирландии внушали в этот момент новорожденной республике некоторую тревогу.

СОСТОЯНИЕ ШОТЛАНДИИ

После того как Монтроз и Гамильтон[11] потерпели поражение, а их партии были разгромлены, вся власть в Шотландии оказалась в руках Аргайла[12] и непримиримых пресвитериан, т. е. партии, наиболее враждебной к королевской династии. Однако ненависть к индепендентам, не позволившим ввести в Англии пресвитерианские церковные порядки, заставила их совершенно изменить свои политические принципы. Английский парламент убеждал их преобразовать систему правления в Шотландии по республиканскому образцу, но они твердо решили сохранить верность монархии, которая существовала в их стране всегда и которую, согласно явно выраженным положениям Ковенанта, они были обязаны защищать. Кроме того, они полагали, что поскольку большая часть земельной собственности в их королевстве находится в руках знати,[13] учредить здесь республику будет очень нелегко, точно так же, как трудно будет сохранять в обществе мир и правопорядок без верховного магистрата, наделенного королевскими полномочиями. А потому, как только казнь Карла I (против которой они всегда протестовали) сделала престол вакантным, шотландцы немедленно провозгласили королем его сына и наследника Карла II, — но при условии, что «он будет вести себя надлежащим образом, строго соблюдать Ковенант и не допускать к своей особе никого, кроме людей благочестивых и верных упомянутому договору». Эти неслыханные условия, включенные уже в первый официальный акт признания государя, ясно свидетельствовали об их намерении до предела ограничить его власть. Английская же республика, не имевшая пока повода к вмешательству в дела этого королевства, позволила шотландцам устраивать свое правление по собственному разумению.

СОСТОЯНИЕ ИРЛАНДИИ

Между тем притязания англичан на владычество в Ирландии требовали от них более срочных и решительных мер для приведения этой страны к покорности. Чтобы дать читателю верное понятие об ирландских де-

лах, нам придется отступить на несколько лет назад и вкратце рассказать о событиях, происходивших там в эпоху достопамятных переворотов в Англии Когда покойный король согласился на перемирие с мятежниками-памистами[2] — перемирие, которое стало совершенно необходимым не только с точки зрения интересов его дела в Англии, но и для спасения самих ирландских протестантов, — парламент, желая очернить его действия, обвинил Карла в потворстве гнусному мятежу и выразил бурное возмущение условиями перемирия [14] Парламент даже объявил его лишенным всякой законной силы, поскольку-де оно было заключено без его согласия, а ольстерские шотландцы и граф Инчикуин,[15] пользовавшийся значительным влиянием в Манстере, открыто заявили о том, что поддерживают эту декларацию Их усилиями война продолжалась, однако опасные раздоры в самой Англии не позволили парламенту послать сколько-нибудь крупные подкрепления своим союзникам в Ирландии, и у лорда-лейтенанта маркиза Ормонда[16] — уроженца Ирландии и человека, наделенного большим благоразумием и мужеством, — возник замысел установить на острове мир и склонить ирландских мятежников к поддержке дела его господина Существовало немало важных обстоятельств, побуждавших коренных ирландцев принять сторону короля Политические принципы этого государя всегда располагали его к разумной мягкости по отношению к католикам во всех его владениях, и эта молчаливая терпимость стала одной из главных причин бешеной ненависти, которую испытывали к нему пуритане [17] Напротив, английский парламент, даже когда с их стороны не было никакого враждебного вызова, постоянно угрожал папистам самыми суровыми карами и чуть ли не полным истреблением, а после начала ирландского мятежа немедленно объявил о будущей распродаже всего имущества бунтовщиков, гарантировав от имени государства, что конфискованные у них земли поступят во владение тех, кто уже внес деньги на ирландскую экспедицию под это обеспечение А потому победа парламентской армии при Нейзби вселила в ирландцев вполне понятный ужас, побудив совет в Килкенни, составленный из депутатов от всех католических графств и городов, заключить мир с маркизом Ормондом [3] Они вновь признали себя верными подданными короля и обязались выставить десять тысяч солдат для поддержания его власти в Англии, удовлетворившись тем, что, по условиям договора, им были обещаны амнистия за участие в мятеже и терпимость к их религии

Нисколько не сомневаясь, что этот мир, столь выгодный и даже необходимый для ирландцев, будет ими строго соблюдаться, Ормонд двинулся с небольшим отрядом к Килкенни, чтобы согласовать с новыми союзниками план совместных действий Ранее папа направил в Ирландию своего нунция, итальянца Ринуччини,[18] и этот человек, который был уполномочен руководить ирландцами единственно лишь в духовных вопросах, видя их невежество и слепой фанатизм, осмелел настолько, что присвоил себе высшую власть и в делах гражданского правления Понимая, что подчинение всей страны власти лорда-лейтенанта положит конец его собствен-

ному влиянию, он вошел в сговор с вождем коренных ирландцев Ольстера Оуэном О'Нилом,[19] который питал бешеную зависть к Престону,[20] генералу, в наибольшей степени пользовавшемуся доверием совета в Килкенни. Исполняя свой замысел, эти заговорщики тайно соединили свои силы и приготовились напасть на Ормонда, который, полагаясь на только что заключенный с мятежниками мир, по-прежнему ни о чем не подозревал. Узнав об их вероломстве, Ормонд быстро и искусно отступил, а затем расположил свою маленькую армию в Дублине и других укрепленных городах, все еще находившихся в руках протестантов.

Папский нунций, человек до крайности надменный, легкомысленный и властолюбивый, не довольствовался этим нарушением договора. Созвав собрание духовенства в Уотерфорде, он убедил священников открыто выступить против мира, который гражданский совет в Килкенни заключил с их государем. Он даже пригрозил отлучением от церкви всякому, кто посмеет соблюдать договор, столь пагубный, по его словам для католической религии; и одураченные ирландцы, до смерти напуганные этими духовными карами, всюду перешли на его сторону и подчинились его власти. Без всяких колебаний он начал войну против лорда-лейтенанта, угрожая осадой протестантским крепостям, ни одна из которых не была как следует подготовлена к обороне.

Тем временем преследуемый неудачами король вынужден был искать убежища в лагере шотландской армии, и там, оказавшись на положении пленника, лишенный всякого общения со своими сторонниками, Карл совершенно потерял надежду на то, что сможет когда-нибудь возвратить себе власть и даже свободу. Он велел передать Ормонду, что если тот окажется не в состоянии продолжать борьбу, то ему следует капитулировать скорее перед англичанами, нежели перед ирландскими мятежниками, и лорд-лейтенант, оказавшись в безвыходном положении, сдал Дублин, Дрогеду, Дандалк и прочие крепости полковнику Джонсу, который занял их именем английского парламента. Сам же Ормонд отправился в Англию, был допущен к особе короля, получил от него благодарность за прежнюю службу и некоторое время спокойно жил в Лондоне. Однако впоследствии, будучи вместе с другими роялистами выслан из этого города и ясно видя, что события всюду принимают неблагоприятный для его повелителя оборот, угрожая ему еще более страшной катастрофой, он почел за благо удалиться во Францию, где присоединился к королеве и принцу Уэльскому.

В Ирландии же в это время неограниченным влиянием на всех католиков пользовался папский нунций, но вскоре дерзость и безрассудство этого прелата заставили их пожалеть о том, что они доверили ему громадную власть. К тому же люди здравомыслящие понимали, что со стороны английского парламента их нации угрожает полное истребление, и не видели иного выхода или спасения, кроме поддержки падающей власти английского короля. Граф Кланрикард,[21] потомок древнего рода и человек замечательных достоинств, сознавая, что его соотечественникам грозят

страшные бедствия, твердо решил, насколько это будет возможно, их предотвратить Он создал тайный союз среди католиков, вошел в связь с Инчикуином, сохранявшим огромное влияние на протестантов Манстера, решительно выступил против нунция, заставил его убраться с острова и, наконец, отправил депутацию в Париж к лорду-лейтенанту с предложением вернуться и вновь принять бразды правления

Прибыв в Ирландию, Ормонд обнаружил, что это королевство раскололось на множество партий, находящихся между собой в состоянии открытой воины или тайной вражды Власть английского парламента держалась в Дублине и нескольких других городах, которые сам же Ормонд передал некогда в его руки О'Нил сохранял влияние в Ольстере, вступив в тайную переписку с генералами парламентской армии, он больше помышлял о собственной безопасности, нежели о спасении своей страны или религии Прочие ирландцы, разделенные на мелкие партии сообразно мнениям своего духовенства, относились к Ормонду враждебно, ирландская же знать, вполне ему преданная, не отличалась ясностью в своих намерениях и решительностью в действиях Шотландцы северной части острова, возмущенные подобно остальным своим соотечественникам, узурпациями сектантской армии, заявляли о своей верности королю, но многочисленные предрассудки по-прежнему мешали им вступить в искренний союз с его наместником Все эти противоречия в настроениях и несогласия в целях сильно затрудняли военные операции Ормонда, позволяя парламентским войскам в Ирландии продолжать борьбу Республиканская же партия в самой Англии, которую занимали в это время другие дела — подавление роялистских мятежей, подчинение себе парламента, процесс, осуждение и казнь короля — совершенно не заботилась о снабжении своей ирландской армии, и потому части полковника Джонса и гарнизон Дублина, до крайности ослабленные, терпели во всем страшную нужду Лорд-лейтенант, несмотря на окружавшие его со всех сторон затруднения, не упустил благоприятной возможности послужить делу короля Собрав наконец сильную армию в восемнадцать тысяч человек, Ормонд выступил против парламентских гарнизонов Дандалк, где командовал Монк, был сдан солдатами, которые подняли бунт против своего командира, Дрогеда, Ньюри и другие крепости были взяты штурмом, Дублину угрожала осада — в общем, положение лорда-лейтенанта казалось теперь столь блестящим, что юный король уже подумывал о том, чтобы лично прибыть в Ирландию

Когда английским республиканцам удалось навести некоторый порядок в собственной стране, они стали обращать свои взоры на соседний остров Ранее, в период борьбы индепендентов с пресвитерианами, управление Ирландией оставалось предметом нескончаемых интриг одна партия стремилась сделать лордом-лейтенантом Ламберта, другая же прочила на этот пост Уоллера [22] После казни короля сам Кромвель начал домогаться этой должности, на которой, как он видел, можно завоевать великую славу и приобрести громадное влияние И когда на заседании Госу-

дарственного совета в отсутствие Кромвеля была внесена его кандидатура (15 марта) — о чем он специально позаботился, — и друзья, и враги выказали единодушие, тотчас же назначив его на этот высокий пост: первые догадывались, что предложение было отнюдь не случайным, но сделанным с его согласия; последние желали услать Кромвеля подальше, надеясь, что в его отсутствие они смогут подчинить своему влиянию Ферфакса, которого он так долго дурачил своими лицемерными заверениями. Сам Кромвель, узнав о своем избрании, притворился изумленным и поначалу сделал вид, будто не знает, стоит ли ему принимать это назначение; а Ламберт, то ли обманутый его притворством, то ли, в свою очередь, притворившись обманутым, продолжал, несмотря на свою неудачу, поддерживать с Кромвелем дружеские отношения и тесную связь.

РАЗГРОМ ЛЕВЕЛЛЕРОВ

Вновь назначенный лорд-лейтенант с обычной своей энергией тотчас же занялся приготовлениями к ирландской экспедиции. Вначале он должен был покончить с многочисленными беспорядками в самой Англии. Все вокруг внушало республиканцам тревогу и опасения. Хотя народ, пораженный успехами армии, сохранял видимое спокойствие, признаки глубочайшего недовольства обнаруживались повсюду. Давно привыкнув к мягкому правлению и не зная, что такое притворство, англичане совершенно не умели подчинять смысл своих речей и выражение лиц требованиям настоящего момента или изображать преданность новой власти, которая большинству из них внушала непреодолимое отвращение. Для того чтобы акт об уничтожении монархии мог быть официально провозглашен в Сити, потребовалось вначале сменить состав городского совета Лондона, а также отрешить от должности и подвергнуть наказанию лорд-мэра и нескольких олдерменов. Было составлено обязательство в верности республике «без короля и палаты пэров», и армию с некоторым трудом убедили его подписать. Но хотя от остальных англичан требовали того же под страхом суровых кар, вплоть до объявления вне закона всех отказывающихся, народ так упорно этому противился, что парламент, несмотря на всю свою надменность, вынужден был пойти на попятную. Дух религиозного фанатизма, который прежде оказывал этому собранию мощное содействие, теперь в значительной степени обратился против него самого. Церковные кафедры, уже давно служившие политическими трибунами и местом сообщения новостей, были заняты главным образом пресвитерианами и тайными роялистами, и удержать их от проповедей, враждебных существующей власти, невозможно было никакими наказаниями. Эверард, отставной солдат, провозгласил, что настало время, когда среди христиан должна быть восстановлена общность имуществ, и двинулся со своими приверженцами занимать пустующие земли. Приведенный к главно-

командующему, он отказался снять перед ним шляпу, сославшись на то, что Ферфакс «такое же творение Божие, как и он» [4] Но армия сама была охвачена подобными настроениями, и это казалось гораздо более опасным [5] Хотя смелые действия Кромвеля на время усмирили левеллеров, они продолжали проповедовать свои учения среди солдат и младших офицеров, домогавшихся того, чтобы в управлении государством их мнения, как и прежде, принимались в расчет Теперь они обратили против собственных офицеров то, чему выучились от них в период борьбы с парламентом Они приняли ремонстрацию, поручив пятерым агитаторам представить ее главнокомандующему и военному совету, военный суд с позором уволил этих агитаторов со службы Некто Локьер, который зашел в подстрекательских действиях еще дальше, был приговорен к смерти, но его казнь не могла усмирить мятежный дух — напротив, более тысячи товарищей Локьера выказали полное единомыслие с ним, явившись на его похороны и надев при этом, в знак траура и сочувствия, черные шляпы с лентами цвета морской волны Около четырех тысяч солдат собрались в Берфорде под начальством Томпсона, которого военный суд в свое время приговорил к смерти за подстрекательство к бунту, но главнокомандующий помиловал Полковник Рейнольдс, а затем Кромвель и Ферфакс атаковали бунтовщиков в тот момент, когда они, вообразив, будто с ними начинают переговоры, оказались совершенно не готовы к сопротивлению Четыреста человек были взяты в плен, некоторых казнили, остальных помиловали, и, таким образом, дух возмущения, хотя он все еще тлел в армии и время от времени вспыхивал вновь, на этот раз, казалось, был надежно усмирен

Петиции, составленные в таком же оппозиционном духе, подавал в парламент подполковник Лильберн, которого в свое время за распространение мятежных памфлетов так сурово покарала Звездная палата На сей раз то обстоятельство, что он остается на свободе, точно так же не пришлось по вкусу парламенту, и Лильберн был брошен в тюрьму как зачинщик мятежей и беспорядков в республике Депутация женщин ходатайствовала о его освобождении, но теперь им было велено заняться домашними делами, а управление государством предоставить мужчинам Парламенту не давали покоя поступавшие отовсюду петиции, чрезвычайно вольные по своему духу, которые энергично выражали общее настроение нации и ясно показывали, как страстно желают все англичане восстановления своих законов и свобод Даже накануне торжественного обеда, который Сити давал Государственному совету и парламенту, почли за нужное, если верить Уокеру и Дагдейлу, принять меры особой предосторожности, заставив всех поваров поклясться в том, что приготовленные ими кушанья будут совершенно безвредны для гостей

Действие законов о государственной измене[23)] парламент счел необходимым распространить далеко за те узкие пределы, которые существовали при монархии Теперь сюда включались словесные проступки и даже простые намерения, пусть и не проявившиеся в каком-либо открытом ан-

типравительственном деянии. Говорить о том, что нынешний режим является узурпаторским, утверждать, что парламент и Государственный совет осуществляют власть тираническую и незаконную, пытаться подорвать их авторитет или возбудить против них недовольство, — все это было объявлено государственной изменой. Полномочие заключать под стражу, отнятое Петицией о праве у короля, теперь сочли необходимым предоставить Государственному совету, и вскоре все тюрьмы в Англии оказались переполнены теми, кого господствующая партия, движимая собственными страхами и подозрениями, желала представить в качестве лиц, опасных для государства.[6] Налоги, которые продолжало собирать новое правительство, — непривычные для народа, а потому казавшиеся чрезвычайно обременительными, — усиливали всеобщую ненависть к властям. Помимо таможенных пошлин и акцизов ежемесячно взималось 90 000 фунтов на содержание армии. Секвестры,[24] налагаемые на имущества роялистов, уплачиваемые ими композиции, распродажа коронных, деканских и капитульских земель приносили весьма крупные суммы, но и они оказывались недостаточными для того, чтобы покрыть огромные расходы, а также, как многие подозревали, наглые хищения парламента и его креатур.[7]

СНЯТИЕ ОСАДЫ ДУБЛИНА

Среди всех этих затруднений и тревог Кромвель, человек непреклонной воли и твердого ума, продолжал осуществлять свой план, не поддаваясь растерянности и колебаниям. В западной Англии он собрал двенадцатитысячную армию, но прежде отправил в Ирландию четыре тысячи человек пехоты и кавалерии под командованием Рейнольдса и Венейблса,[25] чтобы дать Джонсу возможность отразить натиск маркиза Ормонда, который стоял под Финглассом и готовился к наступлению на Дублин. Инчикуин, заключивший теперь договор с лордом-лейтенантом, взял с собственным отрядом Дрогеду и Дандалк, а затем нанес поражение Оффарелу, служившему под началом О'Нила, и нескольким парламентским частям, которыми командовал молодой Кут.[26] После того как Инчикуин присоединился к главным силам роялистов (с которыми некоторое время продолжал совместные действия), Ормонд перешел реку Лиффи и занял позиции близ Ратмайнса, в двух милях от Дублина, намереваясь приступить к осаде этого города. Чтобы полностью отрезать Джонса от снабжения, он начал восстанавливать старый форт неподалеку от Дублинских ворот, а через несколько дней, изнуренный непрерывными трудами и желая немного отдохнуть, оставил передовые позиции, но прежде отдал приказ держать войска в готовности к бою. Внезапно его разбудил шум выстрелов (2 августа); вскочив с постели, Ормонд увидел, что все вокруг охвачено паникой и смятением. Джонс, отличный офицер, а в прошлом юрист,

совершил вылазку с только что прибывшими подкреплениями, он атаковал отряд, занятый работами в форте, наголову его разбил и, развивая свой успех, обрушился на главные силы роялистов, не выполнивших распоряжения Ормонда Джонс быстро привел их в расстройство, выбил с занимаемых позиций и, несмотря на все усилия лорда-лейтенанта, обратил в беспорядочное бегство, после чего завладел их лагерем, обозом и амуницией и вернулся с победой в Дублин, уничтожив в этом бою тысячу неприятельских солдат, а более двух тысяч взяв в плен [8]

ШТУРМ ДРОГЕДЫ

Это поражение, бросившее известную тень на воинскую репутацию Ормонда, оказалось роковым для дела короля Многочисленная армия, которую лорд-лейтенант с величайшим усердием и громадным трудом собирал более года, перестала существовать в одно мгновение Вскоре после этого в Дублин прибыл Кромвель (15 августа), встреченный там возгласами радости и ликования Не теряя времени, он двинулся к Дрогеде хорошо укрепленному городу, в котором Ормонд оставил сильный трехтысячный гарнизон под начальством сэра Артура Аштона,[27] весьма опытного офицера Ормонд ожидал, что именно Дрогеду, расположенную недалеко от Дублина, Кромвель попытается захватить в первую очередь, и рассчитывал привести в порядок разбитую армию, пока неприятель будет занят ее осадой Но Кромвель отлично понимал, что значит на войне быстрота действий Проделав в стене брешь, он приказал начать генеральный штурм (сентябрь) Два первых приступа были отражены с большим уроном для англичан, но Кромвель возобновил атаку и вместе с Айртоном лично повел своих людей в бой Неистовая храбрость штурмующих сломила всякое сопротивление, они ворвались в город с оружием в руках и, получив приказ не брать пленных, устроили его защитникам безжалостную бойню Даже те немногие, кого пощадили пресыщенные кровопролитием солдаты, на следующий день были хладнокровно перерезаны по распоряжению главнокомандующего Из всего гарнизона спасся только один человек, который и поведал миру об ужасах этого поголовного истребления

Сам Кромвель заявлял в свое оправдание, что эти жестокие меры стали-де справедливым возмездием за прежние зверства ирландских мятежников, но ему было хорошо известно, что гарнизон Дрогеды почти полностью состоял из англичан, и, в сущности, его мнимое правосудие было лишь бесчеловечной тактикой, имевшей своей целью устрашить остальные роялистские гарнизоны, сломив их волю к дальнейшей борьбе Как бы то ни было, его тактика произвела желаемое действие Не теряя времени, Кромвель повел свою армию к Уэксфорду и начал обстрел города из орудий После недолгого сопротивления гарнизон согласился вступить в

переговоры о капитуляции, однако, еще не договорившись о ее условиях, утратил всякую бдительность, и английские солдаты ворвались в город. Здесь повторились те же ужасные сцены, что и в Дрогеде.

Теперь каждый город, к которому приближался Кромвель, открывал свои ворота без сопротивления. Росс, хотя в нем стоял сильный гарнизон, был сдан лордом Таффом.[28] Заняв Эстионаж (октябрь), Кромвель переправился через Барроу и завладел Пасседжем и Карриком. Перед англичанами больше не было иных препятствий, кроме тех, которые объяснялись поздним временем года и крайней усталостью войск. Солдаты массами гибли от дизентерии и заразных болезней, в Уэксфорде умер сам полковник Джонс, доблестный комендант Дублина. Между тем Кромвель уже успел так далеко продвинуться со своей ослабленной армией, что поиск для нее провианта во враждебной стране, как и отход к собственным базам, стал делом весьма затруднительным. Но в то самое время, когда он находился в столь бедственном положении, английские гарнизоны Корка, Кинсейла и прочих крепостей Манстера перешли на его сторону и, открыв ему ворота, решили разделить судьбу победоносных соотечественников (ноябрь).

Измена англичан окончательно уничтожила авторитет Ормонда, сильно подорванный неудачами при Дублине, Дрогеде и Уэксфорде. Ирландцев, движимых национальными и религиозными предрассудками, уже невозможно было удержать в повиновении наместнику-протестанту, столь неудачливому во всех своих предприятиях. Католическое духовенство еще раз отлучило от церкви Ормонда и всех его сторонников, прибавив таким образом суеверные страхи к тому ужасу, который внушали ирландцам торжествующие враги. Между тем Кромвель, получив из Англии подкрепления, ранней весной следующего года вновь выступил в поход. Он взял Килкенни и Клонмель, единственные крепости, где ему было оказано упорное сопротивление. Союз сторонников короля в Ирландии к этому времени совершенно распался, и Ормонд вскоре покинул остров, передав свои полномочия Кларинкарду; но тот обнаружил, что дела роялистов находятся в безнадежном положении, поправить которое нет никакой возможности. Теперь ирландцы готовы были искать спасения в бегстве из страны: более сорока тысяч человек решили перейти на иностранную службу, и Кромвель, весьма довольный тем, что сможет наконец освободить остров от врагов, которые никогда не сумеют искренне примириться с англичанами, позволил им беспрепятственно садиться на корабли и плыть за границу.

Пока Кромвель с неизменным успехом действовал в Ирландии, которую за девять месяцев ему удалось почти полностью усмирить, судьба готовила для него новое поприще побед и триумфов в Шотландии. Карлу (он жил тогда в Гааге) сэр Джозеф Дуглас привез известие, что шотландский парламент провозгласил его королем. При этом Дуглас сообщил ему о суровых условиях, прилагавшихся к парламентской декларации, чем сильно испортил ту радость, которую мог почувствовать Карл, признан-

ный наконец законным государем в одном из своих королевств К тому же Карл принимал в расчет, что люди, заявляющие о признании его прав на престол, в это самое мгновение находятся в состоянии открытого мятежа против его фамилии, и потому наверняка предоставят ему лишь тень власти и едва ли пожелают обеспечить личную свободу и безопасность А поскольку ход дел в Ирландии внушал тогда известные надежды, Карл решил попытать счастья в этом королевстве, где рассчитывал встретить более искреннюю покорность и повиновение

Между тем он нашел нужным срочно покинуть Голландию В Соединенных Провинциях судьба его вызывала самое глубокое сочувствие Он находился в родстве с Оранским домом,[29] прямо-таки обожаемым простонародьем, кроме того, все без исключения голландцы, видя бедственное положение короля, испытывали к нему искреннее сострадание и громко возмущались убийством его отца — деянием, к которому, как они полагали, только бешеный фанатизм и партийная злоба могли толкнуть английский парламент Но хотя народ в целом относился к королю весьма благосклонно, Генеральным Штатам его присутствие внушало немалую тревогу Они страшились английского парламента, столь грозного своей силой и столь удачливого во всех своих предприятиях, они чувствовали, что люди столь неистового и надменного нрава способны обратиться к самым резким и безрассудным мерам А после убийства Дорислауса Штаты сочли еще более необходимым поскорее удовлетворить Английскую республику, удалив из своей страны английского короля

Дорислаус был уроженцем Голландии, однако долгое время жил в Англии, выступив в роли юрисконсульта при Верховной палате правосудия, осудившей на смерть последнего короля, он завоевал величайшее доверие и благосклонность господствующей партии В качестве посланника Дорислауса отправили в Голландию, но едва он прибыл в Гаагу, как на него напали несколько роялистов, главным образом из числа товарищей Монтроза Они ворвались в комнату гостиницы, где Дорислаус находился с каким-то людьми, вытащили его из-за стола и тут же предали смерти — как первую жертву памяти их злодейски убитого государя, после чего преспокойно удалились, и хотя голландские власти отдали приказ найти их и арестовать, распоряжение это исполнялось с такой медленностью и неохотой, что все без исключения преступники сумели скрыться

Между тем Карл, проведя некоторое время в Париже, где ему не оказали никакой помощи и даже обходились с ним без особой учтивости, уехал на остров Джерси, по-прежнему признававший его власть Туда, в качестве представителя шотландского комитета сословий, явился Уинрам, лорд Либертон,[30] и сообщил Карлу об условиях, которые тот непременно должен был принять, прежде чем его смогут допустить к осуществлению монаршей власти Никогда еще подданные не ставили своим государям условий более суровых, но поскольку в Ирландии дела у роялистов шли весьма скверно и король уже не считал для себя безопасным лично отправляться на этот остров, то он дал Уинраму вежливый ответ и пред-

ложил шотландцам послать своих комиссаров в Бреду, где он встретится с ними для переговоров касательно упомянутых условий.

КОВЕНАНТЕРЫ

Графы Кассилис и Лотиан, лорд Берли,[31] лорд Либертон вместе с другими комиссарами прибыли в Бреду, однако без каких-либо полномочий на ведение переговоров: король должен был полностью подчиниться представленным ему условиям Условия же эти были таковы: Карлу следует издать прокламацию, удаляющую от двора всех отлученных от церкви лиц, иначе говоря, всех тех, кто под началом Гамильтона или Монтроза рисковал своей жизнью ради его династии; ни один английский подданный Карла, воевавший против парламента, не должен отныне иметь доступа к особе монарха; Карл должен дать свое королевское слово, что он примет Ковенант; он должен утвердить все акты парламента, которыми были введены пресвитерианские символ веры, церковное управление, служебник и катехизис; наконец, во всех светских делах он должен полностью подчиняться руководству парламента, а в делах духовных — мнениям генеральной ассамблеи. Посвятив некоторое время проповедям и молитвам, дабы укрепить свою решимость перед свиданием с королем, шотландские комиссары с великой торжественностью вручили ему эти предложения.

Мнения друзей короля относительно того, как следует ему поступить в столь затруднительных обстоятельствах, разделились. Большинство английских советников Карла убеждали его не принимать столь невыгодных и позорных условий. Они указывали на то, что люди, правящие ныне в Шотландии, являются наиболее бешеными и фанатичными приверженцами той самой партии, которая вначале, несмотря на кроткое правление покойного короля, подняла против него бунт, затем, после громадных уступок с его стороны, возобновила свои мятежные действия, воспрепятствовав тем самым дальнейшим успехам королевского оружия в Англии, и, наконец, когда он, оказавшись в крайне бедственном положении, доверил шотландцам свою особу, продала его самым подлым образом — вместе с собственной честью — его жестоким врагам; что эти лица не обнаружили до сих пор ни малейших признаков раскаяния и даже в предложенных ими условиях ясно высказали те же антимонархические принципы, то же злобное недоверие к своему государю, которые всегда руководили их действиями; что для Карла не может быть ничего более постыдного, чем ради пустого имени короля пожертвовать теми принципами, за которые принял мученическую смерть его отец и в которых неизменно воспитывался он сам; что подобный акт лицемерия может оттолкнуть от него роялистов, которые одни искренне ему преданы, но никогда не привлечет на его сторону пресвитериан, которые ненавидят его династию и его дело,

а уступчивость Карла станут объяснять единственно лишь политическими расчетами и жестокой необходимостью; что шотландцы не пожелали дать ему какие-либо гарантии того, что они намерены восстановить его на английском троне, и если даже удастся убедить их сделать подобную попытку, то исход «ингейджмента» Гамильтона ясно показал, сколь недостаточны их силы для столь серьезного предприятия; что при первой же неудаче Аргайл и его сторонники воспользуются самым простым и быстрым способом примириться с английским парламентом и выдадут Карла — как прежде выдали его родителя — в руки его врагов; и что каким бы отчаянным ни казалось теперь положение роялистов, со стороны короля было бы величайшим безрассудством принести в жертву свою честь, получив взамен лишь новую угрозу для своей жизни или свободы.

Вместе с королем находились тогда герцог Гамильтон (прежний граф Ланерик), граф Лодердейл[32] и другие сторонники этой партии, изгнанные из Шотландии за участие в «ингейджменте» 1648 года; желая вернуться домой в его свите, они присоединились к мнению молодого герцога Бекингема и упорно настаивали на том, чтобы Карл подчинился навязанным ему условиям. Они всячески пытались доказать, что враги короля будут в совершенном восторге, если он попадется в приготовленную для него ловушку и, проявив неуместную щепетильность, оставит свои владения в руках тех, кому нужен лишь какой-нибудь предлог, чтобы объявить его лишенным прав на престол; что Аргайл, не осмеливаясь идти наперекор общему настроению нации настолько, чтобы отвергнуть всякий долг верноподданства, решил прибегнуть к этой коварной уловке, с помощью которой он надеется заставить Карла отказаться от предложенного ему королевства и таким образом низложить самого себя; что после того как Карл, положившись на преданность своих подданных, доверится им вполне, любовь народа к государю, умело поощряемая Гамильтоном и его партией, станет, несомненно, еще сильнее и в значительной мере смягчит те суровые условия, которые навязывают королю ныне; что какими бы ни были теперешние планы господствующей в Шотландии партии, она неизбежно окажется вовлеченной в войну с Англией и ей, чтобы выдержать борьбу с несравненно более мощной державой, поневоле придется принять помощь всех сторонников короля, к какой бы партии они ни принадлежали; что пусть даже твердый и последовательный образ действий вполне подобал зрелому возрасту и строгим обязательствам покойного короля, никто не станет порицать юного государя, если он примет условия ковенантеров, уступив жестокой необходимости; что самая строгость тех убеждений, которые исповедовал его отец, хотя и возвысила в глазах иных людей его репутацию, оказалась в высшей степени пагубной для его интересов, между тем для дела роялистов не может быть ничего более полезного, чем внушить всем партиям надежду на более мягкие и справедливые максимы правления; что уже находясь в столь отчаянном положении, едва ли стоит смущаться каким-либо новыми опасностями; и что истинная слава короля состоит скорее в том, чтобы как можно раньше проявить собственное

мужество и энергию, нежели в том, чтобы неизменно держаться какой-то одной стороны в спорах по теологическим предметам, с которыми, как всякий вправе предположить, он даже не успел должным образом познакомиться.

Эти доводы, поддержанные настойчивыми советами королевы-матери и принца Оранского, зятя короля, которые находили нелепым отказываться от короны из одной лишь преданности епископату, оказали на Карла заметное действие. Но главной причиной, побудившей его уступить ковенантерам, стало другое: он получил известие о печальной судьбе Монтроза, преданного смерти фанатическими соотечественниками, которые в дикой своей свирепости постарались сделать его казнь как можно более позорной. Хотя это событие с еще большей очевидностью показало королю, сколь яростный дух владеет ныне шотландцами, других союзников и средств у Карла больше не осталось, и он вынужден был согласиться на все, чего от него требовали.

ПЛЕНЕНИЕ МОНТРОЗА

Положив оружие по приказу покойного короля, Монтроз удалился во Францию и, вопреки своему природному нраву, провел некоторое время в Париже в совершенном бездействии. Там он познакомился с кардиналом де Рецем,[33] и этот проницательный человек прославил его в своих мемуарах как одного из тех героев, которых уже не найти в современном мире и которые встречаются лишь у Плутарха.[34] Желая усовершенствовать свои воинские таланты, Монтроз отравился в Германию, был обласкан императором, получил звание маршала и вызвался набрать полк солдат для имперской службы. Занимаясь этим в Нидерландах, он узнал о страшной смерти короля и в то же время вновь получил от своего молодого господина полномочия главнокомандующего королевскими войсками в Шотландии.[9] Человек пылкого и отважного духа, Монтроз нуждался единственно лишь в этом полномочии, чтобы немедленно начать действовать. В Голландии и северной Германии он собрал отряд из людей, привлеченных блеском его славы. Король датский и герцог голштинский послали ему немного денег, королева шведская предоставила оружие, принц Оранский — корабли, и Монтроз, не желая более терять времени (он опасался, что соглашение шотландцев с королем вынудит последнего отменить его полномочие), отплыл к Оркнейским островам, имея под своим началом около пятисот человек, большей частью немцев. Это было все, что мог он противопоставить целому государству, которое находилось в состоянии внутреннего мира, располагало дисциплинированной армией, было осведомлено о всех его замыслах и как следует подготовилось к борьбе. Сподвижники Монтроза сообщили ему пророчество о том, что **ему и только ему суждено восстановить власть короля во всех его вла-**

дениях, и маркиз весьма охотно внимал такого рода рассказам, которые, при всей своей несообразности и неправдоподобии, прекрасно соответствовали его дерзкому и бесстрашному характеру

Он поднял часть жителей Оркнейских островов (народ, впрочем, не слишком воинственный) и повел их в графство Кейтнесс в надежде, что всеобщее сочувствие к королю и слава его, Монтроза, прежних подвигов заставят шотландских горцев толпами стекаться под его знамена Но войны и смуты успели всех измучить и утомить, многие из тех, кто когда-то поддерживал Монтроза, были жестоко наказаны ковенантерами, а борьба со столь грозным войском, собранным против него, не сулила теперь никаких надежд на успех Однако, несмотря на нынешнюю слабость Монтроза, память о событиях прошлого внушила комитету сословий страшную тревогу Комитет тотчас же приказал Лесли и Холборну выступить против него с четырехтысячной армией, в авангарде, с задачей остановить продвижение Монтроза, был послан кавалерийский отряд Страхана Последний внезапно напал на Монтроза, который, совершенно не располагая конницей, не мог получить известий о близости неприятеля Обращенные в бегство, роялисты были изрублены и взяты в плен до последнего человека, а сам Монтроз, переодевшись крестьянином, пытался найти убежище у одного из своих друзей, который вероломно выдал его в руки врагов

Против Монтроза, столь для них страшного и ненавистного, ковенантеры обратили всю оскорбительную дерзость, которую только может породить успех в душах мелких и трусливых Богословская злоба заставила их подвергнуть еще большим унижениям этого человека, которого по причине наложенного на него церковью отлучения они считали нечестивцем Несколько дней Лесли вел его под конвоем в том самом убогом платье, в которое переоделся он, спасаясь от погони, всюду, где проходил Монтроз, чернь, подстрекаемая властями, осыпала его бранью и проклятиями Когда же Монтроза доставили в Эдинбург, он, по приказу парламента, был подвергнут самым изощренным в своей рассчитанной жестокости оскорблениям У ворот его встретили городские власти, после чего Монтроза пересадили в другую тележку, на которой, чтобы толпа могла видеть его в полный рост, было установлено нечто вроде высокого сиденья или скамьи Его связали веревками, которые охватывали грудь и плечи и крепились через проделанные в тележке отверстия Правивший ею палач, одетый в ливрею и с беретом на голове, сорвал с благородного пленника шляпу, после чего поезд тронулся, впереди шли по двое офицеры, захваченные вместе с маркизом

Видя столь грозную перемену в судьбе этого великого мужа, еще недавно внушавшего ей страх и трепет, человека, которому за несколько лет до этого городские власти, стоя на коленях, вручали ключи от столицы, чернь выказала теперь больше доброты и великодушия и, охваченная состраданием, взирала на него с изумлением и немыми слезами В следующее воскресенье проповедники жестоко обличали это, как они выража-

лись, «движение греховного естества», упрекая народ за безбожное сочувствие к заклятому врагу благочестия и религии.

Когда Монтроза привели на заседание парламента, канцлер Лаудон в бешеной и грубой речи обвинил его в нарушении ковенанта, в мятеже против Бога, короля и королевства и во множестве ужасных убийств, измен и нечестивых деяний, за которые ожидает его теперь заслуженная кара. В своем ответе Монтроз выказал гордое чувство превосходства над своими врагами; чувство, на которое слава его великих подвигов и сознание правоты защищаемого им дела давали ему полное право. Он заявил членам парламента, что поскольку король, как ему стало известно, признает теперь их полномочия до такой степени, чтобы вести с ними переговоры, то он, Монтроз, явился перед их трибуналом с непокрытой головой — знак уважения, которого тщетно стали бы они требовать от него прежде, когда открыто отказывали своему монарху в повиновении; что сам он с мучительным раскаянием и стыдом признает свои прошлые заблуждения, когда, обманутый их лицемерными речами, он встал вместе с ними на путь мятежа и поднял оружие против своего государя и своей страны; что услуги, оказанные им королю впоследствии, в достаточной мере, как он надеется, доказали искренность его раскаяния, а тот единственный грех, который по справедливости мог бы он ставить себе в вину, вскоре искупит смерть; что во всех своих военных препятствиях он действовал в согласии с полномочием, полученным от его и их общего государя, против законной власти коего подняли они тогда знамя мятежа; что готовность рисковать ради государя жизнью он почитает наименьшим из своих достоинств, ибо в свое время, повинуясь священной воле короля, он положил оружие и уступил им победу, которую, вопреки всем их усилиям, все еще мог у них с успехом оспаривать; что он никогда не проливал человеческой крови иначе, как на поле битвы, а многие из тех, кого он видит сейчас перед собой и кто не постыдился вынести ему смертный приговор, когда-то по всем законам войны могли быть преданы смерти, но были спасены им, Монтрозом, от ярости солдат; что ему горестно видеть, что они не нашли лучшего способа засвидетельствовать свое возвращение к верноподданническому долгу, чем беззаконное убийство одного из самых преданных слуг короля, чья казнь станет дерзким вызовом и полным попранием королевского полномочия, что же касается до него, Монтроза, лично, то напрасно старались они опорочить и унизить его всеми этими рассчитанными оскорблениями: он твердо знает, что справедливость его дела возвысит и облагородит любую судьбу, и скорбит лишь о том, что власть, коей облек его государь, подвергается в его лице такому позору и поношению; и наконец, что он с великой радостью идет по стопам своего покойного государя, павшего жертвой такого же несправедливого приговора, и будет воистину счастлив, если и в будущей жизни сможет последовать за ним в те блаженные обители, где своим благочестием и кроткими добродетелями он, вне всякого сомнения, уже заслужил себе вечную награду.

Затем бы объявлен приговор «Джеймса Грэхема (другим именем судьи его не удостоили) отвезти завтра к развилке у городских ворот и там повесить на виселице высотой в тридцать пять футов, по прошествии трех часов снять, голову отрубить на эшафоте и выставить на здании тюрьмы, а руки и ноги — в четырех главных городах королевства, тело его — если он прежде не покается и церковь не снимет с него отлучения — зарыть там, где обыкновенно закапывают преступников»

Пресвитерианские священники, вообразив, будто страх близкой смерти сломил Монтроза и теперь они обладают моральным преимуществом над своим врагом, обступили его толпой, злобно радуясь его несчастьям Они предали его проклятию, заверив при этом, что ожидающая его вскоре казнь станет лишь легким, безболезненным переходом к иной каре, которой подвергнется он впоследствии, после чего предложили вместе помолиться Но Монтроз был слишком хорошо знаком с теми поношениями, которые именовались на их языке молитвами «Господи, да будет угодно Тебе явить нам милость свою, смягчив ожесточившееся сердце этого гордого, неисправимого грешника, этого злодея, клятвопреступника, изменника и нечестивца, упорно не желающего внимать голосу Церкви Твоей» — именно с такого рода просьбами, полагал Монтроз, и вознамерились они, следуя своему обыкновению, обратиться на его счет к небесам Он сказал священникам, что они, сами жалким образом обманутые и теперь обманывающие других, скоро приведут свою страну к ужаснейшему рабству, подобного которому не знала еще ни одна нация «Что до меня, — добавил Монтроз, — то я гораздо больше горжусь тем, что голову мою выставят в том месте, где определил ей быть суд, чем если бы мой портрет оказался в покоях короля И меня вовсе не печалит, что мое четвертованное тело разошлют по четырем городам королевства, — напротив, я бы желал иметь столько членов, чтобы их можно было отправить во все города христианского мира, — как свидетельства в пользу того дела, за которое принимаю я свои муки!» В тот же вечер, находясь в тюрьме, Монтроз переложил эти мысли в стихи, они сохранились как замечательный памятник его героического духа и доказательство незаурядного поэтического дарования

КАЗНЬ МОНТРОЗА

И вот, посреди злобных оскорблений врагов и искренних слез народа, этого великого человека, принадлежавшего к знаменитой фамилии и пользовавшегося в Шотландии величайшей славой, человека, виновного лишь в том, что он хранил верность законам своей страны и защищал права своего государя, повели на позорную казнь, предназначенную для самых гнусных и худородных преступников (21 мая) Все старания господствующей партии сломить его дух грубой дерзостью оказывались до сих пор тщетными, и, однако, теперь, в последние скорбные минуты его жиз-

ни, когда вражда, возникающая из чисто человеческих причин, обыкновенно смягчается и утихает, эти люди предприняли еще одну попытку. Палач принес книгу, где на изящной латыни были описаны воинские подвиги Монтроза, и повесил ему на шею. Новое проявление их злобы вызвало у Монтроза улыбку. Поблагодарив своих врагов за столь услужливое рвение, он сказал, что этим зримым свидетельством собственного мужества и верности он гордится больше, чем даже орденом Подвязки. Затем Монтроз спросил, не угодно ли им оскорбить его как-нибудь еще, произнес с волнением несколько слов, исполненных благочестивых чувств, и когда палач приготовился закончить свое дело, встретил смерть со спокойной твердостью.

Так, в возрасте тридцати семи лет, умер доблестный маркиз Монтроз; человек, который как личной храбростью, так и полководческим талантом затмил достоинства других военачальников, действовавших во всех трех королевствах в эпоху этих гражданских смут. В молодости он с успехом занимался и более изящными искусствами; все возвышенное, благородное и прекрасное трогало его высокую душу. Он не был также безразличен к удовольствиям общества и к радостям любви. Однако в характере и действиях Монтроза всегда присутствовало нечто **грандиозное** и **необузданное**, и лишь героическим усилием собственной воли, проникнутой сознанием верноподданнического долга, мог этот человек, не терпевший над собой превосходства и ревновавший даже к тем, кто был ему равен, принудить себя к столь безусловному повиновению воле своего государя.

Смерть Монтроза не смогла утолить жажду мщения, овладевшую ковенантерами. Тогда же был казнен Уррей, чье непостоянство привело его на сей раз в лагерь сторонников короля; Споттисвуда из Дарси, юношу восемнадцати лет, сэра Фрэнсиса Хэя из Далгети и полковника Сибальда — людей знатный и уважаемых, взятых в плен вместе с Монтрозом, — постигла та же судьба.[35] Примерно за год до этого жертвой свирепости ковенантеров пал маркиз Гентли.

Только что описанные события с полной очевидностью являют нам жестокость этой богословской партии, последующее в достаточной мере продемонстрирует ее глупость.

КОВЕНАНТЕРЫ

В соответствии с соглашением, которое заключил король с шотландскими комиссарами, он отплыл в эту страну (23 июня) и под прикрытием семи голландских кораблей, отправленных для защиты рыбаков, занимавшихся промыслом сельди, прибыл к устью реки Кромарти. Прежде чем ему было позволено сойти на берег, Карл должен был подписать ковенант и терпеливо выслушать множество проповедей и наставлений, призывав-

ших его хранить верность этому святому союзу.[10] Гамильтону, Лодердейлу, Данфермлину[36] и другим вельможам из той партии, которую ковенантеры называли «ингейджерами», приказали немедленно покинуть короля и удалиться в свои поместья, где жили они впоследствии на положении частных лиц, лишенных власти и отстраненных от всякого участия в общественных делах. Ни одному из английских друзей Карла, служивших его отцу, не разрешили остаться в Шотландии. Сам король вскоре обнаружил, что в нем видят лишь пустой символ государства, а те жалкие остатки монаршей власти, которыми он все еще обладал, лишь навлекают на него новые оскорбления. Одна из частей четвертованного тела Монтроза — его верного слуги, действовавшего по его прямому поручению, — была отправлена в Абердин и выставлена над городскими воротами, и когда мимо проезжал король, ее даже не потрудились снять.[11] Генеральная ассамблея, а затем армия и комитет сословий, безропотно выполнявшие ее волю, опубликовали декларацию, где торжественно заявлялось, что «они не намерены присоединяться к какой-либо из малигнантских партий и поддерживать ее дело, но будут продолжать борьбу во имя своих прежних целей и принципов; что они осуждают все грехи и преступления короля и его дома, а признавать его права и отстаивать его интересы будут лишь при условии подчинения последних интересам Господа и лишь постольку, поскольку он сам будет готов выступить на стороне Божьего дела, а также покаяться в своих прежних проступках и в грехах своей династии».[12]

Оказавшись в полной власти этих мрачных и жестоких фанатиков и не имея иных гарантий безопасности и личной свободы, кроме тех, какие им самим угодно было ему предоставить, король принужден был пойти на шаг, оправдать который можно было лишь его молодостью и крайней неопытностью, а также абсолютной безвыходностью его положения. Он издал декларацию, которой добивались от него ковенантеры.[13] В ней Карл благодарил милосердное Провидение, волей коего он был освобожден из сетей зла, вполне постиг истину ковенанта и был подвигнут к тому, чтобы всецело предаться Господу и на него одного возложить все свои упования; он глубоко каялся и тяжко скорбел в духе своем из-за того, что его родитель шел некогда путями нечестия, противясь ковенанту и делу Реформации и проливая кровь народа Божьего во всех своих королевствах; он оплакивал идолопоклонство своей матери и терпимость к нему в доме отца — страшное оскорбление всем протестантским церквам и дерзкий вызов Тому, кто есть Бог ревнивый, карающий детей за грехи отцов; он торжественно заверял, что отныне не будет у него иных врагов, кроме врагов ковенанта, что он ненавидит папизм, суеверие, прелатство, ересь, раскол и нечестие и полон решимости не допускать, а тем более не поощрять в своих владениях подобные мерзости; он заявлял, что никогда не будет дарить свою благосклонность и оказывать покровительство тем порочным людям, которые ставят его интересы выше интересов Евангелия и царствия Иисуса Христа; наконец, он выразил надежду на то, что, какие

бы неудачи ни постигли его дело из-за его прежних грехов, ныне, когда он, подчинив свое дело делу Бога, снискал милость Всевышнего и оказался на Его стороне, божественное Провидение непременно благословит его оружие победой.

Но духовенство и ковенантеры по-прежнему не верили в искренность короля Необыкновенная легкость, с которой соглашался он на все, что от него требовали, внушила им подозрение, что в собственных уступках король видит лишь нелепый фарс, в котором участвует единственно лишь по необходимости. А потому они приготовили для него новое испытание. Торжественный обряд коронации был отложен на более поздний срок, вместо этого они решили, что король должен публично явить свое смирение и принести покаяние перед всем народом. Двенадцать пунктов, по которым королю надлежало каяться, были направлены ему в виде особой очистительной декларации, и он согласился подвергнуться этому позору. В декларации вновь и в весьма суровых выражениях описывались всевозможные грехи его отца и деда; не было забыто и идолопоклонство его матери; кроме того, от короля требовали еще раз торжественно заявить, что восстановления собственных монарших прав он желает единственно лишь в видах служения делу религии и твердо намерен подчинять их интересам царствия Христова.[14] Одним словом, поставив алтарь выше трона и дерзко поправ ногами королевское достоинство, священники, пользуясь своим безграничным влиянием, делали все, чтобы еще сильнее втоптать его в грязь, а их несчастный государь должен был безропотно сносить все эти оскорбления.

Карл ясно видел, что всякая действительная власть у него отнята, а его сан унижен и посрамлен. Его не приглашали к участию в каких-либо советах, с его мнением совершенно не считались в государственных делах, его личного расположения было достаточно, чтобы дискредитировать любого претендента на какой-либо пост или должность. Все попытки короля примирить враждующие партии лишь усиливали подозрения, которые питали на его счет ковенантеры, не видевшие в нем своего настоящего союзника. Аргайл, который, употребляя попеременно хитрость и уступчивость, отчасти руководил этой безумной кликой, а отчасти следовал за ней, оставался совершенно глух ко всем намекам и авансам короля, желавшего войти с ним в более доверительные отношения. **Малигнанты** и **ингейджеры**[37] по-прежнему возбуждали всеобщую ненависть и подвергались жестоким преследованиям, и любой неугодный духовенству человек непременно получал одну из этих кличек. Господствовавший тогда в Шотландии фанатизм, исполненный злобной нетерпимости и крайнего ожесточения и столь охотно искавший всюду новых врагов, нашел для себя еще один предмет ненависти — им стали так называемые колдуны. Вера в реальность ведовства была столь сильной, что по обвинению в этом преступлении судьи отправили на костер великое множество людей. В одной деревеньке близ Бервика, где имелось всего лишь четырнадцать дворов, сожгли четырнадцать человек.[15] Возникла целая наука о том, по каким

именно признакам и с помощью каких испытаний можно распознать настоящую ведьму, и эту отрасль знания с величайшим усердием изучали по всей стране [16]

Даже наступление английской армии под командованием Кромвеля не смогло прекратить или хотя бы смягчить взаимную вражду шотландских партий духовенство по-прежнему добивалось отстранения от общественных дел всех, кто не принадлежал к числу его фанатичных приверженцев Как только английский парламент обнаружил, что переговоры шотландцев с королем приведут, судя по всему, к соглашению, он начал готовиться к войне, которая, как он понимал, стала теперь неизбежной В Англию срочно вызвали Кромвеля, сломившего к этому времени силу и дух ирландцев, он передал свои полномочия Айртону, и впоследствии тот управлял Ирландией в качестве наместника, с величайшим упорством продолжая дело подчинения и обезземеления ее жителей

Парламент рассчитывал, что Ферфакс, по-прежнему сохранявший звание главнокомандующего, согласится выступить во главе английской армии против шотландцев он вполне заслуживал этот пост по своим воинским дарованиям и лишь в этом качестве мог теперь играть сколько-нибудь достойную себя роль Но хотя в свое время Ферфакс позволил армии прикрыться его именем, чтобы совершить насилие над парламентом и злодейски умертвить государя, с мыслью о нападении на шотландцев, которых сам он считал ревностными пресвитерианами, связанными с Англией священными узами ковенанта, его совесть никак не могла примириться Крайние меры, к которым его подтолкнули в прошлом, внушали ему теперь глубокое отвращение, и это чувство еще сильнее укрепляли в нем увещания супруги,[38] имевшей на него огромное влияние и, в свою очередь, находившейся под воздействием пресвитерианского духовенства Чтобы уговорить Ферфакса, парламент направил к нему своих комиссаров, одним из которых был Кромвель Напрасно твердили они о том, что шотландцы, вторгшись в Англию под предводительством Гамильтона, первыми нарушили ковенант и что они наверняка возобновят свои враждебные действия, если только республика не предупредит их собственными решительными мерами Кромвель, отлично знавший, сколь непреклонен и строг Ферфакс во всем, что считает он делом принципа, с величайшим жаром пытался его переубедить и даже пролил тогда слезы печали и огорчения Кто бы мог заподозрить в каких-либо честолюбивых замыслах человека, столь упорно стремившегося удержать своего воинского начальника на том высоком посту, которого, чего он не мог не понимать, был вполне достоин сам? Тот же пылкий нрав, превращавший Кромвеля в неистового фанатика, делал его опаснейшим из лицемеров, и этой черте своего характера, не меньше чем мужеству и недюжинным способностям, он был обязан всеми своими поразительными успехами Заражая окружающих своим бешеным энтузиазмом, он побуждал всякого содействовать ему, с легкостью и воодушевлением входя в любую роль, какую только угодно ему было играть, Кромвель — даже после множества разоблаченных об-

манов — мог прикрыть бурной вспышкой страсти все свои темные интриги и коварные уловки.

Ферфакс подал в отставку, и на его место был назначен Кромвель, объявленный главнокомандующим всеми войсками в Англии. В республике, державшейся исключительно на силе оружия, пост этот имел громадное значение, и, получив его, этот хитрый и честолюбивый политик сделал самый важный из всех шагов, предпринятых им до сих пор на пути к высшей власти. Немедленно двинув свои войска в поход, Кромвель вступил в Шотландию с армией в шестнадцать тысяч человек.

Командование шотландской армией было поручено Лесли,[39] опытному военачальнику, разработавшему довольно удачный план обороны. Он расположил свои войска в укрепленном лагере между Эдинбургом и Лейтом и позаботился очистить графство Мерс и Лотианс от всего, что могло бы служить продовольствием для английской армии. Кромвель подступил к шотландскому лагерю, пытаясь всевозможными уловками вызвать Лесли на сражение, но благоразумный шотландец, понимая, что его армия, хотя и превосходит неприятеля числом, сильно уступает ему в выучке и дисциплине, тщательно остерегался покидать свои позиции. Он задался целью поднять дух своих солдат посредством мелких стычек и вылазок, и весьма в том преуспел. День ото дня армия его росла числом и крепла мужеством. Между тем в лагерь прибыл король и, достойно показав себя в деле, завоевал сердца солдат, более желавших служить под началом храброго и энергичного юного государя, нежели какого-то комитета из штатских болтунов. Священники встревожились. Они приказали Карлу немедленно покинуть лагерь, в армии же устроили суровую чистку, удалив из нее около четырех тысяч **малигнантов** и **ингейджеров** — самых опытных и уважаемых в стране солдат, которые шли за королем, повинуясь пылкому чувству чести.[17] После этого священники заключили, что имеют отныне под своим началом армию, состоящую из одних лишь праведников, а потому непобедимую. Они громко роптали не только на своего осторожного генерала, но и на Господа Бога, ибо тот все еще медлил послать им избавление,[18] и без обиняков заявляли Создателю, что если он не спасет их от английских сектантов, то они перестанут признавать его своим Богом.[19] А когда в один из воскресных дней представилась благоприятная возможность атаковать неприятеля, духовенство, дабы не вовлечь нацию в страшный грех несоблюдения субботы, не позволило своему главнокомандующему ею воспользоваться.

Кромвель оказался в чрезвычайно тяжелом положении. Подвоз провианта его армии мог осуществляться только морем. Ранее Кромвель не принял надлежащих мер к тому, чтобы заготовить достаточные запасы продовольствия, и теперь английские солдаты жестоко страдали. Он отступил к Денбару. Лесли двинулся за ним и расположился лагерем на Ламмермурских холмах, господствовавших над городом. Между Денбаром и Бервиком имелось немало труднопроходимых ущелий; Лесли занял их своими войсками. Положение английского главнокомандующего стало

отчаянным. Он даже решился отправить в Англию морем всю свою пехоту и артиллерию, а самому, невзирая на громадный риск, прорываться вместе с кавалерией. Безрассудство шотландского духовенства спасло его от поражения и позора.

БИТВА ПРИ ДЕНБАРЕ

День и ночь священники боролись с Господом (так это называлось на их языке) и наконец вообразили, что победа им обеспечена. Им было откровение, твердили они, что армия сектантов и еретиков, вместе с самим Магогом,[40] т. е. Кромвелем, предана в их руки. Уверовав в эти видения, они заставили своего генерала, вопреки его возражениям, спуститься в долину, чтобы атаковать англичан в их убежище. Кромвель, заметив в подзорную трубу, что неприятельский лагерь пришел в движение, без помощи откровений свыше предсказал, что Бог предает шотландцев в его руки, и тотчас же отдал распоряжения об атаке (3 сентября). В этой битве с ясностью обнаружилось, что на войне ничем нельзя заменить опыт и дисциплину и что перед лицом действительной опасности, если люди к ней как следует не приучены, пары религиозного энтузиазма мгновенно рассеиваются, утрачивая всякое влияние на солдат. Шотландцы, хотя и превосходившие неприятеля вдвое числом, были быстро обращены в бегство; преследовавшие их победители устроили им жестокую резню. Самое упорное, если не единственное сопротивление оказал полк горцев, т. е. именно та часть армии, которая менее всего была заражена религиозным фанатизмом. Более полную победу, чем та, которую одержал при Денбаре Кромвель, невозможно себе представить. Около трех тысяч неприятельских солдат было перебито, девять тысяч попало в плен. Развивая свой успех, Кромвель овладел Эдинбургом и Лейтом. Остатки шотландской армии бежали к Стирлингу. Приближение зимы и свалившая Кромвеля лихорадка помешали ему добиться новых успехов.

Священники предались воплям и стенаниям; они заявили Господу, что для них ничего не значит жертвовать жизнью и состоянием, зато для него — великий ущерб допустить гибель своих избранников.[20] Они опубликовали декларацию с изложением причин недавних несчастий. Кару Божью духовенство объясняло всевозможными прегрешениями королевской династии, в которых сам король, как подозревали священники, все еще не покаялся в должной мере; тайным проникновением малигнантов в королевскую семью и даже в военный лагерь; оставлением в рядах армии страшных нечестивцев и малигнантов из гвардейской кавалерии — ее вызвали, дабы подвергнуть очищению, но когда она явилась в лагерь за два дня до битвы, ей позволили сражаться вместе с армией; тем, что многие, став на сторону короля, не подчинились религии и свободе, а также плотским своеко-

рыстием одних вкупе с пренебрежением семейными молитвами со стороны других.

Одержав блестящую победу мечом, Кромвель взялся теперь за перо, чтобы сразиться с шотландскими церковниками. Он написал им несколько полемических писем, в которых отстаивал главные положения индепендентной теологии.[41] Он также не преминул обратить против шотландских пресвитериан их излюбленный довод — ссылки на Провидение — и задал им вопрос: Разве не высказался против них Господь? Священники, однако, держались мнения, что те самые события, в которых их враги видят Божий суд, для них, шотландцев, являются лишь испытанием и что Бог лишь на время отвратил свое лицо от Иакова. Кромвель же упорно твердил, что к Богу воззвали самым ясным и торжественным образом и что на полях Денбара Господь вынес в пользу английской армии окончательный и неотменимый приговор.[21]

Король счел поражение шотландцев счастливым событием. Люди, сражавшиеся в той и другой армии, являлись его врагами почти в равной степени, и теперь побежденные оказались вынуждены предоставить ему больше власти и обратиться к нему за помощью. В Сент-Джонстоне был созван парламент. Гамильтон, Лодердейл и все ингейджеры были допущены ко двору и в армию — при условии, что они принесут публичное покаяние и выразят раскаяние в прежних своих поступках. Туда же под разными предлогами проникли и некоторые малигнанты. Задуманное поначалу унижение или покаяние короля заменили церемонией коронации, которая была совершена в Сконе с великой пышностью и торжественностью (1 января).

Однако, несмотря на все эти внешние знаки почета и уважения, Карл все еще оставался в руках самых непримиримых ковенантеров, и хотя Аргайл, человек даровитый и ловкий, обходился с ним весьма любезно и учтиво, король по сути был пленником и, как и прежде, в любой момент мог столкнуться с грубостью и педантством духовных лиц.

Среда, в которой вращался молодой государь, совершенно не соответствовала его характеру и склонностям. Все его прекрасные качества — открытый и приветливый нрав, остроумие, веселость, легкий и непринужденный тон настоящего джентльмена — здесь считали грехами, а в его любви к свободе, праздности и удовольствиям видели чудовищное преступление. Большой мастер по части изысканного притворства, он, однако, был чужд лицемерию святоши и никогда не мог надлежащим образом усвоить ужимки чопорного ханжества — столь верный и необходимый, по мнению ковенантеров, признак истинного обращения. Единственным английским придворным, допущенным к его особе, был герцог Бекингем, который совершенно очаровал короля своим изумительным талантом насмешника. Столько нелепых, достойных осмеяния предметов окружало их со всех сторон, что побороть искушения и сдержать смех было весьма затруднительно. Вынужденные с утра до вечера присутствовать на проповедях и молитвах, молодые люди невольно обнаруживали явные при-

знаки смертельной скуки и отвращения Духовенство же полагало, что король все еще не возродился духовно, и потому бесконечными выговорами, увещаниями и наставлениями упорно стремилось внушить Карлу более правильное понятие о его нравственных обязанностях

Совершенно обуздать страсть короля к прекрасному полу не было никакой возможности Как-то раз, находясь в обществе одной молодой дамы, он допустил некоторые вольности, эпизод не остался незамеченным был назначен особый комитет из священников, дабы поставить Карлу на вид, сколь неподобающим и неприличным является такое поведение для принявшего ковенант монарха Некто Дуглас, державший речь от имени комитета, сделал строгое лицо и начал весьма сурово, он уведомил Карла о великом возмущении всех благочестивых людей, вошел в подробности касательно гнусной природы греха, а заключил свой выговор убедительной просьбой всякий раз, когда в будущем его величество вновь почувствует желание развлечься, пусть он ведет себя осмотрительнее и закрывает окна Король не пропустил мимо ушей эту деликатность, столь неожиданную в подобной ситуации и в устах подобной особы, и в дальнейшем неукоснительно следовал совету Дугласа

Оскорбленный всеми этими унизительными сценами и, пожалуй, еще более измученный несносными формальностями, которым ему приходилось подчиняться, король предпринял попытку вырваться на свободу В это время в горах, выжидая удобного случая послужить своему господину, скрывался генерал Миддлтон[42] с группой роялистов, объявленных ковенантерами вне закона К его отряду и решил присоединиться король Он тайно ускользнул от Аргайла и бежал в сторону гор В погоню за ним был послан полковник Монтгомери с эскадроном кавалерии Он настиг короля и стал уговаривать его вернуться С Карлом было немного роялистов, и потому он с легкостью дал себя убедить Благодаря этому инциденту у короля прибавилось власти и с ним стали лучше обращаться ковенантеры опасались теперь толкнуть его своими чрезмерными строгостями к какому-нибудь отчаянному поступку Аргайл вновь принялся обхаживать короля, а король, притворщик не менее искусный, делал вид, будто вполне доверяет Аргайлу Он даже намекнул о своем намерении жениться на дочери этого вельможи, но человек, с которым имел дело Карл, был слишком умен, чтобы его можно было провести столь грубыми уловками

Как только позволила погода, шотландцы сосредоточили армию, командовали ею Гамильтон и Лесли, королю разрешили прибыть в лагерь Отряды западных графств, несмотря на страшную опасность, угрожавшую их стране, твердо решили не соединяться с армией, в которую были вновь допущены ингейджеры и малигнанты, и образовали особый корпус под начальством Кера Себя они называли **протестерами**, а их фанатичные священники обрушивались на короля с такой же яростью, как и на Кромвеля Другая партия получила наименование **резолюционеров**, и это различие еще долго сеяло в королевстве смуту и раздоры [43]

Карл расположился лагерем в Торвуде; его генералы решили держаться той же осторожной тактики, которая, пока от нее не отказались, приносила шотландцам успех в прошлую кампанию. В тылу у короля был город Стирлинг, а вся северная часть страны обеспечивала его армию провиантом. С фронта ее прикрывали сильные укрепления, и все попытки Кромвеля заставить Карла принять бой оказывались тщетными. Потеряв таким образом много времени, английский главнокомандующий приказал Ламберту переправиться через залив в графство Файф, чтобы отрезать неприятеля от баз снабжения. Ламберт атаковал отряд под начальством Холборна и Брауна и полностью его разгромил, нанеся шотландцам большие потери. Кромвель также переправился на другой берег залива и, выйдя в тыл королю, лишил его возможности и далее оставаться на прежних позициях.

Оказавшись в столь отчаянном положении, Карл принял решение, достойное юного государя, который сражается за свою державу. Имея перед собой открытый путь, он решил немедленно вести свои войска в Англию, где, как он рассчитывал, все его приверженцы и все недовольные существующим правительством станут массами стекаться под его знамена. Он убедил генералов в разумности этого плана, и, с общего их согласия, армия числом в четырнадцать тысяч человек снялась с лагеря и большими переходами двинулась на юг.

Для Кромвеля этот маневр королевской армии оказался неожиданным. Всецело занятый попытками нанести ущерб врагу, он поставил под прямой удар своих друзей и теперь видел, как король с крупными силами идет в Англию, где его присутствие, а также всеобщая ненависть к парламенту могли привести к большим потрясениям. Но если прежняя тактика Кромвеля была ошибкой, то он быстро исправил ее своей энергией и предусмотрительностью. Он отправил письма к парламенту, призывая его не поддаваться смятению при известии о приближении шотландцев; он повсюду разослал приказы собирать силы для борьбы с королем; он велел Ламберту с отрядом кавалерии держаться в тылу армии роялистов, постоянно тревожа и изматывая ее на марше; а сам, оставив в Шотландии Монка с семитысячным корпусом, чтобы завершить покорение этой страны, не теряя времени устремился в погоню за королем.

Надежды Карла на то, что в Англии его армия увеличится, не оправдались. Шотландцы, устрашенные перспективой столь рискованного предприятия, покидали его во множестве. Английские пресвитериане, не предупрежденные заранее о приближении короля, не были готовы присоединиться к нему. Для роялистов этот шаг оказался не менее неожиданным; к тому же от присоединения к шотландцам их удерживал приказ комитета священников, запрещавший, даже в столь отчаянном положении, принимать в армию лиц, не желающих присягать ковенанту. Граф Дерби,[44] оставив остров Мэн, где он до сих пор сохранял независимость, занялся набором людей для короля в Чешире и Ланкашире, но вскоре был разбит отрядом парламентской армии. В общем, когда Карл прибыл в Вустер, он

обнаружил, что его войска, до крайности утомленные быстрым и изнурительным маршем, ничуть не превосходят числом ту армию, с которой он снялся из лагеря в Торвуде.

БИТВА ПРИ ВУСТЕРЕ

Такова уж сила любой установленной власти, что Английская республика, хотя и основанная на самой беззаконной и ненавистной народу узурпации, обладала достаточным влиянием, чтобы всюду набирать милицию графств, и эти ополченцы, соединившись с регулярными войсками, не щадя жизни сражались против короля. С армией примерно в тридцать тысяч человек Кромвель стремительно подошел к Вустеру (3 сентября); атаковав его со всех сторон и встретив лишь незначительное сопротивление (если не считать частей герцога Гамильтона и генерала Миддлтона), он ворвался в город и учинил страшный разгром расстроенным войскам роялистов. Улицы Вустера были усеяны трупами. Герцог Гамильтон, человек чести и храбрый солдат, был смертельно ранен, Мэсси — ранен и взят в плен, а сам король, множество раз выказавший личную доблесть, в конце концов должен был спасаться бегством. Вся шотландская армия была уничтожена или пленена. Охваченные национальной ненавистью крестьяне перебили тех немногих, кому удалось бежать с поля сражения.

КОРОЛЬ БЕЖИТ ИЗ АНГЛИИ

Король выехал из Вустера в шесть часов пополудни в сопровождении пятидесяти или шестидесяти своих сторонников и, нигде не останавливаясь, проскакал двадцать шесть миль. Полагая, что для собственной безопасности ему следует отделиться от своих спутников, он расстался с ними, никому не сообщив о своих дальнейших планах. По совету графа Дерби он направился к Боскобелу, одинокому дому, стоявшему на самой границе Стаффордшира, где жил некто Пендерел, крестьянин. Ему и доверился Карл. По благородству своей души человек этот был достоин гораздо более высокого положения, и хотя всякому, кто посмеет укрыть у себя короля, парламент грозил смертью, тому же, кто его выдаст, обещал огромное вознаграждение, Пендерел поклялся Карлу в верности и свято сдержал свое слово. Он воспользовался помощью четырех своих братьев, людей столь же честных и достойных. Переодев короля в крестьянское платье, они дали ему в руки секач и повели в соседний лес, а там сделали вид, будто занимаются сбором хвороста. Несколько ночей он спал на соломе в хижине, питался же грубой деревенской пищей. Чтобы надежнее

укрыться, король забрался на высокий дуб и целые сутки прятался в его густых ветвях. Он мог видеть, как мимо проходят солдаты. Все они усердно искали короля, а некоторые, он сам это слышал, выражали горячее желание найти его и схватить. Впоследствии это дерево нарекли **Королевским Дубом**, и еще много лет спустя окрестные жители указывали на него с благоговением.

Карл находился в самом центре страны и потому не мог ни оставаться в своем убежище, ни на минуту его покинуть, не подвергая себя при этом величайшей опасности. Множество людей, движимых страхом, надеждой или партийным рвением, стремилось его найти, и малейшая неосторожность друзей Карла могла оказаться роковой. Король присоединился к лорду Уилмоту, скрывавшемуся в тех же краях, после чего они решили искать пристанища у полковника Лейна, пылкого роялиста, который жил на расстоянии нескольких миль в Бентли. Карл стер в кровь ноги тяжелыми сапогами и крестьянскими башмаками, бывшими ему не впору, и должен был сесть на лошадь; так, верхом, в сопровождении преданных Пендерелей, он прибыл в Бентли. Лейн составил план: король должен отправиться в Бристоль, где, как надеялись его друзья, он сможет найти судно, чтобы покинуть Англию. В трех милях от этого города жила близкая родственница полковника, мистрис Нортон; она ожидала ребенка и вскоре должна была разрешиться от бремени. Полковник раздобыл пропуск в Бристоль для своей сестры и для ее слуги (в те смутные времена подобная предосторожность была необходимой). Джейн Лейн уехала ухаживать за своей беременной родственницей; перед нею на лошади сидел под видом слуги король.

Когда они прибыли к Нортонам, мистрис Лейн сообщила хозяевам, что с ней приехал слуга, сын соседнего крестьянина, что бедняга тяжело болен и ему нужен покой, и попросила найти для него отдельную комнату. Хотя Карл старался ее не покидать, некто Поуп, дворецкий, вскоре узнал его. Король встревожился, но затем взял с дворецкого обещание, что тот не откроет тайну никому на свете, даже собственному господину, и Поуп сдержал слово.

Тем временем выяснилось, что в течение ближайшего месяца ни одно судно не выйдет из бристольского порта во Францию или в Испанию, и Карлу пришлось в другом месте искать средств к переезду на континент. Он доверился полковнику Уиндему из Дорсетшира, ревностному стороннику королевской династии. Естественным следствием долгих гражданских войн и неистовой ярости, до которой доходили в своей борьбе приверженцы враждующих партий, стало то, что взгляды и симпатии каждого успели обнаружиться вполне, и даже верность и мужество большинства были не однажды испытаны на деле. Кроме того, многим роялистам приходилось скрываться самим либо устраивать в своих домах убежища для друзей или тайники для ценного имущества, иначе говоря, искусство ускользать от врагов практиковалось ими достаточно часто. В нынешней крайности все это сильно помогло королю. Нередко он проходил через

руки католиков, и порой они прятали своего несчастного государя в **яме для священников** — так называлось место, где укрывали они обычно гонимых служителей своей веры.

Прежде чем принять у себя короля, Уиндем попросил позволения доверить эту важную тайну своей матери, супруге и четверым слугам, на чью преданность он полагался вполне. Никто из них не обнаружил недостатка ни в чувстве чести, ни в благоразумной осторожности. Принимая своего венценосного гостя, почтенная матрона выразила величайшую радость по поводу того, что ей, которая потеряла трех сыновей и внука, сражавшихся за его отца (и нисколько о том не жалеет), теперь, на склоне лет, довелось стать орудием спасения его самого. Уиндем же поведал королю, что его отец, сэр Томас, в 1636 году, за несколько дней до кончины, призвал к себе пятерых своих сыновей и сказал: «Дети мои! До сих пор, при трех последних наших государях, мы жили во времена мирные и безмятежные, но знайте: теперь вам следует готовиться к дням бурным и мрачным. Всюду поднимают голову враждующие партии, грозя спокойствию нашего отечества. Но, что бы ни случилось, свято чтите вашего государя, повинуйтесь ему и храните верность короне. Требую и заклинаю: никогда не покидайте корону — хотя бы она висела на кусте!» «Последние слова, — добавил Уиндхем, — произвели на каждого из нас столь сильное впечатление, что все бесчисленные бедствия этих смутных и печальных времен не смогли стереть их след в наших сердцах». Множество примеров доказывает, как глубоко коренился в душах английских дворян той эпохи принцип верности монарху — возвышенный и благородный принцип, уступавший по своему достоинству лишь более широкому и просвещенному чувству преданности законной конституции. Но во времена военной узурпации два эти чувства сливались в единую страсть.

Несколько дней король провел в доме Уиндема, а между тем его друзья в Британии и по всей Европе, ничего не знавшие о его судьбе, испытывали мучительную тревогу. Никто не мог сказать наверное, жив он или нет; к счастью, слух о смерти Карла, которому очень многие поверили, ослабил бдительность и энергию преследовавших его врагов. Были сделаны новые попытки найти ему судно для бегства из Англии, но, как и прежде, безуспешные. Покинув дом Уиндема, король должен был опять туда вернуться. Он пережил множество других приключений, не раз переменял внешность и костюм, постоянно подвергался огромной опасности и каждый день получал новые доказательства безупречной верности и преданности. Проницательность одного кузнеца, заметившего, что подковы его лошади поставлены на севере, а не на западе, как он утверждал, чуть было не привела к разоблачению, и королю едва удалось спастись. Наконец, в Шореме, графство Сассекс, нашли судно, на которое и сел король. Кто он, знали уже столь многие, что если бы в этот критический момент Карл не отплыл во Францию, то наверняка был бы схвачен. После сорока одного дня тайных скитаний он благополучно высадился на нормандском

берегу в Фекане. Не менее сорока мужчин и женщин в разное время скрывали его у себя или содействовали его бегству.[22]

Вустерское сражение стало для Кромвеля, по его словам, венчающей все милостью.[23] Он пришел в такой восторг, что прямо на поле битвы вознамерился посвятить в рыцари двух своих генералов, Ламберта и Флитвуда, но друзья отговорили его, указав, что подобный акт есть часть королевской прерогативы. Могущество и честолюбие Кромвеля были слишком велики, чтобы он мог безропотно повиноваться пустому имени республики, которая стояла главным образом на его влиянии и держалась его победами. Когда именно пришла ему впервые мысль взять бразды правления в свои руки, с точностью не известно. Нам лишь сообщают, что теперь Кромвель открыл этот дерзкий замысел ближайшим друзьям и даже выразил желание принять титул короля — тот самый, уничтожению которого он с видимым усердием так сильно содействовал.[24]

РЕСПУБЛИКА

Честолюбие этого хитрого и предприимчивого интригана еще сильнее подстрекало то обстоятельство, что республиканцы не пользовались в народе особым уважением и популярностью. Ни глубиной мысли, ни широтой взглядов, которые могли бы сделать их пригодными для роли законодателей, эти особы не отличались, своекорыстие, ханжество и фанатизм — вот что двигало ими в первую очередь. В тупой и жестокой своей нетерпимости они дошли до того, что приняли закон, объявлявший прелюбодеяние, даже если оно имело место один-единственный раз, уголовным преступлением, подлежавшим ведению не церковного, а гражданского суда.[25] Зато в важнейшем деле создания усовершенствованной системы представительства и нового порядка управления, деле, которое, по уверениям самих членов парламента, всецело занимало их мысли, они продвинулись не слишком далеко. Народ уже стал подозревать, что они задумали навечно остаться законодателями и что эта жалкая кучка из шестидесяти или семидесяти лиц, именовавших себя парламентом Английской республики, намерена присвоить себе всю власть в государстве. Утверждая, будто они одарили нацию новыми свободами, эти люди вынуждены были нарушать даже самые драгоценные из унаследованных от предков прав, которыми пользовались англичане с незапамятных времен. Не осмеливаясь доверять дела о государственной измене обычным судам присяжных, которые, будучи избираемы без всяких ограничений из среды народа, едва ли могли обнаружить особое расположение к республике и выносили бы свои вердикты в соответствии с древними законами, они игнорировали это превосходное учреждение, всегда служившее столь блестящим отличительным признаком судебной системы нашего острова. Чего им следует ожидать от присяжных, ясно показал процесс Лиль-

берна. Этого человека, самого беспокойного, но в то же время самого смелого и честного из людей, привлекли к суду за нарушение нового статута о государственной измене, но хотя виновность Лильберна была вполне очевидной, присяжные оправдали его к великой радости народа. Не один лишь зал Вестминстера — весь Сити огласился кликами ликования и восторга. Никогда еще ни одной установленной власти не заявляли столь же твердо и недвусмысленно о ее незаконном и узурпаторском характере, и ни один орган, кроме достойного восхищения жюри присяжных, не смог бы совершить этот благородный подвиг.

Чтобы избавить себя в будущем от подобных оскорблений, столь сильно умалявших его авторитет, парламент учредил высшую палату правосудия, которая должна была получать обвинительные акты непосредственно от Государственного совета. В состав этого трибунала вошли лица, преданные господствующей партии, — люди без имени, без репутации, готовые все принести в жертву собственной безопасности и честолюбию. Полковников Юсебиуса Эндрюса и Колтера Слингсби этот трибунал судил как заговорщиков, приговорив их к смертной казни. Это были роялисты, отказавшиеся признать юрисдикцию столь незаконного судебного органа. Лав, Гиббонс и другие пресвитериане, участвовавшие в заговоре против республики, также были привлечены к суду, признаны виновными и казнены. Графа Дерби, сэра Тимоти Фэзерстоуна и Бембо, взятых в плен после битвы при Вустере, казнили по приговору военного суда — иначе говоря, посредством судебной процедуры, объявленной противозаконной той самой Петицией о праве, которой так рьяно добивался и с величайшим трудом вырвал у короля прежний парламент.

Идеи, руководившие республиканцами в устройстве церковных дел (если исключить принцип терпимости), обещали сколько-нибудь прочный мир и порядок не в большей степени, чем те максимы, коим следовали они в гражданском управлении. Парламент не позволил завершить создание пресвитерианской системы конгрегаций, классов и ассамблей, а многие его вожди отвергали, кажется, всякую государственную церковь, намереваясь предоставить каждому англичанину право самому, без каких-либо указаний со стороны властей, поддерживать материально любых духовных лиц и вступать в любую секту, если она пришлась ему по нраву больше, чем другие.

Парламент дошел до того, что в одной из епархий попытался осуществить на практике собственную индепендентскую систему церковного устройства. В Уэльсе, где почти все священники были смещены с должностей как малигнанты, завели теперь особого рода странствующих проповедников, по четыре-пять человек на графство; они объезжали свои округа, получая небольшое жалованье. Эти лица, обеспечиваемые лошадьми за общественный счет, скакали с места на место, повсюду разнося, как они выражались, благую весть Евангелия.[26] Все они были люди самого низкого происхождения и весьма скверно образованные, оставившие ручной труд, чтобы вступить на это новое поприще. Данное обстоятельство,

вместе с бродячим образом жизни, сильно сближало их, как они уверяли, с христианскими апостолами.

Как по своему характеру, так и по природе употребляемых ими средств, республиканцы более годились для предприятий, требующих силы и энергии, нежели для размеренных и неторопливых законодательных трудов. Несмотря на недавние кровопролитные войны и нынешние жестокие распри, Англия никогда не казалась соседним королевствам столь грозной и могущественной державой, как в эпоху владычества республиканцев. Многочисленная армия с равным успехом обеспечивала полное повиновение порядкам, установленным властями внутри страны, и наводила ужас на другие государства. Право объявлять войну и заключать мир находилось в тех же руках, что и полномочие облагать налогами, и никаких разногласий между отдельными частями законодательной власти можно было теперь не опасаться. Нынешние налоги, хотя и намного превосходившие все, что знали англичане в прежние времена, в действительности были довольно умеренными, и столь богатая нация могла нести их бремя без большого напряжения. Гражданские распри пробудили от долгой спячки военный гений нации; во всех родах войск появились отличные офицеры. Всеобщая смута позволила людям самого низкого состояния, вырвавшись из мрака безвестности благодаря своей храбрости, подняться до таких командных постов, которых они были вполне достойны, но на которые прежде они никогда бы не смогли претендовать по своему происхождению. А поскольку столь громадная власть находилась в руках столь энергичных и решительных людей, то не удивительно, что республике сопутствовал успех во всех ее предприятиях.

Блейк, мужественный и благородный человек (тот самый, который с несгибаемым упорством защищал Лейм и Таунтон против войск покойного короля) был назначен адмиралом, и хотя до этого он знал лишь службу в сухопутной армии, поступив на нее к тому же, когда ему было за пятьдесят, Блейк быстро поднял морскую славу нации на невиданную прежде высоту. Приняв командование флотом, Блейк получил приказ отправиться в погоню за принцем Рупертом, которому король доверил эскадру перешедших на его сторону кораблей. Сначала Руперт укрылся в Кинсейле, затем вырвался из этого порта и ушел к португальским берегам. Преследовавший принца Блейк загнал его корабли в устье Тахо и решил их там атаковать. Но король Португалии, движимый симпатией, которую вся Европа питала к делу английских роялистов, не позволил Блейку войти в лиссабонский порт, зато помог вырваться из него Руперту. Чтобы отомстить за подобное пристрастие, английский адмирал захватил в качестве призов двадцать португальских кораблей с богатым грузом и пообещал новые акты возмездия. Видя, сколь опасный враг угрожает его недавно приобретенным владениям и ясно понимая, что ввязался в слишком неравную борьбу, устрашенный король Португалии изъявил надменной республике всевозможные знаки покорности и наконец был допущен к переговорам о возобновлении союза с Англией. Между тем принц Руперт, потеряв

большую часть своей эскадры у берегов Испании, направился в Вест-Индию Там во время урагана потерпел крушение корабль его брата, принца Морица Эскадра эта всюду промышляла каперством, охотясь то на английские, то на испанские суда Наконец Руперт вернулся во Францию, где сбыл с рук остатки своего флота вместе с захваченными призами

Все американские колонии (кроме Новой Англии, заселенной исключительно пуританами) сохраняли верность королевской партии даже после установления республики, для приведения их к покорности была направлена эскадра под началом сэра Джорджа Эйскью, Бермуды, Антигуа и Виргиния быстро подчинились Барбадос, где командовал лорд Уиллоугби из Парема, оказал некоторое сопротивление, но в конце концов вынужден был капитулировать

С такой же легкостью республика заставила покориться Джерси, Гернси, Сцилли и Мэн, после чего море, где прежде вовсю орудовали пираты с этих островов, вновь стало безопасным для английской торговли Остров Мэн защищала графиня Дерби,[45] с величайшей неохотой подчинилась она необходимости капитулировать перед врагом Эта дама, дочь славного французского рода Тремуйлей, во время гражданской войны упорно обороняла от парламентских войск Летам-хаус, проявив отвагу, достойную мужчины, и именно ей теперь выпала честь стать тем лицом в трех королевствах и в подвластных им владениях, которое последним подчинилось торжествующей республике [27]

Порядок и спокойствие были водворены также в Ирландии и Шотландии, теперь уже полностью покоренных английским оружием Айртон, новый наместник в Ирландии, имея под своим началом многочисленную армию в тридцать тысяч человек, продолжил усмирение восставших ирландцев и разбил их во многих стычках, сами по себе довольно мелкие, они означали окончательный крах дела мятежников Пленных бунтовщиков, сколько-нибудь причастных к зверским расправам над протестантами, Айртон карал без всякого снисхождения Среди прочих (несколько позднее) был повешен и сэр Фелим О'Нил, вполне заслуживший эту позорную казнь своими бесчеловечными жестокостями В руках ирландцев все еще оставался крупный город Лимерик, Айртон взял его после упорной осады Здесь он заразился тифом и умер Это был выдающийся человек, прославившийся своей энергией, неутомимым рвением и недюжинным умом, а также строгим уважением к закону, которое проявил он, осуществляя в Ирландии свои воистину безграничные полномочия наместника Айрон всегда отличался железным упорством в достижении своих целей, и многие полагали, что им движет страстная и искренняя любовь к свободе и что никакая сила в мире не смогла бы его заставить подчиниться малейшему подобию монархической власти Для Кромвеля его смерть стала, очевидно, тяжелым ударом, республиканцы, возлагавшие на него огромные надежды, были безутешны В знак уважения к трудам и заслугам Айртона они почтили его пышными похоронами за государственный счет, а семье покойного пожаловали поместье с годовым доходом в 2 000

фунтов. Хотя тогдашняя власть была республиканской лишь по имени, она уже начала поощрять надлежащими средствами тот дух гражданственности, внушить который в полной мере не способен никакой другой вид государственного устройства.

Командование армией в Ирландии перешло к генерал-лейтенанту Ледлоу,[46] гражданское управление было поручено особым комиссарам. Ледлоу продолжил успешную борьбу против ирландцев, всюду добиваясь легких побед. Этот несчастный народ, возмущенный теми неистовыми декларациями против него и его религии, которые вырвали у Карла шотландцы, обращался теперь к королю Испании, к герцогу Лотарингии, но нигде не находил помощи. Кланрикард, более не способный противостоять превосходящим силам, покорился парламенту и уехал в Англию, где вскоре умер. Он был ревностный католик, но уважали его все партии.

Столь же решительный успех сопутствовал в Шотландии Монку. Этот искусный военачальник осадил Стирлингский замок, который хотя и был хорошо подготовлен к обороне, быстро капитулировал. Там Монк завладел всеми архивами королевства, после чего отослал их в Англию. Граф Ливен,[47] граф Кроуфорд, лорд Огилви[48] и другие знатные лица, которые собрались близ Перта, чтобы обсудить план создания новой армии, были захвачены врасплох полковником Эльюредом и почти все попали в плен. Сэра Филиппа Малсгрейва и еще несколько шотландцев, предпринявших подобную попытку в Дамфрисе, постигла та же судьба. В Данди, хорошо укрепленном городе, стоял сильный гарнизон под начальством Ламисдена; туда же, как в безопасное место, была переправлена казна королевства, множество серебряной посуды и дорогой мебели. Монк подступил к Данди, пробил в стене брешь и начал общий штурм. Он взял город и, следуя примеру и инструкциям Кромвеля, приказал перебить его жителей, чтобы посеять ужас во всем королевстве. Устрашенные этим примером, Абердин, Сент-Эндрюс, Инвернесс и другие города и крепости добровольно капитулировали перед неприятелем. Английской республике подчинился Аргайл, и теперь, если не считать кучки роялистов во главе с графом Гленкерном, лордом Балкаррасом и генералом Миддлтоном, какое-то время скрывавшихся в горах, все шотландское королевство, которое в течение стольких веков благодаря своему положению и бедности, а также мужеству своих жителей неизменно сохраняло независимость, было приведено к совершенной покорности.

Для устранения Шотландии английский парламент направил сэра Гарри Вена, Сент-Джона и других комиссаров. Эти люди, чуждые истинному духу свободы, умели поддерживать видимость его и, прежде чем объединить завоеванное королевство в одну республику с Англией, потребовали добровольного согласия на этот акт от всех шотландских графств и городов. Духовенство заявило протест, ибо, утверждали священники, подобный нераздельный союз повлечет за собой подчинение церкви государству и в том, что касается царствия Христова.[28] Специально назначенные английские судьи, вместе с несколькими шотландскими,

выносили решения по всем делам, правосудие отправлялось в строгом соответствии с законом, в стране поддерживались мир и порядок, и шотландцы, освобожденные наконец от тирании церковников, не выказывали особого недовольства новой властью.[29] Благоразумные действия Монка, равно искусного на войне и в мирное время, помогли ослабить предрассудки и успокоить умы.

ВОЙНА С ГОЛЛАНДИЕЙ. 1652

Окончательное подчинение и умиротворение британских владений позволило парламенту обратить свои взоры за их пределы и показать свою мощь в смелых предприятиях за границей. Первыми, кто испытал на себе силу его оружия, стали голландцы.

При жизни принца Оранского Фридриха-Генриха Голландская республика сохраняла нейтралитет по отношению к участникам гражданских войн в Англии и если пыталась как-либо вмешаться в борьбу враждующих лагерей, то лишь затем, чтобы предложить услуги посредника и примирителя. Когда же военные и гражданские полномочия отца унаследовал Вильгельм, состоявший в браке с английской принцессой,[30] на Генеральные Штаты посыпались обвинения в том, что во всех своих действиях, как до, так и после казни покойного короля, они обнаруживали явную благосклонность к делу английских роялистов и крайнее предубеждение против парламента. Посланник Английской республики долго не мог добиться аудиенции у Генеральных Штатов; убийц Дорислауса не преследовали с той строгостью, на какую рассчитывал парламент. А между тем короля окружили всевозможными знаками почета и уважения; как власти Соединенных Провинций, так и частные лица всякого звания оказывали ему многочисленные услуги.

После смерти принца Оранского Вильгельма,[31] сопровождавшейся упадком его партии и торжеством голландских республиканцев, парламент счел, что теперь наступил благоприятный момент для заключения более прочного союза со Штатами. Главный судья Сент-Джон, отправленный в Гаагу с посольством, лелеял мысль о создании такой коалиции двух республик, которая сделала бы их интересы совершенно неразделимыми; опасаясь, однако, что столь смелый проект не придется по вкусу голландцам, он довольствовался тем, что обронил на сей счет кое-какие намеки, открыто же не пошел дальше предложения о заключении тесного оборонительного союза между Англией и Соединенными Провинциями, подобного тому, который уже существовал между этими дружественными государствами последние семьдесят лет.[32] Но Генеральные Штаты, не желавшие вступать в более тесную связь с правительством, чьи действия вызывали столько ненависти, а положение казалось весьма непрочным, согласились лишь на возобновление прежнего союза с Англией. В итоге

высокомерный Сент-Джон, до крайности раздосадованный своей неудачей и к тому же приведенный в ярость многочисленными (и оставшимися безнаказанными) оскорблениями, которым подвергся он со стороны лиц, близких к Оранскому дому и к семейству пфальцграфа, да и голландского простонародья в целом, вернулся в Англию, где принялся всячески разжигать вражду между двумя республиками.

Действия могущественных государств нередко определяются столь же мелкими причинами, как и поступки частных лиц. Хотя война с такой сильной морской державой, как Голландия, находившейся в мире со всеми прочими своими соседями, могла бы показаться весьма рискованным предприятием для еще не успевшей твердо встать на ноги республики, целый ряд мотивов побуждал в это время английский парламент к враждебным мерам. Многие его члены полагали, что внешняя война послужит предлогом для того, чтобы не распускать настоящий парламент, и далее оттягивая введение в действие новой системы представительства, которой уже так долго морочили нацию. Другие надеялись, что она станет аргументом в пользу сохранения под ружьем еще на некоторое время многочисленной постоянной армии, вызывавшей столько недовольства в народе.[33] И напротив, иные, опасаясь растущего могущества Кромвеля, рассчитывали на то, что крупные расходы на морские вооружения явятся мотивом для сокращения сухопутной армии. При нынешнем расположении умов казалось политически разумным отвлечь внимание народа от внутренних раздоров, приковав его к иностранным делам. Общее превосходство Английской республики вместе с выгодами ее географического положения обещали верный успех, и потому парламентские вожди надеялись захватить у голландцев немало богатых призов, подорвать и привести в полное расстройство их цветущую торговлю и, наконец, прославить военными победами собственное правление, столь молодое и непопулярное. Все эти виды и замыслы, поддержанные доводами неистового Сент-Джона, имевшего сильное влияние на Кромвеля, побудили парламент совершить крутой поворот — от задуманного союза с Соединенными Провинциями к жестокой войне против них.

Чтобы прикрыть эти враждебные намерения, парламент, под предлогом защиты интересов английской торговли, предпринял шаги, которые, как он прекрасно понимал, должны были вызвать возмущение Штатов. Он издал знаменитые Навигационные акты,[49] воспрещавшие купцам всех наций ввозить в Англию на своих судах какие-либо товары, кроме продуктов сельского хозяйства и изделий промышленности их собственной страны. Закон этот, хотя и составленный в общих выражениях, метил прежде всего в голландцев, ведь их страна сама производит не так уж много товаров, существуя главным образом благодаря своей роли морского перевозчика и торгового посредника всей Европы. Нескольким английским купцам, жаловавшимся на убытки, которые понесли они якобы по вине Штатов, выдали официальные свидетельства на право возмездия, и более восьмидесяти голландских судов, попавших в их руки, были объявлены

призами Вновь заговорили о жестокой расправе над англичанами в Амбойне — акте, несомненно, чудовищном, но, как можно было подумать, давно преданном забвению, ведь уже тридцать лет никто о нем не вспоминал Наконец, попустительство голландских властей бегству убийц Дорислауса, а также потворство тем оскорблениям, которым подвергся в Голландии Сент-Джон, изображались в качестве очевидных признаков неприязненного, если не прямо враждебного отношения Генеральных Штатов к Англии

Сами же Штаты, встревоженные всеми этими мерами, велели своим посланникам возобновить переговоры о союзе, прерванные внезапным отъездом Сент-Джона Чтобы не оказаться захваченными врасплох, они также снарядили флот из ста пятидесяти кораблей, потрудившись через своих министров в Лондоне уведомить об этих военных приготовлениях английский Государственный совет Сообщение это, вместо того чтобы поразить Английскую республику ужасом, было истолковано в Англии как дерзкая угроза и еще более укрепило парламент в его враждебных намерениях Взаимное раздражение и злоба усиливались в обоих государствах с каждым днем, и уже вскоре чувства эти нашли себе выход в открытых действиях

Прославленный адмирал Тромп[50] был назначен Штатами командующим флотом из сорока двух вымпелов с задачей защищать голландское судоходство от английских каперов Штормовая погода, по утверждению самого Тромпа, заставила его искать спасения на рейде Дувра, где он встретился с английским флотом под начальством Блейка, значительно уступавшим голландцам по численности Кто был нападающей стороной в бою, завязавшемся между двумя адмиралами, каждый из которых отличался весьма горячим и решительным нравом, определить нелегко, ибо оба они направили своим правительствам официальные рапорты, во всех деталях противоречившие друг другу и тем не менее подкрепленные свидетельствами всех командиров кораблей той и другой эскадры. Если верить Блейку, он дал сигнал голландскому адмиралу спустить флаг для салюта, а Тромп, вместо того чтобы выполнить это требование, ответил бортовым залпом Тромп же утверждал, что он уже готов был салютовать, но английский адмирал начал враждебные действия Достоверно известно, что голландское адмиралтейство (орган, отличный от Государственного совета) не давало Тромпу приказа салютовать, предоставив ему свободу действий в отношении этого пустого и суетного, но вызывавшего столько споров ритуала Очевидно, адмиралтейство желало таким образом заявить о своем равенстве на морях с молодой республикой, а формальные знаки уважения к английскому флагу истолковывало как честь, подобавшую единственно лишь монархии Данное обстоятельство служит серьезным аргументом против версии голландского адмирала Следует также отметить, что вся партия принца Оранского, к которой, как полагали, принадлежал и Тромп, страстно желала войны с Англией

Хотя эскадра Блейка состояла всего лишь из пятнадцати кораблей (усиленных уже после начала сражения восемью судами капитана Бурна),

он в течение пяти часов мужественно вел бой, потопив при этом неприятельский корабль и еще один захватив в плен. Ночь развела противников, и голландский флот отступил к своим берегам. Лондонская чернь пришла в ярость и наверняка подвергла бы оскорблениям голландских посланников, остановившихся в Челси, если бы Государственный совет не позаботился прислать стражу для их охраны.

Получив известие об этом деле, последствия которого нетрудно было предсказать, Штаты пришли в неописуемый ужас. Они тотчас же отправили в Лондон, в качестве своего чрезвычайного посланника, голландского пенсионария Пау, приказав ему довести до сведения парламента отчет о недавнем столкновении, присланный Тромпом. Всеми узами общей религии и общих свобод Штаты заклинали парламент воздержаться от враждебных мер, опрометчивых и безрассудных, и назначить особую комиссию, которая бы расследовала все обстоятельства этой истории и выяснила истину, пока еще никому не известную. Они утверждали, что их адмирал не получал приказа о каких-либо насильственных действиях в отношении англичан, и выражали готовность подвергнуть его суровому наказанию, если по расследовании обнаружится, что он действительно виновен в поступках, которые они, со своей стороны, самым решительным образом осуждают. Надменный парламент не внял их доводам и не прислушался к их просьбам. Опьяненный своими многочисленными успехами в борьбе с внутренними врагами, он возомнил, что нет в мире силы, способной устоять перед его победоносным оружием, и с восторгом ухватился за этот, столь желанный для него предлог для войны со Штатами. Парламент потребовал, чтобы голландцы, без всяких дальнейших расследований, немедленно возместили англичанам все их убытки. Когда же это требование было отклонено, он отдал распоряжения о начале войны с Соединенными Провинциями.

Блейк во главе многочисленного флота направился к северу и атаковал голландских рыбаков, занимавшихся ловлей сельди под прикрытием двенадцати военных судов. Все они были захвачены или рассеяны Блейком. Тромп с флотом более чем в сто кораблей двинулся вслед за ним. Адмиралы были уже в виду друг друга и готовились к сражению, когда на них обрушился ужасный шторм. Корабли Блейка укрылись в английских гаванях, голландский же флот был рассеян бурей и сильно пострадал.

Сэр Джордж Эскью, хотя у него, по утверждению англичан, было всего лишь сорок кораблей, вступил близ Плимута в бой со знаменитым де Рюйтером[51)] (16 августа), имевшим под своей командой пятьдесят военных и тридцать купеческих судов. Правда, голландские корабли уступали английским по боевой мощи. Де Рюйтер (единственный в Европе адмирал, слава которого могла сравниться с лаврами величайших полководцев) защищался столь искусно, что Эскью не сумел причинить ему ни малейшего урона. Ночь развела их в самый разгар сражения. На другой день де Рюйтер ушел вместе с сопровождаемыми им судами. Английский же флот получил в этом бою такие повреждения, что уже не мог его преследовать.

Блейк, действовавший вместе с Бурном и Пенном, встретил у кентского побережья почти равную по численности голландскую эскадру во главе с де Виттом[52] и де Рюйтером Завязавшееся сражение (28 октября) закончилось для голландцев неудачно Их контр-адмиральский корабль был взят на абордаж и захвачен, два других потоплены, а еще один взорвался На следующий день голландцы отступили к своему побережью

На Средиземном море дела у англичан шли не так хорошо Ван Галек, располагая значительно превосходящими силами, атаковал капитана Бейдили и нанес ему поражение За эту победу, однако, он заплатил собственной жизнью

Исход морских битв редко бывает столь решительным, чтобы уже в самом скором времени побежденные не могли вновь с успехом сражаться против недавних победителей Тромп, действовавший вместе с де Рюйтером, встретил близ Гудвинса Блейка, и тот решил не уклоняться от боя, хотя флот его уступал по численности голландскому (29 ноября) Завязалось яростное сражение, в котором адмиралы, офицеры и матросы обеих сторон демонстрировали чудеса храбрости Победа в этом бою досталась голландцам Блейк был ранен, «Гарленд» и «Бонавенчер» захвачены неприятелем, два корабля сожжены и еще один потоплен, и только наступившая как нельзя более кстати ночь спасла английский флот Хвастаясь своей победой, Тромп приказал привязать к грот-мачте метлу — в знак того, что он намерен полностью очистить море от английских кораблей

Между тем сами англичане, желая смыть позор неудачи, вели усиленные приготовления Был снаряжен грозный флот из восьмидесяти кораблей Командовал им Блейк, в помощниках у него состояли Дин и вызванный из Шотландии Монк Рано утром (18 февраля) недалеко от Портленда англичане заметили голландский флот из семидесяти шести кораблей, он ходил к острову Ре за ожидавшими его там тремя сотнями купеческих судов и теперь, прикрывая их, шел по Каналу в восточном направлении Командовал у голландцев Тромп, его помощником был де Рюйтер Начавшееся сражение стало самым ожесточенным из всех, в которых сталкивались до сих пор эти воинственные нации-соперницы Три дня, с необыкновенной яростью и упорством, продолжалась битва, и побежденный Тромп заслужил не меньшую славу, чем победитель Блейк Голландский адмирал искусно отступил, сохранив все купеческие суда, за исключением тридцати При этом, однако, он потерял одиннадцать военных кораблей, две тысячи человек убитыми и около полутора тысяч пленными У англичан был потоплен лишь один корабль, хотя многие получили тяжелые повреждения, убитыми они потеряли ненамного меньше, чем неприятель

Всеми этими успехами англичане были обязаны главным образом более крупным размерам своих кораблей — преимуществу, уравновесить которое оказались бессильными все искусство и вся храбрость голландских адмиралов Корабельные деньги — налог, вызывавший столько жалоб, притом в некоторых отношениях вполне основательных, — позволили покойному королю поднять английский флот на такую высоту, какой

не достигал он ни в одно предшествующее царствование; и именно Карл решился строить корабли необыкновенно крупных по тем временам размеров. Но военные неудачи голландцев не шли ни в какое сравнение с тем ущербом, который причиняли англичане их коммерции Канал был теперь для них совершенно потерян, и даже торговым связям голландцев с балтийскими государствами английские каперы наносили весьма чувствительный урон. Полностью прекратился рыбный промысел, огромное количество судов — более тысячи шестисот — попало в руки неприятеля. И все эти бедствия они терпели не ради каких-то национальных интересов и не в силу суровой необходимости, но из-за того, чему трудно было представить убедительное для народа объяснение, а именно из-за тщеславных «вопросов чести» и уязвленного самолюбия отдельных лиц. А потому голландцы решили потешить гордыню английского парламента, сделав некоторые авансы в пользу мира. Последние, однако, были встречены парламентом весьма холодно, и голландцы не без удовольствия узнали о разгоне этого надменного собрания Кромвелем — событии, после которого, как они надеялись, дела их должны были принять более благоприятный оборот.

РАЗГОН ПАРЛАМЕНТА

Пылкие республиканцы в парламенте не были ни первыми инициаторами, ни главными сторонниками войны, но когда война началась, они попытались извлечь из нее всю возможную для себя выгоду. Они не упускали случая противопоставить флот армии и превозносили до небес славные победы своих морских сил Они без конца твердили о тяжком бремени расходов, которое вынуждена нести нация, и настойчиво требовали уменьшить его, сократив сухопутные войска. Несколько полков по их распоряжению были направлены служить во флот в качестве морской пехоты. Кромвелю же весь их образ действий ясно показывал, что его могущество и честолюбие внушают членам парламента величайшие подозрения и что они намерены заставить его подчиниться своей власти. Нимало не колеблясь, он решил их опередить и нанести удар первым.

Авторитет этого необыкновенного человека покоился на столь прочном основании, что он даже не посчитал нужным как-либо замаскировать свое дерзкое предприятие, хотя и был великим мастером притворства и обмана. Кромвель собрал совет высших офицеров и тотчас же понял, что эти люди готовы поверить любым его внушениям и исполнить любые его приказы. По большей части это были его ставленники, обязанные своими нынешними чинами его благосклонности и именно с ним связывавшие все свои надежды на будущее продвижение по службе. Разрыв между военной и гражданской властью произошел еще тогда, когда армия захватила в Гольмби короля, и теперь генералы и полковники видели в парламенте

одновременно свое орудие и своего соперника, полагая, что сами они имеют полное право поделить между собою те должности и богатства, которые уже столько времени находились в руках его членов. Гаррисон, Рич, Овертон[53] и ряд других офицеров, еще не дошедших до полной беспринципности, держались столь крайних и нелепых взглядов, что их нетрудно было одурачить, подтолкнув к самым преступным и насильственным действиям. К тому же армия в целом успела так далеко зайти в своих жестоких и беззаконных деяниях, что уже не могла испытывать колебаний и готова была пуститься в любое предприятие, способное послужить ее своекорыстным или фанатическим целям.

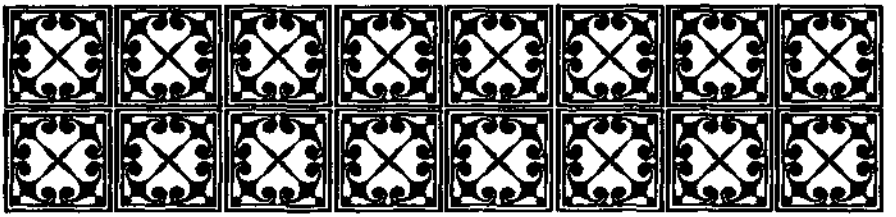
Офицерский совет немедленно постановил подготовить и направить в парламент ремонстрацию. В ней, после жалоб на неуплаченные армии суммы, офицеры убедительно просили его членов вспомнить, сколько лет они уже заседают, и подумать о своих прежних торжественных обещаниях преобразовать национальное представительство и ввести систему сменяющих друг друга парламентов, которые могли бы взять на себя бремя забот о государственных делах, от коего сами коммонеры после стольких опасностей и тяжких трудов были бы, вероятно, уже совсем не прочь освободиться. Авторы ремонстрации соглашались, что нынешний парламент преодолел грозные препятствия и совершил великие дела, однако, продолжали офицеры, для прочих англичан является оскорблением то, что у них до сих пор отнята всякая возможность послужить своему отечеству. Настало время уступить свое место другим, а потому членов парламента убедительно просят, учредив совет, который мог бы ведать исполнением законов в переходный период, созвать наконец новый парламент и установить то свободное и справедливое правление, которое они уже так давно обещают народу.

Ремонстрация не пришлась по вкусу парламенту, и он дал на нее весьма резкий ответ. Офицеры продолжали настаивать на своих требованиях, и эти раздоры и перебранки еще более увеличили пропасть между армией и республикой. Видя, что обстоятельства вполне благоприятствуют его замыслу, Кромвель собрал совет офицеров (10 апреля), чтобы определить будущее государственное устройство. Здесь у него было много сторонников, однако имелись и противники. Когда Гаррисон принялся уверять собравшихся, что единственная цель главнокомандующего — расчистить путь для правления Иисуса Христа и святых его, майор Стритор тотчас же ответил, что Спасителю в таком случае следует поторопиться, ибо если Он замешкается и придет после Рождества, то обнаружит, что опоздал и что его место уже занято. Пока офицеры спорили, полковник Ингольдсби сообщил Кромвелю, что парламент начал заседание, что его члены решили не проводить самороспуска, но пополнить палату путем новых выборов, и что в этот самый момент они занимаются обсуждением данной меры. Взбешенный Кромвель тотчас поспешил в палату, прихватив с собой три сотни солдат. Он расставил их у входа, в коридорах и на лестнице. Вначале Кромвель обратился к своему другу Сент-Джону и заявил, что

пришел сюда, дабы совершить то, что повергает его душу в великую скорбь; что он искренне, со слезами на глазах молил Господа не возлагать на него эту обязанность, но такова необходимость, и он должен это сделать во славу Божию и ради блага нации. После чего сел на свое место и некоторое время слушал прения. Затем он подозвал к себе Гаррисона и сказал, что парламент, на его взгляд, уже вполне созрел для роспуска. «Сэр, — обратился к нему Гаррисон, — дело это великое и опасное; прошу вас серьезно подумать, прежде чем за него приниматься». — «Вы правы», — отвечал главнокомандующий и еще около четверти часа сидел спокойно. Когда же парламент готов был поставить вопрос на голосование, он сказал Гаррисону: «Пора! Я должен это сделать» и, внезапно вскочив с места, принялся осыпать его членов самыми жестокими упреками, обвиняя их в тирании, властолюбии, угнетении народа и ограблении государства. После чего, топнув ногой (это был сигнал, по которому в зал должны были войти солдаты), Кромвель воскликнул: «Стыд и позор! Убирайтесь вон, освободите место для людей более достойных, для тех, кто будет честно исполнять свой долг! Вы больше не парламент! Слышите? Вы больше не парламент! Господь вас отверг, Он избрал другие орудия для осуществления своей воли!» Когда же сэр Генри Вен попытался было возмутиться происходящим, Кромвель закричал во весь голос: «Ах, сэр Генри Вен, сэр Генри Вен! Да избавит меня Господь от сэра Генри Вена!» Затем, схватив за плащ Мартина, он бросил ему: «Ты — развратник!», другому коммонеру: «Ты — прелюбодей!», третьему: «Ты — пьяница и обжора!», четвертому: «Ты — взяточник и вор!» Солдатам он приказал забрать жезл спикера. «И что же нам теперь делать с этой игрушкой? Ладно, унесите ее отсюда». — «Вы сами, — вновь обратился он к парламенту, — вы сами заставили меня это сделать! День и ночь молил я Господа скорее убить меня, но только не возлагать на мои плечи это бремя». Приказав солдатам очистить зал, он вышел из него последним, велел запереть двери и направился в свои уайтхолльские апартаменты.

Так, с бешеным неистовством (в котором столь ярко проявился истинный его нрав), не встретив ни малейшего сопротивления или даже ропота, покончил Кромвель с этим знаменитым собранием, заставившим всю Европу изумляться его делам и приходить в ужас от его преступлений; собранием, роспуска которого народ желал с такой же страстью, с какой некогда требовал его созыва. Все партии, одна за другой, уже имели печальное удовольствие видеть, как за нанесенные им обиды противники их получают воздаяние, причем с помощью тех самых средств, которые использовались в свое время против них. Король в некоторых вопросах преступил законные границы своей прерогативы и при содействии церкви едва не уничтожил все вольности и привилегии нации. Пресвитериане обуздали двор и духовенство и с помощью ханжества и лицемерия подтолкнули простой народ к беспорядкам, а затем и к войне против короля, пэров и всех роялистов. Как только они достигли вершины своего могущества, инденпенденты, притязавшие на еще бóльшую праведность,

натравили на них армию и заставили пресвитериан подчиниться. Наконец сами индепенденты, посреди пустых мечтаний о свободе или, лучше сказать, о господстве, были раздавлены бунтом собственных слуг, оказавшись в одно и то же время жертвой оскорблений со стороны власти и предметом ненависти для народа. Из всех примеров истории, как новой, так и древней, с очевидностью явствует, что беззаконное насилие, чем бы ни пытались его оправдать и какие бы цели ни преследовали те, кто к нему прибегает, в конце концов неизбежно приводит к деспотическому правлению одного лица.



Глава II (XVII)

Происхождение и частная жизнь Кромвеля. — Бэрбонский парламент. — Кромвель становится протектором. — Мир с Голландией. 1654. — Новый парламент. — Восстание роялистов. — Положение дел в Европе. — Война с Испанией. — Захват Ямайки. — Победы адмирала Блейка и его смерть. — Внутренняя администрация Кромвеля. — Новый парламент. — Кромвелю предлагают корону. 1657. — Кромвель отказывается от короны. — Покорнейшая петиция и совет. — Взятие Дюнкерка. — Болезнь протектора. — Смерть протектора. — Его характер

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ КРОМВЕЛЯ

Оливер Кромвель, в чьих руках после разгона парламента оказалась вся гражданская и военная власть в трех королевствах, родился в последний год предшествующего столетия в Гентингдоне, в благородной семье, хотя сам он, поскольку у отца его был старший брат, получил весьма скудное наследство. Для продолжения образования Оливера отправили в университет, но тихие и изящные занятия науками плохо соответствовали его природным склонностям, и особых успехов в учении он не достиг. Более того, он предался разгульной и беспутной жизни и в пьяных кутежах, азартных играх, разврате и буйных выходках погубил первые годы молодости, промотав к тому же часть родового имущества. Внезапно им овладело неодолимое стремление к нравственному совершенствованию; он женился, усвоил манеры человека степенного и добропорядочного, стал ревностным и строгим пуританином и даже предложил возвратить до последнего пенса все, что он когда-либо выиграл в карты. Тот же пылкий и неистовый нрав, который увлекал его прежде к безудержному разгулу, проявился теперь в его религиозных привычках. Дом Кромвеля сделался прибежищем для всех фанатичных священников-пуритан, а его радушие, равно как и необыкновенная щедрость к смещенным с должности и лишенным права проповедовать духовным лицам оказались не менее разорительными, чем прежние кутежи и попойки. Хотя Кромвель получил крупное наследство от дяди со стороны матери,[54] дела его по причине огромных расходов пришли в столь плачевное состояние, что он вынуж-

ден был арендовать фермы в Сент-Айвзе и несколько лет заниматься сельским хозяйством. Но этот шаг лишь вовлек его в новые долги и затруднения. Бесконечные молитвы, коим предавался он в кругу домочадцев по утрам, а затем еще и пополудни, отнимали долгие часы у него самого и у его работников, для забот же о мирских делах Кромвель не оставлял времени. Его деятельный дух, не находя для себя простора в обыденных занятиях, на которые обрекла его судьба, терзался внутренней неудовлетворенностью, а потому Кромвель давал полную волю своей фантазии, и всевозможные видения, озарения и откровения служили ей пищей в минуты ипохондрических припадков, преследовавших его всю жизнь. Стесненные обстоятельства и благочестивые чувства заставили его решиться на переселение в Новую Англию, превратившуюся к тому времени в убежище для самых ревностных пуритан; он должен был отплыть туда вместе со своим близким родственником Гемпденом (коим двигал лишь последний из указанных мотивов), но по распоряжению Тайного совета им пришлось сойти на берег и остаться в Англии. Граф Бедфорд,[55] владелец обширного имения в болотистой местности вокруг острова Или, задумал осушить эти топи и обратился к королю, и тот, используя свою прерогативу, назначил комиссию для руководства работами и распределения осушенных земель среди пайщиков. Бедфорд встретил противодействие со стороны многих лиц, среди которых особенно выделился Кромвель, — это стало для него первой возможностью публично выказать свое партийное рвение и твердость характера.

Случай и интриги помогли ему стать членом Долгого парламента от города Кембридж. Домашние его дела находились тогда в полном расстройстве, качествами же, необходимыми для успеха на общественном поприще, на которое он наконец вступил, Кромвель, казалось, совершенно не обладал. Он имел весьма неприятную наружность и грубый голос, неряшливо одевался, говорил нескладно, путано, темно и скучно. Подстрекаемый своим горячим нравом, Кромвель нередко брал слово в палате, но слушали его без особого внимания, и за два с лишним года его имя лишь дважды промелькнуло в списках парламентских комитетов, причем те комитеты, в которые он попадал, учреждались для ведения дел, способных вызвать интерес скорее у религиозных фанатиков, нежели у людей серьезных и основательных. На фоне изысканных джентльменов и блестящих ораторов палаты общин Кромвель оставался совершенно незаметным, и только его друг Гемпден, отлично знакомый с мощью и глубиной его духа, предсказывал, что если в стране вспыхнет гражданская война, человек этот быстро добьется славы и высокого положения.

Сам Кромвель, кажется, ясно понимал, в чем состоит его подлинная сила, и движимый отчасти этим сознанием, а отчасти своим бешеным, неудержимым рвением, всякий раз присоединялся к той партии, которая в борьбе против короля готова была идти на самые крайние меры. Он деятельно поддерживал знаменитую ремонстрацию, послужившую началом всех последующих смут и беспорядков; когда же после долгих прений она была наконец принята незначительным большинством, он заявил лорду

Фолкленду,[56] что если бы итог голосования оказался иным, то уже на другой день он, Кромвель, обратил бы в наличность остатки своего имущества и немедленно покинул Англию. И это, добавил Кромвель, было не только его решение: многие люди из его партии были твердо намерены сделать то же самое.

Ему уже исполнилось сорок три года, когда он впервые вступил на военное поприще, и вскоре, без всякого обучения, единственно благодаря собственному таланту, Кромвель стал отличным офицером, хотя безупречной славы выдающегося полководца он, пожалуй, не достиг никогда. Кромвель набрал эскадрон кавалерии и, расположившись в Кембридже, употребил суровые меры в отношении тамошнего университета, ревностно поддерживавшего королевскую партию, ясно показав, что ради того дела, которому служит, он готов пойти на все. Кромвель не желал, чтобы его солдаты забивали себе голову невразумительными тонкостями вроде того, что они-де «сражаются против особы короля с его, короля санкции и дозволения» и «выполняют приказы Его Величества, утвержденные обеими палатами парламента», но прямо им сказал, что если он встретится с королем лицом к лицу в бою, то, не колеблясь, выстрелит в него из пистолета, как выстрелил бы в любого другого врага. Вскоре его эскадрон вырос в полк, и именно Кромвель первым ввел в войсках ту дисциплину и внушил им тот дух, которые в конце концов и обеспечили победу парламентской армии. «Ваше воинство, — сказал он однажды Гемпдену в разговоре, описанном им самим впоследствии,[34] — это по большей части старые, опустившиеся слуги, кабатчики и тому подобный сброд, тогда как за короля сражаются младшие сыновья джентльменов и вообще особы благородные и достойные. И вы думаете, что наши солдаты — эти жалкие трусы, эти низкие, презренные людишки — смогут когда-нибудь противостоять джентльменам, с их мужеством, решимостью и чувством чести? Вы должны найти людей, крепких духом, притом — не истолкуйте только моих слов в дурную сторону — таким духом, который сделал бы их способными совершить все, что могут сделать джентльмены; иначе, я уверен, вас, как и прежде, будут бить в каждой схватке». И Кромвель осуществил свой замысел. Он стал вербовать волонтеров из сыновей фригольдеров и фермеров; тщательно отбирая солдат в свой полк, он приглашал на службу самых пылких фанатиков со всей Англии. Когда же эти люди составили особую воинскую часть, их религиозный энтузиазм вспыхнул с новой силой; а их полковник, повинуясь своему природному нраву и в то же время преследуя сознательно поставленные цели, делал все, чтобы раздуть этот огонь. Он проповедовал и молился, он сражался, наказывал и награждал. Бешеное исступление солдат Кромвеля день ото дня возрастало, вместе с ним крепли их мужество и дисциплина, и вскоре вся Англия заговорила о столь благочестивом и способном военачальнике. Начав службу с низших командных постов, он стремительно достиг положения фактического вождя армии (хотя формально оставался в ней вторым человеком); а вскоре благодаря обману и насилию стал первым лицом в го-

сударстве. Казалось, таланты Кромвеля раскрываются по мере роста его могущества и власти; всякий раз он обнаруживал новые дарования, дремавшие в нем вплоть до того момента, когда изменившиеся обстоятельства срочно требовали пустить их в ход. Вся Европа пришла в неописуемое изумление, видя, как эта столь упрямая и беспокойная нация, которая из-за каких-то «посягательств на ее права», достоверно не доказанных и весьма сомнительных, свергла и умертвила превосходного государя, происходившего из древней королевской династии, оказалась теперь в подчинении и рабстве у человека, который еще за несколько лет перед тем был лишь частным лицом, обычным джентльменом, не известным стране и не пользовавшимся особым авторитетом даже в узких пределах того скромного мирка, в котором тянулись его дни.

Возмущение народа новой властью, основанной на столь явной узурпации, оказалось вовсе не таким бурным, как это можно было ожидать. Кромвель получил поздравительные адреса (первые в подобном роде) от флота, армии и даже от многих графств и главнейших корпораций Англии, но больше всего — от различных пуританских конгрегаций, или общин «святых», рассеянных по всему королевству.[35] Роялисты, хотя они и не могли согласиться с симпатией к человеку, обагрившему руки кровью их государя, рассчитывали все же, что он проявит больше мягкости и терпимости, чем правившие до сих надменные и подозрительные республиканцы. Пресвитериане злобно радовались, видя, как те люди, которые в свое время хитростью и силой отстранили их от власти, сами теперь обмануты и разогнаны собственным слугой, а потому приветствовали последний акт насилия над парламентом. Эти две партии составляли большую часть нации, и благодаря их влиянию народ в общем оставался спокоен. К тому же все без исключения англичане, измученные войнами и распрями, готовы были обрадоваться малейшей надежде на мир и порядок. Подчинение же человеку столь блестящих способностей и дарований они находили для себя менее унизительным, чем власть кучки презренных фанатиков и святош, которые, прикрываясь именем республики, держали их в ужаснейшем рабстве.

Более всего Кромвелю следовало опасаться злобы свергнутых им республиканцев. Партия эта включала в себя (помимо индепендентов) два разряда людей, которые, придерживаясь на первый взгляд совершенно противоположных принципов, были чрезвычайно сходны по складу ума и характера. Первую и наиболее многочисленную группу составляли милленарии, или люди пятой монархии, утверждавшие, что поскольку в основе всякого господства лежит милость Божья, то все различия между мирскими властями должны быть упразднены. Уже в самом скором времени они ожидали второго пришествия Христа, пока же Спаситель не явился на землю лично, правом на власть, полагали милленарии, обладают единственно лишь «святые», иначе говоря, они сами. Другой группой были деисты,[57)] не преследовавшие иных целей, кроме политической свободы, полностью отрицавшие истину откровения и пытавшиеся внушить ту мысль,

что доктрины всех без исключения сект, столь бешено злобствующих друг против друга, в равной мере основаны на заблуждении и нелепости. Старинные и законные формы правления не удовлетворяли людей столь дерзкого духа; они домогались такой степени свободы, на какую никогда бы не могли рассчитывать при любого рода монархии. Вождями этой небольшой группы считались Мартин, Чаллонер, Гаррингтон, Сидни, Уайльдман и Невил.[58]

БЭРБОНСКИЙ ПАРЛАМЕНТ

Деистов Кромвель прямо-таки ненавидел, ведь он не мог их перехитрить или подчинить своей воле, играя на религиозном энтузиазме, а потому относился к ним с величайшей суровостью и презрением, именуя их не иначе как **язычниками.** Впрочем, гораздо важнее для Кромвеля было завоевать доверие милленариев, пользовавшихся немалым влиянием в армии; умственные же способности этих людей были таковы, что одурачивать их оказалось совсем не трудно. Вот уже несколько лет продолжались бесконечные разговоры о парламентах, советах и сенатах, и сами солдаты до такой степени вошли во вкус подобных рассуждений и прониклись соответствующим духом, что Кромвель счел нужным установить в Англии некое подобие республики. Он решил, что все права и полномочия верховной власти Проведение отдало в его руки, а потому, не утруждая себя дальнейшими формальностями, вызвал в Лондон, по совету своих офицеров, сто двадцать восемь лиц из различных городов и графств Англии, а также пять человек из Шотландии и шесть из Ирландии. Этим-то особам, единственно лишь собственной волей и решением, он и вручил всю власть в государстве. Они должны были осуществлять законодательную власть в течение пятнадцати месяцев, после чего им надлежало избрать такое же число других лиц, которые сменили бы их на этом высоком и важном посту.

В те времена многие взяли себе за правило сохранять неизменную лояльность любой господствующей в данный момент силе и поддерживать любое установленное правительство, каким бы оно ни было. Принцип этот не является чем-то характерным исключительно для людей описываемой нами эпохи; характерным именно для них можно счесть разве что ханжеский оборот, употреблявшийся для описания столь благоразумного образа действий: на их языке это называлось **исполнять волю Проведения.** А значит, коль скоро Проведение оказалось столь любезно, чтобы облечь этих людей, ныне собранных вместе, высшей властью в государстве, то они, вне всякого сомнения, проявили бы самую черную неблагодарность, если бы, со всей стороны, не поспешили принять эту милость с надлежащей почтительностью и готовностью. Они тотчас же провозгласили себя парламентом (4 июля) и, присовокупив таким образом к санкции Оливера

Кромвела самочинное утверждение собственной законодательной власти, с величайшей серьезностью приступили к ее осуществлению

В этом достопамятном собрании имелись и джентльмены, но значительное большинство составляли лица низкого происхождения ремесленники, торговцы, люди пятой монархии, анабаптисты, антиномиане, индепенденты, — словом, настоящее отребье фанатиков и сектантов Первым же делом они принялись «искать Господа в молитвах», сию важную обязанность выполняли восемь или десять **одаренных свыше** членов собрания, и притом с таким успехом, что, по единогласному свидетельству их коллег, никогда еще, ни при каком богослужении и обряде Святой Дух не снисходил на них столь щедро и изобильно [36] Сердца их, несомненно, трепетали от радости, когда задумывались они о той высокой миссии, к которой полагали себя призванными Кромвель в своей первой речи сказал им, что он не чаял дожить до дня, когда учение Христа будут исповедовать с такой ревностью [37] А потому члены парламента пришли к заключению, что их прямой долг — в корне преобразовать все существующее, расчистив почву для грядущего царствия Спасителя и для того великого дела, которое, как они полагали, Господь намеревался совершить в их среде Все фанатики, освящаемые собственным буйным воображением, испытывают вполне понятную ненависть к служителям официального культа, притязающим на особую святость, единственным источником коей является их должность и священнический сан Не удивительно, что этот парламент занялся вопросом об отмене особого духовного звания как мерзкого атрибута папизма и об уничтожении десятины как пережитка иудаизма Наука и университеты были сочтены языческим нечестием и к тому же чем-то совершенно излишним в государстве, общее право заклеймили как символ завоевания и нормандского рабства, юристам же парламент грозил полным упразднением их профессии Были также предприняты некоторые меры к уничтожению канцлерского суда,[38] т, е высшего судебного органа в королевстве предполагалось, что единственным фундаментом английского права станет отныне закон Моисея [39 59)]

Из всех своих сногсшибательных проектов эти законодатели успели осуществить только один, постановив, что официальная церемония бракосочетания должна совершаться в присутствии гражданского магистрата, без всякого участия духовных лиц Парламент превратился в предмет всеобщих насмешек Среди фанатиков палаты выделялся один весьма деятельный член, известный своими долгими молитвами, проповедями и речами Человек этот торговал в Лондоне кожами, а звали его **Прейзгод Бэрбон** Это смехотворное имя, как будто специально придуманное для столь нелепого существа каким-нибудь поэтом или аллегористом, поразило воображение народа, и за собранием прочно закрепилось прозвище Бэрбонский парламент [40]

Голландские посланники попытались вступить в переговоры с этим парламентом, но хотя они были протестантами и даже пресвитерианами, претенденты на особую, высшую святость встретили их холодно и враж-

дебно. Голландцев считали людьми, всецело поглощенными мирской суетой, не заботящимися ни о чем, кроме промышленности и торговли, и именно их надлежало «святым» истребить в первую очередь, прежде чем приниматься за то великое дело, к коему полагали они себя призванными Провидением — обузданию Антихриста, вместилища всякого греха, и распространению до крайних пределов земли царства Спасителя.[41] Видя, что их предают проклятию не как противников Англии, но как врагов Христа, посланники пришли в величайшее изумление и не знали, чему им следует больше удивляться — упрямству и непримиримости этих самозванных святых или же невероятной их глупости.

Кромвель уже начинал стыдиться своих законодателей. Если, созывая столь нелепое собрание, он вообще имел какую-либо иную цель, кроме как потрафить армии и простонародью (одновременно их одурачив), то, надо думать, он хотел застращать им духовенство и юристов; а в таком случае замысел его увенчался полнейшим успехом: они встревожились настолько, что готовы были с радостью принять любое другое правительство, которое защитило бы их от страшной угрозы со стороны этих отчаянных фанатиков. Сам Кромвель был недоволен тем, что парламент, хотя и получивший всю власть от него, начал теперь претендовать на особые полномочия от Господа[42] и упорно твердить о своем божественном призвании. В свое время, определяя состав парламента, Кромвель позаботился пригласить в него ряд лиц, всецело ему преданных, и вот теперь, сговорившись между собой, эти люди собрались в палате раньше обычного. Некоторые из них высказали мнение, что продолжение заседаний настоящего парламента не принесет нации никакой пользы; после чего они, вместе со спикером Роузом, спешно направились к Кромвелю и посредством формального акта, или цессии, возвратили ему верховную власть, совсем недавно от него же полученную (12 декабря). Генерал Гаррисон и еще около двадцати человек остались в палате; не желая допустить, чтобы правление святых постигла столь безвременная кончина, они посадили в председательское кресло некоего Мойера и принялись составлять протесты. От этого важного дела их оторвал полковник Уайт, явившийся вскоре с отрядом солдат. «Чем вы тут занимаетесь?» — осведомился полковник. «Ищем Господа», — отвечали ему. «В таком случае можете отправляться в какое-нибудь другое место, ибо я точно знаю, что уже много лет Господь здесь не показывается».

КРОМВЕЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРОТЕКТОРОМ

Теперь, когда единственной властью в государстве как формально, так и фактически стала армия, Кромвелю пришла в голову новая фантазия, и он решил осуществить очередной эксперимент, ведь во всех этих переменах и переворотах он, похоже, не руководствовался каким-то заранее про-

думанным планом. Ламберт, его ставленник, скрывавший под личиной угодливости и беспрекословного повиновения Кромвелю собственное необузданное честолюбие, предложил в совете офицеров установить новую форму правления, ограничив республиканскую свободу властью одного лица, которое должно было носить титул протектора. Он быстро изготовил так называемое **Орудие управления**[60] — документ, содержавший план нового государственного устройства; а поскольку возражений на сей счет со стороны главнокомандующего не ожидалось, совет офицеров тотчас же его одобрил. Кромвель был объявлен протектором и с величайшей торжественностью введен в эту высокую должность.

Талантами законодателей эти люди были наделены в чрезвычайно малой степени, ведь они сами признавались, а точнее похвалялись, что на создание этого **Орудия**, долженствовавшего, по их мысли, установить и упорядочить всю систему управления тремя королевствами на все будущие времена, они потратили не более четырех дней. И у нас нет никаких причин не верить им, в особенности если мы примем в расчет, сколь топорным, бестолковым и несообразным был тот проект государственного устройства, который попытались они осуществить.

Основные положения **Орудия** таковы. Назначался Государственный совет в составе не более двадцати одного и не менее тринадцати лиц. Должность свою они должны были занимать пожизненно или «пока будут себя хорошо вести»; в случае же появления вакансии оставшиеся члены предлагали три кандидатуры, из которых протектор выбирал одну. Высшим магистратом в республике являлся протектор: его именем отправлялось правосудие, он назначал на все должности, от него проистекали все почести и отличия, он имел право помилования по всем преступлениям (кроме государственной измены и умышленного убийства), а также распоряжался конфискованным имуществом всех осужденных. Протектору предоставлялось право объявлять войну, заключать мир и вступать в союзы, но в этих вопросах он должен был учитывать мнение своего совета и действовать с его согласия. Военную власть протектор осуществлял совместно с парламентом, когда заседал последний, и совместно с Государственным советом в перерывах между сессиями. Протектор обязан был созывать парламент каждые три года и в течение пяти месяцев с момента созыва не мог его распустить или отсрочить его заседания. Принятые парламентом билли представлялись на утверждение протектору, но если в продолжение двадцати дней он не давал на них свою санкцию, они превращались в законы властью одного лишь парламента. Устанавливалась численность постоянной армии для Великобритании и Ирландии — двадцать тысяч пехоты и десять тысяч кавалерии; на ее содержание ассигновались соответствующие суммы. Их нельзя было урезать без согласия протектора, и лишь в этом пункте он обладал правом вето. В промежутках между сессиями протектор и совет имели право принимать законы, которые оставались в силе до созыва следующего парламента. Канцлер, государственный казначей, лорд-адмирал, наместники в Ирландии и Шотландии, а так-

же председатели судов обеих скамей должны были назначаться с санкции парламента, а в перерывах между сессиями — с одобрения совета, с последующим утверждением их парламентом. Должность протектора являлась пожизненной, после его смерти совет обязан был немедленно назначить нового. Таким было **Орудие управления**, которое принял совет офицеров и которому торжественно присягнул Оливер Кромвель. Пятнадцать членов Государственного совета, указанные в тексте **Орудия** поименно,[61] были всецело преданы протектору; эти люди имели противоположные взгляды и принадлежали к различным партиям, а потому едва ли могли сговариваться и выступить против него.

Кромвель заявил, что титул протектора он принимает с одной-единственной целью — чтобы выполнять обязанности констебля,[62] поддерживая в государстве мир и порядок. В самом деле, яростная борьба враждующих партий довела Англию до такого состояния, что обширные полномочия и даже деспотическая власть какого-то высшего магистрата превратились в неизбежное зло, ибо только с их помощью можно было спасти страну от новых беспорядков и кровавых смут. Индепенденты были слишком малочисленной партией, чтобы создать популярное правительство или доверить нации, у которой они совершенно не пользовались авторитетом и уважением, право свободно выбирать своих представителей. Пресвитериане показали себя сторонниками жестоких религиозных гонений, которые во все времена были бы несовместимы с общественным порядком, и уж тем более не гармонировали с бешеным энтузиазмом бесчисленных сект, расплодившихся тогда в Англии. Роялисты же, после всех страданий и унижений, выпавших на их долю, пылали яростным гневом, и прочие партии, отлично понимая, что роялистам достаточно будет пустить в ход старинные законы, чтобы обрушить на них суровое возмездие, никогда бы не согласились им подчиниться. И если бы эта временная узурпация была единственным преступлением Кромвеля, то ссылки на жестокую необходимость и общее благо, к которым он прибегал, могли бы послужить оправданием для его действий в глазах любого разумного человека.

В то время как гражданская администрация являла собой картину всевозможных нелепостей, раздоров и безумств, руководство военными силами осуществлялось энергично, искусно и согласованно, и никогда еще Англия не выглядела столь грозно в глазах всех иностранных держав. Английский флот из ста кораблей под начальством Монка и Дина, в подчинении у которых находились Лоусон и Пенн, встретил у берегов Фландрии равный ему по числу судов голландский флот, которым командовал Тромп. Народы двух республик вовсе не пылали взаимной ненавистью, а между их интересами не существовало особых противоречий, и, однако, не часто происходили в истории битвы, где люди дрались бы с такой бешеной яростью и несгибаемым мужеством, как в многочисленных морских сражениях этой короткой, но жестокой войны. Пылкое стремление к безраздельному господству на морях — вот что побуждало эти государства к

благородному соперничеству. После упорной битвы, продолжавшейся два дня (в первый из которых погиб Дин), голландцы, уступавшие неприятелю по размерам кораблей и понесшие тяжелые потери, вынуждены были укрыться в своих гаванях. В конце сражения к соотечественникам присоединился Блейк с восемнадцатью кораблями. Английский флот начал крейсировать у берегов Голландии, полностью нарушив торговые связи этой республики.

Посланник, которого голландцы еще раньше направили в Англию, подал им надежду на мир. Но поскольку прекращения военных действий добиться не удалось, Штаты, не желая более терпеть убытки и позор вражеской блокады, предприняли отчаянные усилия, чтобы восстановить свою оскорбленную честь. Никогда еще могущество и энергия этой республики не проявлялись с таким блеском. За считанные недели голландцам удалось отремонтировать свой флот и укомплектовать его личным составом; кроме того, они снарядили несколько кораблей, превосходивших своими размерами все те суда, которые они когда-либо строили прежде. Тромп вышел в море, полный решимости вновь дать сражение победителям и скорее умереть, но не отступить. Он встретил вражеский флот, которым командовал Монк, и обе стороны тотчас же ринулись в бой. Когда доблестный Тромп, со шпагой в руке, воодушевлял своих матросов, пуля из мушкета попала ему в сердце (29 июля). Именно это событие и решило исход сражения в пользу англичан. Хотя у голландцев было потоплено и захвачено неприятелем около тридцати кораблей, смерть своего храброго адмирала они сочли гораздо более серьезной потерей.

МИР С ГОЛЛАНДИЕЙ. 1654

Между тем все это время продолжались переговоры о мире. Подавленные тяжестью военных расходов, устрашенные своими убытками и обескураженные неудачами, Штаты страстно желали соглашения с врагом, который, как они уже убедились на горьком опыте, был им явно не по силам. Когда король изъявил готовность поступить волонтером в их флот, Штаты выразили признательность за оказанную им честь, однако отклонили это предложение, чтобы не раздражать Английскую республику. Главным же препятствием на пути к миру была отнюдь не враждебность англичан, а, напротив, их слишком горячее желание теснейшего союза и конфедерации. Кромвель вновь извлек на свет химерический план «коалиции» с Соединенными Провинциями, предполагавший полное слияние правительств, законов, интересов и политических целей двух государств. Подобный проект показался Штатам настолько сумасбродным, что они были не в силах понять, как здравомыслящие люди могут относиться к нему всерьез, и решительно отказались обсуждать эту идею, которая способна была лишь затянуть осуществление сколько-нибудь реальных пла-

нов примирения. Наконец, мир был подписан Кромвелем (15 апреля), получившим к этому времени титул протектора, и он, этот мир, ясно доказывает бессмысленность предшествовавший ему войны: ведь после всех своих блестящих побед англичане так и не сумели добиться более выгодных условий, чем нижеследующие. Английская и Голландская республики заключали между собой оборонительный союз; каждая из них обязывалась удалить со своей территории врагов другой; лица, причастные к резне в Амбойне, если таковые еще оставались в живых, подлежали наказанию; голландцы соглашались салютовать английскому флагу; голландская Ост-Индская компания должна была выплатить 80 000 фунтов в качестве возмещения за убытки, понесенные английской Ост-Индской компанией; и наконец, последней голландцы обещали передать остров Полерон в Ост-Индии.

Родственные связи между английской королевской династией и домом Оранских внушали Кромвелю тревогу и подозрения, а потому он потребовал включить в договор особую статью, которая бы навсегда лишила прав на титул штатгальтера юного принца и всех представителей его фамилии. Штаты провинции Голландия, сильнейшим образом предубежденные против этой должности как якобы опасной для свободы, тайно ратифицировали упомянутую статью. Протектор же, зная, что другие провинции склонить к подобной уступке не удастся, довольствовался этой гарантией.

Успешная война и разумный мир подняли авторитет правительства Кромвеля. Акт правосудия, совершенный протектором в Англии, также доставил удовлетворение народу, хотя формальная его законность может, вероятно, показаться несколько сомнительной. Дон Панталеон Спа, брат португальского посла, обладавший теми же дипломатическими правами,[43] вообразил себя оскорбленным и в сопровождении нескольких слуг явился вооруженный на биржу. Там он напал на некоего джентльмена, которого по ошибке принял за своего обидчика, и нанес ему множество смертельных ран, а после этого зверского убийства укрылся со всеми своими людьми в доме португальского посла, потворствовавшего гнусному предприятию брата.[44] Лондонская чернь окружила дом и уже грозилась его поджечь, когда Кромвель прислал солдат, которые и схватили всех преступников. Их предали суду, и, несмотря на протесты посла, ссылавшегося на свои дипломатические привилегии, дон Панталеон был казнен на Тауэр-хилле. В данном случае имело место очевидное нарушение международного права, однако злодеяние, совершенное португальским дворянином, было в высшей степени чудовищным, и суровая кара за него, в которой столь ярко проявился решительный характер Кромвеля, встретила всеобщее одобрение в Англии и восхищение за границей. Положение самой Португалии заставило ее двор смириться со случившимся, и уже вскоре португальский посол подписал с протектором договор о мире и союзе, чрезвычайно выгодный для английской торговли.

Тогда же Кромвель принял еще одну суровую, но в его положении необходимую меру — были казнены Джерард и Вауэл, два роялиста, обви-

ненные в заговоре с целью покушения на его жизнь. Для суда над ними протектор, преступив старинные законы, учредил Верховную палату правосудия. Подобные нарушения уже превратились в обычное дело, однако никакие прецеденты и обычаи не могли заставить англичан принять и одобрить этот порядок вещей. Присяжные вели себя до крайности строптиво. Неугомонный Лильберн, преданный суду за новые проступки, был ими вновь оправдан, и народ вновь веселился и ликовал. А значит, если бы это незаконное и непопулярное правительство не потрудилось изобрести другого способа выносить обвинительные приговоры, то всем его врагам была бы гарантирована полная безнаказанность.

НОВЫЙ ПАРЛАМЕНТ

Предубеждение нации против его власти протектор имел случай заметить также по настроению парламента, созванного им 3 сентября, т. е. в день двух его великих побед под Денбаром и Вустером, который он всегда считал особенно для себя счастливым. Должно признать: если судить о планах Кромвеля исключительно по его **Орудию управления**, документу на редкость пестрому и противоречивому, то не так уж просто понять, что именно желал он установить на самом деле — республику или тиранию. С одной стороны, в столь сложной и обширной системе правления высший магистрат казался необходимым как для достоинства государства, так и для мира и спокойствия в нем, а полномочия, которые присвоил себе Кромвель в качестве протектора, уступали в известных отношениях тем прерогативам, которые закон предоставлял и до сих пор предоставляет королю. С другой стороны, законодательная власть, которую Кромвель сохранил за собой и за Государственным советом, а также наличие весьма крупной армии, независимой от парламента, едва ли свидетельствовали о его намерении строго подчиняться в будущем законной гражданской конституции. Но если у Кромвеля были иные намерения, то в таком случае трудно объяснить еще одно явное противоречие: ведь он распределил округа и провел выборы самым благоприятным для интересов свободы образом. Он отнял право представительства у всех маленьких городков, более всего подверженных подкупу и давлению. Из четырех сотен членов, представлявших Англию, двести семьдесят избирались графствами, а остальные — Лондоном и важнейшими корпорациями. Простонародье, которое так легко одурачить или увлечь, также было отстранено от участия в выборах: для получения права голоса требовалось владеть имуществом стоимостью в 200 фунтов. Выборы в этот парламент проходили совершенно свободно, и если оставить в стороне то обстоятельство, что к ним не были допущены воевавшие против парламента роялисты, а также их сыновья, то более справедливого народного представительства

невозможно было требовать или ожидать. Тридцать депутатов посылала Шотландия, столько же — Ирландия.

Кажется, протектор был чрезвычайно раздосадован, обнаружив, что все эти меры предосторожности, служившие, вероятно, лишь прикрытием для его властолюбия, так и не смогли обеспечить ему доверие англичан. Хотя каждой из партий правление Кромвеля внушало меньше ненависти, чем власть любой другой партии, ни одну из них оно не устраивало вполне. Роялисты, которым король настойчиво рекомендовал вести себя смирно и скрывать свои истинные чувства, изображая из себя республиканцев, нашли в этой клике столь глубоко укоренившуюся враждебность к протектору, что более злобных и ожесточенных противников его власти невозможно было представить. Республиканцы твердили, что свободные выборы не более чем ширма, очередная хитрость этого великого обманщика, цель которого — усыпить одураченную нацию и, выиграв таким образом время, покрепче сковать ее цепями; что в **Орудии управления** он открыто провозгласил свое намерение по-прежнему держать под ружьем ту самую наемную армию, с помощью которой он ниспроверг издревле существовавшую законную власть, и армия эта почувствует еще меньше колебаний и беспрекословно выполнит его приказ, как только ему придет в голову уничтожить новый государственный строй, плод его собственной фантазии; что, сознавая опасность и непрочность всякого военного правления, он попытался сочетать с ним некую видимость, и не более чем видимость гражданской администрации, противопоставив армии мнимое согласие народа; что нелепый опыт с парламентом, члены которого, назначенные им самим, должны были избирать своих преемников, те — своих и далее до бесконечности, ясно показывает, что единственной его целью было наскоро придумать какое-то временное средство и что сам он совершенно чужд принципам республиканского правления и не обладает тем зрелым и основательным умом, который дал бы ему право выступить в роли законодателя; что его властный характер, уже столько раз проявлявшийся, никогда не сможет по-настоящему подчиниться наложенным законом ограничениям, да и сама видимость народного правления будет поддерживаться лишь до тех пор, пока это не противоречит капризам его своеволия и деспотизма; и что самое лучшее, что можно сейчас сделать, — это вынудить его побыстрее сбросить маску, так чтобы он оказался перед выбором: либо подчиниться созванному им самим парламенту, либо, полностью отвергнув его авторитет, утратить всякую опору в стране, кроме своей мятежной и фанатической армии.

Именно этой цели и решил добиваться парламент. Выслушав речь протектора, растянувшуюся на добрых три часа,[45] и избрав своим спикером Лентала, депутаты тотчас же приступили к обсуждению так называемого **Орудия управления**, а также той власти над народом, которую присвоил себе Кромвель в качестве протектора. Об этом новом титуле судили весьма резко, совершенно не стесняясь в выражениях, и даже личность и поступки самого Кромвеля не избегли суровых порицаний. Самое боль-

шее, чего смогли добиться офицеры и «партия двора» (именно так стали ее теперь называть), — это затянуть дебаты всякого рода возражениями и пространными речами и не допустить голосования по данному вопросу, где, как они отлично понимали, их противники получили бы явный перевес. Изумленный и разгневанный строптивостью парламента (ожидать которой, однако, он имел столько оснований), протектор велел депутатам явиться в Расписной зал[63] и, приняв важный и строгий вид, начал яростно поносить их образ действий. Он заявил членам парламента, что попытка оспорить его титул есть с их стороны верх нелепости, ибо то самое **Орудие управления**, которое сделало их парламентом, облекло его, Кромвеля, званием и полномочиями протектора; что известные положения новой конституции следует считать фундаментальными принципами, которые ни под каким видом не подлежат обсуждению или изменению; что этими принципами являются: управление государством посредством одного лица и парламента, их совместная власть над армией и милицией, последовательно сменяющие друг друга парламенты и, наконец, свобода совести; и что в этих пунктах протектор наделен правом вето, которыми, чего он отнюдь не намерен отрицать, он не обладает в других вопросах государственного управления.

Теперь протектор оказался перед необходимостью домогаться особой гарантии, которой, если бы только он сумел предугадать настроение палаты, он мог бы потребовать на первом же ее заседании, что с его стороны было бы несколько приличнее.[46] Кромвель заявил, что члены парламента должны подписать акт о признании его власти, а также обязательство не предлагать и не соглашаться ни на какие изменения в существующей форме правления, так как она установлена в виде одного лица и парламента. У входа в палату расположились по его приказу солдаты, допускавшие лишь тех, кто уже поставил требуемую подпись. Большинство членов после недолгих колебаний подчинились этому условию, однако дух строптивости, обнаружившийся в ходе первых прений, никуда не исчез. **Орудие управления** было буквально разъято на части и, статья за статьей, подверглось самому тщательному и придирчивому разбору; с полного одобрения палаты звучали весьма вольные речи; и за все время своих заседаний парламент не направил ни единого билля на утверждение протектору, как будто последнего вовсе не существовало. Когда же Кромвелю стало известно о том, что депутаты вошли в сговор с некоторыми недовольными офицерами, он поспешил распустить столь опасное собрание (22 января). Согласно **Орудию управления**, он был вправе распускать парламент не раньше, чем через пять месяцев после начала его заседаний; Кромвель, однако, заявил, что месяц состоит всего лишь из двадцати восьми дней: такой счет использовался в армии и флоте при выплате жалованья. Следовательно, если держаться этой системы, срок заседаний парламента уже истек, и его членам велено было явиться к протектору, который произнес перед ними длинную речь, утомительную, бессвязную и сердитую, после чего объявил о роспуске палаты. Если бы о способно-

стях Кромвеля нам приходилось судить по этому выступлению, да и по всем прочим его речам и писаниям, то мы бы составили о нем не самое выгодное мнение. Но ведь среди великого разнообразия человеческих умов встречаются и такие, которые, с полнейшей отчетливостью воспринимая свой предмет в общем и целом, совершенно утрачивают ясное о нем представление, когда требуется изложить его по частям в публичной речи или на письме. По единодушному свидетельству современников, Кромвель говорил скучно, темно и невразумительно (даже если не задавался целью скрыть свои истинные мысли и намерения), однако едва ли найдется другой человек, который в самых сложных и разнообразных обстоятельствах действовал бы с такой твердой решимостью и ясным умом.

Недовольный парламент есть верный признак недовольства избравшей его нации, а резкий и сердитый роспуск подобного парламента способен лишь усилить всеобщий ропот. Возвратившись в свои графства, члены распущенного собрания принялись распространять тот самый мятежный дух, который они уже сполна проявили в палате. Сэр Генри Вен и старые республиканцы, упрямо твердившие о безусловной законности прав Долгого парламента, всячески подогревали недовольство нынешним правительством узурпаторов; впрочем, действовали они чрезвычайно осторожно, чтобы не дать протектору повод для карательных мер. Уайльдман и некоторые другие люди из этой партии зашли в своих заговорах против власти протектора еще дальше. Что касается роялистов, то они ясно видели всеобщую враждебность к господствующей клике, и их уже нельзя было удержать в повиновении; сторонники короля, однако, вообразили, будто все недовольные существующими порядками держатся тех же взглядов и преследуют те же цели, что и они сами. Роялисты не приняли в расчет, что старая парламентская партия, пусть даже многие ее приверженцы возмущались действиями Кромвеля, лишившего их власти, больше всего, как и прежде, опасается победы дела короля, ведь подобный поворот событий не только не вернул бы ей господствующего положения, что было вполне очевидно, но и грозил ей самым суровым возмездием за прошлые беззакония.

ВОССТАНИЕ РОЯЛИСТОВ

С ведома и согласия короля роялисты по всей Англии составили заговор и даже назначили день общего выступления. Вскоре об этих планах стало известно Кромвелю: правительство протектора отличалось величайшей бдительностью, а его секретарь Терло[64] всюду имел тайных агентов. Маннинг, имевший доступ к семейству короля, поддерживал регулярную переписку с секретарем протектора. Да и не так уж трудно было раздобыть сведения о заговоре, столь широко распространившемся в рядах партии, которая больше гордилась своим мужеством и рвением, не-

жели благоразумной осторожностью и умением хранить тайну. Многие роялисты были брошены в тюрьмы; другие же, когда наступил назначенный день, пришли в ужас при мысли об опасности задуманного предприятия и остались дома. Лишь в одном месте тайный заговор вылился в открытые действия. Пенраддок, Гроувс, Джонс и еще несколько джентльменов из западных графств с отрядом в двести всадников въехали в Солсбери (11 марта), в тот самый момент, когда шериф и мировые вели заседание суда присяжных. Магистраты были арестованы, Карл провозглашен королем Англии. Но вопреки ожиданиям заговорщиков к ним так никто и не присоединился: слишком силен был страх перед существующей властью. Бесцельно проблуждав в этих местах еще некоторое время, они совершенно пали духом, и чтобы покончить с ними, оказалось достаточно эскадрона кавалерии. Захваченные в плен вожди заговора были казнены, остальные его участники проданы в рабство и отправлены на Барбадос.

Быстрый и легкий разгром этого восстания, поразившего поначалу нацию своей дерзостью, был великой удачей для протектора, который не смог бы без риска для самого себя сосредоточить для его подавления сколько-нибудь крупный корпус своей мятежной армии. Само же восстание Кромвель счел истинным подарком судьбы, ведь оно доказывало реальность тех заговоров, которые враги его всякий раз пытались представить как чистую выдумку, идущую в ход для того, чтобы оправдать жестокие меры тирана. Отныне он решил не церемониться с роялистами: последние, вероятно, не являлись самыми непримиримыми из его врагов, но именно их имел он возможность притеснять под самыми благовидными предлогами, и именно эта партия менее всего могла рассчитывать на сочувствие и покровительство его сторонников. С согласия своего совета Кромвель издал указ о взыскании со всех без исключения роялистов «каждого десятого пенса», дабы, как он заявил, заставить их самих оплачивать расходы, в которые их непокорный дух беспрестанно вводит нацию. Несмотря на уже внесенные композиции, вопреки условиям капитуляции и актам об амнистии, каждый роялист, как бы ни был он измучен прежними притеснениями, должен был теперь еще раз откупаться огромными суммами, и очень многих это страшное несчастье довело до крайней нищеты. Всякий «недовольный» или хотя бы находившийся под подозрением, пусть даже виновность его оставалась совершенно недоказанной, мог стать жертвой новых поборов и вымогательств.

Для взимания этого чрезвычайного налога (который обыкновенно называли «децимацией»[65]), протектор разделил всю Англию на двенадцать военных округов и назначил двенадцать генерал-майоров.[47] Эти люди, действовавшие совместно с особыми комиссарами, получили право подвергать «децимации» кого им заблагорассудится, собирать все налоги, введенные протектором и его советом, и заключать в тюрьму всякого, кто вызовет у них подозрения; жаловаться же на них можно было только самому протектору и его совету. Ссылаясь на эти и без того громадные полномочия, генерал-майоры осуществляли на деле власть еще более тира-

ническую, став полными господами над собственностью и личностью подданных. Все разумные люди пришли к выводу, что теперь уже самая маска свободы окончательно сброшена, и Англия оказалась в вечном подчинении у армейских тиранов, которые, отвергнув подобающий европейской нации законный порядок, вознамерились править в духе восточной деспотии. Отныне не один лишь верховный магистрат был обязан своей властью беззаконному насилию и узурпации: он разделил народ на двенадцать рабских колен и предоставил своим приспешникам долю той же безграничной власти, которую некогда столь грубо и решительно присвоил самому себе.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ЕВРОПЕ

Правительство военное и совершенно деспотическое по прошествии известного времени почти наверняка впадет в состояние вялости и апатии, но если подобная власть приходит на смену законному конституционному порядку, то поначалу она оказывается способна с большей решительностью и единодушием использовать духовные силы и материальные средства, накопленные нацией в лучшие времена, изумляя иностранные державы своим могуществом и бешеной энергией. Здесь нам кажется необходимым, после столь долгого перерыва, бросить взгляд на общее состояние Европы и рассмотреть, каким образом действовала Англия в своих сношениях с соседними государствами. Спокойный и не воинственный нрав двух ее последних королей, величайшие затруднения, с которыми сталкивались они в собственной стране, отсутствие сколько-нибудь серьезной угрозы неприятельских вторжений сделали их невнимательными к континентальным делам, и в период их правления Англия в известном смысле выпала из общей системы европейской политики. Протектор же, побуждаемый своим дерзким и беспокойный характером, заключал союзы и пускался в смелые предприятия во всех концах христианского мира, и отчасти благодаря энергии его могучего духа, отчасти по причине тех обстоятельств, в которых находились тогда иностранные государства, Англия в эпоху жестокого и беззаконного правления этого узурпатора обладала более внушительным весом, чем даже в царствования самых храбрых и справедливых своих королей.

В Германии наконец-то закончилась Тридцатилетняя война,[48] самая грандиозная и опустошительная из тех, о которых повествует новая история, и Вестфальский договор[66] урегулировал пагубные раздоры, вызванные опрометчивым согласием пфальцграфа принять чешскую корону. Молодой пфальцграф вновь получил часть своих прежних титулов и владений;[49] были ясно определены и твердо установлены права, привилегии и полномочия некоторых членов Священной Римской империи; монархии и республики до известной степени подчинились нормам международно-

го права, — и таким образом, благодаря геройской доблести Густава, энергии предприимчивого Ришелье и козням коварного Мазарини,[67] пролив реки крови и истратив горы золота, удалось отчасти осуществить то, чего в свое время англичане громко требовали и наивно ожидали от вялых и нерешительных усилий миролюбивого Якова, располагавшего лишь теми скудными средствами, какие отпускали своему королю его прижимистые и подозрительные парламенты.

Швеция, завоевав обширные территории в Северной Германии, была теперь занята новыми смелыми предприятиями, которые, если учесть доблесть ее победоносной армии, обещали ей еще более значительные приобретения за счет Дании и Польши. После добровольного отречения Христины[68] на престол в этом королевстве взошел Карл X;[69] подстрекаемый ревностью к славе великого Густава, равно как и собственным воинственным духом, он явился со своей грозной армией на южном побережье Балтийского моря, а затем выиграл знаменитое сражение под Варшавой, продолжавшееся с необыкновенным упорством целых три дня. Протектор, союза с которым искали в это время все державы континента, настойчиво добивался союза со Швецией и был рад заключить его со столь могущественным протестантским государством, пусть даже последнее угрожало завоеванием и порабощением всей Северной Европе.

Отношения парламента и протектора с Францией отличались крайней запутанностью и непостоянством. Эмиссары Ришелье всячески раздували пламя мятежа, когда оно впервые вспыхнуло в Шотландии; но после того как пожар широко распространился, французский двор, видя, что огонь полыхает с достаточной силой и подливать в него масла уже не требуется, почел за благо более не подстрекать недовольных британцев против их государя. Французский двор даже предложил свое посредничество в улаживании этих междоусобных раздоров, а его посланники делали из учтивости вид, будто действуют в полном согласии с английским двором и получают инструкции от английского короля, с которым их повелитель связан столь тесными узами родства. Между тем умер Ришелье, а вскоре скончался и король Франции Людовик XIII, оставивший после себя сына, дитя четырех лет, и вдову Анну Австрийскую,[70] регентшу королевства. В роли первого министра кардинала Ришелье сменил кардинал Мазарини, и хотя это были люди совершенно не сходные по своему характеру, главные цели французской политики в общем остались прежними. Укрепление королевской власти, борьба с притязаниями Австрийского дома велись энергично и успешно, а потому блеск и могущество французской монархии возрастали с каждым годом. Выигрывались сражения, захватывались крепости и города; более того, казалось, самый дух народа постепенно возвышается, проникаясь сознанием верноподданнического долга, стремлением к разумному порядку и спокойной решимостью в труднейших предприятиях. В армии появились Тюренны и Конде, и французские войска, приученные ими к строгой дисциплине и воодушевленные их доблестью, с каждым днем все очевиднее доказывали свое превосходство над

испанцами. Внезапно, из-за каких-то мелких придворных интриг и капризного недовольства высших судейских чиновников, в стране вспыхнули междоусобицы, и Франция вновь погрузилась в хаос и смуту. Но все эти французские мятежи, чуждые благородному духу гражданской свободы, как, впрочем, и отвратительному безумию религиозного фанатизма, столь характерным для гражданских войн в Британии, не повлекли за собой большого кровопролития и в общем оставили народ равнодушным. Хотя мятежников поддерживала войсками Испания, а возглавлял сам принц Конде, они были довольно быстро разгромлены или вытеснены с территории страны, и французская монархия, утратив совсем немногое из завоеванного прежде, с новой энергией вернулась на путь расширения своих владений.

Королева Англии и ее сын Карл во время этих смут находились главным образом в Париже и, несмотря на свое кровное родство с французским королевским домом, встретили с его стороны не так уж много знаков любезности и еще меньше действительной поддержки. Впрочем, даже если бы королева-регентша горела искренним желанием помочь английскому королю, беспорядок в ее собственных делах надолго лишил бы ее возможности осуществить подобные намерения. Королеве-изгнаннице назначили скромную пенсию, однако выплачивали ее так скверно, а кредит королевы был столь низок, что когда в одно прекрасное утро к ней явился с визитом кардинал де Рец, она сообщила гостю, что ее дочь, принцесса Генриетта, ввиду отсутствия в доме камина вынуждена, спасаясь от холода, оставаться в постели. Вот в каком положении оказалась — посреди Парижа — королева Англии, дочь Генриха IV Французского![71]

Тем не менее даже эта, весьма вялая поддержка, которую французский двор оказывал несчастному монарху, до крайности раздражала английский парламент, присвоивший себе верховную власть в государстве. Ссылаясь на ущерб, который, по утверждениям английских купцов, причинили им французы, он санкционировал меры возмездия, и Блейк дошел до того, что атаковал и захватил целую эскадру кораблей, направлявшихся с припасами в Дюнкерк, тесно блокированный испанцами. Не получив этих припасов, город капитулировал. Вскоре французское правительство сочло необходимым изменить свой образ действий. Оно стало обращаться с Карлом с такой подчеркнутой холодностью и равнодушием, что король, желая избежать унизительных сцен, нашел более приличным удалиться самому, не дожидаясь, пока его попросят покинуть Францию. Вначале он отправился в Спа, а оттуда переехал в Кельн, где жил два года на небольшую пенсию в 6000 фунтов от французского двора и на скромные пожертвования, присылаемые его сторонниками в Англии. В домашних делах Карл обнаружил склонность к порядку и экономии, а его веселый, открытый и беззаботный нрав оказался более чем достаточным вознаграждением за ту власть, которую отняли у него враги. Его ближайшими друзьями и советниками были сэр Эдуард Гайд, ставший теперь лорд-канцлером, и маркиз Ормонд.

Если французское правительство нашло благоразумным уступить английскому парламенту, то еще более необходимым считало оно оказывать всяческое почтение протектору, когда тот завладел браздами правления. Кардинал Мазарини, руководивший тогда всей французской политикой, был человек хитрый и осторожный, гибкий и терпеливый; этот коварный притворщик и искусный интриган предпочитал добиваться цели ловкостью, а не силой, и высшую для себя честь видел скорее в конечном успехе своих замыслов, нежели в благородстве и величии употребляемых им средств. Кромвель, в большей мере благодаря своему властному характеру, чем выгодам своего положения, приобрел немалое влияние на этого человека, и любое предложение протектора, каким бы неразумным ни было оно само по себе и с какой бы вызывающей дерзостью на нем ни настаивали, тотчас же с готовностью принималось робким и расчетливым кардиналом. В качестве посланника в Англию направили г-на Бордо, и дерзкому узурпатору, который обагрил свои руки кровью своего законного повелителя, находившегося в столь близком родстве с королевским домом Франции, были оказаны все мыслимые знаки уважения. С воистину железной выдержкой вел Бордо переговоры, к которым Кромвель, как можно было подумать, не проявлял ни малейшего интереса; и хотя английские каперы, с прямого одобрения своего правительства, чуть ли не каждый день причиняли ущерб французской торговле, Мазарини в надежде на благоприятный исход переговоров по-прежнему терпеливо сносил все оскорбления.[50]

Испанский двор, не имевший таких родственных связей с несчастным королевским семейством и к тому же находившийся в гораздо более стесненных обстоятельствах, чем французская монархия, еще усерднее обхаживал парламент и протектора, столь удачливых во всех своих предприятиях. Дон Алонсо де Карденьянс,[72)] испанский посланник, стал первым дипломатическим представителем, который официально признал республику, и в ответ на эту любезность парламент направил в Испанию своего посланника Ашема. Но едва этот министр прибыл в Мадрид, как несколько изгнанных роялистов, охваченных той бешеной ненавистью, которая двигала тогдашними английскими партиями, ворвались в комнату, где находился Ашем, и убили его вместе с секретарем. Пользуясь правом убежища, они тотчас же укрылись в церкви, и благодаря всеобщему сочувствию к делу короля большинству преступников удалось скрыться. Лишь один из них был предан казни, и английский парламент, как могло показаться, вполне удовлетворился этой карой.

Испания, подвергавшаяся в это время со всех сторон мощному натиску внешних врагов и обессиленная множеством внутренних смут, сохранила от былого величия лишь непомерную спесь своих правителей вместе с завистью и ненавистью своих соседей. Восставшая Португалия возвела на трон собственную династию в лице Браганцского дома; взбунтовавшаяся Каталония, возмущенная посягательствами на свои привилегии, готова была присоединиться к Франции; народные волнения потрясали Не-

аполь; у Испанских Нидерландов, куда вторглись превосходящие силы неприятеля, казалось, вот-вот появится новый владыка; испанская пехота, некогда столь грозная, была наголову разбита Конде[73] на полях Рокруа; и хотя этот принц, изгнанный из Франции, своим мужеством и энергией прервал на время цепь неудач испанского оружия, он мог надеяться лишь несколько отсрочить, но никак не предотвратить катастрофу, явным образом угрожавшую этой монархии.

Если бы Кромвель понимал и учитывал истинные интересы своей страны, он бы непременно поддержал клонившуюся к упадку Испанию против устрашающих амбиций Франции и сохранил то равновесие сил, от которого в значительной степень зависели безопасность и могущество Англии. Если бы протектор думал лишь о собственных интересах, то в отношениях с этими крупнейшими монархиями он бы держался строгого нейтралитета и не стал бы подвергать риску свою узурпированную и непрочную власть, бросая дерзкий вызов внешним врагам, которые могли бы оказать помощь его противникам внутри Англии и ниспровергнуть его колеблющийся трон. Но могучий дух Кромвеля презирал опасность, бешеная энергия и жажда славы делали его не способным к покою, а поскольку характер людей постоянно влияет на их политические планы, то едва лишь бы заключен мир с Голландией, как Кромвель начал размышлять о том, против какого врага следует ему теперь обратить свое победоносное оружие.

ВОЙНА С ИСПАНИЕЙ

Обширные владения и в то же время крайняя слабость испанцев в Вест-Индии, энергия и отвага англичан вместе с мощью их военного флота были теми обстоятельствами, сопоставление которых возбуждало честолюбие предприимчивого протектора, внушая ему надежду, что каким-то выгодным для Англии завоеванием он сможет навеки прославить свое правление. Даже если бы на захваченных территориях не удалось закрепиться, рассуждал протектор, золото и серебро, ежегодно доставляемые через океан из Америки в Испанию, стали бы верной добычей английского флота, и за счет этих средств он смог бы содержать свои военные силы, не обременяя новыми тяготами недовольный народ. Между тем со стороны Франции следовало ожидать упорного сопротивления; рассчитывать на обширные захваты и богатую добычу здесь не приходилось; война, даже если бы английскому оружию сопутствовал успех, затянулась бы надолго, а полученные выгоды и преимущества, сколь угодно значительные сами по себе, произвели бы гораздо меньшее впечатление на простой народ, завоевать расположение которого нужно было Кромвелю. Английская королевская династия, столь тесно связанная с французским монархом, могла бы рассчитывать на мощную поддержку соседнего королев-

ства; армия же французских протестантов, высадившись в Англии, оказалась бы способна, опасался протектор, объединить самые враждебные партии в общей борьбе против правительства узурпаторов.[51]

Возможно, эти политические соображения подкреплялись предрассудками фанатизма, ведь нигде больше не встретим мы ту поразительную смесь здравых мыслей и ни с чем не сообразных нелепостей, какую содержал в себе ум этого необыкновенного человека. Договор со Швецией, явно противоречивший интересам Англии, Кромвель заключил единственно лишь из своего протестантского рвения,[52] а поскольку Швеция была тесно связана с Францией, то он не мог рассчитывать сохранить этот союз, коим так гордился, если бы между Англией и Францией произошел разрыв.[53] Кроме того, протектор надеялся, что с французскими гугенотами станут обращаться лучше, если он вступит в тесный союз с их государем.[54] А поскольку испанцы были гораздо более отъявленными папистами, чем французы, и в большей степени возбуждали старую пуританскую ненависть;[55] поскольку у них существовал кровавый трибунал инквизиции, жестокость которого они отказывались смягчить, несмотря на ходатайства Кромвеля,[56] то он твердо уверовал, что священная война с этими богомерзкими идолопоклонниками непременно удостоится небесного покровительства.[57] К тому же некий проповедник, подвигнутый, как полагали, пророческим духом, велел ему **шествовать вперед и побеждать**, назвав его при этом камнем, иссеченным из скалы без помощи рук человеческих, который сломит испанскую гордыню, сокрушит Антихриста и откроет путь для чистой проповеди евангельской во всем мире.[58]

В равной мере движимый фанатизмом, честолюбием и личным интересом, протектор снарядил две мощные эскадры; пока же он вел эти приготовления, соседние государства, ничего не знавшие о его планах, находились в состоянии мучительной неопределенности, строя тревожные догадки о том, где именно должна разразиться надвигающаяся буря. Одна из этих эскадр, в составе тридцати вымпелов, была послана в Средиземное море, командовал ею Блейк, чья слава уже гремела по всей Европе. Если не считать эпоху крестовых походов, английский флот никогда еще не появлялся в этих водах, между тем на всем протяжении данного театра не существовало военно-морских сил, христианских или мусульманских, которые были бы способны ему противостоять. Римский первосвященник, чьи слабость и гордыня в равной мере побуждали к нападению, с ужасом ожидал удара со стороны державы, которая открыто исповедовала глубочайшую ненависть к его сану и в столь малой степени руководствовалась в своих действиях обычными мотивами выгоды и благоразумия. Став на якорь близ Ливорно, Блейк потребовал и добился от герцога Тосканского возмещения убытков, понесенных по его вине английскими купцами. Затем он двинулся к Алжиру, и местный дей вынужден был заключить мир, запретив своим подданным-пиратам какие-либо насилия в отношении англичан. Блейк подошел к Тунису и выдвинул здесь те же требования, но дей этого государства предложил ему обратиться вначале с ходатайством

на сей счет к фортам Порто-Фарино и Голетта. Чтобы разбудить энергию взбешенного адмирала, вовсе не требовалось столь наглого вызова: он приблизился к фортам и разнес их на куски огнем корабельной артиллерии, после чего высланный им крупный отряд матросов вошел на баркасах в гавань и сжег все стоявшие там суда. Эта смелая операция, полный успех которой обеспечила, вероятно, сама ее отчаянная дерзость, была проведена с небольшими потерями и прославила доблесть англичан во всей этой части мира.

ЗАХВАТ ЯМАЙКИ

Действия другой эскадры оказались менее успешными. Командовал ею Пенн, на кораблях находилось четыре тысячи солдат под начальством Венейблса, и еще около пяти тысяч человек присоединились к ним на Барбадосе и Сент-Кристофере. Оба командира сочувствовали королю;[59] утверждают даже, что Кромвель вынужден был спешить с посадкой солдат на суда, чтобы помешать осуществлению планов заговора в пользу изгнанной династии, составившемуся якобы в их среде.[60] Неуспех экспедиции можно с равным правом объяснить как безрассудными замыслами протектора, который ее планировал, так и неудачными действиями двух военачальников, которые ею руководили. Солдаты представляли собой настоящие отбросы всей английской армии; с вест-индскими волонтерами никто в целом свете не мог бы сравниться по распущенности и буйству; Пенн и Венейблс имели совершенно несовместимые характеры; войска не были обеспечены оружием, необходимым для экспедиции такого рода; их провиант ни по качеству, ни по количеству не отвечал действительным потребностям; у солдат и матросов была отнята всякая надежда на добычу — лучший стимул к доблести для подобных людей; военачальники не получили сведений об обстановке и ясных инструкций, которыми они могли бы руководствоваться в своих действиях, и в то же время были обязаны следовать указаниям особых комиссаров, которые без конца вмешивались в их планы.[61]

Вначале адмирал и генерал решили атаковать Санто-Доминго, единственный укрепленный пункт на острове Эспаньола. При известии о прибытии англичан (13 апреля) испанцы в ужасе покинули свои жилища и бежали в леса. Вопреки мнению Венейблса, солдаты были высажены на берег без проводников в десяти милях от города; четверо суток блуждали они в густых чащах без провизии и, что еще более ужасно в столь знойном климате, без воды. Когда же их атаковали осмелевшие испанцы, англичане, совершенно павшие духом из-за бестолковых действий своих командиров и едва живые из-за голода, жажды и смертельной усталости, были просто не в силах сопротивляться. Небольшой неприятельский отряд раз-

громил всю армию, перебив шестьсот человек, а прочих заставил в панике искать спасения на борту своих кораблей.

Желая, насколько возможно, вознаградить себя за столь позорный провал, английские военачальники взяли курс на Ямайку, которая сдалась им без единого выстрела. Пенн и Венейблс возвратились в Англию, где по приказу протектора были заключены в Тауэр: обычно Кромвель умел сдерживать свой горячий нрав, но эта неудача привела его в совершенную ярость. Он захватил территорию, имевшую гораздо большее значение, чем он сам мог в то время предположить, однако весьма скромную по сравнению с его первоначальными замыслами. Тем не менее протектор распорядился направить туда людей и деньги, и с тех пор остров Ямайка остается в руках англичан — главное приобретение, которым обязаны они энергии и предприимчивости Кромвеля.

Как только известия об этой экспедиции, представлявшей собой прямое и ничем не оправданное нарушение мирного договора, достигли Европы, испанцы объявили Англии войну и захватили все корабли и товары английских купцов, находившиеся в пределах их досягаемости. Торговля с Испанией, столь прибыльная для англичан, была прервана, и, согласно тогдашним подсчетам,[62] около полутора тысяч судов попало в руки неприятеля. Блейк получил новые приказы и вместе с прикомандированным к нему Монтегю начал готовиться к военным действиям против испанцев.

Несколько морских офицеров, не уверенных в справедливости войны с Испанией, подали в отставку и ушли из флота:[63] никакие приказы их начальников, полагали они, не в силах оправдать войну, которая противоречит принципам естественной справедливости и которую гражданский магистрат неправомочен начинать. Частные лица, рассуждали эти люди, отказываясь от своей естественной свободы в пользу государства, могут вручить ему лишь то, чем обладают сами, а именно право совершать законные действия, и не в силах облечь его полномочием приказывать то, что противно велениям Господа. Подобные принципы, хотя они и кажутся весьма разумными, пожалуй, слишком возвышенны для человеческой природы, и в них нужно видеть одно из следствий (вполне безобидное и даже благородное) того отчасти фанатического, отчасти республиканского духа, который господствовал в тогдашней Англии.

ПОБЕДА АДМИРАЛА БЛЕЙКА

Некоторое время Блейк крейсировал недалеко от Кадиса, в надежде перехватить испанский «серебряный флот», но в конце концов из-за недостатка пресной воды вынужден был уйти в Португалию. Капитан Стейнер, которого он оставил у побережья с эскадрой из семи кораблей, заметил вдали галеоны и тотчас устремился за ними в погоню. Испанский адмирал выбросился со своим кораблем на берег, два других судна после-

довали его примеру, англичане захватили два корабля с грузом стоимостью почти в два миллиона песет. Два галеона были подожжены, на одном из них встретили свою смерть вице-король Перу маркиз Бадахос,[74] его жена и дочь, помолвленная с молодым герцогом Медина Сели.[75] Сам маркиз мог бы спастись, но, видя, как пораженные страхом женщины лишились чувств и погибли в пламени, он предпочел умереть вместе с ними, чтобы не влачить жизнь, отравленную воспоминаниями о столь ужасных сценах.[64] Когда захваченные на этих галеонах богатства были доставлены в Портсмут, протектор из гордости и тщеславия приказал везти их в Лондон сухим путем.

Следующая операция против испанцев принесла англичанам больше славы, но меньше выгоды. Узнав о том, что испанский флот из шестнадцати судов с еще более богатым грузом, чем прежний, укрылся на Канарских островах, Блейк тотчас же двинулся в этом направлении. Он обнаружил испанские корабли в бухте Санта-Крус. Их позиция была весьма грозной; вход в бухту прикрывала мощная крепость, и это не считая семи фортов в разных пунктах побережья, которые соединялись между собою занятой мушкетерами линией укреплений. Дон Диего Диаквес,[76] испанский адмирал, приказал всем своим мелким судам стать на мертвый якорь у самого берега, а крупные галеоны поставил на якорь несколько дальше, развернув их бортами к морю.

Это внушительное зрелище нисколько не смутило Блейка, а, скорее, лишь раззадорило его. Отчаянной отваге адмирала содействовал ветер: он дул как раз в сторону бухты, и уже через мгновение Блейк оказался в самой гуще неприятелей. После четырехчасового боя испанцы, сломленные доблестью англичан, оставили свои корабли, которые были подожжены, и погибли со всеми своими сокровищами. Однако самая страшная опасность по-прежнему угрожала английскому флоту: он находился под огнем крепости и фортов, который вскоре должен был разнести его на куски. Но внезапно переменившийся ветер вынес английские корабли из бухты в открытое море, и испанцам оставалось лишь изумляться счастливой дерзости своих бесстрашных и победоносных врагов.

СМЕРТЬ БЛЕЙКА

Это был последний и величайший подвиг храброго Блейка. Истощенный водянкой и цингой, он спешил вернуться в Англию, чтобы испустить последний вздох в родной стране, которую он так прославил своей доблестью. Он умер в виду английских берегов.[65] Не найти другого примера, когда бы человека, столь пылко преданного собственной партии, так уважали и ценили даже противоположные партии. Непреклонный республиканец по своим убеждениям, Блейк, как считалось, без особого восторга отнесся к последним актам узурпации, хотя новые правители доверяли

ему ответственные посты и осыпали его всяческими милостями и знаками внимания. **«Наш неизменный долг**, — говорил он матросам, — **сражаться за родину, в чьих бы руках ни находилась власть в государстве»** Бескорыстный, щедрый и великодушный, стремившийся лишь к истинной славе, внушавший страх лишь открытым врагам, Блейк явил собой один из прекраснейших характеров эпохи, в наименьшей степени запятнав свою репутацию столь обычными в те времена насилиями и заблуждениями. Протектор распорядился устроить ему пышные похороны за государственный счет, но лучшей данью уважения памяти Блейка стали искренние слезы его соотечественников.

Внешняя политика протектора, неблагоразумная и опрометчивая, отличалась, однако, смелостью и энергией, и потому обеспечила Англии авторитет, который страна, по-видимому, совершенно утратила со времени царствования Елизаветы Высокий дух удачливого узурпатора настойчиво стремился всюду распространить славу английской нации; изумляя мир своими необыкновенными успехами, он, казалось, не унижал порабощенный им народ, а, напротив, возвеличивал его и облагораживал. Имя англичанина, обещал Кромвель, будет внушать прочим народам не меньше страха и уважения, чем некогда имя римлянина, а поскольку его соотечественники видели, что столь гордые притязания отчасти осуществляются, это льстило их национальному самолюбию, и они могли более терпеливо переносить несчастья и оскорбления, обрушившиеся на них в самой Англии

ВНУТРЕННЯЯ АДМИНИСТРАЦИЯ КРОМВЕЛЯ

Следует также признать, что в делах внутренней гражданской администрации протектор обнаружил столько справедливости и мягкости, сколько вообще было возможно в тех условиях для человека, чья узурпированная власть основывалась не на законе, а единственно лишь на силе меча На все главные должности в судах были назначены люди честные и неподкупные; посреди самой бешеной борьбы партий судьи выносили справедливые и беспристрастные приговоры, и всякий человек должен был подчинять свои поступки букве закона — всякий, кроме самого протектора, который, впрочем, открыто нарушал закон лишь тогда, когда этого настоятельно требовали особые обстоятельства Так, Вен и Лильберн, чье влияние в среде республиканцев и левеллеров внушало Кромвелю величайшую тревогу, были на некоторое время подвергнуты тюремному заключению; упрямого Кони, отказавшегося платить незаконные налоги, угрозами заставили подчиниться, для суда над лицами, замешанными в заговорах и мятежах против власти протектора, в отношении которых последний не мог положиться на обычных присяжных, были учреждены чрезвычайные трибуналы. Но все эти отклонения от правил считались ес-

тественным и неизбежным следствием его незаконной власти. И хотя офицеры, как утверждают,[66] часто и весьма настойчиво предлагали ему устроить всеобщее избиение роялистов в Англии, Кромвель всякий раз с ужасом и омерзением отвергал эти безумно-кровожадные советы.

Единственной опорой власти протектора служила армия, и для сохранения полного контроля над ней Кромвель как правитель должен был выказывать более всего тонкости и искусства. Солдат держали в строгой дисциплине; подобная политика приучала их к повиновению, делая их в то же время менее ненавистными и обременительными для народа. Протектор увеличил им жалованье, хотя состояние государственных финансов вынуждало его порой задерживать выплаты. Армия понимала, что ее интересы тесно связаны с интересами главнокомандующего и протектора, а таланты этого человека, равно как и блестящий успех почти всех его прежних замыслов и предприятий обеспечивали ему искреннюю любовь и уважение солдат. Но всякое военное правление само по себе непрочно, в особенности там, где оно противоречит гражданским учреждениям нации, и еще больше там, где оно сталкивается с религиозными предрассудками. Разжигая в своих солдатах бешеный фанатизм, Кромвель сумел склонить их к таким действиям, которые, будь они предложены армии открыто, вызвали бы у нее глубочайшее отвращение. Но тот же дух религиозного исступления делал их строптивыми и непокорными, а их прихоти — весьма опасными даже для того, кто отдавал им приказы и посылал в бой. Слишком часто и настойчиво внушали солдатам, что должность короля есть посягательство на законные права Иисуса Христа, и теперь у них могло возникнуть подозрение, что и власть протектора не вполне согласуется с особыми прерогативами нашего божественного Спасителя. Гаррисон, достигший высокого положения и пользовавшийся доверием Кромвеля, превратился тем не менее в непримиримейшего из его врагов, как только была установлена власть одного лица, — та самая, против которой узурпатор всегда выступал с такой яростью. Подобных же взглядов держались и другие старшие офицеры, например Рич, Окей и Овертон, и Кромвель вынужден был уволить их со службы. Их влияние в войсках, прежде считавшееся громадным, с этого момента, по-видимому, совершенно сходит на нет.

Чтобы с бóльшим успехом обуздывать мятежный и фанатический дух своих войск, Кромвель организовал в нескольких графствах нечто вроде милиции. Были набраны пехотные роты и кавалерийские эскадроны; во главе их поставлены надежные офицеры, им регулярно выплачивали жалованье, и таким образом правительство получило в свои руки средство для предотвращения как восстаний роялистов, так и бунтов в самой армии.

Не приходится сомневаться, что религия всегда играла важную роль в гражданском правлении, а в ту эпоху она оказывала могущественное влияние на человеческие поступки и стремления. Хотя дикие фантазии нередко увлекали и самого Кромвеля, он поставил своей целью ограничить

их воздействие на других людей и использовал для этого весьма разумные и тонкие методы. Твердо решив сохранить государственную церковь,[77] однако не желая допускать ни епископального, ни пресвитерианского церковного устройства, протектор назначил особых комиссаров, именовавшихся **контролерами**,[78] частью мирян, частью священнослужителей из числа пресвитериан и индепендентов. Этим людям было поручено выдвигать кандидатов на церковные бенефиции, прежде распределявшиеся короной, экзаменовать и утверждать в должности лиц, посвящаемых в духовный сан, а также осуществлять надзор за образом жизни, поведением и религиозными убеждениями духовенства. Вместо того чтобы всячески поддерживать союз между светской ученостью и богословием, который уже так давно пытались создать в Европе, эти контролеры радели исключительно о чистоте теологических воззрений, превратив ее в единственный предмет своих проверок. Кандидатов больше не смущали трудными вопросами касательно их успехов в греческом и латинском языках или же их познаний в мирских науках и искусствах; главной целью дотошного расследования было установить, когда именно совершилось их «обращение» и сколь уверенно шествуют они ныне по «пути благодати».

С самозванными «праведниками» всех сект Кромвель держал себя просто и без претензий. Отложив в сторону достоинство протектора (которое в иных случаях он умел с блеском поддержать), Кромвель внушал им мысль, что одна лишь необходимость могла заставить его принять этот высокий сан. Он увлеченно рассуждал с ними о духовных предметах, тяжко вздыхал, горько плакал, истово молился, — словом, всячески выказывал свою набожность. А порой он даже вступал с ними в своего рода соревнование, пытаясь превзойти их по части «даров духа»; и эти особы, не чувствуя ни малейшей досады оттого, что их дурачат их собственными средствами, гордились тем, что его высочество благородным своим примером возвеличивает благочестивые занятия, коим предавались они каждый день.[67]

Если Кромвель вообще держался какой-то определенной разновидности религии, то, пожалуй, именно индепенденты вправе были гордиться его особой благосклонностью, и можно утверждать, что все проповедники из этой секты (кроме пылких приверженцев гражданской свободы) были ему искренне преданы.

Пресвитерианское духовенство, избавленное от бешеных нападок со стороны милленариев и анабаптистов,[79] сохранившее свое церковное устройство и исправно получавшее десятину, также не испытывало враждебных чувств к его власти, хотя самому протектору неугомонный и властолюбивый дух этих людей по-прежнему внушал немалую тревогу. Всем англичанам (кроме католиков и сторонников епископа) Кромвель предоставил полную свободу совести; таким образом он расположил к себе крайних сектантов, используя их в то же время для обуздания деспотических претензий пресвитериан. «Я — единственный человек (часто говорил он о себе), которому удалось смирить эту дерзкую секту, столь нетерпимую ко всем прочим».

Протестантский пыл, коим были тогда охвачены как индепенденты, так и пресвитериане, получал громадное удовлетворение благодаря тому обстоятельству, что гордый протектор с успехом защищал гонимых протестантов во всей Европе. Даже герцог Савойский,[80] государь, столь далекий от берегов Англии и не имевший серьезных причин страшиться мощи ее флота, вынужден был, под давлением Франции, принять посредничество Кромвеля и даровать терпимость протестантам долины Аоста, которых прежде подвергал жесточайшим преследованиям. Самой Франции приходилось мириться не только с религией, но порой и с мятежной дерзостью собственных гугенотов; а когда французский двор рискнул выступить с ходатайством о том, чтобы английские католики, подобно французским протестантам, также получили право свободно исповедовать свою веру, протектор, никому и ни в чем не желавший уступать, с надменностью отверг это предложение. Он вынашивал замысел создания особой коллегии по распространению веры, на манер аналогичной конгрегации в Риме, а его апостолы по части своего рвения (хотя отнюдь не в смысле единодушия) были достойными соперниками католических миссионеров.

Кромвель не отменил суровые законы против англиканской церкви, но предоставил ее духовенству чуть больше действительной свободы: протектор хотел дать почувствовать, что его власть во всем проявляет бóльшую мягкость и терпимость. Он крепко держал в узде роялистов как с помощью армии, по-прежнему остававшейся под ружьем, так и посредством тайных агентов, которых умел ловко внедрять в их ряды. Когда Маннинг был разоблачен и предан казни, Кромвель подкупил сэра Ричарда Уиллиса, пользовавшегося величайшим доверием канцлера Гайда[81] и всех роялистов, и через этого человека вовремя узнавал о любых планах и заговорах королевской партии. Он мог расстроить любой замысел, подвергнув заключению лиц, которым предстояло его осуществлять, а так как по прошествии известного времени он выпускал их на свободу, то в его суровых мерах видели всего лишь следствие общей настороженности и подозрительности, тайный же источник его сведений по-прежнему оставался вне подозрений.

Более всего Кромвель страшился заговоров с целью его убийства, ибо никакая степень бдительности не могла уберечь его от подобной опасности. Полковник Титус, под именем Аллена, написал весьма пылкую речь, в которой призывал англичан воспользоваться этим способом мести; и Кромвель знал, что охваченные бешеным гневом роялисты вполне способны осуществить подобную доктрину на практике. А потому он прямо им заявил, что умышленное убийство есть прием низкий и подлый и что сам он никогда не обратится к столь постыдному средству борьбы, но если они первыми хотя бы попытаются к нему прибегнуть, то их ждет страшное возмездие. Для этого, предупредил Кромвель, у него есть все необходимые орудия, и он не остановится до тех пор, пока не истребит королевскую фамилию до последнего человека. Эта угроза в большей степени, чем все меры предосторожности, обеспечила ему личную безопасность.[68]

Ни о чем протектор столько не заботился, как о сборе всевозможных сведений. Утверждают, что одна эта статья обходилась ему в 60 000 фунтов ежегодно. Почтмейстеры, как в Англии, так и за границей, состояли у него на жалованьи; курьеров обыскивали или соблазняли взятками; секретарей и клерков подкупали; величайшие фанатики во всех партиях были нередко его тайными осведомителями, — одним словом, ничто не могло укрыться от его недремлющего ока. По крайней мере, такую картину рисуют нам историки кромвелевского правления; следует, однако, признать, что, судя по недавно опубликованным томам из архива Терло, здесь, как это часто бывает, слишком многое преувеличено. Из этих документов явствует, что протектору едва ли были известны какие-либо тайные планы иностранных держав, кроме, разве что Голландии, которые, впрочем, никто и не думал скрывать.

Этот человек, начавший свое возвышение из весьма скромной сферы частной жизни, проведший большую часть своей молодости в деревне, да и впоследствии нередко вынужденный вращаться не в самом изысканном и благовоспитанном обществе, обычно держал себя так, что его манеры могли бы оказать честь величайшему из монархов. Он сохранял достоинство без малейшей аффектации и хвастовства и всегда умел поддержать в посторонних людях то высокое мнение о себе, которое уже внушили им его великие деяния и поразительная судьба. Зато в компании старых друзей Кромвель мог расслабиться: он веселился, шутил, дурачился, сочинял стишки, и самое фамильярное обращение приятелей нисколько его не коробило.[69] А порой он доходил до грубого шутовства и мог, например, забавы ради, подсыпать горячие угли в сапоги своим офицерам.[70] Незадолго до процесса короля вожди республиканской партии и высшие армейские чины решили собраться и обсудить, какой формой свободного правления следует заменить совершенно уничтоженную ими монархическую конституцию. После долгих споров по этому вопросу, самому важному из всех, какие только могут встать перед умом человеческим, Кромвель, как рассказывает Ледло, запустил ему в голову подушку, а когда Ледло схватил другую, чтобы ответить ему тем же, расшалившийся генерал бросился вниз по лестнице, да так стремительно, что чуть было не скатился с нее кубарем. Когда же члены Верховной палаты правосудия[82)] подписывали по очереди приказ о приведении в исполнение смертного приговора королю, то есть в минуту, если это вообще возможно, еще более торжественную, Кромвель взял перо и, прежде чем поставить свое имя, размалевал чернилами лицо сидевшему рядом Мартину. Перо передали Мартину, и он проделал ту же процедуру с Кромвелем.[71] Кромвель часто устраивал пиры своим офицерам, когда же на столы подавали кушанья, в зал по особому сигналу врывались солдаты и посреди невообразимого шума и толкотни хватали блюда и убегали с ними прочь, оставляя без еды ошарашенных гостей.[72]

Эта склонность к шуткам и комическим выходкам, составлявшая одну из черт характера Кромвеля, пусть и не вполне вязавшуюся с его общим

душевным складом, толкала его порой к другим странностям и чудачествам, прорываясь даже в таких вещах, которые, как можно было подумать, некоторым образом касались религии. Рассказывают, что однажды за обедом протектору принесли бутылку вина; он так любил этот сорт, что всегда открывал бутылку сам, но, пытаясь сделать это сейчас, уронил на пол штопор. Придворные и генералы тотчас же бросились его поднимать. Кромвель расхохотался: «Если бы к нам в эту минуту заглянул какой-нибудь дурень, то, глядя на ваши позы, он, чего доброго, мог бы вообразить, что вы ищете Господа, тогда как ищете вы обыкновенный штопор».

Среди самого бурного веселья и беспечного шутовства этот удивительный человек не упускал случая наблюдать характеры, угадывать замыслы и замечать слабости других людей, а иногда, ловко пользуясь их склонностью к вину, добивался того, что ему открывались глубочайшие тайники их души. Впрочем, нравы при его дворе всегда были степенными, даже строгими, и он остерегался оскорбить малейшей вольностью строгих ревнителей пуританского благочестия. В придворном церемониале поддерживалась известная торжественность, но с небольшими расходами и без каких-либо претензий на пышность и великолепие. Титулованное дворянство, хотя Кромвель желал его приблизить к себе и всячески обхаживал, отвечало холодностью на заигрывания протектора, считая ниже своего достоинства иметь что-либо общее с худородными людьми, которые были орудиями его власти. Не отступая от экономии, он проявлял щедрость к тем, кто ему служил, и умел найти и использовать в своих интересах всякого, кто обладал дарованиями, необходимыми на том или ином посту. Его генералы и адмиралы, его судьи и послы, каждый на своем месте, укрепляли власть протектора и в то же время защищали интересы нации и умножали ее славу.

Под предлогом объединения Шотландии и Ирландии в одну республику с Англией Кромвель лишил эти королевства всякой самостоятельности, трактуя их исключительно как завоеванные провинции. В Шотландии гражданская власть была передана совету во главе с лордом Брогхиллом,[83)] состоявшему преимущественно из англичан. Правосудие отправляли семеро судей, четверо из них были англичане. Чтобы обуздать произвол и тиранию местной знати, Кромвель уничтожил все виды вассальной зависимости[73] и восстановил должность мировых судей, которую в свое время ввел, но не сумел сохранить король Яков.[74] Через всю страну протянулась длинная цепь фортов и крепостей, десятитысячная армия[75] везде обеспечивала спокойствие и повиновение, и ни разбойники-горцы, ни бешеные фанатики из южных графств уже не могли дать волю своей склонности к буйствам и беспорядкам. Кромвель обхаживал пресвитерианское духовенство, но в то же время не давал угаснуть вражде между «резолюционерами» и «протестерами», обнаружив при этом, что для разжигания злобных богословских перепалок большой хитрости не требуется. Понимая, что церковные ассамблеи становились в прошлом источником многих смут, он запретил их созыв. В общем, шотландцы

вынуждены были признать, что во времена своей свободы с вечными ее буйствами и раздорами они никогда не достигали такого благоденствия, какое принесло им теперь подчинение иностранной державе.

В Ирландии протектор гораздо чаще прибегал к суровым и насильственным мерам. Вначале управление этим островом было поручено Флитвуду, отъявленному фанатику, который женился на вдове Айртона, а затем — Генри Кромвелю, младшему сыну протектора, молодому человеку мягкого и любезного нрава, не лишенному к тому же энергии и способностей.[84] Около пяти миллионов акров земли, конфискованной у мятежников-папистов, а также у сторонников короля, были розданы частью кредиторам парламента, частью английским солдатам в порядке погашения задолженности перед армией. Едва ли во всей истории отыщется пример более резких и жестоких перемен в отношениях земельной собственности. Был даже издан приказ о насильственном переселении всех коренных ирландцев в провинцию Коннаут, где они, запертые со всех сторон реками, озерами и горами, уже не могли бы, как надеялись англичане, представлять какой-либо угрозы для их власти на острове; но этот варварский и нелепый план, целью которого было немедленно добиться полных гарантий безопасности, с неизбежностью обезлюдил бы все прочие провинции и лишил бы всякой ценности земельные участки самих англичан, и вскоре от него отказались как от совершенно неосуществимого.

НОВЫЙ ПАРЛАМЕНТ

У Кромвеля появилась надежда, что его правление, ознаменовавшееся столь блестящими успехами за границей, а также порядком и спокойствием в Англии, уже обеспечило ему достаточный авторитет, и теперь он может встретиться с представителями нации, твердо рассчитывая на их почтительное повиновение. Он созвал парламент, однако, не вполне полагаясь на симпатии народа, употребил все средства, которые предоставляла введенная им новая избирательная система, чтобы оказать влияние на исход выборов и провести в палату как можно больше своих ставленников. От Ирландии, где безраздельно распоряжалась армия, в парламент были избраны почти исключительно офицеры, всецело преданные протектору. Шотландия выказала такую же покорность, а поскольку знать и дворянство этого королевства считали свое присутствие в английских парламентах позорным символом рабства, то здесь офицерам оказалось еще легче победить на выборах. Но все эти меры предосторожности не помогли, и протектор видел, что большинство палаты составляют лица, на чье расположение ему не приходится рассчитывать. А потому он выставил у входа в палату охрану (17 сентября), впускавшую лишь тех, кто мог предъявить особый документ о подтверждении своих полномочий Государственным советом; совет же исключил около сотни депутатов, от-

казывавшихся признать власть протектора или же по каким-то иным причинам ему неугодных. Эти люди заявили протест против столь вопиющего беззакония, подрывавшего самые основы свободы, но все их просьбы о восстановлении справедливости были оставлены без внимания советом и парламентом.

С помощью этих махинаций и прямых актов насилия удалось, наконец, добиться того, что большинство членов парламента составляли теперь либо сторонники протектора, либо те, кто рассчитывал своей уступчивостью приспособить, насколько возможно, военное правление к законам и привилегиям англичан. Парламент постановил, что Карл Стюарт и все члены его фамилии лишаются всех прав на престол, — это был первый акт подобного рода, который хотя бы формально можно было счесть выражением воли нации. Желая прощупать настроения палаты, полковник Джефсон отважился предложить, чтобы парламент вручил корону Кромвелю, и депутаты не выказали при этом изумления или неудовольствия. Когда же впоследствии Кромвель спросил у Джефсона, что именно побудило его внести подобное предложение, тот ответил: «Пока я имею честь заседать в парламенте, мой долг — следовать голосу собственной совести, пусть даже это навлечет на меня несчастье вызвать ваш гнев». — «Ступай отсюда, дружище (сказал Кромвель, слегка ударив его по плечу), ступай, ступай, ведь ты, я вижу, совсем с ума спятил».

Чтобы открыть себе путь к этой вершине, достичь которой он желал с такой страстью, Кромвель решил пожертвовать своими генерал-майорами, вызывавшими, как ему было известно, величайшую ненависть нации. Впрочем, этот шаг стал теперь необходимым и для его собственной безопасности. Всякое чисто военное правление постоянно колеблется между деспотической монархией и деспотической аристократией, в зависимости от того, чье влияние — главнокомандующего или следующих за ним по должности и чину офицеров — оказывается в данный момент преобладающим. Генерал-майоры, наделенные особыми полномочиями, притом весьма обширными, начали выдвигать собственные претензии на власть, превратившись в силу, грозную для самого протектора. Кромвель не предвидел подобной опасности, однако сумел вовремя принять надлежащие меры. Клейпол, зять протектора, пользовавшийся его доверием, отдал их судьбу в полную власть палаты, и хотя должность генерал-майоров сохранилась, их реальная власть была урезана или, лучше сказать, совершенно уничтожена.

Наконец олдермен Пек, член парламента от Сити, внес формальное предложение облечь протектора королевским саном. Вначале оно вызвало настоящую бурю, расколов палату на две партии. Решительнее всего протестовали те, кто обычно служил главной опорой протектора, — генерал-майоры и связанные с ними офицеры. Ламберт, ловкий интриган, пользовавшийся огромным влиянием в армии, уже давно вынашивал честолюбивые замыслы стать преемником Кромвеля на посту протектора; он предвидел, что в случае реставрации монархии наследственное право так-

же будет восстановлено и корона перейдет к потомству первого избранного государя. А потому Ламберт заговорил теперь о «совести» и о «принципах» и, умело играя на всякого рода злобных предубеждениях против королевской власти, которые прежде так усердно внушались солдатам и уже успели послужить армии предлогом для стольких актов насилия, сумел сколотить довольно многочисленную, а главное, весьма влиятельную партию противников этого предложения.

КРОМВЕЛЮ ПРЕДЛОЖЕНА КОРОНА. 1657

Данное предложение, однако, поддерживали все те, кто, будучи лично предан протектору, рассчитывал услужить владыке Англии столь угодной ему мерой. Кроме того, многие люди, искренне любившие свою родину, но утратившие всякую надежду на то, что им когда-либо удастся свергнуть нынешнюю незаконную власть, желали теперь, утвердив ее на древнем основании, побудить протектора, хотя бы в видах собственной безопасности, с бóльшим уважением относиться к древним законам и правам нации. Даже роялисты опрометчиво одобрили эту идею, полагая, что когда вопрос будет стоять не о форме правления, а единственно о личности правителя, всякий не колеблясь предпочтет древнюю королевскую династию низкому узурпатору, который проложил путь к трону изменой, вероломством и кровопролитием. В итоге соответствующий билль был принят значительным большинством голосов (9 апреля), а особому комитету поручено было представить протектору доводы в его пользу, дабы рассеять сомнения, которые, как утверждал Кромвель, удерживали его от принятия столь щедрого дара.

Совещание продолжалось несколько дней. Члены комитета настойчиво доказывали, что все статуты и обычаи Англии предполагают существование монаршей власти, и их просто невозможно, не прибегая к жестокому насилию, приспособить к какой-либо иной форме правления; что титул протектора (исключая период несовершеннолетия короля) абсолютно неведом английским законам, и ни единому человеку не известны объем и границы его полномочий; что если бы кто-то попытался определить во всех деталях его власть, то для решения столь сложной задачи потребовалось бы много лет или даже веков; между тем если протектор получит разом все полномочия короля, то вопрос, что вполне очевидно, будет стоять единственно лишь об имени верховного магистрата, а преимущества древнего титула совершенно бесспорны; что английская конституция всегда уделяла больше внимания форме государственного устройства как таковой, а не наследственным правам и происхождению верховного магистрата, и потому особый закон Генриха VII гарантирует безопасность тем, кто действует в защиту короля, занимающего трон в данный момент, каким бы путем ни пришел этот человек к власти; что величайший интерес всех

сторонников его высочества заключается в том, чтобы поскорее стать под защиту названного статута, и даже народ в своем большинстве страстно желает перемены титула верховного правителя, ведь хорошо известно, сколько усилий требуется всякий раз, чтобы заставить присяжных выносить вердикты именем протектора; что главной причиной всех последних смут явилась чрезмерная подозрительность ревнителей свободы и что республика вместе с протекторатом были учреждены для того, чтобы обеспечить новые гарантии для конституционных свобод; однако, как свидетельствует опыт, средства эти оказались негодными, даже опасными и пагубными, ибо любая власть, не имеющая ясных и точных границ, — как, например, власть протектора, — неизбежно становится деспотической и тем более деспотической, чем очевиднее противоречит она духу и желаниям народа.

Трудность заключалась не в том, чтобы убедить Кромвеля: он ясно понимал силу этих доводов, и его разум, точно так же, как и склонности, были всецело на стороне комитета. Но как внушить подобный образ мыслей солдатам? Должность короля им всегда рисовали столь черными красками, что теперь не было никакой возможности в одно мгновение примирить их с короной, пусть даже ею был бы увенчан их главнокомандующий, которому они были искренне преданы. Столь прямое и вопиющее противоречие со всеми прежними торжественными декларациями армии превратило бы их в глазах народа в бесстыдных лицемеров; в них стали бы видеть обыкновенных наемников, которые единственно лишь из корыстных побуждений пошли на службу к вероломнейшему из изменников. Все мыслимые аргументы, мирские и религиозные, лишь укрепляли армию в ее принципах (насколько здесь вообще можно говорить о каких-то «принципах»), и хотя там, где этому содействовали их выгода и интерес, солдат всегда легко обманывали самыми грубыми и топорными уловками, было бы, пожалуй, весьма рискованно резко сбросить маску и с полной ясностью показать им всю гнусность и преступность их действий. Увлекаемый в разные стороны этими опасениями и пылкими мечтами собственного честолюбия, Кромвель не мог ни на что решиться; он делал вид, будто доводы парламентского комитета по-прежнему его не убеждают, и всячески тянул время в надежде, что с помощью какой-нибудь хитрости ему все-таки удастся примирить упрямых солдат с его новым саном.

В этих обстоятельствах протектору слишком часто приходилось говорить то, что совершенно не соответствовало его истинным мыслям и чувствам; не удивительно, что его речи, и прежде столь путаные, косноязычные и бестолковые, стали теперь вдесятеро темнее, и в них не заметно было уже ни малейшего проблеска ума или хотя бы здравого смысла. Сохранился подробный отчет об этой конференции — документ в высшей степени любопытный. Члены комитета выказывают в своих выступлениях рассудительность, эрудицию, красноречие; лорд Брогхилл в те памятные дни был особенно великолепен. Но как же меняется картина, когда обращаемся мы к ответам протектора! Воистину, природа распределяет

свои дары причудливейшим образом: в стране, изобиловавшей людьми глубокого ума и обширной учености, человек, который исключительно благодаря собственным выдающимся успехам и талантам проложил себе путь к высшей власти и даже заставил парламент формально предложить ему корону, выражал свои мысли по этому поводу так, что даже самый недалекий из крестьян с полным основанием постыдился бы изъясняться подобным образом.[76]

КРОМВЕЛЬ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ КОРОНЫ

По-настоящему Кромвеля страшило не то противодействие, которое оказал ему Ламберт со своими приспешниками (коих протектор считал теперь своими главными врагами и твердо намерен был при первой же возможности снять со всех постов и лишить всякого влияния), а то, с которым столкнулся он в недрах собственного семейства, со стороны людей, из склонности и в силу личного интереса более всего ему преданных. Флитвуд был женат на его дочери, Десборо — на его сестре, но теперь эти люди не думали ни о чем, кроме своих принципов, и никакие доводы, просьбы и уловки не могли заставить их согласиться на то, чтобы их друг и покровитель был облечен королевским саном. Они прямо заявили Кромвелю, что если он примет корону, то они немедленно попадут в отставку и уже никогда не смогут ему служить.[77] Полковник Прайд составил петицию против восстановления должности короля, которую подписало большинство офицеров в Лондоне и его окрестностях. Несколько человек, как рассказывают, сговорились убить протектора, как только он примет предложение парламента. Были все основания опасаться мятежа в армии. В конце концов, после долгих мучительных сомнений Кромвель вынужден был отказаться от короны, которую столь торжественно предлагали ему представители нации. Историки по большей части склонны порицать его за этот шаг; следует, однако, согласиться, что протектор был лучшим судьей собственного положения. А в столь сложных вопросах перемены малейшего обстоятельства, не известной стороннему наблюдателю, нередко бывает недостаточно для того, чтобы склонить чашу весов, превратив определенное решение, быть может, не слишком удачное само по себе, в разумное или даже абсолютно неизбежное с точки зрения действующего лица.

Лорд Кларендон упоминает об одном видении или пророчестве, которое, по его словам (а он должен был знать правду), служило предметом повсеместных толков чуть ли не с самого начала гражданской войны, то есть задолго до того, как Кромвель превратился в настолько крупную фигуру, чтобы придать ему какое-то правдоподобие. Согласно этому предсказанию, Кромвелю суждено было стать самым могущественным человеком в Англии и почти достигнуть трона — но так и не взойти на него по-

настоящему. Подобная вера родилась, надо полагать, в воспаленном воображении самого Кромвеля или его сторонников, а так как она, вместе с иными причинами, могла способствовать его прежним поразительным успехам, то ее, вероятно, можно счесть мотивом, который побудил его теперь оставить мысли о дальнейшем возвышении.

ПОКОРНЕЙШАЯ ПЕТИЦИЯ И СОВЕТ

Когда Кромвель отказался от титула короля, парламенту не оставалось ничего другого, как сохранить имена «республика» и «протектор», а поскольку существовавшая до сих пор форма правления представляла собой результат явной узурпации, то ее сочли необходимым освятить видимостью санкции народа и его представителей. Взамен **Орудия управления**, которое сочинили без посторонней помощи высшие чины армии, парламент подготовил и подал протектору **Покорнейшую петицию и совет**.[85] Сей документ изображался как великий фундамент республиканского строя, долженствующий определить и упорядочить полномочия всех конституционных властей и обеспечить на все будущие времена права и свободы английской нации. Он расширял власть протектора в некоторых пунктах, зато в других существенно ее ограничивал. Протектор получил право назначить себе преемника; ему был ассигнован постоянный годовой доход — 1 000 000 фунтов на содержание армии и флота и 300 000 — для нужд гражданского управления; он мог назначать членов «другой палаты», которые должны были заседать пожизненно, выполняя некоторые из функций прежней палаты лордов. Однако протектор отказывался от права в перерывах между сессиями парламента издавать законы с согласия своего совета, а также признавал, что впредь члены любой палаты могут быть исключены лишь с согласия самой этой палаты. Прочие пункты мало в чем отличались от соответствующих статей **Орудия управления**. Когда-то Кромвель расхваливал это **Орудие** как совершеннейшее из творений ума человеческого, теперь же назвал его «прогнившей доской», которая грозит неминуемой гибелью в волнах всякому, кто ей доверится. Впрочем, в **Покорнейшей петиции и совете** (а ее протектор также превозносил до небес) обнаружилось столько изъянов и недочетов, что на этой же сессии ее пришлось срочно латать, присовокупив к ней особое дополнение; но и после всех поправок мы вправе назвать этот проект государственного устройства топорным и непродуманным. Тем не менее его признали выражением воли всех трех объединенных наций, и Кромвель, как будто его власть началась только сейчас, с этого акта «народного согласия», был вновь, притом самым пышным и торжественным образом, введен в должность протектора.

Когда парламент объявил перерыв в своих заседаниях, Кромвель отправил в отставку Ламберта, однако назначил ему крупную пенсию —

2000 фунтов в год (этой взяткой протектор желал обеспечить его смирное поведение в будущем). Лишившись всех своих постов, Ламберт, ко всеобщему удивлению, тотчас же утратил всякое влияние в армии. Пакер и некоторые другие офицеры, не внушавшие Кромвелю доверия, также были сняты со своих должностей.

Между тем ко двору был призван Ричард, старший сын Кромвеля, его начали посвящать в государственные дела, и с этого момента многие стали видеть в нем будущего протектора, хотя сам Кромвель прибегал порой к грубой уловке, внушая лестные надежды на этот пост другим людям. Ричард был человек на редкость тихого и скромного нрава, лишенный всяких притязаний честолюбия; до сих пор он жил в деревне, в небольшом поместье, полученном в приданое от жены, и был вполне доволен своей судьбой. Особой энергией Ричард никогда не отличался, но если проявлял ее, то им всегда двигали чувства милосердия и гуманности. Так, во время процесса короля он упал на колени перед своим отцом, заклиная того всеми узами долга и человеколюбия пощадить жизнь монарха.

У Кромвеля оставались две незамужние дочери; одну из них он выдал теперь замуж за внука и наследника своего большого друга графа Уорика, с которым при всех поворотах судьбы неизменно сохранял самые теплые и близкие отношения. Мужем другой стал виконт Фоконберг,[86] чье семейство поддерживало в прошлом королевскую партию. Кромвель всячески стремился завести связи в среде аристократии, и одной из главных причин, побуждавших его добиваться королевского титула, было желание восстановить естественный порядок вещей и вернуть древним фамилиям почет и высокое положение, которых теперь, ради собственной безопасности, он вынужден был их лишить.

Между тем вновь собрался парламент (20 января), состоявший, как и во времена монархии, из двух палат — общин и «другой палаты». В перерыве между сессиями Кромвель послал приглашения шестидесяти лицам, которые должны были составить его палату пэров. В их число входили пять или шесть старых пэров, несколько состоятельных джентльменов из хороших фамилий, а также ряд офицеров, занимавших некогда самое низкое положение на общественной лестнице. Ни один из наследственных пэров, несмотря на рескрипт протектора, не пожелал принять место в палате, где их товарищами должны были стать люди, подобранные Кромвелем.

Поначалу протектор пытался сохранить видимость законности: он даже не выставил стражу у входа ни в одну из палат. Но вскоре ему пришлось убедиться, насколько несовместимы гражданская свобода и военная узурпация. Назначив стольких своих друзей и сторонников в «другую палату», он утратил большинство в среде представителей нации. Сославшись на одну из статей **Покорнейшей петиции**, общины присвоили себе право возвратить в свою палату тех членов, которых ранее исключил Государственный совет. Сэр Артур Гезльриг и некоторые другие лица, возведенные Кромвелем в звание пэра, предпочли занять место в палате об-

щин. В итоге бесспорное большинство выступило против протектора и отказалось признать полномочия созданной им «другой палаты». Даже законность **Покорнейшей петиции и совета** была поставлена под сомнение — на том основании, что принимавший ее парламент не был свободен в своих действиях и к тому же лишился значительного числа своих членов вследствие акта насилия со стороны армии. Опасаясь, что парламент может столковаться с недовольными офицерами, протектор решил не давать им времени на устройство заговоров против него и распустил парламент, выказав в своей речи крайнее раздражение (4 февраля). Когда же Флитвуд и другие его сторонники принялись упрашивать Кромвеля воздержаться от столь опрометчивого шага, он поклялся «именем Бога живого», что этот парламент не будет заседать ни минутой дольше.

Эти внутренние неурядицы не смогли отвлечь внимание протектора от внешней политики, причем во всех своих действиях Кромвель по-прежнему выказывал смелость и энергию, как будто не имел ни малейших причин сомневаться в верности и преданности всех трех королевств. Он сохранял союзнические отношения со Швецией и даже старался поддержать эту корону в ее небезуспешных попытках покорить всех соседей и стать безраздельной владычицей Балтики. Как только Испания объявила ему войну, Кромвель заключил договор о мире и союзе с Францией и отныне согласовывал все свои планы с этой могущественной и амбициозной державой. Испании же, так долго и тщетно искавшей дружбы удачливого узурпатора, пришлось в конце концов обратиться к несчастному монарху. Карл вошел в союз с Филиппом, переехал со своим маленьким двором в Брюгге (Испанские Нидерланды) и набрал из собственных подданных четыре полка, которые использовал затем на испанской службе. Герцог Йоркский, который с блеском прослужил несколько кампаний во французской армии, снискав особое уважение самого маршала Тюренна, присоединился к брату и продолжил расширять свой боевой опыт, теперь уже под началом Дона Хуана Австрийского[87] и принца Конде.

ВЗЯТИЕ ДЮНКЕРКА

Избранный протектором общий курс внешней политики, сам по себе чрезвычайно неразумный, превосходно соответствовал столь характерной для Кромвеля склонности к широким замыслам и смелым предприятиям. Стремясь прежде всего к захватам и влиянию на континенте,[78] он отправил во Францию шеститысячный корпус Рейнольдса, который присоединился к французской армии Тюренна. В прошлую кампанию был взят Мардик, переданный затем в руки англичан. В начале новой кампании был осажден Дюнкерк, а когда испанская армия двинулась ему на выручку, союзные англо-французские войска оставили свои траншеи и в сражении в дюнах полностью разгромили испанцев.[79] Англичане особо отличались в этом бою своей доблестью. Дюнкерк вскоре капитулировал и,

по условиям договора, был передан Кромвелю. Комендантом этой важной крепости протектор назначил даровитого шотландца Локкерта, который был женат на его племяннице и исполнял обязанности посланника при французском дворе.

В этом приобретении протектор видел не более чем средство для достижения новых успехов. Он твердо решил договориться с французским двором об окончательном завоевании и разделе Испанских Нидерландов.[80] И если бы он прожил дольше и при этом сохранил власть в Англии, то столь химерический, или, скорее, столь опасный план непременно начал бы осуществляться. Благодаря своей энергичной, хотя весьма непродуманной и неумелой политике, Кромвель смог сделать первый и самый важный шаг на пути к более обширным территориальным захватам, одним ударом добившись того, чего Франция ценой громадных человеческих и материальных жертв так и не сумела в полной мере достичь за целое столетие.

В ходе этих переговоров французский король и английский протектор не скупились на всевозможные знаки дружеских чувств и взаимного уважения. Лорд Фоконберг, зять Кромвеля, был отправлен к Людовику, находившемуся тогда в лагере под Дюнкерком, где был принят с такими почестями, каких французский двор удостаивал обычно лишь чужеземных государей.[81] Мазарини послал в Лондон своего племянника Манчини вместе с герцогом Креки, выразив при этом сожаление, что неотложные дела лишили его высокой чести, о которой он давно мечтал, лично засвидетельствовать свое почтение величайшему человеку нашего времени.[82]

Но успехи английского оружия за границей доставляли протектору немного радости: положение дел в самой Англии служило для него источником постоянной тревоги и беспокойства. Его политика обходилась очень дорого; военные предприятия и содержание сети тайных осведомителей истощили казну и вовлекли его в большие долги. Роялисты (доносили протектору его шпионы) вновь начали плести свои козни, замышляя общее восстание, а чтобы подготовить осуществление этого плана, в Англию тайно прибыл Ормонд.[89)] Лорд Ферфакс, сэр Уильям Уоллер[90)] и многие вожди пресвитериан вошли между собой в тайный заговор. Даже армию заразил дух всеобщего недовольства, и с этой стороны в любой момент можно было ожидать какой-то бурной и опасной вспышки. После грубого разрыва с последним парламентом больше не осталось надежд на то, что протектор когда-либо сможет установить с общего согласия прочный законный порядок или хотя бы умерить военное правление некоторой долей гражданской власти. Он истощил весь запас своих хитростей и уловок; слишком часто прибегая к обману и притворству, он успел ввести в заблуждение одну за другой все партии и чуть ли не всякого человека в отдельности, и ему уже не приходилось рассчитывать на то, что те же самые лицемерные речи будут иметь прежний успех.

Несмотря на пылкое рвение роялистов, их заговор провалился: Уиллис донес обо всем протектору. Ормонд вынужден был бежать из Англии, сочтя великим для себя счастьем то, что ему удалось ускользнуть от столь

бдительных властей. Многих бросили в тюрьмы, а для суда над теми, чья вина была наиболее очевидной, вновь учредили Высокую палату правосудия: несмотря на признание его власти последним парламентом, протектор по-прежнему не мог положиться на вердикт непредубежденных присяжных. Сэр Генри Слингсби и д-р Хьюит[91] были признаны виновными и обезглавлены. Мордаунт,[92] брат графа Пемброка, лишь чудом избежал смерти: голоса судей разделились поровну, и полковник Прайд, который намерен был подать голос за его осуждение, вошел в зал суда как раз в тот момент, когда уже зачитывался оправдательный приговор. Аштон, Стори и Бестли были повешены в разных частях Сити.

Еще более серьезную тревогу внушил Кромвелю заговор милленариев в армии.[93] Гаррисон и другие уволенные офицеры этой партии никак не могли угомониться. Движимые в равной степени жаждой мести, честолюбием и собственными принципами, они по-прежнему вынашивали какие-то отчаянные замыслы; в армии же не было недостатка в офицерах, которые из сходных побуждений готовы были поддержать любую их авантюру. Когда-то Кромвель сам поощрял левеллеров и агитаторов громко высказывать свои суждения по всем политическим вопросам, а ведя свою дерзкую и рискованную игру против короля и парламента, он даже делал вид, будто многие из них удостоились его особого расположения и стали его задушевными друзьями. Желая сойтись поближе с агитаторами (а это были по большей части капралы и сержанты), он имел обыкновение устраиваться с ними вместе на ночлег, где, после молитв и благочестивых бесед, обсуждал с этими людьми их планы и принципы, как политические, так и религиозные. Приняв же титул протектора, он перестал с ними о чем-либо советоваться, не имея ни времени, ни охоты потворствовать их обычным вольностям. Одним из тех, кого эта перемена привела в ярость, был Сексби,[94] деятельный агитатор, обративший теперь против Кромвеля всю свою неукротимую энергию, которую прежде использовал в интересах последнего. Он дошел до того, что вступил в тайные сношения с испанцами, и Кромвель, отлично знавший о брожении умов в армии, не без оснований опасался, что в любой день и чуть ли не в любую минуту могут найтись люди, способные поднять мятеж в войсках.

Дух фанатизма, владевший солдатами, внушал протектору также и иного рода страх: он боялся покушений на свою жизнь. Некто Синдеркомом[95] решил убить Кромвеля; цепь каких-то совершенно необъяснимых случайностей несколько раз помешала ему осуществить этот кровавый замысел. Он был разоблачен, но протектор так и не сумел добраться до истоков заговора или найти кого-либо из сообщников Синдеркома. Последний был предан суду присяжных, однако, несмотря на всеобщую ненависть к подобным преступлениям, несмотря на бесспорные доказательства его вины, народ так плохо верил в законность прав протектора на верховную власть, что лишь с громадным трудом удалось добиться осуждения этого заговорщика.[83] Когда все уже было готово к казни Синдеркома, его нашли мертвым; полагают, что он принял яд.

Протектору было бы гораздо легче нести груз этих страхов и треволнений, порожденных расстройством в государственных делах, если бы он находил хоть какое-то утешение близ домашнего очага или имел в кругу собственного семейства верного друга, с которым мог бы без всяких опасений поделиться своими мучительными, разъедающими душу тревогами. Но его зять Флитвуд, неистовый фанатик, начал отдаляться от него: он приходил в ярость при мысли о том, что главной целью всех прежних действий Кромвеля было его собственное возвышение, а вовсе не поощрение благочестия и не поддержка истинной религии, в чем он так пылко заверял других. Старшая дочь Кромвеля, жена Флитвуда,[96] с такой страстью исповедовала республиканские принципы, что ей было невыносимо видеть власть в руках «одного лица», пусть даже этим лицом был ее любящий и снисходительный отец. Другие дочери[97] столь же горячо сочувствовали делу короля, сожалея о тех насилиях и беззакониях, к которым, как они полагали, толкнули их семью несчастные обстоятельства. Наконец, болезнь миссис Клейпол, его любимицы, женщины редкого очарования и высоких нравственных достоинств, с особой силой угнетала истерзанный дух Кромвеля, отравляя ему все радости жизни. Она глубоко почитала недавно казненного доктора Хьюита, и когда протектор, несмотря на все ее мольбы, отказался его помиловать, душевная скорбь, усиленная телесным недугом, вырвалась наружу: она горько упрекала отца за все его жестокие деяния, призывая раскаяться в тех ужасных злодействах, которые совершил он, увлеченный роковой жаждой власти. Кончина миссис Клейпол, последовавшая вскоре после этого разговора, придала особую, мучительную остроту каждому сказанному ей тогда слову.

Душевное равновесие навсегда оставило протектора: он чувствовал, что высокое положение, достигнутое ценой стольких преступных дел и подвигов мужества, бессильно вернуть ему мир и покой, прочной основой которых могут служить лишь добродетель и мудрая умеренность. Подавленный бременем государственных забот, всякую минуту ожидая роковой катастрофы, которая окончательно погубит его расстроенное правление, видя вокруг себя лишь ненадежных друзей и разъяренных врагов, не пользуясь доверием ни одной из партий, будучи не в силах обосновать свой титул каким-либо принципом, политическим или религиозным, Кромвель с горечью убеждался, что власть его зависит от неустойчивого равновесия фракций и интересов, равновесия столь хрупкого, что его в любой момент может разрушить самое незначительное, никем специально не готовившееся событие. Образ смерти, вызов которой он с такой изумительной отвагой бросал на поле битвы, теперь, когда она ежечасно грозила ему кинжалом фанатика или наемного убийцы, неотступно преследовал его измученное дурными предчувствиями сознание, не давая ему покоя ни посреди важных дел, ни в минуту отдыха. Во всех поступках, во всех обстоятельствах жизни протектора проявлялись терзавшие его страхи. Присутствие незнакомцев внушало ему тревогу; пронзительно-настороженным взглядом изучал он всякое лицо, еще не ставшее для него привычным благодаря ежедневному общению. Он не ступал и шагу без силь-

ной охраны, носил под одеждой панцирь, а чтобы еще надежнее гарантировать свою безопасность, всегда имел при себе наступательное оружие — шпагу, короткий меч и пистолеты. Он никогда не возвращался прямым путем или той же дорогой, которой выехал из дворца, а все поездки совершал с величайшей поспешностью. Он редко спал больше трех ночей в одних и тех же покоях, никогда не сообщал заранее, какую комнату намерен он избрать на сей раз, и вообще рисковал ночевать лишь там, где имелась потайная дверь, у которой, разумеется, не забывал поставить часовых. Человеческое общество пугало его, когда думал он о своих многочисленных врагах, тайных и непримиримых; одиночество, лишая его защиты, которую он считал столь необходимой для своей безопасности, приводило его в ужас.

БОЛЕЗНЬ ПРОТЕКТОРА

Между тем изнурительная душевная тревога начала сказываться и на состоянии его тела: здоровье Кромвеля заметно ухудшилось. У него началась медленная горячка, перешедшая в трехдневную лихорадку. В первую неделю никаких опасных симптомов не обнаруживалось, и в промежутках между приступами он мог выходить из дому. Затем болезнь обострилась, и он уже сам начал задумываться о смерти, пытаясь проникнуть мысленным взором в то загробное бытие, представление о котором жило некогда в сокровенных глубинах его души, но впоследствии, в вихре всевозможных дел, в шуме войн и партийных распрей, несомненно, сильно потускнело. Он спросил Гудвина,[98] одного из своих проповедников, верно ли учение о том, что однажды избранный уже не может пасть и быть осужденным на вечные муки. «Вернее не бывает», — отвечал Гудвин. «Значит, я спасен, — сказал протектор, — ибо я твердо знаю, что когда-то пребывал в состоянии благодати».

Врачи Кромвеля понимали всю опасность болезни, но его капелланы своими молитвами, видениями и откровениями сумели внушить ему новые надежды, и он начал думать, что его жизни ничто не угрожает. Господь, утверждали священники, дал милостивый ответ на мольбы праведников, и на их торжественные заверения протектор полагался гораздо больше, чем на заключения самых опытных докторов. «Знайте же, — воскликнул он однажды в беседе с врачами, — знайте, вы, все: я не умру от этой болезни, я нисколько не сомневаюсь в своем выздоровлении! Так обещал Господь, и не только по моим молитвам, но и по молениям тех, кто находится с ним в более тесной связи и близком общении. Вы, может быть, великие мастера в своем ремесле, но ведь природа способна сделать больше, чем все лекаря на свете, а Бог, Бог несравненно выше природы!»[84] Боговдохновенные проповедники дошли в своей самоуверенности до подлинного сумасшествия: в день поста, назначенного в Гемптон-Корте и Уайтхолле по случаю болезни протектора, они не столько молились о его

здоровье, сколько благодарили Господа за уже ниспосланные им несомненные залоги его скорого выздоровления. У самого же Кромвеля, когда он обращался к небесам (кто-то нечаянно его подслушал), безумные грезы фанатизма до такой степени взяли верх над самыми естественными и очевидными требованиями морали, что в этот момент он был похож скорее на ходатая, просителя за свой народ, нежели на преступника, который, вопиющим образом нарушив свой долг перед обществом, перед любым судом, божеским или человеческим, вполне заслужил самое суровое воздаяние.

СМЕРТЬ ПРОТЕКТОРА. ЕГО ХАРАКТЕР

Тем временем симптомы его болезни стали принимать все более угрожающий характер, и врачам пришлось прервать молчание и объявить, что следующего приступа протектор уже не переживет. Членов Государственного совета охватила тревога. Особой депутации было поручено узнать, кого Кромвелю угодно назначить своим преемником. Сознание уже покинуло его, и он уже не мог ясно выражать свои мысли. Кромвеля долго спрашивали, какова его воля, не хочет ли он сказать, что его преемником на посту протектора должен стать его старший сын Ричард.[99] Наконец члены депутации услышали — или им послышалось — слово «да». Вскоре после этой сцены, 3 сентября, в тот самый день, который он всегда считал самым счастливым для себя, Кромвель скончался. Страшная буря, разразившаяся тотчас после его смерти, доставила обильную пищу для разговоров простонародью. Его сторонники, точно так же как и противники, не оставили без внимания это событие: те и другие, прибегая к самым несообразным доводам, всячески пытались истолковать его как доказательство в пользу своих предрассудков.

Авторы, неравнодушные к памяти этого удивительного человека, описывая его способности и дарования, впадают в тон безудержного панегирика; враги же Кромвеля так изображают его моральные качества, что это становится похоже на злобную, ядовитую инвективу. И те и другие, следует признать, могут сослаться на поразительные обстоятельства в его поведении и судьбе, сообщающие изложенному немалую долю правдоподобия. «Человеку скромного происхождения, поверхностного образования и скудного достатка (читаем мы у одного автора),[85] не имевшему ни выдающихся телесных достоинств, которые не так уж редки, ни блестящих духовных талантов, которые довольно часто открывают людям путь к головокружительному возвышению; такому человеку достало отваги, чтобы предпринять, и способностей, чтобы осуществить грандиозное дело — ниспровержение одной из самых древних и прочных монархий на земле! Можно ли представить себе нечто более необыкновенное? Ему хватило силы и смелости, чтобы открыто, не таясь, предать своего государя и повелителя позорной казни, а прочих членов этой многочисленной фами-

лии, состоявшей в родстве с могущественными владыками Европы, изгнать из страны. Эти дерзкие деяния он прикрыл видимостью повиновения парламенту, сохраняя личину его верного слуги, а затем растоптал и самый парламент, с презрением разогнав его, как только его члены стали вызывать его недовольство. Вместо парламента он учредил "правление святых", осуществив самую химерическую из всех бредовых идей, какие только могли возникнуть в воспаленном воображении религиозных фанатиков. Но пришел черед и этого чудовища — он задушил его в колыбели, а сам открыто вознесся над всем, что когда-либо именовалось в Англии верховной властью. Вначале он одолел своих врагов силой оружия, а затем взял верх над друзьями хитростью. Какое-то время он терпеливо служил каждой из партий, а в конце концов восторжествовал над всеми партиями без исключения. Он прошел из края в край все три королевства, с одинаковой легкостью подчинив себе богатый Юг и бедный Север. Его страшились, перед ним заискивали все иностранные государи; земные боги признали его равным себе. Одним росчерком пера он созывал парламенты, единым словом из уст своих обращал их в ничто. С помощью мятежной армии он сумел привести к повиновению воинственную и вечно недовольную нацию, а непокорную армию он умудрялся держать в руках с помощью строптивых офицеров-смутьянов. Его покорнейше и неоднократно просили, чтобы он соблаговолил, за несколько миллионов фунтов в год, стать господином тех, кто прежде нанимал его самого в качестве слуги. Жизнь и имущество обитателей трех королевств находились в столь же полной его власти, как и скудное наследство, полученное им некогда от отца, и он распоряжался ими с таким же размахом и широтой. Наконец (впрочем, перечислять его славные деяния можно бесконечно), наконец, единым словом он завещал свою власть и величие своему потомству. Он умер, наслаждаясь совершенным спокойствием в Англии и блестящими успехами за границей, был погребен среди королей и с более чем царской пышностью, слава же его имени не угаснет, доколе пребудет наш мир — мир, который, подобно тому, как был он слишком ничтожен, чтобы оценить и восславить его по достоинству, оказался бы, вероятно, слишком тесен для его триумфов и побед, если бы краткий срок его земного бытия можно было расширить до пределов, соразмерных неземному величию дерзновенных его замыслов!»

В мои намерения отнюдь не входит портить эту впечатляющую картину, нарисованную столь мастерской рукой; я лишь попытаюсь хотя бы отчасти устранить из нее элемент чудесного и сверхъестественного, который всегда подает серьезный повод к скептическим сомнениям. Занимая поначалу весьма скромное положение, Кромвель, несмотря на противодействие множества соперников, имевших перед ним немалые преимущества, сумел подняться до высших командных постов и завоевать огромный авторитет в армии, — именно в этих обстоятельствах его биографии, на мой взгляд, и проявились главным образом его способности и дарования. Непоколебимое мужество Кромвеля, его блестящий талант военачальника, его изумительная ловкость и сообразительность — все это,

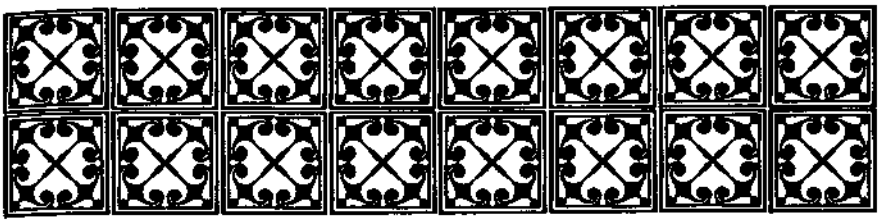
разумеется, было необходимым условием столь замечательного успеха. И однако, подобное возвышение не покажется нам следствием каким-то сверхъестественных способностей, если мы вспомним, что Ферфакс, прежде — обычный джентльмен, не располагавший даже местом в парламенте, поднимаясь по тем же ступеням, достиг еще более высокого звания и, вероятно, сумел бы его сохранить, окажись у него чуть больше проницательности и ума. Далее, чтобы подтолкнуть тогдашнюю английскую армию к мятежу против парламента, вовсе не требовалось необыкновенного искусства и особо тонких хитростей; более трудной задачей было удерживать ее в повиновении. Как только между армией и парламентом произошел разрыв, высшая и фактически ничем не ограниченная власть естественным образом перешла к главнокомандующему, и если впоследствии ему угодно было прибегать к интригам и политическим махинациям, то в этом в большинстве случаев можно видеть великое снисхождение с его стороны или даже попросту излишнюю предосторожность. Нет оснований думать, что Кромвелю хотя бы однажды и в самом деле удалось обмануть или перехитрить короля или республиканцев: совершенно не способные противостоять военной силе, находившейся в его руках, они были только рады вести с ним переговоры, с готовностью делая вид, будто попались ему на удочку, сами же тянули время, выжидая благоприятной возможности для того, чтобы освободиться от его власти. Если же он мог водить за нос армейских фанатиков, то следует учитывать, что его и их интересы явным образом совпадали; что людей этих, по крайнему их невежеству и глупости, можно было одурачить весьма нехитрыми средствами; и что сам он был по сути таким же исступленным энтузиастом, как и последний из солдат, и чтобы завоевать их доверие, ему достаточно было обнаружить те вульгарные и нелепые склонности и привычки, которые он уже давно усвоил и так высоко ценил. Армия представляет собой столь мощное и в то же время столь несложное в обращении орудие, что всякий, кто крепко держит его в своих руках, может совершить все, что угодно, и добиться громадной власти в человеческом обществе, причем для этого ему не потребуется какой-то особенной ловкости.

Внутреннее управление, хотя оно и свидетельствует о незаурядных способностях Кромвеля, осуществлялось им без всякого общего плана, который был бы основан на ясных принципах свободы или на осознанном стремлении к деспотизму: по всей видимости, затруднительное положение протектора исключало и то и другое. Его заграничные предприятия, хотя и отличавшиеся удивительной смелостью, прямо противоречили интересам Англии и, кажется, являли собой следствие скорее бурного и горячего нрава или узких предрассудков, нежели трезвого и дальновидного расчета. Все же во многих отношениях это была личность выдающаяся, можно сказать — гениальная, пусть даже дарования ее проявлялись крайне беспорядочно и неровно. И хотя Кромвель не был обделен каким-либо талантом (если не считать красноречия), самыми замечательными его способностями, качествами, всего более содействовавшими его поразительным успехам, были твердость и энергия в осуществлении гранди-

озных замыслов, а также умение тонко разбираться в людских характерах, обращая себе на пользу различные человеческие слабости.

Рассмотрев нравственный облик Кромвеля с той мерой снисходительности, какой заслуживают немощь и ограниченность греховного человеческого естества, мы не почувствуем склонности обрушить на него ту грубую брань, на которую бывают обыкновенно столь щедры его враги. То обстоятельство, что Кромвель, окруженный страстями и предрассудками своей эпохи, поддержал дело парламента, а не короля, не покажется нам чем-то удивительным, ведь даже в наше время некоторые люди большого ума и обширной учености склоняются к мысли, что вопрос о том, на чьей стороне была в этом споре правда, не так уж ясен и прост. Убиение короля, ужаснейший из всех его поступков, сам Кромвель воспринимал сквозь плотную завесу республиканских и фанатических иллюзий и, вполне возможно, видел в нем (как и множество других людей) самое похвальное деяние, которое он только мог тогда совершить. Последующий акт узурпации явился следствием не одного лишь властолюбия Кромвеля, но и суровой необходимости, и трудно постичь, каким образом можно было в тех условиях положить конец партийным распрям, не прибегнув в той или иной степени к военному деспотизму. Поведение Кромвеля в частной жизни — как сына, мужа, отца и друга — не вызывает сколько-нибудь серьезных упреков, а скорее даже заслуживает похвалы. В общем, можно сказать, что смесь самых диких и нелепых мнений с тончайшей проницательностью делает его характер ничуть не более странным и необыкновенным, чем соединение неистового фанатизма и бешеной жажды власти с искренним человеколюбием и глубоким чувством справедливости.

Умер Кромвель в возрасте пятидесяти восьми лет. Он имел крепкое телосложение, лицо мужественное, хотя не слишком привлекательное. После себя он оставил двух сыновей, Ричарда и Генри, и трех дочерей, из которых одна была замужем за генералом Флитвудом, другая — за лордом Фоконбергом и третья — за лордом Ричем.[100] Отец его умер,[101] когда Оливер был еще совсем молод, мать — уже после того, как он стал протектором; вопреки ее воле Кромвель похоронил ее с большой пышностью в Вестминстерском аббатстве.[102] Она жила в постоянной тревоге, полагая, что его власти и самой жизни всякую минуту угрожает опасность. Стоило ей услышать какой-нибудь шум, и она принималась кричать, что это убили ее сына, и только частые его посещения могли убедить ее в том, что он еще жив. Это была простая добропорядочная женщина; усердие и бережливость помогли ей, располагавшей весьма скромным состоянием, воспитать и поставить на ноги многочисленное семейство. Ей даже пришлось открыть в Гентингдоне пивоварню; дело, которое благодаря ее умному руководству оказалось довольно выгодным. По этой причине Кромвеля в тогдашних злобных памфлетах часто презрительно называют «пивоваром». Ледлоу, желая его уязвить, пишет, что по смерти его матери, чья вдовья доля наследства приносила 60 фунтов в год, протекторские доходы ожидает великое приращение. Она происходила из хорошей семьи, а именно из фамилии Стюартов, находившейся, как полагали иные, в отдаленном родстве с королевской династией.[103]



Глава III (XVIII)

Ричард провозглашен протектором. — Парламент. — Клика Уоллингфорд-хауз. — Низложение Ричарда. — Восстановление Долгого парламента, или Охвостья. — Заговор роялистов. — Восстание роялистов и его подавление. — Разгон парламента. — Комитет безопасности. — Иностранные дела. — Генерал Монк. — Монк выступает за парламент. — Восстановление парламента. — Монк вступает в Лондон и требует созыва свободного парламента. — Исключенные члены возвращается в парламент. — Роспуск Долгого парламента. — Новый парламент. — Реставрация. — Состояние нравов, наук и искусств

Кромвель так часто пускал в ход свои хитрости и уловки,[104] что все они постепенно перестали действовать, и его власть, которую, казалось бы, время и успех должны были только укреплять, с каждым днем становилась все более шаткой и непрочной. Самые близкие друзья, самые доверенные советники интриговали против него, и при всем своем умении судить о человеческих характерах он уже не находил слуг и помощников, на которых мог бы положиться. Он понимал, что люди чести и долга не согласятся стать орудием дерзкой узурпации и вопиющего беззакония; те же, над кем принципы не имеют никакой власти, могут из корыстных мотивов изменить тому делу, служить которому они взялись из побуждений ничуть не более благородных. Даже те, кого он удостоил каких-либо милостей, отнюдь не считали подобную награду соразмерной жертвам, принесенным ради ее получения; а всякий, кому Кромвель отказывал в просьбах и домогательствах, оправдывал свое раздражение лицемерными ссылками на совесть и долг. В общем, протектора окружало такое множество непреодолимых затруднений, что его смерть в столь критический момент многие рассматривают как величайшую удачу, когда-либо выпадавшую на его долю, полагая, что всей ловкости и мужества этого узурпатора оказалось бы недостаточно для того, чтобы надолго продлить его власть.

РИЧАРД ПРОВОЗГЛАШЕН ПРОТЕКТОРОМ

Когда же бразды правления выпали из его могучей руки, все тотчас решили, что неуклюжее и плохо построенное здание протектора рухнет в самом скором времени. Ричард, неопытный молодой человек, выросший в деревне, привыкший к тихой, уединенной жизни, не знакомый с офицерами и чужой для них, не совершивший воинских подвигов, которые принесли бы ему всеобщее уважение, и не отличавшийся грубоватой простотой манер, которая доставила бы ему популярность, — такой человек, полагали англичане, не сумеет надолго сохранить власть, которой добился его отец благодаря стольким великим деяниям и блестящим победам. Когда же стало ясно, что он не обладает иными достоинствами, кроме добродетелей частного лица, которые в его положении превращались в недостатки; что мягкий и добродушный нрав сочетается в нем с ленью, нерешительностью и бесталанностью, тогда у людей, чаявших какой-то важной перемены или даже переворота, вовсю разыгрались всякого рода надежды. Некоторое время, однако, казалось, что этим ожиданиям не суждено сбыться. Государственный совет официально признал Ричарда законным преемником отца; Флитвуд, в чью пользу, как полагали иные, составил свое завещание Кромвель,[105] отказался от всех претензий на протекторский сан; брат Ричарда Генри,[106] управлявший Ирландией и пользовавшийся там немалой популярностью, обеспечил ему повиновение этого королевства; Монк, крепко державший в своих руках Шотландию, был предан семейству Кромвелей и немедленно провозгласил Ричарда протектором; вся армия и флот признали его титул; от графств и важнейших корпораций в связи с его вступлением в должность поступило более девяноста поздравительных адресов, составленных в самых почтительных и верноподданнических выражениях; иностранные посланники спешили с обычными в таких случаях поздравлениями, и Ричард, чей скромный, чуждый всякого честолюбия характер никогда бы не подтолкнул его к борьбе за власть, согласился принять столь богатое наследство, которое все вокруг, казалось, предлагали ему с таким совершеннейшим единодушием.

ПАРЛАМЕНТ

Чтобы получить средства для текущих нужд внутреннего управления, а также для выполнения союзнических обязательств перед иностранными державами, и в частности Швецией, которые принял на себя покойный протектор, пришлось созвать парламент. Всем мелким местечкам вернули их старое право представительства, графствам же дозволялось посылать в парламент не более обычного числа депутатов: таким образом надеялись с бóльшим, чем прежде, успехом влиять на исход выборов. Пала-

та пэров, или «другая палата», состояла из тех лиц, которых назначил Оливер.

Первым делом все члены палаты общин, не колеблясь, подписали обязательство не изменять существующую форму правления (7 января). Затем они приступили к тщательному разбору **Покорнейшей петиции и совета**, и лишь с великим трудом, после долгой борьбы и бурных прений партии двора удалось, наконец, добиться ее подтверждения. Кроме того, у общин вырвали официальное признание полномочий «другой палаты»; при этом, однако, коммонеры постановили оказывать ровно столько и ничуть не больше уважения нынешней палате пэров, сколько эта последняя, в свою очередь, станет оказывать общинам. Было также объявлено в особой декларации, что учреждение «другой палаты» никоим образом не должно нанести ущерб правам тех старых пэров, которые с самого начала войны поддерживали парламент. Но все эти меры вызвали столь обильную оппозицию общин, а дебаты по ним затянулись настолько, что все прочие дела пришлось отложить, и сторонники молодого протектора не на шутку встревожились.

Существовал, однако, еще один, и притом гораздо более серьезный источник опасности: самые влиятельные армейские офицеры, и даже Флитвуд, зять протектора, начали плести против него интриги. В человеческом обществе нет существа более опасного, чем фанатик, ведь если такой человек не блещет умом, то он бывает склонен подчиняться чужим внушениям; будучи не наделен известной проницательностью, он всецело руководствуется собственными иллюзиями, которые могут оправдать в его глазах всякий корыстный замысел и любую эгоистическую страсть. Флитвуд принадлежал к первому разряду, а поскольку он был прямо-таки помешан на идее республики и даже пятой монархии,[107] или «правления святых», то особам, втершимся ему в доверие, было не так уж трудно восстановить Флитвуда против должности протектора. Вокруг этого генерала сплотилась вся республиканская партия в армии, по-прежнему весьма внушительная — Фитц, Мэйсон, Мосс, Фарли. Офицеры-республиканцы, уволенные со службы Кромвелем, — Овертон, Ледлоу, Рич, Окей,[108] Альюред — вновь осмелели и начали возвращать себе влияние в войсках, лишь на время ими утраченное. Кроме того, к заговору остальных офицеров присоединились люди, оказавшиеся в немилости у Ричарда, — Сайденхем, Келси, Берри, Хенс.[109] Даже Десборо, дядя протектора, поддержал своим авторитетом эту клику. И наконец, самое главное: козни Ламберта, оставившего свой тихий сельский приют, еще сильнее разжигали эти опасные настроения, угрожая государству каким-то страшным потрясениям. Недовольные офицеры собирались обычно у Флитвуда, а так как жил он в Уоллингфорд-хаузе, то и вся партия заговорщиков получила это название.

КЛИКА УОЛЛИНГФОРД-ХАУЗ

Ричард, не отличавшийся ни твердым характером, ни проницательным умом, позволил себя уговорить и дал неосторожное согласие на созыв всеобщего совета офицеров, которые, по их словам, желали представить ему предложения, долженствовавшие послужить ко благу армии. Едва собравшись, совет принял ремонстрацию.[110] В ней офицеры горько жаловались на то, что **доброе старое дело**, иначе говоря, дело, ради которого они поднялись на борьбу с покойным королем, пребывает ныне в совершенном упадке, и предлагали выход из столь прискорбного положения — передачу всей военной власти лицу, коему вся армия могла бы доверять. По внушению двух олдерменов, Тичберна[111] и Айртона,[112] лондонская милиция также выразила решимость крепко стоять за **доброе старое дело.**

Действия офицеров встревожили протектора, и не без оснований. Лица, которым он более всего доверял, являлись, за исключением Брогхилла, людьми гражданскими по характеру и по профессии, и не могли помочь ему ничем, кроме советов. Сам же он совершенно не владел искусством завоевывать сердца армейских фанатиков. Однажды, когда произведенные им новые назначения вызвали среди офицеров ропот, он воскликнул: «**Так значит, вам угодно, чтобы я повышал в чине только божьих людей? Вот Дик Ингольдсби,** — продолжал Ричард, — **ни молиться, ни проповедовать он не умеет, но ему я доверяю больше, чем вам всем!**»[86] Опрометчивые слова протектора до крайности оскорбили самозванных «святых». Другие его качества — мягкость, доброта и благородство — вполне соответствовали этим чувствам. Когда один из его сторонников предложил положить конец всем интригам армии, убив Ламберта, Ричард заявил, что никогда не согласится купить власть или господство столь кровавой ценой.

НИЗЛОЖЕНИЕ РИЧАРДА. 22 АПРЕЛЯ

Не меньшую тревогу армейские интриги вызвали у парламента. Он постановил, что отныне собрания, или всеобщие советы офицеров, могут проходить лишь с согласия протектора или по его приказу. Этот шаг тотчас же привел к открытому столкновению и ускорил развязку. Офицеры спешно направились к Ричарду и потребовали роспуска парламента. Десборо, человек грубый и неотесанный, пригрозил, что если Ричард не уступит, ему не поздоровится. Протектору недостало твердости, чтобы отвергнуть это требование, и способностей, чтобы оказать сопротивление. Парламент был распущен (22 апреля); тем самым, по общему мнению, был фактически низложен протектор. Вскоре он подписал формальное отречение.

Генри, наместник в Ирландии, отличался таким же сдержанным и спокойным нравом, как и Ричард, но поскольку ума и энергии у него было побольше, то офицеры опасались, что он может оказать им противодействие. Он пользовался в Ирландии немалой популярностью, и даже его личный авторитет, несмотря на молодость, был довольно значительным. Если бы его обуревало пылкое честолюбие, Генри, несомненно, сумел бы вызвать серьезные беспорядки; однако, столкнувшись с угрозами со стороны сэра Хардресса Уоллера, полковника Джона Джонса[113] и других офицеров, он без всякого шума сложил с себя полномочия ирландского наместника и удалился в Англию. Какое-то время он вынашивал замысел провозгласить в Дублине короля, но так и не решился его осуществить.[87]

Так, стремительно, но благодаря редкой удаче, без всяких ран и ушибов, пала с громадной высоты фамилия Кромвелей. Ричард остался владельцем своего состояния, весьма скромного и к тому же обремененного большими долгами, которые сделал он, устраивая похороны отца.[114] После Реставрации, хотя никто и не думал его беспокоить, он счел за благо провести несколько лет на континенте. В Пезенасе (Лангедок) его представили под чужим именем принцу Конти, и тот, рассуждая о событиях в Англии, с величайшим восхищением отозвался о мужестве и уме Кромвеля. «Кстати, — спросил Конти, — а что сталось с этим жалким созданием, с Ричардом? Не понимаю, как он мог оказаться таким болваном, чтобы не извлечь бóльшей пользы из всех преступлений и побед отца?» Ведя тихое и безмятежное существование, Ричард дожил до глубокой старости и умер в конце царствования Анны.[115] Его простые человеческие добродетели, более важные в повседневной жизни, чем величайшая сила ума, обрели более ценную и полезную награду, чем шумная слава — душевный мир и покой.

Члены офицерского совета, ставшие полными господами в стране, задумались о том, какой же образ правления следует им теперь учредить. Кажется, многие из них готовы были осуществлять власть меча в самой грубой и неприкрытой форме; но из опасения, что народ нелегко будет заставить платить налоги, взимаемые произвольным и незаконным образом, решено было сохранить видимость гражданской администрации, восстановив разогнанный Кромвелем Долгий парламент. Это собрание, как утверждалось, не могло быть распущено иначе как с его собственного согласия, и акт насилия не мог уничтожить его законное право на власть, а лишь прервал на время осуществление последнего. Офицеры также рассчитывали, что поскольку члены Долгого парламента уже в достаточной мере почувствовали собственную слабость, то они удовольствуются ролью покорных исполнителей воли армейской верхушки и не посмеют возражать против того, чтобы действительная власть по-прежнему оставалась в тех же руках, в которых столь явным образом находилась сила.

Офицеры явились к Ленталу,[116] спикеру, и предложили, чтобы парламент возобновил свои заседания. Лентал был человек робкий и малодушный; не зная наверное, чем все это может кончиться, он попытался укло-

ниться от сделанного ему предложения. Он ответил, что совершенно не в состоянии исполнить просьбу офицеров, поскольку всецело поглощен делом гораздо более важным для него, коим он не может пренебречь ни под каким видом, ибо это касается спасения его собственной души. Офицеры непременно желали знать, о чем идет речь, и Лентал поведал им, что готовится к причастию, каковое он решил принять в ближайшую субботу. Офицеры упорно твердили, что милость следует ставить выше жертвы, и что лучший для него способ подготовиться к исполнению столь великой обязанности — это совершить нечто ради общей пользы. Все их уговоры не возымели действия. Однако в назначенный день спикер, коему донесли, что в палате, похоже, вот-вот соберется кворум, почел за благо (несмотря на заботу о спасении души, как замечает Ледлоу) присоединиться к прочим коммонерам, и общины немедленно приступили к делу. Исключенные члены попытались было занять свои места в палате, но безуспешно.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДОЛГОГО ПАРЛАМЕНТА, ИЛИ ОХВОСТЬЯ

Этот парламент был весьма немногочисленным — чуть более семидесяти членов; их авторитет в народе со времени устроенной армией чистки был сильнейшим образом подорван, а после разгона Кромвелем — совершенно уничтожен; но так как каждый из них обладал бешеным честолюбием, *а некоторые — обширной опытностью и незаурядными способностями*, то, приняв в расчет свое звание «верховной власти» и заметив, что армия для достижения своих целей сама нуждается в некоем подобии парламента, они твердо решили сохранить независимость в своих действиях и не подчиняться тем, кто признает себя их слугами. Они избрали Государственный совет, позаботившись о том, чтобы офицеры партии Уоллингфорд-хауз не составили в нем большинства; они назначили Флитвуда генерал-лейтенантом, указав, однако, в его патенте, что он сохраняет силу лишь до тех пор, пока это угодно палате; они учредили комитет из семи лиц, которым поручалось производить назначения на вакантные посты в армии; наконец, они постановили, что все офицерские патенты должен выдавать спикер, утверждающий их именем палаты. Эти меры предосторожности, смысл которых был вполне очевиден, вызвали крайнее раздражение у высших офицеров, и их недовольство тотчас же вырвалось бы наружу в каком-нибудь роковом для парламента действии, если бы его не сдерживало предчувствие угрозы со стороны общего врага.

Бóльшую часть нации составляли роялисты и пресвитериане, и для обеих этих партий владычество так называемого «парламента» всегда было в высшей степени ненавистным. Когда это собрание было разогнано

Кромвелем, ненависть сменило презрение, и народ, совершенно не стесняясь, насмехался над бессилием этих честолюбивых узурпаторов. Теперь же, видя, что они вновь оказались господами Англии, люди всех сословий испытывали глубочайшее негодование, опасаясь к тому же, что эти жестокие тираны могут использовать власть для мести своим врагам, еще недавно открыто их оскорблявшим. А потому соперничавшие партии тайно заключили между собой мир и решили, предав забвению старую вражду, направить все свои силы на свержение «охвостья», так называли они парламент, намекая на известную часть тела животных. Пресвитериане, убедившись на опыте, что пылкая любовь к свободе, пусть и весьма похвальная сама по себе, завела их слишком далеко, готовы были отбросить прежние страхи и подозрения, чтобы любой ценой восстановить на троне королевскую династию. К этому же со всей страстью стремились аристократия и джентри, ибо только подобный смелый шаг мог освободить их от рабства. Во всей Англии не нашлось бы человека, настолько далекого от любых партий и до такой степени равнодушного к общему благу, чтобы не желать с величайшим пылом скорейшего крушения этой тирании, которая, как в военной, так и в гражданской своей ипостаси, оказывалась для нации равно тягостной и губительной.

ЗАГОВОР РОЯЛИСТОВ

Мордаунт, чудом избегший смертного приговора, когда дело его разбирала Верховная палата правосудия, не был устрашен прошлой опасностью, но, казалось, еще сильнее воспрянул духом; твердостью и мужеством завоевав полное доверие роялистов, он стал теперь душой всех заговоров этой партии. Во многих графствах приверженцы короля решили выступить с оружием в руках. Лорд Уиллоугби из Парэма и сэр Горацио Таунсенд вызвались овладеть Линном; генерал Мэсси обещал взять Глостер; лорд Ньюпорт, Литтлтон и другие джентльмены замышляли захватить Шрусбери; сэр Джордж Бут — Честер; сэр Томас Миддлтон — Северный Уэльс; Эрандел, Поллар, Гренвил и Трелони — Плимут и Эксетер. Уже был назначен день для осуществления всех этих планов. Король, сопровождаемый герцогом Йоркским, прибыл в Кале с намерением встать во главе своих верных подданных. Французский двор обещал предоставить в его распоряжение небольшой отряд, дабы поддержать таким образом восстание английских роялистов.

Предательство сэра Ричарда Уиллиса разрушило эти замыслы: изменник продолжал с парламентом те самые сношения, которые завязал с Кромвелем. Он обязался доносить обо всех планах заговоров в такой мере, чтобы срывать их практическое осуществление, однако оставил за собой право утаивать, если найдет нужным, имена самих заговорщиков. Уиллис никогда не называл имен старых истинных кавалеров, которые ревностно

служили и впредь готовы были служить королю, несмотря на все превратности судьбы. Таких людей он уважал и даже любил. Он выдавал только новообращенных из числа пресвитериан или же тех не слишком пылких роялистов, которые, будучи обескуражены прежними неудачами, решили более не подвергать себя особому риску, — яркое доказательство того, что даже самые испорченные люди неспособны совершенно истребить в себе уважение к принципам морали и чувство долга перед обществом.

ВОССТАНИЕ И ЕГО ПОДАВЛЕНИЕ

Многие участники заговора в разных графствах были схвачены и брошены в тюрьмы (июль); другие же, устрашенные этими признаками тайной измены, бежали из своих домов или воздержались от всяких действий; в день, когда заговорщики должны были встречаться в заранее условленных местах, разразилась буря такой силы, что некоторые просто не смогли присоединиться к своим товарищам, а многие были парализованы суеверным страхом, который внушило им столь необычное для летних месяцев явление. Единственным из всех замыслов, который удалось осуществить роялистам, был план захвата Честера сэром Джорджем Бутом. Кроме него в этом предприятии участвовали граф Денби, лорд Герберт из Чербери, м-р Ли и полковник Морган; сэр Уильям Миддлтон присоединился к Буту с людьми из Северного Уэльса, и в итоге мятежники оказались достаточно сильными, чтобы привести в этих местах к покорности всех, кто отважился им сопротивляться. В своей декларации они совершенно не упоминали о короле, а только требовали свободного и полного парламента.

Парламент имел все причины встревожиться. Он отлично знал, как много в стране горючих материалов, теперь же на них упала искра. Бут принадлежал к известной пресвитерианской фамилии, и его сближение с роялистами парламент счел чрезвычайно опасным симптомом. В распоряжении палаты имелось много офицеров, на чью преданность она могла положиться в большей степени, чем на лояльность Ламберта, но ни одного, талант и энергия которого внушали бы ей столь же доверия. Ламберту было поручено подавить мятеж, и он действовал с поразительной быстротой. К тому же безрассудный Бут решился выйти из-под защиты городских стен Честера в открытое поле, поставив свои необстрелянные войска под прямой удар закаленных ветеранов Ламберта. Вскоре он был наголову разбит и пленен, его воинство совершенно рассеяно, и у парламента не осталось иных забот, кроме как заполнять все тюрьмы в стране своими явными или тайными врагами. Появился даже проект поголовной высылки всех семей роялистов на Барбадос, Ямайку и в прочие колонии, дабы подобных себе неисправимых «малигнантов» они уже не могли производить на свет в Англии.

Этот успех ускорил гибель парламента. Ламберт во главе победоносного войска был для него не менее опасен, чем Бут. Тысячу фунтов, посланных ему палатой в качестве награды, он употребил на щедрые подарки своим офицерам. По его наущению они составили петицию и направили ее Флитвуду, человеку слабохарактерному, но честному, если искренность в безумии заслуживает столь почетного имени. Смысл петиции был таков: Флитвуд должен стать главнокомандующим, Ламберт — его заместителем, Десборо — командующим кавалерией, Монк — командующим пехотой. К этому присоединялось требование, чтобы ни один офицер не мог быть снят с должности иначе как по приговору военного суда.

Встревоженный опасностью, парламент немедленно уволил со службы Ламберта, Десборо, Берри, Кларка, Барроу, Келси и Коббета.[117] Сэр Артур Гезльриг предложил выдвинуть против Ламберта обвинение в государственной измене. Патент Флитвуда был аннулирован, и командование армией передано комитету из семи лиц, одним из которых был этот генерал. Парламент постановил, что отныне в армии не будет единоличного главнокомандующего, а также объявил государственной изменой попытку собирать какие-либо денежные средства без его согласия.

РАЗГОН ПАРЛАМЕНТА

Но все эти резолюции были слишком слабым оружием против солдатских шпаг. Чтобы окончательно решить спор, Ламберт стянул несколько воинских частей. На помощь парламенту выступил со своим полком Окей, но солдаты покинули его. Во двор Вестминстера привели свои полки Морли[118] и Мосс, полные решимости оказать сопротивление насильственным действиям Ламберта (13 октября). Но этот ловкий генерал нашел простой способ их перехитрить. На улицах, ведущих к зданию парламента, он расставил солдат, а когда в своем экипаже подъехал спикер, Ламберт повернул лошадей и весьма учтиво проводил его домой. Подобным же образом не были допущены в зал заседаний и прочие члены палаты. А два полка, стоявшие во дворе Вестминстера, видя, что над ними уже начинают смеяться, мирно разошлись по своим квартирам.[119]

Незадолго до этого дерзкого предприятия в армии был объявлен торжественный пост; стоит отметить, что эта церемония служила непременной прелюдией для всякого крупного акта насилия с ее стороны.

КОМИТЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

В руках офицеров вновь оказались высшая власть, которую они намеревались навсегда сохранить за собой на деле, хотя бы даже отдав кому-то другому ее пустую тень или видимость. Они избрали комитет из двадцати трех лиц (26 октября), семь из которых были офицеры. Этих особ, названных **Комитетом безопасности**,[120] они облекли верховной властью в стране. Они всюду разглагольствовали о созыве парламента, избранного самим народом, но в действительности приняли некоторые меры для создания армейского парламента, составленного из офицеров, посылаемых от каждого полка.[68] Во всех трех королевствах царило теперь одно-единственное чувство — гнетущий страх: аристократия и джентри с ужасом ожидали кровавой резни и поголовного истребления, а остальной народ — вечного рабства у этих хищных узурпаторов, чьи раздоры и примирения оказывались для нации равно губительными; этих лицемеров и святош, которые, ханжески прикрываясь своими «небесными откровениями», уничтожили бы вскоре в человеческих душах (насколько это вообще возможно) всякое понятие о моральных принципах, как изгнали они уже из британских пределов всякое правосудие и законность.

ИНОСТРАННЫЕ ДЕЛА

В то время как Англия все еще пребывала в состоянии безумного хаоса, прочие европейские королевства спешили уладить так долго будоражившие их ссоры и разногласия. Пока власть оставалась в руках парламента, последний, не желая продолжать безрассудную политику Кромвеля и содействовать шведским захватам, усвоил принципы Голландской республики и решил выступить совместно с этим государством в роли посредника, дабы силой принудить к миру северные короны. На Балтику была отправлена эскадра под начальством Монтегю, который привез с собой в качестве посланника Элджернона Сидни, знаменитого республиканца.[121] В момент его прибытия шведский монарх вел осаду Копенгагена, столицы своего врага; и Сидней был в восторге, когда ему, действовавшему с надменностью древнего римлянина, удалось воспрепятствовать дальнейшим успехам королевского оружия и столь эффектным образом продемонстрировать превосходство свободы над тиранией. Кипя бешеным гневом, честолюбивый шведский государь вынужден был подчиниться властному посредничеству двух республик. «Какая жестокая судьба! — воскликнул он. — Цареубийцы и лавочники диктуют мне свою волю!» Но вся его армия оказалась блокированной на острове, и объединенная англо-голландская эскадра вполне могла заморить ее голодом. Делать было нечего: королю пришлось отказаться от добычи, которую он уже почти

держал в руках, и заключить мир с Данией, после этого он вернулся на родину, где вскоре умер

Завершились также войны между Францией и Испанией конец им положил Пиренейский мир [122] Державы-соперницы враждовали между собой очень долго, даже в то время, когда правили ими брат и сестра, искренне любившие и уважавшие друг друга Но политические расчеты, которые так долго брали верх над этими нежными чувствами, уступили наконец их влиянию, и никогда еще триумф последних не был столь полным и совершенным Испанские Нидерланды, а пожалуи, все части этой монархии оказались, по сути, беззащитны перед врагом Разбитые армии, расстроенные финансы, вялая и нерешительная политика — ничего другого разбросанные по всему свету испанские владения уже не могли противопоставить энергичному натиску могущественной Франции Но королева-регентша, глубоко встревоженная судьбой брата, использовала все свое влияние на кардинала, чтобы остановить французские захваты и положить конец раздорам, которые возникли из-за неуемных амбиций, ознаменовались военными победами и наконец были улажены в духе умеренности Юный король Франции,[123] хотя и отличавшийся честолюбием и воинственностью, не помышлял тогда ни о чем, кроме галантных интриг и любовных наслаждений Он безропотно передал бразды правления своему хитрому министру, и в то самое время, когда была упущена прекрасная возможность для дальнейших завоеваний (которую в течение всего своего деятельного царствования он так и не сумел возвратить вполне), Людовик оставался равнодушным зрителем

Первые министры двух корон, Мазарини и дон Луис де Аро, встретились у подножия Пиренеев на «Острове фазанов»,[124] который, как считалось, не принадлежал ни одному из королевств Когда же успех переговоров был обеспечен долгими совещаниями министров, согласились съехаться и сами монархи, и вот посреди этих диких и суровых гор явились во всем своем великолепии два блестящих двора Филипп привез с собой дочь, Марию-Терезию и, выдав ее замуж за своего племянника Людовика, попытался скрепить этими новыми узами несовместимые интересы двух монархий Французский король торжественно отрекся от всех прав на наследство, которое мог бы он получить в качестве супруга испанской принцессы, — формальность пустая и слишком слабая, чтобы обуздать неукротимое честолюбие государей

Англия же в это время переживала столь ужасную смуту, что ни приглашать это королевство к участию в мирном конгрессе, ни вообще о чем-либо договариваться с государством, где все беспрестанно менялось, не было никакой возможности Король, доведенный до отчаяния крахом всех прежних попыток восстановить его на престоле, решил испытать последнее слабое средство, прибегнув к помощи иностранных держав, и когда переговоры двух министров были в самом разгаре, отправился к ним в Пиренеи Дон Луис принял Карла с благородной учтивостью, столь характерной для его нации, и выразил горячее желание помочь несчастному

монарху, если только бедственное положение самой Испании позволит ему это сделать. Осторожный Мазарини, сославшись на союз между Францией и Английской республикой, отказался даже встретиться с ним, и хотя король предложил себя в мужья племяннице кардинала,[89] на сей раз он не получил взамен ничего, кроме пустых заверений в глубочайшем почтении и в готовности ко всяческим услугам. Всему свету дело этого монарха казалось совершенно безнадежным: любые предприятия его сторонников неизменно заканчивались провалом; кровь самых пылких роялистов часто орошала эшафот; многие пали духом в тоске и унынии тюремного заключения; все были разорены тяжелыми штрафами и конфискациями; ни один человек не смел открыто признать себя роялистом; и партия эта казалась поверхностному наблюдателю столь слабой и малочисленной, что никто не взялся бы сказать наверное, какую форму правления избрала бы для себя нация, если бы она вдруг вновь обрела свободу (что, впрочем, не представлялось тогда вероятным). Но посреди всех этих мрачных предзнаменований судьба, совершив удивительный поворот, уже расчищала путь для короля, дабы мирно и с торжеством возвести его на трон предков. Верность и благоразумие генерала Монка — вот что помогло осуществить эту счастливую и долгожданную перемену.

ГЕНЕРАЛ МОНК

Джордж Монк, коему суждено было положить конец кровавым раздорам в трех королевствах и восстановить монархию, был вторым сыном в одной старинной и благородной девонширской семье, с известных пор, впрочем, несколько обедневшей из-за чрезмерного хлебосольства и расточительности. Избрав уже в ранней молодости ремесло солдата, он участвовал в неудачных экспедициях в Кадис и на остров Ре. Когда же Англия заключила мир со всеми соседними державами, Монк отправился за воинским опытом в Нидерланды, главную школу войны для всех европейских наций, где дослужился до поста командира роты в полку лорда Горинга. Рота его состояла из двухсот человек, в том числе ста волонтеров; многие из них были особы родовитые и богатые, а некоторые, принадлежавшие к титулованному дворянству, вели на собственные доходы весьма роскошный образ жизни, — столь сильной была в те времена любовь к воинской профессии в среде английской знати.

Когда же первые громы войны раздались на нашем острове, Монк вернулся в Англию — отчасти из желания продвинуться по службе на родине, отчасти раздосадованный несправедливым обращением Штатов, на которое он имел известные причины жаловаться. По заключении мира с шотландцами он предложил свои услуги графу Лейстеру[125] против ирландских мятежников и, получив полк, вскоре обратил на себя внимание своими военными талантами, а также хладнокровно-рассудительным му-

жеством. Не выставляя напоказ свою храбрость, не соря деньгами и не заискивая ради популярности перед подчиненными, единственно лишь справедливостью и гуманностью он завоевал симпатии солдат, которые с любовью (и отчасти с фамильярностью) называли его наш *честный* **Джордж Монк**; и это лестное прозвище сохранилось за ним в армии даже тогда, когда он достиг вершины своей карьеры. Монк отличался благоразумной умеренностью в своих политических взглядах, и не удивительно, что в то время, как вокруг него все пылало неистовой злобой против враждебной партии, его беспристрастие и уравновешенность породили скверные слухи. Когда ирландская армия была отозвана в Англию, этим подозрениям поверили настолько, что его даже отстранили от командования, приказав явиться в Оксфорд, чтобы ответить на выдвинутые против него обвинения. Прочная репутация человека честного и прямого сослужила ему здесь отличную службу: энергичные протесты и решительные заявления Монка возымели действие, и ему вернули полк, к которому он и присоединился в ходе осады Нантвича. На другой день после его прибытия Ферфакс атаковал и разбил роялистов, которыми командовал Байрон,[126] а полковника Монка взял в плен. Его отправили в Тауэр, где около двух лет он стойко выносил все тяготы бедности и тюремного заключения. Правда, король оказался настолько любезен, что, сам находясь в стесненных обстоятельствах, послал ему в подарок сто гиней; однако свободу Монк получил лишь после полного разгрома роялистов. Все это время, несмотря на свою крайнюю нужду, Монк неизменно отвергал самые заманчивые предложения парламента; но когда Кромвель, высоко ценивший его достоинства, стал настойчиво склонять его к участию в военных действиях против ирландцев, в равной мере являвшихся бунтовщиками в глазах короля и парламента, Монк, желая поправить свои расстроенные дела, охотно согласился принять должность, которая, как он хотел думать, была вполне совместима со строжайшими законами чести. Но, однажды поступив на службу парламенту, он, естественно, должен был выполнять приказы и в конце концов оказался вынужден сражаться как против маркиза Ормонда в Ирландии, так и против самого короля в Шотландии. По завоевании последней в его руках была оставлена высшая военная и гражданская власть в королевстве, и своим честным и справедливым управлением он сумел расположить к себе этот беспокойный народ, оказавшийся теперь в подчинении у ненавистных англичан. Не меньшим авторитетом Монк пользовался у офицеров и солдат: предвидя, что искренняя преданность находившихся под его начальством войск может ему очень пригодиться в будущем, он усердно и с успехом добивался их симпатии и доверия.

МОНК ВЫСТУПАЕТ НА СТОРОНЕ ПАРЛАМЕНТА

Тесные дружеские связи, возникшие между ним и его благодетелем Кромвелем, обеспечили его верность Ричарду, которому отец велел во всем следовать советам генерала Монка. Когда был восстановлен Долгий парламент, Монк, не готовый в тот момент к сопротивлению, признал его власть и сохранил свой пост; впрочем, любая попытка его сместить была бы весьма рискованной. После разгона парламента армией Монк заявил протест против этого насилия и, если верить его словам, твердо решил защитить попранные права коммонеров. Многие, однако, с самого начала полагали, что истинными мотивами его действий являются иные, более глубокие замыслы, то ли в пользу короля, то ли в его собственных интересах.

Между ним и Ламбертом давно уже существовало соперничество, и все видели, почему он противится возвышению этого честолюбивого генерала, чьи успехи, как отлично понимал Монк, должны были, и очень скоро, уничтожить его собственное влияние. Но ведь между ним и вождями парламента также никогда не замечалось большой дружбы, и невозможно было поверить, что Монк готовится использовать свой ум и энергию и проливать свою кровь ради торжества одного из врагов над другим. Мы не знаем точно, когда он впервые начал всерьез думать о реставрации короля. По-видимому, как только был низложен Ричард, Монк пришел к выводу, что иного средства восстановить в государстве прочный законный порядок уже не осталось. Его старший и младший братья были преданы делу монархии; его близкие родственники Гренвили и вся остальная его родня держались тех же взглядов; сам он не был отравлен дурманом религиозного исступления и не знался ни с кем из породы бешеных фанатиков. Войну он начал в армии роялистов и оставил эту службу, не имея каких-либо личных причин для недовольства королевской фамилией. С тех пор как Монк стал служить ее противникам, он не запятнал себя актами насилия или жестокости, которые могли бы делать его ненавистным. А значит, его возвращение в лагерь сторонников короля было легким и искренним, и невозможно представить, что́ могло бы явиться противовесом для его естественной склонности к этому шагу, кроме мечтаний о собственном возвышении и надежды захватить ту самую верховную власть, которую прежде узурпировал Кромвель. Однако природный нрав Монка, спокойный и уравновешенный, вместе с холодным и трезвый умом, не говоря уже о возрасте, к тому времени далеко не юном, должны были, кажется, удержать его от столь грандиозных, чтобы не сказать химерических, прожектов. Даже Кромвель, как часто повторял Монк,[90] не смог бы надолго сохранить узурпированную власть; а ведь было очевидно, что любому другому лицу, пусть и равному Кромвелю по своим дарованиям, было бы теперь гораздо труднее с успехом пускать в ход хитрости и уловки, с которыми все уже в достаточной мере познакомились на опы-

те А значит, более согласно с разумом и чистосердечием предположить, что Монк вынашивал замыслы реставрации короля с того самого момента, как начал действовать, доводы же, основанные на том, что он-де никогда — даже самого Карла — не посвящал в свои планы, не следует считать серьезными возражениями По натуре он был человек сдержанный, обстоятельства, в которых он находился, требовали скрытности и осторожности, короля, о чем отлично знал Монк, со всех сторон окружали шпионы и предатели, — в общем, тот самый образ действий, который должен внушать нам высокое мнение о его благоразумии, едва ли можно истолковать так, чтобы поставить под сомнение его честность

В надежде, что генерал согласится перейти на сторону короля, сэр Джон Гренвиль послал в Шотландию его младшего брата, священника доктора Монка, который должен был доставить ему письмо и приглашение от Карла Прибыв на место, доктор узнал, что его брат заседает в совете офицеров и освободится только через несколько часов Пока же его принял и занял беседой капеллан генерала Прайс, честный человек и к тому же приверженец короля Доктор, вполне доверяя капеллану, весьма откровенно поведал тому о цели своей поездки, всячески убеждая, если представится такой случай, помочь успеху предприятия Наконец вошел генерал, братья обнялись, и после короткого предварительного разговора доктор повел речь о том, зачем приехал Монк прервал его, чтобы выяснить, рассказывал ли он об этому деле кому-нибудь еще «Ни единому человеку, — отвечал брат, — кроме Прайса, которому, как мне известно, вы полностью доверяете» Изменившись в лице, генерал тотчас же обратил разговор на другую тему, впоследствии он упорно избегал откровенных бесед с доктором и при первой же возможности отправил его обратно Он не захотел довериться собственному брату, как только узнал, что тот открыл свою тайну, пусть даже человеку, на которого Монк мог бы вполне положиться [91]

Во всем остальном поведение Монка отличалось такой же чрезвычайной скрытностью и осторожностью это было непременным условием конечного успеха того трудного дела, за которое он взялся Всех офицеров своей армии, внушавших ему малейшие подозрения, он немедленно уволил со службы, Коббета, которого прислал Комитет безопасности якобы затем, чтобы сообщить Монку о своих намерениях, а на самом деле — с целью склонить к бунту его войска, он приказал взять под стражу, несколько полков, разбросанных ранее по всей Шотландии, он стянул в один пункт, наконец, он созвал собрание, отчасти напоминавшее прежний Конвент сословий, и, сообщив ему о своем решении вести войска в Англию, получил весьма своевременную, хотя и не слишком крупную субсидию

Узнав о том, что Ламберт выступил со своей армией на север, Монк отправил в Лондон Клобери и еще двух комиссаров, они должны были заверить Комитет безопасности в его горячем стремлении к миру и предложить условия соглашения Главной его целью было выиграть время и, усыпив бдительность своих врагов, замедлить их приготовления Комитет

попался в эту ловушку. Комиссары Монка подписали договор, но сам он отказался его утвердить, сославшись на то, что они-де превысили свои полномочия. Генерал, однако, выразил желание вступить в новые переговоры в Ньюкасле, и Комитет охотно принял это обманчивое предложение.

Между тем военные правители обнаружили, что их со всех сторон окружают непреодолимые трудности (ноябрь). Нация погрузилась в полную анархию и, отказываясь платить любые налоги, довела армию до крайне бедственного состояния. Пока Ламберт собирал войска в Ньюкасле, Гезльриг и Морли овладели Портсмутом и потребовали восстановления парламента. Чтобы привести их к покорности, был послан отряд, но его командир убедил своих солдат поддержать то же требование. Взбунтовались лондонские ученики, домогавшиеся созыва свободного парламента; и хотя эти беспорядки были подавлены полковником Хьюсоном (некогда — простым сапожником, дослужившимся ныне до высоких чинов в армии), Сити по-прежнему обнаруживал опаснейшие признаки недовольства. Он даже учредил нечто вроде отдельного правительства, присвоив себе высшую власть в собственных пределах. Адмирал Лоусон[127] вошел со своей эскадрой в устье Темзы и объявил себя сторонником парламента. Узнав об этом важном событии, Гезльриг и Морли оставили Портсмут и двинулись к Лондону. Расквартированные близ столицы полки, поддавшись настойчивой агитации своих прежних офицеров, уволенных Комитетом безопасности, подняли мятеж и вновь перешли на сторону парламента. Полк Десборо, отправленный Ламбертом на помощь единомышленникам, едва прибыв в Сент-Олбанс, также выступил в пользу этого собрания.

Флитвуд оказался слишком слабым и безвольным вождем, чтобы поддержать наспех возведенное, непрочное здание, которое стремительно разрушалось во всех своих частях. Стоило ему получить известие о солдатских возмущениях, он тотчас же повергался ниц и начинал истово молиться, и лишь с превеликим трудом можно было уговорить его ехать в войска. Даже явившись в бунтующую часть, он посреди любого разговора мог предложить солдатам сотворить вместе молитву и стать перед ними на колени. Если же кто-нибудь из друзей призывал Флитвуда выказать твердость и энергию, единственным его ответом было: «Господь плюнул мне в лицо и больше не желает меня слушать». Теперь уже никто не удивлялся, почему Ламберт выдвинул его на пост главнокомандующего, а сам удовольствовался второй должностью в армии.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАРЛАМЕНТА

Спикер Лентал, по предложению офицеров, в очередной раз приступил к исполнéнию своих обязанностей и созвал парламент, уже дважды ими разгонявшийся столь постыдным и возмутительным образом. Едва собравшись (26 декабря), парламент отменил собственный акт против

уплаты акцизных сборов и таможенных пошлин, назначил комиссаров по расквартированию войск и, не обращая внимания на Ламберта, послал находившимся под его командованием частям приказ немедленно вернуться на свои прежние квартиры.

Положение Ламберта стало отчаянным. Монк, переправившись через Твид у Колдстрима (1 января), приближался к Ньюкаслу. Собственные солдаты Ламберта массами покидали его, переходя на сторону врага. Лорд Ферфакс, как ему стало известно, собрал войска у него в тылу и овладел Йорком, не объявляя о своих дальнейших намерениях. После недавних распоряжений парламента воинство Ламберта поредело до такой степени, что с ним оставалось не более сотни кавалеристов; все прочие мирно и спокойно направились на свои квартиры, а вскоре и сам Ламберт был арестован и заключен в Тауэр. Другие офицеры, ранее уволенные со службы парламентом, а затем самовольно вернувшиеся в свои части, чтобы разогнать это собрание, были вновь уволены и посажены под домашний арест. Сэр Гарри Вен и некоторые члены палаты, сотрудничавшие с Комитетом безопасности, подверглись той же участи. Казалось, что парламент опять получил в свои руки абсолютную, ничем не ограниченную власть и может не опасаться какого-либо противодействия.

Партию республиканцев возглавляли в то время Гезльриг и Вен — люди, совершенно несходные по характеру и смертельно друг друга ненавидевшие. Гезльриг, обладавший бóльшим влиянием в парламенте, был человек надменный, властный, вспыльчивый и тщеславный; лишенный всякого благоразумия и учтивости, он смог возвыситься на общественном поприще единственно лишь благодаря своей шумливой дерзости и непобедимому упрямству. Вен во всех светских делах отличался хладнокровием, ловкостью, умением расположить к себе и редким глубокомыслием, а во всех религиозных вопросах — безумным исступлением и крайним сумасбродством. Это был законченный фанатик; твердо уверовав, что небеса даровали ему особое вдохновение, он считал себя, выражаясь тогдашним языком, **человеком выше установлений**, совершенно не обязанным, в силу своей избранности, подчиняться тем правилам и законам, которыми руководствуются в своих действиях простые смертные. Эти дикие фантазии, вместе с бешеной гордыней, до такой степени испортили его замечательный природный ум, что иногда он всерьез воображал себя лицом, коему предназначено в течение тысячи лет править всей общиной верующих на земле.[92]

Монк, хотя и извещенный о восстановлении парламента (от которого он не получил никаких приказаний), продолжал свой поход. Армия его насчитывала около шести тысяч солдат; войска, расквартированные в Англии, превосходили ее более чем впятеро. Ферфакс, принявший решение объявить себя сторонником короля, так и не сумел заставить генерала открыть свои истинные намерения и удалился к себе в Йоркшир. Во всех графствах, через которые проходил Монк, к нему толпами стекались самые видные джентльмены со своими петициями, где выражалось горячее

желание, чтобы генерал помог возвратить нации мир и спокойствие, а также те свободы, которые по закону являются неотъемлемым достоянием англичан, но которых они уже много лет злосчастным образом лишены; и чтобы ради достижения этой благой цели он настоял либо на возвращении в палату членов, исключенных из нее незадолго до смерти короля, либо на созыве нового парламента, который, как в прежние времена, мог бы управлять государством с общего согласия и на законных основаниях. Хотя Монк делал вид, будто не одобряет эти обращения, луч надежды, порожденный знанием его характера и положения, сильнейшим образом воодушевлял всю нацию. Тирания и анархия, которые теперь в равной степень терзали королевство, горький опыт прошлых раздоров, страх новых потрясений, возмущение военной узурпацией, ненависть к ханжеству и лицемерию — подобные мотивы объединяли все партии, кроме самых отчаянных фанатиков, внушая им пылкое желание скорейшей реставрации короля как единственного средства от всех этих зол и несчастий.

Парламент отрядил к Монку в качестве своих представителей Скота и Робинсона якобы затем, чтобы поздравить генерала, на самом же деле для того, чтобы за ним шпионить. Четверо именитых граждан, прибывших с подобными приветствиями от Сити, должны были также укрепить генерала в его решимости созвать свободный парламент, предмет молитв и упований всех англичан. Авторитет Монка едва смог оградить парламентских комиссаров от оскорблений, к которым ненависть и презрение к их господам побуждали людей всех званий и состояний.

МОНК ВСТУПАЕТ В ЛОНДОН. 6 ФЕВРАЛЯ

Двигаясь почти без остановок, Монк достиг Сент-Олбанса. Оттуда он направил послание парламенту, требуя вывести из Лондона те полки, которые хотя и заявляли теперь вновь о своей лояльности этому собранию, совсем недавно учинили над ним насилие. Неожиданное послание Монка ошеломило палату. Ее члены убедились, что верховная власть, о которой они было возмечтали, по-прежнему от них далека, и судьба их все еще зависит от наемной армии. Тем не менее палата сочла необходимым уступить. Солдаты оказались не столь сговорчивы и подняли бунт. Так, полк, стоявший в Сомерсет-хаузе, решительно отказался освободить свои квартиры для северной армии. Но те офицеры, которые в подобных обстоятельствах бросились бы раздувать пламя мятежа, отсутствовали в своих частях или находились под арестом, и оставшиеся без вождей солдаты в конце концов, скрепя сердце, вынуждены были подчиниться приказу. 3 февраля армия Монка расположилась в Вестминстере.

Генерал был представлен палате, и Лентал выразил ему благодарность за выдающиеся заслуги, оказанные им отечеству. Выступление самого Монка отличалось скорее здравомыслием, нежели красноречием. Он за-

явил палате, что то дело, которое он смог совершить, являлось не более чем прямым его долгом и не заслуживает тех высоких похвал, коими парламенту угодно было его почтить; что среди многих куда более достойных особ, находящихся на службе парламенту, провидение использовало его, Монка, как орудие для восстановления этого органа, но сам он считает свою услугу лишь шагом на пути к другим, более важным услугам, которые должен теперь оказать нации парламент; что во время своего похода он имел возможность убедиться, что люди всякого звания, пережившие столько бедствий и потрясений, всюду страстно желают мира и порядка, ожидая этих великих благ единственно лишь от роспуска настоящего парламента и созыва нового, полного и свободного, который, собравшись без каких-либо предварительных обязательств и клятв, смог бы наконец удовлетворить чаяния нации; что на этот счет к нему поступали просьбы и обращения, однако он, повинуясь своему долгу, всякий раз отвечал их подателям, что сам парламент, который уже стал свободным, а вскоре будет полным, есть наилучший судья во всех этих делах и что все англичане должны подчиниться его, парламента, решению; что хотя он, Монк, и говорил в подобном духе с народом, теперь он должен прямо сказать членам палаты, что чем меньше предварительных обязательств станут они требовать, тем более широким и представительным окажется будущий парламент и тем в большей степени удовлетворит он нацию; и что для безопасности общества достаточно будет закрыть доступ в новое собрание фанатикам и роялистам, ибо принципы этих партий гибельны соответственно для законного порядка и для свободы.

Эта речь, отчасти обрадовавшая, а отчасти огорчившая нацию и палату, не рассеяла ничьих сомнений и тревог, оставив Англию в состоянии мучительной неопределенности, поддерживать которую было, кажется, в интересах самого генерала. Но страна не могла долго находиться в столь двусмысленном положении: народ и парламент упорно вели дело к развязке. Во время недавних смут уплата налогов прекратилась, и хотя парламент, вновь собравшись, возобновил действие своих актов на сей счет, народ питал к этим законодателям мало почтения и подчинялся их приказам чрезвычайно медленно и неохотно. А муниципальный совет Лондона наотрез отказался внести затребованную сумму, заявив, что сочтет себя обязанным что-либо платить лишь тогда, когда облагать страну налогами будет парламент свободный и законный. Если бы парламент отступил перед этой резолюцией, то его владычеству мгновенно пришел бы конец, а потому палата решила воспользоваться случаем и испытать в полной мере как собственную силу, так и лояльность своего генерала.

Монк получил распоряжение войти в Сити (9 февраля), схватить двенадцать самых неугодных парламенту граждан, убрать со всех улиц столбы и цепи, снять и разрушить заставы и решетки; причем времени на размышления у него почти не оставалось: эти жестокие приказы надлежало исполнить уже через несколько часов. Ко всеобщему ужасу и изумлению, Монк решил повиноваться. Пренебрегая мольбами друзей, увещаниями

офицеров и воплями народа, он вступил с войсками в Сити, словно в неприятельский город, арестовал и отправил в Тауэр всех, кого смог найти из числа осужденных парламентом лиц, самым оскорбительным для граждан образом сломал заставы и решетки и, превратив Сити в предмет злобных насмешек для всех его недругов, с торжеством возвратился на свои квартиры в Вестминстер.

МОНК ОБЪЯВЛЯЕТ СЕБЯ СТОРОННИКОМ СВОБОДНОГО ПАРЛАМЕНТА

Как только у генерала появилось время задуматься над случившимся, он понял, что эта последняя мера вовсе не была продолжением той осторожно-уклончивой тактики, которой держался он до сих пор, но означала прямой и недвусмысленный выбор, отдававший его самого и нацию на милость тиранического парламента, члены коего давно уже вызывали всеобщую ненависть как правители и всеобщее презрение как люди. А потому Монк решил, пока не поздно, исправить чреватую опасными последствиями ошибку, совершенную им по недомыслию, и показать всей Англии еще более ясным и недвусмысленным образом, что впредь он не намерен служить орудием насилия и узурпации. Выразив сожаление по поводу отвратительного дела, в котором его вынудили участвовать, он написал палате письмо (11 февраля), где сурово осудил ее как за интриги, которые она вновь начала плести с Веном и Ламбертом, так и за потворство петиции фанатиков, поданной Прейзгодом Бэрбоном; и потребовал от имени Сити, армии и всего народа, чтобы палата в течение недели издала указ о заполнении вакантных мест в своей среде, а также установила срок собственного роспуска и созыва нового парламента. Отправив это послание, которое, как он полагал, должно было стать бесспорным свидетельством его искренности, Монк вошел с войсками в Сити и предложил лорд-мэру Аллену собрать в Гильдхолле общинный совет. Там он принес гражданам глубокие извинения за нанесенную им двумя днями ранее жестокую обиду, заверил их в том, что уже не сойдет с избранного им теперь пути, и выразил желание, чтобы армия и Сити заключили тесный союз и поклялись поддерживать друг друга во всех предприятиях, необходимых для блага нации и устроения республики.

Невозможно описать радость и ликование, охватившие весь Лондон, как только пришло известие о столь желанных шагах генерала. Непроглядную тьму, в коей пребывала до сих пор нация, внезапно озарил луч надежды — надежды на мир, согласие, свободу и справедливость. Память о прошлых бедствиях уже не служила зловещим предзнаменованием новых несчастий, но лишь усиливала всеобщее ликование при мысли о грядущем благоденствии и покое, в скором наступлении которых никто те-

перь не сомневался. Роялисты и пресвитериане забыли прежнюю вражду и, охваченные единым чувством радости и восторга, клялись навеки оставить пагубные распри, дабы злобные и лицемерные тираны уже никогда не могли использовать их к выгодам собственного властолюбия. Простой народ, более грубый и неистовый в своем веселье, оглашал улицы шумными криками и в знак своего торжества иллюминировал весь город. Приветствия в честь генерала всюду смешивались с отвращением к парламенту. Чтобы выразить последнее, шли в ход самые оскорбительные выдумки. На каждом углу горели костры, на которых жарили огузки; там же, где их уже нельзя было найти, вырезали куски мяса соответствующей формы: с помощью этих символов ненависти и презрения ликующая чернь справляла, по ее словам, великий праздник — похороны парламента.

Парламент, хотя и переживавший муки отчаяния, сделал еще одну попытку вернуть себе власть. Чтобы привлечь на свою сторону генерала, он отправил к нему комиссаров с особыми предложениями. Монк отказался с ними говорить иначе, как в присутствии исключенных членов. Некоторые лица, совершенно потеряв голову из-за собственного фанатизма и сознания своей вины, обещали предоставить генералу титул верховного магистрата и поддержать его правление, но он не захотел обсуждать столь безумную идею. Установив тесные связи с Сити и передав начальство над милицией в руки надежных людей, он возвратился со своей армией в Вестминстер и продолжил принимать надлежащие меры для водворения в стране мира и порядка. Все еще изображая себя сторонником республиканских принципов, Монк делал важные шаги навстречу реставрации древней монархии.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСКЛЮЧЕННЫХ ЧЛЕНОВ. РОСПУСК ДОЛГОГО ПАРЛАМЕНТА

По приглашению генерала исключенные члены направились в палату (21 февраля); не встретив теперь никаких препятствий, они вошли в зал заседаний и сразу же оказались в большинстве: почти все индепенденты удалились.[128] Первым делом восстановленные члены отменили все акты, лишавшие их мест в парламенте; затем они возвратили свободу и конфискованные имущества сэру Джорджу Буту и его единомышленникам, подтвердили генеральский патент Монка и расширили его полномочия, вотировали налог на содержание армии и флота. Приняв эти постановления, они издали, чтобы поскорее успокоить народ, указ о собственном роспуске[129] и о созыве нового парламента. Последняя мера была заранее согласована с генералом, который прекрасно знал, что всех его соотечественников, как бы ни различались они по своим симпатиям, надеждам и планам, объединяет глубокая ненависть к Долгому парламенту.

Был учрежден Государственный совет, состоявший из лиц умеренных взглядов и хорошей репутации; во время гражданских войн большинство из них занимало видное положение в пресвитерианской партии. Начальство над милицией графств получили те, кто готов был способствовать восстановлению мира и порядка. Части милиции вместе с войсками Монка, собранными в один кулак в Лондоне, считались достаточным противовесом для более многочисленной, однако рассредоточенной по всей стране армии, чьи настроения по-прежнему внушали серьезное беспокойство. Впрочем, Монк целенаправленно увольнял со службы самых ненадежных офицеров, приучая войска к повиновению и дисциплине.

Овертон, комендант Гулля, заявил о своей твердой решимости удерживать эту крепость вплоть до пришествия «царя Христа»; но когда Альюред вручил ему приказ парламента о передаче ее полковнику Ферфаксу, Овертон рассудил за благо подчиниться.

Монтегю, командовавший флотом на Балтике, вошел в свое время в заговор с сэром Джорджем Бутом и под предлогом нехватки провианта отплыл из Зунда к берегам Англии с намерением поддержать восстание роялистов. По прибытии он получил известие о поражении Бута и полном крахе всего предприятия. Парламент, находясь тогда в крайне затруднительном положении, не имел возможности входить в тщательный разбор причин, коими оправдывал Монтегю самовольное оставление зоны крейсерства, и позволил ему спокойно удалиться в свое поместье. Теперь же Государственный совет передал Монтегю и Монку совместное командование флотом, и таким образом как сухопутные, так и морские силы оказались в руках людей, стремившихся к восстановлению в стране законного порядка.

Несмотря на все эти меры, неумолимо приближавшие реставрацию монархии, Монк по-прежнему делал вид, будто остается ревностным приверженцем республики, и остерегался вступать в какие-либо сношения с королем. При тогдашнем состоянии умов созыв свободного парламента был совершенно равнозначен восстановлению королевской династии; все это ясно понимали, однако генерал упорно не хотел дать понять — иначе как своими действиями, — что он уже перешел на сторону короля, и только необходимость вырвала у него признание этого очевидного факта. Молчание Монка в то время, когда он начал действовать, нельзя считать серьезным аргументом против его искренности, ибо с такой же осторожностью он вел себя и тогда, когда уже просто не мог, оставаясь в здравом уме, преследовать какую-либо иную цель.[93]

У Монка был один близкий родственник, с которым он неизменно поддерживал самую тесную связь, — некто Моррис, джентльмен из Девоншира, тихий домосед, всецело погруженный в свои ученые занятия. Лишь с этим задушевным другом обсуждал Монк свой великий замысел. Сэр Джон Гренвил, эмиссар короля,[130] обратился к Моррису с просьбой устроить ему личную встречу с генералом, но в ответ услышал, что генерал желает, чтобы он рассказал обо всем Моррису. Гренвил, несмотря на весь-

ма настойчивые уговоры, дважды отказался беседовать о своем деле с кем-либо, кроме самого Монка; и этот осторожный политик, убедившись теперь, что Гренвил умеет надежно хранить тайну, принял его и полностью раскрыл ему свои намерения. Монк, однако, не решился что-либо изложить на бумаге,[94] ограничившись устным сообщением, переданным через Гренвила. Он заверил короля в своей преданности, дал некоторые советы касательно надлежащего образа действий и, в частности, рекомендовал Карлу как можно скорее покинуть испанские владения и перебраться в Голландию: генерал опасался, что испанцы, желавшие получить обратно Дюнкерк и Ямайку, могут оставить его у себя в качестве заложника. Карл последовал этим указаниям и ускользнул в Бреду.[131] Он едва не опоздал: промедли он со своим отъездом еще несколько часов, и испанцы наверняка задержали бы его под благовидным предлогом подобающих его особе почестей.

Тогда же роялисты обратились к Локкарту, который исполнял должность коменданта Дюнкерка и вовсе не являлся смертельным врагом монархии. Ему подробно описали состояние Англии, указали на неизбежность реставрации, в соблазнительных красках изобразили великие милости, ожидающие его в том случае, если он предвосхитит пылкие желания соотечественников и впустит короля в свою крепость. Но Локкарт ответил, что полномочия свои он получил от английского парламента и откроет ворота лишь по приказу тех же властей.[95] Подобную щепетильность, пусть даже в тогдашних чрезвычайных обстоятельствах она приближалась к суеверному предрассудку, едва ли можно безоговорочно осуждать.

НОВЫЙ ПАРЛАМЕНТ

Выборы в новый парламент всюду принесли победу сторонникам короля. Это было одно из тех могучих народных движений, когда люди, самые равнодушные и даже самые поначалу враждебные, будучи не в силах противиться всеобщему страстному порыву, в конце концов с энтузиазмом принимают чувства и мнения большинства своих соотечественников. Казалось, даже неистовые фанатики были обезоружены и, находясь попеременно во власти отчаяния и изумления, позволили совершиться тому, чего, как они ясно видели, величайшие их усилия уже не смогли бы предотвратить. Пресвитериане и роялисты, объединившись, стали выразителями воли народа, который без лишнего шума, но с необыкновенной страстью требовал реставрации короля. Королевство между тем почти всецело оставалось в руках первой партии, и кое-кто из рьяных ее вождей вновь заговорил об «условиях», притом весьма суровых, принятия коих домогались еще от покойного короля на переговорах в Ньюпорте; но общее мнение, возмущенное подобным недоверием к государю, отвергало, по-види-

мому, всякий торг с ним. Истерзанная прежними смутами и беспорядками, нация жаждала мира и спокойствия, приходя в ужас от одной мысли о переговорах и проволочках, воспользовавшись которыми мятежная армия могла бы вновь ввергнуть страну в хаос. К тому же бешеный энтузиазм свободы, дошедший до столь возмутительных крайностей и породивший кровавые катастрофы, начал естественным образом уступать место духу лояльности и повиновения, и народ утратил прежнее рвение к делу, ставшему для него теперь ненавистным из-за великих бедствий, которые оно так долго приносило Англии. После законных уступок, сделанных покойным королем, конституция казалась в достаточной мере гарантированной от посягательств, а особые условия, на которых настаивали иные, т. е. требования, возникшие в разгар яростной борьбы, означали по сути не ограничение, но полное уничтожение монархической власти. И наконец, самое главное: генерал не желал и слушать о каких-либо условиях, твердо решив, что корону, которую он намерен был возвратить королю, тот получит без всяких условий и оговорок. А потому народ, чуждый подозрений и недоверия, не колеблясь отдавал голоса на выборах людям, известным ему как сторонники монархии; и каждый уже теперь искал расположения той партии, которой, как все понимали, вскоре предстояло взять в свои руки управление государством. И хотя палата постановила, что лица, поднимавшие оружие за покойного короля, а также их сыновья не могут быть избраны в будущий парламент, на этот закон нигде не обращали особого внимания. Вожди пресвитериан — граф Манчестер, лорд Ферфакс, лорд Робартс, Голлис, сэр Антони Ашли Купер, Аннсли, Льюис — были преисполнены решимости искупить свои прошлые грехи нынешним монархическим рвением, а их прежние заслуги, успехи и страдания обеспечили им теперь огромное влияние и авторитет в среде единомышленников.

Ирландские дела складывались столь же благоприятно для короля. Выступив против английской армии, Монк тотчас же отправил в Ирландию своих агентов и убедил тамошних офицеров перейти на его сторону. Лорд Брогхилл, губернатор Манстера, и сэр Чарльз Кут, губернатор Коннаута, не побоялись войти в сношения с королем и даже обещали помочь делу его реставрации. Совместно с сэром Теофилусом Джонсом и другими офицерами они взяли в свои руки бразды правления на острове и отстранили от власти пылкого приверженца «охвостья» Ледлоу, внушив, впрочем, последнему, что сами они действуют в тайном сговоре с Комитетом безопасности. Они готовы были в любой момент поддержать короля, однако воздерживались от прямых деклараций в его пользу, ожидая, какой оборот примут события в Англии.

Но все эти далеко идущие замыслы и блестящие надежды едва не разрушило одно несчастное происшествие. После возвращения в палату исключенных членов республиканцы, и прежде всего судьи покойного короля, охваченные вполне обоснованным страхом, попытались внушить то же чувство армии. Лично или через своих эмиссаров они упорно тверди-

ли солдатам, что все доблестные подвиги, совершенные ими в ходе войны и удостоившиеся великих похвал со стороны парламента, для роялистов, вне всякого сомнения, превратятся в чудовищные преступления и навлекут на армию ужасную месть; что не следует верить пустым обещаниям милосердия и умеренности со стороны этой партии, ибо смертный приговор королю, казнь стольких представителей знати и джентри, секвестры, конфискации и тюрьмы, выпавшие на долю прочих, являются в глазах роялистов ужасными злодействами и смертельными обидами, которые заслуживают кары безжалостной и свирепой; что увольнение со службы всех офицеров и солдат без выплаты им задолженности по жалованью — это еще самое легкое наказание, на которое они могут рассчитывать, после же роспуска армии для их собственности и самой жизни уже не останется иной защиты, кроме «милости» разъяренных победителей; и наконец, даже если они получат полные гарантии безопасности, с их стороны было бы постыдно вследствие предательства и обмана склонить голову перед тем самым врагом, который прежде, в открытом бою, так часто уступал перед их доблестью и отвагой.

После того как армии удалось внушить подобные мысли, из Тауэра неожиданно бежал Ламберт, приведя Монка и Государственный совет в состояние неописуемой тревоги. Бешеная энергия и решимость этого человека были им известны; они видели, насколько он популярен в войсках, и отлично знали, что хотя совсем недавно солдаты покинули Ламберта, теперь они горько в этом раскаиваются, открыто выражая ненависть к тем, кто так нагло их обманул своими лживыми заверениями. А значит, чтобы взять верх над столь опасным врагом, требовалась величайшая быстрота действий, и в погоню за ним был немедленно отправлен полковник Ингольдсби, в прошлом один из судей покойного короля, а ныне — верный сторонник монархии. Он настиг Ламберта в Девентри (22 апреля), когда тот успел собрать лишь четыре эскадрона. Один из них покинул его, вскоре его примеру последовал еще один. Сам же Ламберт пытался бежать, но был схвачен Ингольдсби, которому униженно изъявил покорность, что никак не вязалось с его прежней репутацией человека мужественного и сильного духом. Вместе с ним были взяты Окей, Акстель, Коббет, Крид и другие офицеры из той же партии. А в это самое время на помощь Ламберту отовсюду спешили солдаты. Через несколько дней они превратились бы в грозную силу, и самому Монку, как тогда полагали, было бы небезопасно собирать для подавления их бунта сколько-нибудь крупный корпус своей республиканский армии — в общем, то обстоятельство, что разгорающееся пламя удалось погасить так быстро, следует считать поразительной удачей.

РЕСТАВРАЦИЯ

Собравшись на свое первое заседание, парламент избрал спикером сэра Харботтла Гримстона, который хотя и сотрудничал какое-то время с последним парламентом, давно уже пользовался репутацией пылкого приверженца монархии. Величайшие опасности, коим подвергались англичане при прежних незаконных владыках, вместе с крайней осторожностью генерала держали всех в страхе, и в продолжение нескольких дней никто не решался произнести имя короля. Члены парламента упражнялись главным образом в злобных нападках на покойного Кромвеля и в яростных проклятиях жестоким убийцам последнего короля. Наконец, в достаточной мере выяснив их настроения, генерал предложил Аннсли, председателю Государственного совета, уведомить депутатов, что некто сэр Джон Гренвил, слуга короля, ожидает у дверей палаты с письмом от Его Величества к общинам (1 мая). Это известие вызвало шумный восторг. Гренвила пригласили войти; письмо, сопровождавшееся декларацией, заслушали с жадным вниманием; тотчас же, без единого голоса против, назначили комитет для подготовки ответа; и чтобы доставить такую же радость всему королевству, письмо и декларацию постановили немедленно опубликовать.[132]

Народ, выведенный наконец из состояния мучительной неопределенности, в котором его так долго держали, от робких, смешанных с тревогой надежд обратился к чистому, безудержному веселью, бурно выражая то, общее для всех ликование, вызвать которое никогда не сможет даже величайшая удача частного лица. Рассказывают, что некоторые, например математик Отред, узнав об этом нежданном и счастливом событии, умерли от восторга. Декларация короля, весьма умело составленная, усиливала радость, порожденную надеждами на возвращение мира и порядка. Она предлагала полную и всеобщую амнистию, из которой могли быть исключены лишь те, кого впоследствии укажет сам парламент; обещала свободу совести и утверждение монархом любого акта, который, по зрелом размышлении, примет для обеспечения веротерпимости парламент; предоставляла этому собранию право расследовать законность всех пожалований, приобретений и отчуждений имущества; гарантировала солдатам полную выплату задолженности, а также обещала сохранить им прежнее жалованье.

Лорды, видя, каким духом движимы общины и все королевство, поспешили восстановить себя в древних правах и принять участие в умиротворении государства. Двери их палаты оказались открытыми, и лорды в полном составе (даже те, кого некогда исключили как «делинквентов») вновь заняли свои места.

8 мая в Уайтхолле и Темпле, с величайшей торжественностью и в присутствии обеих палат парламента, Карл был провозглашен королем Англии.[133] Общины выделили 500 фунтов на покупку драгоценного камня для

Гренвила, доставившего им милостивое послание Его Величества, а также решили преподнести в качестве подарка 50 000 фунтов самому королю, 10 000 — герцогу Йоркскому и 5 000 — герцогу Глостерскому. Особая депутация от лордов и общин была отправлена к монарху, дабы пригласить его вернуться в Англию и принять власть в государстве. Воистину чудесная быстрота, с какой происходили все эти события, ясно свидетельствовала о пылком энтузиазме и совершенном единодушии нации. Лорды, общины и Сити выказывали такое нетерпение и с таким упорством пытались превзойти друг друга в живейшем выражении верноподданнического восторга, что, как пишет благородный историк, нельзя было не спросить себя в изумлении, а где же обретаются ныне те, кто сотворил все прежнее зло, много лет лишая короля счастья править столь прекрасными подданными и пользоваться их поддержкой. Сам король говорил, что если ему не удалось вступить на трон раньше, то это, несомненно, его собственная вина, ибо все вокруг, как он видит, с таким усердием содействуют его счастливой реставрации.

За добровольным подчинением подданных короля вскоре последовали всевозможные знаки уважения со стороны иностранных держав. Испания приглашала его вернуться в Нидерланды, дабы взойти на корабль в одном из принадлежавших ей приморских городов; Франция заверяла в глубоком почтении и искренней любви и предлагала использовать для той же цели порт Кале; Генеральные Штаты направили к нему депутацию со сходным дружеским приглашением. Это последнее и решил принять король. Народ Соединенных Провинций питал к нему сердечную симпатию, а их магистратов от поощрения и открытого выражения подобных чувств не удерживали более никакие политические расчеты. На пути от Бреды к Гааге Карла встречали многочисленные толпы голландцев, приветствовавшие его с шумным восторгом, словно это к ним, а не к их соперникам в торговле и могуществе возвращались ныне мир и покой. Генеральные Штаты в полном составе, а вслед за ними, от собственного имени, штаты провинции Голландия с величайшей торжественностью поздравили короля; все сколько-нибудь видные особы добивались права быть представленными Его Величеству; послы и министры королей, князей и республик спешили к нему, дабы выразить радость своих повелителей по поводу его восшествия на престол; так что можно было подумать, что эта благая перемена, вызвавшая повсюду столь глубокое удовлетворение, проистекала из соединенных усилий всего христианского мира.

В виду Шевелинга появился английский флот: Монтегю, не дожидаясь распоряжений парламента, убедил офицеров по собственному почину исполнить долг перед Его Величеством. Герцог Йоркский тотчас же поднялся на борт и принял командование флотом в качестве лорд-адмирала.

Когда Карл сошел на английский берег в Дувре, его встретил Монк. Король сердечно обнял генерала. Никогда еще ни один подданный не заслуживал своими деяниями (и, вероятно, своими намерениями) больше прав на благодарность своего монарха и отечества. За считанные месяцы,

не пролив и капли крови, единственно лишь своим благоразумным и бескорыстным образом действий, он умиротворил три королевства, которые так долго терзала ужаснейшая смута; и, с твердостью отклонив самые заманчивые предложения, поступавшие к нему от короля и от всех партий в королевстве, без всяких условий и оговорок возвел своего изгнанного владыку на пустующий трон. Король вступил в Лондон 29 мая, в день своего рождения, и в совпадении двух столь радостных событий разыгравшаяся фантазия современников увидела счастливое предзнаменование.

* * *

Здесь, пожалуй, следует на минуту задержаться и предпринять общий обзор эпохи в отношении нравов, финансов, вооруженных сил, торговли, наук и искусств. Высшая польза истории в том и состоит, что она представляет богатый материал для подобного рода изысканий, и обязанность всякого историка, как нам кажется, делать отсюда надлежащие выводы и заключения.

НРАВЫ И ИСКУССТВА

Вероятно, ни один народ не переживал более резких и глубоких перемен в своих нравах, чем английская нация в описываемый нами период. Из состояния покоя, согласия, повиновения и здравомыслия она была стремительно ввергнута в пучину раздоров, фанатизма, мятежа и чуть ли не самого настоящего безумия. Бешеное неистовство тогдашних английских партий превосходит все, что мы в силах теперь вообразить, и, продлись оно еще немного, можно было бы с полным правом опасаться всех ужасов проскрипций и избиений, известных нам по истории древнего мира. Военных узурпаторов, чье владычество опиралось на вопиющее беззаконие и не имело ни малейшей поддержки в стране, толкнули бы к подобным кровавым мерам ярость и отчаяние, и если бы они обратились к этим чудовищным средствам, то естественная жажда мести заставила бы противную партию, по возвращении ее к власти, обрушить на своих врагов не менее жестокое воздаяние. Все человеческие связи между партиями были разорваны, брачные союзы и дружеское общение между ними стали невозможны. Роялисты, побежденные, преследуемые и угнетаемые, гнушались тем не менее всякой близостью с новыми господами Англии. Чем больше их притесняли, тем сильнее стремились они показать свое превосходство над узурпаторами, насилием и беззаконием подчинившими их своей власти.

Нравы враждебных партий были совершенно противоположны, словно у двух народов, разделенных между собою неизмеримым расстоянием. «Ваши друзья кавалеры, — сказал однажды роялисту сторонник парламента, — люди до крайности испорченные и распутные». — «Верно, —

отвечал роялист, — им свойственны человеческие слабости; зато ваши приятели круглоголовые повинны в дьявольских грехах — тиранстве, мятеже и духовной гордыне».[96] Не приходится отрицать, что, несмотря на благой пример самого Карла I, необузданный разгул был весьма характерен для многих его приверженцев. Являясь обыкновенно людьми знатными и богатыми, для которых излишества менее пагубны, чем для простого народа, они были слишком склонны предаваться всевозможным удовольствиям, и в особенности радостям стола. Желание бросить вызов пуританской строгости врагов усиливало их любовь к дружеским кутежам, и репутация беззаботного жуира высоко ценилась в среде роялистов как верный залог преданности церкви и монархии. Даже вконец разоренные конфискациями и секвестрами, они упорно сохраняли вид людей беспечных, общительных и никогда не унывающих. «Насколько надежда выше страха, — сказал один бедный и веселый кавалер, — настолько наше положение предпочтительнее положения наших недругов: ведь мы смеемся, а они трепещут».

Мрачное исступление, господствовавшее в парламентской партии, есть, несомненно, любопытнейший феномен во всей истории человечества, а для философского ума — зрелище в высшей степени занимательное и поучительное. Неумолимая строгость пресвитериан и индепендентов предала своего рода анафеме все развлечения. Скачки и петушиные бои были запрещены как нечто гнусное и чудовищное;[97] даже медвежья травля считалась богопротивной языческой мерзостью, причем шокировала пуритан не сама жестокость этой забавы, а то, что она доставляла потеху публике. Полковник Хьюсон, движимый благочестивым рвением, явился однажды со своими солдатами в Лондон и истребил всех медведей, коих держали в столице для увеселения горожан. По-видимому, это происшествие и легло в основу сюжета поэмы о Гудибрасе.[134] Хотя от природы англичанам свойственны прямодушие и откровенность, в ту пору они были заражены лицемерием, подобного которому не знали ни древние, ни новые времена. Отметим попутно, что религиозное лицемерие имеет особый характер: человек, как правило, не замечает его в себе, и оно, хотя и более опасное по своим последствиям, предполагает меньше сознательной лжи, чем прочие виды неискренности. Сектанты всех мастей предпочитали Ветхий Завет Новому: восточный поэтический слог этой книги позволял с большей легкостью истолковывать ее содержание в угодном для них духе.

В настоящей работе мы уже имели случай говорить о многих сектах, существовавших в тогдашней Англии, исчислить же их все до единой нет никакой возможности. Однако квакеры[135] — секта весьма крупная, по крайней мере, чрезвычайно своеобразная; но поскольку ее члены принципиально отвергали всякое применение оружия, то им не довелось сыграть в общественных делах настолько значительную роль, чтобы попасть в тот или иной раздел нашего повествования.

Религиозное учение квакеров, подобно большинству прочих, возникло в среде самой низкой черни и, постепенно распространяясь, овладело

умами людей более высокого происхождения и тонкого воспитания. Основатель секты, Джордж Фокс, родился в 1624 году в Дрейтоне, Ланкашир. Сын ткача, он был отдан в ученики сапожнику. Почувствовав в себе более сильное влечение к религиозному созерцанию, нежели к ручному ремеслу, он покинул своего хозяина и, облаченный в кожаный камзол (платье, крепко ему полюбившееся своей оригинальностью, а равно и дешевизной), пустился в странствия. Желая отринуть от себя мирскую суету, он порвал всякие связи с семейством и друзьями и никогда не задерживался на одном месте, ибо сила привычки, породив новые привязанности, могла бы пагубно сказаться на небесной чистоте его возвышенных размышлений. Нередко он углублялся в лесные чащи, проводя целые дни в дуплах деревьев; человеческое же общество, как и все прочие радости жизни, ему с успехом заменяла Библия. Достигнув такой степени праведности, что никакая другая книга ему уже не требовалась, он вскоре сделал новый шаг на пути духовного совершенствования и даже к этому божественному писанию стал относиться с гораздо меньшим почтением. Он вообразил, что его собственная душа исполнена того самого вдохновения, которое вело некогда пророков и апостолов; что сей внутренний свет непременно озарит всякий духовный мрак и что живой дух воскресит мертвую букву.

Освятив себя надлежащим образом силой своей фантазии, Фокс почувствовал, что фимиам самовосхваления, если его не воскуряют без конца восторженные единоверцы, очень быстро рассеивается, и начал искать прозелитов. Их нетрудно было найти в те времена, когда чувствами и мыслями всякого человека владела религия, а самым нелепым ее разновидностям был обеспечен величайший успех. Все обряды, изобретенные человеческой гордыней и тщеславием, Фокс и его ученики, движимые еще большей гордыней и тщеславием, решительно отвергли; они избегали даже общепринятых форм вежливости, поощрявших, на их взгляд, греховную суетность и самодовольство. Титулы и звания совершенно исчезли из их речи; единственным обращением, употреблявшимся ими ко всем людям без различия, стало слово **друг**. Они никому не желали кланяться, ни перед кем не снимали шляп, не оказывали иных знаков почтения. От проникшей в новые языки аффектированной льстивости, когда с одним человеком говорят так, словно он является множеством людей, они возвратились к простоте древних языков, и ни при каких обстоятельствах их нельзя было заставить обратиться к кому-либо иначе, чем на **ты**.

Одежда, этот важный атрибут человеческой жизни, также отличала членов секты. Любые излишества и украшения безжалостно ими изгонялись; у них не было ни складок на верхнем платье, ни пуговиц на рукавах, ни кружев, ни оборок, ни вышивки. Даже пуговицу на шляпе, вещь в некоторых случаях небесполезную, они отвергали с ужасом и омерзением.

Неистовое исступление этой секты, как и все бурные страсти, оказывалось слишком сильным потрясением для слабых нервов, вызывая у проповедников судороги, корчи и дрожь в членах, почему их и стали называть

квакерами. Любые секты пользовались в те времена широкой терпимостью, а всякого рода религиозные новшества даже поощрялись, и только эта секта подвергалась преследованиям. Охваченные фанатическим рвением, квакеры часто врывались в церкви и нарушали ход службы, обрушивая на священника и паству потоки яростной брани. Будучи же приведены к судье, они отказывали ему в любых знаках почтения, обращаясь с ним с величайшей вольностью, словно он был кем-то из их секты. Их сажали в дома для умалишенных, бросали в тюрьмы, наказывали кнутом, выставляли к позорному столбу. Терпение и стойкость, с которыми квакеры все это переносили, вызывали сочувствие, восхищение и уважение.[98] Считалось, что некий сверхъестественный дух поддерживает их в этих страданиях, которые невыносимы для человека в его обычном состоянии, свободном от порождаемых страстями иллюзий.

Квакеры проникли в армию, но поскольку проповедь всеобщего мира склоняла вооруженных фанатиков к перемене профессии, то если бы «друзей» терпели в войсках и дальше, они очень скоро положили бы конец господству «святых», даже без военного поражения последних и без новых бедствий для страны. Эти усилия квакеров способствовали росту их популярности в народе и в то же время явились еще одной причиной для гонений.

В своих нравственных принципах секта эта доходила (или пыталась дойти) до таких же удивительных крайностей, что и в религиозных воззрениях. Получив удар по одной щеке, квакер тотчас же подставлял другую; если у него просили плащ, он снимал с себя и камзол; величайший личный интерес не мог заставить его принести присягу в каком-либо суде, даже если он говорил чистую правду; за свои товары он никогда не запрашивал большей суммы, чем та, которую он по совести считал справедливым получить. Последнее правило весьма похвально, и члены секты до сих пор строго его соблюдают.

Никакие фанатики не заходили так далеко, как квакеры, в своей ненависти к церемониям, обрядам, культовым формальностям, священническому сану и вообще ко всяким положительным церковным установлениям. Даже крещение и причащение, которые все прочие секты считали неотделимыми от наиболее важного и глубокого в христианстве, они с презрением отвергали; мало того — они оскверняли самое день Господень. Представление о святости храмов они высмеивали, не желая называть эти священные здания иначе как **лавками** или **домами с колокольней**. В их секте не было особых служителей культа: непосредственное озарение сообщало любому из них достоинство, бесконечно превосходившее обычный священнический сан. Когда они собирались для поклонения Господу, каждый поднимался с места и по внушению Святого Духа произносил импровизированную речь. Женщины также могли проповедовать перед братьями: они считались вполне пригодным орудием для сообщения воли Божьей. Иногда множество проповедников, подвигнутых свыше, начинали вещать одновременно, а порой в собраниях квакеров царила мертвая тишина.

Некоторые квакеры пытались, в подражание Христу, поститься по сорок дней кряду, а один из них геройски погиб во время подобного опыта.[99] Как-то раз в церковь, где находился в этот момент протектор, вошла голая квакерша: Святой Дух, объяснила она, побудил ее явиться народу в качестве **знамения**. Многие квакеры уверовали, что началось всеобщее обновление мира, а потому одежды человеческие, вместе с прочими излишествами, надлежит отвергнуть. Практическое применение сей доктрины влекло за собой кары, которые едва ли могли содействовать ее успеху.

В эпоху протектората всеобщую известность своим богохульством (или, скорее, сумасшествием) приобрел квакер Джеймс Нейлор.[136] Этот человек вообразил, что он превратился в Иисуса Христа и стал истинным Спасителем мира, и под влиянием этой безумной мысли начал подражать многим действиям Мессии, о которых повествуют Евангелия. Имея внешнее сходство с Христом, как его обычно изображают, Нейлор отпустил такую же точно бороду; он воскресил мертвого;[100] ему служили женщины;[101] наконец, он торжественно въехал в Бристоль (правда, на лошади: отыскать в тех местах осла, как я понимаю, было весьма затруднительно); ученики при этом постилали перед ним свои одежды, восклицая: «Осанна *в высших, свят Господь Бог Саваоф!*»[137] *Приведенный к судье, он отвечал* на все вопросы: «Ты говоришь». Что замечательно, парламент посчитал эту историю заслуживающей своего внимания и около десяти дней посвятил расследованию дела Нейлора.[102] Наконец, после долгих дебатов был вынесен приговор: выставить преступника к позорному столбу, наказать кнутом, на лицо наложить клеймо, а язык пронзить раскаленным железом. Все эти жестокие муки Нейлор перенес с обычным терпением квакера: бредовые иллюзии по-прежнему укрепляли его дух. Но последующие меры все испортили. Нейлора отправили в Брайдуэлл, посадили на хлеб и воду, приставили к тяжелым работам, лишив всякого общения с учениками как мужского, так и женского пола. В итоге его самообман рассеялся, через некоторое время он согласился стать таким же, как и все, человеком, и, выйдя на свободу, вернулся к своим обычным занятиям.

Основными видами налогов в Англии при республике были помесячное обложение, акцизные сборы и таможенные пошлины. Первое взималось как с земельной собственности, так и с движимого имущества,[103] а для раскладки его по плательщикам в каждом графстве назначались особые комиссары. В Англии его размеры колебались в пределах между 35 000 и 120 000 фунтов в месяц; в Шотландии они составляли обычно 6000 фунтов, иногда — 10 000;[104] в Ирландии — 9000. В среднем этот налог давал, вероятно, около 1 000 000 фунтов в год. Акцизами во время гражданских войн облагались, помимо пива, эля, крепких напитков и многих других товаров, также хлеб и мясо. После поражения короля хлеб и мясо были освобождены от акциза. В 1656 году были снижены вывозные пошлины.[105] В 1650 году назначили правительственных комиссаров для взимания таможенных пошлин и акцизов, в 1657 году Кромвель возвратился к старой практике сдачи его на откуп. За пошлины и акцизы было

тогда предложено 1 100 000 фунтов — больше, чем когда-либо удавалось собрать комиссарам,[106] общие же налоговые поступления достигали в тот период, по-видимому, 2 000 000 фунтов в год — сумма, хотя и скромная, однако намного превышавшая доходы любого из прежних королей [107] Секвестры, композиции, распродажа коронных, церковных и делинквентских земель также приносили значительные средства, но точно определить эту сумму довольно трудно Утверждают, что церковных земель было продано на 1 000 000 фунтов,[108] причем цена их никогда не поднималась выше десяти- или одиннадцатикратного годового дохода [109] Ежегодная выручка от продажи имущества делинквентов превышала 200 000 фунтов [110] Кромвель оставил после себя более 2 000 000 фунтов государственного долга,[111] хотя сам получил от парламента более 500 000 в звонкой монете и около 700 000 в виде различных ценностей [112]

В апреле 1648 года Комитет безопасности постановил увеличить армию до 40 000 человек [113] Расходы на ее содержание в том же году были определены в 80 000 фунтов ежемесячно [114] Штатный состав армии в 1652 году был следующий в Шотландии — 15 000 пехоты, 2586 кавалерии и 560 драгун, в Англии — 4700 пехоты, 2520 кавалерии и 6154 человек в гарнизонах, — всего 31 519 человек, без учета офицеров [115] Впоследствии шотландскую армию значительно сократили Войска, расквартированные в Ирландии, насчитывали без малого 20 000 человек, так что в общей сложности республика в 1652 году содержала более чем пятидесятитысячную постоянную армию Ее жалованье составило 1 047 715 фунтов в год [116] Впоследствии, как явствует из **Орудия управления** и **Покорнейшей петиции и совета**, протектор сократил армейские штаты до 30 000 человек, но постоянные военные авантюры заставляли его время от времени их увеличивать Ричард имел под ружьем 13 258 солдат в Англии, 9506 — в Шотландии и еще около 10 000 — в Ирландии [117] В пехоте солдаты получали обычно шиллинг в день,[118] в кавалерии — два шиллинга шесть пенсов, так что многие джентльмены и младшие сыновья из хороших семей шли служить в кавалерию протектора [119] Не удивительно, что эти люди и слышать не желали о восстановлении гражданского правления, ясно понимая, что в таком случае им придется распрощаться со столь выгодным ремеслом

Ко времени Вустерского сражения парламент имел под ружьем (в регулярных войсках и частях милиции) около 80 000 человек Мощь республики, равно как и недюжинные способности захвативших власть коммонеров, никогда не проявлялись с большим блеском [120]

Общие государственные доходы в протекторат Ричарда оценивались в 1 868 717 фунтов, а годовые расходы протектора — в 2 201 540 фунтов Средства на покрытие дефицита требовали от парламента [121]

Первый, мирный, период царствования Карла стал временем бурного роста английской коммерции и промышленности Значительный размах приобрели торговые связи с Ост-Индией и Гвинеей, англичане превратились по сути в монополистов в торговле с Испанией, двадцать тысяч кус-

ков сукна ежегодно отправлялось в Турцию.[122] Гражданские войны и последующие потрясения создали, разумеется, серьезные трудности для коммерции, но с установлением республики она быстро оживилась и вновь пошла в гору. Война с Голландией, подорвав коммерцию столь грозного конкурента, способствовала развитию английской торговли; испанская война оказала на нее столь же сильное, но уже пагубное влияние. Вся находившаяся в Испании собственность английских купцов, а общая ее стоимость была громадной, подверглась конфискации. Возобладавшие тогда демократические принципы побуждали сельских джентльменов отдавать своих сыновей в учение к купцам,[123] и с тех пор ни в одном европейском королевстве коммерция не считается столь почетным занятием, как в Англии. Привилегированные компании, стеснявшие торговлю в прежние времена, так и не были при республике формально упразднены каким-либо парламентским актом, но поскольку королевскую прерогативу, к которой восходили хартии подобных компаний, никто уже не признавал, то права монополистов стали нарушаться, и благодаря этому расширению свободы много выиграла торговля. Норма процента в 1650 году была снижена до шести.

Перед гражданскими войнами таможенные пошлины в Англии достигали, как утверждают, 500 000 фунтов в год[124] — сумма, вдесятеро превышающая соответствующие сборы в самые благополучные времена елизаветинского царствования; впрочем, здесь, вероятно, допущено некоторое преувеличение.

Почтовая служба была сдана в 1653 году на откуп за 10 000 фунтов в год, что считалось весьма крупной суммой для трех королевств. За пересылку писем платили примерно вдвое меньше, чем ныне.

С 1619 до 1638 года было отчеканено монеты на 6 900 042 фунта, а с 1638 до 1657 год — на 7 733 521 фунт.[125] Д-р Давенант, ссылаясь на ведомости Монетного двора, сообщает, что между 1558 и 1659 годами золотой и серебряной монеты было отчеканено на 19 332 476 фунтов.

Первые упоминания о чае, кофе и шоколаде относятся примерно к 1660 году.[126] Около этого времени в Англии появились также спаржа, артишок, цветная капуста и разнообразные салаты.[127]

Колония Новая Англия быстро росла за счет пуритан, бежавших туда от притеснений со стороны Лода и церковной партии; и к началу гражданских войн там, по некоторым оценкам, обитало до 25 000 человек.[128] Впоследствии, по сходным причинам, уже католики, переживавшие тяжелые времена и страшившиеся еще более суровых мер, во множестве отправлялись в Америку, заселив таким образом колонию Мериленд.

До начала гражданских войн ученые труды и изящные искусства пользовались немалым покровительством двора, и в Англии постепенно стал распространяться хороший вкус. Король, тонкий ценитель различных искусств, особенно любил живопись, а порой даже сам брался за кисть. Творения иностранных мастеров приобретались за огромные деньги, и благодаря соперничеству между Карлом и Филиппом IV Испанским,

охваченным одной благородной страстью, цены на картины в Европе выросли вдвое. Ван Дейк,[138] обласканный при дворе, сделался в Англии богатым человеком. Иниго Джонс[139] был королевским архитектором; парламент же подверг его преследованиям за участие в перестройке собора Св. Павла и за то, что, повинуясь приказу Тайного совета, он снес несколько домов, чтобы расчистить место для этого здания. Лоус затмил всех прежних музыкантов; король очень его любил, часто называя «отцом музыки».[140] Карл обладал также хорошим литературным вкусом и, по мнению иных, заботился о чистоте слога гораздо больше, чем это приличествует коронованной особе.[129] Несмотря на скудость своих доходов и совершенное отсутствие тщеславия, он жил в пышности, имея двадцать четыре дворца, великолепно обставленных всем необходимым, так что когда король переезжал из одного в другой, ему ничего не нужно было с собой возить.

Кромвель, сам человек необразованный, умел, однако, ценить литературные заслуги. Ашер,[141] хотя и был епископом, получал от него пенсию; Марвел[142] и Мильтон находились у него на службе; Уоллер,[143] родственник Кромвеля, пользовался его милостями. Этот поэт часто говорил, что сам протектор вовсе не был таким уж совершенным варваром и невеждой, каким его обыкновенно воображали. Он назначил 100 фунтов в год жалованья профессорам богословия в Оксфорде, и один историк упоминает этот щедрый дар как пример его любви к литературе.[130] Для пользы северных графств Кромвель намеревался основать университет в Дареме.

Гражданские войны, особенно если они ведутся во имя принципов свободы, обычно не создают серьезных помех изящной словесности и искусству красноречия; напротив, представляя авторам более захватывающие и возвышенные темы, они в полной мере вознаграждают питомцев муз за утраченный мир и покой. Речи парламентских ораторов той поры превосходят по своему стилю все, что было создано в Англии в любую предшествующую эпоху, а богатство и выразительность нашего языка именно тогда были впервые по-настоящему осознаны. Следует, однако, согласиться, что гнусный фанатизм, в столь сильной степени заразивший парламентскую партию, для вкуса и познания оказался не менее губительным, чем для закона и правопорядка. Веселость и остроумие были преданы анафеме, светские науки презирались, свобода исследования вызывала бешеную ненависть, и только ханжество и лицемерие пользовались всяческим поощрением. На предварительных переговорах в Аксбридже парламентские комиссары категорически требовали принятия специальной статьи о том, что все театры в Англии должны быть закрыты на вечные времена. Сэр Джон Давенант,[144] пишет Уайтлок[131] (речь у него идет о 1658 годе), опубликовал оперу, пренебрегая глупыми предрассудками своей эпохи. Вся королевская мебель пошла с молотка; его картины, проданные по очень низкой цене, обогатили все коллекции Европы; этюды были оценены в 500 фунтов, хотя за полное собрание королевского антиквариата

выручили более 50 000 фунтов.[132] Но и этого мало: дворцы короля были разрушены, а их обломки проданы как строительный материал. Генералы собрались даже пустить с торгов собрание книг и медалей из Сент-Джеймского дворца (им очень нужны были деньги для выплаты задолженности расквартированным близ Лондона кавалерийским полкам), но Селден, понимая, какой это станет потерей, убедил своего друга Уайтлока, в ту пору лорда-хранителя печати республики, принять должность хранителя библиотеки. Только так и удалось спасти эту ценную коллекцию.

Замечательно, однако, что величайший — вне всякого сравнения — гений, украшавший собой тогдашнюю Англию, был теснейшим образом связан с этими фанатиками и даже осквернял свое перо участием в теологических перебранках и сектантских склоках, а также апологией самых жестоких и беззаконных деяний своей партии. Это был Джон Мильтон, чьи поэмы превосходны, пусть и не лишены известных недостатков, а прозаические сочинения невыносимы, хотя и не вовсе бесталанны. Впрочем, его поэмы также не равны по своему достоинству: «Потерянный Рай», «Комус»[145] и еще несколько произведений блистают на фоне других, довольно вялых и бесцветных. Даже в «Потерянном Рае», истинном шедевре Мильтона, есть предлинные пассажи (до трети всех стихов в поэме), напрочь лишенные изящества, гармонии, более того — всякой силы воображения. Естественная неровность Мильтонова гения усугублялась различиями в избранном им сюжете: иные его части сами по себе являются возвышеннейшим из всего, что только может предстать уму человеческому; другие же требовали для своего удачного воплощения в высшей степени тонкой и тщательной отделки слога. Несомненно, что этот автор — в счастливую минуту вдохновения и в работе над благородной темой — изумляет своей возвышенностью сильнее, чем любой другой поэт, творивший на каком бы то ни было языке, не исключая даже Гомера, Лукреция[146] и Тассо. В самом деле, Гомера он превосходит краткостью и выразительностью, Тассо — простотой, Лукреция — энергией; и если бы Мильтон жил в более позднюю эпоху и научился очищать свои стихи от некоторой грубости и шероховатости; если бы он обладал более значительным состоянием и имел досуг, чтобы следить за приливами и отливами гения в своей душей, то он достиг бы вершины совершенства и завоевал пальму первенства в эпической поэзии.

Хорошо известно, что при жизни Мильтон отнюдь не пользовался той славой, какую заслуживал. Его «Потерянным Раем» долго пренебрегали: предубеждение против апологета цареубийц и против сочинения, не вполне свободного от ханжеского духа прежней эпохи, не позволяло невежественным современникам постичь громадные достоинства этой поэмы. Лорд Сомерс, чьим иждивением, через двадцать лет после смерти автора, было осуществлено ее хорошее издание, первым сделал ее популярной; а Тонсон в своем посвящении к изданию меньшего формата говорит о ней как о произведении, которое только начинает приобретать известность. Даже в эпоху владычества той партии, к которой принадлежал сам Мильтон, его, судя по всему, ценили не слишком высоко: Уайтлок,[133] к

примеру, упоминает о «некоем Мильтоне» (так и сказано), «слепце, занятом переводом на латинский язык договора со Швецией». Слова эти могут вызвать лишь улыбку у потомков, ясно понимающих, насколько Мильтон затмил самого Уайтлока, хотя тот был лордом-хранителем печати, послом и вообще человеком больших способностей и достоинств.

То, что к Мильтону после Реставрации относились весьма холодно, не должно казаться странным — гораздо удивительнее то, что он остался жив. Многие кавалеры сурово осуждали проявленное к нему милосердие, сделавшее столько чести королю и столь благодетельное для потомства. Рассказывают, что в годы протектората Мильтон спас жизнь Давенанту, и благодарный Давенант[147] оказал ему такую же услугу после Реставрации, справедливо полагая, что сходство литературных вкусов, как основание для дружеского союза, люди пера должны всякий раз ставить выше любых партийных разногласий и различий во взглядах, как повода для вражды. Слепой и нищий старик, опальный и гонимый, — вот кем был Мильтон в ту пору, когда создал свою изумительную поэму, которая превзошла не только все, написанное его современниками, но и все сочинения, вышедшие из-под пера самого Мильтона в те годы, когда он находился в расцвете сил и на вершине жизненных успехов, — не самое, на наш взгляд, маловажное обстоятельство в биографии этого великого гения. Умер он в 1674 году, в возрасте шестидесяти шести лет.

Уоллер был первым, кто усовершенствовал английскую поэзию, во всяком случае — английскую рифму; однако произведения его все еще изобилуют недостатками, и, что еще существеннее, самые их достоинства неглубоки, а красоты — поверхностны. Веселый тон, изящное остроумие и формальное мастерство — таковы главные особенности стихов Уоллера, но они никогда не поднимаются до истинно возвышенного и тем более до волнующего. Автор пишет о любви — но сердце наше остается холодным; он изощряется в пышных панегириках — однако восхищения его героями читатель не чувствует. Впрочем, в похвале Кромвелю мы находим больше энергии и выразительности, чем это можно было ожидать, судя по другим сочинениям этого поэта.

Уоллер унаследовал обширное состояние, был рано представлен ко двору и вращался в самом лучшем обществе. Помимо дарований поэтических, он обладал еще и ораторскими талантами и вплоть до своей кончины, последовавшей в весьма преклонном возрасте, изумлял своим красноречием палату общин. Совершенные им в жизни ошибки проистекали скорее из недостатка мужества, нежели из отсутствия честности и благородства. Умер он в 1687 году, когда ему было восемьдесят два года.

Коули,[148] как автора, чрезвычайно испортил дурной вкус эпохи; впрочем, даже если бы ему посчастливилось жить в самые блестящие времена Греции или Рима, он и тогда наверняка остался бы весьма посредственным поэтом. Он совершенно лишен чувства гармонии, и только по рифмам на конце строк можно догадаться, что перед нами все же стихи. Мысли и чувства, переданные в его тяжеловесных, неблагозвучных строфах, бесконечно далеки от всякой естественности и простоты; на каждом шагу

мы встречаем скучнейшие аллегории, вымученные каламбуры, натянутые сравнения. Но порой сквозь всю эту манерную претенциозность вдруг прорывается по-настоящему тонкий и глубокий ум; некоторые анакреонтические стихотворения Коули приятно удивляют своей легкостью и неподдельной веселостью; а его проза способна нравиться выраженными в ней добрыми и искренними чувствами и даже своим грустно-меланхолическим тоном. Этого автора ценили и уважали при жизни и восхваляли после смерти гораздо больше, чем великого Мильтона. Он умер в 1667 году, в возрасте сорока девяти лет.

Сэр Джон Денхем[149] в своем *Cooper's Hill* (прочие его поэмы не заслуживают внимания) достиг такой возвышенности и силы, какие до него оставались недоступными для английских поэтов, писавших рифмованными стихами. Усовершенствование этого вида поэзии замедляла его техническая сложность. Шекспир, чьи трагические сцены потрясают нас порой своей мощью и выразительностью, превращается в довольно заурядного версификатора, как только начинает рифмовать. Денхему же более всего недостает чистоты и точности слога. Он умер в 1688 году, в возрасте семидесяти трех лет.

Ни один английский автор той эпохи не пользовался большей известностью как на родине, так и за границей, чем Гоббс;[150] между тем в наши дни о нем уже почти не вспоминают — яркий пример того, сколь непрочна всякая слава, основанная на отвлеченных рассуждениях и философии! Приятная комедия, рисующая нравы своего времени и дающая правдивое изображение человеческой природы, есть долговечное произведение, которое доходит до самых поздних потомков. Однако теоретическая система, физическая или метафизическая, чаще всегда бывает обязана своим успехом новизне, и беспристрастный анализ тотчас же обнаруживает ее слабости. Политическое учение Гоббса способно лишь служить оправданием тирании, а его этика — поощрять безнравственность. Враг религии, Гоббс тем не менее оставался совершенно чужд духу скептицизма; напротив, он настолько догматичен и до такой степени убежден в своей правоте, как если бы человеческий разум, и его собственный в том числе, мог достичь полной уверенности в подобного рода вопросах. Ясный и правильный слог — главное достоинство сочинений Гоббса. В жизни, насколько нам известно, он был человек вполне добродетельный, несмотря на крайнее вольнодумство своих этических теорий; в этом, впрочем, нет ничего странного. Основным недостатком Гоббса, по отзывам современников, была робость; он достиг глубокой старости, но так и не смог смириться с мыслью о неизбежности смерти. Смелость теоретических воззрений составляет поразительный контраст с этой чертой его характера. Умер он в 1679 году, в возрасте девяносто одного года.

«Океания» Гаррингтона[151] как нельзя лучше соответствовала духу той эпохи, когда проекты воображаемых республик служили предметом ежедневных споров и бесед; и даже в наши дни ею справедливо восхищаются как весьма талантливой и оригинальной книгой. И все же сама идея совершенного и вечного государства навсегда останется такой же химерой,

как и идея совершенного и бессмертного человека. Слову этого автора недостает и изящества и легкости, но то хорошее и основательное, что есть в его книге, в достаточной мере вознаграждает читателя. Он умер в 1677 году, в возрасте шестидесяти шести лет.

Гарви[152] достоин великой славы за то, что единственно лишь путем рассуждения, без всякого содействия случая, совершил выдающееся открытие в одной из главнейших отраслей науки. Он также имел счастье сразу же утвердить свою теорию на самых веских и убедительных доказательствах, так что потомки немногое прибавили к тем доводам, которыми Гарви был обязан своему усердию и тонкому уму. Пылкий энтузиазм автора, естественный спутник духу открытий, делает его «Трактат о кровообращении» еще более привлекательным. Этому великому человеку немало покровительствовал Карл I, предоставивший ему право пользоваться на выбор любыми оленями из королевских лесов, чтобы завершить свое исследование о размножении животных. Интересно, что ни один врач в Европе, достигший к тому времени сорокалетнего возраста, так и не принял его теории кровообращения вплоть до кончины самого Гарви, а лондонская практика последнего сильно сократилась из-за того осуждения, которое он навлек на себя своим блестящим и грандиозным открытием, — столь медленно прокладывает себе путь истина во всех науках, даже тогда, когда ей не нужно бороться с политическими или религиозными предрассудками! Он умер в 1657 году, в возрасте семидесяти девяти лет.

Эта эпоха, предоставившая столь богатый материал для истории, так и не создала ни одного выдающегося историка. Кларендон,[153] правда, всегда будет считаться занимательным автором, даже безотносительно к тому интересу, который вызывают у нас описываемые им события сами по себе. Слог его, цветистый и утомительно-многословный, прямо-таки душит читателя своими нескончаемыми периодами; но в тот самый момент, когда мы уже готовы сурово порицать автора, он вдруг радует нас богатством воображения и глубиной чувства. Кларендон может показаться более пристрастным, чем он есть на самом деле: он, похоже, постоянно стремится оправдать короля, но его апология часто бывает весьма убедительной. В изложении фактов этот историк менее пристрастен, нежели в описании характеров: слишком правдивый человек, чтобы умышленно искажать первые, он мог, однако, сам того не замечая, с легкостью поддаться влиянию личных симпатий и до неузнаваемости изменить последние. Его труд; от начала до конца проникнут духом честности, благородства и доброты; эти же качества всегда служили украшением самого автора. Он умер в 1674 году, в возрасте шестидесяти шести лет.

Таковы главные произведения эпохи, привлекающие внимание потомков. Бесчисленные же писания, коими изобиловала тогда печать — ханжеские речи проповедников, высокопарные декламации политиков, тонкие мудрствования богословов, — все это давно и прочно забыто. Даже такие авторы, как Селден, чье важнейшее достоинство состояло в великой учености, или Чиллингворт,[154] столь остроумно полемизировавший с папистами, едва ли будут когда-либо отнесены к числу английских классиков.

КАРЛ II

Глава IV (XIX)

Новые министры. — Акт об амнистии. — Решение вопроса о королевских доходах. — Процесс и казнь цареубийц. — Роспуск Конвента-парламента. — Восстановление прелатства. — Восстание милленариев. — Шотландские дела. — Конференция во дворце Савой. — Доводы за и против церковного объединения. — Новый парламент. — Возвращение епископов в верхнюю палату. — Акт о коронациях. — Акт о единообразии. — Брак короля. — Процесс Вена. — Его казнь. — Пресвитерианские священники лишены приходов. — Дюнкерк продан Франции. — Декларация о веротерпимости. — Влияние Кларендона идет на убыль

Когда Карл II взошел на престол своих предков, ему было тридцать лет. Он обладал крепким здоровьем и недюжинной физической силой, был отлично сложен, имел изящные манеры, и хотя мужественным чертам его лица, живого и веселого, недоставало тонкости, в целом его наружность производила приятное впечатление. Карл вступил в ту пору жизни, когда не успевшее увянуть очарование молодости по-прежнему делает человека привлекательным, отчего нисколько не проигрывают уважение и авторитет, обычные спутники возраста зрелости и опыта. Память о недавних бедствиях короля вызывала всеобщее сочувствие, нынешнее же его торжество служило предметом скорее восхищения, чем зависти. А поскольку внезапный и удивительный поворот судьбы, восстановивший Карла в его монарших правах, возвратил также мир, свободу и законный порядок нации, то можно сказать, что ни один государь никогда не получал корону при более благоприятных обстоятельствах и не был в большей степени осчастливлен искренней любовью и преданностью своих подданных.

Его обхождение и манеры способны были лишь поддержать и увеличить эту популярность. Острый, живой ум и сообразительность сочетались в нем с тонкой наблюдательностью и умением здраво судить о самых различных людях и событиях. В разговоре и обращении он обнаруживал величайшую непринужденность, самую искреннюю любезность и какую-

то подкупающую веселость. Привыкнув за годы скитаний жить среди своих придворных скорее как добрый товарищ, нежели как монарх, он и на троне сохранил тот же открытый и приветливый нрав, который даже самых твердых республиканцев мог примирить с его королевским саном. Чуждый всякой злопамятности и жажде мести и к тому же чрезвычайно снисходительный и беспечный по характеру, он обещал прощение даже тем из своих врагов, кто был повинен в величайших преступлениях, и даже самым яростным из своих противников оставлял надежду на милость. Все речи и поступки короля свидетельствовали, казалось, о его горячем желании предать полному забвению прежние раздоры и несогласия, объединив все партии в общем чувстве любви к государю и отечеству.

НОВЫЕ МИНИСТРЫ

В королевский совет вошли самые видные и уважаемые люди в государстве, независимо от прежних партийных различий: пресвитериане разделили эту честь наравне с роялистами. Кроме того, Аннсли получил титул графа Англси, Ашли Купер стал лордом Ашли, Денэил Голлис — лордом Голлисом. Граф Манчестер был назначен лордом-камергером, а лорд Сей — лордом-хранителем печати. Калами и Бакстера, священников-пресвитериан, сделали даже капелланами короля.[155]

Адмирал Монтегю (теперь — граф Сандвич) по недавним своим заслугам имел право рассчитывать на особые милости монарха, и они не заставили себя ждать. Монк, получивший титул герцога Албермарла,[156] оказал Карлу столь значительные услуги, что, по известному язвительному выражению, должен был теперь ожидать с его стороны скорее ненависть и неблагодарность, однако король неизменно относился к нему с величайшим уважением. Характер Карла, свободный от всякой злобы и подозрительности, вместе с благоразумным поведением самого генерала, никогда не переоценивавшего свои заслуги, помогли избежать всех тех недоразумений и обид, которые естественным образом возникают в столь щекотливой ситуации. К тому же Албермарл не имел каких-то выдающихся дарований; ум его был скорее трезвым и основательным, нежели обширным и блестящим. Хотя в свое время, занимая более скромное положение, Монк сумел отличиться, при ближайшем знакомстве с ним, как считали многие, обнаруживалось, что сам он не стоит в полной мере на высоте тех великих деяний, которые судьба, а также его собственное благоразумие помогли ему совершить; и он, казалось, не был создан для придворной жизни — поприща, совершенно для него непривычного. Его друг Моррис, получивший должность государственного секретаря, опирался, главным образом, на влияние своего патрона, а не на собственные таланты и опытность.

Но всего более нацию обрадовал выбор королем своих главных министров и ближайших фаворитов, выбор, сделанный им в первую очередь и обещавший стране благоденствие и покой. Сэр Эдуард Гайд, получивший титул графа Кларендона,[157] стал канцлером и первым министром; маркиз, а теперь герцог Ормонд[158] — главным камергером; граф Саутгемптон — государственным казначеем; сэр Эдуард Николас[159] — государственным секретарем. Эти люди, соединенные узами дружбы и похвальным рвением к общественному благу, трудились в интересах Англии, взаимно поддерживая друг друга своим авторитетом.

Счастливому состоянию государственных дел как нельзя лучше соответствовали радость и ликование, охватившие тогда всю страну. Мрачная суровость фанатиков вышла из моды вместе с их принципами. Роялисты, всегда стремившиеся сохранить противоположное расположение духа, нашли в своем недавнем торжестве новый повод для бурного веселья, и теперь уже им предстояло диктовать нации свои вкусы в области нравов и манер. Опыт прошлого достаточно ясно показал, что важный вид еще не есть признак глубокого ума, холодный педантизм бесконечно далек от истинной добродетели, а ханжество отнюдь не тождественно религиозной вере. Сам король, весьма склонный ко всякого рода удовольствиям и развлечениям, своим могущественным и в то же время очаровательным примером помог своим соотечественникам избавиться от той злобной и сердитой угрюмости, которая порождала до сих пор столько смут и беспорядков. И хотя англичане, отталкиваясь от прежней крайности, несомненно, перешли разумные границы, народ с радостью менял пороки, гибельные для общества, на беспутства, вредные главным образом лишь для тех, кто сам им предается.

Для того чтобы привести в прежний порядок различные части государственного управления, расстроенного войнами и жестокими распрями, требовалось известное время; но парламент сразу же стал действовать в добром согласии с королем, обращаясь с Карлом с тем же глубоким верноподданническим почтением, какое оказывали обыкновенно его предшественникам. Созванное без санкции монарха, это собрание называлось поначалу всего лишь «конвентом», и только после принятия Карлом соответствующего акта оно получило имя «парламент». Новый закон утвердил все судебные решения, вынесенные именем республики и протектора. Наконец, обе палаты, признав вину мятежа, от собственного имени и от имени всех подданных короля с благодарностью приняли прощение и амнистию, милостиво дарованные Его Величеством.

АКТ ОБ АМНИСТИИ

Незадолго до Реставрации король, опасаясь доводить кого-либо из своих врагов до отчаяния, способного толкнуть их к безумным шагам, и в то же время не желая допускать, чтобы чудовищные преступления остались

совершенно безнаказанными, выразился на сей счет в своей Бредской декларации весьма осторожно, пообещав амнистию всем виновным, кроме тех, кого исключит из нее парламент. Теперь же он издал прокламацию, где было объявлено, что те из судей покойного короля, которые не сдадутся властям добровольно в двухнедельный срок, помилования уже не получат. Девятнадцать человек отдали себя в руки правосудия, некоторые были задержаны при попытке скрыться, остальные бежали на континент.

Общины, кажется, склонялись к милосердию в большей степени, чем лорды. Верхняя палата, взбешенная дурным обращением со стороны прежних владык, твердо решила исключить из амнистии, помимо судей покойного короля, всякого, кто заседал в каком-либо из чрезвычайных трибуналов. Более того, граф Бристоль предложил отказать в прощении всем, кто каким-либо образом содействовал казни короля. Столь широкое изъятие, которое можно было отнести к каждому, кто находился на службе парламенту, вызвало всеобщую тревогу; стали даже подозревать, что эта идея есть следствие каких-то интриг и махинаций двора. Но король быстро рассеял подобные страхи. Он явился в палату пэров и в самых серьезных выражениях предложил акт о всеобщей амнистии. Он настойчиво указывал как на необходимость этой меры, так и на обязывающую силу своего прежнего обещания; обещания (сказал король), которое он всегда будет считать священным и нерушимым, ибо именно ему, вероятно, обязан он тем, что, к великому своему удовлетворению, может ныне встречаться со своим народом в парламенте. Этот шаг короля был встречен с радостью и одобрением.

После неоднократных настойчивых просьб акт об амнистии прошел обе палаты и вскоре получил санкцию короля. Лица, непосредственно причастные к казни последнего короля, исключались из амнистии. Даже те, кого уже не было на свете, — Кромвель, Айртон, Бредшоу и другие — были осуждены как тяжкие преступники, а их имущества конфискованы. Вен и Ламберт, хотя никто из них не участвовал в суде над королем, также были исключены из амнистии. Сент-Джон и еще семнадцать человек теряли право на защиту со стороны этого акта в том случае, если они согласятся занять какой-либо пост на государственной службе. Все те, кто заседал в какой-либо из незаконных верховных палат правосудия, были объявлены не способными к занятию государственных должностей. Вот и все строгости и кары, которыми завершилась эпоха жестоких гражданских войн и страшных потрясений.

РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О ДОХОДАХ КОРОЛЯ

Затем парламент приступил к определению будущих доходов Его Величества. Здесь он принял в расчет как свободу нации, так и финансовые нужды короны. Феодальное право опеки знать и джентри уже давно считали тяжелым бременем; при Якове предпринимались попытки выкупить эту прерогативу вместе с преимущественным правом двора на приобретение товаров, и за отказ от них государю предлагали 200 000 фунтов в год. Впоследствии республиканский парламент полностью их уничтожил, и даже в нынешний парламент, до прибытия короля в Англию, был внесен билль, предлагавший ему денежную компенсацию за доходы от указанных прерогатив. Сошлись на сумме в 100 000 фунтов, а в качестве источника соответствующих средств за короной навечно закреплялась половина поступлений от акцизов. Хотя налог этот фактически давал больше. сделка могла показаться королю невыгодной, и пойти на нее Карла заставили главным образом крайние денежные затруднения. К тому же в тогдашней атмосфере всеобщего ликования он не мог в чем-либо отказать своему парламенту.

Потонный и пофунтовый сборы, а также оставшаяся половина акцизов были ассигнованы королю пожизненно. Парламент пошел еще дальше и постановил, что общий годовой доход короны должен составлять 1 200 000 фунтов — ни один прежний английский монарх не располагал столь значительной суммой. Но так как все государи Европы постоянно увеличивали свои военные силы, а следовательно, и свои расходы, то и перед Англией стояла задача, из соображений чести и в интересах безопасности, обеспечить хотя бы отчасти их соразмерный рост, приспособив систему своих финансов к новым политическим условиям. Согласно подсчетам канцлера, содержание флота и другие военные статьи, прежде обходившиеся короне лишь в 80 000 фунтов в год, ныне требовали 800 000 фунтов.

Если бы до реставрации короля парламент вздумал добиваться каких-то новых ограничений королевской власти, помимо уже предусмотренных конституцией, то возникла бы опасность возобновления прежних партийных раздоров, а к тому же сама эта предосторожность оказалась бы, по-видимому, совершенно излишней, ведь корона, по причине скудости и негарантированности своих доходов, оставалась по существу в полной зависимости от парламента. Без согласия последнего невозможно было собрать и четвертой части средств, требовавшихся для покрытия государственных расходов; и даже после реставрации общины могли вырвать у вечно нуждающегося монарха любые уступки, какие только они сочли бы необходимыми. Правда, настоящий парламент пока еще не выказывал намерения пустить в ход это оружие для подобных целей, но он, насколько можно судить, по-прежнему упорно не желал совершенно с ним расставаться и не собирался делать доходы короны твердыми и независимы-

ми. Хотя парламент вотировал в общей форме выделение королю 1 200 000 фунтов ежегодно, реальные источники средств, им определенные, едва ли могли обеспечить две трети этой суммы. Таким образом, заботу о выполнении своих обязательств общины отложили на будущее.

Утверждая временные ассигнования короне, парламент всякий раз обнаруживал ту же осторожную экономность. Хотя роспуск армии, столь внушительной числом и столь твердо усвоившей привычку устраивать мятежи и менять правительства, являлся непременным условием безопасности как короля, так и самого парламента, последний крайне скудно и неохотно выделял необходимые для этого средства. Было установлено помесячное обложение в 70 000 фунтов, однако вначале парламент вотировал его лишь на три месяца вперед, а все прочие суммы, взимавшиеся для этой цели через подушный налог и новые помесячные обложения, каждый раз ассигновал короне по частям, как будто все еще не верил тому, в чьи руки передавались эти деньги. Дойдя до этих пор в устроении государственных дел, парламент объявил перерыв в своей работе (13 сентября).

ПРОЦЕСС И КАЗНЬ ЦАРЕУБИЙЦ

Пока члены парламента отдыхали от трудов, внимание публики занимал главным образом суд над цареубийцами. Всеобщее негодование, вызванное чудовищным злодеянием этих людей, превратило их страдания в предмет бурного восторга для народа; однако в особых обстоятельствах процесса, в предрассудках эпохи и в поведении самих обвиняемых ум, не чуждый гуманности, найдет немало причин для сочувствия и снисхождениям. Можно ли, не пожалев о слепоте и неразумии человеческом, вспомнить о том, как держал себя тогда генерал Гаррисон, чье дело слушалось первым? С величайшей твердостью и достоинством он заявил своим судьям, что мнимое преступление, в котором его теперь обвиняют, не было делом, совершенным тайно, в темном углу — эхо этого деяния услыхали многие народы, а в необыкновенных, поразительных обстоятельствах его зримо явила себя «высшая воля» всемогущего Господа; что он сам, мучимый сомнениями, не однажды со слезами на глазах возносил пылкие мольбы к владыке небесному, страстно желая узреть свет твердого убеждения и всякий раз обретал уверенность в том, что дело это угодно небесам, после же этих искренних и благочестивых молений душу его еще сильнее, чем прежде, наполняли блаженная радость и безмятежный покой; что все народы земные суть перед своим Творцом не больше, чем капли воды в чаше, а все суждения их заблудшего разума есть тьма рядом с божественными озарениями; что эти столь часто его посещавшие откровения божественного Духа он никак не мог счесть иллюзиями плотского своекорыстия, ибо сознавал, что ради любых мирских выгод он, Гаррисон, не спо-

собен причинить малейшего зла даже самому ничтожному из созданий, ступающих по земле; что все приманки честолюбия, как и все ужасы тюрьмы, оказались бессильны в правление узурпатора Кромвеля поколебать его твердую решимость или заставить его подчиниться этому лживому и вероломному деспоту; и что когда тиран предложил ему воссесть по правую руку от трона, он с презрением отверг все эти искушения и, невзирая на слезы семейства и друзей, не страшась любых опасностей, стойко держался своих принципов и ни в чем от них не отступил.

Скот (больше республиканец, чем фанатик) заявил в палате общин незадолго до Реставрации, что не желает иной эпитафии на своей могиле, кроме следующих слов: «Здесь лежит Томас Скот, осудивший на смерть короля». Так же гордо и мужественно держался он и на собственном процессе.

Кэрью, милленарий, подчинился суду, особо оговорив, что верховная власть в этих королевствах принадлежит Господу нашему Иисусу Христу. Некоторые из обвиняемых отказывались произнести традиционную формулу «желаю быть судим Богом и своей страной», поскольку-де Бог не присутствовал в числе их судей видимым образом. Другие заявляли, что хотят быть судимы согласно Слову Божию.

Из судей покойного короля казнили только шестерых — Гаррисона, Скота, Кэрью, Клемента, Джонса и Скроупа; и лишь одного, Скроупа, из числа тех, кто отдал себя в руки правосудия после обнародования королевской прокламации. Это был джентльмен из хорошей семьи, человек добропорядочный и уважаемый; существовали, однако, доказательства того, что совсем недавно в одном разговоре он произнес слова, из которых следовало, что он не видит ни малейшего греха в осуждении монарха. Акстель, начальник стражи Верховной палаты правосудия; Хэкер, командовавший в день казни короля; Кок, выступивший в роли обвинителя от имени народа Англии; и Хью Питерс, проповедник-фанатик, бешеными своими речами подстрекавший солдат к цареубийству, — все они были преданы суду, признаны виновными и казнены вместе с судьями короля. Ни один святой или исповедник не шел на муки с более твердой верой в загробное блаженство, чем та, которую, даже в самые страшные минуты, перед лицом близкой смерти и под градом жестоких оскорблений, выражали эти преступники. Остальным судьям короля, по беспримерному милосердию его сына, была дарована отсрочка казни, после чего их разослали по разным тюрьмам.[160]

Наказание открытых врагов монархии не помешало придворным празднествам, но кончина герцога Глостерского (13 сентября),[161] юного принца, подававшего блестящие надежды, легла на них мрачной тенью. Никогда еще король не был так глубоко опечален. По отзывам современников, герцог Глостерский сочетал в себе лучшие качества своих братьев — ясный ум и проницательность короля, рвение и усердие герцога Йоркского. Полагали также, что он искренне предан религии и конституции своего отечества. Когда оспа унесла его жизнь, ему было всего двадцать лет.

Принцесса Оранская, прибывшая в Англию, чтобы принять участие в торжествах по случаю реставрации ее фамилии, с которой она всегда была очень дружна, вскоре заболела и умерла. Тогда же королева-мать навестила сына и получила его согласие на брак принцессы Генриетты с герцогом Орлеанским, братом короля Франции.

РОСПУСК КОНВЕНТА-ПАРЛАМЕНТА

После почти двухмесячных каникул парламент собрался вновь (6 ноября), чтобы продолжить великий труд устроения нации. Он учредил почтовую службу, решил вопрос о патентах виноторговцам, установил ряд статей дохода, а кроме того вотировал несколько помесячных обложений и выделил средства для выплаты части задолженности по жалованью солдатам для роспуска армии. Согласие и единодушие позволили его членам быстро управиться с делами, и после почти двухмесячной сессии король счел возможным распустить парламент, произнеся при этом речь, полную самых милостивых и любезных выражений (29 декабря).

Эта палата общин была избрана в эпоху владычества старой парламентской партии и, хотя в нее удалось попасть многим роялистам, состояла главным стразом из пресвитериан, которые еще не вполне отказались от прежних принципов и до сих пор питали известное недоверие к короне. Когда Лентал, один из ее членов, заявил, что лица, первыми поднявшие оружие против короля, виновны ничуть не меньше, чем те, кто впоследствии отправил его на эшафот, палата сурово осудила его за такие слова; а самые жестокие меры, принимавшиеся Долгим парламентом для защиты конституции и для судебного преследования делинквентов, она, по сути, оправдала и одобрила.[134] От претензии обеих палат на право командовать милицией — хотя это было вопиющее беззаконие, ставшее первой причиной открытого разрыва с королем, — настоящий парламент так и не отказался, во всяком случае, прямо и недвусмысленно. Вотируя субсидии монарху, он неизменно обнаруживал крайнюю скупость. Протектор оставил после себя огромную задолженность флоту, армии, морскому ведомству, да и по всем прочим отраслям государственного управления, и теперь весь этот долг парламент переложил на корону, не потрудившись определить источники средств, необходимых для его уплаты. И однако, несмотря на эту настороженную недоверчивость, проявлявшуюся в действиях парламента, Попэм (*если верить дошедшим до нас сообщениям*), выяснив настроения его членов, пообещал графу Саутгемптону добиться предоставления королю в виде земельного налога 2 000 000 фунтов в год, т. е. суммы, которая вместе с таможенными пошлинами и акцизами навсегда сделала бы этого государя независимым от народа. Рассказывают, что Саутгемптон — единственно из любви к монарху — неосмотрительно принял это предложение, и лишь после того, как он сообщил о нем канц-

леру, графу растолковали, к каким пагубным последствиям может оно привести. Такое предложение могло быть сделано и выслушано — в этом нет ничего неправдоподобного, — однако совершенно невозможно поверить, что все влияние двора оказалось бы достаточным для того, чтобы заставить палату общин его принять; и Кларендон, решительно его отвергнув, выказал не меньше благоразумия, нежели честности и прямодушия.

Побуждаемый теми же принципами, канцлер спешил с роспуском армии. Устроив смотр этим закаленным в боях ветеранам, король был поражен их блестящей выправкой, строгой дисциплиной и грозным видом, и понимая, что регулярная армия есть необходимейшее орудие монаршей власти, выразил желание изыскать способ его сохранить. Но мудрый министр напомнил ему о чрезвычайно опасном духе, коим движимы эти войска, об их религиозном фанатизме, об их привычке к бунтам и мятежам; и убедил короля, что пока они остаются под ружьем, он не может считать свое положение на троне прочным и надежным. В итоге была распущена вся армия, кроме небольшого отряда королевской гвардии и нескольких гарнизонов — всего около 4 000 человек пехоты и 1 000 человек кавалерии. Это была первая регулярная постоянная армия, появившаяся на нашем острове при монархическом правлении. Располагая подобными силами, король, как заметил лорд Мордаунт, мог теперь считать себя самым могущественным дворянином в Англии[135]. Укрепления Глостера, Таунтона и других городов, оказавших сопротивление королю в ходе гражданских войн, были срыты.

Кларендон действовал мудро и справедливо не только на посту канцлера: все советы, которые давал он королю, также служили интересам государя и народа. Привыкнув за годы изгнания относиться к мнению своего преданного слуги с безграничным доверием, Карл и теперь всецело подчинялся его руководству, и в течение некоторого времена Кларендон пользовался таким непререкаемым авторитетом, какого, пожалуй, никогда не имел ни один министр. Он умерял неразумный пыл роялистов и обуздывал их стремление отомстить врагам. Что касается противной партии, то здесь Кларендон прилагал все усилия, чтобы ни одно из обязательств короля не оказалось нарушенным: он вел строгий учет всего, что было обещано кому-либо в награду за прежние услуги, и с величайшим усердием добивался исполнения данных королем обещаний.

Теперь этого превосходного министра связывали с королевской фамилией еще более прочные узы. Дочь его, Анна Гайд, женщина тонкого ума и замечательных достоинств, еще за границей благосклонно встретила ухаживания герцога Йоркского и, когда тот дал слово жениться на ней, тайно допустила его в свою постель. Беременность ее обнаружилась вскоре после Реставрации, и хотя многие убеждали короля не давать согласия на столь неравный союз, Карл из сочувствия своему другу и министру, прежде ничего не знавшему об этой связи, позволил брату вступить в брак с Анной Гайд[136]. Самого Кларендона смутила честь, которой он удостоился: столь внезапно вознесенный гораздо выше своего звания, канцлер, по

его собственным словам, страшился теперь еще более стремительного падения.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕПИСКОПАТА

Большая часть шагов министерства Кларендона встречала одобрение, и только принципы его церковной политики многие считали следствием узких предрассудков и религиозной нетерпимости. Если бы недоверие к королевской власти возобладало в парламенте-конвенте настолько, чтобы заставить его членов реставрировать короля, жестко ограничив его полномочия, то введение пресвитерианской дисциплины было бы, разумеется, одним из тех условий, принятия которых они добивались бы упорнее всего. Указанная форма церковного устройства более выгодна для свободы, чем для монаршей власти; да и сама по себе, безотносительно к политическим соображениям, она была по нраву большинству палаты общин и как нельзя лучше соответствовала религиозным взглядам коммонеров. Но поскольку нетерпение народа, сознание опасности дальнейших проволочек, всеобщая ненависть к партийным раздорам и авторитет Монка взяли верх над ревнивыми замыслами ограничения власти короля, то отсюда с необходимостью следовало, что вместе с монархией должна быть полностью восстановлена и англиканская иерархия. Все роялисты являлись пылкими сторонниками этой церкви; заслуги англиканского духовенства перед королем, равно как и страдания, которые вынесло оно из-за своей верности монарху, были велики; статуты, установившие епископат и литургию, не отменила еще никакая законная власть, а малейшей попытки парламента посредством новых законодательных актов обеспечить какие-либо преимущества пресвитерианству оказалось бы достаточно, чтобы опять ввергнуть нацию в кровавую смуту. Приняв в расчет эти обстоятельства, общины благоразумно отложили обсуждение всех спорных религиозных вопросов, предоставив устройство церковных дел королю и старинным законам Англии.

Поначалу король пользовался этими законами весьма сдержанно и осмотрительно. В живых тогда оставалось девять епископов, и они тотчас же были восстановлены в прежних епархиях, все священники, изгнанные из своих приходов, получили их обратно; в церкви вновь была введена англиканская литургия — пристойная и не лишенная благолепия форма богослужения; но в то же самое время, желая удовлетворить просвитериан и сохранить видимость беспристрастия и умеренности, Карл издал особую декларацию[137]. В ней он обещал, что на более крупные епархии будут поставлены викарные епископы, что на всех без исключения прелатов будет возложена обязанность регулярно читать проповеди, что посвящать в духовный сан и осуществлять свою юрисдикцию они будут отныне лишь с согласия и при содействии пресвитеров, избираемых в данной епархии;

что в литургию будут внесены такие изменения, которые сделают ее совершенно безупречной и для всех приемлемой, пока же данную форму богослужения не станут навязывать тем, кто почему-либо с ней не согласен; и что стихарь, крестное знамение при крещении и поклоны при имени Христа уже не будут строго обязательными. Эту декларацию король издал в качестве главы церкви, полагая, как с очевидностью явствует из многих ее мест, что законодательная власть в церковных делах принадлежит именно ему. Здесь, однако, следует заметить, что английская система правления, хотя и получившая благодаря столкновениям и спорам последних лет более ясные и определенные очертания, еще не была во всех своих деталях введена в четкие рамки закона. И если когда-либо использование королевской прерогативы являлось оправданным, то было это, вероятно, именно в тогдашних обстоятельствах, когда все части государственного механизма находились в совершенном расстройстве после недавних потрясений, и только осторожно действующая рука верховного магистрата могла привести их в прежний порядок.

ВОССТАНИЕ МИЛЛЕНАРИЕВ

Но хотя эта видимость терпимости и беспристрастия сохранялась и можно было подумать, что ничего, кроме введения смягченной епископальной системы, министерство не желает, в его намерения отнюдь не входило всегда относиться к пресвитерианам с подобной предупредительностью. Безумная выходка людей пятой монархии предоставила ему удобный предлог для того, чтобы изменить свой образ действий. Веннер, отъявленный фанатик, устраивавший заговоры еще против Кромвеля, разгорячив своими исступленными проповедями как собственное воображение, так и фантазию своих приверженцев, вывел их, числом шестьдесят человек, на улицы Лондона. Они были до зубов вооружены, полагали себя неуязвимыми и непобедимыми и твердо рассчитывали на такой же успех, какой сопутствовал некогда Гедеону[162] и другим героям Ветхого Завета. Поначалу все бежали перед ними в страхе. Какой-то несчастный на их вопрос «Вы за кого?» ответивший: «За Бога и за короля Карла», был убит на месте. С ликованием и торжеством шествовали они из улицы в улицу, всюду провозглашая царствие Христа, который, по их уверениям, был их незримым вождем. Наконец, городские магистраты, собрав несколько отрядов милиции, решили атаковать мятежников. Последние защищались столь же мужественно, сколь искусно, и, убив многих нападавших, в образцовом порядке отступили в Кейнвуд, близ Гемпстеда. На другое утро их выбили оттуда гвардейцы, однако они не пали духом и вновь дерзко ворвались в Лондон, совершенно не готовый к этому вторжению. Пройдя чуть ли не по всем улицам громадной столицы и учинив в ней страшные беспорядки, сектанты заперлись в одном здании, где твердо

решили держаться до конца. Дом окружили, черепичную кровлю разобрали, и теперь огонь по ним вели со всех сторон, но они по-прежнему отказывались сдаться. Осаждавшие бросились в атаку и захватили немногих оставшихся в живых мятежников, которые были преданы суду, признаны виновными и казнены, причем до последней минуты эти люди упорно твердили, что если они и были обмануты, то обманул их сам Господь Бог.

Кларендон и другие министры не преминули воспользоваться этим восстанием, чтобы заговорить о крайне опасном духе просвитериан и всех сектантов; однако совершенное безумие этой попытки служило достаточным доказательством того, что мятежники ни с кем ее не согласовывали и она не могла представить настоящей угрозы. Взаимная ненависть, разделявшая пресвитериан и остальные секты, также должна была избавить первых от малейших подозрений в причастности к этому безрассудному предприятию. Но поскольку для оправдания суровых мер, замышлявшихся против всех неангликанских исповеданий требовался теперь новый предлог, помимо их прежних грехов, то за этот довод, пусть и весьма неубедительный, правительство ухватилось с величайшей готовностью.

ШОТЛАНДСКИЕ ДЕЛА

К прочному порядку и подчинению власти короля Шотландия шла еще быстрее, чем Англия. В английском Тайном совете обсуждался вопрос: следует ли возвратить этой нации свободу, или же для укрощения мятежного духа, который во все века владел шотландцами, стоит сохранить форты, построенные Кромвелем? Лодердейл,[163] со времени битвы при Вустере и вплоть до Реставрации содержавшийся в заключении в Тауэре, пользовался немалым авторитетом в глазах короля и теперь решительно выступил против этой суровой меры. Он указывал на то, что именно верноподданнические чувства подвигли шотландцев на борьбу с английскими мятежниками, и воспользоваться тем бедственным положением, в котором оказались они по причине своей лояльности, значило бы поступить в высшей степени несправедливо и неблагодарно; что дух этого народа совершенно сломлен порабощением, в котором его так долго держали узурпаторы, и теперь шотландцы готовы добровольно подчиниться своему законному государю на любых сколько-нибудь приемлемых условиях, если таким путем они смогут возвратить себе свободу и независимость; что их преданность королю, в котором они видят своего, шотландского, государя, естественно, гораздо сильнее, чем соответствующие чувства у англичан, и в случае какого-либо мятежа последних Карл может на нее твердо рассчитывать; что республиканские принципы, с давних пор распространившиеся среди его южных подданных и все еще весьма популярные, способны вновь породить опасные для трона возмущения и беспорядки; что еще наступит, вероятно, такое время, когда вместо английских

гарнизонов в Шотландии король предпочтет видеть шотландские гарнизоны, в Англии — войска, содержащиеся на английские деньги и в любой момент готовые обуздать непокорный дух этой богатой нации; и что такой народ, как шотландцы, привыкший подчиняться узкому кругу высшей знати, легче удерживать в повиновении при монархических порядках, нежели англичан, только и мечтающих что о равенстве и народовластии.

Эти доводы побудили короля распустить все находившиеся в Шотландии войска (1 января) и срыть все форты. Был созван парламент, куда в качестве королевского уполномоченного направился генерал (а теперь уже и граф) Миддлтон. Все сословия, в нем представленные, действовали в духе совершенной лояльности и повиновения. Комиссару удалось даже добиться утверждения акта, разом отменявшего все законы, принятые шотландским парламентом начиная с 1633 года, — под тем предлогом, что свою санкцию на эти статуты король и его отец давали тогда под принуждением. Это была громадная, можно сказать — беспримерная уступка. Устранив многие опасные ограничения королевской власти, она в то же время разрушила некоторые полезные барьеры, ограждавшие конституцию. Но могучий поток мнения народного повернул теперь в сторону монархии, и шотландская нация с полной очевидностью демонстрировала, что ее прежнее сопротивление королю объяснялось скорее беспокойным духом аристократии и фанатической нетерпимостью духовенства, нежели твердым и осознанным стремлением к гражданский свободе. Вновь появились лорды статей вместе с некоторыми другими пунктами прерогативы, и таким образом, власть короля, чьи права и полномочия подкреплялись теперь более убедительными доводами, была восстановлена в этом государстве в полном своем объеме.

Подобным же путем, через отмену всех статутов, принятых ранее в пользу пресвитерианства, было фактически восстановлено прелатство; и король начал думать, каким образом следует ему использовать эту уступку парламента. Лодердейл (в глубине души — рьяный противник епископата) попытался убедить Карла, что если он уступит шотландцам в этом, самом важном для них вопросе церковного управления, то они в свою очередь с полной готовностью исполнят все остальные его требования. Но хотя Карл, в отличие от деда и отца, вовсе не отличался пылкой преданностью епископальной системе, в свое время он пережил столько унижений по вине шотландских просвитериан, что с тех пор питал к ним сильнейшее отвращение. Он заявил Лодердейлу, что не считает пресвитерианство подходящей религией для джентльмена и не может допустить, чтобы ее по-прежнему исповедовали в Шотландии. К тому же Миддлтон и другие министры внушили королю, что тирания и насилия духовенства опротивели шотландцам настолько, что любые перемены в церковном устройстве будут встречены всеобщим одобрением. Шотландских министров поддерживали Кларендон и Ормонд, опасавшиеся, что пресвитерианская секта, если ее узаконят в Шотландии, сможет расширить свое влияние в Англии и Ирландии. В итоге решено было восстановить прелатство; впоследствии эта мера повлекла за собой многочисленные и серьезные не-

удобства — трудно, однако, сказать, не выбрал ли Карл меньшее зло, принимая подобное решение. Шарпа, которому шотландские просвитериане поручили защищать свои интересы перед королем, убедили покинуть эту партию, и в награду за свою угодливость он получил сан архиепископа Сент-Эндрюсского. Ему главным образом и было доверено руководство церковными делами, а поскольку прежние единомышленники считали этого человека предателем и ренегатом, то по этой причине, а также из-за своих грубых и жестоких действий он стал вызывать у них глубочайшую ненависть.

Карл не обещал шотландцам какой-либо амнистии наподобие той, которую гарантировал он в Бредской декларации англичанам; и теперь решили, что с его стороны будет разумнее оставить над их головами устрашающий меч правосудия до тех пор, пока они не изъявят надлежащих знаков покорности новой власти. Ни личный характер, ни политические планы короля не побуждали его к суровым мерам, однако после столь кровавого и успешного мятежа примерное наказание хотя бы нескольких его участников казалось необходимым, и в качестве жертв избраны были маркиз Аргайл и некто Гатри. Два акта об амнистии, принятые покойным королем в 1641 году и ныне царствующим — в 1651 году, составляли, по общему мнению, непреодолимое препятствие для суда над Аргайлом, делая невозможным расследование именно тех его деяний, которые по справедливости можно было счесть наиболее предосудительными. Не оставалось ничего другого, как привлечь его к суду за «подчинение узурпаторам» — иначе говоря, за преступление, в котором повинна была вся нация, ведь даже самые верные и лояльные подданные нередко бывают вынуждены его совершать, уступая грубой силе. Чтобы подчинение это казалось более искренним и добровольным, суду представили письма маркиза, написанные им к Албермарлу в ту пору, когда этот генерал командовал английскими войсками в Шотландии, и содержавшие заверения Аргайла в его безусловной преданности существующему правительству. Раскрытие Албермарлом частной переписки всех возмутило; к тому же люди полагали, что в смутные и тревожные времена от особ такого ранга, как Аргайл, власти, в качестве необходимого знака подчинения, могут требовать величайших доказательств благонамеренности, и, однако, последние, если рассуждать беспристрастно, совершенно невозможно истолковать как государственную измену. Тем не менее парламент не затруднился вынести обвиняемому смертный приговор, и Аргайл встретил казнь с величайшим мужеством и хладнокровием. Все знали, что именно он был главным виновником прежних беспорядков и гражданских войн, а потому незаконность приговора, вместе с некоторыми возмутительными обстоятельствами самого процесса, допускали, казалось, известное оправдание. Сын Аргайла, лорд Лорн, всегда сохранявший верность монархии, унаследовал имущество покойного.

Гатри был мятежный проповедник, нанесший к тому же личное оскорбление королю; его казнь никого не удивила. Сэр Арчибальд Джонстон из

Уорристона, осужденный и лишенный всех прав парламентом, бежал на континент, но два года спустя был схвачен во Франции, возвращен в Шотландию и предан казни. Он играл весьма деятельную роль во всех прежних смутах и даже подозревался в тайных связях с английскими цареубийцами.

Не ограничившись этими знаками лояльности, шотландский парламент вотировал королю дополнительные средства в размере 40 000 фунтов в год, которые надлежало собрать через акцизы. На эти суммы предполагалось содержать небольшую армию с целью предотвращения беспорядков, подобных тем, которые терзали королевство до сих пор. Был также принят акт, объявлявший Ковенант незаконным, а связанные с ним обязательства — лишенными всякой принудительной силы.

КОНФЕРЕНЦИЯ ВО ДВОРЦЕ САВОЙ

Мягкость и беспристрастие политики Карла стерли, казалось, всякие различия между светскими партиями в Англии. О «кавалерах» и «круглоголовых» никто больше не вспоминал; всех англичан, как можно было подумать, объединяло одно общее стремление: подчиняться законным прерогативам короля и охранять справедливые привилегии народа и парламента. И только теологические споры — последние искры того огня, который охватил некогда страшным пожаром всю страну, — по-прежнему не утихали. Если католики, а также индепенденты и прочие сектанты довольствовались смутными чаяниями известной терпимости, то прелатисты и пресвитериане яростно боролись за первенство, и потому страхи и надежды обеих партий держали их приверженцев в состоянии крайнего возбуждения. Наконец, двенадцать англиканских епископов и двенадцать самых видных пресвитерианских министров собрались во дворце Савой на конференцию (25 марта), целью которой, по крайней мере на словах, было добиться примирения сторон. Стихарь, крестное знамение при крещении, коленопреклонение во время причащения и поклоны при имени Христа вновь стали предметом самого тщательного разбора. Невежественная толпа твердо верила, что такое множество степенных, ученых мужей, глубокомысленно обсудив все спорные вопросы, просто не может не прийти к согласию по каждому из них; а потому сильно удивлялась, видя, что они лишь укрепились в собственных предрассудках и расстаются еще более раздраженными друг против друга, чем когда-либо прежде. Входить здесь в подробности было бы излишне: препирательства вокруг внешних форм религиозного культа сами по себе являются бессмысленнейшим из споров и заслуживают внимания лишь постольку, поскольку они влияют на мир и порядок в гражданском обществе.

ДОВОДЫ ЗА И ПРОТИВ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ

В королевской декларации было обещано, что для объединения двух церковных партий будут предприняты особые меры, а равнодушие самого Карла ко всем подобным вопросам, казалось, лишь благоприятствовало успешному осуществлению этого замысла. Сторонники объединения доказывали, что пресвитериане, точно так же как и прелатисты, уже испытали на собственном опыте пагубные следствия несговорчивости и взаимного ожесточения и теперь склоняются к полюбовному соглашению; что если епископы откажутся от некоторых своих полномочий и уступят в вопросе о наиболее спорных церковных обрядах, то их противники, вполне удовлетворенные этими мерами, с величайшей готовностью подчинятся им в остальном, и таким образом вся нация будет объединена общей верой и единым богослужением; что упрямо настаивать на внешних формах культа, которые сами по себе несущественны, значит сообщать им вид особой важности и значительности, побуждая других людей с не меньшим упорством их отвергать; что пресвитерианское духовенство пойдет на любые разумные уступки, лишь бы только не потерять свои приходы и не оказаться в бедности или даже в нищете, а значит, если польстить его гордости какими-нибудь мелкими изменениями церковного ритуала, предоставив ему благовидный предлог для утверждений, что оно-де ни в чем не изменило прежним своим принципам, то этого будет достаточно, чтобы создать прочный союз между двумя партиями, чьи приверженцы и составляют большую часть нации.

Были, однако, и такие, кто утверждал, что в основе различий между религиозными сектами лежат не принципы, но страсти, и до тех пор, пока беспорядочные человеческие аффекты не удастся очистить и обуздать, глупо было бы рассчитывать, что какие-либо уступки способны обеспечить совершенное единство и согласие; что чем более пустячным представляется нам предмет споров, тем с большей уверенностью можно заключить, что истинная причина разногласий отлична от той, о которой твердят все вокруг, что любовь к новшествам, гордость своим умением полемизировать, удовольствие обращать в свою веру других, а также упрямый дух противоречия будут вечно порождать секты и расколы, и никакие уступки не в силах совершенно исчерпать этот бездонный источник раздоров; что, отказавшись от древних принципов и обрядов, церковь молчаливо признает себя повинной в заблуждении и перестанет внушать то благоговение, которое столь необходимо ей, чтобы сохранить преданность простого народа; что если нынешние уступки ни к чему не приведут (а это более чем вероятно), то потребуются новые, еще более серьезные, и в итоге церковная власть утратит всякий авторитет, а богослужение — всякую красоту и благопристойность; конечная же цель, коей столь наивно и безрассудно стремились добиться этими опасными поблажками инакомыслящим, так никогда и не будет достигнута.

НОВЫЙ ПАРЛАМЕНТ

Министры склонны были предпочесть последний ряд доводов, а настроение, которое обнаружилось в только что созванном парламенте (8 мая), еще более укрепило их в этом намерении. Партия роялистов и горячих приверженцев англиканской церкви пользовалась теперь величайшей *популярностью в народе; поддержанная усилиями двора, она добилась* огромного успеха на выборах. Пресвитериане же получили в нижней палате всего пятьдесят шесть мест,[138] и противодействовать политике большинства эта партия была не в состоянии. А потому блеск и могущество, достигнутые ныне монархией и епископатом, казались столь же поразительными, сколь ужасными были их недавние бедствия и унижения. Спикером палаты был избран сэр Эдуард Тернер.

Парламент принял специальный акт для обеспечения безопасности особы короля и его правления. Намерение или замысел лишить короля свободы, нанести ему телесные повреждения, низложить его или развязать против него войну — все это на время царствования его величества Карла II объявлялось государственной изменой. Называть короля папистом или еретиком, пытаться речами или писаниями внушить подданным враждебные чувства к монарху означало отныне совершать преступление, лишавшее виновного права занимать какие-либо церковные и государственные должности. За утверждение, будто Долгий парламент до сих пор не распущен, или будто обе палаты или любая из них обладают законодательной властью независимо от короля, устанавливалось наказание в виде предупредительных штрафов.[164]

Ковенант вместе с актами об учреждении Верховной палаты правосудия, о присяге и о провозглашении Англии республикой приказано было сжечь рукой палача. Народ наблюдал за этим действом с величайшим восторгом.

В предшествующее царствование злоупотребление правом петиций привело к самым ужасным последствиям, а потому парламент, желая предотвратить подобные беспорядки в будущем, постановил, что отныне число подписей под петицией может превысить двадцать лишь с согласия трех мировых судей или большинства членов большого жюри присяжных; и что подавать петиции королю или любой из палат может депутация в составе не более десяти человек. За нарушение этого закона полагалось наказание — 100 фунтов штрафа или три месяца тюрьмы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕПИСКОПОВ В ВЕРХНЮЮ ПАЛАТУ

Духовная власть епископов уже была восстановлена, однако закон, утвержденный покойным королем перед самым началом гражданских смут, все еще лишал их права заседать в парламенте. Согласие на этот закон

было тогда вырвано у короля и палаты пэров грубой силой, что само по себе давало сторонникам англиканской церкви веские основания требовать его отмены, и Карл санкционировал соответствующий акт, не скрывая своего глубокого удовлетворения. Ясно, что восстановление прелатов в их прежних правах служило интересам не только церкви, но и короны; однако те, кто в каждом приобретении государя видел ущерб для народа, склонны были возмущаться этим примером услужливости со стороны парламента.

После перерыва, продлившегося несколько месяцев, парламент собрался вновь (20 ноября) и продолжал действовать в прежнем духе. Он не обнаруживал намерения полностью восстановить старинные прерогативы короны, а лишь стремился заделать те бреши в конституции, которые были пробиты не любовью к свободе, но яростью партийных распрей и гражданских войн. Во все века считалось само собой разумеющимся, что власть меча принадлежит в Англии короне, и хотя не существовало закона, который бы формальное предоставлял ей эту прерогативу, все парламенты, вплоть до последнего парламента предшествующего царствования, охотно подчинялись авторитету более древнему, а стало быть, и более священному, чем авторитет любого положительного статута. Теперь же решено было торжественно отказаться от беззаконных и непомерных притязаний Долгого парламента и признать, что ни какая-либо из палат, ни обе они вместе не обладают военной властью независимо от короля. В преамбуле к соответствующему статуту парламент пошел еще дальше и отрекся от всякого права даже на оборонительные действия против короля: столь необыкновенная, по общему мнению, уступка не осталась незамеченной и вызвала немало толков. Слова эти — если понимать их в буквальном смысле — означали совершенный отказ от любых ограничений монархической власти и безоговорочное признание того, что подданные не имеют привилегий, независимых от воли суверена. Ведь коль скоро никакие права немыслимы без соответствующих средств их защиты, то это тем более относится к такого рода правам, которые в сильной степени подвержены посягательствам со стороны тирании и даже властолюбия, и если подданным раз и навсегда запрещено оказывать сопротивление, то любой государь, причем без всяких политических хитростей или насильственных мер, тотчас же превращается в абсолютного монарха, чьи действия совершенно не поддаются контролю: стоит лишь ему издать указ, упраздняющий всякую власть, кроме его собственной, и с этого момента всякая свобода в государстве по сути уничтожается. Было бы, впрочем, нелепо приписывать подобный замысел настоящему парламенту, который хотя и состоял из ревностных роялистов, явно продемонстрировал своими действиями, что он отнюдь не намерен отбросить всякое уважение к привилегиям нации. По-видимому, члены парламента понимали, что предполагать возможность подобного посягательства со стороны государя на права и вольности народа было бы совершенно неконституционно и что, следовательно, их самих, если бы они сохранили за подданными на

такой случай формальное право на сопротивление, можно было бы обвинить в нарушении конституции. В свое время они уже стали свидетелями того, как под предлогом самообороны Долгий парламент начал яростные нападки на королевскую власть и, ввергнув страну в кровавые раздоры, утратил в конце концов ту самую свободу, за которую так безрассудно сражался. В итоге они пришли к выводу (вероятно, ошибочному), что после столь открытых и дерзких притязаний не осталось больше никакой возможности и далее упорствовать в благоразумном молчании, которое прежде хранили на сей счет законы, и что для предотвращения подобных несчастий в будущем необходимо принять по этому вопросу ясную и недвусмысленную декларацию. Таким образом, отказывая подданным в праве на оборонительные действия против монарха, они исходили из того, что поскольку конституция теперь прочно утверждена на своих основаниях, то государь в действительности никогда не сможет на нее посягнуть. Если же когда-либо такое нападение все же последует, то возникнут особые, чрезвычайные обстоятельства; а никакие законы, по их мнению, не могли предусматривать подобного рода крайние случаи, ибо ни один закон не в силах определить заранее, какие меры потребуются для выхода из подобного положения.

АКТ О КОРПОРАЦИЯХ[165]

Последующие шаги парламента также показывали, что он гораздо больше заботится о предотвращении возможности мятежа подданных, нежели незаконных посягательств со стороны короны: недавние бедствия гражданской войны и узурпации естественным образом усилили дух повиновения монарху, толкнув нацию к этой опасной крайности. В годы жестокого и подозрительного правления парламента и протекторов все не внушавшие доверия магистраты были исключены из городских корпораций; в их состав допускались лишь те, кто доказал свою лояльность новым владыкам и согласился подписать Ковенант. Оставлять власть в руках подобных лиц казалось рискованным, и потому парламент уполномочил короля назначить комиссаров для проверки корпораций и исключения тех магистратов, которые проникли туда насильственным путем либо исповедовали принципы, опасные для гражданских и церковных законов. Кроме того, парламент постановил, что все магистраты должны публично признать, что Ковенант не имеет обязывающей силы, а также заявить, что сопротивление королю под каким бы то ни было предлогом они считают незаконным и с ненавистью отвергают изменническое утверждение о том, что именем короля можно поднимать оружие против его особы или против лиц, получивших от него свои полномочия.

АКТ О ЕДИНООБРАЗИИ. 1662[166]

О церкви этот парламент радел ничуть не меньше, чем о монархии, и билль о единообразии стал свидетельством его искренней преданности англиканской иерархии и глубокого отвращения к пресвитерианству. Впрочем, билль этот, заключавший в себе немало суровых статей, поддерживали самые разные партии. Индепенденты и иные сектанты, взбешенные тем, что пресвитериане, некогда являвшиеся их союзниками, разрушили все их замыслы, прилагали отчаянные усилия, чтобы эта партия лишилась милости и благоволения короля, на которые, ввиду недавних своих заслуг в деле его реставрации, она полагала себя в полном праве рассчитывать. Именно пресвитериане (твердили индепенденты) развязали войну; именно они первыми начали подстрекать чернь к беспорядкам и мятежам; их рвение, авторитет и богатство позволили содержать многочисленную армию; их мощь сломила сопротивление короля; и если даже впоследствии они протестовали против вопиющих актов насилия, совершенных по отношению к его особе предводителями армии, то ведь опомнились они слишком поздно, уже после того, как узурпаторы получили по их вине возможность осуществить свои кровавые деяния, вместе с лицемерными предлогами, чтобы их оправдать. Да, конечно, объединившись с роялистами, они призвали в Англию короля — но разве по этой причине их следует считать более ревностными приверженцами монархии? Злобная ярость, плод несбывшихся мечтаний собственного властолюбия — это и ничто другое двигало ими тогда; и если теперь король будет настолько безрассуден, чтобы почтить их особыми милостями и привилегиями, то уже очень скоро он встретит с их сторону ту самую ненависть и противодействие, которые сыграли роковую роль в судьбе его отца.

Католики, хотя и не имевшие сколько-нибудь серьезного влияния в народе, представляли собой весьма внушительную силу при дворе; а ввиду их страданий и заслуг в эпоху гражданских войн казалось вполне справедливым отнестись к ним теперь с известной благосклонностью и уважением. Сами же эти фанатики всего более страшились полного объединения протестантов. Ведь если бы в Англии не осталось других нонконформистов, кроме католиков, то неизбежным следствием этого, как думали последние, явилось бы строжайшее применение законов против их секты; а потому они употребляли все свое влияние во вред пресвитерианам, которые прежде были самыми жестокими их гонителями и которых теперь они мечтали сделать своими товарищами по несчастью. Главой их партии считался граф Бристоль, который то ли по убеждению, то ли по расчету, то ли по легкомыслию, то ли из простого желания сделать приятное людям, в кругу которых он жил, переменил свою религию в годы изгнания.

Церковная партия в течение долгих лет терпела столько унижений и притеснений со стороны сектантов всех мастей, что рассчитывать на умеренность, а тем более уступчивость англиканского духовенства уже не

приходилось. Судя по всему, даже миряне, принадлежавшие к этому вероисповеданию, готовы были теперь воздать своим врагам в соответствии с обычными законами партийного правосудия. Эта секта или партия (ибо в ней сочеталось то и другое) усиленно распространяла слухи о неких заговорах и конспирациях против правительства, без всяких видимых причин обвиняя в этих преступных замыслах своих противников. Вместо того чтобы расширить рамки возможного компромисса, открыв таким образом путь к объединению с пресвитерианами, она с радостью воспользовалась предрассудками этой секты, чтобы лишить приходов ее приверженцев. Билль о единообразии требовал, чтобы все духовные лица заявили о своем полном и безоговорочном согласии с Книгой общих молитв; присягнули в повиновении церковным законам; клятвенно отреклись от Торжественной Лиги и Ковенанта; отвергли принцип о допустимости под каким бы то ни было предлогом вооруженного сопротивления королю; и чтобы каждый священник, не получивший ранее епископского рукоположения, был посвящен в духовный сан заново.

Этот билль восстанавливал церковь в том самом положении, в котором находилась она до начала гражданских войн; поскольку же суровые елизаветинские законы оставались в полной силе, а теперь еще были дополнены новыми статьями в том же духе, то король фактически уклонился от исполнения всех своих обещаний терпимости и снисхождения к людям, чья религиозная совесть отказывалась принимать те или иные стороны государственного культа. Правда, в Бредской декларации Карл заявил о своем намерении сообразовывать подобную терпимость с мнением и волей парламента, однако никакие разумные аргументы не позволяли истолковать эту оговорку в настолько широком смысле, чтобы она могла оправдать полное нарушение взятых им обязательств. Впрочем, принято думать, что на эту жестокую меру король пошел весьма неохотно и что согласие на нее было вырвано у Карла главным образом рвением Кларендона и церковной партии в палате общин, поддержанном интригами католиков. Роялисты, добившиеся теперь бесспорного преобладания, не отказали себе в удовольствии ознаменовать свое торжество, законодательно установив те крайние монархические принципы, которые в свое время отвергали их противники, но когда речь заходила о реальных полномочиях или доходах короны, они не выказывали в своих уступках ни того усердия, ни той щедрости, какие желал бы видеть с их стороны король. Хотя парламент принял законы о флоте, вопрос о постоянной армии он оставил без внимания, отказавшись дать санкцию на это опасное нововведение. Долги короля превратились в совершенно нестерпимое бремя, и общины вынуждены были наконец вотировать ему чрезвычайную субсидию в размере 1 200 000 фунтов, которую надлежало собрать посредством восемнадцати помесячных обложений. Но, не говоря уже о том, что указанная сумма была гораздо ниже действительных потребностей, королю, прежде чем он добился соответствующего постановления, пришлось долго и настойчиво упрашивать общины, а чтобы убедить палату в абсолютной необ-

ходимости подобной меры, он предложил ей провести тщательную проверку всех его доходов и издержек. Равным образом, выяснив в ходе расследования, что отдельные источники доходов короны совершенно не обеспечивают предполагаемых поступлений, палата, опять же после долгих проволочек, вотировала еще одно обложение, из расчета два шиллинга с очага, утвердив за королем этот налог пожизненно. И однако, совокупный доход короны, определявшийся парламентом, в течение многих лет не превышал 1 000 000 фунтов,[139] иначе говоря, составлял сумму, по общему мнению, явно недостаточную для покрытия государственных расходов. Чтобы с помощью этих скудных средств обеспечить достоинство короны и безопасность государства, со стороны короля потребовалась бы строжайшая экономия, к которой он, кажется, был совершенно неспособен. Когда со всеми делами было покончено, Карл объявил отсрочку заседаний парламента (19 мая).

БРАК КОРОЛЯ

Еще до того как парламент разошелся на каникулы, двор занялся приготовлениями к встрече новой королевы, с которой Карл был помолвлен, — Екатерины Португальской,[167] только что сошедшей на английский берег в Портсмуте. В свое время война с Испанией естественным образом побудила протектора оказать поддержку восставшим португальцам, и в особом договоре он обязался послать в эту страну 10 000 солдат для защиты ее от испанцев. После реставрации короля Португалия обнаружила готовность возобновить союз, а чтобы еще сильнее скрепить узы дружбы, предложила Карлу в супруги португальскую принцессу и в приданое за ней — 500 000 фунтов вместе с двумя крепостями, Танжером в Африке и Бомбеем в Ост-Индии. Испания же, которая после Пиренейского мира прилагала отчаянные усилия, чтобы вернуть себе Португалию (теперь, по-видимому, брошенную своим прежним союзником Францией), крайне встревожилась и сделала попытку отвлечь взоры Карла в противоположную сторону. Католический король вызвался удочерить и сделать испанской инфантой любую другую принцессу — например принцессу Пармскую или (что, по его мнению, понравилось бы англичанам больше) какую-нибудь протестантскую принцессу, скажем, наследницу Датского, Саксонского или Оранского домов, причем любой из них он обещал выделить приданое равное тому, которое предлагала Португалия. Карл, однако, по многим причинам склонялся к принятию португальского предложения. Внутренние неурядицы и величайшее расстройство финансов Испании делали исполнение ее обещаний весьма сомнительным, английскому же королю, до крайности стесненному в средствах, деньги нужны были немедленно. Кроме того, интересы английской торговли также, по-видимому, требовали защитить независимость Португалии, поскольку в про-

тивном случае объединение этой короны с Испанией отдало бы все богатства Америки в руки одного монарха. К тому же притязания испанцев на Дюнкерк и Ямайку делали искреннюю дружбу с этой державой немыслимой без дальнейших уступок в ее пользу; между тем две столь важные крепости, которые предлагала Португалия, обещали в будущем значительный рост морского могущества Англии. И наконец, самое главное: рука протестантской принцессы нисколько не прельщала Карла, ибо личные склонности сильнейшим образом побуждали его предпочесть брачный союз с католичкой. Согласно наиболее правдоподобным сообщениям[140], решение вступить в брак с дочерью Португалии король принял без ведома кого-либо из своих министров; и никакие возражения не могли заставить его изменить свое намерение. Когда же дело было представлено на рассмотрение Тайного совета, все его члены единодушно одобрили решение монарха; парламент также поспешил изъявить свое удовольствие. Так, по-видимому, с общего согласия, был заключен этот злосчастный брак с Екатериной Португальской (21 мая) — принцессой добродетельной, но так никогда и не сумевшей привязать к себе Карла ни своей внешностью, ни своим милым нравом. Заметим, однако, что слухи о ее врожденной неспособности иметь детей были, кажется, безосновательны, поскольку дважды официально сообщалось о беременности королевы.[141]

Веселье свадебных торжеств было омрачено процессом и казнью трех цареубийц, Баркстеда, Коббета и Окея. После Реставрации они бежали на континент; некоторое время, переезжая с места на место, скрывались в Германии, а затем тайно прибыли в Дельфт, где должны были встретиться со своими семьями. Там их и обнаружил Даунинг, резидент короля в Голландии, ранее служивший в том же качестве протектору и республике, а когда-то даже исполнявший должность капеллана в полку Окея. Он потребовал у голландцев ордера на их арест. Обычно Штаты не отказывали в подобных ордерах, но при этом всякий раз предупреждали находившихся под рукой соответствующих лиц, чтобы те могли вовремя скрыться. Бдительность и быстрота действий Даунинга сделали подобную предосторожность тщетной. Не теряя времени, он схватил преступников, тотчас посадил их на фрегат, стоявший у берегов Голландии, и немедленно отправил в Англию. Эти трое вели себя более сдержанно и покорно, чем кто-либо из казненных ранее цареубийц. Так, Окей молился на эшафоте за короля и сказал, что если бы он остался жив, то мирно подчинился бы существующему правительству. До войны он торговал в Лондоне свечами, затем достиг высоких чинов в армии и, насколько известно, всегда оставался человеком честным и гуманным. Добрая репутация и покорное поведение Окея на суде были учтены, и друзья получили тело казненного для погребения.

ПРОЦЕСС ВЕНА

Немалый интерес у публики вызвал процесс двух знаменитых преступников, Ламберта и Вена. Эти люди, хотя и не принадлежавшие к числу судей покойного короля, были исключены из всеобщей амнистии и арестованы. Впрочем, парламент-конвент оказался к ним настолько благосклонен, что даже просил Карла, в случае если они будут признаны виновными, отложить их казнь; однако новый парламент, в большей степени исполненный монархического рвения, ходатайствовал о суде и приговоре. Чтобы не разжигать вновь прежние споры, которые разумнее было предать забвению, в обвинительный акт против Вена не включили его поступки в период войны между королем и парламентом; он касался единственно лишь деяний, совершенных им уже после казни Карла I, в качестве члена Государственного совета и секретаря морского ведомства — иначе говоря, на тех постах, где точное исполнение возложенных на него обязанностей предполагало враждебность к монархии.

Вену хватило твердости и ума, чтобы воспользоваться этим благоприятным обстоятельством. Он настойчиво доказывал, что если подчинение существовавшему тогда в Англии правительству и признание его власти следует считать преступным деянием, то подобная вина лежит на всей нации и не найдется теперь людей, чья невиновность дала бы им право судить или порицать его за эту мнимую «государственную измену»; что, согласно этим принципам, всюду, где насильственным путем устанавливается незаконная власть, неизбежным следствием этого должно стать полное и всеобщее истребление, ибо одну часть народа уничтожат за непокорность сами узурпаторы, а другую за повиновение последним покарает законный государь, что создатели английских законов предусмотрели эту ужасную ситуацию, и потому для обеспечения общественной безопасности в правление Генриха VII был принят знаменитый статут, установивший, что в случае какого-либо переворота ни один человек не может быть привлечен к суду за повиновение фактическому обладателю короны, что смысл и цель названного статута остаются прежними независимо от того, о какой именно форме правления, монархической или республиканской, идет речь, изгнанный же государь не должен считать себя вправе притязать на верность прежних своих подданных, пока сам он бессилен обеспечить им защиту; что частным лицам, не обладающим какой-либо властью, не пристало подвергать сомнению права тех, кто ими управляет, а любые властители, ставшие таковыми в результате узурпации, пусть даже самой дерзкой и вопиющей, требуют повиновения себе ничуть не меньше, чем законнейшие из правительства, что спор между покойным королем и его парламентом касался весьма тонких и сложных предметов, и потому честнейшие из англичан разошлись в своих мнениях и оказались в противоположных лагерях; что парламент, объявленный нераспускаемым иначе как с его собственного согласия, стал властью, в известном

смысле равной королю и независимой от него, а поскольку возникшее таким образом положение было совершенно новым и английской конституции неведомым, то о нем нельзя судить формально и педантически, руководствуясь буквой старинных законов; что сам он неизменно осуждал все насилия, коим подвергались парламент и особа монарха, и в течение некоторого времени до и после казни короля ни разу не появлялся в палате; что, видя совершенное расстройство всей системы управления государством, он твердо решил при любых переменах и переворотах сохранять верность палате общин, источнику и фундаменту всякой законной власти; что впоследствии, строго следуя этому принципу, он с бодрой душой вынес все гонения тирана Кромвеля, а теперь готов с такой же невозмутимостью встретить несчастья, которыми грозят ему ложно понятый закон и извращенное правосудие: что хотя после реставрации короля у него была возможность ускользнуть от врагов, он, по примеру знаменитейших героев древности, решил принять смерть, защищая свободу, и собственной кровью запечатлеть свою преданность великому делу, которому он служит; и наконец, что кроме тех уз, коими соединили его с отечеством Бог и природа, существует еще одно, добровольно им на себя принятое обязательство, долг высший и священный, отречься от которого не заставит его никакая сила на Земле.

КАЗНЬ ВЕНА. 14 ИЮНЯ

Все доводы, которые смог привести в свою защиту Вен, успеха не имели. Суд, приняв в расчет скорее общее мнение о его прямой виновности в развязывании и ведении гражданских войн, нежели статьи обвинения в государственной измене, воспользовался к своей выгоде буквой закона и вынес ему обвинительный приговор. Мужество не покинуло Вена и после осуждения. От природы он был человек робкий, но убежденность в правоте защищаемого им дела помогла ему преодолеть страх смерти, а религиозный энтузиазм, воспламененный надеждой на царствие небесное, украсил последние сцены его жизни, на всем протяжении которой господство этого начала приводило к столь отвратительным последствиям. Чтобы простой народ не проникся сочувствием к мужественному страдальцу, вокруг эшафота расставили барабанщиков, и когда Вен принялся яростно поносить правительство, барабанный бой заглушил его голос, после чего ему пришлось умерить свой пыл. Впрочем, эта неожиданность нисколько его не обескуражила: он по-прежнему держался с твердой и благородной неустрашимостью, а в близкой смерти видел лишь переход к вечному блаженству, ожидавшему его, как он полагал, в ином мире.

Этот человек, столь знаменитый своими парламентскими талантами и блестящими способностями государственного деятеля, оставил после себя кое-какие сочинения. Все они трактуют о религиозных предметах и

являются совершенно невразумительными; в них незаметно ни малейших следов красноречия или даже обыкновенного здравого смысла. Это можно было бы счесть удивительным парадоксом, не будь нам известно, что когда люди величайших дарований из принципа отказываются от использования собственного разума, то сила их духа приводит лишь к тому, что они еще глубже погружаются в бездну нелепостей и заблуждений. Именно Вен был главным виновником смерти Страффорда, открывшей путь к гибельным потрясениям, которые обрушились затем на Англию; и весьма символично, что его собственная смерть завершила долгую череду кровопролитий. Он был последним, кого казнили за участие в гражданских войнах. Ламберт, также признанный виновным, тотчас же, однако, получил отсрочку в исполнении приговора; причем судьи объявили, что если бы Вен вел себя столь же покорно и почтительно, то король не оставил бы подобной милостью и его. Ламберт пережил свое осуждение почти тридцатью годами. Он был заключен в тюрьму на острове Гернси, где жил довольный собой, забыв о всех своих прежних честолюбивых замыслах и совершенно забытый соотечественниками; умер он католиком.

ПРЕСВИТЕРИАНСКИЕ СВЯЩЕННИКИ СМЕЩЕНЫ С ДОЛЖНОСТЕЙ. 24 АВГУСТА

Вен и Ламберт были до крайности ненавистны пресвитерианам, однако эта партия так и не успела порадоваться их осуждению. Приближался роковой день св. Варфоломея, когда, согласно недавно принятому закону, духовным лицам предстояло либо оставить свои приходы, либо подписать требуемые статьи. Самые фанатичные из пресвитерианских священников сговорились их не подписывать в надежде, что епископы не осмелятся лишить бенефициев сразу столько популярных в народе проповедников. Католическая партия при дворе, мечтавшая вызвать раскол в среде протестантов, всячески поощряла их упорство, внушая им надежду, что если они откажутся подчиниться, король не даст их в обиду. Сам же король своими колебаниями и нерешительностью, умышленно или нет, лишь укреплял их в этом мнении.

А главное, условия, которые надлежало подписать, нарочно сделали до крайности жесткими и суровыми, с тем чтобы вызвать возмущение всех ревностных и непреклонных пресвитериан и таким образом лишить их бенефициев. В итоге около двух тысяч священников в один день оставили свои приходы, пожертвовав, к великому изумлению двора, собственной выгодой ради своих религиозных убеждений. Поддержанные в своих страданиях сочувствием общества, эти люди твердо решили претерпеть любые невзгоды, но не отрекаться открыто от тех принципов, которые в других обстоятельствах, движимые личным интересом, они были весьма склон-

ны извращать или обходить. Англиканская же церковь вполне насладилась местью и даже, как это обычно и бывает, превзошла в жестокости своих обидчиков. В период господства парламентской партии смещенным с должности англиканским священникам оставляли пятую часть дохода с бенефиция, теперь же пресвитерианам было отказано в подобном снисхождении, хотя на нем поначалу настаивала палата пэров. Примирить враждующих богословов — задача необыкновенно сложная, и все же многие надеялись, что известное смягчение условий, выдвинутых государственной церковью, помогло бы удержать в ее лоне пресвитериан и исцелить язву религиозных распрей, которые уже повлекли за собой столь пагубные последствия и до сих пор оставались чрезвычайно опасными. Пресвитерианским вождям Калами, Бакстеру и Рейнольдсу был предложен епископский сан, но только последнего уговорили его принять. Многие отказывались от деканств и других высоких церковных должностей.

ДЮНКЕРК ПРОДАН ФРАНЦИИ

Следующий шаг короля не имел до сих пор счастья удостоиться добрых слов со стороны какой-либо партии; напротив, в нем часто видят, не берусь сказать почему, одну из величайших ошибок, если не позорнейших пятен этого царствования. Речь идет о продаже Дюнкерка Франции. Крайняя скупость парламента совершенно не гармонировала с щедрым или, скорее, беспечным нравом Карла, и, несмотря на вотированные ему субсидии, королевская казна по-прежнему оставалась почти пустой и вдобавок отягощенной крупными долгами. Ранее Карл тайно получил от Франции 200 000 крон на поддержку Португалии, но отправленные в эту страну войска, вместе с флотом, который приходилось держать для ее защиты, уже обошлись королю в сумму, равную этим 200 000 плюс двойному количеству денег, полученных в качестве приданого за королевой.[142] Приближался срок выплаты приданого его сестры, супруги герцога Орлеанского. Крепость Танжер, из приобретения которой надеялись извлечь немалые выгоды, превратилась в дополнительное бремя для короны; а Рутерфорд, тогдашний комендант Дюнкерка, довел расходы на содержание его гарнизона до 120 000 фунтов в год. Данные обстоятельства оказывали сильнейшее влияние не только на короля, но даже на Кларендона, и этот неподкупный министр настойчиво рекомендовал принять известную сумму денег взамен крепости, которую, как он полагал, король уже просто не в силах удержать за собой ввиду скудости своих средств. Договор с Португалией предусматривал, что Дюнкерк ни в коем случае не может быть передан Испании, а следовательно, единственным возможным покупателем оставалась Франция. Сам канцлер пригласил своим письмом Д'Эстрада для переговоров о заключении соответствующей сделки. Англичане запросили 900 000 фунтов, французы предложили 100 000. Первые посте-

пенно сбавляли цену, вторые увеличивали предложение, в итоге стороны сошлись на 400 000. Артиллерия и боеприпасы были оценены в 1/5 часть указанной суммы.[143] Ни в Англии, ни за границей в ту пору еще не понимали всей важности этой покупки.[144] Даже французский монарх, столь пылко стремившийся к новым приобретениям и столь точно судивший о собственных интересах, считал заключенную им сделку невыгодной,[145] а ее сумма, по видимости столь незначительная, была крайним пределом, до которого позволил он Д'Эстраду доходить в своих предложениях англичанам.

ДЕКЛАРАЦИЯ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ[168]

Новый эпизод царствования Карла представил характер и убеждения монарха в таком свете, что поначалу нация пришла в некоторое недоумение, пытаясь истолковать себе случившееся, однако последующие события постепенно сделали его смысл достаточно ясным и очевидным. Карл издал декларацию (26 декабря) — якобы затем, чтобы смягчить чрезмерную строгость Акта о единообразии. Выразив непреклонную решимость соблюдать акт о всеобщей амнистии, а опору собственного трона искать не в военной силе, но единственно в преданности и любви своих подданных, он упомянул об обещании свободы совести, которое содержалось в его Бредской декларации. «И если прежде всего прочего (присовокупил к сказанному король) он потщился установить единообразие в обрядах, дисциплине и управлении Церкви Англии, каковое единообразие он твердо намерен сохранять и впредь; то, что касается наказаний для тех, кто, будучи сбиты с толку ложно понятыми сомнениями своей религиозной совести, отказываются подчиняться упомянутой церкви и поклоняются Господу по-своему, но при этом ведут себя мирно и благопристойно, не нарушая общественный порядок и не вводя в соблазн других, ему, королю, надлежит взять на себя особую заботу о том, чтобы, насколько это в его силах, и не посягая на свободу парламента, на ближайших сессиях последнего побудить мудрость обеих палат оказать ему содействие в принятии такого акта на сей счет, который позволил бы ему, к более общему, чем прежде, удовольствию подданных, осуществлять свое право освобождать от наказаний и обязательств, предусмотренных законом; право, являющееся, по его разумению, неотъемлемым достоянием короны».[146] В данном случае король использовал чрезвычайно важную прерогативу, однако, желая уклониться от всестороннего обсуждения свои притязания и избежать разрыва с парламентом, весьма ловко прикрыл ее различными оговорками и умолчаниями. Истинный смысл этой меры, чреватой далеко идущими последствиями, лежал гораздо глубже.

За годы изгнания король усвоил сильнейшее пристрастие к католической религии и, согласно самым правдоподобным сообщениям, успел

тайно совершить акт формального примирения с Римской Церковью. Парламентская партия выказывала бешеную ненависть ко всем папистам без исключения, что неизменно побуждало двор и всех роялистов, назло своим врагам, с большей благосклонностью относиться к этой секте, в продолжение всех гражданских войн мужественно и энергично защищавшей права монарха. Неумолимая строгость, с которой столкнулся король во время своего пребывания в Шотландии со стороны пресвитериан, также толкала его к противоположной крайности, внушая искреннее расположение к партии, по духу своему наиболее далекой от мрачной суровости этих фанатиков. Бесконечные просьбы и уговоры королевы-матери; заразительное влияние общества, в котором он вращался, знакомство с более пышным и величественным богослужением; надежда на то, что он сможет теперь без особых стеснений предаваться всякого рода удовольствиям, — все это оказывало могущественное воздействие на молодого государя, по беспутству и легкомыслию своего нрава совершенно не способного строго держаться тех правил, в которых его некогда воспитывали. Но если беспечность Карла весьма облегчила его переход в папизм, то эта же черта характера никогда не позволяла теологическим догмам упомянутой секты сколько-нибудь прочно внедриться в его сознание. Когда король был вполне здоров, когда кровь его была горяча, а дух бодр, умом его владело презрительное равнодушие ко всем религиям на свете, и он заслуживал, скорее, имени деиста, а не католика. Однако при резких переменах настроения, когда страсть к зубоскальству уступала место холодным раздумьям, а его острый, хотя и ленивый ум омрачался страхами и опасениями, религиозные чувства Карла вдруг становились более серьезными, и та секта, которая всегда владела его склонностями, подчиняла себе в эти минуты его разум и суждение.[147]

Таким образом, король в течение всего своего царствования постоянно колебался между неверием, которое он исповедовал более открыто, и папизмом, к которому сохранял тайную слабость; зато брат его, герцог Йоркский, с энтузиазмом усвоил все принципы этой теологической секты. Горячий нрав и ограниченные способности превратили его в ревностного католика, чей пыл новообращенного оставался совершенно чужд любым сомнениям, которые проистекали бы из разумного исследования, и даже всякой осторожности, обусловленной верным пониманием собственных интересов. Усердие и трудолюбие доставили Якову немалое влияние на короля, который, хотя и обладал гораздо большей проницательностью и умом, был всегда рад переложить бремя государственных дел на герцога, не вызывавшего у него особой зависти и подозрений как соперник. Под предлогом облегчения судьбы диссентеров-протестантов они задумали ввести в Англии всеобщую веротерпимость и предоставить католикам право свободного отправления своего культа, по крайней мере частным образом, в собственных жилищах. Братья со злорадством наблюдали, как весьма значительная и популярная в народе часть духовенства упорно отказывается признавать авторитет англиканской церкви, и

втайне надеялись, что, прикрывшись заботой об интересах диссентеров, им удастся оказать защиту и покровительство немногочисленной секте католиков, столь ненавистной для прочих англичан.

Но хотя король ссылался на свое прежнее обещание веротерпимости и приводил множество других, казалось бы, весьма убедительных доводов, парламент, возобновивший свои заседания вскоре после обнародования декларации (18 февраля), никак не мог согласиться с предложенной мерой. Объявленное намерение облегчить положение диссентеров и тайный замысел облагодетельствовать католиков были для парламента равно неприемлемы, и в этом предубеждении его поддерживали сами королевские министры, в особенности канцлер. Недовольная палата общин заявила королю, что его Бредская декларация не содержит в себе никаких обещаний пресвитерианам и прочим диссентерам, но единственно лишь выражение его, короля, намерений, которые, как в ней предполагается, должен еще одобрить парламент; что если бы даже нонконформисты имели право ссылаться на его обещание, то ведь обеспечение этого своего права, равно как и всех прочих своих вольностей и привилегий, они доверили членам палаты общин, которые являются их законными представителями и которые теперь освобождают короля от упомянутого обязательства; что не следует полагать, будто Его Величество и обе палаты парламента связаны названной декларацией настолько, что они уже не имеют права принимать какие-либо законы, ей противоречащие; что и на момент реставрации короля оставались в силе законы о единообразии, освободить от соблюдения которых мог лишь специальный акт парламента; и наконец, что задуманное снисхождение обернется самыми пагубными последствиями как для церкви, так и для государства, ибо оно откроет путь расколу, поощрит раздоры, нарушит общественный порядок и подорвет веру в мудрость законодательной власти. После этого протеста король рассудил за благо более не настаивать на своем проекте веротерпимости.

Чтобы лишить католиков всяких надежд, палаты подготовили против них совместную ремонстрацию. Король дал на нее милостивый ответ, хотя и не поколебался открыто выразить свою признательность многим лицам этого исповедания за верную службу ему и его отцу. Вскоре приличия ради издали декларацию-прокламацию против иезуитов и католических священников, позаботившись, однако, о том, чтобы самые выражения, в которых она была составлена, лишили ее действительной силы. Парламент согласился сделать исключение для всех священников-иностранцев, принадлежавших ко дворам обеих королев, и позволил им и далее находиться в Англии. В прокламации намеренно опустили слово «иностранные», и таким образом королевы получили право оказывать покровительство стольким священникам-англичанам, скольким они найдут нужным.

Желая извлечь хоть какую-то выгоду из своих уступок, пусть даже весьма лицемерных, король уговорил палату общин вернуться к вопросу о его доходах, которые, главным образом из-за нерадения в сборе ассигнованных средств, оказались, по его словам, совершенно несоответствую-

щими финансовым нуждам государства. Несмотря на продажу Дюнкерка, его долги, жаловался король, по-прежнему составляют значительную сумму, а чтобы убедить общины в том, что ранее вотированные средства не были бездумно растранжирены, он изъявил готовность представить им полный отчет о своих тратах. Все, однако, признают, что хотя в изгнании Карл весьма разумно и экономно распоряжался теми скудными и ненадежными средствами, которые удавалось ему тогда раздобыть, теперь добродетель бережливости сильно в нем потускнела, и он уже не мог как следует соразмерять свои издержки со своими королевскими доходами. Общины, не входя в слишком дотошные расследования, вотировали ему четыре субсидии — это был последний случай, когда налоги взимались подобным образом.

На этой же сессии был принят ряд законов о торговле. Кроме того, парламент рассмотрел вопрос о милиции, сделав несколько распоряжений относительно ее вооружения и устройства. Он, в частности, постановил, что король не вправе держать милицию под ружьем более двух недель в году. Географическое положение нашего острова вместе с могуществом английского флота всегда служили причиной того, что прочими средствами обороны государства, даже самыми необходимыми, у нас до крайности пренебрегали; и парламент, опасавшийся, как бы король не взялся чересчур усердно обучать милицию, выказал в данном случае неуместную бдительность. Принципы свободы требуют, пожалуй, бдительности противоположного свойства.

Отношения графа Бристоля[169] и Кларендона, неизменно остававшиеся теплыми и дружескими, пока сами они жили в изгнании, а королевскую партию преследовали неудачи, заметно испортились после Реставрации, когда канцлер отказался удовлетворить ходатайства Бристоля в пользу одной придворной дамы; и вскоре этот вельможа, человек вспыльчивый и горячий, обрушился на министра с самыми яростными и оскорбительными нападками. Он даже выдвинул против Кларендона в палате пэров обвинение в государственной измене, но действовал при этом так опрометчиво и бестолково, что судьи, к которым обратились за консультацией, объявили, что ни по своему содержанию, ни по форме это обвинение с точки зрения закона не может быть принято к рассмотрению. В самом деле, его статьи напоминают скорее бессвязные ругательства разгневанного врага, нежели серьезные доводы, достойные обсуждения в суде; и сам Бристоль был настолько пристыжен полной неудачей своей глупой выходки, что на некоторое время удалился от общества. Несмотря на свои блестящие дарования, красноречие, энергию и мужество, он уже никогда не смог загладить последствия этого необдуманного и опрометчивого поступка и вернуть себе доброе имя.

ВЛИЯНИЕ КЛАРЕНДОНА ИДЕТ НА УБЫЛЬ

Но хотя Кларендон сумел увернуться от этого плохо рассчитанного удара, его влияние при дворе видимым образом падало, и по мере того как король прочно утверждался на престоле, он все сильнее охладевал к министру, чей характер явно не гармонировал с его собственным. Благоволение Карла к католикам неизменно вызывало резкое противодействие Кларендона; любые покушения на общественную свободу, предпринимавшиеся слишком рьяными роялистами, встречали с его стороны решительный отпор; расточительную щедрость короля он всячески пытался обуздать или ограничить; наконец, канцлер так ревниво заботился о собственном достоинстве и репутации, что, подобно своему другу Саутгемптону, взял себе за неизменное правило не вступать в какие-либо отношения с королевскими любовницами. Фавориткой короля была тогда миссис Палмер, впоследствии получившая титул герцогини Кливленд, женщина расточительная, жадная, распутная, мстительная и злобная. Со своей стороны, она задалась целью подорвать авторитет Кларендона в глазах его господина и, как стало теперь очевидно всем и каждому, весьма в том преуспела. Государственный секретарь Николас, близкий друг канцлера, был смещен со своей должности; назначили же на этот высокий пост Гарри Беннета, его открытого врага. Вскоре Беннет был возведен в звание лорда Арлингтона.[170]

Хотя со времени Реставрации образ действий короля оставался в целом весьма похвальным, люди проницательные начали замечать, что прочность тех достоинств, коими он поначалу так обворожил и ослепил нацию, явно уступает их внешнему блеску. Недюжинный ум Карла не приносил большой пользы из-за его лени и нерадивости; щедрость короля объяснялась скорее беспечным и покладистым нравом, нежели истинным великодушием; страсть к веселым компаниям часто заставляла его забывать о достоинстве монаршего сана; любовь к удовольствиям не умерялась должным понятием о благопристойности; и хотя, на первый взгляд, ко всем окружающим он относился с величайшей доброжелательностью, сердце его едва ли было способно к дружбе и в глубине души он не доверял людям, имея о роде человеческом весьма невысокое мнение.

Но всего более репутацию короля в глазах разумных людей пятнали его равнодушие и неблагодарность к несчастным роялистам, в свое время с беспредельным рвением служившим делу монархии и столько за него пострадавшим. Впрочем, те обстоятельства, в которых оказался король, равно как и его личный характер, могут, по крайней мере, отчасти оправдать его поведение. Поскольку он был восстановлен на троне в большей степени усилиями примирившихся с ним прежних врагов, нежели трудами старых и преданных друзей, то первые полагали себя вправе притязать на известную долю его благосклонности; а практический опыт управления государством делал их более подходящими кандидатами на любые

высокие должности. Королевские доходы были весьма скудными: их не хватало даже для покрытия необходимейших расходов; к тому же покладистый и легкомысленный король не имел привычки в чем-либо отказывать любовницам и товарищам своих веселых пирушек и развлечений. Самая нищета, в которую впали ревностнейшие из роялистов, лишив их всякого веса и влияния, сделала этих людей бессильными чем-либо поддержать политику короля, и последний видел в них теперь лишь бесполезную обузу. А поскольку многие, распространяясь о своих прежних заслугах, попросту лгали или предъявляли совершенно нелепые притязания, то Карл, по природной своей лености, относился ко всем просьбам с одинаковым равнодушием, не чувствуя никакого желания заниматься дотошными разбирательствами. Парламент до известной степени вошел в положение бедствующих кавалеров: им выделили единовременно 60 000 фунтов, кроме того, миссис Лейн и семейство Пендерелей получили щедрые подарки и пенсии от короля. И все же большая часть роялистов по-прежнему терпела нужду, а жестокое крушение слишком радужных надежд вместе с сознанием того, что не они, а их давние недруги удостоились теперь высоких чинов и милостей, делали их страдания еще более мучительными. По поводу «акта об амнистии и забвении» они в один голос утверждали, что эта амнистия предназначалась для врагов короля, забвение же — для его друзей.

Глава V (XX)

Новая сессия парламента. — Разрыв с Голландией. — Следующая сессия парламента. — Победа англичан. — Разрыв с Францией. — Разрыв с Данией. — Новая сессия. — Четырехдневное морское сражение. — Победа англичан. — Лондонский пожар. — Попытки заключения мира. — Чатамский позор. — Бредский мир. — Падение Кларендона. — Его изгнание. — Состояние Франции. — Характер Людовика XIV. — Вторжение французов в Испанские Нидерланды. — Переговоры. — Тройственная лига. — Ахенский мир. — Шотландские дела. — События в Ирландии

На следующей сессии парламента, открывшейся 16 марта, восторжествовали те же принципы, что и на предыдущей: монархия и церковь вновь стали предметом верноподданнического благоговения и ревностной заботы. Ни в один другой период царствования Карла II дух этот не переходил столь явным образом всякие границы умеренности и благоразумия.

Король в своей речи к парламенту осмелился открыто потребовать отмены Трехгодичного акта[171] и, более того, заявил, что, невзирая на закон, он никогда не позволит созывать парламенты в соответствии с порядком, предписанным данным статутом. Парламент же, нимало не оскорбившись дерзкими словами короля, отменил названный закон и вместо всех ранее установленных четких гарантий удовольствовался расплывчатой статьей о том, что «перерывы в работе парламентов не должны превышать трех лет». Поскольку английский парламент уже возвысил себя к тому времени до положения органа, чья прямая задача — надлежащим образом контролировать и ограничивать королевскую власть, то совершенно ясно, что ему следовало сохранить правильные гарантии своего регулярного созыва, а не полагаться в этом всецело на добрую волю короля, у которого, если им окажется человек дерзкий и честолюбивый, едва ли найдутся особые причины испытывать симпатии к этим собраниями. Еще в царствование Карла II нация имела случай почувствовать, и весьма живо, печальные последствия отмены Трехгодичного акта.

Согласно Акту о единообразии, всякое духовное лицо, осмелившееся совершать богослужение, не имея на то соответствующего права, подле-

жало каре в виде штрафа и тюремного заключения; теперь, однако, решили, что этой охранительной меры для церкви недостаточно. Парламент постановил, что если где-либо на религиозное собрание сойдется более пяти человек (кроме хозяина и его домочадцев), то на первый раз каждый из них должен быть наказан тремя месяцами тюрьмы или штрафом в пять фунтов, во второй раз — шестью месяцами тюрьмы или штрафом в десять фунтов; в третий же раз — семилетней ссылкой в колонии или штрафом в сто фунтов. В данном случае парламент думал единственно лишь о зловредном упрямстве сектантов; между тем ему следовало бы обратить свои взоры дальше, на главную причину подобного упрямства, а именно на те притеснения, от которых страдали английские диссиденты.

Кроме того, парламент постановил, что обиды, бесчестья и оскорбления, коим подвергают англичан подданные Соединенных Провинций, являются величайшей помехой для всякой торговли с заграницей, и изъявил готовность, не щадя жизни и состояния, оказывать королю помощь в защите прав его короны от любых посягательств извне. Это был первый открытый шаг к войне с Голландией, и нам следует объяснить причины и мотивы этой меры.

РАЗРЫВ С ГОЛЛАНДИЕЙ

Прочный союз и совершенное согласие, которые вот уже около семидесяти лет, почти не смущаемые взаимной завистью и подозрительностью, существуют между Англией и Голландией, основаны не столько на естественных и незыблемых интересах этих государств, сколько на их страхе перед растущим могуществом французской монархии, которая, не действуй эти державы заодно, быстро подчинила бы своему господству всю Европу. Но в первые годы царствования Карла, когда честолюбивый дух Людовика еще не обнаружился в полной мере, а сила Франции оставалась во многом неведомой для самих французов, острое торговое соперничество, не сдерживаемое общими опасениями и угрозами, породило в Англии сильнейшую враждебность к соседней республике.

Торговля уже начала превращаться для англичан в предмет всеобщей заботы, но, несмотря на все их усилия и преимущества, по-прежнему казалось, что английская коммерция не утверждена на по-настоящему прочном основании. Голландцы, которые благодаря своей ловкости, бережливости и трудолюбию, могли на всех рынках продавать собственные товары дешевле, чем англичане, сохраняли господство в самых прибыльных отраслях коммерции; и английские купцы с величайшей досадой убеждались в том, что из-за неусыпной бдительности конкурентов все их старания расширить свою торговлю по-прежнему оборачиваются убытками и позором. Возмущение их еще более возрастало, когда они вспоминали о превосходстве военного флота Англии, о доблести ее офицеров и матро-

сов, а также о выгодном положении острова, позволявшем в случае необходимости полностью нарушить торговые связи Голландии. Соблазнительная мысль об этих преимуществах, вместе с иными могущественными мотивами, проистекавшими скорее из холодного политического расчета, нежели из чувства справедливости, толкала англичан к войне со Штатами, дабы за один раз силой отнять то, чего они не смогли бы добиться (разве что чрезвычайно медленно и постепенно), превзойдя голландцев в усердии и искусстве как коммерсанты.

Беспечный и чуждый честолюбивым мечтаниям король едва ли был способен задумать такой грандиозный план, как завоевание господства на морях и полного контроля над европейской торговлей, и все же столь очевидные и заманчивые перспективы не могли оставить совершенно равнодушным и его. Интерес к механике, в свое время, по счастью, привитый Карлу, побудил его всерьез изучить морское дело, и потому из всех областей человеческой деятельности он лучше всего разбирался в вопросах военного флота, столь близких его сердцу. Когда Карл жил в изгнании, голландцы выказали ему больше знаков любезности и дружеского участия, чем любая другая иностранная держава; теперь, однако, республикой управляла партия Лувстейна, или купеческой олигархии, вступившая в тесный союз с Францией, и если бы ее удалось одолеть, то Карл мог бы надеяться, что его племянник, юный принц Оранский,[172] будет восстановлен у власти, которой обладали его предки, и подчинит политику Штатов интересам Англии. Скудные доходы короля по-прежнему вынуждали его учитывать настроения народа, который теперь страстно желал войны; кроме того, имелись подозрения (впоследствии, впрочем, не подтвердившиеся фактами), что соблазнительная возможность употребить дли личных нужд некоторую часть парламентских военных субсидий также не осталась не замеченной стесненным в средствах монархом.

Герцог Йоркский, человек более деятельный и предприимчивый, добивался войны с Голландией гораздо энергичнее, чем король. Он искал возможности отличиться, он заботился о поощрении торговли; он стоял во главе вновь созданной Африканской компании, чьи коммерческие интересы до крайности ущемлялись голландскими колониями; не исключено также, что религиозные предрассудки Якова, всегда имевшие над ним огромную власть, уже в то время начали внушать ему глубокую неприязнь к протестантской республике, главной твердыне Реформации. Кларендон и Саутгемптон, видя, что Англия не может опереться на союз с какой-либо иностранной державой, выступали против военных мер, но их влияние уже шло на убыль.

Совместное действие этих причин склонило двор и парламент в пользу войны с Голландией. Парламент был отсрочен (17 мая), хотя субсидии королю еще не были вотированы, однако вышеупомянутый протест против голландских посягательств, принятый по внушению короны, но без каких-либо открытых обращений с ее стороны, можно было с полным основанием счесть достаточной санкцией решительных мер, задуманных правительством.

Даунинг, английский посланник в Гааге, человек горячего и надменного нрава, представил Штатам меморандум с перечислением актов насилия, на которые жаловались англичане. Характерно, что все так называемые «грабежи и захваты» предшествовали по времени 1662 году, когда был возобновлен договор о союзе с Голландией; и жалобы эти были сочтены столь необоснованными или столь пустячными, что их даже не упомянули в тексте договора. Англичане потребовали тогда возмещения убытков за два корабля — «Бонавенчер» и «Гуд Хоуп», и стороны решили, что соответствующий иск будет рассмотрен в обычном судебном порядке. Штаты заранее выделили специальную сумму на тот случай, если процесс будет ими проигран, но к 1664 году он еще не завершился. Кэри, которому владельцы «Бонавенчера» поручили защищать их интересы на процессе, решил принять предложенную голландцами компенсацию в 30 000 фунтов, но тут вмешался Даунинг, заявивший ему, что выставленный англичанами иск касается не интересов частных лиц, а отношений между двумя государствами.[148] Все эти обстоятельства едва ли могут служить аргументом в пользу справедливости английских претензий.

Меморандумами и протестами Карл не ограничился. Сэр Роберт Холмс с эскадрой из 22 кораблей был тайно отправлен к африканскому побережью. Он не только изгнал голландцев с Кейп-Корса, на который англичане заявляли свои права, но и захватил голландские колонии на Кабо-Верде и острове Гори, а также несколько торговых судов, находившихся в этих водах. Отплыв затем в Америку, он завладел Новой Бельгией, впоследствии названной Нью-Йорком, — территорией, которую Яков I пожаловал своей грамотой графу Стерлингу, но где никогда не существовало никаких других поселений, кроме голландских. Когда же Штаты пожаловались на эти враждебные акты, король, не желая признавать то, что не поддавалось оправданию, заявил, что ему-де решительно нечего не известно об экспедиции Холмса. Он даже посадил адмирала в Тауэр, но вскоре выпустил его на свободу.

Понимая, что их ходатайства о возмещении ущерба едва ли будут удовлетворены англичанами и что последние упорно ищут повода для ссоры, голландцы начали усердно вооружаться. Они даже прибегли, надо сказать, несколько поспешно, к решительным действиям, которые ускорили окончательный разрыв. Ранее для совместного вразумления пиратских государств варварийского побережья в Средиземное море были посланы эскадры сэра Джона Лоусона и де Рюйтера; и теперь приближался срок, когда им следовало разделиться и возвращаться в отечественные воды. Штаты направили де Рюйтеру секретный приказ: запастись в Кадисе провиантом, а затем, двинувшись к Гвинейскому побережью, отомстить англичанам, восстановив власть голландцев над теми поселениями, откуда их изгнал Холмс. Де Рюйтер, имевший на борту своей эскадры значительные силы, не встретил в Гвиане никакого сопротивления. Все новые завоевания англичан, кроме Кейп-Корса, были у них отняты, они лишились даже ряда своих старых колоний; кроме того, де Рюйтер захватил несколь-

ко английских судов. Затем голландский адмирал отплыл к берегам Америки и атаковал Барбадос, но его нападение было отражено, после чего де Рюйтер совершил враждебные действия против Лонг-Айленда.

Англичане между тем продолжали усердно и энергично готовиться к войне. Король еще не получил субсидий от парламента, однако, используя собственные средства и займы, он смог приняться за снаряжение флота; лондонский Сити ссудил его 100 000 фунтов, воинственное настроение нации содействовало его приготовлениям; Карл сам ездил из порта в порт, тщательно инспектируя ход работ и воодушевляя их участников, и уже вскоре английский флот превратился в грозную силу. Утверждается, что на морские вооружения было израсходовано 800 000 фунтов. Когда же возвратившийся в Англию Лоусон сообщил о своих подозрениях по поводу действий де Рюйтера, был издан приказ захватить все голландские корабли, и 135 судов попало в руки англичан. Их объявили призами лишь после официального начала войны.

НОВАЯ СЕССИЯ

Вновь собравшийся на свои заседания парламент (24 ноября) выделил Карлу субсидию, гораздо более крупную, чем все те, которые когда-либо предоставлялись английским королям, однако едва достаточную для нынешних нужд. В течение трех лет посредством поквартальных платежей надлежало собрать около 2 500 000 фунтов. Алчность купцов вместе с блестящими надеждами на успех внушали всей нации пылкое желание сразиться с голландцами.

На этой же сессии решено было в корне изменить порядок обложения духовенства. Почти во всех континентальных монархиях собрания, чье согласие требовалось для принятия законов, состояли из трех сословий — духовенства, дворянства и общин; они образовывали три члена политического тела, главой которого считался король. В Англии в парламенте также всегда видели совокупность трех сословий, но их представители никогда не были отделены друг от друга так резко, как в прочих королевствах. Правда, конвокация заседала обычно одновременно с парламентом, но она не имела права вето по отношению к принимаемым законам и не притязала на какие-либо светские полномочия, кроме власти облагать налогами духовенство. Король, назначавший на высшие церковные должности, оказывал тем самым на духовных лиц более сильное влияние, чем на мирян, так что субсидии, предоставляемые ему конвокацией, как правило, превосходили по размерам те, которые вотировал парламент. По этой причине церковь проявила готовность молчаливо отказаться от права самообложения и позволить общинам облагать доходы духовенства точно так же, как облагали они остальных подданных короля. В награду за эту уступку ее освободили от уплаты двух субсидий, уже утвержденных конвока-

цией, а приходским священникам разрешили участвовать в выборах Так англиканская церковь обменяла власть на материальную выгоду Ее конвокации, утратившие с тех пор всякое значение в глазах короны, в последнее время созываются крайне редко

Между тем голландцы с величайшим сожалением видели, как неотвратимо приближается война — война, грозившая им самыми ужасными последствиями, но не обещавшая в случае успеха ни малейшей выгоды Прежде чем прибегнуть к крайним мерам, они сделали все, чтобы мирно договориться с англичанами Голландской политикой руководил в то время Ян де Витт, министр, равно знаменитый своим глубоким умом, неутомимым усердием и безукоризненной честностью Скромный и умеренный в частной жизни, он умел выказывать в общественных делах величие духа, подобающее министру могущественной державы Де Витт твердо держался того принципа, что ни одно правительство независимого государства не должно идти на уступки другому правительству в тех вопросах, где разум и справедливость явным образом находятся на его стороне, и что подобные уступки, совершенно бессильные предотвратить войну, лишь подстрекают соперника к новым оскорблениям и притязаниям Благодаря его усилиям удалось сохранить дух единства всех провинций, собрать значительные денежные средства, а также подготовить флот, состоявший из более крупных кораблей, чем те, которые когда-либо строились в Голландии, и способный вступить в противоборство с морскими силами Англии

ПОБЕДА АНГЛИЧАН. 1665

Как только были получены достоверные известия о действиях де Рюйтера, Карл объявил Штатам войну (22 февраля) Его флотом, состоявшим из ста четырнадцати кораблей, не считая брандеров и кечей, командовал герцог Йоркский, которому подчинялись принц Руперт и граф Сандвич. Общая численность экипажа достигала двадцати двух тысяч человек Адмирал Опдам, командовавший голландским флотом, почти равным английскому по силе, не стал уклоняться от битвы В самый разгар сражения (3 июня), когда противники сошлись в ближнем бою, корабль Опдама взорвался Это несчастье совершенно обескуражило голландцев, которые начали в беспорядке отходить и своим берегам И только доблестный Тромп, сын прославленного адмирала, павшего в прошлую войну, продолжал со своей эскадрой сдерживать натиск англичан, прикрывая, таким образом, отступление своих соотечественников У побежденных было потоплено и захвачено неприятелем девятнадцать кораблей, победители потеряли всего лишь один Сэр Джон Лоусон вскоре скончался от полученных в этом бою ран

Утверждают и, на первый взгляд, не без оснований, что победа могла бы стать еще более полной, если бы не распоряжение сбавить ход, поступившее от Брункера, одного из приближенных герцога, сославшегося при этом на приказ своего господина. Герцог же упорно твердил, что он не отдавал подобного приказа, но Брункер так и не понес надлежащего наказания за свою безрассудную выходку.[149] Все, однако, признают, что в этом сражении герцог проявил незаурядное мужество. Долгое время Яков находился в самом пекле, под яростным огнем неприятеля, а в какой-то момент был с ног до головы залит кровью графа Фалмута, лорда Маскерри и м-ра Бойля, разорванных на части одним ядром в непосредственной близости от него. Да и трудно поверить, чтобы в ходе преследования наголову разбитого врага, когда даже люди младшие по чину и весьма трусливые по характеру превращаются обыкновенно в храбрецов, их командир вдруг пал духом и, видя тыл того самого неприятеля, которому он совсем недавно смело смотрел в лицо, уклонился от дальнейший схватки.

Эта катастрофа повергла голландцев в ужас и побудила де Витта, который был душой всех их предприятий, использовать свои военные полномочия, дабы вселить новое мужество в дрогнувших соотечественников. Он взошел на борт флагманского корабля, принял командование над флотом и быстро ликвидировал все последствия недавнего поражения. Человек этот обладал на редкость обширными талантами. В самый краткий срок он превратился в столь блестящего знатока морской науки, что можно было подумать, будто изучал он ее с детских лет; более того, он предложил ряд усовершенствований в лоцманском деле и в искусстве управления парусами, превзошедших все то, чего сумели достигнуть самые сведущие в этих областях люди.

РАЗРЫВ С ФРАНЦИЕЙ

Неудачи голландцев побудили их союзников оказать им содействие и поддержку. Король Франции состоял со Штатами в оборонительном союзе, но поскольку флот его был еще слишком молод и слаб, то Людовик не испытывал тогда ни малейшего желания ввязываться в войну с таким грозным противником, как Англия. Долгое время он прилагал усилия к тому, чтобы склонить ее к миру со Штатами, для чего направил в Лондон посольство, которое, однако, вернулось во Францию, так ничего и не добившись. Между тем лорд Голлис, английский посланник в Париже, попытался привлечь Людовика на сторону Англии и от имени своего владыки сделал ему самые заманчивые предложения. Карл соглашался полностью уступить французам Испанские Нидерланды, не претендуя для себя даже на клочок земли, — при условии, что Людовик позволит ему до конца использовать свои успехи в войне с голландцами.[150] Но хотя захват этой важной и богатой территории являлся главной целью его честолюбивых

стремлений, французский монарх отклонил данное предложение как противное его интересам. Он полагал, что если англичане добьются безраздельного господства на морях и в торговле, то они быстро смогут сделать его новые приобретения слишком дорогим удовольствием. Когда де Лионн, французский секретарь, сказал посланнику Штатов ван Бейнингену, что его повелителя вот уже полгода настойчиво соблазняют этим предложением, голландец ответил: «Охотно верю, ведь это, как я понимаю, в прямых интересах Англии».[151]

Таковы были общепринятые правила эпохи в отношении выгод и интересов государей. Следует, однако, согласиться, что Карл, выдвигая это предложение, совершил политически весьма рискованный шаг. Крайняя слабость Испании обещала французам легкие и верные завоевания, между тем сила и энергия голландцев, как можно было предвидеть уже тогда, сделали бы конечный успех англичан гораздо более сомнительным. И даже полностью уничтожив военный флот Голландии, англичане не имели бы никаких оснований ожидать, что неизбежным следствием этого станет переход в их руки голландской торговли, ведь торговля вовсе не является всегдашним спутником военной мощи государства, но зависит от множества других, порой весьма тонких и сложных обстоятельств.

Хотя король Франции твердо решил поддержать голландцев в их неравной борьбе, он продолжал тянуть с объявлением войны, употребляя выигранное время на подготовку собственного флота как в Атлантическом океане, так и на Средиземном море. Тем временем датский король, коему наскучило оставаться праздным наблюдателем схватки двух морских держав, принял на себя новую, в высшей степени необычную роль: он заключил с Карлом тайное соглашение, пообещав захватить все находившиеся в датских гаванях голландские суда и разделить трофеи с англичанами при условии, что последние помогут ему осуществить сей замысел. Желая увеличить будущую добычу, он коварно предложил голландцам убежище в своих портах, после чего корабли Ост-Индской флотилии, с богатым грузом на борту, вошли в Берген. Сандвич, командовавший английским флотом (герцог Йоркский сошел на берег), отправил для атаки этих судов сэра Томаса Тиддимана с эскадрой, но потому ли, что датский король задержался с присылкой соответствующих распоряжений коменданту Бергена или (что более вероятно) из-за его алчности и нежелания делиться награбленным, английский адмирал, хотя и действовавший с величайшей храбростью, потерпел неудачу (3 августа). Датский комендант приказал открыть по нему огонь, а голландцы, имевшие время подготовиться к бою, оказали ему упорное сопротивление.

РАЗРЫВ С ДАНИЕЙ

Датский король, якобы устыдившись своего поведения, заключил с английским посланником сэром Джоном Тальботом наступательный союз против Штатов; а в это самое время датский резидент в Гааге заключил по его распоряжению наступательный союз со Штатами против Англии. Последнему союзу — очевидно, из зависти к растущему морскому могуществу англичан — он и остался верен, захватив и конфисковав все английские суда, находившиеся в его портах. Это стало чувствительным ударом для Карла, уже добившегося серьезных успехов в войне с голландцами, мало того что серьезный ущерб понесла английская торговля — военно-морские силы датского короля, сами по себе весьма внушительные, могли теперь в любой момент соединиться с голландцами. Этот государь обязался помочь своему союзнику флотом в тридцать кораблей, за что ему полагалась ежегодная субсидия в 1 500 000 крон, из которых 300 000 должна была выплатить Франция.

В противовес датско-голландской лиге король попытался найти новых друзей и союзников. Он отправил в Испанию сэра Ричарда Феншоу, которого приняли там весьма холодно. До крайности ослабевшей испанской монархии угрожало французское вторжение, однако никакие доводы на свете не могли склонить Филиппа к искренней дружбе с Англией. Союз Карла с Португалией, нежелание возвращать Ямайку и Танжер, продажа Дюнкерка французам — все эти обиды переживались испанским монархом так глубоко, что любые соображения выгоды и интереса оказывались перед ними бессильными.

Единственным союзником, которым удалось обзавестись Карлу, стал епископ Мюнстерский. Этот прелат, человек неугомонного нрава и неуемного честолюбия, питал бешеную вражду к Штатам, и обещание английских субсидий *без труда склонило его к нападению на республику. Со* своим буйным воинством почти в двадцать тысяч человек он вторгся на ее территорию, не встретив при этом серьезного сопротивления: сухопутная армия Штатов была столь же слабой и плохо организованной, сколь грозным и доблестным был их флот. Но после того как войска епископа опустошили несколько провинций, его успехам был положен предел. Сам он не обладал достаточным талантом полководца, чтобы извлечь выгоду из преимуществ, дарованных ему поначалу фортуной; король Франции отрядил против него шеститысячный корпус, Англия присылала субсидии весьма неаккуратно, и его солдаты, не получая жалованья, массами разбегались; курфюрст Бранденбургский грозил вторжением в его собственное княжество; так что в конце концов епископ с радостью воспользовался посредничеством Франции и заключил мир. Как только в Англии заподозрили подобное намерение с его стороны, из Лондона примчался сэр Уильям Темпл с деньгами, дабы утвердить епископа в верности прежнему союзу, но прибыл он, как выяснилось, слишком поздно.

Воодушевленные всеми этими благоприятными обстоятельствами, голландцы с величайшей самоотверженностью и упорством продолжали борьбу. Де Рюйтер, их прославленный адмирал, возвратился из гвинейской экспедиции; Ост-Индская флотилия благополучно прибыла в отечественные порты; в их гаванях стояло теперь множество купеческих судов; партийные раздоры утихли; юный принц Оранский принял опеку со стороны штатов провинции Голландия и их пенсионария де Витта, честно и достойно исполнявшего свой долг; а глубокое возмущение нападением англичан, столь, как они полагали, вероломным и ничем не оправданным, внушило им страстное желание отомстить врагу, вместе с надеждой на то, что следующее их предприятие окажется более успешным. Энергия и решимость голландцев в защите общего дела были столь велики, что с целью полного укомплектования военного флота личным составом всем купеческим судам запретили покидать порты, и даже рыбный промысел был на время прекращен.[152]

Англичане также действовали с прежней твердостью, хотя у них к бедствиям войны добавилось еще одно, гораздо более ужасное. В Лондоне вспыхнула чума, свирепствовавшая с такой яростью, что за год ее жертвами стало почти девяносто тысяч жителей столицы. Король вынужден был созвать парламент в Оксфорде (10 октября).

НОВАЯ СЕССИЯ. АКТ О ПЯТИ МИЛЯХ

Между королем и парламентом по-прежнему сохранялось совершенное согласие. Парламент единодушно вотировал запрошенную Карлом субсидию — 1 250 000 фунтов, которые надлежало собрать за два года посредством помесячных обложений. Со своей стороны, король, желая угодить парламенту, утвердил Акт о пяти милях, подавший впоследствии повод для горестных и не лишенных основания жалоб. Под предлогом защиты монархии от покушений давних ее врагов англиканская церковь упорно стремилась дать выход собственной ненависти к нонконформистам. Парламент постановил, что ни один священник-диссентер, отказавшийся принести вышеупомянутую присягу о безусловном повиновении королю, не должен (иначе как по пути в другое место) приближаться на расстояние пяти миль к корпорации или приходу, где он проповедовал после принятия Акта об амнистии. Ослушникам грозили шесть месяцев тюрьмы и штраф 50 фунтов. Изгнание нонконформистского духовенства из его приходов, а также запрет всех не подчиненных государственной церкви религиозных конгрегаций уже отняли у них возможность зарабатывать себе на жизнь своей духовной профессией. Теперь же, под видом удаления диссентеров из тех мест, где их влияние могло бы оказаться опасным, нашли способ лишить их всяких средств к существованию. Если

бы дух нации не изменился, то за этими суровыми мерами непременно последовали бы самые жестокие гонения.

Несмотря на явное преобладание сторонников англиканской иерархии, у этого закона нашлись противники. Помимо нескольких пэров, приверженцев старой парламентской партии, недовольство упомянутыми мерами выразил Саутгемптон, хотя он и был большим другом Кларендона. Но церковная партия, нисколько не обескураженная противодействием, внесла в палату общий билль, обязывавший всю нацию принести присягу о безусловном непротивлении королю. Его отклонили большинством всего лишь в три голоса. После этой короткой сессии парламент был отсрочен (31 октября).

ЧЕТЫРЕХДНЕВНОЕ МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ. 1666

После того как Франция объявила войну, явное превосходство сил *перешло к противникам Англии. Последняя, однако, благодаря своему* географическому положению обладала важным преимуществом: находясь между неприятельскими флотами, она могла предотвратить их соединение быстрыми и хорошо продуманными операциями собственных морских сил. Но столь неудачно командовали ее флотоводцы или, может быть, столь неразумно действовали ее министры, что данное обстоятельство обернулось скорее во вред англичанам. Несколько ранее Людовик приказал своему адмиралу герцогу Бофору выйти из Тулона, и теперь, как все полагали, его эскадра, состоявшая более чем из сорока кораблей,[153] приближалась к Каналу. На соединение с ней шел голландский флот из семидесяти шести вымпелов под начальством де Рюйтера и Тромпа. Английский флот — не более семидесяти четырех кораблей — возглавляли герцог Албермарл и принц Руперт. Албермарл, которого прежние победы в годы протектората приучили смотреть на неприятеля слишком уж свысока, предложил отправить принца Руперта с двадцатью кораблями против герцога Бофора. Сэр Джордж Аскью, отлично знакомый с мужеством и воинским искусством де Рюйтера, решительно воспротивился столь безрассудному плану, но авторитет командующего в конце концов взял верх. С оставшимися у него силами Албермарл двинулся против голландцев, намереваясь дать им бой, а те, заметив приближавшихся к ним на всех парусах англичан, начали спешно рубить канаты и готовиться к схватке. Разгоревшееся затем сражение как по своей необыкновенной продолжительности, так и по отчаянной храбрости его участников является одной из самых достопамятных битв, о которых повествует нам история. Доблесть Албермарла отчасти искупила вину его же опрометчивости. Едва ли какой-нибудь юноша, воодушевляемый пылкими надеждами и мечтами честолюбия, мог бы выказать ту бешеную энергию, какую проявил тогда этот человек, находившийся на склоне лет и уже достигший вершины сла-

вы Мы не станем входить в излишние подробности сражения достаточно будет вкратце рассказать о главных боевых эпизодах каждого дня

В первый день (1 июня) вице-адмирал сэр Уильям Беркли,[74] командовавший авангардом, оказался в самой гуще вражеского флота, сломленный численным превосходством, он был разбит, а его корабль захвачен неприятелем Самого Беркли, залитого кровью, нашли мертвым в его каюте Англичане шли с наветренной стороны, но поскольку ветер был так силен, что они не могли использовать орудия нижней палуби, то это преимущество не принесло им большой пользы Впрочем, голландские ядра поражали главным образом их паруса и такелаж, так что лишь немногие английские корабли были потоплены или тяжело повреждены Бортовой залп «цепочкой» был тогда еще новшеством, изобретение которого обычно приписывали де Витту В этот день особо отличился сэр Джон Хармен Голландский адмирал Эвертц, вступивший с ним в бой, был убит Ночь разделила сражающихся

На второй день ветер несколько стих, и сражение стало еще более яростным и ожесточенным Теперь англичане убедились, что даже величайшая доблесть не способна уравновесить численное превосходство неприятеля, если им умело руководят и если сам он отнюдь не лишен мужества Де Рюйтер и ван Тромп, соперники в славе и противники в политике, всячески стремились превзойти друг друга Верх в этом благородном состязании взял де Рюйтер он прорвался на выручку своему сопернику и спас его, когда тот, окруженный со всех сторон англичанами, находился в отчаянном положении В ходе сражения к голландцам присоединились еще шестнадцать судов, англичане же понесли такой урон, что, располагая теперь всего лишь двадцатью восемью боеспособными кораблями, вынуждены были начать отход к своему побережью Голландцы устремились за ними в погоню и уже готовы были возобновить схватку, когда полное безветрие, наступившее перед самым заходом солнца, лишило их этой возможности

На следующее утро англичанам пришлось продолжить отступление и они приняли необходимый для этого строй Тяжело поврежденным кораблям приказано было идти впереди, а шестнадцать наименее пострадавших, готовых в любой момент дать отпор неприятелю, в полном порядке следовали за ними Замыкал английский арьергард сам Албермарл, сохранявший перед лицом победоносного врага прежнюю невозмутимость и отвагу На борту флагмана находился тогда граф Оссори, сын Ормонда, храбрый юноша, искавший славы и боевого опыта на полях сражений всей Европы Албермарл открыл ему свое намерение взорвать корабль и погибнуть со славой, но только не сдаваться голландцам Отчаянная решимость адмирала привела Оссори в восторг

Примерно в два часа дня голландцы сблизились с неприятелем и уже готовы были возобновить сражение, когда с южной стороны показался какой-то новый флот, на всех парусах спешивший к месту боя Голландцы льстили себя надеждой на прибытие Бофора, который должен был теперь

отрезать побежденным путь к отступлению; англичане уповали на то, что явился принц Руперт, готовый склонить чашу весов в их пользу. Албермарл, уже получивший известие о приближении эскадры принца, двинулся ему навстречу. К несчастью, сэр Джордж Аскью на своем 100-пушечном корабле, крупнейшем в английском флоте, налетел на мель близ Галлопера, а его боевые товарищи, спешившие на соединение с Рупертом, уже ничем не могли ему помочь. Он лишен был даже последнего утешения — умереть со славой, отомстив за свою смерть врагам. Голландцы начали готовить брандеры для атаки, и сэру Джорджу не оставалось ничего другого, как спустить флаг. Английские матросы, видя неизбежность капитуляции, сдались в плен с величайшей досадой и возмущением.

Теперь Албермарл и принц Руперт решили идти навстречу неприятелю, и на следующее утро сражение возобновилось; силы противников почти уравнялись, их доблесть осталась прежней. После долгой канонады оба флота сошлись в ближнем бою, который продолжался с бешеным ожесточением, пока их не развел туман. Англичане первыми отступили в свои гавани.

Хотя англичане своим непоколебимым мужеством снискали себе в этом сражении больше славы, чем их противник, трудно сказать с определенностью, кто именно одержал в нем победу. Голландцы захватили несколько вражеских кораблей и по видимости добились известного преимущества, а потому выразили свое торжество и ликование всеми обычными в таких случаях знаками. Но поскольку английский флот, быстро приведенный в порядок, уже в самом скором времени вновь вышел в море и являл собой более внушительное зрелище, чем когда-либо прежде (имея к тому же в своем составе многие из тех кораблей, которые, если верить гордым утверждениям голландцев, они сожгли или потопили), то вся Европа могла видеть, что яростная схватка, в которой сошлись две эти храбрые нации, едва ли принесет решительный успех какой-либо из них.

ПОБЕДА АНГЛИЧАН. 25 ИЮЛЯ

Только соединение с французами могло теперь обеспечить голландцам явное превосходство в силах. Чтобы облегчить эту операцию, де Рюйтер, уже отремонтировавший свои корабли, расположился в устье Темзы. Англичане, во главе с принцем Рупертом и Албермарлом, не замедлили его атаковать. Оба флота насчитывали примерно по восемьдесят вымпелов, а мужество и опытность их командиров, равно как и матросов, сделали это сражение на редкость яростным и упорным. Сэр Томас Аллеи, командовавший белой эскадрой англичан, атаковал голландский авангард и полностью его разгромил; все три адмирала, им командовавшие, погибли. Ван Тромп завязал бой с сэром Джереми Смитом, но в самый разгар схватки оказался отрезанным от де Рюйтера и главных сил

(случайно это произошло или по чьему-либо умыслу, до сих пор достоверно не известно). Де Рюйтер продолжал доблестно и умело сражаться с главными силами англичан и, несмотря на численное превосходство врага, выдерживал его натиск до тех пор, пока ночь не положила конец битве. На следующее утро, когда де Рюйтер увидел, что голландские корабли в беспорядке рассеяны, а их экипажи обескуражены, его высокий дух примирился с мыслью об отступлении, которое, впрочем, он осуществил так искусно, что маневр этот доставил ему не меньшую славу, чем это могла бы сделать самая блестящая победа. Тем не менее, полный бешенства и досады, из-за неудачного исхода битвы, он поминутно восклицал: «Господи, как же я несчастен! Да неужели среди стольких тысяч ядер не найдется одного, которое бы положило конец моему жалкому существованию?» Некто де Витте, его зять, стоявший рядом, призвал де Рюйтера, коль скоро тот жаждет смерти, развернуть корабли и броситься на англичан, чтобы подороже продать свою жизнь победителям. Но де Рюйтер счел более достойным храброго человека выбором до конца сохранять твердость среди величайших бедствий, дабы как можно дольше служить своей родине. Всю ночь и весь следующий день англичане яростно наседали на арьергард голландцев, и лишь благодаря отчаянным усилиям де Рюйтера последние смогли укрыться в своих гаванях.

Потери, понесенные голландцами в этом сражении, оказались не так уж велики, но поскольку между двумя адмиралами вспыхнула яростная вражда, расколовшая к тому же на две партии прочих флотских офицеров, то вся Голландия пришла в неописуемый ужас. Наконец, Тромп был уволен в отставку, но хотя некоторые капитаны вели себя в бою недостойным образом, гражданские друзья из числа городских магистратов защищали их так успешно, что большинству из них удалось уйти от наказания, а многие даже сохранили за собой прежние посты.

Обладая теперь неоспоримым господством на море, англичане смело атаковали голландцев в их собственных гаванях. Отряд под командованием Холмса, посланный на рейд Влие сжег сто сорок торговых судов и два военных корабля, а в придачу к ним — Брандарис, большую и богатую прибрежную деревню. Пострадавшие от этого дерзкого набега голландские купцы объединились с оранской партией и подняли громкий ропот против правительства, которое, по их словам, и довело страну до такого бесчестья и разорения. И только твердый и неустрашимый дух де Витта способен был устоять перед лицом стольких бедствий.

Король Франции, опасавшийся, что голландцы могут в конце концов дрогнуть под бременем своих неудач или, по крайней мере, отстранить от власти его друга де Витта, всячески торопил отплытие эскадры герцога Бофора. Голландский же флот был вновь приведен в порядок и теперь под командованием де Рюйтера крейсировал близ Дуврского пролива. Навстречу ему на всех парусах двинулся принц Руперт с английским флотом, более мощным, чем когда-либо прежде. Голландский адмирал счел за благо не принимать бой и отступил на рейд Сен-Жан у Булони. Здесь он

смог укрыться и от англичан, и от надвигавшегося шторма. Принц Руперт также принужден был отойти в Сент-Хеленс, где остался на некоторое время, чтобы исправить полученные повреждения, между тем герцог Бофор, следуя Каналом на восток, прошел незамеченным мимо английского флота, однако, вопреки своим ожиданиям, голландцев не обнаружил. Де Рюйтера свалила с ног лихорадка; занемогли многие старшие офицеры; заразная болезнь распространилась во всем голландском флоте, и Штаты решали отозвать его в отечественные гавани, пока неприятель не закончил ремонт своих кораблей. Король Франции, встревоженный судьбой собственного флота, созданного им совсем недавно ценой стольких усилий и затрат, послал Бофору приказ как можно скорее прорываться в Брест. Французскому адмиралу опять повезло: он избежал встречи с англичанами, и лишь один из его кораблей, «Рюби», был захвачен неприятелем.

ЛОНДОНСКИЙ ПОЖАР

Пока продолжалась эта война, не приносившая решительных успехов кому-либо из противников, Лондон постигло бедствие (3 сентября), которое повергло народ в неописуемый ужас. Огонь, вспыхнувший в доме одного булочника близ Лондонского моста, распространился повсюду с такой быстротой, что все попытки его погасить оказались тщетными, и значительная часть Сити выгорела дотла. Его обитатели, бессильные чем-либо себе помочь, стали зрителями собственного несчастья и в страхе бежали по улицам, преследуемые внезапно появлявшимися языками пламени. Огонь наступал три дня и три ночи, и лишь ценой взрыва зданий его удалось, наконец, потушить. Король и герцог прилагали величайшие усилия, чтобы остановить пожар, но все их старания не принесли успеха. Около четырехсот улиц и тринадцать тысяч домов были обращены в пепел.

Причины катастрофы, казалось бы, ни для кого не являлись тайной. Узкие улицы Лондона, дома, выстроенные исключительно из дерева, страшная сушь и сильнейший восточный ветер, — приняв в расчет все эти обстоятельства, было совсем нетрудно объяснить разрушительный итог их совместного действия. Но этот простой и очевидный ответ англичан не убедил. Ослепленные гневом, одни возлагали вину на республиканцев, другие — на католиков, хотя нелегко понять, каким образом сожжение Лондона могло бы послужить интересам любой из этих партий. Поскольку же главным предметом всеобщей ненависти были паписты, то слухам об их виновности народ верил охотнее всего. Никаких даже косвенных доказательств, способных подтвердить эту злобную клевету, так и не обнаружилось, хотя строжайшее расследование на сей счет проводил особый комитет парламента; и тем не менее власти, подыгрывая на-

родным предрассудкам, распорядились высечь на воздвигнутой в память о пожаре колонне надпись, в которой вина за страшное бедствие возлагалась на ненавистную секту папистов. Король Яков, взойдя на престол, приказал уничтожить соответствующую фразу, но после Революции она появилась на монументе вновь. Столь легковерным и упрямым бывает народ, не способный усомниться в том, что хоть сколько-нибудь потворствует его господствующей страсти!

Лондонский пожар, хотя в то время он был великим бедствием, в конечном счете обернулся благотворными последствиями как для города, так и для всего королевства. В самые краткие сроки Сити был заново отстроен, причем улицы его позаботились сделать более широкими, а общую планировку — более регулярной. Король употребил дискреционные полномочия, чтобы упорядочить расположение зданий, и запретил использование бревен и дранки — материалов, из которых строились дома в допожарные времена. Необходимость была столь крайней, а тогдашние обстоятельства столь чрезвычайными, что осуществление монархом подобной власти, которую в иных условиях сочли бы незаконной, не вызвало никаких возражений. Если бы король мог применить эту власть еще шире и заставить строить здания с совершенной регулярностью и в соответствии с единым планом, то Лондон много выиграл бы как в отношении удобства, так и в смысле красоты. Впрочем, даже эти изменения, хотя и не осуществленные в полной мере, принесли столице огромную пользу. После пожара Лондон стал городом гораздо более здоровым и безопасным. Чума, прежде вспыхивавшая с необычайной силой два или три раза в столетие и, можно сказать, всегда таившаяся в том или ином уголке города, после этого бедствия уже почти не напоминала о себе.

Собравшийся вскоре парламент дал законную санкцию постановлениям королевской власти, а также назначил комиссаров для разрешения всех имущественных споров, могущих возникнуть в связи с пожаром. Кроме того, он вотировал субсидию в 1 800 000 фунтов, которую надлежало собрать частью посредствам подушного налога, частью через помесячные обложения. Хотя парламентское расследование не выявило никаких доказательств причастности папистов к лондонскому пожару, всеобщее отвращение к этой секте оставалось чрезвычайно сильным, и теперь раздались новые (лишенные, вероятно, серьезных оснований) жалобы на ее угрожающий рост. По настоятельной просьбе общин Карл издал прокламации об изгнании всех католических священников и иезуитов, но скверное исполнение этого, как и прежних указов, подрывало всякую веру в его искренность, когда он изображал из себя ненавистника католической религии. Действительно ли подозрения на сей счет отразились на популярности короля, сказать трудно, однако, насколько мы можем судить, субсидия была утверждена гораздо позже, чем рассчитывал Карл, и даже чем этого требовали нужды государства; интриги герцога Бекингема, человека, которому, чтобы сделаться опасным, недоставало единственно лишь твердости, до известной степени затрудняли действия дво-

ра; и это был первый случай, когда у короля появились сколько-нибудь серьезные причины жаловаться на недостаток доверия к нему со стороны общин. Эти признаки растущего недовольства, вне всякого сомнения, ускорили предпринятые еще раньше шаги навстречу миру с иностранными державами.

ПОПЫТКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРА

Карл начал понимать, что все те цели, ради которых была затеяна эта война, по-видимому, так и не будут достигнуты. Голландцы, даже тогда, когда у них не было союзников, защищались весьма упорно, а их военное искусство и организация совершенствовались с каждым днем. Хотя торговле голландцев был нанесен страшный удар, обширный кредит позволял им собирать значительные средства; и в то время как английские матросы громко возмущались невыплатой жалованья, голландский флот регулярно обеспечивался деньгами и всем необходимым для его нужд. Поскольку же теперь Голландию поддерживали два могущественных короля, то на всем пространстве от крайних оконечностей Норвегии до Байонны англичане встречали единственно лишь врагов. А потому Карл, не отличавшийся любовью к напряженной деятельности и не подстрекаемый бешеным честолюбием, искренне желал найти способ возвратить мир и покой своему народу, до крайности раздраженному войной, которая, соединившись с бедствиями чумы и пожара, оказалась для Англии столь пагубной и бесплодной.

Первые шаги к примирению сделала Англия. Когда король послал за телом сэра Уильяма Беркли, он дал понять Штатам о своей готовности заключить мир на приемлемых условиях; их ответ свидетельствовал о столь же мирных намерениях. Желая, однако, сохранить вид победителя, Карл упорно требовал сделать местом переговоров Лондон, и Штаты любезно согласились доставить ему это удовольствие, но согласились лишь за себя, ибо, находясь в союзе с двумя венценосными особами, они, по их словам, никак не могли убедить последних пойти на подобное умаление своего монаршего достоинства. Внезапно король резко изменил прежнюю позицию, изъявив готовность направить послов в Гаагу, но это предложение, казалось бы, весьма почетное для голландцев, имело своей единственной целью посеять в их среде смуту и раздоры, так как англичане получили бы возможность вести интриги с партией недовольных в самой Голландии. По этой причине оно было отклонено, и тайные конференции, где обсуждались требования сторон, проходили в Париже, в доме королевы-матери. Голландцы выдвинули разумные предложения: либо полностью восстановить положение, существовавшее до войны, либо оставить каждую из сторон во владении тем, что находится в ее руках в настоящий момент. Карл принял последнее предложение, и почти все разногласия

были улажены — кроме споров, касавшихся острова Полерон. Остров этот, расположенный в Ост-Индии, ранее представлял ценность благодаря своим пряностям. Владевшие им прежде англичане потеряли его тогда, когда произошла резня на Амбойне. Заключая мир со Штатами, Кромвель оговорил его возвращение; и голландцы, предварительно уничтожив все пряные растения, утверждали теперь, что они выполнили соответствующий пункт договора и что англичане были повторно изгнаны с Полерона уже в ходе последней воины. Карл вновь предъявил претензии на этот остров, а так как обе стороны выдвигали все новые и новые доводы, которые, казалось, требовали длительного обсуждения, то переговоры решено было перенести в другое место, и Карл выбрал Бреду.

Англию здесь представляли лорд Голлис и Генри Ковентри. Первым же делом они выразили желание, чтобы, пока стороны рассматривают взаимные требования, военные действия были прекращены; но предложение англичан, казалось бы, вполне естественное, было отклонено голландцами под влиянием де Витта. Этот проницательный и энергичный министр, превосходно знакомый с положением дел и с характерами государей, нашел способ нанести такой удар, который быстро восстановил бы честь голландского оружия, пострадавшую в течение войны, и в то же время явился бы жестокой местью за обиды, причиной которых он считал безумные амбиции и вопиющую несправедливость англичан.

Какие бы планы ни строил Карл на предмет утаивания средств, ассигнованных парламентом, до сих пор ему не удавалось осуществить свой замысел. Громадные и дорогостоящие вооружения поглотили без остатка все субсидии;[154] накопилась даже крупная задолженность перед матросами. А потому король решил теперь, насколько возможно, сэкономить на военных расходах и последнюю субсидию в 1 800 000 фунтов употребить на уплату своих долгов, как вызванных войной, так и сделанных им еще до ее начала. Карл знал, что в эту войну голландцы были втянуты против воли и что ход борьбы едва ли мог внушить им особое желание ее продолжать. Ему также было известно, что французы, открывая военные действия против Англии, не имели иных целей, кроме помощи своему союзнику, и что теперь они желают примирения сильнее, чем когда-либо прежде. Разногласия между воюющими сторонами были столь незначительными, что скорое заключение мира представлялось несомненным; и участникам переговоров в Бреде, как полагал король, осталось теперь обсудить лишь пустые формальности, самое большее — несколько суетных «вопросов чести». В этой ситуации Карл, движимый неуместной бережливостью, свернул свои военные приготовления: англичане снарядили лишь две небольшие эскадры, и таким образом в разгар войны с могущественным и смелым неприятелем все было оставлено почти в таком же положении, как и во времена совершенного мира и покоя. По вине короля Англия должна была подвергнуться одному из самых жестоких оскорблений в своей истории.

ЧАТАМСКИЙ ПОЗОР

Де Витт всячески затягивал переговоры в Бреде и спешно готовил свои морские силы. Наконец, голландский флот под командованием де Рюйтера появился в устье Темзы. Англичане пришли в ужас. К этому времени через реку Медуэй была протянута цепь боновых заграждений; в Ширнессе и Апнор-касле построены новые укрепления, но в сложившейся теперь ситуации все эти меры оказались недостаточными. Ширнесс был вскоре захвачен неприятелем, доблесть сэра Эдуарда Спрейга, его защищавшего, не смогла его спасти. Продолжая действовать столь же энергично, голландцы воспользовались подъемом воды и восточным ветром и прорвали заграждения (10 июня), хотя оно и было усилено несколькими судами, затопленными там по приказу герцога Албермарла. При этом они сожгли три корабля, охранявшие заграждения: «Матфей», «Юнити» и «Карл Пятый». Повредив еще несколько судов и захватив корпус «Ройял Чарльза» (сожженного ранее англичанами), они отправили вперед отряд в составе шести кораблей и пяти брандеров, который дошел до самого Анкор-касла, где сжег «Ройял Оук», «Лойял Лондон» и «Грейт Джеймс». Капитан Дуглас, командовавший на «Ройял Оуке», погиб в огне, хотя легко мог спастись. «Слыханное ли дело, — воскликнул он, — чтобы Дуглас оставил свой пост без приказа!»[155]

Не понеся сколько-нибудь значительного урона, голландцы спустились вниз по течению Медуэя; и теперь были серьезные причины опасаться, что при следующем приливе они могут двинуться вверх по Темзе и дойти с войной чуть ли не до Лондонского моста. Девять судов были затоплены близ Вулвича, еще четыре — у Блэкуолла; во многих пунктах установили высокие платформы с орудиями; под ружье была призвана милиция; всюду царило страшное волнение. Голландцы же отплыли к Портсмуту, где, впрочем, не добились успеха; не более удачными были их действия у Плимута; затем они атаковали Гарвич, после чего вновь поднялись по Темзе вплоть до Тилбери, где получили отпор. Все побережье находилось в крайнем смятении, и если бы французы решили в этот момент соединиться с голландцами и осуществить высадку в Англии, то можно было бы с полным основанием ожидать самых ужасных последствий. Но Людовик не желал такой победы и не собирался доводить дело до подобных крайностей. Его интересы требовали сохранить равновесие между двумя морскими державами, не позволяя одной из них добиться неоспоримого превосходства.

Каким же было негодование англичан, когда они увидели, что их противник, на которого они уже привыкли смотреть свысока, над которым одержали немало славных побед и которого надеялись полностью разгромить, вдруг захватывает безраздельное господство на море, сжигает их корабли в их же собственных гаванях, всюду сеет смятение, повергая в ужас самое столицу! Но хотя причиной всех этих бедствий нельзя было

счесть ни случай, ни бездарность адмиралов, ни трусость матросов, но единственно лишь скупость или, по крайней мере, непредусмотрительность правительства, никаких опасных признаков недовольства в стране не обнаружилось, и никто из многочисленных сектантов, коих так громко обличали за их «мятежные принципы» и с которыми, под предлогом их мнимой мятежности, обращались с такой суровостью, так и не сделал ни малейшей попытки поднять бунт.[156]

В нынешней крайности прибегли к двум средствам: спешно набрали армию в двенадцать тысяч человек и созвали парламент, хотя он и был отсрочен, многие члены обеих палат отсутствовали, и единственным постановлением, принятым общинами, явилось обращение к королю с просьбой о роспуске армии. Просьба была удовлетворена. Подобное свидетельство недоверия к королю ясно показало двору, чего ему следует ожидать от этого собрания, и Карл счел благоразумным отсрочить парламент до следующей зимы.

БРЕДСКИЙ МИР

Однако подписание мира в Бреде (10 июля) позволило королю выпутаться из затруднительного положения. Английские представители на переговорах получили приказ взять назад прежние требования, от которых, какими бы пустячными ни были они сами по себе, уже нельзя было отказаться, не признав тем самым превосходство неприятеля. Полерон остался за голландцами; компенсацию за корабли «Бонавенчер» и «Гуд Хоуп» (мнимая причина разрыва) больше не требовали; Акадию уступили французам. Приобретение Нью-Йорка, колонии, чрезвычайно важной по своему географическому положению, стало главной выгодой, полученной англичанами в результате этой войны; войны, в которой с блеском проявилась такая черта национального характера, как храбрость, но в то же время, особенно на заключительном ее этапе, с не меньшей очевидностью обнаружилась некомпетентность правительства.

ПАДЕНИЕ КЛАРЕНДОНА

Еще до того как соберется парламент, представлялось совершенно необходимым умилостивить раздраженный народ какой-нибудь жертвой; народные же предрассудки ясно указывали, кто именно должен ею стать. Канцлер уже успел возбудить глубокую ненависть общества и всех партий, на которые делилась нация. Многочисленные сектанты всех мастей считали Кларендона своим заклятым врагом, относя всецело на счет

его авторитета и советов жестокие законы, принятые против них в последнее время. Католики понимали, что пока он сохраняет хоть какую-то власть, все их влияние на короля и герцога не принесет им решительно никакой пользы, и они не смогут рассчитывать на милости или поблажки. Даже роялисты, обманутые в своих радужных надеждах на высокие должности, испытывали сильнейшую зависть к Кларендону, в чьи руки король передал поначалу всю правительственную власть. Продажа Дюнкерка, неаккуратная выплата жалованья матросам, чатамский позор, неудачное завершение войны — ответственность за все эти беды и ошибки возлагали на канцлера, который хотя и выступал всегда против разрыва с Голландией, по-прежнему считал своим долгом оправдывать то, чего он не мог предотвратить. Вдобавок он неосмотрительно затеял строительство дома, более роскошного и дорогостоящего, чем это позволяли его скромное состояние, что давало повод для злобных упреков в том, что главным источником его богатств послужили якобы взятки. Народ обыкновенно называл это здание Дюнкерк-хауз.

Сам король, который всегда больше уважал, нежели любил канцлера, теперь совершенно к нему охладел. Посреди беспутных нравов двора этот министр по-прежнему сохранял гордое достоинство, не желая опускаться до поступков, которые находил несовместимыми со своим возрастом и положением. Бекингем, совершенно испорченный человек, обладавший тонким даром насмешки (хотя его собственное поведение заслуживало всех тех насмешек, коими он так щедро осыпал других), сделал Кларендона мишенью для своего остроумия, отчего король мало-помалу перестал относиться к своему министру с прежним почтением. Стоило возникнуть каким-либо затруднениям, по причине ли недостатка средств или из-за ограниченности монарших полномочий, и вину за это всякий раз возлагали на канцлера, который, как считалось, воспрепятствовал в момент Реставрации любым щедрым уступкам в пользу короля. Но, пожалуй, еще сильнее задевало Карла то обстоятельство, что в лице Кларендона он, как рассказывают, встретил преграду для своего честолюбия и жажды наслаждений.

Совершенно охладев к супруге, которая не отличалась очаровательной внешностью, и горячо желая иметь детей, король начал внимательно прислушиваться к предложениям о разводе, основанием для коего предполагалось сделать прежнюю помолвку Екатерины с другим либо данный ею некогда обет безбрачия. К этому шагу его подталкивала также страсть к миссис Стюарт, дочери одного шотландского джентльмена, — женщине замечательной красоты, чья добродетель до сих пор оставалась для короля неприступной; однако Кларендон, опасаясь обычных последствий наличия нескольких претендентов на трон и, вероятно, тревожась за права собственных внуков, убедил герцога Ричмонда жениться на миссис Стюарт и таким образом разрушил надежды короля. Говорят, что Карл никогда ему этого не простил.

В условиях, когда и политические расчеты, и личные склонности побуждали короля принести Кларендона в жертву народным предрассудкам, память о прежних заслугах не смогла надолго отсрочить его падение. Большая государственная печать была у него отнята и передана сэру Орландо Бриджмену[175] как лорду-хранителю. Лорда-казначея Саутгемптона, до конца сохранявшего глубокую привязанность к канцлеру, уже не было на свете. Появившись в последний раз в заседании Тайного совета, Саутгемптон высказал свои дружеские чувства с энергией, которую не могли ослабить ни преклонный возраст, ни многочисленные недуги. «Этот человек, — сказал он о Кларендоне, — истинный протестант и добрый англичанин, и пока власть находится в его руках, мы можем быть совершенно спокойны за наши законы, вольности и религию. Я страшусь последствий его падения».

Но одного лишь падения канцлера оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить злобу его врагов, — они задумали погубить его окончательно. Тщетно герцог Йоркский пускал в ход все свое влияние, чтобы спасти тестя: государя и народ объединяло общее желание расправиться с Кларендоном, и едва ли двор сумел бы тогда найти более удачный способ снискать расположение членов парламента, так долго подчинявшихся руководству того самого министра, который теперь должен был стать жертвой их предрассудков.

Почву для предстоящей сессии потрудились подготовить целым рядом популярных мер, и парламент в первом же своем обращении к монарху изъявил благодарность за эти свидетельства его милости и доброты, не забыв, среди прочего, упомянуть об отставке Кларендона. Король же в своем ответе заверил общины, что уже никогда не назначит этого вельможу на какую-либо государственную должность. Тотчас же после этого мистер Сеймур (впоследствии сэр Эдуард) выдвинул против него в палате общин формальное обвинение, состоявшее из семнадцати пунктов. Палата, не пожелав входить в подробности, а лишь выслушав голословное утверждение о том, что все статьи будут надлежащим образом доказаны, немедленно постановила привлечь Кларендона к суду. Теперь мы отлично знаем, что многие из обвинительных пунктов являлись ложными либо пустячными,[157] о тех же статьях, которые известны нам в меньшей степени, мы вправе думать, что и они имели под собой ничуть не больше оснований. Совет продать Дюнкерк был, кажется, самым тяжелым и наиболее соответствовавшим фактам обвинением; но ведь простую ошибку в расчете (а там, где не обнаруживается никаких признаков подкупа или злого умысла, мы вправе предполагать подобное) едва ли можно вменить в вину какому-либо министру как преступление. Мера эта была вызвана финансовыми затруднениями короля; возлагать же ответственность за них на Кларендона нет ни малейших разумных оснований, ибо главной причиной явилась чрезмерная бережливость парламента, не желавшего выделять необходимые суммы короне.

Дело об импичменте было передано пэрам, но так как речь шла лишь об общем обвинении в государственной измене, без каких-либо фактов и

подробностей, то верхняя палата не увидела в нем достаточного основания для взятия Кларендона под стражу. Прецеденты процессов Страффорда и Лода, ввиду царивших в те времена насилий и беззаконий, не были ею сочтены вполне авторитетными; общины, однако, по-прежнему требовали ареста, а потому пришлось устроить конференцию обеих палат. Лорды остались при своем мнении, и общины постановили, что подобный образ действий представляет собой помеху правосудию и создает весьма вредный и опасный прецедент. Они также назначили комитет, коему поручалось подготовить оправдание их собственной позиции в этом деле.

Видя, что предрассудки народа и злобная ярость властей слились в один мощный поток, противиться которому он бессилен, и понимая, что любая попытка защитить себя перед столь предубежденными судьями окажется совершенно тщетной, Кларендон почел за благо покинуть Англию. Прибыв в Кале, он подготовил послание, адресованное палате лордов. В нем Кларендон писал, что единственным источником его состояния, которое является весьма скромным, послужили вполне законные и открытые доходы от должности, а также подарки короля, коих он лично вовсе не добивался; что в первые годы после Реставрации он всегда сходился во мнениях с прочими советниками, особами столь высокой репутации, что какие-либо сомнения на предмет их мудрости или честности просто немыслимы; что вскоре его влияние стало падать, и как бы ни осуждал он иные меры, воспрепятствовать им оказывалось свыше его сил; что его резкие возражения против Голландской войны, главной причины всех бедствии и жалоб народа, ни для кого и никогда не были тайной, точно так же, как и решительное его несогласие со многими злосчастными шагами, предпринятыми в ходе военных действий; и что какие бы лицемерные речи ни раздавались ныне о его винах перед государством, настоящее его преступление, то самое, которое и привело в бешенство могущественных его врагов, состоит в том, что он слишком часто возвышал голос против непомерно щедрых милостей, коих так назойливо домогались от Его Величества всевозможные просители.

ИЗГНАНИЕ КЛАРЕНДОНА

Это обращение, которое лорды постановили считать клеветой, было передано общинам, после чего обе палаты осудили его на сожжение рукой палача. Затем парламент употребил против Кларендона свою законодательную власть, приняв билль об изгнании и лишении прав. Король его утвердил. Кларендон удалился во Францию, где жил как частное лицо. После высылки он прожил еще шесть лет, используя свой досуг главным образом для того, чтобы привести в порядок «Историю гражданских войн», материалы для которой он собирал в предшествующие годы. Этот

труд делает честь его памяти, являясь (после «Записок» Уайтлока) самым беспристрастным описанием той эпохи, вышедшим из-под пера современников. Кларендон всегда стоял на страже свободы и конституции своего отечества. В начале гражданской войны он поступил на службу к покойному королю, снискал глубокое уважение и удостоился чести стать близким кругом этого монарха; он неизменно возбуждал самую бешеную ненависть Долгого парламента; он делил все невзгоды и направлял все действия нынешнего короля во время его изгнания; он пользовался величайшим доверием и занимал высшие должности после Реставрации; однако все эти обстоятельства, которые, казалось бы, должны были оказать на Кларендона сильнейшее влияние, пробудив в нем жажду мести, ожидание награды или мечты честолюбия, не произвели никакого действия на его высокую и чистую душу. Рассказывают, что когда он впервые обратился к изучению права, отец страстно убеждал его остерегаться слишком распространенного среди юристов обыкновения всякий спорный пункт истолковывать в пользу прерогативы и извращать столь полезную науку в ущерб свободе; но посреди этих благих и разумных наставлений с ним случился апоплексический удар, и он умер на глазах у сына. Это событие сделало еще более убедительными принципы, которые он проповедовал.

Союз короля и подданных, задавшихся целью уничтожить столь превосходного министра, дает людям противоположных взглядов справедливое основание сурово осудить неблагодарность государей и невежество народа. Злоба, которую затаил против Кларендона Карл, так, похоже, никогда и не смягчилась; народные же предрассудки преследовали изгнанника даже в его французском уединении. Английские солдаты из квартировавшей неподалеку роты напали на его дом, выломали дверь, опасно ранили его в голову и наверняка дошли бы в своем насилии до конца, если бы, к счастью, не вмешались их офицеры, вовремя узнавшие об этих бесчинствах.

Следующее средство, к коему прибег король в поисках популярности, оказалось гораздо более похвальным, и если бы Карл и далее твердо следовал избранным тогда путем, то это, вероятно, сделало бы его царствование счастливым, и уж во всяком случае его память драгоценной для потомства. Я веду речь о создании Тройственного союза — мере, которая доставила нации совершенное удовлетворение.

СОСТОЯНИЕ ФРАНЦИИ

Слава Франции, надолго потускневшая из-за внутренних распрей и превосходства сил Испанской монархии, засияла теперь с необыкновенным блеском, приковывая к себе внимательные взоры соседних государств. Независимая власть и мятежный дух знати были сломлены, демагогические притязания парламента обузданы, гугенотская партия приве-

дена к покорности; обширная и богатая страна, пользовавшаяся всеми преимуществами мягкого климата и выгодного географического положения, была густо населена изобретательным и трудолюбивым народом; и если французская нация в полной мере выказывала храбрость и энергию, необходимые для дерзких и великих предприятий, то воле собственного государя ее уже приучили повиноваться с совершенным смирением.

ХАРАКТЕР ЛЮДОВИКА XIV

Государь, занимавший тогда французский престол, по характеру своему был вполне способен воспользоваться этими преимуществами и даже приумножить их. Людовик XIV, наделенный всеми качествами, приводящими в восторг толпу, обладал также многими свойствами, которые заслуживают одобрения людей мудрых; мужественная красота его внешности удачно оттенялась благородством манер; степенность и достоинство смягчались утонченной любезностью; изящный без изнеженности и преданный чувственным наслаждениям, но никогда не забывавший о государственных делах; умевший сохранять благопристойность в самых своих пороках; правивший как деспот, но обожаемый подданными, — он превосходил всех современных монархов как славой, так и величием.

Его честолюбие, которое руководствовалось соображениями благоразумия, но не чувством справедливости, тщательно подготовило все средства для будущих завоеваний; и еще до того как Людовик начал действовать, он, казалось, мог совершенно не сомневаться в конечном успехе. Его финансы были приведены в порядок, его возросшая численно армия была превосходно обучена и подчинена строгой дисциплине; его хранилища и военные склады были заполнены всем необходимым; у него появился военный флот; и хотя королевский двор изумлял невиданным прежде великолепием, во всем соблюдалась столь строгая экономия, а народ, достигший теперь благосостояния благодаря успехам промышленности и торговли, с такой готовностью платил увеличившиеся налоги, что военная мощь Людовика значительно превосходила все то, чем в любую предшествовавшую эпоху располагал любой из европейских монархов.

Быстрый упадок и почти полное крушение Испанской монархии открыли перед этим предприимчивым государем весьма заманчивые перспективы, обещая ему, по-видимому, обширные и легкие завоевания. Прочие европейские страны, слабые или дурно управляемые, были устрашены ростом могущества его державы, и теперь все они обращали свои взоры в сторону Англии как единственной силы, способной спасти их от казавшейся уже столь близкой угрозы порабощения.

Старая вражда между англичанами и французами, которую более чем на столетие заслонила ревность к испанскому могуществу, начала явственно пробуждаться вновь. Слава хранителей европейского равновесия,

слава, во многом основанная на справедливости и гуманности, льстила английской гордости, и народ страстно желал положить предел успехам столь ненавистного соперника, обеспечив тем самым и собственную будущую безопасность. Надежда на подобные действия правительства явилась одной из причин той всеобщей радости, с которой встретила нация заключение Бредского мира. Между тем смерть короля Испании Филиппа IV уже предоставила Людовику отличную возможность для осуществления его честолюбивых замыслов, а вместе с тем и некоторые доводы, не слишком, впрочем, убедительные, чтобы их оправдать.

По условиям Пиренейского мира, Людовик, вступивший, тогда в брак с испанской принцессой, отрекся от всяких прав на наследование какой-либо части испанских владений; причем отречение это было сделано в самых точных и недвусмысленных выражениях, какие только существуют в человеческом языке. Но по кончине своего тестя он взял назад собственное отречение, сославшись на то, что прирожденные права, будучи обусловлены кровным родством, не могут-де быть уничтожены каким-либо навязанным извне формальным актом или обязательством. Филипп оставил после себя сына, но так как королева Франции была его дочерью от первого брака, то она, в ущерб правам своего брата, предъявила требование на крупную провинцию из испанских владений. Согласно обычаям, существовавшим в некоторых частях Брабанта, особа женского пола, рожденная в первом браке, имела преимущество в наследовании отцовского достояния перед лицом мужского пола от второго брака, и отсюда Людовик заключил, что его супруга приобрела законное право на власть в этом важном герцогстве.

ФРАНЦУЗСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В ИСПАНСКИЕ НИДЕРЛАНДЫ

Притязания подобного рода лучше всего подкреплять военной силой, а не логическими доводами и рассуждениями. Людовик появился на границах Нидерландов с сорокатысячной армией, обеспеченной всем необходимым для войны и возглавляемой лучшими полководцами той эпохи. Испанцы же, хотя они и могли предвидеть такое развитие событий, оказались к нему совершенно неподготовленными. Их города, не имевшие ни укреплений, ни гарнизонов, ни боеприпасов, переходили в руки французского короля, как только он к ним приближался. Ат, Лилль, Турне, Уденарде, Куртре, Шарлеруа, Бинш были мгновенно захвачены неприятелем, после чего стало ясно, что в Испанских Нидерландах не существует силы, способной остановить или задержать продвижение французских войск.

Эта операция, проведенная столь стремительно и с таким успехом, повергла в величайшую тревогу чуть ли не все европейские дворы. Все уже успели заметить, с каким достоинством или, лучше сказать, высокомерием отстаивал Людовик свои права и притязания с того самого момен-

та, как начал править государством. Когда д'Эстрад и Отвиль, французский и испанский послы в Лондоне, поссорились из-за претензий на старшинство, французский монарх не успокоился до тех пор, пока Испания не направила в Париж официальное посольство и торжественно не пообещала раз и навсегда оставить подобные споры. А после того как Креки, послу Людовика в Риме, нанесли оскорбление папские гвардейцы, папа Александр VII вынужден был распустить свою гвардию, отправить племянника просить у посла прощения и дозволить воздвигнуть в самом Риме особую колонну как памятник его собственного унижения. Английскому королю также довелось узнать на опыте надменный и неуступчивый нрав Людовика. Как только Англия заявила об особых правах своего морского флага, французская монархия выразила столь энергичный протест и с такой решимостью начала готовиться к противодействию, что Карл счел благоразумным отказаться от этих суетных старомодных притязаний. «Возможно, король Англии знает мою силу, — сказал Людовик своему послу д'Эстраду, — но ему неведомы помыслы моего сердца: рядом со славой все кажется мне презренным и ничтожным».[158] Подобные слова и поступки позволяли безошибочно судить о его характере, но вторжение во Фландрию ясно обнаружило непомерное честолюбие Людовика, которое, опираясь на столь громадную мощь, превратилось в угрозу для европейской свободы.

Ближе других государств Европы к источнику опасности находились Соединенные Провинции, а потому именно они в наибольшей степени были охвачены страхом. Соединенным Провинциям, где еще вели войну против Англии в союзе с Францией, Людовик же в свое время пообещал не предпринимать каких-либо шагов против Испании, не уведомив их о том заранее; однако, вопреки своим заверениям, он хранил на сей счет полное молчание чуть ли не до того самого момента, как начал действовать. Нетрудно было предвидеть, что если отречение, зафиксированное в тексте Пиренейского мира, утратит силу, то после смерти короля Испании (хилого и болезненного ребенка) Людовик заявит о своих правах на все владения этой монархии, и тогда всякая надежда на то, что его притязаниям можно будет установить какой-то предел, окажется совершенно тщетной. Зная об этих вполне обоснованных опасениях голландцев, Карл с тем большим упрямством настаивал на своих условиях в ходе Бредских переговоров; затягивая таким образом подписание мира, он опрометчиво подверг себя самого опасности и был наказан за безрассудство неслыханным позором Чатама. Де Витт, отлично понимавший, что задержка в несколько недель ничего не значит для Голландии, воспользовался этой благоприятной возможностью, чтобы нанести сильный и точно рассчитанный удар и закончить войну с честью для самого себя и для своего отечества.

ПЕРЕГОВОРЫ

Тем временем начались переговоры о спасении Фландрии, однако французские войска по-прежнему не встречали ни малейшего сопротивления Испанские послы всюду громко протестовали против вопиющей несправедливости притязаний Людовика, с жаром доказывая, что прямой интерес всякой европейской державы — даже в большей степени, чем самой Испании — состоит в том, чтобы не допустить захвата Испанских Нидерландов французами Император и германские князья обнаруживали явные признаки недовольства, однако действия их были вялыми и нерешительными Штаты, устрашенные перспективой иметь на своих границах столь грозного врага, не видели способов и средств обеспечить свою безопасность Правда, Англия была, казалось, склонна оказать противодействие французам, но ввиду переменчивой и неразумной политики Карла республика не решалась сделать ему прямые и открытые предложения, из-за которых она могла бы утратить дружбу Франции, не приобретя взамен нового союзника И хотя Людовик, страшась того, что против Франции может объединиться вся Европа, выдвинул свои условия примирения, голландцы по-прежнему опасались, что из-за несговорчивости испанцев или честолюбия французов эти мирные планы так и не будут осуществлены

Проявив немалое благоразумие, Карл решил сделать первый шаг навстречу союзу Сэр Уильям Темпл, его резидент в Брюсселе, получил приказ тайно отправиться в Гаагу и договориться со Штатами о средствах спасения Испанских Нидерландов Этот человек, которого философия научила презирать мир (отчего он вовсе не утратил способности заниматься мирскими делами), имел нрав искренний, честный и прямой, он гнушался мелкими хитростями обыкновенных политиканов и, найдя в де Витте столь же благородную натуру и такой же широкий и свободный ум, тотчас же открыл ему намерения своего повелителя, призвав сделать все, чтобы добиться скорейшего успеха Переговоры между этими государственными мужами с самого начала велись с такай теплотой и сердечностью, как если бы речь шла о частных делах двух задушевных приятелей Полагая интересы своих стран тождественными, они дали полную волю рожденной сходством характеров взаимной симпатии, которая побуждала их относиться к словам и обещаниям друг друга с совершенным доверием И хотя враждебность к Оранскому дому могла бы настроить де Витта против тесного союза с Англией, он великодушно решил пожертвовать ради блага отечества всеми личными расчетами

Темпл настаивал на заключении наступательного союза между Англией и Голландией, с тем чтобы вынудить Францию отказаться от всех завоеванных ею земель, однако де Витт возразил ему, что подобный шаг был бы слишком дерзким и опрометчивым и Штаты никогда не дали бы на него согласия Он указал на то, что французы являются старыми и неизменными союзниками республики, и пока дело не дойдет до крайности,

она никогда не посчитает разумным разорвать столь прочные узы дружбы и всецело положиться на договор с Англией — государством, которое еще совсем недавно вело против нее жестокую войну, что после царствования Елизаветы английская внешняя политика отличалась таким непостоянством, что, заключая с этим королевством какие-либо соглашения, голландцы не могли быть уверены в том, что англичане станут их исполнять хотя бы в течение двух лет, что хотя действия нынешнего министерства, поставившего перед собой цели, вполне соответствующие национальным интересам, позволяют надеяться на большую чем прежде твердость и последовательность политического курса Англии, для Голландии по-прежнему было бы весьма рискованно слепо ему доверять в деле столь громадной важности, что французский монарх — молодой, надменный и могущественный, — столкнувшись со столь дерзким вызовом, скорее подвергнет себя величайшим опасностям, но не уступит давлению извне, что если бы Англия и Голландия принудили его не отступаться от тех мирных предложений, которые он уже сделал сам — и таким образом спасли остальные провинции Испанских Нидерландов от нависшей над ними в данный момент угрозы, — то этого было бы вполне достаточно, и что прочие державы, как германские, так и северные, на чью помощь они могут рассчитывать, не намерены требовать возвращения Испании уже потерянных ею крепостей, но будут вполне удовлетворены, если удастся предотвратить дальнейшие французские захваты

Английский посланник согласился с предложениями пенсионария Несколько ранее Людовик изъявил готовность отказаться от всех прав своей супруги при условии, что он сохранит за собой завоеванное в последнюю кампанию либо получит взамен этих территорий Франш-Конте, а также города Камбре, Эр и Сент-Омер Из этой идеи и исходили в своих переговорах Темпл и де Витт Они решили предложить свое посредничество враждующим державам, дабы вынудить Францию не отступать от выдвинутой ею же альтернативы, а Испанию — эту альтернативу принять В случае же отказа Испании Франция, по их плану, не должна была добиваться осуществления своих претензий силой оружия, но всякое использование силы для проведения в жизнь указанных условий предоставить Англии и Голландии Они же гарантировали отныне неприкосновенность остальной части Испанских Нидерландов Кроме того, между самими Англией и Голландией заключался оборонительный союз

Темпл и де Витт, с их умом и прямотой, быстро пришли к согласию по всем пунктам договора, однако главная трудность была впереди По конституции Голландской республики, всякий заключаемый ею союз должен был быть предварительно одобрен каждым городом в каждой провинции, и не говоря уже о том, что с подобной процедурой нельзя было управиться раньше чем в два месяца, имелись веские причины опасаться, что влияние Франции воспрепятствует принятию договора в некоторых мелких городах Французский посол д'Эстрад, человек весьма даровитый, услыхав о планах заключения англо-голландского союза, не принял их всерьез «Потолкуем об этом месяца через полтора», — сказал он Чтобы обойти

это препятствие, де Витт имел мужество ради общего блага нарушить закон в столь важном пункте и, пустив в ход весь свой авторитет, убедил Генеральные Штаты сразу же подписать и ратифицировать договор о союзе (13 января), хотя депутаты отлично понимали, что если этот шаг не придется по вкусу их избирателям, то подобное отступление от конституции может стоить им головы После скрепления договора печатью все бросились обнимать друг друга с величайшей сердечностью «В Бреде — друзья, здесь — братья!» — воскликнул Темпл, а де Витт добавил, что теперь, когда дело уже сделано, оно кажется ему настоящим чудом

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ

Англо-голландский договор предполагал возможность присоединения к нему Швеции, чего удалось быстро добиться, и таким образом за пять дней был заключен Тройственный союз — событие, которое мир встретил с изумлением и одобрением Несмотря на неудачный конец последней войны, Англия теперь заняла, казалось, подобающее ей место и благодаря этим разумным шагам полностью восстановила прежнее влияние и авторитет в Европе Действия самого Темпла также удостоились восторженных отзывов, однако на все похвалы, коими щедро осыпали его по этому случаю, он скромно отвечал чтобы удалить вещи из центра, к которому они тяготеют, или из их подлинной стихии, требуется немало силы и труда, зато возвращаются они к своему естественному положению легко и без малейшего воздействия извне

Французского же монарха эта мера до крайности раздосадовала Мало того, что предел был положен его нынешним амбициям перед ним воздвигли такую преграду, которая казалась в принципе непреодолимой И хотя основой мирного договора сделали его собственные предложения, Людовик, установив чрезвычайно краткий срок для принятия его противной стороной, все еще надеялся, что проволочки или упрямство Испании предоставят ему возможность уклониться от соблюдения его условий Ничуть не меньшее неудовольствие проявлял мадридский двор Уступить какую-либо часть испанских владений за отказ Людовика от претензий, столь явным образом несправедливых, претензий, удовлетворения которых французы домогались с такой грубостью и высокомерием, — сама мысль об этом возмущала испанцев сверх всякой меры Несколько раз они даже грозились, что скорее полностью оставят Южные Нидерланды, но не подчинятся столь жестокому и унизительному диктату расчет их заключался в том, чтобы, запугав державы-посредницы подобной перспективой, вынудить их с большей энергией отстаивать интересы Испании Но Темпл и де Витт отлично знали, в чем состоят последние Им было ясно, что Испания по-прежнему нуждается в Южных Нидерландах как связующем звене с другими европейскими государствами, которые одни только и способны, если ее монарх умрет бездетным, обеспечить ее неза-

висимость перед лицом притязаний могущественной Франции А потому они настойчиво требовали от Испании принятия Тройственного союза, угрожая ей в случае отказа войной Полномочные представители всех заинтересованных держав встретились в Ахене, Англия направила туда Темпла, Голландия — Ван Бейнингена, Швеция — Донью

АХЕНСКИЙ МИР

Наконец Испания, подвергшаяся нажиму со всех сторон, приняла выдвинутые посредниками условия, но в самом своем согласии она обнаружила признаки сильнейшего раздражения и недовольства Было очевидно, что голландцы, совершенно не думая о чести испанской монархии, заботятся лишь о собственной безопасности и, если им удастся удержать Людовика подальше от своих границ, довольно спокойно отнесутся к его захватам в другом месте Уяснив намерения голландцев, королева регентша Испании решила и далее держать их в состоянии тревоги последняя, по ее мысли, могла бы стать в будущем отличным стимулом к союзу более тесному, чем тот, в который соглашались они вступить ныне Ранее, благодаря хорошо продуманному плану и энергичным действиям, французскому королю удалось в самый разгар суровой зимы буквально за две недели завоевать Франш-Конте И вот теперь королева-регентша предпочла получить обратно именно эту провинцию, оставив французам все фландрские города, захваченные ими в последнюю кампанию Таким образом, Людовик продвигал цепь своих крепостей и гарнизонов к самому сердцу Южных Нидерландов, а испанские владения лишались сколько-нибудь серьезного прикрытия

Но несмотря на все выгоды своего нынешнего положения, французский монарх едва ли мог надеяться, что ему когда-либо удастся расширить свои захваты в том направлении, которое было наиболее беззащитным перед его честолюбивыми замыслами и где его ожидали самые ценные приобретения Троиственный союз гарантировал целостность оставшихся у Испании владений, к участию в союзе приглашались также император и другие германские государи, чьи интересы данный вопрос затрагивал прямо и непосредственно Можно было рассчитывать, что и сама Испания, заключившая около этого времени при посредничестве Карла справедливый мир с Португалией, сумеет теперь с большеи твердостью и энергией противиться своей надменной и торжествующей сопернице Огромное удовлетворение, выражавшееся англичанами в связи с последними действиями двора, внушало надежду на то, что парламент искренне поддержит любые шаги, какие только можно будет предпринять для обуздания непомерных амбиций Франции В общем, казалось, что вся Европа обрела совершенный покой и полную безопасность под крылом этого могущественного союза, столь счастливым образом учрежденного ради ее защиты

Пришло время рассказать о положении дел в Шотландии и Ирландии [159]

ШОТЛАНДСКИЕ ДЕЛА

Хотя шотландскому народу никогда не приводилось страдать от деспотизма своих государей, он имел весьма смутные представления о законности и свободе, и едва ли в какую-либо эпоху шотландской истории его правители умели держаться в надлежащих границах. Лишь благодаря окончательной унии с Англией, некогда столь ненавистной для них соперницей, шотландцам выпало счастье узнать, что такое по-настоящему упорядоченная система правления, свободная от всякого рода насилий и несправедливостей. Карл, по своей нелюбви к трудам, доверил руководство делами в этой стране своим министрам, прежде всего — Миддлтону, и эти люди не смогли удержаться от вопиющих фактов превышения власти.

Было перехвачено письмо лорда Лорна к лорду Даффусу, автор которого в несколько вольных выражениях, но по сути вполне справедливо жаловался на то, что его враги, прибегнув ко лжи и клевете, пытались настроить против него короля. Однако, утверждал Лорн, ему уже удалось выяснить, кто эти люди, разрушить их замыслы и расположить в свою пользу ту особу (речь шла о графе Кларендоне), на чье содействие рассчитывал самый влиятельный из них. Письмо это было оглашено в парламенте, и его автора привлекли к суду на основе старого, жестокого и нелепого закона о «злокозненных измышлениях», который объявлял преступным деянием попытку оклеветать кого-либо из подданных перед Его Величеством и внушить королю дурное о них мнение. Лорна осудили на смерть, но Карл, до крайности возмущенный приговором, даровал ему помилование.

Парламент постановил, что двенадцать человек должны быть объявлены не способными к занятию любых постов и должностей — причем без какого-либо преступления с их стороны, без судебного разбирательства, без обвинительного акта, без свидетельских показаний; а чтобы сделать несправедливость еще более вопиющей, решили, что эти лица будут определены путем баллотировки. Подобный способ подачи голосов использовался на выборах в некоторых республиках для предотвращения партийных раздоров и интриг, но по сути служил лишь тому, чтобы маскировать беззаконие и личную вражду при определении наказаний. Среди прочих ограничению в правах подверглись Лодердейл, Кроуфорд и сэр Роберт Мюррей, но король не одобрил эту явную несправедливость и отказался ее санкционировать.[160]

Был также принят акт против тех, кто посмеет просить короля о восстановлении в правах детей лиц, осужденных и лишенных прав парламентом, — неслыханное дотоле посягательство на право подданных ходатайствовать перед монархом о милосердии и снисхождении. Никакого конкретного наказания за подобные действия определено не было, но по этой самой причине названный акт приобретал еще более жестокий и тиранический характер, юристы уже установили в качестве принципа, что нало-

жение окончательного наказания есть прерогатива короны, между тем, согласно закону, запрещающему какое-либо деяние, пусть даже и не устанавливающему за него определенной кары, нарушитель является преступником А в таком случае заключали юристы, наказание должно определяться произвольным образом, правда, им не может стать смертная казнь Миддлтон в качестве комиссара короны утвердил этот акт, хотя и не получил надлежащих инструкций на сей счет

Парламент принял акт об амнистии, но в то же время постановил, что всякий, кто совершил какой-либо проступок в период недавних смут обязан уплатить штраф, для наложения этих штрафов был назначен специальный комитет Члены его пренебрегали в своих действиях теми справедливыми правилами, которые установил для них король [161] Наиболее виновные договаривались с ними негласным образом Ни материальное положение, ни степень вины не принимались в расчет, не представлялось никаких доказательств, не проводилось никаких расследований, достаточно было простого доноса, и человека без дальнейших формальностей тотчас же присуждали к штрафу, причем все свои дела комитет вел тайно Когда соответствующий список был оглашен в парламенте, возникли сомнения по поводу ряда лиц, из которых одни в эпоху гражданской войны еще не достигли совершеннолетия, а другие находились за границей Но члены комитета отвечали на это, что в надлежащее время каждому дадут возможность представить доводы в свою защиту Таинственной целью этих штрафов, говорили они, было сделать так, чтобы актом об амнистии могли воспользоваться лишь те, кто уплатит требуемую сумму, всякий же, кто предпочтет не принимать дарованной ему амнистии и доказывать свою невиновность, волен делать это на свой страх и риск Всем было ясно, что едва ли кто-нибудь отважится бросить столь смелый вызов столь деспотическому правительству Король в послании к Тайному совету распорядился прекратить взыскание этих штрафов, но Миддлтон в течение некоторого времени находил способы уклоняться от исполнения его приказа [162] Наконец король велел своим министрам принимать композиции в размере половины установленных ими ранее штрафов Во всей истории со штрафами, да и в большинстве прочих событий этого царствования, мы видим, как благодетельная рука короля пытается защитить шотландцев от притеснений, которым их подвергают собственные соотечественники, превратившиеся в министров

Но главной причиной всех последующих жестокостей, смут и беспорядков явилось применение законов, предусматривавших введение епископата — иначе говоря, той системы церковного управления, которая большей части народа внушала непреодолимое отвращение С некоторых пор светский патронат в Шотландии был упразднен, и правом выбирать министров пользовались церковные сессии вместе со «старейшинами» из мирян Теперь же парламент постановил что все священники, допущенные к должности в соответствии с прежними правилами, должны быть

под страхом лишения бенефиция представлены патроном и заново назначены епископом Наиболее стойкие и непримиримые из пресвитериан сговорились между собой и, полагая, что самая их многочисленность послужит им защитой, отказались подчиниться новому закону Более всего строптивости в этом пункте выказали западные графства В один день триста пятьдесят приходов (т е свыше трети всех, существовавших тогда в Шотландии) были объявлены вакантными Новых кандидатов в министры искали по всему королевству, не отвергали никого, даже самых невежественных и порочных Народ, горячо любивший и искренне почитавший своих прежних священников, людей, знаменитых строгостью нравов и проповедническим пылом, возненавидел этих навязанных ему пастырей, которые получили свои бенефиции при столь возмутительных обстоятельствах и нимало не заботились о том, чтобы добропорядочной жизнью ослабить предубеждение на свой счет Даже большая часть тех, кто покорностью властям сумел сохранить свои приходы, подвергались теперь обвинениям в лицемерии одни за то, что выказывали ненависть к новой системе церковного управления, ими же формально признанной, другие же, напротив, по той причине, что свое прежнее неприятие пресвитерианства и Ковенанта они называли следствием насилия и принуждения А поскольку Миддлтон и новое министерство предавались величайшим бесчинствам и неистовствам, для нации совершенно непривычным, то всюду возобладало убеждение, что любого рода религия, полученная из рук подобных людей, есть нечестие и мерзость перед Господом

Несмотря на глубокое недовольство новыми порядками, народ решил не давать властям ни малейшего повода для обвинений в заговорах и мятежах, но эта его покорность, вместо того чтобы привести к смягчению строгих мер правительства, стала доводом в пользу продолжения прежней политики, которая, как утверждали ее творцы, своей твердостью и энергией как раз и обеспечила столь быстрое повиновение Однако насилия Миддлтона в конце концов возмутили короля[163] и он назначил своим комиссаром в Шотландии Ротса Этот аристократ уже был к тому моменту председателем Тайного совета, а вскоре его сделали лордом-хранителем и лордом-казначеем Обязанности государственного секретаря по-прежнему дополнял Лодердейл, проживавший по большей части в Лондоне

Мир в Шотландии сохранялся до тех пор, пока в Англии не был утвержден суровый закон против тайных религиозных собраний [164] Подражая английскому, шотландский парламент принял столь же жестокий акт Для проведения его в жизнь и для общего руководства церковными делами учредили нечто вроде суда Высокой комиссии Но даже этот орган, хотя его можно счесть незаконным, был гораздо предпочтительнее тех методов, к которым власти обратились впоследствии Тайный совет начал открыто использовать военную силу Всюду, где народ в массовом порядке отказывался посещать государственную церковь, ставили на постой солдат Командовал ими сэр Джеймс Тернер, чью природную свирепость еще сильнее возбуждала склонность к крепким напиткам Он рыскал по стра-

не, получая от местного духовенства списки лиц, которые не ходили в церковь или подозревались в посещении тайных молитвенных собраний. Без всяких доказательств или судебных приговоров он налагал на предполагаемых нарушителей закона штрафы, а чтобы выжать требуемые суммы, ставил к ним на постой солдат. Во время Голландской войны, когда власти всерьез опасались восстания диссентеров, были набраны дополнительные военные силы, командование которыми поручили Делзиэлю и Драммонду, двум офицерам, в эпоху гражданских войн служившим королю, а затем подвизавшимся на службе в России, где их жестокий от природы нрав стал еще более бесчеловечным. Теперь шотландские министры дали полную волю своим тираническим наклонностям. Жалобы на их возмутительные действия не раз поступали к королю. Бедственное положение страны не оставило его равнодушным: Карл распорядился упразднить церковную судебную комиссию, а кроме того, дал понять, что люди, состоящие у него на службе, должны использовать иные методы судопроизводства.[165]

Но этот запоздалый акт милосердия уже не мог исправить последствий прежних бесчинств. Народ, охваченный религиозным фанатизмом и возмущенный жестокими притеснениями, взялся за оружие. Зачинщиками мятежа были Гатри, Семпль и еще несколько проповедников. Захватив врасплох в Дамфрисе Тернера, они решили предать его смерти, но, обнаружив, что, исполняя полученные им приказы (попавшие теперь в их руки), он не доходил до тех неистовств, какие ему предписывались, оставили Тернеру жизнь. В Ланерике, после долгих молитв, мятежники возобновили Ковенант и обнародовали манифест, в котором торжественно заявили о своей совершенной покорности королю; единственным их требованием было восстановить пресвитерианство и вернуть в приходы прежних священников. Поскольку многие джентльмены из их партии, внушавшие подозрения властям, находились теперь в заключении, то простонародье поручило командование Уоллесу и Лермонту, в свое время служившим в *армии, хотя и в довольно скромных чинах. Их силы никогда не превышали* двух тысяч человек, и хотя население по большей части им сочувствовало, дух народа был сломлен до такой степени, что мятежники едва ли могли рассчитывать на рост своих рядов. Навстречу им выступил Делзиэль. К этому времени их оставалось не более восьмисот; продвинувшись вначале до Эдинбурга, они повернули назад, чтобы пробиться в западные графства через Пентландские горы. Здесь их и настигли королевские войска.[166] Видя, что избежать боя уже не удастся, повстанцы остановились. Священники своими проповедями попытались вселить в них мужество. После пения псалмов мятежники двинулись на врага и, пользуясь преимуществами своей позиции, стойко выдержали первый натиск. На этом, однако, бой закончился: их отряд быстро пришел в расстройство и, охваченный паникой, обратился в бегство. Около сорока человек легло на месте, сто сорок повстанцев попало в плен; остальные, воспользовавшись темнотой, а также благодаря усталости и, может быть, даже сочувствию солдат короля сумели спастись.

Безжалостные притеснения, которым подвергались эти люди, иллюзии, затуманившие их рассудок, а также их образ действий в ходе мятежа, чуждый всяким жестокостям и бесчинствам, сделали их предметом всеобщего сострадания Однако королевские министры, и прежде всего Шарп, решили обрушить на них самые суровые кары Десять человек были повешены на одной виселице в Эдинбурге, еще тридцать пять — в разных местах напротив собственных домов Все эти люди могли бы остаться в живых, если бы отреклись от Ковенанта Казни продолжались до тех пор, пока сам король не положил им конец Он заявил, что крови пролито уже достаточно, и направил Тайному совету письмо с приказом выпустить на свободу тех заключенных, которые просто пообещают впредь не нарушать законов, совершенно неисправимых он велел выслать в колонии [167] Письмо короля доставил Бернат, архиепископ Глазго, но так как Шарп, председатель совета, не потрудился сразу же зачитать его своим коллегам,[168] то некто Маккейл был в это время подвергнут пыткам, от которых скончался Казалось, он умирал в исступлении восторга «Прощайте, солнце, луна и звезды, прощай, мир человеческий, прощай, грешная, бренная плоть! Здравствуй, вечность, приветствую вас, ангелы и святые, приветствую тебя, Спаситель мира, приветствую тебя, Господи, всеобщий судия!» Таковы были его последние слова, и эти пылкие речи он произнес с такой страстной убежденностью, что все присутствовавшие были потрясены до глубины души

СОБЫТИЯ В ИРЛАНДИИ

Устроение Ирландии после Реставрации было делом гораздо более трудным, чем умиротворение Англии или даже Шотландии Мало того, что в период прежних узурпаций власть в этой стране принадлежала врагам короля — чуть ли не вся земельная собственность успела переменить владельцев, и теперь возникла необходимость, как можно в меньшей степени прибегая к насилию, исправить множество вопиющих несправедливостей и беззаконий, на которые жаловались ирландцы

В 1648 году ирландские католики заключили с лордом-наместником короля Ормондом соглашение, в котором выговорили себе амнистию за свой мятеж и обязались на определенных условиях поддержать дело монарха, и хотя злобная ярость католических священников вместе со слепым фанатизмом простонародья в значительной мере помешали выполнению этого договора, многие ирландцы, рискуя собственной жизнью, строго его соблюдали и теперь, казалось, имели полное право пожать плоды своей верности Кромвель изгнал поголовно всех коренных ирландцев из трех провинций — Манстера, Ленстера и Ольстера, отведя им для жительства Коннаут и графство Клер, и среди тех, кто жестоко пострадал в результате этого принудительного переселения, было множество таких людей, чья невиновность не вызывала ни малейших сомнений Далее, не-

которые протестанты, и среди прочих Ормонд, боролись с ирландским мятежом с самого его начала, но так как впоследствии они встали на сторону короля в его войне с парламентом, то Кромвель лишил всех этих людей имущественных и гражданских прав Наконец, многим офицерам, служившим в Ирландии с того момента, как там вспыхнуло восстание, парламент Английской республики отказался уплатить задолженность по жалованью, поскольку в свое время они не пожелали изменить королю и перейти на его сторону

Все эти несчастные люди, пострадавшие в результате перечисленных выше мер, имели, казалось, законное право требовать правосудия, главная трудность, однако, заключалась в изыскании реальных способов и средств исправления столь многочисленных и громадных несправедивостей Дело в том, что почти все удобные земли в Ирландии уже были разбиты на участки и розданы либо дельцам — «авантюристам», подписавшимся в свое время на парламентский заем для подавления ирландского мятежа, либо солдатам, получившим эти земли вместо неуплаченного им жалованья Лишить солдат вновь приобретенной ими собственности не было никакой возможности во-первых, они представляли собой наиболее могущественную и единственную вооруженную силу в Ирландии, во-вторых, их приходилось всячески обхаживать и ублажать хотя бы для того, чтобы упрочить протестантское и вообще английское влияние в этом королевстве, наконец, в-третьих, солдаты ирландской армии с видимым рвением и усердием содействовали реставрации короля Соответственно Карл издал прокламацию, в которой обещал оставить за ними их участки и в то же время обязывался возместить ущерб, понесенный невиновными в мятеже ирландцами В Ирландии еще оставалось известное количество неподеленных земель, и в тот момент полагали, что их, а также некоторых других фондов окажется достаточно, чтобы король смог выполнить оба данных им обязательства

Был учрежден специальный претензионный суд, состоявший исключительно из английских комиссаров, никак не связанных с ирландскими партиями В этот суд поступило около четырех тысяч исков от частных лиц, которые, ссылаясь на свою невиновность, ходатайствовали о восстановлении в прежних имущественных правах, комиссары же успели рассмотреть не более шестисот Стало ясно, что если все подобные иски будут удовлетворены, то земельного фонда, из которого предполагалось обеспечить интересы «авантюристов» и солдат, окажется совершенно недостаточно для сколько-нибудь существенного удовлетворения их претензий Люди всех званий были охвачены величайшей тревогой и смятением, каждую из партий волновали страхи и надежды одни страстно желали вернуть себе достояние своих отцов, другие были полны решимости сохранить за собой недавние приобретения

Лордом-наместником Ирландии назначили герцога Ормонда — как единственного человека, чьи благоразумие и справедливость могли хоть как-то примирить столь несходные интересы В Дублине собрался парламент, а поскольку нижняя его палата была избрана почти исключительно

солдатами и «авантюристами», по-прежнему остававшимися собственниками своих земель, то она совершенно открыто защищала их интересы Палата пэров выказала больше беспристрастия

Некоторые из бывших солдат решили поднять восстание и внезапным ударом захватить Дублинский замок, к счастью, бдительность Ормонда разрушила этот замысел Нескольких преступников казнили, Блад, самый отчаянный из заговорщиков, сумел бежать в Англию

Но подобного рода смута и неопределенность не могли продолжаться вечно В конце концов все партии обнаружили готовность несколько умерить собственные претензии, чтобы добиться какой-то устойчивости и равновесия, и Ормонд, со своей стороны, употребил для этой цели весь свой авторитет Солдаты и «авантюристы» согласились уступить треть своих земель, а поскольку эти участки они приобрели по весьма низким ценам, то у них были все основания считать подобный компромисс выгодным для себя Все те, кто пострадал за верность королю (а также некоторые из не причастных мятежу ирландцев), были восстановлены в своих гражданских и имущественных правах Человек, поставленный перед необходимостью доказывать свою невиновность, чтобы вернуть земли, которые испокон веков принадлежали ему и его предкам, оказывался в чрезвычайно сложном положении, но тяжесть его усугублялась еще и тем, что сам процесс доказательства был умышленно до предела затруднен Если некое лицо хотя бы известное время проживало на территории, занятой мятежниками, то по этой одной причине его самого считали мятежником и уже не позволяли ему ссылаться на свою невиновность Страшная вина, лежавшая на ирландском народе в целом, заставляла англичан с большей легкостью смотреть сквозь пальцы на любые беззакония, жертвой которых становились отдельные лица, считалось, что хотя прямой интерес всякого мудрого правительства заключается в предотвращении несправедливости, однако если несправедливое деяние совершилось давно, с успехом, и последствия его, так сказать, прочно укоренились, то их уже не всегда можно было исправить

В Ирландии уже начали водворяться порядок и спокойствие, когда ее взбудоражил принятый английским парламентом жестокий закон, воспрещавший ввоз крупного рогатого скота из Ирландии в Англию [169] Ормонд выразил решительный протест против этого акта Он заявил, что существующая ныне торговли между Англией и Ирландией чрезвычайно выгодна для первой, которая в обмен на всевозможные изделия своей промышленности получает единственно лишь сырье и продовольствие, что если на вывоз ирландского скота будет наложен запрет, то у обитателей этого острова не останется других товаров, которыми можно было бы оплатить то, что ввозится ими из Англии, и они будут вынуждены обратиться к другим нациям, что трудолюбивые англичане, лишенные поставок ирландского продовольствия, благодаря которым стоимость жизни в Англии остается низкой, окажутся перед необходимостью повысить у себя стоимость рабочей силы, и таким образом изделия их промышленности ста-

нут слишком дорогими, чтобы их можно было с выгодой продавать на иностранных рынках, что, с другой стороны, нерадивые ирландцы, почти полностью лишившись возможности приобретать для себя продукты питания, утратят единственный стимул к труду и на веки вечные передадут потомкам свойственные им теперь лень и варварство, что почти полное прекращение торговли между двумя королевствами разорвет все естественные связи между ними и тогда удерживать ирландцев в рамках повиновения законам можно будет лишь принуждением и грубой силой, и наконец, что обитатели этого королевства, доведенные до крайней нищеты, окажутся неспособны содержать те самые военные силы, которые непременно потребуются для подавления вспышек недовольства, в их положении отнюдь не беспричинного

Справедливые доводы Ормонда так сильно подействовали на короля, что он использовал все свое влияние, чтобы не допустить принятия этого билля, и прямо заявил, что совесть не позволяет ему дать на него санкцию Но общины твердо стояли на своем За последние годы в некоторых районах Англии упали ренты, что объясняли единственно лишь ввозом в страну ирландского скота, росту предрассудков на этот счет весьма способствовали тайные интриги и, в частности, происки Бекингема и Ашли, изо всех сил старавшихся навредить Ормонду как лорду-наместнику, наконец, дух жестокой тирании, способный овладеть целой нацией с таким же успехом, как и отдельным человеком, внушал англичанам непреодолимое желание дать почувствовать свою власть зависимому от них народу Невозможно представить большее ожесточение, чем то, какое проявили в этом деле общины Они дошли до того, что в преамбуле к биллю объявили ввоз скота из Ирландии нарушением общественного порядка Таким образом, нижняя палата дала волю своему раздражению и в то же время попыталась помешать королю воспользоваться прерогативой, в силу которой он мог бы счесть себя вправе освободить своих подданных от обязательств, возложенных на них столь неразумным и несправедливым законом Лорды вычеркнули эти слова, но так как Карл понимал, что общины, если не потешить их злобные предрассудки, откажутся вотировать субсидии короне, то ему пришлось употребить свое влияние, чтобы обеспечить прохождение билля через верхнюю палату, а затем дать на него королевскую санкцию Он, однако, не преминул выразить недовольство проявленным по отношению к нему недоверием, а также открытым намерением общин ограничить его прерогативу

В течение некоторого времени этот закон приносил ирландцам немало бедствий и лишений, но в конечном счете он оказался для этого королевства весьма благотворным, ибо заставил его жителей с большим, чем прежде, усердием обратиться к занятиям промышленностью

Глава VI (XXI)

Парламент. — Министерство «кабаль». — Характер его членов. — Их планы. — Союз с Францией. — Парламент. — Акт Ковентри. — Преступления Блада. — Герцог Йоркский открыто объявляет себя католиком. — Прекращение выплаты королевских долгов. — Декларация о веротерпимости. — Нападение на голландскую флотилию у Смирны. — Объявление войны Голландии. — Слабость Штатов. — Битва при Солбее. — Смерть Сандвича. — Успехи французов. — Паника в Голландии. — Принц Оранский становится штатгальтером. — Де Витт растерзан толпой. — Разумные действия принца. — Парламент. — Отмена Декларации о веротерпимости. — Морские сражения. — Еще одно морское сражение. — Кельнский конгресс. — Парламент. — Мир с Голландией

Со времени Реставрации Англия достигла такого состояния, которое оставалось ей совершенно неведомым во все прежние эпохи ее политической истории и которое, как тогда казалось, только и могло обеспечить стране разом спокойствие и свободу: король испытывал постоянную нужду в парламентских субсидиях и, как можно было подумать, готов был смириться со своим зависимым положением. Вместо того чтобы возобновлять притязания, связанные с правами монаршей прерогативы, которые с таким упорством отстаивали его предшественники, Карл держался в строгих рамках закона и всеми способами пытался снискать любовь и расположение своих подданных. Даже в суровых мерах, принятых им против нонконформистов, хотя сами по себе они и заслуживают порицания, следует видеть средство, с помощью которого он желал завоевать доверие господствовавшей в парламенте партии.

Но, несмотря на эти, казалось бы, столь радужные перспективы, существовали многочисленные обстоятельства, не позволявшие английской системе правления прочно утвердиться на новом фундаменте. Утратив почти все принадлежавшие ей некогда земли, корона могла теперь рассчитывать лишь на добровольные субсидии народа, а общины, не вполне освоившиеся с новым положением вещей, еще не были готовы удовлетво-

рять нужды короны с надлежащей щедростью. Они чересчур строго следовали примеру своих предшественников, выделяя правительству общественные средства с крайней скупостью, и не учитывали в достаточной степени ни стесненные обстоятельства собственного монарха, ни общее положение Европы, где каждое государство увеличило все виды расходов сообразно росту своей силы и могущества. Правда, несколько раз Карл получал от парламента довольно крупные суммы, и тогдашние патриоты сурово порицали палату общин за расточительность; но если исходить из опыта позднейшей эпохи, когда система правления стала более упорядоченной и отдельные ее части удалось привести к большему, чем прежде, согласию между собой, то парламенты этого царствования заслуживают, кажется, противоположного упрека.

Неизбежным результатом бедности короны, помимо вялой и непоследовательной внешней политики, была постоянная неопределенность в области внутреннего управления. Никто не мог сказать с уверенностью, что предпримет в ближайшем будущем палата общин. Немногие из ее членов были связаны с двором какими-либо иными узами, кроме личной склонности. Роялисты по своим убеждениям, однако весьма неискушенные в государственных делах, коммонеры готовы были принять за чистую монету любые слухи и клеветнические измышления и, подобно невежественной черни, бездумно неслись по течению, влекомые из стороны в сторону бурными порывами своих переменчивых настроений. Даже попытки поставить их под контроль посредством раздачи должностей и, как полагают, взяток и пенсий, нередко производили действие прямо противоположное тому, которого добивались королевские министры. Новизна подобной практики порождала всеобщую и, надо признать, справедливую тревогу, однако скудость средств, находившихся в распоряжении короны, делала достигнутое таким путем влияние довольно ограниченным и непрочным.

Карл по своему характеру едва ли был способен исправить эти изъяны в конституции. В общественных делах он вел себя так, словно управление государством являлось для него приятным развлечением, а не серьезным занятием, и по вине своего непоследовательного образа действий он совершенно утратил тот авторитет, который только и мог сообщить твердость и устойчивость вечно колеблющемуся курсу парламента. К тому же в своих расходах, порой, вероятно, выходивших за рамки допустимого, король руководствовался скорее личными склонностями, нежели соображениями политического благоразумия; сами же эти расходы, увеличивая его зависимость от парламента, не могли удовлетворить вполне ни корыстных, ни бескорыстных членов этого собрания.

ПАРЛАМЕНТ

Когда парламент после долгих каникул возобновил свои заседания (8 февраля), король, твердо полагаясь на преданность общин, был полон самых радужных надежд Все его последние меры имели целью снискать расположение народа, более же всего Карл рассчитывал на то, что заключенный им Тройственный союз сможет сгладить тягостное впечатление от неудачного финала Голландской войны Однако новый шаг двора (надо сказать, также весьма похвальный) на некоторое время свел на нет благие плоды всех прежних усилий Бекингем, который был в большом фаворе у короля и напропалую интриговал в палате общин, попытался также войти в сношения с нонконформистами, и теперь, действуя сообща с лордом-хранителем сэром Орландо Бриджменом и главным судьей сэром Мэтью Гейлом, двумя достойными патриотами, он задумал положить конец жестоким притеснениям, от которых так давно страдали эти фанатики Предполагалось, во-первых, добиться примирения с пресвитерианами, объединив их в одну церковь с англиканами, и, во-вторых, даровать веротерпимость индепендентам и прочим сектантам Этот план, как и все подобные проекты, появлявшиеся в царствование Карла, кажется, не предусматривал никаких поблажек для католиков, и, однако, он до такой степени возмутил ревностных протестантов палаты общин, что они, несмотря на все уговоры, отказались изъявить королю благодарность за Тройственный союз, хотя заключение последнего считалось тогда (да и теперь считается) весьма похвальным шагом Палата тотчас же составила адрес к королю с просьбой об издании особой прокламации против тайных религиозных собраний Просьба ее была исполнена, но поскольку король вновь дал понять о своем желании добиться примирения своих подданных-протестантов, то общины приняли чрезвычайно странное постановление, объявив, что впредь никому не будет позволено вносить в палату какие-либо билли на сей счет Между тем король снова и снова обращался к ним за субсидиями, он твердил о необходимости оснастить флот и даже согласился, чтобы сбором и употреблением средств, которые ассигнует на эти цели палата, ведали назначенные ею самой комиссары Все было напрасно Вместо того чтобы пойти навстречу королю, общины постановили провести расследование всех промахов и неудач, имевших место в последнюю войну, — переданного Брункером ошибочного приказа сбавить ход после победы герцога Йоркского в морском сражении, неудачи у Бергена, разделения флота на две эскадры — Руперта и Албермарла, чатамского позора Брункера исключили из палаты, кроме того, решено было привлечь его к ответственности в порядке импичмента Та же участь постигла комиссара Пета, который пренебрег полученными им распоряжениями и не обеспечил защиту Чатама (В обоих случаях дело так и не дошло до судебного процесса) Наконец, когда все капризы предубежденной палаты были выполнены, ее уговорили вотировать королю 310 000 фунтов, которые над-

лежало собрать через налог на вино и прочие крепкие напитки, после чего палата была распущена на каникулы.

Помимо глубокого недовольства, которое вызвали у общин исповедуемые двором принципы веротерпимости, на этой сессии возникло еще одно препятствие, весьма замедлившее рассмотрение парламентом важных государственных дел, — ссора между палатами. Скиннер, богатый лондонский купец, понесший ущерб по вине Ост-Индской компании, изложил свои претензии в петиции к палате лордов, которая возместила ему издержки и убытки на сумму 5 000 фунтов. В ответ на это общины постановили, что лорды, приняв к рассмотрению дело, не прошедшее через нижестоящие суды и при отсутствии каких-либо апелляций на решения последних, совершили акт, противный законам королевства и клонящийся к отнятию у подданных прав, льгот и преимуществ, этими законами гарантированных; и что сам Скиннер, подав свой иск подобным образом, посягнул на привилегии общин. За это преступление общины распорядились посадить его в тюрьму. Последовало несколько конференций с участием обеих палат, на которых лорды упорно отстаивали свои судебные полномочия и пытались доказать, что процедура, избранная для их осуществления, была вполне законной. Тут общины разгорячились настолько, что приняли постановление, где было сказано, что «всякого, кто окажет помощь или содействие в исполнении решения или приговора, вынесенного палатой лордов по делу Скиннера против Ост-Индской компании, надлежит считать изменником, покушающимся на права и свободы общин Англии и нарушающим привилегии палаты общин». Они верно рассудили, что после этого постановления едва ли найдется такой смельчак, который рискнул бы навлечь на себя их грозный гнев. Впрочем, образ действий лордов в данном процессе, не опиравшийся на какие-либо прецеденты, кажется, и вправду был совершенно необычным.

Крайняя нужда в средствах вновь заставила короля собрать парламент (9 октября), который на сей раз как будто даже выказывал намерение ему помочь. За эту милость, однако, Карлу пришлось заплатить особую цену, утвердив новые законы против тайных религиозных собраний. Интересно, что уступчивость короля в данном пункте помогла ему снискать расположение общин в гораздо большей степени, чем все широковещательные заявления в пользу Тройственного союза, от заключения коего, как от чрезвычайно популярной в стране меры, он ожидал для себя столь великих выгод. Тем временем прежний спор между палатами вспыхнул вновь, и поскольку общины вотировали короне всего 400 000 фунтов, что никак не могло устроить короля, то он почел за благо, пока они не успели превратить это постановление в закон, объявить отсрочку парламента (11 декабря). Единственным делом, которое удалось закончить в эту короткую сессию, стало обсуждение доклада парламентской комиссии, назначенной для проверки отчетности по государственным расходам. При первом, беглом знакомстве с этим докладом обнаруживается наличие весьма крупной суммы (не менее 1 500 000 фунтов), никак не отра-

женной в финансовых документах; и отсюда, казалось бы, следует естественный вывод, что король сильно злоупотреблял доверием парламента. Однако более тщательный анализ деталей позволяет в значительной степени снять с него это порочащее обвинение Карл даже нашел нужным сказать парламенту в тронной речи, что «он в полной мере осведомлен об этом деле и потому торжественно заявляет, что ни малейшая часть средств, отпущенных ему парламентом, не была использована на какие-либо посторонние цели; более того, помимо всех парламентских субсидий, он собрал весьма крупные суммы из собственных постоянных доходов и даже вошел в большие долги — и все это для военных нужд». Хотя в своих речах к парламенту короли нередко прибегали к лукавым и лицемерным уверткам и ни один из них не делал этого чаще, чем Карл, мы все же находим затруднительным подозревать его в прямой лжи и грубом обмане. Вероятно, у него были основания и, надо думать, довольно серьезные, для подобного утверждения, судить о справедливости которого, имея на руках соответствующие документы, мог в тот момент любой из его слушателей.[170]

До этого времени, вотируя известную сумму в качестве субсидии, парламент никогда не определял и не устанавливал заранее, на какие именно цели она должна быть израсходована. Пока финансовые требования короны оставались скромными и нерегулярными, подобный образ действий не порождал больших неудобств. Теперь же вся работа правительственного механизма в корне изменилась, и следует признать, что в тех случаях, когда король употреблял общественные средства надлежащим образом, прежняя нечеткая и неупорядоченная система, навлекая на него подозрения, наносила ущерб его репутации; если же ему угодно было поступать иначе, то в проигрыше соответственно оказывался народ. По этим причинам во все последние царствования общины неизменно держались противоположного метода.

Собравшись после каникул (14 февраля), парламент вновь занялся вопросом о субсидиях и выделил королю на восемь лет дополнительные пошлины из расчета 12 фунтов за каждый тан вина, ввозимого из Испании, и 8 фунтов — за каждый тан французских вин. Был также принят закон, позволявший ему продавать приносящие ренту недвижимые имущества — последний остаток коронных земель, на доходы от которых жили в старину английские монархи. Мера эта дала королю известные средства для удовлетворения его текущих нужд, но в то же время усугубила и без того тяжелую зависимость короны от парламента. Трудно сказать с точностью, сколько денег мог выручить король через эти распродажи, но уж во всяком случае не 1 800 000 фунтов или около того, как утверждают некоторые авторы.[171]

Акт против тайных религиозных собраний прошел через парламент и получил королевскую санкцию. На первый взгляд может показаться, что его целью было несколько смягчить суровость прежних жестоких законов на сей счет, но, судя по тому злобному духу нетерпимости, который про-

рывался чуть ли не на каждой сессии этого парламента, он вовсе не был задуман как поблажка нонконформистам Согласно этому акту, участник незаконного тайного сборища (т е молитвенного собрания диссентеров, где присутствовало более пяти человек, не считая хозяина и его семейства) карался штрафом в 5 шиллингов А при повторном нарушении — в 10 шиллингов, с проповедника взыскивали 20 фунтов в первый раз и 40 — во второй Лицо, в доме которого собирались сектанты, должно было уплатить ту же сумму штрафа, что и проповедник Одна из статей закона просто бесподобна В ней сказано если возникнут какие-либо споры вокруг истолкования той или иной части настоящего акта, то судьям надлежит разрешать подобные сомнения в наименее благоприятном для сектантов смысле, ибо парламент твердо намерен покончить с их сборищами Общины в своем религиозном рвении дошли до того, что грубо нарушили одну из самых очевидных и общепризнанных максим гражданского общежития, требующих, чтобы во всех судебных разбирательствах любые сомнения толковались в пользу обвиняемого

Дело Скиннера по-прежнему оставалось источником ссор и пререканий между палатами, король, однако, убедил пэров согласиться с предложенным общинами средством — предать полному забвению все сказанное и сделанное в связи с этим спорным вопросом

Король предпринял некоторые попытки добиться заключения унии между Англией и Шотландией — попытки, впрочем, слишком слабые, чтобы устранить все препятствия на пути к этой важной и великой цели Была назначена комиссия для выработки условий унии, но весь этот план, главным образом из-за интриг Лодердейла, быстро сошел на нет

Около этого времени Карл начал часто захаживать на заседания палаты пэров Сам король объяснял это тем, что они забавляют его и что он находит их столь же занимательными, как театральные представления Окружающие, однако, подозревали здесь нечто более серьезное Поскольку живейший интерес у короля вызывал, по-видимому, процесс лорда Роса, который, обвинив жену в прелюбодеянии, добился развода и теперь ходатайствовал перед парламентом о дозволении вступить в новый брак, то публика решила, что Карл задумал воспользоваться этим делом в качестве прецедента и теперь ищет какой-то другой предлог для того, чтобы избавиться от королевы Говорят, что Бекингем[176] предлагал ему на сей счет множество всевозможных проектов, но король, при всей своей нещепетильности в иных отношениях, был совершенно неспособен совершить поступок грубый или жестокий и потому отклонял любые планы такого рода Было, однако, замечено, что подозрения о подобных намерениях с его стороны вызвали в это время некоторое охлаждение в отношениях августейших братьев

Мы подходим к тому периоду, когда планы и действия короля, до сих пор, несмотря на его беспечность и непостоянство, остававшиеся в целом разумными и похвальными, стали на известное время в высшей степени безнравственными или даже прямо преступными и, порождая в каждом

из подданных непреодолимое недоверие к монарху, привели к таким последствиям, которые едва не обернулись полной катастрофой как для самого государя, так и для народа. К счастью, прежняя беспечность не оставила Карла и здесь, и если раньше она ослабляла влияние его благих мер, то теперь она смягчала пагубное действие предпринимавшихся им дурных шагов.

КАБАЛЬ

Современники не оставили без внимания то обстоятельство, что комитет Тайного совета, учрежденный для руководства иностранными делами, полностью изменил свой состав, и что принц Руперт, герцог Ормонд, государственный секретарь Тревор и лорд-хранитель большой печати Бриджмен — люди, чья честность не вызывала у нации ни малейших сомнений, — уже не приглашаются на его заседания. Все тайные дела были теперь доверены пятерым лицам — Клиффорду, Ашли, Бекингему, Арлингтону[177] и Лодердейлу. Эти особы получили общее название — «кабаль», образованное из начальных букв их фамилий. В Англии никогда не существовало министерства, столь же печально известного по своей пагубной, чреватой опаснейшими последствиями политике.

ХАРАКТЕРЫ ЧЛЕНОВ КАБАЛИ

Лорд Ашли, вскоре получивший известность как граф Шефтсбери, был одной из самых необыкновенных личностей той эпохи и главным вдохновителем всех последующих мер. В ранней молодости он принял сторону покойного короля, но, возмущенный какими-то поступками принца Мориса, вскоре переметнулся в лагерь парламента. Ашли втерся в доверие к Кромвелю и оказал ему ценные услуги, так как, обладая немалым весом в кругах пресвитериан, мог поддерживать в своей партии авторитет этого узурпатора. То же влияние он использовал для содействия Реставрации, по каковой причине заслужил право претендовать на милости короля и действительно их удостоился. При всех своих политических поворотах Ашли умел сохранить репутацию человека, который никогда не предает оставленных им в прежней партии друзей; а к какому бы лагерю он ни присоединялся, недюжинный ум и блестящие таланты тотчас же завоевывали ему полное доверие новых единомышленников, позволяя быстро добиться главенствующей роли среди них. Никакое положение в обществе не могло удовлетворить его честолюбия, никакая усталость не способна была ослабить его бешеную энергию. Отлично знакомый со сле-

пым фанатизмом партий, он истребил в себе всякое чувство стыда, и, всецело полагаясь на свой острый и изобретательный ум, не останавливался даже перед рискованными и преступными предприятиями Его таланты по части публичного красноречия, равно как и умение очаровать и расположить к себе приватным образом, были воистину поразительными, а посреди всех своих бурных страстей он сохранял редкую способность здраво судить о вещах и еще тоньше — о людях Но хотя природа и наделила его всем необходимым, чтобы задумывать и начинать грандиознейшие предприятия, ни одно из них он так и не сумел довести до конца, неуемное же честолюбие делало выдающиеся способности Ашли одинаково опасными для государя, для народа и для него самого

Герцог Бекингем обладал всеми преимуществами, какие только могут дать человеку изящная наружность, высокое положение, огромное богатство и острый ум, но по причине своего крайнего беспутства, не сдерживаемого ни соображениями благоразумия, ни принципами морали, он умудрился в конце концов превратиться в существо, для всех ненавистное и даже презренное Малейшая выгода могла заставить его забыть о чести, приманка ничтожнейшего из удовольствий могла увести его в сторону от выгоды, а пустейшего каприза оказывалось достаточно, чтобы он совершенно охладел к удовольствию Непостоянство и неумение хранить тайны погубили его репутацию на общественном поприще, совершенное презрение ко всякому порядку и бережливости стоили ему личного состояния, излишества и разгул подорвали его здоровье, и в итоге у Бекингема осталось так же мало возможностей причинять людям вред, как мало было у него во все времена желания приносить им пользу

Граф, а вскоре герцог Лодердейл, не испытывал недостатка ни в природных дарованиях, ни в благоприобретенных способностях, однако манеры его не отличались изяществом, а ум — основательностью Он с упорством держался за свои принципы, или, лучше сказать, предрассудки, которые, впрочем, не могли обуздать его честолюбия, последнее же оказывалось на деле менее опасным, чем его неистовый и деспотичный нрав Беспощадный к врагам, равнодушный к друзьям, надменный с низшими, угодливый перед высшими, Лодердейл по своему характеру и поведению являл собою почти полную противоположность королю, и однако именно этому человеку, в отличие от всех прочих министров, удавалось в течение большей части царствования сохранять влияние на Карла

Таланты парламентского оратора и интригана позволили сэру Томасу Клиффорду возвыситься в палате общин, а дерзкий и горячий нрав обеспечил ему видное место в советах короля

Из всех членов кабали наименее опасным, как по своим порокам, так и по своим дарованиям, был Арлингтон Он обладал известной рассудительностью, хотя и не мог похвастаться глубоким умом, намерения его были благими, но ему недоставало честности и мужества, чтобы твердо следовать по однажды избранному пути В свое время он вместе с Темплом и Бриджменом деятельно способствовал заключению Тройственного союза,

но убедившись, что его повелитель склоняется к иной политике, с таким же рвением повернул в противоположную сторону

Арлингтон и Клиффорд были тайными католиками, Шефтсбери, несмотря на его страсть к астрологии, считался деистом, Бекингем был слишком бездумным существом, чтобы держаться каких-либо твердых принципов, наконец, Лодердейл давно уже превратился в фанатичного пресвитерианина, и воззрения этой секты по-прежнему господствовали над его умом, хотя и не так уж сильно влияли на его поступки

ИХ ПЛАНЫ

Преступные замыслы членов кабали с самого начала вызывали тревогу у всех разумных и благомыслящих людей, но лишь дальнейшие события обнаружили их с полной ясностью Те взгляды, которые упомянутые министры при содействии католиков-придворных, пользовавшихся доверием монарха, пытались внушить королю и герцогу (и которые эти высокие особы усваивали с величайшей готовностью) сводились, насколько мы можем судить, примерно к следующему Они утверждали, что нынешний парламент, хотя партийный дух пока еще связывает его с короной, гораздо сильнее привержен тем правам и привилегиям, которые его предшественники узурпировали у государя, что после того, как первоначальный порыв пылких монархических чувств иссяк, члены парламента обнаружили явные признаки недовольства и в будущем непременно обратят против короля всю ту власть, которая по-прежнему находится в их руках, а еще больше — те притязания, которые им так легко в любой момент возобновить, что они не только держат короля в унизительной зависимости, пользуясь скудостью и негарантированностью его постоянных доходов, но даже в вотируемых ими временных субсидиях ни разу не выказали надлежащей щедрости к короне, что государю давно пора выйти из летаргического сна и вернуть себе ту власть, коей в течение стольких веков мирно и невозбранно пользовались его предшественники, что величайшей ошибкой или великим несчастьем его родителя было то, что он не вступил в тесные связи с иностранными государями, которые уже в самом начале мятежа могли бы, вероятно, убедиться, что их собственный прямой интерес состоит в оказании помощи Карлу, что нынешние союзы, заключенные с множеством слабых монархов и государств, которые сами нуждаются в покровительстве английского короля, никогда не смогут поддержать, а уж тем более укрепить королевскую власть в Англии, что единственно лишь у французского монарха, государя столь великодушного по характеру и к тому же связанного с английским королем столь тесными родственными узами, найдутся силы и желание (если, конечно, удовлетворить его собственное честолюбие) выступить в защиту общего дела королей против посягающих на их законные права подданных, что

война против Голландии, начатая соединенными силами двух столь могущественных потентатов, окажется легким предприятием и позволит достичь всех поставленных целей, что под предлогом этой войны будет совсем нетрудно обзавестись сухопутной армии, без которой, пока среди его подданных широко распространены республиканские воззрения, королю не следует надеяться на то, что он сумеет отстоять свою прерогативу, что свой военный флот король сможет содержать частью на те средства, которые под каким-нибудь другим предлогом нужно будет заранее испросить у парламента, частью на французские субсидии, частью же — за счет захватов у богатой республики, произвести которые не составит большого труда, что в подобной ситуации попытка возвратить утраченные короной полномочия непременно увенчается успехом и никто из недовольных не посмеет оказать сопротивление государю, имеющему столь могущественного союзника, — если же у них все-таки достанет на это дерзости, то они лишь навлекут на себя и на свое дело еще более верную гибель, и что, сокрушив Штаты, король сделает громадный шаг на пути к преобразованию английской системы правления, ибо совершенно ясно, что слава и величие этой республики укрепляют в его мятежных подданных приверженность к тому, что они гордо именуют своими «гражданскими и религиозными свободами»

К несчастью, эти коварные советы как нельзя лучше потворствовали всем предрассудкам и желаниям короля — его стремлению к более обширной власти, его симпатии к католической религии, его жадности к деньгам К тому же с самого начала своего царствования он, кажется, питал сильнейшее недоверие к собственным подданным и по этой причине стремился найти опору в тесном союзе с Францией Еще в 1664 г он сообщил французскому королю, что не станет возражать против завоевания им Фландрии, при условии, что этот государь пообещает предоставить ему 10 тыс человек пехоты и соответствующее количество кавалерии в случае каких-либо мятежей в Англии [172] А поскольку никаких опасных признаков недовольства в то время не замечалось, то по этому эпизоду мы можем догадываться, какого мнения держался король о «бунтарском духе» своего народа

Даже в то время, когда правительство с наибольшим усердием следовало принципам Тройственного союза, король, кажется, не был вполне искренним приверженцем этого благодетельного курса, но по-прежнему обращал тоскующие взоры в сторону Франции, мечтая о союзе с этой державой Клиффорд, пользовавшийся большим доверием монарха, однажды неосторожно заявил «Нынешнее ликование ничего не значит мы еще будем воевать с Голландией» Под каким-то пустячным предлогом Англия отказалась дать согласие на присоединение к Тройственному союзу императора, и совсем не по дружески без конца придиралась к Штатам по поводу Суринама и действий Ост-Индской компании [173] Наконец, где-то в апреле 1669 г обнаружились явные признаки тех роковых замыслов, которые впоследствии осуществлялись более открыто

Около этого времени де Витт посетил Темпла — по его собственным словам, «не как министр, но как друг». Целью визита пенсионария было познакомить английского посла с содержанием беседы, которую он незадолго до этого имел со шведским дипломатическим представителем Пуффендорфом, останавливавшемся в Гааге по пути из Парижа на родину. Французские министры, по словам Пуффендорфа, всячески старались убедить его в том, что недавно избранный шведами курс обернется для них скверными последствиями; что Испания не выполнит своих обещаний на предмет субсидий, Голландия же не сможет собственными силами оказать им надлежащую финансовую поддержку, что Англия наверняка им изменит — мало того, она уже предприняла действия, прямо противоречащие своим обязательствам по Тройственному союзу; и что решение англичан не следует считать менее твердым и окончательным оттого, что пока еще лишь немногие лица при французском и английском дворе посвящены в эту тайну. Когда же Пуффендорф выразил сомнения в истинности услышанного, Тюренн показал ему письмо от Кольбера де Кросси, французского посланника в Лондоне, в котором тот, сообщив об успехе своих переговоров и о благосклонном отношении наиболее влиятельных из тамошних министров, добавил: «Наконец мне удалось дать им в полной мере почувствовать щедрость Его Величества».[174] Из этой истории явствует, что позорный обычай продаваться иностранным государям, обычай, вопреки злобному предубеждению толпы, весьма редкий среди лиц, занимающих высокие должности, не был с презрением отвергнут министрами Карла, которые даже получили согласие своего повелителя на этот постыдный акт взяточничества.

СОЮЗ С ФРАНЦИЕЙ

Если описанные выше события глубоко встревожили всех проницательных людей как в Англии, так и за границей, то приезд к королю его сестры, герцогини Орлеанской, внушил им еще более серьезные подозрения. В свое время, приняв в расчет ловкость и вкрадчивость этой очаровательной принцессы, а также ее огромное влияние на брата, Людовик убедил ее сделать все возможное для того, чтобы оторвать Карла от Тройственного союза, который, как ясно видел французский король, создавал непреодолимые преграды для его честолюбивых замыслов; и вот теперь он послал ее в Англию для окончательного осуществления их совместного плана. Чтобы замаскировать эти переговоры, Людовик придумал особый предлог — посещение приграничных крепостей и, в частности, больших работ, предпринятых по его приказу в Дюнкерке, куда привез с собой королеву вместе со всем двором. Пока сам он оставался на противоположном берегу Канала, герцогиня Орлеанская отправилась в Англию (16 мая); Карл встретил ее в Дувре, где они провели десять дней в пыш-

ных празднествах и увеселениях Хитростью и лаской она добилась того, что Карл забыл о самых очевидных законах чести и благоразумия и окончательно вступил с Людовиком в союз, целью которого были разгром Голландии и последующее изменение религии в Англии

Но характер Карла, равно как и бесконечные колебания его политики, не являлся секретом для Людовика Чтобы заставить английского короля служить французским интересам, он решил связать его узами наслаждения — единственными узами, разорвать которые тот был бессилен, и послал ему в подарок любовницу-француженку, посредством коей надеялся оказывать на него влияние в будущем С герцогиней Орлеанской в Англию прибыла молодая особа, м-ль Керуаль, король увез ее с собой в Лондон и вскоре возвел в достоинство герцогини Портсмут Карл до конца дней сохранял к ней глубочайшую привязанность, сама же эта дама весьма способствовала поддержанию тесных сношений между ним и своей родиной

Удовлетворение, которое доставил королю новый союз, сильно омрачила смерть его сестры и в особенности сопровождавшие ее кончину печальные обстоятельства Принцесса умерла скоропостижно, после нескольких дней болезни, занемогла же она после того, как выпила стакан цикорной воды При французском дворе возникли сильнейшие подозрения насчет яда, распространившиеся затем по всей Европе, а так как супруг покойной не однажды выказывал признаки ревности и глубокого недовольства ее поведением, то все решили, что смерть принцессы на его совести Сам Карл в течение некоторого времени нисколько не сомневался в его виновности, однако, выслушав заключение собственных медиков, которые, вскрыв тело покойной, не обнаружили ничего такого, что могло бы подтвердить ходившие в обществе слухи, убедился (или притворился убежденным) в обратном Следует сказать, что в других обстоятельствах своей жизни герцог Орлеанский никогда не проявлял таких склонностей, которые могли бы подтолкнуть его к столь преступному деянию, рассказывают также, что одна из дам выпила остатки содержимого рокового стакана без всякого вреда для себя Скоропостижная кончина особ королевской крови почти всегда сопровождается подобного рода мрачными предположениями, а потому подозрениям общества в таких случаях не следует придавать слишком большого значения

Карл не собирался разрывать отношений с Францией после этого несчастья, напротив, он воспользовался им, чтобы отправить в эту страну Бекингема — якобы для выражения соболезнований герцогу Орлеанскому, на самом же деле — с целью продолжения переговоров на предмет задуманной войны Никогда еще послов не принимали с таким радушием и предупредительностью чем более пагубной для интересов Англии становилась новая политика ее двора, тем естественнее было для Людовика осыпать любезностями и даже милостями тех, кого он мог превратить в деятельных ее сторонников

Поездка Бекингема усилила подозрения голландцев, а все происходившие в это время события лишь доказывали их обоснованность Людовик

внезапно вторгся в Лотарингию, и хотя он не смог захватить самого герцога, который не подозревал о надвигающейся угрозе и лишь чудом спасся, ему удалось быстро и без сопротивления занять всю территорию герцогства. До сих пор французскому монарху не везло в том отношении, что хотя перед ним раз за разом открывались самые соблазнительные возможности, у Людовика, как правило, не оказывалось под рукою даже маломальски убедительных ссылок на «законность» и «справедливость», чтобы хоть как-то прикрыть свои честолюбивые замыслы. Державам — участницам Тройственного союза оккупация Лотарингии должна была внушить ничуть не меньшую тревогу, чем французское вторжение во Фландрию, однако ко всем протестам на сей счет Карл остался глух.

Но тем обстоятельством, которое яснее всего открыло глаза де Витту и Штатам на истинные планы Англии, стал внезапный отзыв Темпла. Этот посланник успел заслужить прочную репутацию человека честного и неподкупного: полагали даже, что он никогда не исполнит приказаний своего повелителя и не поддержит его мер, если сочтет их пагубными для своего отечества; и пока Темпл находился в прежней должности, де Витт не видел никаких причин сомневаться в том, что Англия верна союзу с Голландией. Все это не было секретом и для Карла, а потому он велел Темплу оставить свое семейство в Гааге, лицемерно пообещав, что как только посол обсудит с ним кое-какие вопросы, вызвавшие заминку на ведущихся им ныне переговорах, он тотчас же вернется в Голландию. Де Витт же поручил голландскому резиденту сообщить английскому двору, что отзыв Темпла он вынужден считать недвусмысленным признанием крутого поворота в политике Англии, а в случае какого-либо промедления с возвращением посла в Гаагу, он будет знать, каким образом следует это истолковывать.

ПАРЛАМЕНТ

Пока за кулисами шло обсуждение этой новой политики, парламент собрался после каникул в назначенный срок (24 октября). Король произнес краткую речь, предоставив входить в подробности лорду-хранителю печати. Тот много и настойчиво говорил о крайней нужде Его Величества в парламентских субсидиях; об устрашающем росте морского могущества Франции, втрое увеличившей свой флот со времени последней Голландской войны; о совершенно неудовлетворительном состоянии военно-морских сил Англии; о необходимости снарядить в следующем году флот в 50 кораблей; об обязательствах совершить великие труды ради общего блага христианского мира, каковые вытекают из заключенных королем многочисленных договоров. Среди прочих соглашений министр упомянул Тройственный союз, а также оборонительную лигу со Штатами.

Уловка имела успех вполне удовлетворенная действиями короля, палата общин вотировала ему значительные субсидии Был установлен на год земельный налог из расчета шиллинг с фунта, кроме того, решено было взимать по 2 шиллинга на фунт с двух третей жалованья должностных лиц и по 15 шиллингов с каждых 100 фунтов банковского и акционерного капитала, а также ввести на шесть лет дополнительный акцизный сбор на пиво и на девять лет — особый судебный сбор Никогда еще парламент не выказывал подобной щедрости, и, уж конечно же, никогда политика короля и его министров так мало ее не заслуживала [175]

Общины приняли еще один билль — о введении пошлины на табак, шотландскую соль, стеклянную посуду и некоторые другие товары Лондонские купцы подали против него петицию в палату лордов Лорды согласились с их доводами и начали готовить поправки к биллю, поступившему от общин Нижняя палата вознегодовала, усмотрев в действиях лордов посягательство на ее, как она считала, исключительное право вотировать ассигнования короне Палаты начали бомбардировать друг друга протестами, и в конце концов их перебранка вынудила короля объявить отсрочку парламента (22 апреля), так и не дождавшись утверждения предназначавшейся ему субсидии Это был последний случай, когда пэры попытались выдвинуть подобного рода притязания с тех пор данная привилегия общин никем, кроме палаты лордов, уже не оспаривалась

АКТ КОВЕНТРИ

На этой сессии рассматривалось одно частное дело, вызвавшее глубокое возмущение палаты общин и улаженное не без труда Обычная тактика тех, кто, выступая против двора в финансовых биллях, терпел неудачу в главном голосовании по вопросу о размерах субсидии, состояла в том, чтобы назначать такие источники уже вотированных сумм, какие, по их расчетам, должны были оказаться неприемлемыми или недостаточными Было предложено ввести налог на театры, придворные же возразили, что комедианты являются слугами королей, призванными доставлять им удовольствие Сэр Джон Ковентри,[178] джентльмен из партии страны, полюбопытствовал, «какие именно комедианты, мужского или женского пола, непосредственно относятся к области монарших утех?» Этот иронический вопрос метил в Карла, который, помимо любовниц из числа знатных дам, содержал в это время двух актрис, Дэвис и Нелл Гвин Можно было ожидать, что король примет шутку с добродушной снисходительностью, но вышло иначе Пошли разговоры о том, что поскольку это был первый случай, когда законы уважения к королевскому величеству были публично нарушены, то Ковентри следует сурово наказать в назидание всем тем, кто способен соблазниться его дурным примером Сэндсу, О'Брайену и некоторым другим офицерам гвардии было приказано подстеречь его и

поставить метку на его лице Сэр Джон храбро защищался и, прежде чем его обезоружили, успел ранить нескольких нападавших Офицеры порезали ему нос до кости — чтобы, по их словам, научить его тому уважению, коим он обязан своему королю Жестокое оскорбление, нанесенное одному из коммонеров за сказанные им в палате слова, до крайности возмутило общины Они приняли закон, вводивший смертную казнь за причинение увечий любому человеку, и постановили, что преступники, напавшие на Ковентри, лишаются права на помилование от короны

ПРЕСТУПЛЕНИЯ БЛАДА

Около этого времени рассматривалось еще одно частное дело, которое навлекло на короля упреки в капризном милосердии в такой же мере, в какой история с Ковентри стоила ему обвинений в излишней суровости Отставной офицер Блад, служивший некогда в армии протектора, в свое время участвовал в заговоре с целью поднять восстание в Ирландии, за это преступление сам он (тогда не пойманный) был объявлен вне закона и лишен всех прав, а некоторые из его сообщников казнены Дерзкий негодяй замыслил отомстить лорду-лейтенанту Ормонду Сумев с помощью хитрой уловки отвлечь внимание слуг герцога, он напал ночью на его карету, ехавшую по лондонской Сент-Джеймс-стрит, и завладел его особой Блад мог тут же завершить свое преступное дело, однако задуманный им способ мести был более изощренным он решил повесить герцога в Тайберне, для чего, связав Ормонда, посадил его на лошадь за спиной одного из своих товарищей Злоумышленники уже успели отъехать далеко в поле, когда герцог, пытаясь освободиться, сделал резкое движение и упал с лошади, потащив за собой преступника, к которому был привязан веревками Между ними, оказавшимися в грязной луже, началась отчаянная борьба, но тут подоспели слуги Ормонда (до них, наконец, дошло тревожное известие) и вызволили господина Блад и его сообщники произвели в суматохе несколько пистолетных выстрелов в герцога, после чего, воспользовавшись темнотой, ускакали

В причастности к этому покушению сначала заподозрили Бекингема его совершенная испорченность, а также известная вражда с Ормондом давали, казалось бы, серьезные основания для подобных мыслей Вскоре ко двору явился Оссори, заметив стоявшего рядом с королем Бекингема, он не смог сдержать гнева и произнес следующие слова «Милорд, мне отлично известно, что за недавним покушением на моего отца стоите вы Предупреждаю вас если он умрет, то мне не нужно будет теряться в догадках о том, кто виновник его насильственной смерти Убийцей я сочту вас и буду трактовать вас соответственно, и тогда, где бы я вас ни встретил, пусть даже вы будете стоять у королевского трона, я, не колеблясь, разряжу в вас свой пистолет Говорю вам это в присутствии Его Величе-

ства, дабы вы не сомневались я сделаю то, что сказал» Если даже благородный юноша и погрешил против приличий, то его легко извинить, ведь жизнь его отца находилась тогда в опасности

Прошло совсем немного времени, и Блад задумал новый план — похитить из Тауэра корону и прочие регалии, план, к которому его подтолкнули не одни лишь корыстные виды, но и мысль о поразительной дерзости подобного предприятия Преступный замысел едва не увенчался успехом Блад ранил, а затем и связал Эдвардса, хранителя королевской сокровищницы, и уже выбрался из Тауэра с добычей, но в конце концов был настигнут и схвачен вместе с некоторыми из своих товарищей Один из них был известен как человек, причастный к покушению на Ормонда, отсюда тотчас же заключили, что главарем нападавших был тогда Блад На допросе он признал это с полной откровенностью, но отказался назвать сообщников «Страх смерти, — заявил он, — никогда не заставит меня ни отрицать свою вину, ни выдать друга» Удивительные обстоятельства дела превратили историю Блада в предмет всеобщих толков, и король, движимый праздным любопытством, решил встретиться и побеседовать с человеком, столь прославившимся своей дерзкой отвагой и своими преступлениями Теперь Блад мог думать, что у него появились отличные шансы на помилование, а ловкости и ума, чтобы воспользоваться представившейся возможностью, ему было не занимать Блад сказал Карлу, что в свое время он и еще несколько человек сговорились застрелить его из карабина близ Баттерси (где Его Величество имел обыкновение купаться), что к этому решению их толкнули суровые меры, которые обрушило правительство на «благочестивых людей», насилуя их религиозную совесть и ограничивая свободу молитвенных собраний, что когда он, Блад, исполненный этих черных, кровавых мыслей, расположился в зарослях камыша, душу его внезапно объял благоговейный трепет перед королевским величеством, прежняя решимость покинула его, и он не только смягчился сердцем сам, но и убедил своих товарищей отказаться от задуманного предприятия, что он давно привык относиться с полнейшим равнодушием к собственной жизни, за которую теперь, разумеется, не даст и гроша, однако считает своим долгом предупредить короля, что его казнь может повлечь за собой трагические последствия, ибо его, Блада, сообщники связали себя строжайшей клятвой жестоко отомстить за смерть любого члена их шайки, и что никакая власть и никакие меры предосторожности не способны надежно оградить кого-либо от той страшной опасности, какой чреваты отчаянные замыслы его друзей

Мы не знаем, что именно — восхищение или страх — вызвали эти речи в душе короля, но они укрепили его решение помиловать Блада Правда, Карл счел, что прежде, из соображений приличия, следует получить на это согласие герцога Ормонда По поручению короля к Ормонду явился Арлингтон, настоятельно попросил того отказаться от судебного преследования Блада и, как ему было приказано, приготовился изложить причины Герцог ответил ему, что единственной причиной, каковая мо-

жет быть представлена в данном случае, является воля Его Величества, а поскольку причина эта вполне достаточная, то он может не утруждать себя перечислением остальных В своих милостях к Бладу Карл зашел еще дальше пожаловал его поместьем в Ирландии, приносившим 500 фунтов в год, весьма охотно допускал его к своей особе, — в общем, выказывал ему во всем такое благоволение, что многие лица, имевшие тот или иной интерес при дворе, находили нужным обращаться к Бладу за протекцией И если старый Эдвардс, который бесстрашно рисковал жизнью и получил раны, защищая корону и регалии, был совершенно забыт, то этот человек, заслуживавший лишь того, чтобы на него смотрели с изумлением и отвращением, как на чудовище, превратился теперь чуть ли не в королевского фаворита

ГЕРЦОГ ОБЪЯВЛЯЕТ СЕБЯ КАТОЛИКОМ

Подобного рода ошибки, касающиеся частных лиц, нередко имеют столь же скверные последствия, как и те ложные шаги, которые более непосредственно затрагивают интересы государства В этом же году произошло еще одно событие, возбудившее в Англии всеобщее недовольство и в еще большей степени — опасения за будущее Умерла герцогиня Йоркская, пораженная смертельной болезнью, она решилась открыто исповедовать религию Рима и окончила свои дни в лоне этой церкви Так упала прозрачная личина, которую до сих пор носил герцог, и теперь он открыто признал свое обращение в католичество Необъяснимые страхи перед папизмом терзали народ со времени воцарения дома Стюартов, но они оказывались столь неосновательными и столько раз использовались в дурных целях, что к подобным слухам и предположениям любой здравомыслящий человек должен был относиться с большим, чем прежде, недоверием, и только слепое и безрассудное рвение самого герцога могло убедить всю нацию в том, что он переменил свою религию Папизм, который до сих пор был лишь ужасным призраком, превратился теперь в действительную причину для народных страхов, ведь его открыто и ревностно исповедовал наследник короны, принц деятельный и смелый, да и сам король вызывал известные подозрения на сей счет

Весьма вероятно, что именно вновь заключенный союз с Францией внушил герцогу смелость открыто признать себя католиком, а любовь и уважение англичан по этой же причине утратили в его глазах прежнюю ценность Существование данного союза становилось с каждым днем все более очевидным Было объявлено, что Темпл уже не является посланником при Штатах, его место занял Даунинг, которого голландцы считали давним врагом своей республики Яхта, отправленная за леди Темпл, помогла найти желанный повод для ссоры Капитан повел ее между кораблями голландского флота, стоявшего у собственных берегов У него был

приказ заставить голландцев салютовать ему, а в противном случае — открыть огонь и продолжать его до тех пор, пока они не ответят тем же Голландский адмирал ван Гент, ошарашенный подобной дерзостью, прибыл на борт яхты и изъявил полную готовность, в соответствии с прежним обычаем, оказать должное уважение английскому флагу, но чтобы целый флот, у своих берегов, салютовал одиночному судну и притом даже не военному кораблю — такое (добавил голландец) было бы делом совершенно неслыханным, и он не может на это согласиться, не получив на сей счет ясных распоряжений Английский капитан, полагая рискованным и нелепым возобновлять стрельбу в окружении голландского флота, двинулся прежним курсом и за невыполнение приказа угодил в Тауэр

Этот инцидент предоставил Даунингу еще один надуманный предлог в дополнение к тем, которые предполагалось пустить в ход для оправдания будущего разрыва Английский двор тянул с протестом несколько месяцев если бы он потребовал удовлетворения раньше, то голландцы, возможно, успели бы его дать Более того, когда Даунинг вручал свой меморандум, он имел инструкции не соглашаться на какое-либо удовлетворение, если оно будет предложено через определенное число дней — весьма дерзкий и надменный способ ведения переговоров, и к тому же заведомо неприменимый в Голландии, где республиканские порядки и формальности делают известного рода задержки совершенно неизбежными Ответ Штатов, хотя его отказался принять Даунинг, был отправлен в Лондон с чрезвычайным посланником, получившим приказ использовать все средства, чтобы успокоить английский двор Последний заявил, что голландский ответ составлен в темных и двусмысленных выражениях, однако не пожелал уточнить, какие именно статьи или фразы в нем дают повод для подобного упрека Голландский посланник предложил английским министрам самим составить ответ в таких выражениях, какие им угодно будет употребить, обязавшись со своей стороны тут же его подписать Министры ответствовали, что не их дело сочинять дипломатические бумаги для голландцев Посланник привез им проект одной статьи и спросил, находят ли они ее удовлетворительной, англичане ответили, что выскажут свое мнение на сей счет лишь после того, как статья будет подписана и официально вручена Голландец решил подписать ответ на свой страх и риск и ходатайствовал о новой аудиенции, ему назначили день и час, но когда он явился, англичане отказались входить с ним в какие-либо обсуждения, уведомив его, что время для переговоров уже прошло [176]

В работе настоящего парламента часто назначались продолжительные перерывы — с тем, чтобы лишить палаты возможности энергично выступить против политики, столь явно противоречившей желаниям и интересам общества Будь у нас хоть какие-то основания думать, что, заключая союз против Голландии, Карл действительно имел в виду пользу собственного народа, то эту меру пришлось бы счесть следствием чрезвычайно странной, прямо-таки романической разновидности патриотизма, которая вопреки всем затруднениям и даже назло воле самой нации побуждала

его искать блага последней Но каждый шаг, предпринимавшийся королем в этом деле, ясно доказывал всем проницательным людям, что задуманная им война будет вестись против религии и свобод его собственных подданных даже в большей степени, чем против голландцев Теперь он во всем действовал так, как будто уже превратился в абсолютного монарха, навсегда избавленного от любого контроля со стороны представителей нации

КАЗНАЧЕЙСТВО ПРЕКРАЩАЕТ ПЛАТЕЖИ ПО ЗАЙМАМ

Хотя долгие отсрочки в работе парламента и избавляли короля от несносных протестов и увещаний этого собрания, они влекли за собой одно серьезное неудобство — негде было взять денег на военные приготовления против Голландии Под предлогом поддержания Тройственного союза (с которым в это самое время он твердо решил порвать) Карл получил от общин крупную субсидию, но долги и всякого рода расходы быстро поглотили эти средства Франция обязалась выплачивать в продолжение всей войны 200 000 фунтов ежегодно, но это был сущий пустяк по сравнению с громадными суммами, необходимыми для содержания английского флота Сбор денег без согласия парламента казался шагом преждевременным и весьма рискованным, ибо право самообложения было как раз той привилегией, которую англичане оберегали с особой ревностью, и не без оснований Нужно было искать другой выход, и король объявил, что человека, который изыщет средство удовлетворить его текущие нужды, ожидает жезл лорда-казначея Шефтсбери обронил намек в разговоре с Клиффордом, тот поймал его на лету и довел до сведения короля, который пожаловал ему обещанную награду и звание пэра в придачу Средство заключалось в следующем закрыть казначейство и приостановить все платежи по его обязательствам (1 января)

Английские банкиры имели обыкновение помещать свои деньги в казначейство, ссужая их под гарантию государственных ценных бумаг, через которые впоследствии, когда корона собирала налоги с народа, они возвращали вложенные суммы Эта операция (а речь шла о суммах, отданных на хранение беспроцентно либо взятых под 6 процентов) приносила банкирам 8, а то и 10 процентов дохода, — прибыль, за которую теперь, после вопиющего нарушения казначейством своих публичных обязательств, им пришлось дорого заплатить Все произошло так внезапно, что ни один человек даже не догадывался об опасности Сити охватила паника, многие разорились Банкиры приостановили платежи, купцы прекратили платить по счетам, никто никому не верил, торговля замерла, от чего пострадал весь народ, и англичане, полные самых мрачных предчувствий, спрашивали друг друга, какова же конечная цель этих таинственных мер, принятых помимо парламента и без совета с кем-либо из честных и добро-

порядочных людей; этих планов, осуществление коих началось с подрыва общественного кредита и открытого нарушения короной самых торжественных обязательств как внутри страны, так и за ее пределами

ДЕКЛАРАЦИЯ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ[179]

Следующий шаг двора, если рассматривать его безотносительно ко всему прочему, заключал в себе нечто похвальное; но если задуматься о его истинных мотивах и принять в расчет тогдашние обстоятельства, то он представит нам убедительное доказательство того, что король и его министры вели чрезвычайно опасную и деспотичную политику Карл решил использовать свою верховную власть в церковных делах, власть, которая, как он заявил, не только является неотъемлемым достоянием короны, но и была формально признана целым рядом актов парламента В силу этих полномочий он издал прокламацию (15 марта), приостанавливавшую действие законов против всех нонконформистов и рекузантов, и предоставлявшую диссентерам-протестантам право исповедовать свою религию публично, а католикам — отправлять свой культ частным образом Первая попытка в подобном роде, предпринятая несколько лет спустя после Реставрации, оказалась безуспешной парламент тогда резко ей воспротивился, и королю пришлось отступить, теперь, однако, Карл рассчитывал, что когда парламент соберется вновь, его можно будет склонить к большей, чем прежде, покорности, и он уже не посмеет открыто возражать против планов короны Тем временем диссентеров — злейших врагов двора — всячески пытались задобрить обещанием веротерпимости, а католики под прикрытием разговоров об облегчении участи нонконформистов-протестантов пользовались большей свободой, чем та, какую дозволяли им до сих пор английские законы.

Тогда же король единоличным решением приостановил действие Навигационного акта — мера эта представляла собой превышение его прерогативы, но казалась полезной для торговли, пока все матросы проходили службу на кораблях военного флота Сходный шаг уже предпринимался в первую Голландскую войну и не вызвал тогда особых толков, поскольку англичане в ту пору относились к короне с большим доверием Кроме того, была издана прокламация, содержавшая весьма строгие статьи касательно принудительного набора; затем еще одна, грозившая жестокими карами всякому, кто осмелится непочтительно отзываться о действиях Его Величества, и даже тем, кто, услыхав крамольные речи, вовремя не донесет на смутьянов, наконец, еще одна, воспрещавшая ввоз и продажу крашеной керамики, «кроме изделий из фарфора — под страхом тяжелых штрафов и самых суровых наказаний, каковые могут быть наложены по закону на ослушников воли Его Королевского Величества». Набрали армию, когда же стало ясно, что без помощи законов военного вре-

мени поддерживать в войсках дисциплину нет никакой возможности. Тайный совет ввел их в действие собственным указом, хотя это и шло вразрез с Петицией о праве. Все эти правительственные меры, пусть и не слишком важные сами по себе, явно отзывались духом произвола и деспотизма и совершенно не соответствовали той, основанной на законах, системе управления, которую, как хотел думать парламент, ему удалось наконец установить в стране после столь ужасных потрясений и гражданских войн.

Стоит отметить, что лорд-хранитель отказался скрепить большой государственной печатью декларацию о приостановке действия законов против папистов и диссентеров, и по этой причине, хотя и под другим предлогом, был смещен с должности. Вместо него канцлером стал Шефтсбери — так еще один член кабали удостоился награды за свои советы королю.

НАПАДЕНИЕ НА СМИРНИНСКУЮ ФЛОТИЛИЮ

Действия англичан за границей как нельзя лучше соответствовали только что описанным мерам внутренней политики. Еще до объявления войны сэр Роберт Холмс напал на следовавшую из Смирны голландскую флотилию. Караван состоял из семидесяти судов с грузом общей стоимостью 1 500 000 фунтов; надежда на столь богатую добычу явилась одним из важнейших мотивов, подтолкнувших Карла к войне, и именно в этих предполагаемых трофеях видел он главный источник финансирования своих военных предприятий. Холмс, получивший соответствующее распоряжение, имел под своим началом 9 фрегатов и 3 яхты. Следуя Каналом, он встретил Спрейга, чья эскадра возвращалась из крейсерства в Средиземном море. Спрейг дал ему знать, что голландцы уже рядом, и если бы Холмс сообщил Спрейгу о своем задании, то соединение двух эскадр обеспечило бы англичанам верный успех, — но он не пожелал ни с кем делиться славой и прибылью задуманного предприятия. Приблизившись к голландцам (13 мая), Холмс принял дружеский вид и пригласил адмирала ван Гента, командовавшего конвоем, на борт своего корабля; один из его капитанов сделал столь же коварное приглашение голландскому контр-адмиралу. Но те были начеку: предупрежденные о враждебных намерениях англичан, они уже успели привести все свои военные корабли и купеческие суда в полную боевую готовность. Трижды англичане храбро атаковали голландцев, и каждый раз те храбро отражали нападение. В ходе третьей атаки был захвачен один голландский военный корабль; в руки неприятеля попали также три или четыре торговых судна, из числа наименее ценных. Остальные, мужественно и искусно ведя бой, шли прежним курсом и под прикрытием тумана благополучно достигли своих портов. Голландские авторы и даже большинство англий-

ских считают это нападение вероломным и пиратским Во всяком случае, оно вполне заслуживает название акта, противоречащего нормам международного права, а поскольку атака не увенчалась успехом, то она навлекла на ее инициаторов двойной позор Английское министерство попыталось ее оправдать, заявив, будто здесь имело место случайное, непреднамеренное столкновение, к которому привело упрямство самих же голландцев, отказавшихся-де салютовать английскому флагу, но все отлично знали, что дело обстояло совершенно иначе, и даже у Холмса не хватило дерзости упорствовать, доказывая противное

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ ГОЛЛАНДИИ

Вплоть до этого инцидента, несмотря на все угрозы и приготовления англичан, Штаты не могли поверить, что те всерьез желают войны, и по-прежнему надеялись, что дело закончится какими-то денежными претензиями либо предложениями в пользу принца Оранского Даже французы никогда по-настоящему не рассчитывали на помощь Англии, будучи не в силах поверить, что держава, более прочих заинтересованная в том, чтобы расстроить их честолюбивые замыслы, и располагавшая к тому наилучшими возможностями, станет их поддерживать вопреки законам чести и здравой политики Но Карл зашел слишком далеко, чтобы идти теперь на попятную Он тотчас же объявил голландцам войну (17 марта), и можно смело утверждать, что никогда еще вопиющее нарушение договоров не пытались оправдывать более лживыми и пустячными доводами В королевской декларации мы находим жалобы на ущерб, причиненный Ост-Индской компании, который сама компания, однако, решительно отрицала, в ней также упоминается о насильственном удерживании на территории Суринама нескольких англичан — хотя эти лица, судя по всему, оставались там вполне добровольно, много и сердито говорится об отказе голландского военного флота салютовать у собственных берегов английской яхте, наконец, список этих претензий венчает упоминание о неких оскорбительных изображениях, совершенно серьезно представленных в качестве причины для вражды Голландцы долго не могли взять в толк, как им следует разуметь сей последний пункт, пока не выяснили, что основанием для протеста послужил портрет Корнелиуса де Витта, брата пенсионария, написанный по заказу магистратов города Дорт и красовавшийся в одной из зал тамошней ратуши На заднем плане живописец изобразил гавань, а в ней — несколько пылающих судов Решили, что это Чатам, где де Витт и вправду отличился, покрыв себя славой, пенсионарию, однако, и в голову не могло прийти, что после того, как само оскорбление, нанесенное в ходе открытой войны, уже давно простили, картина, его изображавшая, способна навлечь на его страну столь суровое возмездие Заключение манифеста, где король заявлял о своей решимости и впредь

хранить верность Тройственному союзу, было под стать всему остальному

Людовик, объявляя войну Штатам, выказал больше достоинства — если грубое насилие и вопиющая несправедливость заслуживают подобного определения В соответствующей декларации он ограничился заявлением о том, что поведение голландцев было до сих пор таково, что терпеть его и далее было бы несовместимо с честью французского короля Приготовления этого монарха принесли блестящие результаты, и теперь он мог льстить себя надеждой на полный успех своих честолюбивых замыслов Швецию удалось оторвать от Тройственной лиги, епископ Мюнстерский, соблазнившись субсидиями, перешел на сторону Франции, в союз с ней вступил также курфюрст Кельнский, передавший в руки Людовика Бонн и другие города, там были устроены военные магазины, и именно оттуда французы намеревались начать вторжение в Соединенные провинции Численность регулярных войск Французского королевства достигала 180 тыс человек, и теперь, ведя за собой более половины этой грозной армии, Людовик приближался к голландским границам Методичный ум, бережливость и усердие Кольбера, в равной мере служившие честолюбию государя и благоденствию народа, доставили неисчерпаемый запас материальных средств, последние, употребляемые с неослабной энергией маркизом Лувуа, позволяли осуществить любые военные приготовления, обеспечивая успех армии в самых смелых предприятиях, Конде и Тюренн, имевшие под своим началом Люксембурга, Креки и других знаменитейших генералов эпохи, вели эту армию в бой, а их громкая слава и полководческий талант вселяли бодрость и отвагу в каждого солдата Сам же король, окруженный своим доблестным дворянством, воодушевлял войска надеждой на награду или, что ценилось еще выше, на лестный отзыв из монарших уст Тяготы войны не омрачали всеобщего веселья, ее опасности служили ступенькой к славе, и никогда еще дух этого храброго и изящного народа не проявлялся с таким изумительным блеском

Хотя осведомленность де Витта в тайнах иностранных дворов и не могла сравниться с его бдительностью в делах внутренних, он уже давно и неоднократно получал тревожные известия об этом роковом сговоре, однако стал готовиться к обороне слишком поздно и не с той энергией, какой требовала надвигающаяся опасность Де Витт ясно понимал, что союз Франции и Англии нанесет громадный ущерб интересам последней, а потому, не зная или не желая принимать в расчет склонности и тайные замыслы Карла, пришел к выводу, что подобного рода губительные планы являются совершенно неосуществимыми Твердо уверовав в истинность этого ошибочного заключения, он слишком долго оставлял республику в том крайне уязвимом положении, которое было создано совместным действием целого ряда обстоятельств

СЛАБОСТЬ ШТАТОВ

С давних пор усердно и с успехом занимаясь коммерцией, голландцы успели превратиться в совершенно не воинственный народ, полностью доверивший защиту своей страны наемной армии. После Вестфальского конгресса Штаты, полагаясь на мир с Испанией и на союз с Францией, распустили большую часть этой армии и не заботились в должной мере о выучке и дисциплине оставшихся под ружьем войск. В период господства олигархической партии они сочли за благо уволить многих старых опытных офицеров, преданных Оранскому дому, заменив их зелеными юнцами — сыновьями или родственниками бургомистров, составлявших опору названной партии. Эти новоиспеченные офицеры, надеясь, что влиятельные друзья и родня не дадут их в обиду, пренебрегали своими обязанностями по службе; а некоторым из них позволялось даже выставлять заместителей, получавших небольшую долю их жалованья. Во время войны с Англией были расформированы все части, состоявшие из англичан; вторжение во Фландрию Людовика и последующее заключение Тройственного союза повлекли за собой роспуск французских полков; потеря же этих опытных солдат, на чью долю приходилась большая часть славы и успехов во всех войнах Нидерландов, так и не была восполнена новыми наборами.

Де Витт, сознававший опасность подобного положения и глубоко встревоженный поступавшими отовсюду известиями, всячески старался исправить эти недостатки, для чего, однако, трудно было быстро найти подходящие средства. К тому же предлагаемые им меры неизменно наталкивались на противодействие чрезвычайно усилившейся Оранской партии. Долго и по сути единолично управляя государством, этот политик вызвал у многих зависть; последние события заставили зашевелиться его соперников и врагов, объяснявших бедственное положение республики исключительно лишь просчетами пенсионария; и самое главное, народная любовь к молодому принцу, так долго и сурово подавлявшаяся и оттого ставшая еще более пылкой, начала проявляться открыто, угрожая государству бурными потрясениями. Принцу Оранскому Вильгельму III шел тогда двадцать второй год, и в нем уже можно было угадать те качества великого мужа, которые так прославили его впоследствии. Дав ему превосходное образование и великодушно посвятив во все принципы мудрого и искусного правления, де Витт отчасти сам создал себе грозного соперника. Встревоженный непрочным положением собственной партии, пенсионарий, по его словам, всегда стремился знакомить принца с государственными делами, дабы тот мог достойно служить отечеству, если в будущем какие-либо чрезвычайные обстоятельства отдадут власть в его руки. До сих пор Вильгельм вел себя в высшей степени похвально. Имея могущественных союзников в лице родственных династий Англии и Бранденбурга, он тем не менее выражал решимость все свои надежды на воз-

вышение связывать лишь со Штатами; а весь его характер и образ действий как нельзя лучше соответствовал духу голландского народа. Молчаливый и серьезный, умевший спрашивать и слушать, наделенный трезвым и основательным умом, никогда не отступавший от того, что однажды решил, и не возвращавшийся к тому, что отверг, он приковывал к себе этими достоинствами всеобщее внимание. И народ, понимавший, что своей свободой и самим существованием он обязан дому Вильгельма, и не забывший о том, как его дядя, великий Мориц, в еще более юном возрасте сумел защитить Голландию от устрашающей испанской мощи, страстно желал облечь принца всеми полномочиями его предков, видя в его доблести и талантах единственную надежду на спасение страны от нависшей над ней смертельной опасности.

Пока две эти могущественные партии вели борьбу за власть в государстве, все планы по его обороне встречали возражения, любые замыслы наталкивались на противодействие. Решения принимались с великим трудом, исполняли же их без малейшего усердия. Организовали, правда, набор рекрутов, доведя общую численность армии до 70 тыс. человек; принца назначили командующим сухопутными и морскими силами республики, предоставив ему всю военную власть. Новобранцы, однако, не могли в один миг превратиться в опытных и дисциплинированных солдат; сторонники же принца по-прежнему выражали недовольство, ибо так называемый *бессрочный эдикт*, отстранявший его от должности штатгальтера и от всякого участия в гражданском управлении, все еще оставался в силе.

Партия де Витта неизменно держалась следующего принципа — с величайшим усердием заботиться о росте морских сил страны, отдавая флоту явное предпочтение перед армией, которую она пыталась представить как предмет неразумного пристрастия дома Оранских. В двух жестоких войнах с Англией голландские моряки выказали свою доблесть и усовершенствовали свое искусство; и, что важнее всего, де Рюйтер, величайший флотоводец эпохи, был тесно связан с партией Лувестейна, и этому адмиралу каждый доверял и готов был повиноваться. А потому де Витт ускорил подготовку флота к войне, в надежде на то, что первым нанеся удар и добившись успеха, он сумеет вселить мужество в охваченные смятением Штаты и поддержать собственный пошатнувшийся авторитет. Кажется, всего более он был раздражен против англичан, твердо решив отомстить Англии за действия, которыми, как полагал пенсионарий, он сам и его отечество имели полное право возмущаться. Предложив республике тесный союз в целях взаимной обороны, англичане склонили ее к отказу от прежнего союза с Францией; но как только Голландия сделала этот шаг, англичане, замыслив ее погибель, вступили в сговор с той самой державой, которой голландцы, по их же коварному наущению, уже успели бросить дерзкий вызов. В то время, когда обе страны находились в полном мире, более того — в дружественном союзе, англичане подрывали торговлю Голландии, единственный источник ее существования, и, движимые отврати-

тельной алчностью, а также расчетом на то, что голландцы, вполне доверяя союзникам, не станут заботиться о защите своего имущества, дерзко захватывали их достояние Вопреки своим очевиднейшим интересам, равно как и всякому чувству чести, англичане по-прежнему таили злобу на республику за то, что ей удалось достойно и с успехом завершить последнюю войну, войну, истинной причиной коей послужили их собственные бессмысленные амбиции и оскорбительное высокомерие Победа над столь опасным врагом, полагал де Витт, доставила бы особую радость его соотечественникам и помогла бы обеспечить на будущее покой его стране, вызывавшей своим процветанием столько зависти у всех соседей

БИТВА ПРИ СОЛЕБЕЕ

Движимый сходными мотивами и преследуя те же цели, де Рюйтер вышел в море во главе грозного флота из 91 военного корабля и 44 брандеров *В качестве представителя Штатов при нем находился Корнелиус де* Витт Они отправились на поиски англичан, которыми командовал герцог Йоркский, уже успевший соединиться с французской эскадрой маршала д'Эстре Англо-французский флот стоял в бухте Солебей, причем занятая им позиция свидетельствовала о крайней беспечности союзников Когда же Сандвич, весьма опытный офицер, предупредил герцога об опасности, ему якобы ответили, что в подобного рода опасениях больше осторожности, чем мужества При появлении неприятеля (28 мая) все, сбиваясь с ног, бросились к своим постам, а на некоторых кораблях, чтобы привести их в готовность к бою, пришлось спешно рубить якорные канаты Сандвич командовал авангардом, полный решимости победить или умереть, он, однако, столь умело сочетал отвагу с благоразумием, что своим спасением весь союзный флот был обязан именно ему Он быстро покинул бухту, где брандеры де Рюйтера могли с легкостью уничтожить скученные в беспорядке союзные эскадры, и благодаря этому расчетливому маневру герцог Йоркский с главными силами и маршал д'Эстре, командовавший арьергардом, сумели оторваться от противника Сам же Сандвич стремительно атаковал голландцев и, смело идя навстречу любой опасности, отвлек на себя храбрейших из неприятелей Он заставил отступить вражеский флагман (на котором погиб голландский адмирал ван Гент), потопил корабль, пытавшийся взять его на абордаж, пустил ко дну три двинувшихся на него брандера, и хотя его собственный корабль был изрешечен ядрами, а из тысячи человек команды шестьсот лежали мертвые на палубе, Сандвич, окруженный неприятельским флотом, продолжал вести ураганный огонь из всех орудий Однако другой брандер добился большего успеха, и теперь гибель корабля стала неизбежной Капитан, сэр Эдуард Хаддок, предупредил его об опасности, но Сандвич отказался покинуть пылающее

судно и геройски встретил свою смерть, видя в ней спасение от того бесчестья, которое, как он полагал, навлекли на него необдуманные слова герцога.

Пока шел яростный бой с Сандвичем, де Рюйтер не терял времени даром. Он атаковал герцога Йоркского; их отчаянная схватка продолжалась более двух часов, и, как заявил впоследствии сам де Рюйтер, из тридцати двух сражений, в которых приходилось ему участвовать, именно это было самым упорным и ожесточенным. Английский флагман получил столь серьезные повреждения, что герцогу пришлось его покинуть и перенести флаг на другой корабль. Его эскадра с трудом выдерживала натиск превосходящих сил неприятеля, но тут на выручку герцогу подоспел сэр Джозеф Джордан, принявший на себя командование авангардом после гибели Сандвича, и противники, располагавшие теперь приблизительно равными силами, продолжали битву до наступления темноты, после чего голландцы отступили. Англичане их не преследовали. Урон, понесенный флотами двух морских держав, был примерно одинаковым; пожалуй даже, потери англичан оказались более тяжелыми. Эскадра д' Эстре, не принимавшая серьезного участия в бою, почти не пострадала, а поскольку такая осторожность отнюдь не в характере французов, то отсюда сделали вывод, что маршал имел тайный приказ поберечь свои корабли, позволив англичанам и голландцам обессиливать друг друга в яростном противоборстве. Почти все последующие события этой войны лишь подтверждали подобное подозрение.

НАСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ

Определенный перевес, которого добились голландцы в сражении с объединенными флотами двух столь могущественных держав, являлся, казалось бы, весьма почетным для них исходом; де Витту, однако, нужна была победа полная и решительная, ибо ничто меньшее не могло спасти его страну от грозивших ей отовсюду бедствий. Де Витт ожидал, что французы нанесут удар по Маастрихту, хорошо укрепленному городу с сильным гарнизоном; однако Людовик, воспользовавшись союзом с курфюрстом Кельнским, решил атаковать голландцев именно с этой стороны, где, как он знал, их граница была гораздо более уязвимой. Армии курфюрста Кельнского и епископа Мюнстерского появились на правом берегу Рейна, отвлекая на себя внимание Штатов и вынуждая их распылять силы. Голландские войска, слишком малочисленные для защиты столь протяженной границы, были разбросаны по стольким городам, что для полевой кампании у республики уже не оставалось сколько-нибудь значительного корпуса, а ни в одной из крепостей не было крупного гарнизона. Людовик перешел Маас близ Визе (14 мая), осадил Орсуа (город, принадлежавший курфюсту Бранденбургскому, но занятый голландскими войсками) и че-

рез три дня взял его штурмом. Затем он разделил свою армию, обложив одновременно Бурик, Везель, Эмерик и Римберг — четыре крепости, в каждой из которых стоял гарнизон и имелись регулярные фортификации; через несколько дней все они капитулировали. Мысль о том, сколь могущественные государи выступили сообща против их республики, приводила голландцев в ужас, и врагу нигде не оказывали сопротивления, достойного прежней славы и нынешнего величия Соединенных Провинций. Необученными гарнизонами руководили неопытные коменданты; паника повсюду истребила чувство чести, которое одно способно в столь отчаянном положении внушить солдатам мужество и волю к борьбе.

Между тем Людовик вышел к берегам Рейна и приготовился его форсировать (2 июня). Ко всем прочим бедам голландцев прибавилась страшная засуха, из-за которой полноводнейшие реки обмелели настолько, что кое-где их можно было перейти вброд. Воодушевленная присутствием монарха, французская кавалерия, исполнившись отчаянной отваги, но сохраняя при этом безупречный строй, устремилась в воды реки; пехота переправилась на лодках; несколько голландских полков, находившихся на другом берегу, не смогли оказать им сопротивления. Так — без особого риска, но не без славы — был осуществлен переход через Рейн, превознесшийся в то время до небес лестью французских придворных, потомкам же известный благодаря лести французских поэтов, более долговечной по своим последствиям.

Каждый новый успех укреплял мужество победителей, повергая в смятение побежденных. Принц Оранский, хотя и не по годам рассудительный, лишь недавно получил командование над войсками; он еще плохо знал армию и оставался новым человеком для нее, а из-за раздиравших республику партийных распрей никто не мог сказать с уверенностью, на какую власть следует рассчитывать ее гражданам. В Голландии надеялись, что форт Скинк, прославившийся осадами, которые ему удалось выдержать в прошлом, сможет и теперь оказать достойное сопротивление, — но уже через несколько дней он сдался Тюренну. Тот же полководец овладел Арнхеймом, Кнотценбургом и Нимвегеном, которые капитулировали, как только он появился у их стен. Тем временем Дуйсбург открыл ворота Людовику; вскоре в руках неприятеля оказались Хардервик, Амерсфорт, Кампен, Ренен, Виан, Эдьберг, Цволь, Кюйлемберг, Вагенинген, Лохем и Верден. Гроль и Девентер капитулировали перед маршалом Люксембургом, командовавшим мюнстерскими войсками, — словом, каждый день приносил Штатам новые известия о стремительном продвижении французов и о трусости их собственных гарнизонов.

Принц Оранский со своей малочисленной и павшей духом армией отступил в провинцию Голландия, где рассчитывал оказать врагу хоть какое-то сопротивление, пользуясь природной неприступностью этого края, ибо все надежды на человеческое искусство и мужество оказались тщетными. Город и провинция Утрехт отправили к Людовику депутацию и капитулировали. Маркиз Рошфор захватил Нарден, крепость в трех лигах

от Амстердама, и если бы он стремительно двинулся к Мюйдену, то без труда овладел бы последним. Когда четырнадцать солдат, отбившихся от армии, появились перед воротами Мюйдена, магистраты прислали им ключи от города; но какая-то девица, служанка (больше никого в цитадели не осталось), подняла мост, помешав им овладеть внутренней крепостью. Впоследствии, убедившись, что неприятельский отряд совсем невелик, магистраты подпоили французов и отобрали у них ключи. Мюйден расположен в такой близости от Амстердама, что его крепостные орудия способны были поражать входящие в этот порт корабли.

Между тем Людовик во главе блестящего двора с триумфом вступил в Утрехт (25 июня); он торжествовал, гордый своими беспрерывными успехами, хотя истинной причиной последних были скорее малодушие и бездарность его врагов, нежели его собственные мужество и полководческий талант. Как бы то ни было, три провинции — Гелдерланд, Оверейсел и Утрехт — уже находились в его власти; та же судьба угрожала Гронингену; Фрисландия оставалась совершенно беззащитной; лишь Голландия и Зеландия все еще могли доставить французам известные хлопоты; и теперь король обдумывал средства их скорейшего приведения к покорности. Конде и Тюренн убеждали Людовика срыть укрепления в большинстве захваченных городов с тем, чтобы его главная армия, усилившись оставленными в них гарнизонами, могла продолжить наступление и развить достигнутый успех. Маркиз же Лувуа, надеясь, что прочие провинции, охваченные ужасом и неспособные защищаться, окажутся для французов легкой добычей, рекомендовал королю не выводить войска из занятых крепостей, которые еще могут пригодиться для того, чтобы держать голландский народ в повиновении. Его совету последовали, хотя, как это и обнаружилось в самом скором времени, он был в высшей степени неразумным.

ГОЛЛАНДИЯ В СМЯТЕНИИ

А тем временем по всей республике народ, вместо того чтобы воспылать праведным гневом против дерзких захватчиков, изливал слепую ярость на своего злосчастного министра, чьи благоразумие и неподкупность вызывали прежде всеобщее и вполне заслуженное восхищение. Де Витту ставили в вину неподготовленность армии к войне; его личными пристрастиями объясняли скверный выбор комендантов крепостей; участившиеся случаи их малодушного поведения наводили на мысль о прямой измене; а поскольку все помнили о его прежних дружеских связях с Францией, то чернь вообразила, будто де Витт и его сторонники вынашивают коварный замысел предать Голландию в руки ее злейшего врага. Принца Оранского, несмотря на его молодость и неопытность, считали единственным, кто способен спасти отечество, и теперь в объятия его партии, к ко-

торой народ всегда питал симпатию и расположение, голландцев бросали отчаяние и страх

Кажется, один лишь Амстердам, в котором был составлен правильный план обороны, все еще сохранял мужество, его пример должен быть воодушевить другие города Почтенные бюргеры, исполняя строгий приказ своих магистратов, бдительно несли службу в караулах, чернь, которую отсутствие работы могло бы толкнуть к беспорядкам и мятежам, регулярно получала денежное пособие, ей также выдали оружие для защиты отечества Несколько судов, ранее стоявших без дела в гавани, а теперь отремонтированных и вооруженных, заняли позиции для защиты морских подступов к городу, наконец, власти открыли шлюзы и, не думая о страшном ущербе, затопили прилегавшую территорию Все провинции последовали примеру Амстердама, не поколебавшись в столь отчаянном положении вновь отдать во власть моря те плодородные земли, для отвоевания которых понадобились некогда величайшее искусство и громадные расходы

Чтобы решить, остались ли какие-либо средства для спасения обломков республики, еще недавно процветающей, а теперь оказавшейся на грани катастрофы, собрались Генеральные Штаты Депутаты в ходе своих совещаний не проявили той хладнокровной рассудительности, которая одна могла подсказать им меры, способные вывести государство из бедственного положения Депутаты от дворянства постановили, что если удастся спасти религию, свободу и независимость Соединенных Провинций, то всем прочим следует без колебаний сдаться победителям Представители одиннадцати городов согласились с этим мнением Только Амстердам выступил против любых переговоров с надменными и торжествующими врагами, но, несмотря на его протесты, Штаты отправили посольство к союзным монархам, дабы молить их о милости и снисхождении Решено было отдать Людовику Маастрихт и все пограничные города вне пределов семи провинций, а также выплатить ему огромную сумму в качестве возмещения военных расходов

О том, какой образ действий следует ему избрать в сложившихся обстоятельствах, Людовик совещался с Лувуа и Помпонном, к счастью для Европы, он вновь отдал предпочтение неистовым советам первого из названных министров Король соглашался очистить захваченные территории при условии, что все пошлины, недавно установленные на французские товары, будут отменены, что в Соединенных Провинциях будет дозволено публичное исповедание папистской веры, католики получат право пользоваться храмами наравне с протестантами, а их священники будут содержаться за счет Штатов, что ему будут переданы все пограничные города республики, включая Нисвеген, Скинк и Кнотцембург, та часть Гелдерланда, которая лежит на левом берегу Рейна, равно как острова Боммель и Фоорн, а также крепости св Андрея, Лувестейн и Кревкер, что Генеральные Штаты выплатят ему 20 миллионов ливров компенсации за военные издержки, что они будут ежегодно отправлять к нему торже-

ственное посольство и вручать золотую медаль — как признание того, что именно французскому монарху обязаны они сохранением своей независимости, завоеванной некогда при содействии его же, французского монарха, предшественников, и что они дадут полное удовлетворение королю Англии На принятие этих требований Людовик предоставил голландцам всего десять дней

Послов, отправленных в Лондон, ожидал прием еще более скверный никому из министров не позволили вступить с ними в переговоры, а их самих держали чуть ли не под арестом И однако, несмотря на враждебный образ действий английского двора, присутствие посланников из Гаги пробудило во всем английском народе (и в особенности у людей, догадывавшихся о целях и предвидевших последствия этой опасной политики) не только искреннее сочувствие к голландцам, но и глубокое возмущение мерами собственного правительства Два монарха (рассуждали англичане), из которых один — первый в Европе по своему могуществу на суше, а другой — на море, вступили в союз, дабы, вопреки прежним договорам и торжественным обязательствам, уничтожить знаменитую республику — сколь мрачное будущее обещает их успех соседям одного и подданным другого! В свое время именно Карл создал Тройственную лигу, целью коей было обуздание непомерной мощи Франции, — верное доказательство того, что нынешние его заблуждения проистекают отнюдь не из неведения Когда-то, предпринимая этот мудрый шаг, он искал — и добился — рукоплесканий своего народа, а коль скоро теперь он ведет противоположную политику, то совершенно ясно, что таким образом Карл желает сделаться независимым от народа, с чувствами и мнениями которого он уже перестал считаться Нация не обнаруживает ни малейших признаков неповиновения, парламент в своих действиях ни в чем не отступает от верноподданнического долга, никто в стране и в мыслях не имеет оскорблять корону или бросать ей вызов — и в это самое время появляется опасный замысел довести нацию и парламент до рабского состояния, а все внешние интересы народа приносятся в жертву, дабы с тем большей легкостью отнять у него внутренние вольности и привилегии Чтобы перед взорами англичан не осталось больше ни единого образца свободного государства, Соединенные Провинции, подлинный передовой бастион Англии, следует, по мысли творцов этого плана, отдать на милость ее, Англии, опаснейшего врага, а всеобщий заговор деспотов против свободы и законов должен наложить вечное ярмо рабства и тирании на все народы, которым хоть в какой-то мере удалось сохранить свои драгоценные, пусть до сих пор ничем не гарантированные, прирожденные права

Хотя Карл, опасавшийся чем-либо раздражать союзника, обошелся с голландскими посланниками весьма сурово, неожиданно быстрые успехи французского оружия внушили ему некоторую тревогу Он понимал, что в случае полного завоевания Голландии вся ее торговля и весь морской флот перейдут в руки Франции, усилив мощь последней, что вскоре настанет черед Испанских Нидерландов, и тогда Людовик, избавленный от

всякой зависимости от своего нынешнего союзника, наверняка придет к выводу, что ему уже нет никакого резона поддерживать английского короля против его недовольных подданных Уноситься мыслями в слишком далекое будущее Карл никогда не любил, но эти, столь близкие и очевидные, последствия он не мог не предугадывать и, хотя и не склонный по характеру к зависти и подозрениям, чувствовал известное беспокойство, видя, что перед французским оружием все отступает в бессилии, тогда как его собственные военные предприятия встречают весьма решительный отпор Опасаясь, как бы голландские посланники не затеяли каких-нибудь интриг с его подданными, столь явно к ним благоволившими, он их быстро отпустил, но тут же отправил Бекингема и Арлингтона (а вскоре затем и лорда Галифакса) для новых переговоров с французским монархом, находившимся теперь на вершине успеха

Министры ехали через Голландию, а так как народ вообразил, будто они везут мир несчастной республике, то их повсюду встречали с неистовым ликованием и восторгом «Да благословит Господь английского короля и принца Оранского! — вопила на улицах чернь — И да пошлет он погибель Штатам!» Со Штатами и с принцем Оранским послы имели несколько совещаний, но никаких серьезных предложений в пользу мира не сделали Они отправились в Утрехт, где продлили союз с Людовиком и договорились о том, что мир с Голландией может быть заключен лишь с общего согласия обоих королей Затем они представили собственные требования, которые сводились к следующему голландцы должны полностью и безоговорочно уступить в вопросе о салютовании флагу, и целые их эскадры, хотя бы и у берегов Голландии, не вправе отныне отказываться спускать флаг или топсель даже перед самым малым судном, несущим британский флаг, все лица, виновные в измене королю или в сочинении мятежных и клеветнических памфлетов, подлежат пожизненной высылке из владений Штатов по первому же требованию английской стороны, голландцы должны уплатить королю 1 000 000 фунтов компенсации за военные издержки, а также вносить ежегодно по 10 000 фунтов за разрешение на лов рыбы в британских морях, они должны допустить англичан к индийской торговле, верховная власть в Соединенных Провинциях должна принадлежать принцу Оранскому (а впоследствии — его потомкам), по крайней мере, он должен получить звания штатгальтера, адмирала и генерала и быть облечен всеми полномочиями, которыми когда-либо обладали его предки, наконец, в качестве гарантии выполнения настоящих статей в руки английского короля должны быть переданы остров Валхерен, город и крепость Слюйс, а также острова Кадсант, Горе и Форн

Условия, предложенные Людовиком, лишали республику всякой возможности отразить вторжение французов с суши, требования, выдвинутые Карлом, делали ее столь же беззащитной перед нападением англичан с моря, взятые же вместе, они показались совершенно невыносимыми, и голландцы, не видевшие никаких средств к продолжению борьбы, впали в полное отчаяние Их бедствия усугублялись жестокими партийными

распрями, по-прежнему терзавшими государство Де Витт, слишком упорно отстаивавший свою систему свободного правления в то время, как под угрозой оказалось самое существование республики, все еще противился отмене *бессрочного эдикта*, ставшего теперь столь ненавистным для голландского простонародья Наконец, бешенство черни прорвалось наружу, сметая на своем пути все преграды В Дорте вспыхнул бунт (30 июня), разъяренная толпа силой заставила бургомистров подписать отмену злополучного эдикта Это послужило сигналом к общему восстанию во всех провинциях

ПРИНЦ ОРАНСКИЙ СТАНОВИТСЯ ШТАТГАЛЬТЕРОМ

В Амстердаме и Гааге, Миддлбурге и Роттердаме народ взялся за оружие и, растоптав закон, принудил своих магистратов признать власть принца Оранского Восставшие прогнали ненавистных им должностных лиц, потребовали от принца назначить на их место других людей и, как это было свойственно бунтующей черни во все времена, удовлетворились местью вышестоящим, даже не подумав о защите собственных гражданских свобод

Выдающиеся таланты и достоинства де Витта превратили его в главный предмет злобной зависти, сделав его первой жертвой безумной ярости народных предрассудков Четверо негодяев, побуждаемых единственно лишь своим ложным рвением, напали на пенсионария на улице, нанесли ему множество ран и, посчитав мертвым, скрылись Один из них был впоследствии наказан, остальных так никогда и не привлекли к суду за это злодеяние Брат Яна де Витта, Корнелий, выказал храбрость и благоразумие на службе в военном флоте, болезнь вынудила его сойти на берег, и теперь, прикованный к постели, он оставался в своем доме в городе Дорт Какие-то люди вломились в его жилище, и лишь с огромным трудом слуги и домочадцы Корнелия сумели отразить их жестокое нападение В Амстердаме разъяренная толпа окружила дом доблестного де Рюйтера — человека, который оставался последней надеждой для оказавшейся в отчаянном положении республики, — и в течение некоторого времени жизнь его жены и детей подвергалась смертельной опасности

Некто Тишлер, цирюльник, человек весьма скверной репутации, обвинил Корнелия де Витта в попытке склонить его посредством подкупа к участию в злодейском предприятии, целью коего было отравить принца Оранского Обвинение это заключало в себе совершенно невероятные и даже абсурдные подробности, но легковерное простонародье встретило его с восторгом, и Корнелий должен был предстать перед судом Судьи, то ли ослепленные теми же предубеждениями, то ли уступившие из малодушия потоку народной ярости, приказали подвергнуть его пытке Так этого человека, который храбро служил своему отечеству на войне и был обле-

чен высшими званиями в государстве, отдали в руки палача, с изуверской жестокостью терзавшего его тело Но среди самых страшных мук де Витт с прежним упорством заявлял о своей невиновности, часто при этом повторяя строки из «Оды» Горация, где содержались мысли, превосходно соответствовавшие положению несчастного страдальца

Justum et tenacem propositi virum, etc 1[177 180]

ЖЕСТОКОЕ УБИЙСТВО ДЕ ВИТТОВ

Судьи, однако, приговорили Корнелия де Витта к лишению всех должностей и изгнанию из страны Неустрашимый пенсионарий, который вел себя как любящий брат и верный друг во время судебного процесса, не собирался оставлять Корнелия и теперь, когда враги задумали подвергнуть его незаслуженному бесчестью Твердо решив последовать вместе с ним в ссылку, он явился к брату в тюрьму Об этом дали знать черни Она взялась за оружие, вломилась в здание тюрьмы, вытащила оттуда обоих братьев, сотни людей вступили между собой в адское состязание — каждый желал первым обагрить свои руки их кровью Даже смерть де Виттов не смогла насытить ярость озверевшей толпы Мертвые тела этих достойных граждан подверглись надругательствам (слишком ужасным, чтобы здесь о них рассказывать), и лишь обессилев от собственных неистовств, чернь позволила наконец приблизиться друзьям покойных, которые, в безмолвии, воздали им последние почести

РАЗУМНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИНЦА

Зверская расправа над де Виттами покончила на время с обломками их партии, и теперь все голландцы, из страха, склонности или по расчету, выражали единодушную готовность безоговорочно повиноваться принцу Оранскому Республика, хотя и наполовину покоренная чужеземной армией и все еще подавленная своими тяжкими бедствиями, твердо сплотилась вокруг единого вождя и начала понемногу собирать то, что осталось у нее от энергии и решимости былых времен Достойный наследник династии героев, Вильгельм повел себя так, как подобает главе храброго и свободного народа Все свои усилия он направил против врагов Голландии, не добиваясь лично для себя каких-либо преимуществ в ущерб отечеству или гражданской свободе Он призвал Штаты с презрением отвергнуть унизительные условия, выставленные надменными врагами, и те, следуя его совету, прекратили переговоры, которые до сих пор лишь подрывали волю к борьбе самих голландцев и отдаляли поддержку со стороны их

союзников. Он растолковал депутатам, что у них и теперь еще достаточно денег и людей для того, чтобы — если только сами Штаты не впадут в полное отчаяние —умело воспользоваться выгодами географического положения и отразить или по крайней мере приостановить наступление неприятеля, удерживая оставшиеся провинции до тех пор, пока другие государства Европы, осознав, наконец, общую для всех опасность, не придут к ним на помощь Он указал им на то, что именно зависть к богатой и свободной республике объединила против нее могущественных монархов, а потому тщетны всякие надежды умилостивить уступками ее врагов, притязаниям которых умеренность свойственна так же мало, как и справедливость. Он заклинал Штаты вспомнить о величии духа их доблестных предков, которые, хотя Голландское государство находилось тогда в младенческом возрасте, поставили свободу выше всех человеческих интересов и, черпая в самих себе нравственные силы для долгой и упорной борьбы, сумели отразить натиск могущественной Испании, и это — несмотря на все ее громадные богатства и всю выучку ее великолепных солдат. Наконец, Вильгельм заявил, что сам он полон решимости идти по стопам своих славных предков и надеется, что коль скоро Штаты уже почтили его теми любовью и доверием, какие их предки питали в прежние времена к другим принцам Оранского дома, то теперь они поддержат все его усилия с такой же твердостью и несгибаемым мужеством

Энергия юного принца воодушевила депутатов. Те, кто еще недавно готовы были склонить выю под ярмо врага, теперь бесстрашно рвались в бой с надменным победителем, чтобы защитить последний клочок родины, который ни армии захватчиков, ни разлившиеся вокруг воды еще не успели у них отнять «Даже если у нас не останется под ногами земли, на которой можно сражаться, — говорили они, — мы и тогда не сдадимся и не прекратим благородной борьбы, но, переселившись в наши индийские колонии, создадим в тех далеких странах новое государство и сохраним, пусть даже в краю рабства, ту бесценную свободу, которой нынешняя Европа сделалась недостойна». Они уже начали обдумывать практические меры для осуществления столь поразительного замысла, выяснив при этом, что находящиеся в голландских портах суда способны перевезти в Ост-Индию более двухсот тысяч человек

Союзные государи, столкнувшись наконец с чем-то похожим на сопротивление, всячески пытались соблазнить своими посулами принца Оранского, от мужества и благоразумия которого всецело зависела судьба республики. Ему обещали верховную власть в провинции Голландия, а в придачу — совместное покровительство Англии и Франции в качестве гарантии как от чужеземного вторжения, так и от мятежа собственных подданных. Великодушный принц отверг все предложения, заявив, что он скорее удалится в свои германские владения и проведет остаток дней, занимаясь охотой, но не предаст свободу своей родины и не обманет тех, кто ему доверился. Когда же Бекингем принялся доказывать Вильгельму, что над Соединенными Провинциями нависла угроза полного крушения, и спро-

сил его, разве не видит он сам, что республика приближается к неминуемой гибели, принц ответил *«Есть верное средство, воспользовавшись которым, я — это уж точно — никогда не увижу гибели своего отечества Средство это — умереть в последнем окопе»*

Одной из важнейших причин, побудивших голландский народ встать на сторону принца, была надежда на то, что английский король, обрадовавшийся возвышению племянника, откажется от принятых им ранее столь гибельных для Голландии обязательств и защитит попавшую в отчаянное положение республику Но уже очень скоро обнаружилась вся иллюзорность подобных упований Карл упорно держался союза с Францией, и объединенные эскадры, с английской армией графа Шомберга на борту, подошли к голландскому побережью Иные утверждают, что какое-то весьма странное течение отнесло их от берега, и таким образом Промысел Божий чудесным своим вмешательством отвратил от республики нависшую над ней смертельную опасность Достоверно известно одно вплоть до конца года бушевали сильнейшие штормы, и либо ветер гнал англо-французский флот далеко в море, либо сами же союзные адмиралы, опасаясь роковых последствий, не решались приближаться к берегу Убедившись, что его враги, огражденные со всех сторон водами рукотворного потопа, воспряли духом и что новые успехи его оружия в ближайшее время сомнительны, Людовик удалился в Версаль

Прочие нации Европы видели в покорении Голландии предзнаменование собственного рабства и уже не питали надежд на то, что им удастся себя защитить, если могущество Франции, и без того устрашающее, получит столь громадное приращение Император, хотя и далекий от места главных событий, а потому медлительный в своих предприятиях, начал понемногу выходить из бездействия, Бранденбург выказал готовность поддержать Штаты, Испания послала им на выручку небольшой корпус, и таким образом нынешние усилия принца Оранского вместе с перспективой помощи союзников привели к тому, что общая картина начала меняться Первой крепостью, остановившей наступление врага, стал Гронинген получив под его стенами решительный отпор и понеся немалые потери, епископ Мюнстерский принужден был с позором снять осаду Принц Оранский попытался отбить у французов Нарден, но маршал Люксембург, внезапно атаковав его траншеи, вынудил Вильгельма отказаться от задуманного предприятия

ПАРЛАМЕНТ. 1673 год

Тем союзником, на чью помощь голландцы рассчитывали более всего, был английский парламент, созванный, наконец, королем под давлением крайней нужды в средствах (4 февраля) Новая сессия (которая открылась после растянувшихся почти на два года отсрочек) приковала к себе

взоры всех людей как в Англии, так и за ее пределами Было очевидно, до какой степени король страшился собирать парламент, а всеобщее недовольство, порожденное дерзким произволом правительственных мер во внутренней и внешней политике, делало его опасения более чем обоснованными

И однако, речь, с которой король обратился к палатам, была выдержана в самом сердечном и доверительном тоне Он сказал членам парламента, что непременно созвал бы их раньше, если бы не его искреннее желание предоставить им надлежащий досуг для устройства своих частных дел, а также дать народу немного отдохнуть от бремени податей и налогов, что после того как завершилась их последняя сессия, ему пришлось вступить в войну, войну не только справедливую, но и необходимую — как для поддержания чести английской нации, так и для защиты ее интересов, что, желая обеспечить мир в Англии, пока ему приходится вести войну за границей, он издал декларацию о веротерпимости к диссентерам и уже успел убедиться, какое множество благих последствий повлекла за собой указанная мера, что хотя это применение королевской прерогативы и вызвало, насколько ему известно, некоторые возражения, он хочет прямо заявить членам парламента, что намерен и впредь твердо держаться своей декларации, а в любых нападках на нее будет видеть дерзкое оскорбление, наконец, что хотя с некоторых пор упорно распространяется слух, будто вновь набранные им войска предназначены для посягательств на собственность и закон, он считает подобные подозрения настолько нелепыми, что уже решил следующей весной увеличить свою армию и не сомневается, что парламент, вотируя субсидии, примет в расчет и ее нужды О прочих делах Карл предоставил рассуждать канцлеру

Канцлер подробно трактовал те же вопросы, присовокупив к сказанному королем немало собственных чрезвычайно странных утверждений Так, он поведал парламенту, что голландцы суть злейшие враги всех монархий на свете и в первую очередь — монархии английской, их единственной соперницы в торговле и военно-морской мощи, равно как и последней преграды на пути к осуществлению их замысла создать мировую империю, столь же обширную, как империя древнего Рима, что даже теперь, оказавшись в чрезвычайно опасном и бедственном положении, голландцы, совершенно одурманенные своими грандиозными планами, попрежнему с презрением отвергают всякие переговоры, более того — не желают слышать даже о перемирии, что король, вступая в эту войну, по сути лишь следовал тем принципам, которые побудили членов парламента одобрить и рекомендовать ему этот шаг, а значит, он может с полным правом сказать, что это *их война*, что поскольку Штаты, как в силу своих интересов, так и по склонности, являются извечными недругами Англии, то парламент, выказав мудрость, счел необходимым окончательно их сокрушить и установил в качестве непреложного принципа, что delenda est Carthago, иначе говоря, что это враждебное Англии правительство следует во что бы то ни стало ниспровергнуть, и что хотя сами голландцы дерз-

ко заявляют, будто у них есть основания полагать, что английский парламент откажет королю в субсидиях, Его Величество не сомневается, что подобные надежды, в которые они слишком поспешили уверовать, уже в самом скором времени рухнут

Прежде чем общины смогли приступить к работе, им пришлось заняться делом, в котором с полнейшей очевидностью обнаружились деспотические притязания короля, меры же, принятые в этой связи палатой, ясно показали, что коммонеры отнюдь не намерены безропотно им подчинять ся Со времени парламента 1604 г существовал неизменный и никем не оспаривавшийся порядок в случае появления в палате вакантных мест она сама назначала дополнительные выборы, и канцлер, который прежде имел в данном вопросе известные преимущества, воздерживался с тех пор от использования соответствующих полномочий Заметим, что это был один из первых шагов, предпринятых общинами в целях четкого определения и надежной защиты собственных привилегий, и подобная предосторожность являлась совершенно необходимой для того, чтобы исключить на будущее незаконные рескрипты на сей счет и обеспечить свободные и справедливые выборы Никому, кроме столь отчаянного авантюриста, каким был министр Шефтсбери, составивший план подчинения английского народа тиранической власти, и в голову не пришло бы нарушить столь разумный и прочно укоренившийся обычай, и никто, кроме этого человека, не мог бы тешить себя надеждой на успех столь дерзко-безрассудного предприятия Несколько членов заняли свои места на основании незаконных рескриптов канцлера, но как только палата собралась и был избран спикер, прозвучало предложение об исключении этих лиц, после чего упомянутые члены, оказавшиеся людьми достаточно умными и скромными, удалились сами Их избрание было объявлено недействительным, и спикер, в соответствии с обычным порядком, назначил новые выборы

Следующий шаг, предпринятый общинами, свидетельствовал на первый взгляд о несколько большей уступчивости, на самом же деле он проистекал из того же духа свободы и независимости Палата утвердила резолюцию о том, что для удовлетворения чрезвычайных нужд Его Величества (именно так и было сказано) она готова вотировать ему восемнадцатимесячное обложение из расчета 70 000 фунтов в месяц, что в общей сложности должно было составить 1 260 000 фунтов Не желая доводить дело до резкого столкновения с королем, палата, однако, ни единым словом не поддержала начатую им войну, упомянутую же субсидию она пообещала Карлу лишь затем, чтобы получить дозволение спокойно приступить к разбору прочих злоупотреблений, жаловаться на которые у нее было множество причин

Ни одна из непопулярных мер правительства не вызывала большую тревогу, как из-за стоявших за ней тайных замыслов, так и ввиду ее возможных последствий, чем Декларация о веротерпимости Против этого применения монаршей прерогативы тотчас же была составлена ремонстрация Король пытался оправдать свой шаг, общины же выступали про-

тив него с прежней настойчивостью, доказывая, что подобная практика, если она будет сочтена допустимой и войдет в обычай, может стать помехой для нормального исполнения законов и извратить сущность законодательной власти, каковая, как это признавалось во все времена, принадлежит королю и двум палатам парламента Вся Англия с волнением ожидала развязки этого необычного дела Король, судя по всему, считал вопросом чести защиту принятой им меры и, желая сделать невозможным любое противодействие, решительно заявил, что уступать не намерен Общинам пришлось выказать упорство — как потому, что капитуляция в споре, где на их стороне были столь сильные аргументы, стала бы позорным поражением, так и по той причине, что торжество притязаний короля уничтожило бы все конституционные ограничения его власти

ОТМЕНА ДЕКЛАРАЦИИ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ[181]

Совершенно очевидно, что теперь приближался тот критический момент, который Карл должен был предвидеть еще тогда, когда он только начинал эту рискованную авантюру, и что ему давно уже следовало принять твердое и определенное решение, как вести себя в столь щекотливых обстоятельствах Кроме обычной своей охраны из гвардейцев, король располагал армией, стоявшей лагерем в Блекхите, командовал ею маршал Шомберг, иностранец, а многие офицеры были католиками Он мог также рассчитывать на помощь своего союзника, короля Франции — в том случае, если бы для усмирения его недовольных подданных потребовалась вооруженная сила Но подойдя к самому краю разверзшейся перед ним пропасти, Карл замер, пораженный ужасом Король ясно понимал, что первый же акт насилия сделает невозможным возврат к взаимному доверию и согласию между ним и его народом, опасности, связанные с военной помощью из-за границы, в особенности — от столь могущественного государя, также были достаточно очевидны, успехи же его собственного оружия в этой войне оказались не настолько впечатляющими, чтобы поднять его авторитет или устрашить смутьянов, отбив у них всякую охоту становиться в оппозицию к монарху К сказанному можно добавить, что стремление расширить свою власть, подтолкнувшее Карла к этим опрометчивым шагам, проистекало не из честолюбия, а, скорее, из любви к праздности и покою Предусмотренные конституцией строгие ограничения превращали управление государством в дело весьма хлопотное и мудреное, и лишь с помощью ловких интриг и тонких ухищрений удавалось королю раздобыть деньги для собственных удовольствий и даже для покрытия обычных правительственных расходов А потому, когда перспектива опасного противодействия стала вполне реальной, та же любовь к покою побудила короля отказаться от того, что, по всей видимости, было бы чрезвычайно трудно защитить, природный же его нрав, покладистый и

беспечный, едва ли мог явиться серьезным препятствием для меры, на которую государь более гордый и надменный согласился бы лишь скрепя сердце. Чтобы отступить с большим достоинством, он запросил вначале мнение палаты пэров, и те посоветовали ему пойти навстречу желанию общин. В итоге король велел принести декларацию и собственноручно сломал на ней печати. Общины встретили этот шаг с величайшей радостью и со всеподданнейшей почтительностью благодарили Его Величество. Король же заверил их в своей готовности утвердить любой представленный ему закон, способный удовлетворить их справедливые жалобы.

Между тем Шефтсбери, убедившись, что король капитулировал в важнейшем пункте — в том самом, где, согласно его собственному публичному заявлению, он должен был проявлять величайшую непреклонность, — пришел к выводу, что все планы расширения королевской власти рухнули окончательно и что столь трудная и опасная борьба Карлу совершенно не по плечу. Он предвидел, что парламент может заняться расследованием этой ненавистной для всех политики, а король — опять же по своей уступчивости — способен выдать своих министров жаждущему мести парламенту. А потому он решил, пока не поздно, примириться с той партией, которая, по-видимому, должна была вскоре стать господствующей, и все свои беззакония, совершенные на службе монархии, искупить новыми, теперь уже — в интересах оппозиции. Никогда еще не совершался в политике поворот столь резкий, и никогда еще при этом так мало не заботились о соблюдении приличий. Шефтсбери тотчас же окунулся с головой во все интриги партии страны и раскрыл своим новым единомышленникам (надо думать, не без преувеличений) деспотические замыслы двора, в которых сам принимал столь деятельное участие. А поскольку названная партия остро нуждалась в даровитом вожде, то графа приняли с распростертыми объятиями и никаких вопросов по поводу его недавнего отступничества не задавали. Ожесточенная борьба, успевшая расколоть нацию на несколько враждующих лагерей, вместе с внезапными переворотами, которые так часто сотрясали государство, привели к порче политических нравов, отчего люди, подвизавшиеся на общественном поприще, во многом утратили прежнее понятие о чести и благопристойности.

Но хотя парламент и был удовлетворен уступкой короля, он еще не избавился от всех тех опасений, веской причиной для которых явились прежние меры двора. Был принят закон, устанавливавший особую присягу для всех состоящих на государственной службе лиц. Помимо клятвы на верность королю как главе государства и церкви, а также причащения по англиканскому обряду, от них теперь требовали формального отречения от веры в догмат о пресуществлении. Поскольку диссентеры поддержали нижнюю палату в ее выступлении против королевской декларации и, судя по всему, были полны твердой решимости не принимать религиозную терпимость, дарованную в обход существующих законов, то им удалось снискать благосклонность парламента, в котором даже возник план

объединения всех протестантов против общего врага, казавшегося теперь весьма грозным. Билль, облегчавший положение протестантских нонконформистов, прошел через палату общин, но в палате пэров натолкнулся на некоторые препятствия; во всяком случае, дальнейшее его прохождение несколько затормозилось.

Резолюция о субсидиях стала законом — это была плата королю за его уступки. Кроме того, был принят акт о всеобщем прощении и амнистии, ограждавший министров от любого расследования их прежних действий. Парламент, вероятно, решил, что лучший способ исправить преступника — это показать ему, что для него еще не все потеряно. Даже в принятой общинами ремонстрации с изложением их жалоб можно усмотреть доказательство того, что раздражение палаты удалось на время успокоить. Ни одного из принципиальных вопросов — разрыва с Тройственной лигой, союза с Францией, прекращения выплат казначейством — ремонстрация не касалась. Единственные злоупотребления, в ней упомянутые, — это произвольно установленный налог на уголь (с целью обеспечения конвоев), введение в действие законов военного времени, а также насильственная вербовка в армию и размещение на постой солдат. Авторы ремонстрации просили короля полностью распустить армию после завершения войны. Король дал им ответ милостивый, но уклончивый. Когда со всеми делами было покончено, обе палаты объявили отсрочку своих заседаний (29 марта).

МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ

Хотя король взял назад свою декларацию о веротерпимости и таким образом молчаливо отказался от права приостанавливать действия законов, он по-прежнему был полон решимости, несмотря на свои неудачи в Англии и за границей, продолжать союзнические отношения с Францией и войну с Голландией, а следовательно — не отступать от всех своих тайных замыслов, которые были связаны с этим гибельным политическим курсом. Ассигнованных парламентом средств оказалось достаточно для снаряжения флота; адмиралом же назначили принца Руперта, поскольку Акт о присяге повлек за собой отставку герцога. В подчинении у принца находились сэр Эдуард Спрейг и граф Оссори. К ним присоединилась французская эскадра д' Эстре, после чего союзный флот направился к голландскому побережью (28 мая), где обнаружил неприятеля, стоявшего на якорях близ Шоневельдской отмели. Морским сражениям (даже в большей степени, чем прочим военным действиям) свойственны крайняя неразбериха и беспорядочность, причины коих — переменчивые ветры, непостоянные течения, а также дым и мрак, окутывающие со всех сторон их участников. А потому неудивительно, что описания этих битв содержат в себе массу неясностей и противоречий, в особенности, если их дают авто-

ры, принадлежащие к воюющим нациям, каждый из которых находит удовольствие в том, чтобы превозносить до небес подвиги своих соотечественников и всячески умалять успехи неприятеля. Единственное, что можно с уверенностью утверждать об этом сражении, — так это то, что победой хвастались обе стороны, из чего мы вправе заключить, что исход его не был решительным. Голландцы, сражавшиеся близ собственных берегов, первыми отступили в свои гавани. Неделю спустя, приведя в порядок свои корабли, они вновь двинулись навстречу англо-французскому флоту. Последовало новое столкновение (2 июня) со столь же неопределенным исходом. Ни одна их сторон не проявила в нем большого упорства; кто же именно — голландцы или союзники — первым отступил, сказать трудно. Урон, понесенный союзниками в первой из этих стычек, пришелся большей частью на французов, которым англичане, не вполне доверяя их намерениям, позаботились отвести место между собственными эскадрами и неприятелем, заставив таким образом принять на себя огонь вражеского флота. Во втором же бою потерь в кораблях не было, кажется, ни у одной из сторон.

Сумев без серьезного для себя урона выдержать борьбу с гораздо более многочисленными эскадрами Англии и Франции, де Рюйтер заслужил немалую славу; а расстроив замысел высадки союзников в Зеландии, замысел, который, в случае успешного его осуществления, поставил бы Голландскую республику на грань полной катастрофы, он одержал самую настоящую победу. Здесь, правда, стоит отметить, что принц Руперт (так, по крайней мере, думали многие) не одобрял планов короля сокрушить Голландию и расширить собственную власть в Англии; считалось, что именно по этой причине он и не стал атаковать противника с той энергией, какой можно было ожидать от человека, известного всем своей доблестью. И в самом деле, замечательно, что хотя англичане (вместе с союзниками) имели явное численное превосходство над голландцами, им так и не удалось на протяжении всей этой войны добиться ни малейшего успеха в бою; тогда как в предыдущую войну, нередко сталкиваясь с подавляющими силами неприятеля, они продолжали драться с изумительной отвагой, всякий раз при этом покрывая себя великой славой, а порою даже одерживая блестящие победы. Теперь же англичан глубоко возмущала политика их собственного правительства, которую они считали пагубной для страны; они отнюдь не были уверены в том, что Англия имела справедливый повод к войне; наконец, англичане совершенно не доверяли своим союзникам-французам, которых, будь на то их воля, они бы уничтожили с гораздо большей радостью, чем даже своих врагов-голландцев.

ЕЩЕ ОДНО МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Если принц Руперт не сочувствовал замыслам двора, то и сам он в столь же малой степени пользовался расположением последнего, по крайней мере — поддержкой герцога, который, хотя уже и не мог командовать флотом, по-прежнему играл ведущую роль в Адмиралтействе Принц жаловался на крайний недостаток во всем — в порохе, ядрах, провианте, пиве и даже воде, а потому вернулся в порт, чтобы отремонтировать свои корабли и позаботиться о многочисленных нуждах их экипажей Через несколько недель, приведя свой флот в порядок, он вновь вышел в море Противники встретились в устье Текселя (11 августа), где и было дано последнее сражение, завершившее долгую и упорную борьбу соседних держав В этом бою, как и в двух предшествовавших, голландцами командовал де Рюйтер, имевшим под своим началом Тромпа принцу Оранскому удалось помирить этих доблестных соперников, и теперь от прежней их вражды осталась лишь благородная ревность, побуждавшая их напрягать все силы, выказывая чудеса храбрости в борьбе с врагами отечества Бранкерт должен был действовать против д'Эстре, де Рюйтер — против принца Руперта, Тромп — против Спрейга Стоит заметить, что два бесстрашных адмирала, упомянутых здесь последними, во всех сражениях упорно искали друг друга, видя один в другом единственного достойного по своей доблести соперника, причем до сих пор ни одному из них не удалось взять решительный верх над другим В этом бою они дрались так, как будто середины между смертью и победой для них не существовало

Д'Эстре со всей французской эскадрой (кроме контр-адмирала Маотеля) держался на расстоянии, и Бранкерт не стал его атаковать, но устремился на помощь де Рюйтеру, который вел в это время яростный бой с принцем Рупертом Никогда еще принц не показывал себя более достойным высокой славы его искусство флотоводца, равно как и личное мужество, проявились в этот день с изумительным блеском Окруженный со всех сторон превосходящими силами, он сумел оторваться со своей эскадрой от неприятеля, а затем, соединившись со своим контр-адмиралом сэром Джоном Чичли (ранее отрезанным от него голландцами), поспешил на выручку Спрейгу, который едва держался под натиском эскадры Тромпа «Ройял Принс», на котором Спрейг начал бой, получил столь сильные повреждения, что адмиралу пришлось поднять свой флаг на «Сент-Джордже», а Тромп по той же причине вынужден был покинуть свой корабль «Золотой Лев» и перейти на борт «Кометы» Эти доблестные противники вместе со своими помощниками контр-адмиралами возобновили битву и вели ее с неистовым ожесточением Оссори, контр-адмирал Спрейга, готовился брать на абордаж Тромпа, когда заметил «Сент-Джорджа», изрешеченного ядрами и совершенно беспомощного Спрейг только что оставил это судно, чтобы перенести свой флаг на другой (уже третий по счету) корабль и вновь вступить в командование эскадрой, — но тут голландское

ядро, насквозь прошив «Сент-Джорджа», попало в его шлюпку, и та быстро пошла ко дну Утонул и сам адмирал — к великому сожалению Тромпа, воздавшего заслуженную хвалу его доблести

В таком опасном положении нашел эскадру Спрейга принц Руперт, убедившийся, что большинство его кораблей уже не способны продолжать битву Тем не менее схватка возобновилась, бой шел теперь на ближних дистанциях и потому стал исключительно кровопролитным Принцу удалось даже привести неприятеля в некоторое расстройство Чтобы развить успех, он пустил на голландцев два брандера и в то же время дал сигнал французам немедленно атаковать — если бы они это сделали, победа союзников была бы полной Видя, что французы не обращают внимания на его сигналы, и понимая, что большинство его кораблей не смогут долго выдерживать волнение, принц благоразумно позаботился об их спасении и спокойно отошел к берегам Англии Исход описанного нами боя был столь же неопределенным, как и во всех прочих морских сражениях этой войны

На суше дела голландцев приняли более благоприятный оборот Принц Оранский осадил и взял Нарден, этот успех дал его соотечественникам веские основания надеяться на победы еще более крупные Монтекуколи, командовавший имперцами на Верхнем Рейне, своими чрезвычайно искусными маневрами сумел обмануть бдительность проницательного Тюренна и, совершив стремительный марш, вышел к Бонну и обложил этот город Столь же мастерски действовал принц Оранский он ловко уклонился от встречи с французскими полководцами и, оставив их всех у себя за спиной, соединился с имперской армией Уже через несколько дней Бонн был взят, в руки союзников перешло еще несколько крепостей в курфюршестве Кельнском, а поскольку таким образом были перерезаны коммуникации между Францией и Соединенными Провинциями, то Людовику пришлось дать приказ об отводе своих войск и очистить занятые территории еще быстрее, чем они были захвачены Единственным его успехом в эту кампанию стало взятие Маастрихта

КЕЛЬНСКИЙ КОНГРЕСС

При посредничестве Швеции в Кельне открылся мирный конгресс — впрочем, надежд на его успех было совсем немного Условия, выдвинутые двумя королями, означали по сути вечное рабство для Голландии По мере того как дела Штатов шли в гору, короли становились более скромными в своих требованиях, зато и Штаты — менее щедрыми в своих предложениях, в итоге стороны так и не смогли о чем-либо договориться После эвакуации французами Голландии переговоры прекратились, а захват имперцами князя Вильгельма фон Фюрстенберга предоставил англичанам и французам удобный предлог для того, чтобы уехать из Кельна В своих

меморандумах на сей счет голландские посланники в полной мере выразили гордое презрение, столь естественное для свободной республики, столкнувшейся с таким незаслуженно скверным обращением.

ПАРЛАМЕНТ

Вновь собравшийся английский парламент (20 октября) проявил гораздо более серьезные признаки раздражения, нежели те, которые обнаружились на предыдущей его сессии. Какое-то время он молча наблюдал за переговорами о браке между герцогом Йоркским и эрцгерцогиней Инсбрукской, католичкой из Австрийской династии. Но когда эти переговоры провалились и герцог сделал предложение принцессе из Моденского дома, находившегося тогда в тесном союзе с Францией, данное обстоятельство, вместе с множеством других причин для недовольства, вызвало бурный гнев общин, и они с величайшим жаром выступили против задуманного двором брака. Король ответил палате, что она опоздала со своими протестами, ибо брак этот — дело уже решенное, более того — он уже заключен по доверенности. Общины держались с прежним упорством и, перейдя к разбору прочих правительственных мер, приняли резолюцию о том, что постоянная армия есть злоупотребление; а затем объявили, что дальнейшие субсидии короне они согласятся вотировать лишь в том случае, если с полной ясностью обнаружится, что голландцы отвергают любые разумные условия мира. Чтобы разом положить конец всем несносным для него выпадам, король решил отсрочить парламент; с этим намерением он явился в палату пэров (4 ноября) и велел парламентскому приставу призвать общины. Вышло так, что спикер и пристав чуть ли не столкнулись в дверях палаты, но спикер был еще внутри, и какие-то коммонеры с криком: *В кресло его! В кресло!* внезапно захлопнули двери; другие же при этом кричали: *Черный жезл уже у дверей!* Спикера силой усадили в кресло; тотчас же были внесены предложения с осуждением, во-первых, союза с Францией, во-вторых, дурных советников из окружения короля и, в-третьих, герцога Лодердейла как человека недостойного и неспособного занимать государственные должности. Все кричали: *На голосование! Ставьте на голосование!* но пристав яростно колотил в двери, а спикер улизнул из своего кресла, так что в конце концов парламент разошелся в невообразимом беспорядке.

В перерыве между сессиями Шефтсбери, чьи интриги с партией недовольных перестали быть тайной, лишился поста канцлера, и большую государственную печать вместе с титулом лорда-хранителя получил сэр Хайнидж Финч.[182] Акт о присяге оставил не у дел Клиффорда, и белый жезл лорда-казначея перешел к сэру Томасу Осборну (вскоре возведенному в достоинство графа Денби) — весьма способному министру,[183] ко-

торый возвысился благодаря своим парламентским талантам Клиффорд удалился в деревню, где вскоре умер

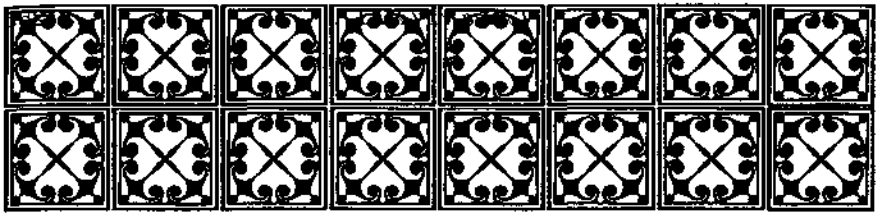
Парламент был отсрочен (7 февраля) с тем, чтобы дать герцогу возможность без помех вступить в брак, но уже очень скоро острая нужда в средствах вновь заставила короля его созвать Несколькими популярными мерами он попытался подготовить надлежащую почву для сессии, однако все его старания оказались тщетными недовольство общин имело слишком глубокие причины, и устранить их было не так уж просто Палата начала с ходатайств об объявлении всеобщего поста, желая тем самым дать понять, что нация находится в бедственном положении, затем общины приняли обращение против королевской гвардии, представив ее как институт, опасный для свободы и даже попросту незаконный, ибо он до сих пор не получил санкции парламента, они предприняли некоторые шаги с целью введения новой, более строгой присяги против папизма, и, наконец, — что всего более встревожило двор — общины обрушились на членов кабали, пагубными советами которых они объясняли все нынешние беды и неустройства Клиффорда уже не было в живых, Шефтсбери успел примириться с партией страны и даже стать ее вождем, Бекингем пытался идти по его стопам, но пока о его намерениях знали лишь немногие, и потому в палате общин было внесено предложение о его импичменте Герцог пожелал оправдаться, однако его выступление, на редкость путанное и двусмысленное, палату не удовлетворило От Бекингема потребовали точного ответа на ряд вопросов, касавшихся всех вышеупомянутых примеров дурного управления и правительственного произвола, наиболее замечательным из них кажется следующий вопрос «Кто подал совет набрать армию, дабы держать палату общин в страхе и воздействовать на ее решения?» Он показывает, как далеко успели зайти общины в своих подозрениях Бекингем же в своих ответах всячески пытался обелить себя и переложить вину на Арлингтона Первой цели он не добился общины приняли обращение к королю с просьбой о его отставке, зато Арлингтон, по многим причинам нелюбимый палатой, не избег удара с ее стороны Против него был составлен обвинительный акт, хотя до судебного процесса дело так и не дошло

МИР С ГОЛЛАНДИЕЙ

Карл ясно понимал рассчитывать на то, что общины отпустят ему средства на ведение столь ненавистной для них войны, уже не приходится А потому он решил заключить сепаратный мир с голландцами на условиях, предложенных ими через испанского посла С сердечностью, которая при тогдашнем настроении обеих сторон была, вероятно, простым притворством, хотя и производила самое приятное впечатление, Карл обратился за советом к парламенту Парламент изъявил ему признатель-

ность за эту великую милость и столь же единодушно высказался в пользу мира. И мир был заключен. Голландцы в самых ясных и пространных выражениях признавали права британского флага; стороны заключали специальное торговое соглашение; в вопросе о территориях восстанавливалось положение, существовавшее до войны; английские поселенцы в Суринаме получали право по собственной воле покинуть эту страну; наконец, Штаты соглашались выплатить королю 800 000 или около 300 000 фунтов. Через четыре дня после отсрочки парламента в Лондоне, к великой радости народа, было официально объявлено о заключении мира (28 февраля). Несколько ранее Испания заявила, что если военные действия против Голландии продолжатся, то она уже не сможет долго оставаться нейтральной; и всем было ясно, что разрыв с этим королевством нанесет чувствительный удар по английской торговле. Реальная угроза коммерческих убытков, усилившая всеобщую ненависть к этой войне, сделала еще более бурным восторг по поводу ее окончания.

На французской службе находился в это время крупный корпус из англичан численностью в десять тысяч человек; он покрыл себя славой во всех сражениях и внес огромный вклад в военные успехи Людовика. По словам Карла, условия соответствующего договора не позволяли ему отозвать эти войска, однако в особой секретной статье он пообещал Штатам запретить вербовку в них новых солдат. Симпатии короля к Франции помешали строгому выполнению этого обязательства.



Глава VII (XXII)

Замыслы кабали. — Протесты сэра Уильяма Темпла. — Кампания 1674 г. — Парламент. — Безусловное повиновение. — Парламент. — Кампания 1675 г. — Нимвегенский конгресс. — Кампания 1676 г. — Двусмысленное поведение короля. — Парламент. — Кампания 1677 г. — Парламент не верит королю. — Брак принца Оранского с леди Марией. — Проект мира. — Переговоры. — Кампания 1678 г. — Переговоры. — Нимвегенский мир. — Положение дел в Шотландии

ЗАМЫСЛЫ КАБАЛИ

Если мы рассмотрим планы знаменитой кабали, то нам нелегко будет решить, чего же здесь было больше — порочности и вреда в цели, которую ставили перед собой эти министры, или безрассудства и авантюризма в средствах, с помощью которых надеялись они ее достигнуть. Сами они, разумеется, могли рассуждать лишь о «восстановлении и укреплении прежней власти короля», однако истинным их намерением могло быть только превращение его в абсолютного монарха, ибо ни одно из полномочий короны, упраздненных в недавние времена законом или обычаем, невозможно было возродить или отстоять вопреки воле народа, не обратив прежде в рабство самый народ и не сделав королевскую прерогативу совершенно свободной от всякого контроля. Они могли предвидеть, что против подобного замысла выступит вся нация — не только старая парламентская партия, которая хотя и не составляла теперь единого целого, была все еще весьма многочисленной, но даже самые ревностные роялисты, которые были искренне преданы монархии, однако желали иметь монархию ограниченную и подчиненную законам. К этому времени стало ясно, что настоящий парламент, хотя он и был избран в эпоху наибольшего влияния королевской партии, полон твердой решимости защищать права народа; заметное же недоверие к короне он начал проявлять еще тогда, когда у него не было никаких основательных причин для подозрений. А значит, едва ли не единственной силой, на которую мог бы опереться в Анг-

лии король, проводя эту опасную политику, были его собственная гвардия, а также недавно набранная армия — малочисленная, необученная и к тому же состоявшая из англичан.

Несомненно, члены кабали, строя свои тайные планы, всерьез рассчитывали на помощь французского короля; трудно, однако, понять, каким образом могло им прийти в голову, будто сами они окажутся способными руководить и чуть ли не помыкать столь властным по своему характеру союзником. Им следовало бы заранее сообразить, что у Людовика может быть здесь только одна цель, обусловленная его прямым и совершенно очевидным интересом: посеять глубочайшее недоверие между английским королем и его народом; и что сам Людовик ясно понимает, в какой степени создание на нашем острове прочной и единообразной системы правления (деспотической или свободной — неважно) явится непреодолимой преградой на пути к осуществлению его собственных честолюбивых замыслов. Обращение к нему за помощью имело бы следующие результаты: если бы он выслал небольшой отряд, то это лишь привело бы в ярость англичан, сделав совершенно немыслимым примирение между ними и Карлом; если бы он направил в Англию крупную армию, достаточную для того, чтобы сломить сопротивление нации, то в таком случае не осталось бы особых причин полагаться на его великодушие и верить, что он не пожелает воспользоваться своими преимуществами к собственной выгоде.

Следует признать, что и во всех прочих пунктах планы кабали кажутся столь же абсурдными и ни с чем не сообразными. Если бы война против Голландии завершилась блестящей победой и привела к покорению республики, то подобный ее исход усилил бы отнюдь не Карла, но именно Людовика — и какие же после этого можно было бы питать надежды на успешное сопротивление столь могущественному монарху, даже при условии полного единства нации? С другой стороны, сколь рискованными или, скорее, сколь гибельными были бы расчеты на его поддержку в борьбе с внутренней оппозицией! Ведь если бы голландцы, благодаря собственной энергии и помощи союзников, сумели бы отразить натиск врага и добиться решительного перелома в войне, то французская армия столь глубоко увязла бы в кампании на континенте, что ни малейших надежд на присылку Людовиком значительных подкреплений для содействия предприятиям короля в Англии просто не осталось бы. Наконец, разве план устрашения или насильственного усмирения собственного народа сам по себе не был бы сочтен до крайности гнусным и возмутительным, даже если отвлечься от отягчающего обстоятельства — замысла отдать в руки французов государство, в котором английский народ видел своего самого ценного союзника и с которым по многим причинам желал сохранять совершенное согласие и единство?

Равным образом, какие бы надежды ни возлагались на эти меры в видах содействия интересам католической религии, единственным их результатом мог стать лишь полный крах всех прочих замыслов и неизбежная политическая гибель их творцов. Конечно, католическая религия —

там, где она является господствующей, — способна гораздо лучше, чем протестантская, служить укреплению абсолютной монархии, — но неужели кому-нибудь могло бы прийти в голову использовать ее как средство для установления системы деспотизма в Англии, стране, где католичество ненавидят сильнее, чем даже рабство?

Следует согласиться: в замыслах кабали мы находим столько явных противоречий и даже откровенных нелепостей, что поначалу можно усомниться в том, что планы эти существовали в действительности, и счесть, что перед нами чистейшие химеры, порождение злобной клеветы политических противников. Однако совершенная невозможность объяснить с помощью какой-либо иной гипотезы странные действия двора, равно как и множество сопутствовавших им обстоятельств, вынуждает нас (даже при отсутствии прямых доказательств)[178] признать, что в то время был составлен самый настоящий план изменения религии и ниспровержения конституции Англии и что король и его министры действительно устроили заговор против собственного народа. То, что в человеческих делах представляется наиболее вероятным, не всегда соответствует действительности; а самое незначительное обстоятельство, упущенное в наших размышлениях, часто бывает способно объяснить события, которые поначалу могут показаться чрезвычайно странными и даже непостижимыми. Хотя король обладал проницательностью и здравым суждением, ум его годился скорее для мелочей из области обыденной жизни;[179] к тому же Карлу явно недоставало терпения, чтобы устремлять свой мысленный взор к отдаленным последствиям или же тщательно и во всех деталях разрабатывать сложные политические комбинации. А поскольку королю едва ли когда-либо случалось думать об одном предмете дважды, то малейшая видимость выгоды могла его соблазнить и увести в сторону; когда же он вдруг наталкивался на неожиданные препятствия, то с легким сердцем поворачивал на прежний путь, где рассчитывал с большим успехом потешить свою природную лень. Этой переменчивости своего нрава или гибкости своего ума сам король склонен был доверять, а потому он решил, что если опыт с расширением его власти и введением новой государственной религии успехом не увенчается, то он сможет с легкостью вернуться к обычным принципам правления. Однако подозрения народа, хотя они и не прорвались наружу тотчас же, стали из-за этой попытки совершенно неискоренимыми; и чем больше англичане размышляли о сопровождавших ее обстоятельствах, тем глубже становились их недоверие и возмущение. Они видели, что король никогда не имел фаворитов; что он никогда не действовал по указке своих министров и, пожалуй даже, своих любовниц, и что, следовательно, главная ответственность за все планы и меры правительства лежит именно на нем. А потому, как бы ни старался двор создать видимость поворота в своей политике, народ по-прежнему думал, что король тайно вынашивает все те же замыслы, и никакая предосторожность уже не казалась англичанам чрезмерной, когда речь шла об ограждении страны от пагубных последствий подобных шагов.

Король, прекрасно знавший об этих опасениях, склонен был отныне не доверять своему народу, к которому, впрочем, он и раньше относился с немалой долей подозрительности, и хотя ему пришлось заключить сепаратный мир с Голландией, он по-прежнему поддерживал сношения с французским монархом Карл попытался оправдаться за то, что покинул союзника, откровенно рассказав о тех действительных затруднениях, которые окружали его со всех сторон в Англии, и Людовик с величайшей любезностью и добродушием согласился признать его доводы убедительными Герцог, понимавший, что его взгляды и поступки еще более ненавистны английскому народу, вел собственную переписку с французским двором и вошел с Людовиком в тесные связи, которые им угодно было удостоить имени дружбы Единственной целью герцога было обеспечить свои права на престолонаследие и добиться льгот для католиков, и к чести Якова нужно признать, что хотя его замыслы были в некоторых отношениях опасны для народа, королю они не давали никаких серьезных причин для подозрений Верный подданный и любящий брат, он сделал повиновение единственным для себя законом, и ту самую безграничную покорность, которой впоследствии, сделавшись королем, Яков строго требовал от своего народа, до восшествия на престол он готов был в любой момент высказать своему государю

УВЕЩАНИЯ СЭРА УИЛЬЯМА ТЕМПЛА

Поскольку король ни с кем теперь не воевал (Англия была едва ли не единственным европейским государством, находившимся в столь завидном положении), то он почел за благо предложить свое посредничество противоборствующим державам, чтобы помочь им уладить собственные споры и разногласия Франция, обрадовавшись возможности иметь на переговорах столь благосклонного к ней посредника, охотно приняла предложение Карла, существовали, однако, опасения, что по той же самой причине его могут отвергнуть союзники Чтобы убедить их в серьезности своего нового курса, король призвал из уединения Темпла и назначил его послом при Штатах Этот мудрый министр, помня о неудачным исходе прежних своих предприятий, равно как и о его причине — роковом повороте в политике двора, решил, прежде чем вновь браться за дело, как можно полнее выяснить истинные цели короля, опять как будто бы обратившегося к популярным в стране мерам Сурово осудив опасные интриги кабали (которые Карл всячески пытался оправдать), Темпл с полнейшей откровенностью заявил Его Величеству, что ему будет чрезвычайно трудно, если не совершенно невозможно ввести в Англии тот образ правления и ту религию, какие существуют по Франции, что вся нация настроена к ним враждебно, для того же чтобы в корне изменить дух и мнения англичан, потребуются целые столетия, что многие из тех, кто в глубине души

совершенно безразличен к религии, окажут тем не менее решительное противодействие любым новшествам в этой области Ибо они полагают, что сломить сопротивление народа папизму можно будет только с помощью вооруженной силы, и им ясно, что после этого не останется уже никаких гарантий для гражданской свободы, что во Франции все с давних пор содействовало созданию и укреплению этой формы правления, и теперь тамошние условия находятся с нею в совершенной гармонии, что третье сословие, бедное и не уверенное в себе, не имеет в этой стране никакого веса, высшая знать крепко привязана ко двору надеждами на многочисленные должности, гражданские и военные, а духовенство, движимое сходными мотивами, дает еще одну, религиозную, санкцию принципам светской политики, что в Англии значительная часть земельной собственности принадлежит йоменам и среднему джентри, что король может предоставить совсем немного должностей и к тому же сам он не способен существовать, а тем более — поддержать армию без добровольных субсидий своего парламента, что если бы он даже имел под рукой армию, то, будь она укомплектована англичанами, ее бы никогда не заставили содействовать осуществлению планов, которые внушают народу величайшую ненависть и ужас, что римские католики не составляют в Англии и сотой части нации, а в Шотландии — даже двухсотой, и потому кажется противным здравому смыслу надеяться, что с помощью одной части можно будет держать в повиновении девяносто девять, имеющих совершенно противоположные склонности и убеждения, что иностранные войска, если они будут немногочисленными, лишь усилят ропот и гнев англичан, что же касается крупной армии, то непонятно, где ее можно взять, каким образом быстро доставить в Англию и на какие средства содержать впоследствии Эти доводы Темпл подкрепил авторитетом Гурвиля, человека, к которому, как ему было известно, Карл относился с большим уважением «Король Англии (говорил Гурвиль), которому угодно быть *слугой своего народа*, есть величайший монарх на свете, но если он захочет стать чем-то большим, то он превратится в ничто» Поначалу король слушал эти речи с некоторой досадой, однако, будучи искусным лицемером, изобразил под конец глубокую растроганность и, взяв Темпла за руку, сказал ему с видимой сердечностью «Ну что ж, я буду слугой своего народа»

Прибыв на континент, Темпл быстро понял, что план мирного посредничества едва ли увенчается успехом Союзники не доверяли намерениям короля, а кроме того проявили горячее желание продолжать войну Голландия и Испания условились не идти ни на какие переговоры до тех пор, пока во Фландрии не будет полностью восстановлено положение, предусмотренное Пиренейским миром Император имел значительные притязания в Эльзасе, а поскольку к союзу присоединилась большая часть Империи, то все надеялись, что Франции, столкнувшейся с явно превосходящими силами, вскоре не останется ничего другого, как подчиниться условиям, выдвинутым союзниками Правда, голландцы, страдавшие из-за высоких налогов и расстройства торговли, искренне желали мира, и у

них было не так уж много собственных претензий, способных отдалить его заключение, однако из чувства благодарности или даже из соображений политического благоразумия они не могли теперь покинуть союзников, чья помощь совсем недавно спасла их страну от гибели К тому же принц Оранский, оказывавший огромное влияние на политику республики, страстно мечтал о воинской славе и был только рад встать во главе армий, с которыми мог надеяться на самые блестящие победы В продолжение всей кампании он под разными предлогами избегал встреч с Темплом, когда же войска ушли на зимние квартиры, принц заявил английскому посланнику в ходе их первого свидания, что до тех пор пока Франция не испытает на себе по-настоящему силу союзного оружия, нельзя рассчитывать на сколько нибудь приемлемые условия мира, а значит, вступать в переговоры теперь нет никакого смысла

КАМПАНИЯ 1674 года

Итоги кампании ожиданий не оправдали Принц Оранский, располагавший превосходящими силами, действовал во Фландрии против принца Конде, именно отсюда, где пограничные укрепления были тогда довольно слабыми, он планировал вторгнуться во Францию После долгих и тщетных попыток навязать Конде бой, он совершил по неосторожности грубую ошибку, поставив близ Сенеффа фланг своей армии под удар неприятеля Энергичный Конде мгновенно это заметил и не преминул воспользоваться благоприятной возможностью Завязалось упорное и кровопролитное сражение, в котором принц Оранский с лихвой искупил прежнюю свою опрометчивость Он привел в порядок свои расстроенные войска, лично возглавил атаку, сумел потеснить храбрых французских ветеранов и, несмотря на разницу в возрасте и репутации, заставил Конде напрягать силы и рисковать собой в большей степени, чем это приходилось ему делать за всю свою карьеру военачальника, даже в годы пылкой молодости После захода солнца битва продолжалась при свете луны, и только полная темнота, а отнюдь не усталость сражающихся, положила конец яростной схватке, исход которой остался неопределенным «Принц Оранский, — заметил Конде со свойственными ему прямотой и великодушием, — действовал во всем как старый, опытный полководец, разве что слишком рисковал жизнью, словно юный солдат» Впоследствии принц Оранский обложил Уденарде, но при приближении неприятеля имперские и испанские генералы вынудили его снять осаду Затем он осадил и взял Граве, после чего наступила зима, и союзные армии, в атмосфере всеобщего недовольства и взаимных обвинений, закончили кампанию во Фландрии

На прочих театрах действия союзников оказались не более успешными Людовик за несколько недель отвоевал Франш-Конте В Эльзасе Тюренн, ведя борьбу со значительно превосходящими силами неприятеля, в

полной мере проявил тот блестящий талант военачальника, который уже давно доставил ему славу величайшего полководца своей страны и эпохи. Совершив внезапный форсированный марш, он атаковал и разбил при Зинцгейме имперских генералов герцога Лотарингского и Капрару. Семьдесят тысяч немцев хлынули в Эльзас и расположились на зимние квартиры в этой провинции. Тюренн, ранее отступивший в Лотарингию, вновь неожиданно появился перед ними. Он атаковал и разгромил вражеский корпус у Мюльгаузена, прогнал из Кольсара командовавшего немецкими войсками курфюрста Бранденбургского, одержал еще одну победу при Туркгейме и, выбив таким образом союзников со всех позиций, заставил их вновь убраться за Рейн, полных стыда за свои бесконечные неудачи и еще более — взаимного раздражения и недовольства.

В Англии народ следил за всеми этими событиями с величайшей тревогой, хотя король и министры изображали полнейшее к ним безразличие. Около этого времени произошли значительные перемены в министерстве. Бекингем, который благодаря своему острословию и веселому нраву давно был в фаворе у короля, получил отставку; доверием монарха пользовались главным образом Арлингтон, теперь — лорд-чемберлен, и Денби, лорд-казначей. Эти министры завидовали друг другу, а ссоры, вызванные их взаимной ненавистью, вносили некоторое расстройство в государственные дела. Впрочем, авторитет Денби рос в глазах его господина; соответственно влияние Арлингтона неуклонно падало. Денби как министр отличался бережливостью и благодаря своему усердию и таланту привел финансы в известный порядок. Он стремился вести себя так, чтобы не задеть какую-либо из партий, а в итоге не смог угодить вполне ни одной из них. Он был открытым врагом союза с Францией, однако никогда не имел достаточного влияния, чтобы побороть ту склонность, которую сохраняли к подобному курсу король и герцог. Именно французскими симпатиями последних (а также поступавшими из Парижа суммами) следует объяснять тот факт, что парламент в этом году созвали так поздно — чуть ли не накануне лета (13 апреля): в противном случае он мог бы попытаться склонить короля выступить в предстоящей кампании на стороне антифранцузской коалиции.[180]

ПАРЛАМЕНТ

Все принятые общинами меры свидетельствовали об их сильнейшем раздражении и недоверии, для которых недавние открытые действия короля, а также его нынешние тайные пристрастия давали слишком серьезные основания. Общины подготовили новый билль против папизма, включив в него множество суровых статей, касавшихся розыска и судебного преследования католических священников; они во второй раз подали обращение против Лодердейла, а получив ответ короля, нисколько их не

удовлетворивший, проявили твердую решимость добиться своего с помощью новых прошений; было выдвинуто обвинение против Денби, но после тщательного изучения отдельных его пунктов обнаружилось, что ни малейших оснований для судебного преследования здесь нет, и обвинение было снято; палата ходатайствовала перед королем об отзыве английских войск, находившихся на французской службе, а так как король пообещал лишь, что вербовка новых солдат в эти части будет прекращена, общины остались чрезвычайно недовольны подобным ответом. Наконец, были внесены следующие билли: о том, что сбор налогов без санкции парламента есть государственная измена; об исключении из палаты тех ее членов, которые соглашаются занять какую-либо должность; об обеспечении свободы личности подданных и о запрете ссылать заключенных в колонии.

БЕЗУСЛОВНОЕ ПОВИНОВЕНИЕ

Партия двора не пожелала молча смотреть на эти выпады общин, и граф Линдси внес в палату пэров новый билль о присяге. От всех членов обеих палат, а также от всех лиц, состоящих на государственной службе, билль требовал присяги в том, что поднимать оружие против короля под каким бы то ни было предлогом незаконно; что они с отвращением отвергают изменническое утверждение, будто можно с дозволения короля выступать с оружием в руках против его особы или против лиц, получивших от него свои полномочия; и что они никогда не будут пытаться внести новшества в протестантскую религию или изменить существующую систему управления церковью и государством.

Билль этот, как и следовало ожидать ввиду господствовавших в Англии настроений, встретил решительные возражения. Семнадцать дней продолжались жаркие дебаты, в которых сторонники обеих партий проявили весь свой ум и эрудицию. Заметим, что вопрос о допустимости сопротивления монарху, игравший огромную роль в нынешних спорах между двором и страной, поднимался еще в эпоху борьбы старых партий — кавалеров и круглоголовых. Людей, занимавших нейтральные позиции, в Англии оказалось совсем немного; но среди тех, кто еще способен был сохранять спокойное беспристрастие, господствовали мнения, весьма далекие от воззрений обеих враждующих партий. Эти люди полагали, что всякого рода общие, абстрактные декларации, принимаемые законодательной властью как в пользу, так и против принципа сопротивления королю, являются в равной мере политически вредными и неразумными и годятся лишь для того, чтобы с их помощью каждая из партий поочередно возвещала миру о своем торжестве над другой; что от той простоты, какую сохраняют старинные законы Англии, да и всех прочих государств, не следует отступать и ныне, ибо именно она способна наилучшим обра-

зом предотвращать опасные крайности с обеих сторон, что полное и безоговорочное отрицание правомерности сопротивления основано на *ложных* принципах, тогда как прямое и недвусмысленное признание его допустимости чревато *опасными* последствиями, а между тем нет никакой нужды подвергать государство любому из этих неудобств, что если бы мы все же оказались перед необходимостью сделать здесь выбор, то ясно, что в государственной политике пользу следует ставить выше истины, и к тому же для всякого государственного устройства было бы весьма рискованно заранее и притом в общих выражениях допускать возможность сопротивления властям, что даже в смешанных монархиях, где подобное допущение, как можно подумать, требуется в наибольшей степени, оно по сути является совершенно излишним, ибо любой человек, оказавшись в чрезвычайных, не оставляющих выбора обстоятельствах, и без помощи законодательных актов быстро сообразит, к какому средству надлежит ему прибегнуть в этой крайности, что даже те, кто, находясь на безопасном расстоянии, отвергают с помощью схоластических умствований всякую правомерность сопротивления, непременно прислушаются к голосу природы, когда строгое соблюдение их надуманных принципов поставит перед явной угрозой неизбежной гибели их самих и государство, что данный вопрос, следовательно, нужно полностью изъять из рассмотрения законодателей, и даже для частных лиц рассуждать о нем было бы занятием довольно-таки бессмысленным, ненамного лучшим, чем спор о словах, что одна партия не может утверждать, будто сопротивление властям когда-либо превратится в обычную политическую практику, другая же, вне всякого сомнения, сама прибегнет к нему в отчаянной крайности, а значит, все различие между их позициями сводится к представлению о степени опасности или угнетения, способной оправдать это чрезвычайное, не предусмотренное законом средство, между тем не существует языка, на котором, применительно к общим вопросам, можно было бы подобное различие ясно описать или точно определить

В этой присяге было много других нелепостей, в частности — клятвенное обязательство ничего не менять в системе управления церковью и государством, ведь все человеческие установления подвержены искажению и порче, а следовательно, постоянно нуждаются в исправлении и улучшении, которые означают не что иное, как изменение, к тому же закон, который не вводил бы никаких новшеств в существующий порядок управления, попросту немыслим По этим причинам билль встретил в палате пэров резкое противодействие и был принят большинством всего в два голоса Все лорды-паписты, во главе с графом Бристолем, голосовали против Затем он был направлен в нижнюю палату, где, как ожидалось, должен был подвергнуться еще более строгому разбору

Однако спор, завязавшийся затем между палатами, не позволил принять ни один из предложенных на этой сессии биллей Некто д-р Шерли, проиграв в канцлерском суде процесс против Джона Фэга,[184] члена палаты общин, подал апелляцию в палату пэров Лорды ее приняли и велели

Фэгу явиться в верхнюю палату для рассмотрения его дела Фэг пожаловался нижней палате, которая решительно встала на его сторону Общины заявили, что пэры не вправе требовать к себе для суда какого-либо из коммонеров, более того, они утверждали, что верхняя палата неправомочна принимать апелляции на решения каких-либо судов справедливости — претензия, до крайности урезавшая юрисдикцию пэров и противоречившая тому порядку, который действовал в течение всего этого столетия Общины заключают Шерли в тюрьму, лорды отстаивают свои судебные полномочия, конференции палат не помогают разрешить спор Четыре юриста, вопреки распоряжению общин, выступают по этому делу перед пэрами, их сажают в Тауэр Пэры квалифицируют этот произвольный арест как нарушение Великой хартии и приказывают управляющему Тауэра выпустить заключенных, тот не подчиняется Пэры просят короля наказать строптивого коменданта за оскорбление власти Король собирает обе палаты, призывает их к примирению и заявляет, что нынешняя ссора есть плод коварных интриг их и его врагов, которые рассчитывают таким образом добиться роспуска парламента Его советы и увещания остаются без последствий, общины продолжают бушевать, и король, видя, что эта сессия уже не сможет решить ни одного вопроса, объявляет, наконец, отсрочку парламента (8 июня)

ПАРЛАМЕНТ

Когда парламент собрался вновь (13 октября), в настроении обеих палат не обнаружилось ни малейших перемен Король настоятельно просил о субсидиях для строительства кораблей, а также для пополнения собственных доходов, часть которых уже была истрачена наперед в порядке антиципации Он даже признал, что не проявлял в прошлом той бережливости, какую мог бы и какую твердо намерен проявлять впредь, хотя тут же заявил, что его расходы, к великому его удовлетворению, оказались вовсе не такими чрезмерными, как это угодно было утверждать иным особам Общины занялись вопросом о субсидиях Они вотировали 300 000 фунтов на постройку кораблей, при этом, однако, строго по пунктам определив, как и на что должна использоваться данная сумма Они постановили не выделять средств для возмещения королевских антиципаций [181] Решение это было принято при полной палате большинством всего в четыре голоса — столь равными оказались силы борющихся партий Затем возобновился спор, вызванный делом Шерли Общины в своих действиях проявляли ту же непримиримость, что и на предшествующей сессии В палате пэров было внесено предложение просить короля о роспуске настоящего парламента, но его отклонили Король удовлетворился отсрочкой, на сей раз, правда, весьма продолжительной (22 ноября)

Возникли ли эти раздоры между палатами сами собой, случайно, или же за ними стоял чей-то умысел, точно неизвестно. Каждая из партий могла считать себя в конечном счете как выигравшей, так и проигравшей — смотря по тому, о какой из ее целей шла речь. Возможно, двор хотел отвлечь общины от нападок на правительство, заняв их другим делом; а партия страны желала добиться роспуска парламента, в котором при всем его раздражении против короны оставалось слишком много роялистов, отчего оппозиция еще не могла рассчитывать на осуществление всех своих планов.

Вскоре после отсрочки парламента произошло событие, которое само по себе было незначительное, однако превосходно выразило дух английской системы правления, равно как и характер администрации Карла в тот период. Свободная конституция, а также ожесточенная борьба различных партий породили в обществе склонность к беседам на политические темы, а поскольку тем местом, где действия короля и его министров обсуждались с особой вольностью, служили кофейные дома, то была издана прокламация, эти заведения запрещавшая. В прежние царствования подобная правительственная мера основывалась бы единственно на прерогативе, и до восшествия на английский престол династии Стюартов законность такого применения монаршей власти не вызвала бы ни малейших сомнений. Теперь, однако, видя, что его прокламация породила недовольство, Карл счел нужным обратиться за помощью к судьям, и те снабдили его доводами (отдававшими, надо сказать, откровенным крючкотворством), которыми он мог оправдать свой шаг. Закон об акцизах предусматривал, что в разрешении на розничную торговлю напитками может быть отказано тем, кто не нашел себе поручителя за уплату соответствующих сборов. Но кофе не входил в число напитков, облагавшихся акцизом, само право отказывать в разрешениях на торговлю было весьма ограниченным, и никаких разумных оснований распространять его за пределы прямого смысла закона не существовало. А потому, когда содержатели кофейных домов подали петицию, пообещав при этом пресекать всякие мятежные речи в своих заведениях, король, видя крайнее раздражение народа, уступил, и прокламация была отменена.

КАМПАНИЯ 1675 года

Кампания эта оказалась для союзников более удачной, чем любая другая в ходе всей войны. Многочисленная французская армия открыла ее во Фландрии, причем сам Людовик служил в качестве волонтера под начальством Конде. Несмотря на основательные приготовления, единственным его успехом стало взятие Лимбурга и Гюи, крепостей, не имевших большого стратегического значения. Принц Оранский со своей крупной армией срывал все его маневры; идти же на риск генерального сражения, кото-

рое могло бы обернуться полной потерей Фландрии для союзников или угрозой вторжения во Францию для их противника, ни одна из сторон, не располагая явным превосходством в силах, не желала Наскучив столь вялой кампанией, Людовик вернулся в Версаль, и за все лето в Нидерландах не произошло ничего, достойного упоминания

На Верхнем Рейне французами командовал Тюренн, противостоял ему знаменитый Монтекуколи, генерал имперцев Целью последнего было перейти через Рейн, вторгнуться в Эльзас, Лотарингию или Бургундию и прочно утвердиться в этих провинциях, задачей первого — защитить французские границы и расстроить все планы неприятеля Обе стороны показали чудеса военного искусства, и если Тюренн как полководец в чем-то и превзошел своего соперника, то объясняли это главным образом его более крепким здоровьем, которое позволяло французу лично посещать все позиции и на месте принимать надлежащие меры для осуществления своих замыслов Расположившись с войсками на германском берегу Рейна, он помешал Монтекуколи форсировать эту реку, более того, благодаря блестяще продуманному плану операции он уже через несколько дней наверняка заставил бы немцев отступить и добился бы значительного успеха — но шальная пуля, поразившая Тюренна в грудь в тот момент, когда он проводил рекогносцировку вражеских позиций, оборвала его жизнь Армию охватил неописуемый ужас Французы, за мгновение до этого твердо уверенные в победе, теперь полагали себя наголову разбитыми, а немцы, которые еще недавно рады были бы вступить в переговоры о безопасном отступлении, рассчитывали не более и не менее как на полный разгром неприятеля Но племянник Тюренна, де Лорж, сменивший его на посту командующего, оказался не чужд духу и дарованиям своего предшественника Его умелые действия позволили французам переправиться через Рейн без больших потерь, и это отступление принесло де Лоржу не меньше славы, чем это могла бы сделать величайшая из побед Огромную роль в спасении французской армии сыграла доблесть английских частей, находившихся в арьергарде Своего храброго генерала они любили так же горячо, как и природные французы, и теперь, желая отомстить немцам за его смерть, дрались с необыкновенным упорством Именно здесь герцог Мальборо (тогда еще — капитан Черчилль) усвоил азы того искусства, которое впоследствии с таким убийственным успехом пустил в ход против самой Франции

Между тем принц Конде передал командование Фландрской армиеи Люксембургу и, приведя с собой значительные подкрепления, принял начальство над армией Тюренна Он сумел защитить Эльзас от немцев, которые перешли через Рейн и вторглись в эту провинцию Он вынудил их снять осаду Саберна, а затем и Хагенау, с успехом при этом избегая сражения, которое ему не однажды пытались навязать Искусно помешав им утвердиться в Эльзасе, он заставил немцев, несмотря на их численное превосходство, вновь отступить за Рейн и встать на зимние квартиры на собственной территории

После гибели Тюренна часть немецкой армии была послана осаждать Трир — предприятие, в котором с величайшим энтузиазмом действовали сообща имперцы, испанцы, пфальцграф, герцог Лотарингский и многие другие князья. План операции был хорошо продуман и осуществлялся с должной энергией. Тем временем маршал Креки собрал армию и двинулся к Триру, чтобы принудить немцев снять осаду. Те оставили небольшой отряд для охраны своих коммуникаций вокруг города и под командованием герцогов Целльского и Оснабрюкского выступили навстречу неприятелю. Близ Консабрика они внезапно обрушились на Креки и, располагая численным превосходством, наголову его разбили. Маршалу удалось спастись всего с четырьмя адъютантами; после чего, запершись в Трире, он решил энергичной обороной искупить плоды прежней ошибки (или несчастного стечения обстоятельств). Солдаты трирского гарнизона были люди храбрые, но той отчаянной решимости сражаться до конца, которая одушевляла их командира, в себе не чувствовали. Выведенные из терпения его упрямством, они взбунтовались и капитулировали по собственному почину, а так как маршал наотрез отказался подписать акт о капитуляции, то его отдали в руки неприятеля в качестве пленника.

Любопытно, что поражение Креки — это едва ли не единственная неудача французов на суше в период от Рокруа до Блейнхейма, то есть более чем за шесть десятилетий, десятилетий, полных кровопролитных войн с сильными и храбрыми врагами; число же их побед почти совпадает с количеством лет. Причиной тому — мощь французской монархии и искусство ее полководцев, но в то же время — огромные ресурсы и тонкая политика прочих европейских государств, позволявшие им всякий раз восполнять урон, удерживая эту могущественную державу чуть ли не в прежних ее границах. В другую эпоху даже пятая часть этих побед доставила бы Франции безраздельное господство над Европой.

Между тем шведы, соблазнившись щедрыми французскими субсидиями, встали на сторону Людовика и вторглись в померанские владения курфюрста Бранденбургского. Курфюрст, к которому подошли из Силезии имперские отряды, смело атаковал неприятеля. Вскоре он заставил шведов очистить бранденбургскую часть Померании и оттеснил их к западной, шведской ее части. Тем временем к союзникам присоединился датский король. Он решил объявить войну Швеции, и курфюрст имел с ним свидание, где государи договорились о том, как развить достигнутый успех.

Ко всем этим неудачам за пределами Франции прибавились бунты простого народа внутри страны — в Гиени и Бретани. Быстро подавленные, они все же отвлекли внимание Людовика и вынудили его разделить силы. Единственного успеха французы добились на море. Восстал сицилийский город Мессина, и на выручку мятежникам был отправлен флот под командованием герцога де Вивонна. Голландцы послали эскадру на помощь испанцам. Последовало сражение, в котором погиб де Рюйтер. Этого одного было достаточно, чтобы французов сочли победителями.

Франция, которая еще за двенадцать лет до того не имела в своих гаванях, пожалуй, ни единого военного корабля, благодаря настойчивости и тонкому расчету превратилась по своим наличным силам (хотя отнюдь не по своим ресурсам) в первую мировую державу Европы. Находясь с нею в союзе против Англии, голландцы передали французам несколько кораблей и познакомили их с основами сложной науки судостроения. Затем уже сами англичане, вступив в союз с Людовиком против Голландии, учили французов вести морской бой и сохранять строй во время сражения. Людовик пользовался любой возможностью, чтобы возвеличить свой народ, тогда как Карл, ведя праздную жизнь искателя наслаждений, совершенно пренебрегал высоким искусством правителя; если же он вдруг стряхивал с себя лень, то это усердие, поставленное на службу злосчастным замыслам монарха, нередко оказывалось еще более пагубным для нации, чем даже прежняя его бездеятельность. Он так радел о росте морского могущества Франции, словно от этого зависела судьба его собственной короны; утверждают даже,[182] что именно им были впервые составлены или тщательно просмотрены многие из планов, осуществленных впоследствии в этом королевстве.

НИМВЕГЕНСКИЙ МИРНЫЙ КОНГРЕСС. 1676

В последнюю кампанию союзники добились серьезных успехов, однако испанцы и имперцы отлично понимали, что Франция еще не сломлена окончательно и потому не захочет подчиниться условиям, которые они решали ей навязать. Хотя отвергнуть посредничество английского короля они не могли и после долгих споров было наконец избрано место проведения мирного конгресса — Нимвеген, Испания и Империя под разными предлогами по-прежнему тянули с отправкой своих представителей, и переговоры не продвинулись ни на шаг. Англию в Нимвегене представляли лорд Беркли, сэр Уильям Темпл и сэр Лайонел Дженкинс; голландцы, страстно желавшие мира, не заставили себя долго ждать; направил в Нимвеген своих послов Людовик, который надеялся рассорить союзников и при этом хорошо знал, что его самого нельзя ни принудить силой, ни склонить хитростью к невыгодному миру; шведы, рассчитывавшие вернуть посредством мирного соглашения то, что они потеряли в ходе войны, также выказали готовность начать переговоры. Но эти державы сами по себе не могли даже приступить к обсуждению условий мира, и потому Нимвегенский конгресс служил до сих пор лишь развлечением для публики.

КАМПАНИЯ 1676 года

События предстоящей кампании, а вовсе не совещания дипломатов — вот что должно было определить, какими окажутся статьи мирного договора. Города Испанских Нидерландов, плохо укрепленные и еще хуже обороняемые, не оказали серьезного сопротивления Людовику, который, подготовив в течение зимы необходимые запасы, смог выступить в поход уже ранней весной, еще до того, как на полях появился корм для лошадей. В апреле он осадил крепость Конде и уже через четыре дня взял ее штурмом. Отправив герцога Орлеанского осаждать Бушен, небольшую, но важную крепость, он занял с главной армией столь выгодную позицию, что союзникам, если бы они попытались Бушен деблокировать, пришлось бы действовать в чрезвычайно неблагоприятных условиях. Несмотря на трудности, связанные с временем года, и на острую нехватку провианта, принц Оранский появился в виду французской армии, но единственным результатом его усилий стало то, что он смог собственными глазами наблюдать сдачу Бушена. И та и другая армии явно побаивались друг друга и не желали рисковать, начиная сражение, которое могло бы повлечь за собой чрезвычайно важные последствия. Нельзя сказать, что Людовику недоставало личного мужества, однако инициативу на войне он проявлял нечасто и теперь, решив удовлетвориться успехами, достигнутыми в самом начале кампании, почел за благо передать командование армией маршалу Шомбергу, а сам удалился в Версаль. После его отъезда принц Оранский осадил Маастрихт, но встретил упорное сопротивление, а когда к нему приблизился Шомберг (успевший за это время взять Эр), вынужден был снять осаду. Хотя принц стойко переносил любые превратности судьбы и никогда не падал духом перед лицом неудач, он уже начал понимать, что неизбежным следствием нерадивости и грубых промахов союзников станет крайне неблагоприятный исход Фландрской кампании.

На Верхнем Рейне имперцы взяли Филиппсбург. Самый скверный оборот приняли дела у шведов, противостоявших в Померании датчанам и бранденбуржцам; и теперь казалось, что уже в самом скором времени они потеряют все свои германские владения, приобретенные некогда благодаря изумительной доблести и редкой удаче.

Примерно к началу зимы состав участников конгресса в Нимвегене стал почти полным: своих представителей прислали, наконец, Империя и Испания, державы, тесно связанные родством династий и политическим союзом. (Голландцам пришлось даже пригрозить, что если они и далее будут уклоняться от переговоров, республика пойдет на сепаратное соглашение с Францией.) В ходе начавшихся совещаний и обсуждений цели сторон обнаруживались с каждым днем все яснее.

Голландцы, обремененные долгами и измученные налогами, жаждали поскорее закончить войну, ибо слабость испанцев, разногласия и неповоротливость немцев, а также те затруднения и неудобства, с которыми свя-

заны любые военные союзы, не предвещали ничего, кроме позорных неудач Торговля Соединенных Провинций захирела, между тем как английская (и это тревожило их еще сильнее) процветала благодаря нейтралитету, как никогда прежде, и теперь голландцы опасались, что они уже не смогут в полной мере вернуть себе однажды утраченные коммерческие преимущества Других причин продолжать войну, кроме желания обеспечить выгодную границу, у голландцев уже не осталось, однако из благодарности к союзникам они решили сделать еще одну попытку в надежде, что следующая кампания позволит, наконец, добиться условий мира, приемлемых для всех Принц Оранский, движимый чувством чести, стремлением к славе и враждебностью к Франции, делал все, чтобы укрепить их в этом намерении

Испанию (не говоря о прочих неисцелимых пороках этой находившейся в глубоком упадке монархии) терзали жестокие раздоры между партиями королевы-регентши и дона Хуана, побочного брата короля Неспособные оборонять Фландрию собственными силами, испанцы тем не менее твердо решили не заключать мир, который оставил бы ее совершенно беззащитной перед любыми вторжениями и посягательствами, и хотя они давали теперь самые щедрые обещания Штатам, истинные свои надежды они возлагали на помощь со стороны Англии Они понимали, что если эта небольшая, но важная территория будет завоевана Францией, то голландцы, оказавшись перед лицом столь устрашающе могущественной державы, попадут в зависимость от нее и попытаются покорностью и уступками отвратить ужасные опустошения, которыми им неизбежно грозила бы война в сердце их собственной страны Они полагали, что Людовик, сознавая, что союз с республикой окажется для него гораздо выгоднее, чем насильственное ее подчинение (которое непременно повлечет за собой эмиграцию ее жителей и упадок ее торговли), удовлетворится весьма умеренными условиями мира, после чего обратит свою воинственную энергию на других своих соседей Они были совершенно убеждены, что народ и парламент Англии, предвидя эти, для всякого ясные последствия, рано или поздно заставят короля принять участие в делах континента, с которыми так тесно связаны их интересы Наконец, они твердо верили, что когда столь страшная угроза приблизится, у самого короля откроются глаза на происходящее, и он пожертвует своими симпатиями к Франции ради безопасности собственных владений

КОЛЕБАНИЯ КОРОЛЯ

Но Карл попал здесь в сеть, сплетенную из столь противоположных мотивов и обязательств, что у него недоставало теперь ни решимости, чтобы ее разорвать, ни терпения — чтобы распутать С одной стороны, он всегда видел в союзе с Францией надежную опору на случай каких-либо

волнений среди его собственных подданных; и если он и в самом деле до сих пор не вполне отказался от замыслов расширить свою власть и изменить государственную религию, то ожидать необходимую для их осуществления помощь он мог лишь оттуда. В свое время он даже продал Франции свой нейтралитет, за что получал ежегодно пенсию в миллион ливров (впоследствии увеличенную до двух миллионов) — солидное подспорье в его нынешних денежных затруднениях. Наконец, он боялся, что парламент может обойтись с ним так, как поступил некогда с его отцом, и, втянув его в войну на континенте, воспользуется его острой нуждой в средствах и вынудит в обмен на субсидии пожертвовать прерогативой и отправить в отставку министров.

С другой стороны, горячие призывы народа и парламента, поддержанные Денби, Арлингтоном и большинством других министров, побуждали его принять сторону союзников и восстановить нарушенное равновесие сил в Европе. Дальнейшее противодействие столь упорным требованиям нации могло показаться ему делом рискованным, тогда как, удовлетворив эти требования, он мог бы рассчитывать на крупные субсидии; к тому же при всем своем равнодушии к славе и нелюбви к труду мысль о блестящей роли верховного арбитра в европейской политике порой, вероятно, заставляла его стряхнуть привычную лень, внушая Карлу желание совершить, наконец, нечто, достойное того высокого сана, коим он был облечен.

Нелишним будет заметить, что в ту пору буквально все — как в Англии, так и за границей, как Франция, так и союзники — единодушно признавали короля арбитром Европы; и какие бы условия мира он ни выдвинул, ни одна из сторон не смогла бы их отклонить. (Хотя впоследствии Франция оказалась способной противостоять тому же союзу, да еще с участием Англии, ей пришлось для этого приложить прямо-таки отчаянные усилия, в конечном счете совершенно ее истощившие; и именно крайняя нужда заставила Францию изыскать ресурсы, которые намного превзошли ее собственные ожидания.) Карл отлично понимал, что пока продолжается война за границей, он не будет знать покоя в Англии из-за настойчивых просьб его недовольных подданных; однако он никак не мог решиться навязать мир, открыто поддержав какую-либо из сторон. Условия, выгодные для союзников, стоили бы ему дружбы с Францией; обратное привело бы в ярость парламент. Неспособный сделать окончательный выбор, король без конца метался из стороны в сторону; и его поведение показывает, что от человека беспечного и легкомысленного, если он движим противоположными побуждениями, можно ожидать ничуть не меньших глупостей и несообразностей, чем даже от совершенного тупицы или сумасброда.

ПАРЛАМЕНТ

Когда собрался парламент (15 февраля), король произнес перед ним речь, прозвучавшую весьма убедительно Он предостерег членов парламента от всякого рода раздоров, выразил решимость сделать со своей стороны все для того, чтобы их совещания завершились успешно, и изъявил готовность утвердить любые законы, призванные еще надежнее защитить религию, свободу и собственность англичан Затем он рассказал о плачевном состоянии флота и попросил денег на восстановление его боеспособности, а также сообщил парламенту, что один из источников его доходов, а именно дополнительный акцизный сбор, вскоре будет совершенно исчерпан «Стоит лишь вам захотеть, — добавил король, — и вы сможете в любой момент познакомиться с отчетностью по заранее определенным годовым расходам правительства, из коей явствует, что после покрытия обычных неизбежных издержек совершенно не остается средств, необходимых в обстоятельствах непредвиденных и чрезвычайных, которые могут возникнуть в любом государстве и которые в прошлом году обернулись для меня тяжелым бременем»

Тотчас же приступить к делу членам парламента помешали сомнения относительно законности самого их собрания Один старый акт, принятый еще при Эдуарде III, гласил, что «парламент надлежит созывать раз в год, а если потребуется — еще чаще» Так как последняя отсрочка длилась более года, то иные сочли ее по этой причине противозаконной и утверждали, будто она равносильна роспуску Подобный вывод сам по себе вовсе не кажется справедливым, к тому же позднейший закон, отменивший Трехгодичный акт, предписывал обязательный созыв парламента лишь раз в три года И однако, эта пустая придирка была сочтена столь серьезным аргументом, что Бекингем, Шефтсбери, Солсбери и Уортон принялись настойчиво доказывать в палате лордов, будто настоящий парламент незаконен и все его акты не могут иметь никакой силы За эти опасные речи их посадили в Тауэр, на срок, угодный Его Величеству и палате Бекингем, Солсбери и Уортон раскаялись и вскоре были освобождены Но Шефтсбери, более строптивый по характеру и к тому же жаждавший прославиться строгой верностью принципам свободы, пожелал защитить свои права через суд, в этом ему было отказано судьями, и после двенадцатимесячного заключения он, в конце концов, вынужден был покориться, подобно остальным, и тогда его также выпустили из тюрьмы

Поначалу казалось, что общины намерены сохранять хладнокровие Они вотировали субсидию в 586 000 фунтов на постройку тридцати кораблей, при этом, однако, определив во всех деталях порядок употребления ассигнованных средств Была представлена смета предполагаемых расходов правительства (Действительные расходы, как выяснилось впоследствии, превысили ее на 100 000 фунтов) Идя навстречу просьбам короля, палата предоставила ему еще на три года дополнительный акциз-

ный сбор. (В 1668 г. он был утвержден на девять лет.) По всему казалось, что сессия пройдет спокойно и без затруднений.

КАМПАНИЯ 1677 года

Но полученные с континента известия вывели парламент из равновесия. Открыв в середине февраля военные действия, французский король осадил Валансьенн и через несколько дней взял штурмом. Затем он обложил Камбре и Сент-Омер. Встревоженный успехами Людовика, принц Оранский спешно сосредоточил армию и двинулся на выручку Сент-Омеру. Его встретили французские войска под командованием герцога Орлеанского и маршала Люксембурга. Принц обладал многими необходимыми на войне качествами — мужеством, энергией, выдержкой, бдительностью, однако уступал по своим дарованиям первоклассным полководцам Людовика; и хотя ему всякий раз удавалось быстро восстановить свои силы, после чего он мог вновь противостоять победителям, неудачи на поле боя преследовали его всю жизнь. Вот и сейчас Люксембург, искусно маневрируя, нанес принцу поражение и вынудил отступить к Ипру, после чего Камбре и Сент-Омер сдались Людовику.

Этот успех французов, достигнутый благодаря огромной мощи и умелому ее использованию, вселил понятный ужас в английский парламент. В своем адресе к королю парламент указал на страшную угрозу, которую представляет для королевства непомерное могущество Франции, и просил Его Величество, посредством таких союзов, в какие он найдет нужным вступить, обеспечить безопасность как собственных владений, так и Испанских Нидерландов, дабы успокоить таким образом глубокую тревогу его народа. Желая уклониться от исполнения просьб, содержавшихся в этом обращении (которое он счел чем-то вроде скрытого выпада против его политики), король в общих выражениях пообещал использовать для защиты Фландрии все средства, совместимые с покоем и безопасностью его королевств. Подобный ответ был уверткой или даже прямым отказом, а потому в следующем своем обращении общины решили высказаться с большей ясностью. Они умоляли Карла не медлить с заключением союзов, необходимых для достижения этой великой цели, и обещали — в том случае, если его новые меры приведут к войне с французским королем, — предоставить такие субсидии, которые позволят ему поддержать честь и отстоять интересы английской нации. Король также оставил прежнюю двусмысленность и в своем ответе общинам заявил, что единственный способ отвратить угрозу — дать ему действительную возможность провести все приготовления, необходимые для обеспечения безопасности Англии. Это послание было истолковано как требование денег, а потому парламент предоставил королю право взять под дополнительные акцизы семипроцентную ссуду в 200 000 фунтов — сумма, надо сказать, довольно

скромная, однако ее вместе с обычными доходами короны сочли достаточной для того, чтобы снарядить сильную эскадру и таким образом обеспечить безопасность нации до тех пор, пока не будут приняты новые решения.

Но эта уступка совершенно не оправдала ожиданий короля, и он объявил палатам, что если ему не ассигнуют 600 000 фунтов из новых источников, то он не сможет, не подвергая нацию очевидной опасности, *сказать или сделать то*, о чем просили они его в своих многочисленных обращениях. Общины приступили к обсуждению этого послания, но прежде чем они смогли прийти к какому-то решению, Карл призвал их в Уайтхолл, где дал им слово короля в том, что они не пожалеют, всецело положившись на него в деле обеспечения безопасности королевства; что никакие соображения на свете не заставят его обмануть их доверие или употребить отпущенные ими средства на иные цели кроме тех, которые определит сам парламент; однако, добавил король, он не станет принимать какие-либо решительные меры или заключать новые союзы до тех пор, пока не окажется в состоянии защитить своих подданных и нанести ущерб своим врагам, ибо это означало бы поставить под угрозу как его собственную безопасность, так и безопасность всей страны. Эта речь ускорила развязку. Карл потребовал доверить ему крупную сумму и поручился своим королевским словом, так что теперь общины оказались перед выбором: либо пойти на риск потерять свои деньги, либо оставить мысль о задуманных ими союзах, ясно при этом показав всему миру, что они совершенно не доверяют собственному государю.

ПАРЛАМЕНТ НЕ ВЕРИТ КОРОЛЮ

Многие причины заставляли палату общин сомневаться в искренности намерений короля. Она принимала в расчет, что ссылки на «угрозу для страны» совершенно неосновательны, ибо французам противостоит на континенте могущественный союз, сам король располагает сильным военным флотом, а все его подданные полны твердой решимости дать отпор чужеземным врагам; что, следовательно, единственной сколько-нибудь извинительной причиной нежелания Карла действовать является отнюдь не страх перед угрозой извне, а, скорее, то недоверие, которое он питает к парламенту, опасаясь, что палаты, побудив его вступить в союз с иностранными государствами для войны против Франции, воспользуются затем его острой нуждой в средствах и вырвут уступки, унизительные для его монаршего сана; что настоящий парламент не дал своими прежними действиями ни малейших оснований для подобных подозрений — более того, палаты были всегда настолько далеки от каких-либо коварных видов, что исправно вотировали Карлу субсидии и на первую Голландскую войну, и на поддержку Тройственного союза (хотя и заключенного без

всякого с ними совета), и даже на вторую Голландскую войну, начатую королем вопреки их мнению и в ущерб очевиднейшим интересам нации; между тем как предшествующие меры самого короля успели внушить народу более чем обоснованные подозрения, и ему не стоило бы теперь требовать от англичан полного доверия к себе, что король не постеснялся попросить денег на укрепление Тройственной лиги в тот самый момент, когда он уже думал над тем, как ее разрушить, после чего преспокойно употребил для этой цели полученные им благодаря лживым заверениям субсидии, что за его союзом с Францией во время войны с Голландией стояли, должно быть, планы, чрезвычайно опасные для его народа, а поскольку союз этот тайно сохраняется до сих пор, то есть веские основания опасаться, что и от этих планов отказались не вполне, что едва ли король всерьез намерен предпринять какие-то решительные меры против Франции, ведь он так долго оставался совершенно безучастным в то время, когда опасность уже была очевидной для всякого, и даже пальцем не пошевелил вплоть до того момента, когда его, наконец, побудил к действию парламент, в обязанности коего отнюдь не входит брать на себя почин в этой части правления, что если бы король и вправду желал сердечного согласия с собственным народом, то он первым сделал бы шаг навстречу и попытался бы, открыв народу свои замыслы, восстановить то взаимное доверие, которое он же и разрушил безрассудными своими поступками, что Карл напрасно надеется оградить себя на будущее от любой критики со стороны парламента, испросив у последнего 600 000 фунтов, ибо война с Францией быстро поглотит эту скромную сумму, и он вновь попадет в ту зависимость, которая в известном смысле уже стала неотъемлемой частью английской конституции, что если король заключит необходимые для страны союзы, то ему незамедлительно вотируют такую же или даже более крупную субсидию, опасаться же, что парламент способен мгновенно отречься от того политического курса, к которому его побуждают склонность, чувство чести, а также забота об интересах государства, нет никаких разумных оснований, что, следовательно, истинная причина отказа короля заключается отнюдь не в страхе перед возможной угрозой извне или перед посягательствами со стороны парламента, но в желании получить деньги, которые он, вопреки своему королевскому слову, намерен израсходовать не по назначению, и что использование столь бесчестных средств ради столь постыдной цели делает его еще менее достойным доверия народа

К этому времени палата общин четко разделилась на две партии — двора и страны Некоторые шли в партию двора ради высоких должностей, бывало и похуже, ибо кое-кого завербовали тайными взятками (этот опасный обычай завел в бытность свою министром готовый на любые авантюры Клиффорд), однако множество коммонеров поддерживали ее исключительно из склонности — до тех пор, пока меры двора соответствовали, по их разумению, интересам нации, равным образом и к партии страны

иные присоединились из личных видов и антипатий, но и в этой партии немало было тех, чьей единственной целью являлось общее благо Эти бескорыстные члены как с той, так и с другой стороны постоянно переходили из одной партии в другую, обеспечивая таким образом преимущество то двору, то оппозиции [183] Однако в нынешних чрезвычайных обстоятельствах верх взяло всеобщее недоверие к королю, и парламент решил не рисковать своими деньгами в сомнительной надежде на союзы, которые, по его мнению, никто не собирался заключать Субсидии так и не были утверждены — вместо этого общины приняли обращение к королю, в котором «умоляли Его Величество в видах противодействия растущему могуществу французского короля и ради спасения Испанских Нидерландов войти в оборонительную и наступательную лигу с Генеральными Штатами Соединенных Провинций, а также образовать иные союзы, которые он сочтет необходимыми и полезными для достижения означенных целей» Подкрепив свой совет рядом доводов, палата пообещала безотлагательно и в полной мере вотировать субсидии, коих потребует защита чести Его Величества и оборона государства Король был до крайности раздражен этим обращением, которое он назвал опасным посягательством на его прерогативу Сурово отчитав общины, он приказал им немедленно разойтись на каникулы

Совершенно ясно, что это был переломный момент (8 мая), когда король мог бы без особого труда сохранить равновесие сил в Европе (восстановление коего стоило впоследствии нашему острову столько крови и денег) и в то же время, проявив надлежащую настойчивость, вернуть себе в значительной степени, несмотря на все прошлые ошибки, доверие собственного народа Но когда эта возможность была упущена, болезнь стала неизлечимой, и хотя король порою как будто даже выказывал готовность дать решительный отпор Франции и обуздать папистов в Англии, а общины как будто даже склонялись к тому, чтобы принять это всерьез, они по-прежнему считали, что король в глубине души не отказался от прежних намерений, и ими вновь овладевали недоверие и подозрительность Некогда секретные, а впоследствии опубликованные документы, относящиеся к царствованию Карла II,[184] неопровержимо доказывают, что король в это время вел переговоры с Францией и отнюдь не собирался вступать в войну на стороне союзников А значит, единственной его целью — даже тогда, когда он давал свое КОРОЛЕВСКОЕ СЛОВО своему народу, — было добиться субсидий от парламента, обманывая же таким образом надежды англичан, Карл нисколько не сомневался, что у него всегда найдутся благовидные предлоги, чтобы оправдать свои действия

Тем временем переговоры, которые шли между Францией и Голландией, привели к заключению предварительного соглашения, иначе говоря, стороны уладили все свои разногласия, и теперь каждой из них предстояло убедить своих союзников Дело это, по видимости нелегкое, продвинулось тем не менее далеко вперед благодаря крайнему нетерпению голландцев и очередным военным неудачам антифранцузской коалиции, — но

тут произошло новое событие, которое внушило ее участникам надежду на более успешный исход их противоборства с Францией и заставило воспрянуть духом всех англичан, способных понять подлинные интересы своей страны

Король с сожалением видел, что нацией овладело глубокое недовольство, которое день ото дня растет Человек легкого и беспечного нрава, он и других желал избавить от волнений и забот, а потому искал средства успокоить этот ропот, уже теперь совершенно для него несносный, а в будущем грозивший обернуться чрезвычайно опасными последствиями Он знал, что во время последней войны с Голландией английские оппозиционеры уже сносились с принцем Оранским и побаивался, что если он и далее будет пренебрегать интересами принца и идти наперекор желаниям собственного народа, то общее недовольство может стать основой прочного союза между ними Он видел, что религия герцога внушает нации мрачные предчувствия, и хотя брат, по его настоянию, позволил воспитывать юных принцесс в протестантской вере, Карл полагал, что для успокоения народа требуется что-то еще А потому он одобрил план выдать за принца Оранского леди Марию, старшую из принцесс и прямую наследницу английского престола (сыновей у герцога не было), надеясь при этом, что столь заманчивое предложение обеспечит ему на будущее безоговорочную поддержку принца Что же касается своей роли посредника, то Карл действительно желал устроить мир, но такой, который бы вполне удовлетворил Францию, а ему позволил бы и впредь сохранять с этим королевством тесные связи, оправданием же подобного мира в глазах публики должно было, по расчетам короля, послужить согласие на него принца — человека, которого, как он видел, искренне уважает вся Европа и глубоко почитает Англия Денби, а также Темпл (находившийся в это время в Англии) энергично поддержали все доводы в пользу задуманного брачного союза, и наконец Карл дал согласие принять принца после окончания кампании

БРАК ПРИНЦА ОРАНСКОГО С ЛЕДИ МАРИЕЙ. 23 ОКТЯБРЯ

Король весьма любезно встретил своего племянника в Ньюмаркете (10 октября) Он хотел тотчас же перейти к делу, но принц потребовал, чтобы сначала его познакомили с леди Марией, заявив при этом, что вопреки обычному мнению людей его ранга он полагает семейственное благополучие важным условием человеческого счастья, а потому никакие корыстные цели или политические виды не заставят его сочетаться браком с особой, которая не вызывала бы у него симпатии Вильгельма представили принцессе, и он смог убедиться, что леди Мария пребывает в расцвете юности, пленяя всех своей очаровательной внешностью и изящными манерами Карл вообразил, будто теперь принц крепко связан двойны-

ми узами и наверняка согласится с любыми его предложениями, однако затем с изумлением обнаружил, что Вильгельм уклоняется от всяких разговоров о политике, отказываясь вести речь о каких-либо условиях всеобщего мира до тех пор, пока не будет заключен брак Судя по настоящему положению дел, заявил принц, его союзникам будут выставлены весьма тяжелые условия, и он не хочет навлечь на себя позорные упреки в том, что пожертвовал их интересами ради достижения собственных целей Несмотря на холодную сдержанность принца, Карл все еще надеялся, что его суровая непреклонность в этом вопросе чести рано или поздно смягчится, и потому тянул время, рассчитывая, что его собственная ловкость и обходительность, а также чары любви и мечты о славе сделают свое дело и в конце концов Вильгельм уступит Однажды Темпл застал принца в прескверном расположении духа он сожалел о том, что вообще приехал в Англию и выражал твердую решимость покинуть ее уже через несколько дней, однако прежде, сказал Вильгельм, королю надлежит определить, какими будут отныне их отношения, выбор же здесь, по его убеждению, таков — либо лучшие друзья, либо злейшие враги О своем намерении он попросил Темпла уже на следующее утро сообщить королю Услыхав об этой угрозе, Карл перепугался, ведь он знал, каким образом истолкуют отъезд принца в Англии А потому он решил немедленно дать согласие, притом самое любезное, и похвалив честность племянника, сказал Темплу, что брак, в сущности, заключен, и поручил сообщить о нем герцогу как о деле уже решенном Герцог, кажется, был несколько удивлен, однако тотчас же изъявил готовность повиноваться, каковая, по словам Якова, служила ему неизменным правилом во всем, что касалось воли короля Ни одна мера не вызывала в это царствование столь всеобщей радости Все партии стремились превзойти друг друга в выражении своего восторга, и даже Арлингтон, которого не посвятили в тайну заранее, сказал принцу следующее «Бывают дела, сами по себе благие, которые по этой же причине становятся лучше, должен, однако, признать то, что произошло ныне, есть столь великое благо само по себе, что даже образ действий не в силах здесь ничего испортить»

Этот брак стал большой неожиданностью для Людовика он уже привык к тому, что английский двор действует во всем по его указке, а теперь вдруг обнаружил, что столь важный шаг в Лондоне предприняли не просто без его согласия, но даже без его ведома и какого-либо участия В стране и за границей рассчитывали, что за ним тотчас последует присоединение Англии к союзникам и энергичные военные действия с целью обуздать французские амбиции, но король, желая охладить эти пылкие надежды, уже через несколько дней после брачной церемонии продлил перерыв в работе парламента (который должен был собраться 3 декабря) до 4 апреля Вотировать субсидии и начинать приготовления к войне было бы в таком случае слишком поздно, а стало быть, Карл, назначая этот срок, не мог иметь в виду ничего другого, кроме компенсации французскому королю за свое согласие на брак леди Марии и принца Оранского Есть

также веские основания полагать, что за эту важную услугу он тайно получил от Людовика два миллиона ливров.[185]

ПЛАН МИРНОГО ДОГОВОРА

Тем не менее король, вместе с Денби и Темплом, начал совещания с принцем о том, каких условий следовало требовать от Франции. После недолгих споров было решено, что Франция должна возвратить Лотарингию ее герцогу, а Турне, Валансьенн, Конде, Ат, Шарлеруа, Куртре, Уденард и Бинш — Испании, с тем чтобы обеспечить Испанским Нидерландам надежную границу. Поначалу принц настаивал также на возвращении Франш-Конте: он имел в этой провинции богатые родовые поместья и считал, что в руках Испании его собственность находилась бы в большей безопасности. Карл был уверен, что эти причины заставят Вильгельма проявить в данном пункте особое упорство, однако принц заявил, что готов отдать все эти владения за одну хорошую крепость для испанцев во Фландрии. А так как король продолжал настойчиво доказывать, что вырвать Франш-Конте из рук Людовика нет теперь никакой возможности, то принцу пришлось уступить.

Несмотря на эту уступку, проект мира был выгодным для союзников, и то, что Карл его одобрил, служило достаточным свидетельством его решимости. Он даже согласился не теряя времени отправить в Париж посла, чтобы предложить эти условия Людовику. Посол не имел права вступать в какие-либо переговоры. На принятие или отклонение условий он должен был предоставить французам всего два дня, по истечении которых ему следовало немедленно вернуться в Англию; в случае отказа король обещал тотчас же присоединиться к антифранцузской коалиции. Доставить столь надменное послание, которого так трудно было ожидать от английского двора, поручили Темплу, чья общеизвестная враждебность к Франции позволяла надеяться, что он выполнит свою задачу с надлежащей энергией и быстротой.

Но уже на другой день Карл почувствовал, что его напускная решимость куда-то исчезла. Вместо Темпла он отрядил в Париж графа Февершема, креатуру герцога Йоркского и француза по происхождению, заметив при этом, что послание само по себе является достаточно резким, а потому нет никакой нужды делать его еще более вызывающим, прибегая к услугам столь неприятного для адресата посланника. Принц между тем покинул Лондон; прощаясь с ним, король заверил его, что ни на йоту не отступит от их совместного плана и непременно объявит войну Людовику, если тот его отвергнет.

ПЕРЕГОВОРЫ

Людовик, казалось, встретил это послание с совершенным удовлетворением и даже с какой-то невозмутимой кротостью Король Англии, сказал он Февершему, отлично знает, что он волен в любой момент продиктовать условия мира, и все же с его стороны, кажется, слишком сурово требовать некоторые города во Фландрии, в особенности Турне, на укрепление коего уже истрачены громадные суммы, а потому он, Людовик, хотел бы немного подумать, прежде чем давать ответ Февершем возразил, что его пребывание в Париже ограничено двумя днями, но когда этот срок истек, графа уговорили задержаться еще на несколько дней, и в итоге он уехал, так и не получив определенного ответа Людовик выразил надежду, что его брат Карл не станет ссориться с ним из-за одного или двух городов, а в отношении последних пообещал отправить особые инструкции своему послу в Лондон, чтобы тот мог вести переговоры с самим королем Мягкость и обходительность французского монарха смягчили Карла, и таким образом Людовик ловко увернулся от удара Наконец французский посол Брильон признался, что данные ему инструкции позволяют уступить все, кроме Туре, и даже предложить какую-то компенсацию за эту крепость, если король будет упорно стоять на своем Принц Оранский, поднимавший своей энергией дух английского двора, уже уехал, и переговоры постепенно превращались в вялый обмен посланиями между Лондоном и Парижем

Впрочем, по временам король еще мог встряхнуться и даже выказать известную твердость и решимость Убедившись, что переговоры с Францией едва ли приведут к какому-либо результату, он назначил очередную сессию парламента на 15 января, хотя последняя пророгация предусматривала более поздний срок — довольно неожиданный шаг, который способен был внушить тревогу французскому двору На заседание Тайного совета призвали Темпла, и король сообщил сэру Уильяму, что хотел бы послать его в Голландию для заключения со Штатами договора о союзе, цель коего, как и в свое время Тройственной лиги, — заставить Францию и Испанию принять предложенные им условия мира Темплу было досадно видеть, что действие этой решительной меры желают ослабить такой предупредительностью по отношению к Франции и столь нарочитой демонстрацией английского беспристрастия и нейтралитета Он заявил королю, что согласованный ранее план предусматривал другое, а именно — если Франция не дает прямого и безотлагательного ответа, Англия должна вступить в войну на стороне коалиции, что мера эта удовлетворит принца, союзников и английский народ, чего нельзя ожидать от союза с одной лишь Голландией, что последний вызовет раздражение и у Франции, и у Испании, да и самих голландцев едва ли устроит это слабое подобие Тройственной лиги, созданной тогда, когда они находились в мире с обеими сторонами По этим причинам Темпл отклонил сделанное ему предложе-

ние, и вместо него в Голландию послали Лоренса Гайда, второго сына бывшего канцлера Кларендона

Видя столь странное сочетание безволия и энергии в политике английского двора, принц Оранский не мог не чувствовать презрения Тем не менее он решил извлечь всю возможную пользу из меры, которой не одобрял, поскольку Испания дала тайное согласие на то, чтобы ее союзник вошел в новую лигу, по видимости направленную и против нее, и против Франции, на самом же деле призванную оказать давление лишь на эту последнюю, то Штаты заключили договор на предложенных королем условиях (6 января)

Между тем после нескольких новых отсрочек собрался наконец английский парламент (28 января), и король с изумлением обнаружил, что, несмотря на принятые им, как ему казалось, весьма решительные меры, члены парламента по-прежнему время от времени высказывают сильнейшее недоверие, подозрительность и недовольство Хотя Карл в своей речи признал, что от ведущихся ныне переговоров уже нельзя ожидать приемлемого мира и заверил в своей твердой решимости вступить ради этой цели в войну, общины не преминули включить в свой ответ несколько весьма резких и даже не вполне разумных пунктов Король упрекнул их за это, и они, как будто раскаявшись, постановили оказать Его Величеству содействие в ведении войны Палата вотировала снаряжение флота в девяносто кораблей, набор армии в тридцать тысяч солдат и субсидию в миллион фунтов Серьезные возражения возникли у общин по поводу армии, поскольку палата, судившая по прежним мерам двора, подозревала, что ее замышляют использовать не для обуздания амбиций французского монарха, но, скорее, для ограничения вольностей английского народа, — в столь опасное положение успел поставить король и себя самого, и нацию На каждом заседании звучали весьма суровые речи, которые палата слушала с явным одобрением, герцог и лорд-казначей со страхом ожидали импичмента, неоднократно вносились предложения против королевских министров, отклоняли же их самым незначительным большинством, был назначен день, в который предполагалось рассмотреть положение дел в королевстве в отношении папизма, общины пошли еще дальше и заявили, что каких бы срочных мер ни требовали сложившиеся обстоятельства, они не станут возлагать на народ новое бремя, пока он не будет надежно огражден от тех опасностей, которыми угрожает ему преобладание католической партии Одним словом, общины нетерпеливо требовали войны всякий раз, когда король обнаруживал нежелание ее начинать, но едва лишь он исполнял их просьбы и, как можно было подумать, склонялся к тому, чтобы одобрить их планы, они начинали подозревать здесь какие-то тайные коварные замыслы

Последняя резолюция палаты взбесила короля, он сурово отчитал Темпла за его, как он выразился, «заигрывание с народом», и раздраженно спросил сэра Уильяма, неужели, по его мнению, можно надеяться на помощь общин в ведении войны, если таковая начнется, когда они уже

теперь выступают с подобными заявлениями? В самом деле, поведение Карла было столь двусмысленным, а взаимная подозрительность сторон столь глубокой, что даже непосредственные очевидцы тех событий не могли сказать с уверенностью, действительно ли король намеревается вступить в войну (и были ли у него когда-либо такие планы вообще) — а если да, то не захочет ли палата воспользоваться его нуждой в деньгах, чтобы заставить Карла пожертвовать в обмен на субсидии значительной долей монаршей власти?[186]

КАМПАНИЯ 1678 года

Все эти раздоры и несогласия сумел обратить к собственной выгоде король Франции Через своих эмиссаров он настойчиво внушал голландцам, что они поступают опрометчиво, возлагая надежды на Англию — страну, где ленивый король, совершенно не расположенный воевать с кем-либо на свете, а уж тем более с Францией, и неспособный вести твердую и последовательную политику, подчиняется в своих действиях лишь капризам расколотого на враждующие фракции парламента Желая возродить опасения аристократической партии, он указывал ей на ту угрозу, которую таит для Голландии брачный союз принца Оранского с английской королевской династией, ибо Вильгельм, идя по стопам своего отца, удостоившегося некогда столь же высокой чести, может-де прибегнуть к насильственным мерам в попытке расширить собственные полномочия и поработить свою родину Действие этих доводов он решил подкрепить новыми страхами, и как только закончилась зима, выступил в поход Лично возглавив армию, Людовик угрожал вначале Люксембургу, Монсу и Намюру, а затем внезапно осадил Гент и Ипр и уже через несколько недель овладел обеими крепостями Этот его успех глубоко встревожил голландцев, которых нисколько не удовлетворяло ни поведение Англии, ни заключенный недавно двусмысленный договор, а потому они стали еще деятельнее искать путей к миру

Как только парламент вотировал субсидию, король приступил к набору войск, перспектива же войны с Францией вызвала у англичан такой энтузиазм, что за считанные недели удалось, к удивлению всей Европы, сформировать более чем двадцатитысячную армию Три тысячи солдат под командованием герцога Монмаунта были посланы защищать Остенде, несколько полков отозвали с французской службы, с величайшим усердием принялись за снаряжение флота, появился даже план Четверного союза между Англией, Голландией, Испанией и императором

Но эти энергичные меры внезапно натолкнулись на обескураживающее препятствие Нижняя палата направила королю раздраженное обращение, в котором оправдывала все свои прежние действия, вызвавшие его недовольство, выражала желание получить полные сведения о приня-

тых мерах, просила отправить в отставку дурных советников, и в частности герцога Лодердейла, удаления которого она добивалась с особой настойчивостью Король заявил общинам, что их обращение показалось ему столь нелепым и ни с чем не сообразным, что он не хотел бы давать на него немедленно тот ответ, которого оно заслуживает И Карл начал снова прислушиваться к предложениям Людовика, который обещал крупные суммы, если он не станет возражать против того, чтобы Франция заключила выгодный мир с союзниками

ПЕРЕГОВОРЫ

Темпл, несмотря на весьма настойчивые упрашивания короля, отказался от всякого участия в столь постыдных переговорах, однако из его «Мемуаров» (где автор ссылается на слова самого Карла) мы узнаем, что одна из предложенных Людовиком статей привела английского короля в ярость, и он заявил, что не забудет этого до конца своих дней Сэр Уильям не уточняет, о чем шла речь, но издатель его сочинений, знаменитый д-р Свифт, пишет, что к вопросу о денежных выплатах французы соглашались перейти лишь после того, как король выполнит предварительное условие и даст обязательство никогда не держать в Великобритании постоянное войско численностью свыше восьми тысяч человек [187] Узнав об этом требовании, Карл вышел из себя «Cod's fish! — воскликнул он (это было его любимое ругательство) — Так вот чем решил мне услужить мой брат, король Франции! Вот к чему свелись все его обещания сделать меня абсолютным владыкой над моим народом! Или он и вправду думает, что *этого* можно добиться, имея восемь тысяч солдат?»

В Нимвегене Голландию представлял ван Бойнинген, человек, пользовавшийся большим авторитетом у Штатов Он страстно желал мира и был убежден, что нерасположение короля и подозрительность парламента делают совершенно тщетными любые надежды союзников на военную помощь со стороны Англии Штаты приказали ему отправиться к французскому королю в Гент, чтобы договориться об условиях всеобщего мира, а также заключить шестинедельное перемирие Новые условия оказались гораздо менее выгодными для испанцев, нежели те, которые предлагали ранее король и принц Оранский Им должны были возвратить шесть городов (притом некоторые из них не имели большого значения), зато Ипр, Конде, Валансьенн и Турне — главные твердыни на их границе — Франция удерживала за собой

Известие о том, что Фландрию намерены оставить столь беззащитной, возбудило сильнейший ропот в Англии Главной мишенью критики стал король, который вначале своим содействием, затем — своим попустительством и, наконец, своими проволочками позволил Франции достичь такой устрашающей мощи, что теперь она угрожала свободе всей

Европы Смущенный этими обвинениями, опасавшийся, что утрата любви собственных подданных может обернуться для него скверными последствиями, и, вероятно, до крайности раздраженный предложенной Францией тайной статьей, Карл начал всерьез подумывать о войне, которая, как он надеялся, должна была возвратить ему прежнюю популярность

Неожиданно ему представился удобный случай обнаружить эти новые намерения Пока дипломаты в Нимвегене согласовывали условия всеобщего мира, маркиз де Бальбасес, испанский представитель, осведомился у французских послов, когда именно Франция предполагает возвратить шесть фландрских городов Французы не затруднились заявить, что поскольку король, их господин, обязан позаботиться о том, чтобы шведам вернули все, потерянное ими в ходе войны, то он не может эвакуировать означенные города, пока шведская корона не получит полного удовлетворения, и что удержание этих крепостей — единственный способ принудить северные державы к принятию условий мира

Об этом притязании, чреватом самыми опасными последствиями, голландцы немедленно сообщили королю Король был изумлен и разгневан Он тотчас же поручил Темплу согласовать со Штатами решительные меры против Франции Уже через шесть дней Темпл заключил с ними договор (16 июля) Стороны требовали от Людовика в шестнадцатидневный срок заявить, что он незамедлительно эвакуирует фландрские города, в случае же его отказа Голландия обязывалась продолжать войну, а Англия — тотчас же выступить против Франции на стороне прочих держав—участниц коалиции

Все эти грозные демарши не встретили особой поддержки со стороны парламента, иные даже полагают, и не без оснований, что в его стенах плели свои интриги французские министры [188] Более того, общины, охваченные прежними подозрениями насчет истинных замыслов короля, приняли резолюцию с требованием немедленного роспуска армии Король в своем послании попытался им растолковать, сколь рискованно было бы разоружаться до окончательного заключения мира, и спрашивал, каким же это образом мог бы он теперь, без ущерба для собственной чести, отозвать свои войска из тех фландрских городов, которые отданы под его покровительство и которые никто другой в настоящий момент защитить не в силах Общины согласились оставить эти войска под ружьем на более длительный срок По всему казалось, что Европа вновь идет к войне Франция категорически заявила, что эвакуирует шесть городов лишь после того, как будут удовлетворены требования Швеции, и теперь, похоже, чувство чести обязывало ее твердо держаться этой декларации Испания и Империя, до крайности раздраженные навязанными Голландией условиями мира, обрадовались надежде на мощную поддержку, которую обещал им последний поворот в политике Карла Даже голландцы, ободряемые принцем Оранским и его партией, не слишком огорчились, обнаружив, что война должна возобновиться при более равных, чем прежде, шансах на успех Союзная армия под командованием принца двигалась к блокиро-

ванному французами Монсу, крупный английский корпус герцога Монмаунта уже готов был к ней присоединиться

Обыкновенно Карл проводил большую часть времени в женских покоях, главным образом в доме герцогини Портсмут, где среди прочей веселой публики он часто встречал французского посла Барильона, приятного собеседника, который разделял все забавы незнаменитого своими делами, но весьма любезного в обхождении монарха Чары этого праздного и беззаботного существования и влекли Карла к любовницам в последние годы его жизни И вот однажды, поддавшись в беспечную минуту вкрадчивым внушениям Барильона и герцогини, он отдал приказ, мгновенно изменивший положение дел в Европе

Через некоего Дюкро, беглого французского монаха, Темплу было передано распоряжение отправиться к шведскому посланнику и попытаться убедить его не настаивать более на принятии выдвинутых Францией условий, пожертвовав, таким образом, интересами Швеции ради всеобщего мира Дюкро, получивший тайные инструкции от Барильона, растрезвонил по всей Голландии о данном ему поручении У союзников это вызвало глубокую тревогу Все решили, что внезапный военный пыл Карла столь же внезапно угас и что договариваться всерьез о каких-либо совместных шагах с Англией нет никакой возможности Впоследствии при встрече с Темплом король легкомысленно обратил это важное дело в шутку «Ловко же он нас всех провел, этот мошенник Дюкро», — сказал он, смеясь

Тем не менее переговоры в Нимвегене не прекращались, французские представители тянули время, пока не наступило утро того решающего дня, который, в соответствии с недавним договором между Англией и Голландией, должен был определить, что ожидает христианскую Европу — скорый мир или долгая война Явившись в этот день к ван Бойнингену, французские уполномоченные сообщили, что им велено дать согласие на эвакуацию фландрских городов и немедленно заключить и подписать мирный договор (1 августа) Ван Бойнинген мог бы отклонить подобный мир, сославшись на то, что его условий ни в коем случае не примет Испания, но он слишком ясно видел все непостоянство английской политики и был глубоко встревожен известием о недавней миссии Дюкро, а потому решил, что для республики было бы великой удачей на каких угодно условиях закончить опасную войну, в которой ей не приходится рассчитывать на серьезную помощь союзников Соответствующие документы были тотчас же составлены и между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи подписаны французским и голландским посланниками По условиям договора, Франция сохраняла за собой Франш-Конте, а также Камбре, Эр, Сент-Омер, Валансьенн, Турне, Ипр, Бушен, Кассель и другие города, Испании же она возвращала только Шарлеруа, Куртре, Уденарде, Ат, Гент и Лимбург

На следующий день к Темплу прибыл курьер из Англии, который привез грамоты о ратификации недавно заключенного договора со Штатами,

а также приказ немедленно провести обмен соответствующими документами с голландский стороной: Карл вернулся к своему прежнему намерению воевать с Францией.

Действия ван Бойнингена вызвали бурный протест послов союзных держав в Нимвегене, в особенности — представителей Дании и Бранденбурга, чьи монархии, по условиям договора, обязаны были возвратить все свои приобретения. Испанский и имперский посланники также были глубоко возмущены и имели вид самый мрачный; все, однако, надеялись, что под влиянием беспрестанных настойчивых требований Англии Штаты наберутся, наконец, смелости, дезавуируют действия своего посла и возобновят войну. Чтобы склонить их к этим мерам — или, может быть, чтобы дать выход собственной досаде и гневу, — принц Оранский решился на весьма странный шаг. На другой день после подписания мира в Нимвегене он атаковал французскую армию у Сен-Дени (близ Монса) и добился известного перевеса над Люксембургом, который, положившись на мирный договор, счел войну законченной и совершенно не ожидал нападения. Принц знал, во всяком случае, имел веские основания думать, что мир уже подписан (хотя официально его об этом еще не известили), а стало быть, он бессмысленно и неоправданно пожертвовал жизнями многих храбрых воинов, павших с той и другой стороны в этом жестоком и упорном бою.

Чтобы убедить Штаты дезавуировать действия ван Бойнингена, в Гаагу отправили Гайда; король при этом пообещал, что если Англия сможет твердо рассчитывать на Голландию, то она немедленно объявит войну и будет вести ее до тех пор, пока Франция не согласится на приемлемые для союзников условия мира. На сей раз Карл не ограничился словами. Он ускорил посадку на корабли войск, предназначавшихся для действий во Фландрии, и все его военные приготовления выглядели весьма грозно и внушительно. Но Штаты, которые король слишком часто обманывал в прошлом, верить ему уже не могли. Они ратифицировали подписанный в Нимвегене мир, и все прочие державы Европы, после громких жалоб и шумных протестов, в конце концов вынуждены были принять навязанные им условия.

НИМВЕГЕНСКИЙ МИР

Людовик достиг теперь вершины той славы, о которой только может мечтать человеческое честолюбие. В кабинетах и за столом переговоров его министры и дипломаты превзошли всех своих европейских коллег с такой же очевидностью, с какой его армии и полководцы уже доказали свое превосходство на полях сражений. Он вел успешную войну против коалиции, состоявшей из самых могущественных держав Европы. Он сделал крупные завоевания, всюду расширив границы своих владений. Нако-

нец, он заключил выгодный мир, условия которого продиктовал сам. Союзники так жестоко между собой рассорились, что их скорое объединение в новый прочный альянс казалось совершенно невероятным, а потому Людовик в течение нескольких лет мог питать отнюдь не беспочвенные надежды на создание Европейской монархии, которая превзошла бы империю Карла Великого и, может быть, даже сравнялась с империей древнего Рима. Если бы Англия надолго осталась в прежнем состоянии и управлялась прежним порядком, то нелегко понять, что же могло бы тогда помешать французскому королю добиться своих целей.

Чем выше эти обстоятельства возносили Францию, тем глубже становилось негодование англичан, и старая их вражда к державе-сопернице, усиленная новыми страхами, достигла теперь крайнего ожесточения. Вместо того чтобы смело взять на себя инициативу в делах европейской политики (рассуждали англичане), Карл, забыв о собственной чести и вопреки собственным интересам, сыграл жалкую роль прислужника общего врага Европы и во всех своих предприятиях либо действовал без какого-либо ясного плана, либо имел планы опасные и преступные. В то время как Испания, Голландия, император и германские князья громко призывали Англию вести их к победе и свободе, открывая ей тем самым путь к блестящей славе, какой не знала наша страна за всю свою историю, английский король, движимый низким корыстолюбием, тайно продал свой союз Людовику и, подкупленный последним, стал вести политику, противную интересам собственного народа. Его замыслы совместных действий с Францией были чрезвычайно пагубными, его нейтралитет оказался столь же позорным; а потому лишь упрямство не верившего Карлу парламента (хотя само по себе и чреватое опасными последствиями) могло отвратить великое множество гораздо более страшных бедствий, коими столь явно грозили государству безрассудные намерения короля.

Таким было общее расположение умов к моменту заключения Нимвегенского мира, и именно эти настроения сделали возможными последующие события.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ШОТЛАНДИИ

Теперь мы должны возвратиться к шотландским делам, оставленным нами в некотором беспорядке после подавления восстания 1666 г. Король, пытавшийся в это время добиться популярности в Англии, принимал сходные меры в Шотландии, управление которой он доверил главным образом Твиддалу и сэру Роберту Маррею, людям осторожным и умеренным. Важнейшей своей задачей эти министры считали улаживание религиозных раздоров, которые отличались крайним ожесточением и против которых ни одна современная нация, кроме голландцев, кажется, еще не отыскала надлежащего средства. Поскольку строгость и принуждение успеха в

Шотландии не принесли, решили обратиться к плану *объединения*, в соответствии с которым предполагалось значительно урезать власть епископов и, отняв у них право вето в церковных судах, оставить им, по сути, лишь почетное старшинство над пресвитерами Но в среде ревностных пресвитериан этот замысел возбудил сильнейшие подозрения Они не забыли, как с помощью подобных постепенных шагов король Яков пытался в свое время ввести епископальную систему Стоит лишь человеческому зрению и слуху свыкнуться с именем и облачением епископов, рассуждали эти люди со страхом, и за ними не замедлят явиться все епископские полномочия, малейшая же связь с «беззаконными и противными христианству установлениями» казалась им опасной и греховной *Не подходи, не прикасайся, не вкушай* — призывали друг друга эти фанатики Наконец, королевским министрам стало ясно, что они лишь унижают достоинство правительства, делая недовольным авансы, на которые те совершенно не намерены отвечать какими-либо уступками со своей стороны

Затем возник новый план — так называемой *милости* В соответствии с этим проектом самые популярные из ранее изгнанных пасторов получали право занять вакантные приходы, причем никаких формальных изъявлений покорности государственной церкви от них не требовали, остальным же, пока и для них не найдется подходящее место, предлагали небольшое жалованье — около 20 фунтов в год Эти последние не приняли подарок короля, сочтя его мздой за греховное необличение Даже первые скоро раскаялись в своем согласии Паства, привыкшая некогда слушать, как поносят они вышестоящих и проповедуют, по их собственному выражению, «своему веку», нашла их нынешние проповеди, лишенные этих прелестей и красот, довольно вялыми и скучными Народ заключил, что прежние дарования покинули пасторов из-за покорности властям, которую клеймили тогда как «эрастианство» Прихожане называли их не служителями Христа, а *королевскими викариями*, подобно тому, как духовных лиц государственной церкви именовали обыкновенно *епископскими викариями* Сами проповедники вскоре обратились на прежний путь, рассчитывая таким образом вернуть себе прежнюю власть над человеческими умами В западных графствах все чаще устраивались запрещенные молитвенные собрания, духовенство государственной церкви подвергалось оскорблениям, законы не действовали, мало того — к местам своих богослужений ковенантеры каждый день являлись при оружии, и хотя после службы они обыкновенно расходились по домам, правительство имело веские основания испытывать тревогу, видя, как эти люди, слепо подчинявшиеся своим мятежным проповедникам, бросают дерзкий вызов властям и во время полного мира приводят себя в готовность к войне

Совершенно очевидно, что политическое тело Шотландии терзал опасный застарелый недуг, и чтобы его исцелить или хотя бы ослабить боль, правительство испробовало все лекарства, кроме того самого, которое и нужно было применить Там, где сектам уже удалось распространить свое влияние и пустить крепкие корни, есть лишь одно средство, спо-

собное умерить их яростный пыл, позволив таким образом гражданскому единству взять верх над религиозными различиями, и средство это — *полная терпимость* Но поскольку подобный курс лечения дает результаты не сразу, и первые сдвиги к лучшему бывают, как правило, едва заметными, то большинство политиков склонны в своем нетерпении прибегать к более опасным средствам Следует также отметить, что сами шотландские нонконформисты отнюдь не требовали терпимости для себя и не обещали ее другим — они домогались безраздельного господства, притязая на право сурово карать своих противников Связывавший их Ковенант, который они прямо-таки боготворили, не только подстрекал к мятежу против светской власти, но и оправдывал религиозные гонения, правительство же, вместо того чтобы отнестись к ним как к сумасшедшим, чьи возбужденные умы следует успокаивать лаской, лестью и мягким обращением, сочли себя вправе требовать безусловной покорности, и если диссентеров толкал на ложный путь дух фанатизма, то оно в своих ответных мерах слишком часто выказывало столь же безрассудную непримиримость под влиянием ошибочных политических принципов

В разгар этих смут в Эдинбурге собрался новый парламент,[189] представлять в нем интересы короны был послан Лодердейл Ревностные пресвитериане, главные защитники свободы, вызывали к себе слишком глубокое отвращение, чтобы сколько-нибудь успешно противиться мерам правительства, и сторонники монархии вновь взяли в парламенте верх Королевский комиссар смог добиться принятия двух актов, имевших чрезвычайно важные последствия для церковных и гражданских свобод Шотландии Первый из них провозглашал, что право решать любые дела, относящиеся к внешнему управлению церковью, принадлежит короне, что во всех спорных вопросах, касающихся церковных собраний и отдельных духовных лиц, следует руководствоваться теми распоряжениями, которые король направит своему Тайному совету, и что подобные приказы, будучи обнародованы советом, должны иметь силу закона В другом акте речь шла о милиции, которую двумя годами ранее король создал собственной властью вместо распущенной тогда армии Согласно этому акту, численный состав милиции определялся в двадцать две тысячи человек, они должны были постоянно иметь оружие и регулярно обучаться военному делу Предписывалось также держать эти войска в готовности по первому же приказу (полученному не от самого короля, а от шотландского Тайного совета) двинуться в Англию, Ирландию или любую другую часть владений короля, всякий раз, когда это потребуется для защиты чести, могущества и авторитета Его Величества

Лодердейл был чрезвычайно горд своей ролью в принятии этих двух актов По первому из них король получал неограниченную власть над церковью, и теперь, стоило лишь ему того пожелать, мог собственным указом, не нарушая формально никаких законов, восстановить в Шотландии католическую религию Второй представлял в его полное распоряжение значительную военную силу, к тому же, что было весьма удобно, Карл мог

прикрыть свой собственный приказ именем шотландского Тайного совета и в случае неудачи оправдать свои действия перед английским парламентом подобного рода лицемерными ссылками Но если эти законы вполне соответствовали видам короля, то у английских общин они вызвали сильнейшую тревогу, явившись главной причиной новых и еще более яростных нападок, с которыми палата обрушилась на Лодердейла Однако все эти выпады лишь упрочили его авторитет в глазах монарха, и хотя до тех пор, пока в Шотландии продолжались раздоры, милицию этого королевства, если бы дело дошло до крайности, едва ли можно было бы с успехом использовать против Англии, Карл видел в самом ее существовании важную опору своей власти, и Лодердейл постепенно стал первым или, скорее, даже единственным министром короля в Шотландии По свойственной ему лени Карл склонен был относиться с полным доверием к человеку, который уже расширил королевскую прерогативу и готов был идти дальше, чтобы сделать ее совершенно свободной от каких-либо ограничений

На следующей сессии того же парламента[190] был принят суровый акт против «незаконных сборищ» Даже если запрещенные религиозные собрания проходили в частных домах, на проповедников и всех присутствовавших налагались разорительные штрафы, тайные же моления в поле карались по новому закону смертной казнью и конфискацией имущества За поимку преступников было обещано вознаграждение в четыреста шотландских марок, те же, кто, пытаясь их задержать, совершил бы убийство, заранее освобождались от ответственности за содеянное Поскольку сбор улик против участников этих собраний, даже весьма многолюдных, оказался делом затруднительным, приняли еще один закон, который устанавливал суровые кары — произвольные штрафы, тюремное заключение и ссылку в колонии — для всякого, кто вопреки требованию Тайного совета откажется давать показания под присягой Отсюда следует, что любые религиозные гонения, однажды начавшись, естественным или, лучше сказать, неизбежным образом доходят до всех жестокостей и беззаконий инквизиции Ибо только с их помощью суровые кары, которые естественное нравственное чувство считает справедливыми лишь по отношению к величайшим преступлениям, могут налагаться на то, в чем значительная часть общества видит свой долг и славу, и даже многие люди противоположных взглядов склонны принимать с сочувствием и снисхождением

Хотя Лодердейл нашел в парламенте послушное орудие своих замыслов, против него составилась партия во главе с герцогом Гамильтоном Этот вельможа, а с ним Твиддал и еще несколько лиц, отправились в Лондон, чтобы обратиться за помощью к королю теперь, когда безвольный парламент впал в совершенное ничтожество, только Карл мог исправить злоупотребления администрации Лодердейла Но жалобы монарху таили опасность для самих жалобщиков, ибо все пути к трону преграждал правде нелепый закон о «злокозненных измышлениях», закон, принятия которого шотландская знать так упорно домогалась в старину, кажется, имен-

но для того, чтобы прикрывать собственное тиранство, жестокость и произвол По этой причине шотландские оппозиционеры проявили в своих представлениях королю величайшую осторожность Ничего, однако, так и не удалось добиться Карл осыпал их любезностями и оставил Лодердейлу прежнюю власть

Употреблялась же эта власть самым возмутительным образом, во всяком случае, с величайшей суровостью У двенадцати джентльменов и аристократов Тайный совет отобрал дома,[191] которые были обращены в казармы для солдат, охотившихся за участниками сектантских молений Было объявлено, что эти религиозные собрания привели государство в самое настоящее состояние войны и что в подобного рода чрезвычайных обстоятельствах король, согласно старинным законам, вправе размещать гарнизоны в любых зданиях, где найдет это необходимым

Невозможно перечислить все акты насилия и произвола, совершенные в ту пору, когда управление Шотландией находилось в руках Лодердейла По приказу короля все юристы были отстранены от дел, более того — высланы на расстояние двенадцати миль от столицы В результате всякое судопроизводство в королевстве прекратилось на целый год — пока у юристов не вырвали заключение о незаконности любых апелляций к парламенту От короля добились распоряжения о смещении двенадцати главных эдинбургских магистратов и об объявлении их не способными к занятию каких-либо должностей, хотя единственным их преступлением была недостаточная покорность Лодердейлу Представленные в парламенте шотландские города имели право раз в год посылать своих депутатов на особые собрания, где обсуждалось состояние торговли и разрабатывались необходимые меры по ее упорядочению На одном из этих совещаний была принята петиция с жалобами на некоторые недавние акты, создававшие серьезные затруднения для коммерции, а также с просьбой к Его Величеству уполномочить своего комиссара дать на следующей сессии парламента санкцию на их отмену За подобную, как было сказано, «дерзость» нескольких депутатов оштрафовали и взяли под стражу Некто Мор, член парламента, внес в палате предложение о том, чтобы — по примеру английского парламента — каждый билль принимался лишь после того, как он пройдет три чтения За это «нарушение закона» королевский комиссар тотчас же посадил Мора в тюрьму

Поведение Лодердейла в частной жизни было столь же наглым и вызывающим, сколь жестокими и деспотическими являлись его правительственные меры Партийные раздоры и личные интересы всюду извращали правосудие, а ненасытная алчность герцога (и в еще большей степени — его супруги) превратила любые должности и всякого рода милости в предмет открытой купли продажи Никто не имел доступа к трону, кроме клевретов самого Лодердейла, и никаких надежд на защиту от его бесчисленных притеснений не существовало Дело Митчелла показывает, что правдивость и чувство чести были так же чужды этому министру, как справедливость и милосердие

Митчелл, отъявленный фанатик, задумал убить Шарпа, архиепископа Сент-Эндрюсского, ставшего в высшей степени ненавистным ковенантерам из-за своего вероотступничества и последующих жестокостей В 1668 г Митчел пытался застрелить примаса из пистолета, когда тот сидел в своей карете, но пуля, ему предназначавшаяся, раздробила руку епископу Оркнейскому, который в этот самый момент в карету садился Случилось это на главной улице города, однако ненависть к архиепископу была столь всеобщей, что стрелявшему позволили преспокойно удалиться Свернув за угол, он прошел один или два квартала, сбросил надетый для маскировки парик и тотчас же вновь появился на людях, оставшись в итоге вне всяких подозрений Несколько лет спустя Шарп обратил внимание на незнакомца, который, как ему показалось, пристально за ним наблюдал, опасаясь нового покушения, архиепископ велел его схватить и подвергнуть допросу Два заряженных пистолета, найденные у арестованного, навели на мысль, что прошлое покушение дело его рук, и тогда Шарп пообещал отпустить его без всякого наказания, если только он признает свою вину Митчел (догадка оказалась верной) был настолько наивен, чтоб принял слова архиепископа всерьез, но вероломный примас немедленно отправил его в Тайный совет Члены совета, не имея против него никаких улик, но рассчитывая впутать в эту отвратительную историю как можно больше ковенантеров, торжественно подтвердили обещание помилования при условии, что арестованный назовет имена всех своих сообщников, но их ожидало жестокое разочарование, так как из показаний Митчела явствовало, что в его кровавый замысел был посвящен один-единственный человек, который к тому времени уже умер Тогда его привели в суд, где потребовали повторить прежние признания, но Митчел, опасаясь, что обещание сохранить ему жизнь не избавит его от других, телесных, наказаний, отказался это сделать, и был вновь отослан в тюрьму Затем его опять допрашивали в Тайном совете — на сей раз как человека, якобы замешанного в Пентландском восстании, и хотя ни малейших доказательств против него не нашлось, Митчела подвергли пытке, чтобы, вопреки очевиднейшим законам справедливости, заставить его оговорить самого себя Он выдержал эти истязания с необыкновенной стойкостью, по-прежнему решительно отрицая свою причастность к мятежу — преступлению, в котором, как принято считать, он действительно не был повинен Вместо того чтобы выпустить Митчела на свободу, Тайный совет отправил его в Басс, переполненную несчастными ковенантерами тюрьму для государственных преступников, коей служила высокая скала, окруженная со всех сторон морем Там, в ужаснейших условиях, закованный в цепи, Митчел томился до 1677 г , пока правительству не вздумалось устрашить новыми примерными наказаниями жестоко преследуемых, но все еще не сломленных фанатиков Митчела привлекли тогда к суду по делу о покушении на убийство архиепископа и члена Тайного совета Против него были использованы его прежние признания, подтвержденные свидетельскими показаниями лорда-комиссара Лодердейла, его брата лор-

да Гаттона, графа Ротса и самого примаса Защищая себя, Митчел упорно доказывал, что Тайный совет не есть судебный орган, а следовательно, любые признания, сделанные в присутствии его членов, не имеют юридической силы, кроме того, он утверждал, что к этим признаниям его склонили торжественным обещанием помилования Четверо тайных советников тут же заявили под присягой, что подобного рода обещаний никто ему не давал Тогда обвиняемый потребовал представить суду протоколы совета и даже вызвался огласить собственную копию протокола соответствующего заседания Тайные советники решительно возразили, что после сделанного ими под присягой заявления никакие новые доказательства приняты быть не могут, и что протоколы совета содержат тайны короля, ни под каким видом не подлежащие разглашению Давая показания под присягой, они, вероятно, даже не догадывались о том, что в окончательный текст признаний Митчела судейский секретарь внес в свое время и обещание помилования, что весь протокол был тогда подписан канцлером, и что таким образом их лжесвидетельство может быть неопровержимо доказано на основе официальных документов Хотя подсудимого приговорили к смертной казни, Лодердейл все еще был расположен его помиловать, однако безжалостный примас упорно требовал привести приговор в исполнение, заявляя, что если покушения на убийство оставлять безнаказанными, то его жизнь будет постоянно находиться под угрозой Доводы архиепископа взяли верх, и в январе 1678 г Митчел был казнен в Эдинбурге Столь отвратительная смесь жестокости и вероломства показывает нам характер тех министров, которым король доверил в ту пору управление Шотландией.

Помимо неистового нрава самого герцога, ставшего причиной многих беззаконий, и политики религиозных преследований, неизбежно влекущей за собою чудовищные несправедливости, следует отметить еще одно важное обстоятельство, которое определяло характер администрации Лодердейла, толкая королевского комиссара к мерам крутым и деспотическим Режим абсолютной власти (а именно его желали установить в стране) на первых порах нередко отличается величайшей суровостью, в тогдашней же Шотландии тирания, по недостатку военной силы, по-прежнему была вынуждена прикрываться личиной законности — весьма неловкое положение, которое до крайности стесняло действия правительства и, вызывая сопротивление, побуждало его к еще более жестоким притеснениям

Суровые меры, принятые властями против сектантских собраний, отнюдь не сломили дух фанатиков, но, как это обычно и происходит в подобных случаях, разожгли их религиозное рвение, крепче сплотили между собой и заставили еще сильнее возненавидеть иерархию государственной церкви Почти всюду на юге страны, и особенно в западных графствах, простой народ посещал сектантские моления, совершенно не таясь, дворянство же, как правило, воздерживавшееся от личного участия в запрещенных богослужениях, смотрело сквозь пальцы на эти нарушения зако-

на со стороны низших сословий Чтобы привлечь шотландских джентри на сторону гонителей, землевладельцам западных графств, по распоряжению Тайного совета, настойчиво предлагали заключать особые договоры, по которым они должны были ручаться за хорошее поведение своих держателей, если же кто-либо из этих последних посещал сектантские собрания, то его лендлорд обязан был заплатить такой же штраф, какой взыскивали с нарушителей соответствующего закона Было нелепо подкреплять уже существующие законы посредством добровольных контрактов с частными лицами, было несправедливо делать одного человека ответственным за действия другого, наконец, было незаконно навязывать столь суровые условия тем, кто ни в чем против закона не погрешил По этим причинам большинство дворян отказались подписать требуемые поручительства, и Лодердейл, взбешенный их сопротивлением, попытался сломить упорствующих с помощью еще более неслыханных и деспотических мер

В тексте акта против незаконных религиозных собраний последние именовались «рассадниками мятежей» Данный оборот, представлявший собой обыкновенную риторическую фигуру, Лодердейлу и членам Тайного совета угодно было истолковать в буквальном смысле, и поскольку сектантские моления были в западных графствах самым обычным делом (хотя в остальном на указанных территориях царило полное спокойствие), то власти объявили, что эти графства находятся в состоянии открытого мятежа и войны Пользуясь данным предлогом, королевский комиссар и Тайный совет договорились с вождями горных кланов, те собрали своих людей — числом до восьми тысяч, к ним присоединили королевскую гвардию и милицию Ангуча, после чего всю эту орду отправили жить вольным постоем на землях тех, кто не желал давать незаконных поручительств Подвергнутые наказанию графства были самыми многолюдными в Шотландии, жители их отличались величайшим трудолюбием, тогда как горцы представляли собой буйных дикарей, в наименьшей степени затронутых цивилизацией, — нетрудно догадаться, какие последовали затем ужасы и бесчинства Неистовой толпе, чуждой всякой дисциплине, ненавидящей закон, привыкшей к насилиям и грабежам, дали полную волю посреди тех, на кого указывали ей как на врагов государя и религии Ничто не могло укрыться от хищников угрозами, насилием, а порой и пытками они вынуждали несчастных отдавать спрятанное имущество Не спасали ни пол, ни возраст, ни совершенная невиновность, и джентри, видя, что жертвой ненасытных варваров становятся теперь даже те, кто проявил полную покорность властям и подписал требуемые поручительства, еще тверже укрепились в своей решимости не подписывать их и впредь Эти чудовищные злодеяния возмутили всю нацию, и после двух месяцев вольного постоя горцы, по приказу правительства, убрались в свои логова, унося с собой богатую добычу и яростные проклятия жителей западных графств

У землевладельцев, согласившихся дать поручительства, не осталось другого способа избавить себя от неприятностей, кроме как согнав с уча-

стков арендаторов, подозреваемых в симпатии к сектантам, что вело к обезлюдению их поместий. Бедственное же положение несчастных держателей усугубил указ Тайного совета, запретивший где-либо принимать или предоставлять жилище тем из них, кто не может предъявить свидетельство о своей религиозной благонадежности, выданное приходским священником. А чтобы самые строптивые и непокорные не могли избегнуть новых преследований, власти придумали еще одну уловку. По шотландскому законодательству, любой человек, заявивший под присягой в присутствии судьи, что ему угрожает опасность со стороны другого лица, мог добиться судебного постановления о «защите через закон», в соответствии с которым названное им лицо обязано было под страхом заключения в тюрьму или объявления вне закона найти поручителей за свое хорошее поведение. И вот теперь Лодердейлу пришла в голову абсурдная идея: король может просить у суда подобной «защиты» от собственных подданных. Под этим софистическим предлогом людей, отказавшихся подписывать злополучные поручительства, вызывали в Тайный совет, где от них требовали дать обязательство под страхом штрафа в размере двухгодичной ренты не посещать сектантские моления самим и не дозволять присутствовать на этих запрещенных собраниях своим держателям и домочадцам. Так к тирании добавилось крючкотворство, а величие короля, которое думали вознести еще выше, на самом деле оказалось умаленным, ибо получалось, что монарх вынужден был искать таких же гарантий безопасности, каких мог бы потребовать кто-либо из его подданных, убоявшийся своего соседа.

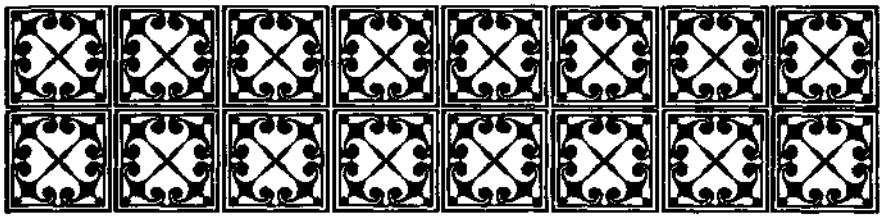
Существовал старинный, но редко применявшийся закон, по которому человек, обвиненный в преступлении и не явившийся в суд, мог быть *интеркоммунирован*, т. е. публично объявлен вне закона, и тогда всякий, кто вступил бы с ним в малейшее общение, каковы бы ни были его причины — деловые связи, родство или даже христианское милосердие, должен был подвергнуться тем же наказаниям, которые закон налагал на самого преступника. И вот теперь суды вынесли несколько постановлений об интеркоммунировании против тех, кто произносил и слушал проповеди на запрещенных религиозных собраниях, а из-за этого сурового и даже абсурдного закона число «виновных» возрастало в геометрической прогрессии. Не следует удивляться, если правители становятся тиранами там, где сами законы отличаются такой бессмысленной жестокостью.

Чтобы мольбы угнетенного народа не могли достигнуть престола, Тайный совет запретил под страхом суровых наказаний всем аристократам и дворянам-землевладельцам покидать пределы королевства — чрезвычайно суровый указ, в особенности применительно к подданным, чей государь постоянно живет в другой стране. Невзирая на это решение Тайного совета, Кассилис, а вслед за ним Гамильтон и Твиддал отправились в Лондон и принесли свои жалобы королю. Неистовая жестокость, которую проявил в своих действиях Лодердейл, была совершенно чужда характеру Карла, и он немедленно распорядился не требовать более от землевла-

дельцев поручительств за держателей и не издавать судебных постановлений о «защите через закон» Но так как события, происходившие где-то далеко, редко волновали его по-настоящему, то он не почувствовал должного возмущения против тех, кто злоупотреблял полученными от него полномочиями, и, едва успев отменить эти тиранические меры, написал письмо к Тайному совету, в котором, поддавшись новым внушениям, одобрил их и признал законными Подобное доказательство монаршего доверия могло сделать еще более тяжелой руку министров, однако сам король, не позволяя даже тем из шотландцев, кто искренне этого хотел, провести различие между ним и их притеснителями, явно рисковал потерей любви своих подданных

Рассказывают,[192] что Карл, выслушав до конца споры вокруг шотландских дел, заявил «Насколько я понимаю, Лодердейл повинен во многих дурных поступках по отношению к народу Шотландии, однако я не нахожу, чтобы он совершил что-либо, противное моим интересам», — слова, недостойные монарха!

Пока Гамильтон и другие недовольные лорды были в отсутствии, король разрешил Лодердейлу созвать в Эдинбурге Конвент сословий Собрание утвердило субсидию короне, полностью одобрило правительственные меры Лодердейла, а в своих обращениях к королю поспешило изъявить величайшее удовлетворение и восторг Но эта демонстрация покорной услужливости произвела в Англии действие, прямо противоположное тому, на которое рассчитывали особы, за ней стоявшие Все пришли к выводу, что самый голос свободы в Шотландии заглушен и что из-за полного господства тирании злоупотребления укоренились настолько, что стало опасно даже говорить о них или жаловаться государю, который один еще способен был их пресечь Рабское состояние соседнего королевства приводило к мысли о деспотических наклонностях короля, а неистовая жестокость, с какой применялась в Шотландии верховная власть монарха, заставляла англичан с тревогой думать о тех бедствиях, которыми потеря свободы может обернуться для них самих Если даже протестантская церковь не останавливается перед столь безжалостными гонениями, то каких же ужасов, спрашивали себя англичане, следует ожидать от торжествующего папизма, который во все времена открыто заявлял о своей решимости огнем и мечом истреблять все враждебные ему секты и вероисповедания? И если первые шаги на пути к неограниченной монархии оказались столь тираническими, то сколько же несчастий обещает Англии полная победа самовластия, когда наемная армия рассеет всякий страх перед оппозицией, а давно и прочно укоренившаяся привычка уничтожит всякое чувство стыда!



Глава VIII (XXIII)

Папистский заговор. — Рассказ Отса. — Письма Колмена. — Убийство Годфри. Всеобщая паника. — Парламент. — Рвение парламента. — Рассказ Бедло. — Обвинение против Денби. — Импичмент Денби. — Роспуск Долгого парламента. — Его характер. — Процесс Колмена. — Процесс Айрленда. — Новые выборы. — Герцог Монмаут. Герцог Йоркский удаляется в Брюссель. — Новый парламент. — Импичмент Денби. — Папистский заговор. — Новый совет. — Ограничение полномочий наследника-паписта. — Билль об исключении. — Билль о Habeas corpus. — Отсрочка и роспуск парламента. — Процесс и казнь пяти иезуитов. Процесс Ленгхорна. — Оправдание Уэйкмена. — Положение дел в Шотландии. — Битва на Босуэльском мосту

ПАПИСТСКИЙ ЗАГОВОР

Роковой союз с Францией внушил английской нации глубочайшее недоверие к политике двора; последующие же действия короля, нисколько не рассеяв всеобщего предубеждения, скорее лишь укрепили его. За каждым предприятием и заявлением правительства подозревали некий тайный умысел; конечной целью всех планов двора считали установление деспотического правления и возврат к папизму; любое, даже самое пустячное известие или слух подвергали нацию в мучительное беспокойство, и народ уже не сомневался в том, что коварные враги свили гнездо в самом сердце королевства и втерлись в доверие к королю. В то время, когда страна была охвачена этими страхами и подозрениями, внезапно раздался крик «*Заговор*!»; англичане пробудились от тревожного сна, и им, словно людям, чем-то насмерть перепуганным в кромешной темноте, всюду стали мерещиться жуткие привидения. Каждый заражал своим ужасом соседа, паника мгновенно распространилась по всей Англии, разум и логика, здравый смысл и обычные законы человечности утратили над людьми всякую власть. Подобным состоянием умов и следует объяснить историю ПАПИСТСКОГО ЗАГОВОРА, а также тот факт, что англичане в него

поверили, — обстоятельство, которое в противном случае показалось бы нам истинным чудом, превышающим человеческое разумение

12 августа 1678 г , когда король прогуливался в Гайд-Парке, к нему подошел некто Керби, аптекарь по профессии «Сэр, — обратился он к Карлу, — пусть ваши спутники прикроют вас со всех сторон враги замыслили покушение на вашу жизнь, и прямо сейчас, во время прогулки в парке, вас могут убить» На вопрос о том, какие же основания имеются у него для столь странных утверждений, он ответил, что два человека, Гроув и Пикеринг, сговорились застрелить короля, а сэр Джордж Уэйкмен, врач королевы, задумал отравить его ядом Об этом, добавил Керби, он узнал от доктора Тонга, которого, если ему будет позволено, он готов представить Его Величеству Тонг, англиканский богослов, был суетливый и неугомонный человек, полный всевозможных планов, но совершенно бестолковый Он принес королю бумаги, где содержались сведения о заговоре, разделенные на сорок три пункта Не имея времени внимательно их читать, король отослал их лорду казначею Денби, приказав обоим доносчикам изложить дело этому министру Тонг признался Денли, что бумаги эти составлены не им — их тайно подсунули ему под дверь, и что хотя у него есть некоторые предположения на сей счет, он не знает точно, кто их автор Несколько дней спустя Тонг вновь пришел к лорду-казначею и заявил, что его догадки подтвердились два или три раза он якобы встречал на улице человека, от которого исходят эти сведения, и тот рассказал ему более обстоятельно о планах конспираторов, однако сам, из страха перед папистами, которые могут его убить, пожелал остаться неизвестным

В доносе вновь шла речь о намерении Гроува и Пикеринга застрелить короля, Тонг даже утверждал, будто заговорщики уже решили, в какой именно день они отправятся с этой целью в Виндзор Был отдан приказ их арестовать, как только они там появятся, но хотя тревога несколько раз оказывалась ложной, Тонг по-прежнему находил объяснения, надо сказать, довольно дурацкие, тому, почему они откладывают свой приезд Наконец, эти подозрительные увертки вместе с чересчур странным и таинственным способом передачи сведений о заговоре привели короля к мысли, что вся эта история не более чем выдумка

Между тем Тонг опять явился к лорду-казначею и рассказал ему, что этой ночью на почтовую станцию должны доставить пачку писем от замешанных в заговоре иезуитов, адресованы же эти письма в Виндзор иезуиту Беннифилду, духовнику герцога Йоркского Когда эту новость сообщили королю, он ответил, что упомянутую пачку несколько часов назад принес герцогу сам Беннифилд, заявивший при этом, что подозревает здесь какой-то коварный умысел против герцога, что в этих письмах речь, похоже, идет о чем-то весьма опасном, и что, судя по почерку, принадлежат они отнюдь не тем лицам, чьи имена поставлены на них в качестве подписи Этот случай заставил короля еще сильнее усомниться в реальности заговора

Никто, вероятно, уже не вспомнил бы это дело, если бы не усердие встревоженного герцога, который, узнав о том, что жертвой обвинений стали католические священники, иезуиты и даже его собственный духовник, потребовал от Тайного совета провести тщательное расследование мнимого заговора По справкам оказалось, что Керби и Тонг поддерживают тесные отношения с Титом Отсом, человеком, от которого Тонг якобы и получил первые известия о планах конспираторов Сам же Отс утверждал, что иезуиты его заподозрили, что провинциал ордена дал ему пощечину и трижды ударил палкой за разоблачение их заговора, и что, нечаянно подслушав их разговор, из коего явствовало, что они замышляют месть еще более жестокую, он решил затаиться в надежном убежище Власти допустили, чтобы этот человек, хранивший в своей груди тайну, от которой зависели судьбы королей и королевств, по-прежнему терпел крайнюю нужду — Керби должен был носить ему хлеб насущный, а потому он был удивлен и обрадован, узнав о том, что совет наконец-то вознамерился обратить внимание на полученные от него сведения Но так как Отс больше рассчитывал на поддержку народа, нежели на поощрение со стороны короля и его министров, то он рассудил за благо еще до вызова в Тайный совет отправиться с двумя своими товарищами к мировому судье сэру Эдмондсбери Годфри,[185] человеку деятельному и авторитетному, и дать ему показания о всех обстоятельствах заговора

РАССКАЗ ОТСА

Сногсшибательные новости, которые Отс сообщил сначала Годфри и Тайному совету, а затем и парламенту, сводились к следующему [193] По словам Отса, римский папа, рассмотрев соответствующий вопрос в конгрегации **de propaganda**,[186] пришел к заключению, что Англия и Ирландия ввиду еретичества их короля и народа теперь по праву должны принадлежать ему, по каковой причине он присвоил себе верховную власть над этими королевствами Последнюю он счел нужным передать обществу иезуитов, и Олива,[187] генерал ордена, в силу полученных от папы полномочий принялся осуществлять все прерогативы монарха и в частности посредством патентов, скрепленных печатью общества, произвел назначения на высшие посты в государстве, как гражданские, так и военные Канцлером сделали лорда Эрандела, казначеем — лорда Повиса, хранителем малой печати — сэра Уильяма Годольфина, государственным секретарем — Колмена, генеральным атторнеем — Лангхорна, главнокомандующим папской армии — лорда Белассиса, генерал-лейтенантом — лорда Питерса,[188] кроме того, по всей Англии раздавались подписанные провинциалом иезуитов патенты на менее значительные должности Новых людей назначили также на все важнейшие посты в церковной иерархии, причем многие из них были чужеземцы и, в частности, испанцы Провинциал

ордена собрал под своим председательством совет, на котором английского короля (или, по непристойному выражению иезуитов, «смуглолицего бастарда») торжественно судили, признали виновным в ереси и постановили казнить Отец Леше (так этот великий интриган и доносчик называл отца Лашеза, знаменитого духовника короля Франции) переслал в Лондон 10 000 фунтов, предназначавшихся человеку, который совершит задуманное убийство Такую же щедрость выказал испанский провинциал, приор бенедиктинцев[189] изъявил готовность выделить 6 000 фунтов, доминиканцы[190] одобрили план, но сослались на свою бедность Десять тысяч фунтов предложили сэру Джорджу Уэйкмену, врачу королевы, но тот в качестве вознаграждения за столь великую услугу запросил 15 000, требование сэра Джорджа решено было удовлетворить, и 5 000 ему уже заплатили авансом На случай, если означенное средство не принесет успеха, иезуиты наняли четырех головорезов-ирландцев За двадцать гиней каждому те брались заколоть короля в Виндзоре, а Колмен, секретарь покойной герцогини Йоркской, желая поощрить усердие посыльного, который вез им необходимые распоряжения, дал ему целую гинею Кроме того, Гроув и Пикеринг[191] подрядились убить короля серебряными пулями, первый должен был получить за это 1 500 фунтов, второго же, человека весьма набожного, ожидала иная награда — 30 000 месс (что, считая по таксе шиллинг за мессу, составляло ту же сумму) Пикеринг наверняка осуществил бы свой замысел, если бы у него не выпал из пистолета кремень, а в другой раз — запал Иезуит Коньерс, купив за десять шиллингов нож, решил, что это совсем недорого, учитывая цель — зарезать короля, для которой предполагалось его использовать Пожертвования для этой цели собирали у католиков по всей Англии В мае не менее пятидесяти иезуитов собрались в таверне «Белая Лошадь», где было единогласно решено предать короля смерти Впоследствии сей синод разделился удобства ради на несколько меньших партий, или групп заговорщиков, сам же Отс служил им курьером, развозя письма и записки, причем речь в них всякий раз шла о планах убийства короля Как-то раз ему даже случилось доставать бумагу, в которой формально выражалось их намерение осуществить этот замысел и стояли подписи всех участников заговора Последние бились об заклад на 100 фунтов, что королю больше не придется есть рождественских пирожков В общем, было решено, как выразился один из иезуитов, что если Карл не останется R C (римским католиком), то ему уже не бывать C R (Carolus Rex) Великий Лондонский пожар[192] был делом рук иезуитов, которые использовали тогда восемьдесят или восемьдесят шесть поджигателей и семьсот зажигательных ядер, впрочем, их расходы окупились с лихвой, ибо во время пожара им удалось награбить всякого добра на 14 000 фунтов Они же устроили поджог на холме св Маргариты, где их пожива составила 2 000 фунтов в денежном выражении, и еще один — в Саутворке Подобным же образом решено было сжечь все главные города Англии Уже был готов картонный макет Лондона, на нем точно определены места будущих поджогов, весь план продуман иезуитами с

величайшей тщательностью предусматривалось даже, каким образом следует действовать в том случае, если внезапно переменится ветер Зажигательные ядра они фамильярно называют в своем кругу «горчичницами из Тьюксбери», а их содержимое — «преотличным острым соусом» Короля должны были убить еще во время пожара 1666 г , но он проявил при тушении огня столько усердия и человеколюбия, что даже иезуиты смягчились и пощадили его Помимо этих убийств и поджогов, орден замышляет бунты, мятежи и избиения во всех трех королевствах В Лондоне насчитывается двадцать тысяч католиков, готовых подняться, как один человек, в двадцать четыре часа или даже скорее, по словам иезуита Дженнисона, им не составит труда перерезать сто тысяч протестантов Восемь тысяч католиков решили взяться за оружие в Шотландии Четверо иезуитов должны убить графа Ормонда, поголовная резня ожидает ирландских протестантов уже подготовлены черные списки на сорок тысяч человек На нужды восстановления Ирландии Колмен послал 200 000 фунтов, французский король должен высадить на острове крупную армию Особо в качестве будущих жертв намечены Пул, автор «Синопсиса», и д-р Стиллингфлит, писавший полемические сочинения против папистов [193] (Бернет сообщает, что подобную же честь Отс оказал и ему) После всех этих ужасов корону должны предложить герцогу Йоркскому, но на следующих условиях он принимает ее как дар от папы, утверждает все папские назначения на государственные должности, объявляет законными все прежние деяния, т е дарует амнистию поджигателям, а также убийцам брата и прочих англичан, наконец, дает согласие на полное искоренение протестантской религии Если же он отвергнет эти условия, то его самого немедленно отравят или убьют **Тогда Якову одна дорога — на тот свет** — так, по словам Отса, говорили иезуиты

Отс, сделавший донос об этом страшном заговоре, сам был на редкость гнусным типом с чрезвычайно скверной репутацией Сын анабаптистского проповедника (служившего капелланом у полковника Праида), он, однако, принял духовный сан в государственной церкви и благодаря герцогу Норфолку получил небольшой приход Его признали виновным в лжесвидетельстве, но каким-то образом ему удалось избежать наказания Затем он подвизался в должности капеллана во флоте, откуда его прогнали из-за обвинения в противоестественных наклонностях, которые не подобает называть по имени Отс перешел в католичество, впоследствии, однако, он утверждал, что его обращение было лишь ловким притворством и что иных целей, кроме как выведать тайны папистов и сообщить о них кому следует, он тогда не имел [194] Его направили в иезуитскую коллегию в Сент-Омере, и хотя Отсу шел тогда уже четвертый десяток, он прожил некоторое время среди учащихся Затем его послали с поручением в Испанию, откуда он вернулся в Сент-Омер, наконец, тамошние иезуиты, потеряв всякое терпение из-за выходок новообращенного, исключили его из своей семинарии Весьма вероятно, что не одна лишь крайняя нищета, но и чувство обиды за подобное обращение побудили злопамятного Отса, в сообщ-

ничестве с Тонгом, придумать весь этот заговор и обвинить в нем католиков

Когда же этого негодяя допрашивали в Тайном совете, лживость его речей обнаружилась с такой очевидностью, что это могло бы подорвать веру даже в самую связную историю и в показания самых уважаемых людей Так, Отс утверждал, будто во время его пребывания в Испании ему устроили встречу с Доном Хуаном, который пообещал английским католикам серьезную помощь в осуществлении их замыслов «А каков Дон Хуан из себя?» — спросил король «Высокий и худой», — отвечал Отс Это прямо противоречило истине, о чем король прекрасно знал [195] Отс совершенно неверно описал местоположение парижской коллегии иезуитов [196] Он заявлял о своем близком знакомстве с Колменом, но когда к нему подвели этого человека, Отс его не узнал и не смог придумать в свое оправдание ничего лучше ссылки на то, что он-де плохо видит при свечах [197] Подобный же конфуз вышел у него и с Уэйкменом

Несмотря на эти настораживающие обстоятельства, к показаниям Отса отнеслись с величайшей серьезностью, и папистский заговор мгновенно стал предметом разговоров и даже источником ужаса для англичан Давняя и глубокая ненависть к католикам в целом заставила народ поверить в явные нелепости, коль скоро ими сопровождались обвинения против этих фанатиков, и чем более дьявольским казался публике тот или иной их замысел, тем лучше соответствовал он ее представлению о страшных и коварных иезуитах Кроме того, Денби, противодействовавший французскому и католическому влиянию при дворе, усердно поощрял любые слухи, способные дискредитировать эту партию Именно по внушению графа в ордер на арест Колмена был включен пункт об изъятии его бумаг — обстоятельство, повлекшее за собой самые серьезные последствия

ПИСЬМА КОЛМЕНА

Колмен, частью по собственному почину, частью по распоряжению герцога Йоркского, вел переписку с отцом Лашезом, с папским нунцием в Брюсселе и с другими католиками на континенте, а так как сам он был пылким и суетливым фанатиком, полным всякого рода планов и надежд, то в письмах у него нередко вырывались чрезвычайно резкие и необдуманные выражения В конфискованной корреспонденции Колмена за 1674, 1675 и часть 1676 года обнаружилось много странных пассажей Лашезу, например, он сообщил следующее «Нам предстоит здесь громадный труд — самое настоящее обращение трех королевств, следствием коего станет, быть может, полное искоренение тлетворной ереси, с давних пор господствующей в большей части этих северных краев Никогда еще со времен королевы Марии надежды на успех не были столь блестя-

щими, как в наши дни Бог даровал нам государя (речь идет о герцоге), который — я готов назвать это чудом! — воспылал страстным желанием стать исполнителем и орудием сего славного дела, но ведь и сопротивление, которое мы наверняка встретим, также, надо полагать, окажется чрезвычайно упорным, а потому для нас важно получить всю возможную помощь и содействие» В другом письме Колмена читаем «Когда думаю я о государе, который — в наш с вами век! — сумел возвыситься до такого рвения и благочестия, чтобы счесть все земное совершенно ничтожным рядом со славой Всемогущего Господа, спасением собственной души и обращением нашего несчастного королевства, то мне трудно бывает поверить, что это не сон, но истинная правда» В других местах речь идет о неразрывном единстве интересов английской короны, французского короля и католической религии Утверждается также, что герцог навсегда связал собственные интересы с интересами Людовика, а сам король готов якобы покровительствовать католикам всякий раз, когда это можно делать, ничем не рискуя «Не сомневайтесь, — добавляет Колмен, — с помощью денег короля можно склонить к чему угодно Ради них он пойдет на все, даже во вред самому себе Они имеют над королем громадную власть, коей он совершенно не в силах противиться Аргументы, основанные на деньгах, обладают при нашем дворе более могущественными чарами и действуют сильнее, чем любые доводы иного рода» А потому он предложил отцу Лашезу, чтобы французский король послал Карлу 300 000 фунтов, с условием, что парламент будет распущен — мера, от которой короля Англии, и без того, как утверждал Колмен, достаточно к ней расположенного, удерживала надежда на субсидии от этого собрания Парламент, по его словам, уже принудил короля заключить мир с Голландией, противный интересам католической религии и Его Христианнейшего Величества, и если палаты соберутся вновь, то они непременно попытаются склонить его к чему-то еще более серьезному, может быть, даже к войне с Францией Из тех же писем явствует, что за назначением в 1675 году сессии парламента на чрезвычайно поздний срок — в апреле — стояли интриги католической и французской партии, которая желала таким образом дать понять голландцам и их союзникам, что рассчитывать на помощь Англии им не стоит

Эти письма, когда содержание их было предано гласности, усилили панику, которая уже начала охватывать нацию в связи со слухами о папистском заговоре В своих рассуждениях англичане исходили не из очевидных фактов, но скорее из собственных страхов и страстей Беспокойный и предприимчивый дух католической церкви, и в особенности ордена иезуитов, несомненно, нельзя оставлять без внимания, ибо он таит известную угрозу для всех прочих вероисповеданий Прозелитическое рвение, коим движима эта секта, столь велико, что ее миссионеры проникли во все уголки земного шара, а потому в определенном смысле можно утверждать, что план **папистского заговора** постоянно осуществляется против всех государств — протестантских, языческих и мусульманских Равным обра-

зом весьма вероятно, что обещание герцога и благосклонность короля внушили католическим священникам новые надежды на восстановление утраченного господства над Британскими островами и еще сильнее разожгли их обычный фанатический пыл. Первой целью католиков было добиться терпимости; догматы же римской церкви сами по себе обладали, по их убеждению, столь неотразимой очевидностью, что у народа, полагали ее приверженцы, со временем непременно откроются глаза на истину, лишь бы только им, католикам, получить теперь полную свободу действий. Паписты надеялись, что после того, как в их веру будет обращено большое число англичан, они смогут полностью вернуть себе прежний авторитет и окончательно истребить ересь, так долго терзавшую королевство. Хотя подобная угроза для протестантской религии была весьма далекой, мысль о том, что наследник престола, совершенно ослепленный фанатизмом, прочно связал себя с интересами иностранного государства, а сам король, движимый низкой корыстью, благосклонно внимает его опасным внушениям, вызывала глубокую и вполне обоснованную тревогу. Столь порочные склонности и пристрастия могли обернуться чрезвычайно скверными последствиями, а потому никакие меры предосторожности, принимаемые нацией и парламентом для их предотвращения, нельзя было считать излишними. Но что римский первосвященник мог якобы всерьез надеяться захватить в этих королевствах верховную власть (план, который даже во тьме невежества XI и XII столетий показался бы совершенно химерическим), что он передал эти полномочия иезуитам, самому ненавистному из всех орденов римской церкви; что католики могли замышлять резню протестантов, стократно превосходивших их числом и обладавших всей властью в государстве; что они задумали убить короля и даже герцога, единственную опору их партии, — все это были вопиющие нелепости, доказать которые не могли бы никакие человеческие свидетельства, а уж тем более утверждения одного-единственного лица, имевшего отвратительную репутацию и буквально на каждом шагу явным образом себе противоречившего. Если бы подобный донос заслуживал внимания хотя бы настолько, чтобы всерьез его опровергать, то одного знакомства с письмами Колмена оказалось бы достаточно, чтобы твердо убедиться в его лживости. Ибо если эти восстания, поджоги, избиения, убийства и иностранные вторжения действительно замышлялись, то как же тогда объяснить, что в обширной корреспонденции, которую так долго вел человек, пользовавшийся безусловным доверием своей партии, ни малейшего упоминания о них не обнаружилось? Но все эти доводы, как и многие другие, столь же очевидные, оказались бессильными против охватившего нацию предубеждения. Заговор Отса всюду смешивали с интригами Колмена, а так как последние были неоспоримо доказаны, то вера в первый, поощряемая страстями ненависти и страха, овладела всей Англией

УБИЙСТВО ГОДФРИ. ВСЕОБЩАЯ ПАНИКА

Впрочем, еще можно было надеяться, что время откроет нации глаза, но убийство Годфри (17 октября) заставило всех окончательно поверить в обман, сделав народные предрассудки совершенно неизлечимыми

Этот мировой судья не появлялся дома несколько дней, что вызвало различные предположения, наконец, после долгих поисков его труп нашли в канаве на Примроз-хилл На его шее обнаружились якобы следы удушения, а на груди — ушибы В теле Годфри торчала его собственная шпага, но когда ее вытащили, крови вытекло совсем немного, — отсюда был сделан вывод, что шпагу вонзили уже в мертвое тело и что Годфри не убивал себя сам На его руке остались кольца, а в карманах — деньги, отсюда заключили, что он не был жертвой грабителей Других аргументов уже не требовалось — тотчас же возник слух, что Годфри был убит папистами из-за тех показаний, которые дал ему Отс Эти злобные толки, всюду с готовностью принимавшиеся на веру, распространялись с необыкновенной быстротой, страну мгновенно охватила паника, вся Англия, пораженная страхом и ослепленная гневом, связывала судьбу несчастного Годфри с теми ужасными замыслами, которые приписывались католикам, и последние сомнения в правдивости Отса исчезли Вся нация пылала яростью против ненавистной секты, и хотя кровавый план заговора считался теперь раскрытым, люди все еще не могли поверить, что их жизнь вне опасности Ежечасно рождались новые слухи и подозрения Со страхом ожидали вторжения из-за границы, восстаний внутри страны и даже убийств и отравлений отдельных лиц Отрицавших реальность заговора объявляли его участниками, сомневающихся — преступниками, роялисты и республиканцы, англикане и сектанты, придворные и патриоты — все партии твердо уверовали в этот призрак Сити готовился к обороне, как будто враг уже стоял у ворот улицы перегородили цепями и рогатками, а сэр Томас Плейер, камергер, даже заявил — выражение достопамятное[1] — что если бы не эти меры предосторожности, то на следующее утро все лондонцы проснулись бы с перерезанным горлом [198]

Чтобы усилить и распространить всеобщее помешательство, были пущены в ход особые уловки Тело Годфри, при громадном стечении народа, привезли в Сити и выставили на всеобщее обозрение Взглянуть на покойного спешили люди всякого звания, и каждый, кто его видел, удалялся в крайнем возбуждении, причиной коего были как само это мрачное зрелище, так и заразительное действие настроения толпы Погребальная церемония отличалась величайшей пышностью и торжественностью Впереди катафалка, проследовавшего по главным улицам Сити, шествовали семьдесят два духовных лица, за ним — более тысячи знатных и именитых особ, а как только зазвучало надгробное слово, два дюжих священника поднялись на кафедру и расположились по обе стороны от проповедника — чтобы паписты, чего доброго, не зарезали его на глазах у всего наро-

да в тот самый момент, когда он будет воздавать последние почести несчастному судье [199]

При таком расположении умов голос разума был слышен ничуть не лучше, чем шепот во время яростной бури Даже в наши дни едва ли кто-нибудь способен найти малейшую логику в убийстве Годфри, с какой бы стороны его ни рассматривать Предположение о том, что его прикончили католики, кажется совершенно неправдоподобным **Политический расчет** — устрашить прочих судей, чтобы те оставили их единоверцев в покое, — не мог толкнуть этих фанатиков к подобному преступлению Смерть Годфри могла бы произвести такое действие лишь в том случае, если бы все узнали, что его убийцы — католики, но ведь это, как несложно было предвидеть, означало бы неизбежную катастрофу для их партии И потом, в продолжение более чем столетия множество судей действовало против католиков с величайшем ожесточением, однако никому ни разу и в голову не пришло, что причиной смерти кого-либо из них могло быть убийство Теперь же, в обстановке всеобщей подозрительности, начинать подобного рода рискованные опыты было бы явным безумием Станем ли мы в таком случае утверждать, что католиками двигал не политический расчет, а слепая **жажда мести**? Но ведь Годфри не мог вызвать их гнев тем, что выслушал и запротоколировал показания Отса Он совершил чисто формальный акт, исполнил свои служебные обязанности, от чего ни он, ни любой другой человек в его положении просто не смог бы уклониться В остальном Годфри поддерживал с католиками добрые отношения, так что суровым гонителем этой секты его никак нельзя было назвать Более того, достоверно известно, что он был весьма близок к Колмену и поспешил предупредить друга об угрозе, которая нависла над ним в связи с показаниями Отса

Есть авторы, которые, убедившись в невозможности объяснить убийство Годфри кознями католиков, прибегают к противоположной гипотезе Исходя из тривиального утверждения о том, что преступления совершаются теми, кому это выгодно, они доказывают, что за этим злодеянием стояли Шефтсбери и вожди народной партии, желавшие таким образом вызвать ненависть к католикам Приняв подобное предположение, нам придется также допустить, что весь «заговор» изобрели ловкие политиканы и что Отс во всем действовал по их указке Известно, однако, что Отс (по-видимому, не желая наживать себе могущественных врагов) упорно твердил о невиновности герцога, Денби, Ормонда и всех министров, т е лиц, вне всякого сомнения, наиболее ненавистных для предводителей партии страны К тому же сама история заговора содержит в себе столько вопиющих нелепостей, что считать ее измышлением людей здравомыслящих и образованных нет никакой возможности Правда, чем более чудовищным и ужасным казался замысел, который приписывали католикам, тем легче было напугать, а следовательно, убедить простонародье, но ведь на подобный результат, мы вправе утверждать это с уверенностью, никто не мог рассчитывать заранее, и у глупца в тогдашних условиях было го-

раздо больше шансов добиться цели, нежели у человека умного Если бы план «папистского» заговора взялся сочинять Шефтсбери, то, надо полагать, он придумал бы что-то более связное, логичное и правдоподобное — и по этой самой причине его вымысел никогда не имел бы того ошеломляющего успеха, какой выпал на долю страшной истории, бестолково состряпанной Отсом

А значит, нам следует смириться с мыслью, что истинные виновники убийства Годфри навсегда останутся неизвестными, и ограничиться общим утверждением, что данное событие, по всей вероятности, никак не связано с папистским заговором Любой человек, а уж тем более столь деятельный мировой судья, каким был Годфри, в таком городе, как Лондон, мог иметь много врагов, о существовании которых его друзья и семейство даже не догадывались Он был весьма склонен к меланхолии, и, несмотря на кажущуюся очевидность противного, есть все же некоторые основания подозревать, что он сам наложил на себя руки Тогда при расследовании этого дела не было выказано надлежащего хладнокровия и даже простого здравого смысла, и теперь, по прошествии стольких лет, найти ему убедительное объяснение невозможно

Никто в Англии не сомневался, что Годфри убили паписты, только вот имена исполнителей все еще не были установлены Король издал прокламацию, сулившую помилование и вознаграждение в 500 фунтов тому, кто выдаст злодеев. Впоследствии явилась мысль, что людей, готовых открыть властям тайну, удерживает страх сделаться жертвами такого же убийства, а посему вышла новая прокламация, которая гарантировала им надежную защиту Таким образом, амнистию, деньги и полную безопасность предлагали, словно на торгах, тем, кто больше за них даст, и пока народом владело прежнее бешенство, всякий доносчик мог быть твердо уверен, что его показания не станут изучать с чрезмерной тщательностью

ПАРЛАМЕНТ

В то время, когда нация находилась в крайнем возбуждении, собрался парламент (21 октября) Король в своей речи заявил его членам, что хотя они выделили ему средства на роспуск армии,[200] он обнаружил, что Фландрия ныне совершенно беззащитна, а потому счел нужным оставить войска под ружьем, нисколько не сомневаясь, что подобная мера встретит с их стороны полное одобрение Он сообщил палатам, что его доходы, сильно уменьшившиеся вследствие антиципаций, даже при самых благоприятных обстоятельствах уже не способны покрыть обычные и неизбежные правительственные издержки, в чем члены парламента и сами могут убедиться, познакомившись с состоянием его финансов, каковое он вовсе не намерен от них скрывать Он также упомянул о заговоре иезуитов, замышляющих покушение на его жизнь, однако добавил, что всецело пре-

доставляет расследование этого дела суду, сам же не станет публично выражать свое мнение на сей счет, ибо иным может показаться, что он сказал слишком много или, напротив, слишком мало

Король всячески стремился не допустить к обсуждению вопроса о папистском заговоре парламент, где, как он подозревал, имеется много ловких интриганов, готовых злоупотребить легковерием народа, однако Денби, ненавидевший католиков, добивавшийся личной популярности и, возможно, надеявшийся, что любовь нации к королю станет гораздо сильнее, если убедить англичан в том, что жизни монарха угрожают иезуиты, имел совершенно иные виды и в первый же день новой сессии поднял вопрос о заговоре в палате пэров Король был до крайности раздосадован безрассудством своего министра «Вы мне, конечно, не верите, Денби, — воскликнул Карл, — но знайте только что вы дали в руки парламента оружие, с помощью которого он погубит вас самих, а вдобавок расстроит все мои планы, и вам, я нисколько не сомневаюсь, еще придется об этом горько пожалеть!» Впоследствии Денби смог по достоинству оценить прозорливость своего государя

РВЕНИЕ ПАРЛАМЕНТА

Волли о заговоре, огласившие одну палату, мгновенно отозвались эхом в другой Своим авторитетом парламент дал санкцию той безумной ярости, которая уже успела охватить народ Приняли адрес к монарху с просьбой о назначении всеобщего поста, для столь торжественного случая сочинили особую молитву, а так как в первый ее вариант забыли включить упоминание о папистском заговоре, то теперь его потрудились вставить в окончательный текст для того, чтобы, как выразился один историк, «Всеведущий Господь получил все необходимые сведения» [201]

Желая поддержать и распространить тревогу, общины вотировали ряд новых обращений Они просили предоставить палате бумаги, способные помочь раскрытию ужасного заговора, предлагали удалить из Лондона *рекузантов-папистов, привести всех подданных к присяге на верность* монарху как верховному правителю, запретить доступ ко двору любым подозрительным или неизвестным лицам и отдать приказ лондонской и вестминстерской милиции быть в полной готовности Лордов Повиса, Стаффорда, Арундела, Питерса и Белассиса заключили в Тауэр, а вскоре обвинили в государственной измене Наконец, обе палаты, заслушав показания Отса, постановили «Лорды и общины убеждены, что в Англии существовал и до сих пор существует адский и чудовищный заговор, составленный и осуществляемый рекузантами-папистами, которые задумали убить короля, свергнуть правительство, искоренить и уничтожить протестантскую религию»

Палаты пришли в такое неистовство, что, забыв обо всех прочих делах, каждый день с утра до вечера обсуждали вопрос о заговоре Лорды назначили комитет, который должен был допрашивать подсудимых и свидетелей, члены его, получившие пустые бланки приказов об аресте, могли теперь заключать под стражу обвиненных или подозреваемых в преступлении Отса, хотя этот мерзкий негодяй заслуживал бы презрения даже в том случае, если бы его показания соответствовали действительности, все носили на руках и осыпали милостями, именуя не иначе как «спасителем нации» Парламент рекомендовал его королю Отсу отвели апартаменты в Уайтхолле, выделили личную охрану и поощрили пенсией — 1 200 фунтов в год

РАССКАЗ БЕДЛО

Столь щедрые поощрения возымели действие, и новые разоблачители не заставили себя долго ждать На сцену выступил Бедло, личность, если это вообще возможно, еще более отвратительная, чем Отс Человек самого низкого происхождения, Бедло уже успел отличиться мошенничествами и даже кражами он разъезжал под чужими именами по многим странам Европы, выдавая себя за знатную особу, и с помощью всякого рода хитрых уловок и обманов дурачил к своей выгоде наивных и неосторожных людей Явившись в Тайный совет, он вначале дал показания лишь об убийстве Годфри, которое, по его словам, совершили в Сомерсет-хаусе, резиденции королевы, паписты, в том числе ее собственные слуги Когда же ему задали вопрос о заговоре, он ответил, что решительно ничего об этом не знает, и заявил, что совершенно не знаком с Отсом На другой день, когда его допрашивали в комитете верхней палаты, Бедло сообразил, что власти усердно ищут следы заговора — память его вдруг прояснилась, и он выдал весьма пространную историю Рассказ свой он пытался, как мог, сообразовать с уже опубликованными показаниями Отса, но, желая снискать расположение комитета новыми ценными сведениями, присовокупил целый ряд еще более сногсшибательных и леденящих кровь подробностей Он поведал лордам, что десятитысячный корпус из Фландрии должен высадиться в Берлингтонской бухте и немедленно захватить Гулль, а войска из Бреста — совершить внезапное нападение на Джерси и Гернси, что французский флот все прошлое лето крейсировал в Канале, выжидая удобный момент для удара, что лорды Повис и Питерс намерены собрать армию в Радноршире, к ней же, высадившись в Милфорд-хейвен, присоединится еще одно войско — двадцать, а то и тридцать тысяч монахов и паломников из Сант-Яго в Испании, что в Лондоне уже готовы к выступлению сорок тысяч заговорщиков, не считая тех, кто по первому сигналу должны расположиться у дверей всех столичных пивных и постоялых дворов, чтобы убивать солдат, покидающих свои квартиры, что лорд

Стаффорд, Колмен и отец Айрленд располагают средствами, вполне достаточными для покрытия расходов на эти военные приготовления, что ему самому обещаны за участие в убийствах 4 000 фунтов, а в придачу — особая должность от лорда Белассиса и благословение от папы, что короля решено предать смерти, а всех протестантов, которые не пожелают искренне обратиться в католичество, безжалостно истребить, что правление будет передано **некоему лицу**, если оно согласится принять его из рук папы, если же это лицо отвергнет данное условие (а так, полагают, и случится), то верховную власть в государстве получат назначенные папой лорды На следующем допросе, теперь уже в палате общин, Бедло добавил (ибо эти особы никогда не выкладывали все сразу, предпочитая давать свои показания по частям), что в заговоре против правительства участвуют также лорды Каррингтон и Бруденел,[194] которые собирают для этой цели деньги и готовят людей Названных лордов, как и всех прочих упомянутых в доносе Бедло лиц, парламент немедленно распорядился взять под стражу

Любопытно, что для Испании, переживавшей тогда глубокий упадок, помощь со стороны Англии была единственной надеждой, совершенно неспособная собрать 10 000 солдат для вторжения в это королевство, она сама настойчиво добивалась и в конце концов добилась отправки английских гарнизонов во фландрские города, которые в противном случае остались бы беззащитными перед вторжением французов Отметим далее, что французы находились в это самое время в открытой войне с Испанией, Бедло же утверждал, будто они замышляют открыть военные действия и против Англии — как если бы религиозные мотивы вдруг стали единственным принципом, определяющим политику государей И однако толпа (ибо вся английская нация в то время превратилась в толпу) не обратила ни малейшего внимания на эти вопиющие несообразности слишком сильными были ее безумные страхи и злобные предрассудки Папистский заговор считался неоспоримым фактом, и если бы англичане не ожидали с уверенностью скорого наказания виновных через суд, над католиками нависла бы угроза поголовного истребления Бурная волна народных предрассудков поднялась так высоко, что всякий, кто отважился бы открыто ей противостоять, подверг бы себя смертельной опасности, более того чтобы втайне держаться взглядов, противных господствующему мнению, требовалось недюжинное здравомыслие Громкий и единодушный голос великой нации обладает громадной властью над слабыми умами, и даже на позднейших историков непоколебимая убежденность обезумевшей толпы действовала с такой силой, что иные из них, утверждавшие, что многие обстоятельства в истории с папистским заговором соответствуют действительности, некоторые — вымышлены, а другие — весьма пре увеличены, всерьез называли свою позицию в этом вопросе умеренной Но ведь совершенно ясно, что лицо, давшее под присягой ложные показания в одном случае, уже не заслуживает доверия в других, между тем все доказательства существования заговора, вплоть до конца судебных про-

цессов, основывались исключительно на показаниях свидетелей Хотя католиков, по версии властей, захватили врасплох, разоблачив этих заговорщиков в тот самый момент, когда они якобы уже готовились привести свои планы в исполнение, после самых тщательных обысков не удалось найти никаких улик — ни оружия, ни боеприпасов, ни формальных поручений, ни писем, ни бумаг, способных подтвердить доносы Отса и Бедло. Тем не менее нация, раз за разом попадая впросак в своих подозрениях, продолжала с фанатическим упорством верить в заговор и усердно искать его следы, даже бесчисленные противоречия и нелепости в рассказах о нем считались пустячными возражениями, которые совершенно исчезнут, как только появятся новые, более полные сведения, и вместо того чтобы охладить пыл англичан, эти несообразности лишь внушали им еще более страстное желание добраться до истоков папистского комплота Едва ли во всей истории найдется другой пример, чтобы целый народ поддался столь грубому обману и, ослепленный своими религиозными предрассудками, пришел в подобное неистовство

Чтобы усилить панические страхи в королевстве, и особенно среди лондонских граждан, был опубликован памфлет под следующим названием «Правдивая история и полное разоблачение чудовищного заговора папистов, имевшего своей целью предать огню и разрушению Лондон и Вестминстер вкупе с их предместьями, с приложением относящихся к сему предмету инструкций, приказов и распоряжений ордена иезуитов, составлено капитаном Уильямом Бедло, в недавнем прошлом прикосновенным к этим адским замыслам и входившим в состав папистского сообщества, устройством означенных поджогов занимавшегося» Все пожары, случившиеся в столице за последние годы, приписывались в этом памфлете козням иезуитов, которые, утверждал Бедло, пытались таким образом создать благоприятные условия для всеобщей резни протестантов и при этом не упускали случая поживиться на пожаре воровством

Хотя король — когда он мог говорить с полной откровенностью — не стеснялся поднимать на смех историю заговора и всех, кто в нее поверил, однако перед парламентом он нашел нужным принять для виду мнение нации Ясно понимая, что остановить столь бурный поток нет пока ни малейшей возможности, Карл мог лишь надеяться, что, притворно уступив ему теперь, он со временем найдет способ уклониться от его ярости, овладеть им и направить в другую сторону А потому в своей речи перед обеими палатами Карл заявил, что в эти грозные времена он с величайшей серьезностью позаботится о безопасности своей особы, что со всей искренностью, какой они только могут пожелать, он готов оказать им поддержку в любых мерах, призванных защитить и укрепить протестантскую религию не только на время его царствования, но и на все будущие века, что он даст согласие на любые законы, ограничивающие полномочия наследника-паписта, — при условии, что само право престолонаследия не будет нарушено, в заключение он призвал их изыскать действенные средства для вразумления рекузантов-папистов и с величайшей похвалой отозвал-

ся о верности и преданности всех своих подданных, которые с таким усердием пекутся о его безопасности

Милостивые речи короля ничуть не умерили неистовый пыл парламента Был внесен новый Билль о присяге,[195] именовавший папизм «идолопоклонством» и требовавший исключения из парламента всех членов обеих палат, которые откажутся эту присягу принести Общины утвердили его без особых возражений, однако в верхней палате герцог предложил сделать в новом законе изъятие в его пользу В крайнем волнении, чуть ли не со слезами на глазах, Яков сказал пэрам, что теперь, когда решается вопрос, важнее которого для него нет и не может быть, он повергается к их стопам, всецело уповая на их милость и доброту, и торжественно заявил, что, каким бы ни было его вероисповедание, оно останется **частным делом**, касающимся единственно лишь Бога и его собственной души, и никогда не обнаружится в его публичных действиях Несмотря на это отчаянное усилие, победу в столь важном вопросе ему доставили всего два голоса — ясное свидетельство тогдашних настроений нации «Я не желаю, — воскликнул в ходе прений по данному биллю некий благородный пэр, — чтобы здесь остался хотя бы один папист или папистка, папистский кобель или папистская сука, скажу вам больше я не потерплю, чтобы какой-нибудь папистский котенок урчал и мяукал у ног нашего короля!» Что еще поразительнее, слова эти были встречены с одобрением и даже восторгом

Поощряемые охватившем всю нацию бешенством, свидетели пошли в своих обвинениях еще дальше, и хотя ранее как Отс, так и Бедло не раз заявляли, что ни одна знатная особа, насколько им известно, в заговоре не замешана, теперь они осмелели настолько, что обвинили саму королеву в причастности к планам покушения на жизнь ее супруга Общины в своем обращении к королю поддержали это скандальное обвинение, однако лорды отказались присоединиться к адресу общин Если вожди народной партии вообще играли какую-либо роль в истории с заговором, то, пожалуй, именно здесь мы и вправе подозревать некие внушения с их стороны Король, о чем всякому было известно, не питал особой привязанности к супруге, и теперь, когда его брат и наследник превратился в предмет всеобщей ненависти, он более чем когда-либо имел веские причины страстно желать потомства, появление которого могло бы рассеять страхи и подозрения народа Он знал, что эта самая ненависть к герцогу должна весьма способствовать успеху любой уловки, которую мог бы изобрести парламент для устранения Якова от престолонаследия, и ему, чтобы приблизиться к собственной цели, требовалось, казалось бы, лишь уступить в деле Екатерины ярости рассвирепевшего народа Однако несмотря на все соблазны удовольствий, соображения безопасности и личного интереса, Карлу достало великодушия, чтобы выступить на защиту оскорбленной супруги «Они полагают, — сказал король, — что у меня на уме новый брак, но даже если это и верно, обижать ни в чем не повинную женщину я не позволю» [202] Он тотчас же приказал взять Отса под строгий

арест, конфисковать его бумаги и уволить его слуг, и чтобы вернуть себе свободу, этому дерзкому доносчику пришлось обращаться с ходатайством к парламенту

Пока человеческие умы находились в крайнем возбуждении, парламент вновь занялся вопросом о милиции — делом, оставлять которое без должного внимания было бы неблагоразумно даже в самые спокойные времена Он принял билль, предписывавший держать милицию под ружьем шесть недель в году, с тем чтобы каждая треть ее состава несла службу в течение двух недель Вероятно, вожди партии страны замышляли воспользоваться охватившими всю нацию предубеждениями и может быть даже обратить вооруженную силу народа против государя [203] Но Карл отказался утвердить этот билль, заявив членам парламента, что не намерен, ни даже на полчаса, расставаться со своей военной властью, но если они (добавил король) подготовят другой билль о милиции, оставив ему право призывать и распускать ее тогда, когда он сам найдет это нужным, то он с готовностью даст на него свою санкцию Раздраженные монаршим вето (хотя прежде король ни разу не пользовался этой прерогативой), общины тут же постановили расформировать все вновь набранные части регулярной армии Они приняли билль, выделявший для этой цели необходимые средства, однако, желая показать свое глубокое недоверие к короне, не только строго по пунктам определили порядок расходования ассигнованных сумм, но и распорядились направить их не в казначейство, а в торговую палату Лондона Столь неслыханная статья, до крайности оскорбительная для министров и даже для самого короля, вызвала возражения лордов, и окончательного решения по этому биллю так и не было принято

ОБВИНЕНИЯ ПРОТИВ ДЕНБИ

Не следует удивляться тому, что легковерие возбужденного народа толкало к доносительству людей, имевших дурную репутацию и оказавшихся в полной нищете, коль скоро особы знатные и высокопоставленные не всегда могли устоять перед соблазном и также предавались этому постыдному занятию Монтегю, посол короля в Париже, добился места в нижней палате, после чего, не получив и даже не спросив дозволения короля, неожиданно вернулся в Англию Догадываясь о его намерениях, Карл приказал конфисковать его бумаги, однако Монтегю,[196] ожидавший подобных мер, надежно припрятал один документ, который он немедленно представил палате общин Это было письмо от лорда-казначея Денби, написанное в начале года, в то время, когда в Нимвегене шли переговоры о всеобщем мире В нем послу Монтегю давалось указание попросить денег у Франции, иначе говоря, король изъявлял готовность, вопреки общим интересам союзников и даже в ущерб интересам собственных королевств, продать свои добрые услуги Людовику Среди прочего там были

следующие слова «В случае, если условия мира будут приняты, король рассчитывает на шесть миллионов ливров ежегодно в течение трех лет — начиная с того момента, когда настоящее соглашение между Его Величеством и королем Франции будет подписано, ибо после заключения любого другого мира с Францией парламент едва ли возымеет желание предоставить ему какие-либо средства раньше чем через два или даже три года, французский же посол в Лондоне всегда соглашался на данную сумму, хотя и не на столь продолжительный срок» Денби не хотел принимать участия в этих переговорах, и потому король, желая его успокоить, собственной рукой приписал в конце следующее «Настоящее письмо написано по моему приказу, С R » Сам же Монтегю, выдавший тайну этой секретной переписки парламенту, оказался настолько низок, чтобы за свое гнусное вероломство взять большие деньги с французского монарха [204]

ИМПИЧМЕНТ ДЕНБИ

Получив эти компрометирующие Денби сведения, общины пришли в ярость Зайдя в своих подозрениях дальше, чем это позволяли факты, палата заключила, что король всегда действовал в сговоре с французским двором, и все те меры, которые он предпринимал совместно с союзниками, суть не более чем хитрые уловки, имевшие своей целью обмануть народ Горя желанием раскрыть эту важную тайну до конца, а к тому же усердно подстрекаемые многочисленными врагами Денби, они немедленно постановили привлечь министра к суду по обвинению в государственной измене и направили в палату пэров шесть обвинительных статей В статьях говорилось, что Денби, отправляя инструкции послам Его Величества без ведома государственного секретаря и Тайного совета, изменнически присвоил себе полномочия монарха, что он изменнически пытался ниспровергнуть существующее правление и установить правление деспотическое, для чего, вопреки акту парламента, набрал и держал под ружьем армию, что, подписав невыгодный мир с Францией и получив от нее деньги, он изменнически пытался разрушить любовь подданных к Его Величеству, что, сочувствуя папистам, он скрыл полученные им сведения о гнусном и чудовищном заговоре, который составили они против особы и правления Его Величества, что он бездумно расточал средства из королевской казны и что всякого рода бесчестными уловками он добился от короны непомерно щедрых пожалований

Направляя инструкции послам, лорд-казначей несомненно вышел за пределы собственных полномочий, а поскольку дух строго ограниченной монархии требует, чтобы ответственность за любое превышение власти нес тот или иной министр, то общины, хотя они и выдвинули в данном случае совершенно новое притязание, могли оправдать свой шаг ссылками на пользу и даже необходимость Однако во всех прочих пунктах обви-

нение против Денби не имело под собой серьезных оснований Этот министр убедительно доказал палате лордов, что Монтегю, выступивший против него с доносом, от начала до конца переговоров о французских субсидиях усердно содействовал их успеху, между тем как он, Денби, неизменно относился с величайшей враждебностью к политике этой короны, а любое потворство ее видам считал пагубным для собственного государя и отечества Французская нация, заявил граф, сославшись на полученные им достоверные сведения, всегда питала глубокое презрение к английскому королю, и как к человеку, и как к правителю Усердие, проявленное им, Денби, в раскрытии и расследовании папистского заговора, общеизвестно, и если у него, добавил министр, имелось хоть немного здравого смысла, не говоря уже о простой добропорядочности, то он, разумеется, должен был сделать все возможное для спасения жизни своего господина, оказавшего ему столько милостей Средства из королевской казны он не расточал, ибо никаких средств в казне не было И хотя у него есть причины быть благодарным монарху за щедроты, он, Денби, составил себе куда более скромное состояние, чем это обыкновенно воображают, и чем это удавалось сделать в его должности многим другим особам, даже за более краткий срок

РОСПУСК ДОЛГОГО ПАРЛАМЕНТА

Палата пэров ясно видела, что преступление Денби, даже если признать обвинения общин справедливыми, не подпадает под статут Эдуарда III, и хотя в некоторые статьи обвинительного акта коммонеры потрудились вставить слова **измена** и **изменнически**, данные выражения не могли изменить природу вещей и сделать его поступки заслуживающими кар, предусмотренных за это преступление по закону А потому пэры сочли обвинения необоснованными и отказались дать согласие на арест Денби, общины продолжали настаивать на своем требовании, и яростный спор между палатами уже казался неминуемым, когда король, успевший заметить в парламенте признаки сильнейшего недовольства, рассудил за благо прервать его заседания За этой отсрочкой вскоре последовал роспуск (30 декабря) — при тогдашнем расположении умов средство поистине отчаянное Следует, впрочем, признать, что у короля были веские основания считать болезнь неизлечимой Папистский заговор привел общины в настоящее бешенство, и рассвирепевшие коммонеры уже начали обращать свой гнев против членов королевской фамилии и чуть ли не против самого монарха Ряд предложений бил по герцогу, в государственной измене обвинили лорда-казначея, вотировать какие-либо субсидии палата соглашалась лишь на самых невыгодных для короны условиях, каждый день в парламенте возникали новые панические страхи и злобные подозрения, и хотя народ был глубоко заражен теми же предрассудками, ко-

роль надеялся, что после того, как роспуск нынешнего парламента положит конец козням заседающих в нем интриганов, в новый парламент будут избраны люди более умеренные по своим взглядам и не настолько испорченные яростным ожесточением партийной вражды.

ЕГО ХАРАКТЕР

Так была поставлена точка в работе парламента, заседавшего в продолжение всего этого царствования, за исключением одного года. Его финал оказался весьма непохожим на его начало. Избранный посреди восторгов и торжеств Реставрации, он состоял почти из одних роялистов, готовых поддерживать корону со всей щедростью, какую допускали традиции и обыкновения эпохи. Встревоженные союзом с Францией, его члены постепенно проникались недоверием к королю, а убедившись впоследствии, что Карл по-прежнему действует в интересах иностранной державы, стали проявлять глубокую подозрительность и крайнее упрямство. Папистский заговор заставил их перейти все границы умеренности, и перед самым их роспуском казалось, что они намерены твердо шествовать по стопам другого Долгого парламента, чью политику они поначалу с такой яростью осуждали. При всех своих поворотах и колебаниях они каждый раз следовали мнениям и предрассудкам нации, и, по-видимому, руководствовались настроением и партийными взглядами больше, чем общественными интересами, а общественные интересы влияли на них сильнее, чем попытки подкупа или давление со стороны отдельных лиц.

ПРОЦЕСС КОЛМЕНА

Когда заседал парламент, а также после его отсрочки и роспуска слушались дела мнимых преступников, и судебные учреждения — органы, которым следует избегать всякой несправедливости, может быть, еще усерднее, чем даже собраниям представителей нации, — ясно показали, что они заражены теми же слепыми предрассудками и охвачены таким же партийным бешенством. Первым судили Колмена, самого ненавистного из заговорщиков; в качестве улик были представлены его собственные письма. В них, как признал сам Колмен, содержалось немало неосторожных высказываний, но ничего такого, что позволило бы обвинить его в преступлении, а уж тем более в государственной измене, там, похоже, не было, — если, конечно, мы не станем считать противным закону католическое рвение как таковое. Отс и Бедло утверждали, будто Колмен поручил папское назначение (подписанное генералом ордена иезуитов) на долж-

ность государственного секретаря и согласился с тем, что короля следует отравить, застрелить или зарезать, а Отс даже показал под присягой, что на осуществление этих кровавых замыслов он выделил гинею лично от себя Эти нелепые басни были поставлены в связь с планами, упоминавшимися в его письмах, и суд вынес Колмену смертный приговор, который вскоре был приведен в исполнение [205] До последней минуты Колмен решительно заявлял о своей невиновности и казнь встретил с величайшим мужеством и спокойствием

ПРОЦЕСС АЙРЛЕНДА

За казнью Колмена последовал процесс отца Айрленда, который, как утверждали доносчики, подписал вместе с пятьюдесятью иезуитами чудовищную резолюцию об убийстве короля Тогда же судили Гроува и Пикеринга, подрядившихся якобы застрелить Карла из пистолета Единственными свидетелями обвинения были все те же Отс и Бедло Айрленд заявил, что весь прошлый август он находился в Стаффордшире, а отнюдь не в Лондоне, как это утверждал в своем доносе Отс В пользу своих слов он привел весьма убедительные доводы, а мог бы, вероятно, представить и совершенно бесспорные доказательства, если бы ему, вопреки всякой справедливости и закону, не запретили пользоваться в тюрьме пером, чернилами и бумагой и не отказали в праве вызывать свидетелей В то, что все эти люди преступники, судьи, присяжные и публика твердо уверовали еще до начала процесса если подсудимый был иезуитом или даже просто католиком, то других доказательств его вины уже не требовалось Сам главный судья[206] всячески потворствовал узким предрассудкам и слепой ярости исступленной черни Вместо того чтобы, как требовала его должность, защищать интересы обвиняемых, он выступал против них, запугивал их свидетелей и при всяком удобном случае пытался представить их вину бесспорной и неопровержимой Он даже не постеснялся заявить во всеуслышание, будто паписты держатся иных принципов, нежели протестанты, а посему не вправе претендовать на всеобщее **доверие**, коего заслуживают эти последние в силу своих принципов и обычаев Когда же присяжные признали подсудимых виновными, он воскликнул «Джентльмены, вы поступили, как подобает добрым подданным и добрым христианам, иначе говоря — добрым протестантам!» и добавил «Ну а эти паписты пусть теперь уповают на свои тридцать тысяч месс», намекая на мессы, которые якобы должны были послужить наградой Пикерингу за убийство короля Идя на казнь (14 января), все эти несчастные заявляли о своей невиновности — обстоятельство, которое не произвело на толпу ни малейшего впечатления Мнение о том, что ради успеха «благого дела» иезуиты считают допустимым прибегать ко лжи и к мысленным оговоркам, распространилось тогда столь широко, что показаниям членов орде-

на или их учеников никто уже не верил Англичане забыли, что все лица, участвовавшие в Пороховом заговоре, и среди прочих иезуит Гарнет, на эшафоте полностью признали свою вину

Хотя Бедло уже сделал донос, касавшийся убийства Годфри, он оставался единственным свидетелем против обвиняемых, ибо все соблазны выгоды и славы еще никого не заставили подтвердить показания этого доносчика Наконец, были добыты недостающие свидетельства, позволившие соблюсти юридические формальности Ранее Бедло обвинил в соучастии в убийстве Годфри некоего Пранса, серебряных дел мастера и католика, когда же тот отказался признать свою вину, его заковали в кандалы и бросили в тюрьму, заточив в камере смертников, грязном, холодном и зловонном застенке Считалось, что подобные жестокости совершались по приказу тайного комитета лордов, и в частности Шефтсбери и Бекингема, которые (так, по крайней мере, утверждают, и явно не без оснований) под предлогом необходимости любой ценой установить истину прибегали на допросах арестованных ко всевозможным уловкам, пуская в ход угрозы и обещания, чередуя строгость и мягкость В конце концов мужество изменило Прансу, он не выдержал и признал себя соучастником убийства Годфри Когда же ему задали вопрос о заговоре, Пранс решил, что будет лучше, если он и здесь покажет себя человеком осведомленным, и сообщил кое-что на сей счет Тайному совету Среди прочих нелепостей Пранс рассказал следующее Некто Лефевр купил у него старую шпагу, сославшись на то, что он-де не ведает, какие приближаются времена, когда же Пранс выразил тревогу за судьбу бедных ремесленников в подобные смутные времена, Лефевр ответил, что от восстановления католической религии ремесленники только выиграют, и, в частности, у серебряных дел мастеров прибавится работы в храмах От всего, что было сказано им по поводу папистского заговора и убийства Годфри, Пранс впоследствии торжественно отрекся в присутствии короля, а затем и секретного комитета лордов, но его опять бросили в тюрьму, где новые ужасы и муки заставили узника подтвердить первоначальные показания, и теперь он был представлен суду в качестве свидетеля

За убийство Годфри судили Хилла, Грина и Берри Все они являлись людьми низкого звания Хилл был слугой у одного врача, двое других состояли при папистской капелле в Сомерсет-хаусе Описывать этот долгий процесс во всех подробностях нет никакой нужды, достаточно будет заметить, что свидетели — Бедло и Пранс — во многих пунктах полностью противоречили друг другу, что в показаниях того и другого заключались непреодолимые затруднения и даже откровенные нелепости, и наконец, что противоположные и совершенно неопровержимые свидетельства делали их несостоятельными Все было тщетно подсудимых признали виновными и казнили (21 и 28 февраля) Перед казнью все трое отрицали свою вину, а так как Берри был протестантом, то это обстоятельство вызвало немало толков Оно, однако, нисколько не уменьшило всеобщего легковерия — англичане лишь удивлялись тому, что протестант способен до самой смерти упорствовать в столь явной лжи

НОВЫЕ ВЫБОРЫ

Поскольку ни содержать, ни распустить армию при отсутствии денег не было никакой возможности, король, как бы мало ни оставалось у него надежд получить более сговорчивую палату, оказался вынужден созвать новый парламент. Уже пролитая в связи с папистским заговором кровь вместо того, чтобы пресытить и успокоить народ, лишь сильнее разожгла его ярость, и в каждом вынесенном подсудимым приговоре англичане видели новое доказательство тех чудовищных замыслов, которые приписывались папистам. Пожалуй, впервые со времени установления в Англии монархии нация избирала своих представителей в обстановке ожесточенной борьбы партий, а двор столь явно обнаружил свою заинтересованность в исходе выборов. Однако все его усилия оказались бесплодными и не смогли остановить бурный поток господствующих предрассудков. Религии, свободе, собственности и самой их жизни, полагали англичане, угрожает ныне смертельная опасность, и только бдительный парламент способен их защитить от нечестивых и кровожадных заговорщиков. Если в стране еще оставались местности, которые не успело охватить вызванное папистским заговором возбуждение, то новые выборы, внушив интерес к общественным делам всему народу, распространили его вплоть до самых глухих уголков, а воцарившийся всюду панический ужас оказался отличным средством воздействия на умы избирателей. Все фанатики из прошлого парламента прошли, и теперь к ним даже прибавились новые: в частности, пресвитериане, движимые своей давней бешеной ненавистью к папизму, проявляли на этих выборах величайшую энергию и добились немалых успехов. Утверждают, что именно тогда сторонники упомянутой партии прибегли к следующей незаконной уловке — делить на части свои фригольды, чтобы увеличить таким образом число поданных за них голосов.[197] Поступавшие со всех концов Англии известия позволяли сделать вывод, что новые представители нации окажутся еще более упорными противниками двора и свирепыми гонителями католиков, чем прежние.

Видя, что совершенно пустячные причины в конце концов непостижимым образом вызвали в стране столь ужасную бурю, король не на шутку встревожился. Католики, если верить доносам Отса и Бедло, замышляли покушение на его жизнь, и даже герцогу грозила с их стороны смертельная опасность, — а значит, чем выше поднималась волна народного гнева против папизма, тем, казалось бы, теснее английская нация, забыв прежние обиды, должна была сплотиться вокруг своих правителей, к которым, как явствовало из тех же доносов, римская церковь не питала ни малейшего доверия. Но в любых страстях, и особенно в тех, которые движут простонародьем, есть своя софистика. Англичане верили доносчикам постольку, поскольку речь в их доносах шла о преступных замыслах католиков. Но они не отказывались от прежних своих подозрений о том, что эти фанатики пользуются тайным благоволением короля и совершенно

подчинили своему влиянию герцога Человек весьма проницательный, Карл ясно видел опасность, угрожавшую правам наследника престола и даже его собственной короне и монаршему сану Против него выступила теперь многочисленная партия Состояла эта партия из черни, полной предрассудков, и потому легковерной, ослепленной религиозной ненавистью, и потому готовой, не задумываясь, проглотить самую очевидную нелепость, руководили же ею беспринципные вожди, которые, поощряя лжесвидетельство, подкуп, обман и мошенничество и не останавливаясь даже перед пролитием невинной крови, пытались удовлетворить собственное бешеное честолюбие и ниспровергнуть всякую законную власть Пробужденный от летаргии надвигающейся опасностью, король, как это не раз бывало с ним в чрезвычайных обстоятельствах, начал проявлять недюжинную силу ума и вдобавок, сохраняя по видимости всегдашнюю легкость нрава, сумел проявить энергию, твердость и бдительность — качества, как считалось прежде, совершенно ему чуждые Именно они, вместе с ловкостью и осторожностью, позволили Карлу благополучно миновать окружавшие его со всех сторон подводные камни и в конце концов добиться того, что буря обрушилась на головы тех, кто в слепоте своей ее поднял или же коварно использовал в собственных интересах

Желая успокоить и умиротворить народ и парламент, король сделал важный шаг — он попросил герцога удалиться на континент, с тем чтобы все подозрения относительно папистских происков при дворе окончательно исчезли Герцог с готовностью согласился это сделать, но прежде потребовал на сей счет формального приказа, подписанного самим королем в противном случае, полагал Яков, его отъезд может быть истолкован как доказательство страха или вины Кроме того, он настоятельно попросил брата рассеять его и англичан сомнения недвусмысленной декларацией о том, что герцог Монмаут не является его законным сыном

ГЕРЦОГ МОНМАУТ. ГЕРЦОГ ЙОРКСКИЙ УДАЛЯЕТСЯ В БРЮССЕЛЬ

Джеймс, герцог Монмаут, внебрачный сын короля от Люси Уолтерс, родился лет за десять до Реставрации [198] Он обладал всеми качествами, которые обыкновенно так нравятся толпе, — отчаянной смелостью, любезным обхождением, безграничной щедростью и красивой наружностью Еще милее народу сделала его всеобщая ненависть, которую, по причине своего вероисповедания, вызывал к себе герцог Йоркский Не отличавшийся большими способностями и слишком уступчивый по характеру, Монмаут, при всей своей популярности никогда бы не стал опасным, если бы полностью не подчинился влиянию Шефтсбери — человека неугомонного нрава, острого ума и совершенно чуждого каким-либо принципам

Это дерзкий политический интриган внушил Монмауту лестную надежду на то, что он может стать наследником английской короны Усердно распространялся слух о брачном контракте, заключенном некогда между королем и матерью Монмаута, а ныне хранящемся якобы в некоем черном ларце, и толпа жадно внимала подобным россказням Панический страх перед кознями папистов, все сильнее терзавший англичан, побуждал их либо поверить в эту выдумку, как поверили они уже во множество других, еще более неправдоподобных, либо открыто нарушить законный порядок престолонаследия К тому же в стране надеялись, что будет не так уж трудно убедить короля, нежно любившего своего сына, отдать последнему предпочтение перед братом, который своим безрассудным католическим пылом успел поставить его в столь затруднительное положение Но Карл, желая раз и навсегда положить конец подобным расчетам, а также рассеять опасения герцога, объявил в присутствии всех членов Тайного совета, что Монмаут родился вне брака и что никаких обещаний жениться на его матери он не давал Более чем разумная просьба герцога была таким образом удовлетворена, после чего Яков охотно исполнил желание короля и отправился в Брюссель

НОВЫЙ ПАРЛАМЕНТ

Вскоре, однако, король убедился, что, несмотря на эту меру предосторожности, несмотря на его содействие расследованию папистского заговора, несмотря на антикатолическое рвение, которое он выражал на словах, а теперь даже проявил на деле, ему так и не удалось завоевать доверие парламента Едва собравшись (6 марта), нижняя палата предприняла шаг, в котором ясно обнаружился ее строптивый дух В прежние времена общины, выбирая спикера, всегда учитывали желание монарха, и даже Долгий парламент в 1641 году не счел возможным нарушить столь давний и почтенный обычай На сей раз королю было угодно, чтобы выбор коммонеров пал на сэра Томаса Мереса,[199] но палата своим, по-видимому, единогласным решением призвала в председательское кресло Сеймура, исполнявшего обязанности спикера в последнем парламенте Когда же Сеймур[200] был представлен королю для утверждения в этой должности, Карл отклонил его кандидатуру и приказал общинам приступить к новым выборам Страсти закипели Общины доказывали, что акт утверждения спикера королем есть простая формальность и что он не может без указания причин отвергнуть человека, избранного палатой, король же заявлял, что, обладая полномочием отклонить предложенную кандидатуру, он вправе, если сочтет нужным, никому не сообщать о причинах подобного шага Поскольку вопрос этот никогда прежде не поднимался, то нелегко было найти принципы, на основе которых его можно было бы разрешить [207] В порядке компромисса стороны согласились отвести обоих кандидатов Спике-

ром был избран Грегори,[201] юрист, и король утвердил его в этой должности С тех пор считается, что избрание спикера есть дело палаты, но что король при этом сохраняет право отклонить любую неугодную ему кандидатуру

ИМПИЧМЕНТ ДЕНБИ

Сеймур считался заклятым врагом Денби, полагают, что под влиянием графа король и вступил в столь несвоевременный спор с общинами Тем с большим рвением общины вернулись к делу об импичменте Денби, причем они заявили, что, несмотря на имевший место роспуск палат, данный процесс во всех своих частях находится теперь в том самом состоянии, в каком оставил его последний парламент, — утверждение довольно странное, однако с ним молчаливо согласились Король из предосторожности заранее даровал Денби помилование, а чтобы надежно оградить канцлера от любых нападок со стороны общин, он взял большую государственную печать и собственноручно скрепил ею соответствующую грамоту Парламенту же Карл заявил, что Денби во всем действовал по его приказам, а потому ни в каком смысле не может считаться преступником, что он, король, будет тем не менее добиваться помилования графа, а если в акте о помиловании обнаружатся какие-либо формальные изъяны, то он намерен, внося в него надлежащие исправления, возобновлять его снова и снова, пока этот документ не станет во всех отношениях безупречным, однако, добавил Карл, он решил сместить Денби со всех должностей и удалить его от двора

Эта уступка совершенно не удовлетворила общины Они заявили, что помилование, дарованное короной, не может иметь силы в деле об импичменте, начатом общинами Прежде считалось, что королевская прерогатива помилования не допускает ни малейших ограничений, и данное притязание общин, следует признать, было совершенно неслыханным Оно, однако, вовсе не противоречило духу строго ограниченной монархии, где королевские министры должны нести ответственность перед народными собраниями за все свои действия, и даже за те акты злоупотребления властью, которые они могут совершить по приказу своего господина Нынешние чрезвычайные обстоятельства, когда нацией овладело неистовое возбуждение, были самым подходящим временем для того, чтобы настаивать на столь популярных в народе требованиях, и общины не преминули воспользоваться благоприятным моментом Они по-прежнему упорно добивались импичмента Денби Исполняя их желание, лорды оставили свои прежние сомнения и отдали приказ о взятии Денби под стражу Денби скрылся Общины приняли билль, предписывавший обвиняемому сдаться властям в известный срок, а в противном случае грозивший ему опалой — объявлением его вне закона и лишением всех прав Билль прошел

верхнюю палату, которая, впрочем, смягчила кару, ограничившись угрозой изгнания, но после нескольких конференций с коммонерами пэры сочли за благо уступить ярости общин и билль об опале был принят Желая избежать столь суровых наказаний, Денби отдал себя в руки правосудия и был немедленно заключен в Тауэр

ПАПИСТСКИЙ ЗАГОВОР

Если даже вельможа-протестант стал жертвой столь жестокого судебного преследования, то забыть о католиках общины в своем свирепом рвении уж никак не могли Дело о папистском заговоре основывалось до сих пор единственно лишь на данных под присягой показаниях нескольких свидетелей — темных личностей со скверной репутацией Хотя заговорщики, как считалось, вели громадные приготовления чуть ли не во всех уголках королевства, ни малейших их следов, даже после самого тщательного расследования, так и не удалось обнаружить Хотя в ужасную тайну заговора, как в Англии, так и на континенте, были якобы посвящены многие тысячи людей, ни страх, ни надежда, ни угрызения совести, ни легкомыслие, ни личные обиды так и не заставили хотя бы одного из них подтвердить показания доносчиков Хотя католиков, и особенно иезуитов, изображали людьми крайне неосторожными — они будто бы преспокойно рассуждали между собой об убийстве короля как о самом заурядном деле и в яснейших выражениях писали об этом в своих письмах, отправляя их затем обычной почтой, — однако в огромной массе захваченной корреспонденции не нашлось ни единого намека на существование столь широко разветвленного заговора Хотя доносчики утверждали, будто уже после того, как они решили выдать тайну властям, через их руки прошло немало изменнических бумаг и распоряжений, они почему-то не потрудились сохранить хотя бы один из этих документов, чтобы подкрепить свои показания уликами Но все эти несообразности, равно как и тысяча других, нация и парламент проглотили, даже не поморщившись Страна попрежнему громко требовала дальнейшего расследования заговора и суда над его участниками Общины постановили, что в случае безвременной кончины Его Величества они отомстят за его смерть папистам, не подумав о том, что кроме упомянутой секты у короля могут быть и другие враги Они пообещали вознаграждение новым доносчикам не приняв в расчет, сколь рискованно поощрять взятками к лжесвидетельству Они подарили Бедло 500 фунтов и настоятельно рекомендовали герцогу Монмауту взять на себя заботу о его безопасности Один из коммонеров, полковник Саквил, в частном разговоре отозвался с презрением о тех, кто верит в существование заговора, — его тут же исключили из палаты Пэры предоставили своим комитетам право вызывать на допрос всякого, кто посмеет утверждать, что лица, уже осужденные за участие в заговоре, не были ни

в чем виновны Когда же был опубликован памфлет, ставивший под сомнение показания доносчиков и оправдывавший заключенных в Тауэр лордов-католиков, от этих последних потребовали назвать имя автора, отдав таким образом собственного защитника на судебную расправу, а обе палаты дружно подтвердили свое прежнее постановление, где было сказано, что **чудовищный** и **изменнический** заговор папистов против короля, государства и протестантской религии, вне всякого сомнения, существует в действительности

Следует признать, что эти свирепые преследования, поводом для которых послужили столь ложные и нелепые обвинения, бросают позорную тень на великое дело свободы, поборником коего выступал парламент Крайняя же нетерпимость гонителей к любым возражениям наводит на мысль, что сами они в глубине души по-прежнему сомневались в том, что всеобщая вера в папистский заговор имеет под собой серьезные основания Ловкие политиканы из их числа страшились открыть доступ свету, который мог бы рассеять чрезвычайно выгодное для них заблуждение, люди же более слабые и не столь бесчестные старательно отводили в сторону глаза, дабы не увидеть истину, совершенно противоположную тем *злобным и яростным предубеждениям, которые всецело определяли их* нынешние действия и от которых они упрямо не желали отказываться и впредь

Незадолго до этого в Англию был отозван сэр Уильям Темпл,[202] ранее находившийся на дипломатической службе за границей, и король, которому теперь, когда лишился своих постов Денби, не с кем было даже с откровенностью обсудить ход политических дел, задумал после отставки Ковентри сделать его одним из своих государственных секретарей Но этот мудрый патриот, слишком бескорыстный для придворных интриг, слишком тонкий и ранимый для шумного неистовства народных собраний, был глубоко встревожен всеобщим брожением и недовольством и желал как можно скорее оставить поприще, не обещавшее ничего, кроме треволнений и смут Впрочем, он не смог отказать своему господину, который удостоил его высоким доверием, и решил использовать последнее для общего блага Темпл решительно заявил королю, что поскольку нацией овладела крайняя подозрительность, то для излечения от нее потребуется какое-то новое средство, способное восстановить взаимное доверие, столь необходимое для безопасности как короля, так и народа, что отказывать во всем парламенту при нынешнем его настроении или, напротив, во всем с ним соглашаться было бы равно опасно как для конституции, так и для общественного спокойствия, что если король введет в состав своих советов людей, пользующихся доверием народа, то от него, вероятно, станут требовать меньше уступок, если же парламентом будут выдвинуты какие-то безрассудные и непомерные требования, то король, опираясь на поддержку подобных советников, сможет с меньшим для себя риском их отвергнуть, и что вожди партии страны, польщенные милостями короля, умерят, надо думать, то неистовое рвение, которым пытаются они теперь снискать расположение толпы

НОВЫЙ СОВЕТ

Король согласился с этими доводами и совместно с Темплом подготовил план преобразования Тайного совета, без консультации с которым он твердо обещал не принимать в будущем никаких важных мер Новый совет должен был состоять из тридцати человек, причем указанное число никогда не могло быть увеличено Пятнадцать высших сановников короны сохраняли свои места в совете предполагалось, что они будут решительно поддерживать короля, а в чрезвычайных обстоятельствах сумеют дать отпор непомерным притязаниям партий Другую половину совета должны были составить люди, уважаемые в стране и никак не связанные с двором, а также те, кто пользовался наибольшим влиянием в обеих палатах Назначив членов своего нового совета, Карл с удовольствием обнаружил, что их совокупный годовой доход, земельный и должностной, достигает 300 000 фунтов — суммы, почти равной богатству всей палаты общин, от неистовых нападок которой новый совет и призван был защитить корону [208]

Это средство было испытано, и поначалу оно как будто несколько успокоило народ На посту лорда-казначея графа Денби сменил граф Эссекс, аристократ из партии страны (сын лорда Кейпла, обезглавленного вскоре после казни покойного короля), государственным секретарем был назначен граф Сандерленд, способный человек и ловкий интриган, членом совета стал также виконт Галифакс, отличавшийся тонким умом, ученостью, красноречием и усердием, однако легко терявший душевное равновесие и слишком склонный к излишним мудрствованиям Эти трое, вместе с Темплом, который нередко к ним присоединялся, хотя в общем стоял несколько в стороне от государственных дел, составили в совете нечто вроде тесного кружка, или «кабинета», занимавшегося предварительным обсуждением всех важных вопросов Председателем же совета сделали Шефтсбери — вопреки мнению Темпла, который уже тогда предупреждал, какими последствиями может обернуться малейшее участие столь опасного человека в управлении государством

Все вышло так, как предсказывал Темпл обнаружив, что благоволение двора к его особе не более чем видимость, Шефтсбери решил и в будущем действовать заодно с партией страны, преданность которой обеспечила ему непререкаемый авторитет в нижней палате и значительный вес в палате лордов Даже пустая видимость монаршего фавора делала его еще более опасным Сторонники Шефтсбери, наблюдая за его нынешним возвышением, надеялись, что вскоре его влияние станет неограниченным, сам же Шефтсбери беспрестанно им внушал, что если они будут с прежним упорством добиваться своей цели, то леность, безденежье и любовь к Монмауту рано или поздно заставят короля пойти им на любые уступки и даже принести в жертву права своего брата

К тому же ненависть к папизму, равно как и недоверие к королю и герцогу, успели слишком прочно овладеть умами англичан, и их нельзя

было устранить с помощью столь слабого средства, каким являлось предложенное Темплом преобразование Тайного совета. Вскоре после учреждения нового совета общины сделали весьма решительный шаг, единогласно постановив, что «папистское вероисповедание герцога Йоркского вместе с надеждами на его восшествие на английский престол послужили папистам сильнейшим поощрением в их нынешних кознях и заговорах против короля и протестантской религии». Все ожидали, что в палату вот-вот будет внесен билль об устранении Якова от престолонаследия. Желая предупредить этот смелый удар, король совместно со своими советниками подготовил ряд пунктов, предусматривавших ограничение полномочий наследника-паписта, и предложил их на рассмотрение парламента. План свой он предварил такими милостивыми словами: «Дабы убедить вас в том, что пока вы исполняли свой долг, я не имел в мыслях ничего дурного, но, напротив, неусыпно заботился о защите вашей религии, делая все возможное, чтобы надежно оградить ее от любых угроз, какие только могут возникнуть в будущем, я велел моему канцлеру огласить ряд предложений, которые, надеюсь, послужат ясным доказательством того, что во всех делах, касающихся безопасности государства, я твердо намерен не следовать вашему рвению, но увлекать вас вперед собственным усердием».

ОГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ НАСЛЕДНИКА-ПАПИСТА

Задуманные ограничения имели громадную важность, ибо они лишали наследника престола основных монарших прерогатив. Здесь впервые была намечена система, служившая нации гарантией того, что в начале каждого нового царствования король в течение известного времени не будет иметь реальной возможности распустить парламент. В случае если наследником престола является папист, этот государь утрачивал свое право производить назначения на какие-либо церковные должности; ни один член Тайного совета, ни один судья общего права или справедливости не мог получить свой пост или быть смещенным с него без согласия парламента; те же меры предосторожности распространялись и на военную область, т. е. на порядок назначения лордов-лейтенантов графств и их заместителей, а также всех офицеров флота. «Если же принять в расчет, — добавил канцлер, — насколько доходы короля зависят от согласия парламента вотировать субсидии, и вспомнить, что собирать деньги без подобного согласия совершенно невозможно, то я не знаю, какие еще ограничения можно здесь придумать. И однако если мудрость парламента откроет какое-либо новое средство, способное еще надежнее оградить религию и свободу от наследника-паписта, не покушаясь на само право престолонаследия, то Его Величество с готовностью даст на это свою санкцию».

Любопытно, что когда проект этих ограничений впервые представили Тайному совету, единственными его членами, выступившими с возражениями, были Шефтсбери и Темпл При этом они использовали диаметрально противоположные доводы Шефтсбери держался того мнения, что данные ограничительные меры недостаточны и что лишь полное устранение герцога от престолонаследия может должным образом обеспечить безопасность королевства Темпл же считал, что эти ограничения чрезмерной своей суровостью ниспровергают конституцию и что оковы, наложенные на наследника-паписта, в позднейшие времена нелегко будет сбросить монарху-протестанту Несомненно, герцог крайне встревожился, услыхав о предпринятых королем шагах, и в тех обстоятельствах его больше устроил бы даже билль об исключении, который, как полагал Яков, попросту невозможно было бы провести в жизнь из-за его несправедливости и жестокости Есть также веские причины думать, что король не зашел бы так далеко, если бы, видя бешеную ярость общин, не рассчитывал, что его уступки будут отвергнуты и, следовательно, вся вина за то, что стороны не достигнут разумного компромисса, ляжет на коммонеров

БИЛЛЬ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ[204]

Вскоре обнаружилось, что Карл верно представлял себе настроение палаты Действия общин до такой степени определялись интригами Шефтсбери и прочих оппозиционеров, а их ненависть к папизму была столь яростной, что уступки короля — гораздо более значительные, чем это можно было ожидать на разумных основаниях, — так и не были приняты коммонерами В палату был внесет билль о безоговорочном исключении герцога из наследования корон Англии и Ирландии В нем объявлялось, что по смерти или отречении короля верховная власть над этими королевствами должна перейти к ближайшему после герцога наследнику, что любые действия, которые совершит затем этот принц, присваивая себе прерогативы монарха, должны считаться незаконными актами и более того — государственной изменой, что виновным в означенном преступлении его следует считать даже в том случае, если он хотя бы попытается самовольно вернуться в какое-либо из этих королевств, и что всякий, кто станет поддерживать его притязания на престол, подлежит каре как мятежник и изменник Этот важный билль, предусматривавший, помимо устранения герцога от престолонаследия, еще и изгнание его из страны, нижняя палата приняла большинством в 79 голосов

Общины не были настолько поглощены принятием билля об исключении, чтобы упустить из виду все прочие гарантии свободы От начала до конца последнего парламента партия страны громко возмущалась продажностью его членов, суровые обличения взяточников возобновились и в настоящем парламенте Столь опасные для его репутации обвинения ста-

ли предметом специального расследования, но так и не были подтверждены сколько-нибудь серьезными доказательствами Сэр Стивен Фокс, казначей, признался палате, что девять ее членов получили в виде пенсий 3 400 фунтов, а после самого тщательного расследования, которое вел секретный комитет общин, удалось выяснить имена еще восьми пенсионеров Сверх того, ряду лиц было в разное время роздано или предоставлено взаймы около 12 000 фунтов Авторы той эпохи утверждают, что в вопросе о том, как именно следует использовать финансовые рычаги воздействия на парламент, Клиффорд и Денби держались противоположных правил Первый стремился привлечь на свою сторону вождей и ораторов палаты, полагая, что прочие коммонеры ничего по сути не решают, второй считал достаточным завоевать расположение большинства, из кого бы оно ни состояло Вероятно, обоим этим министрам недоставало скорее средств, нежели усердия

Раздача пенсий и взяток есть чрезвычайно опасная для государства практика, и хотя совершенно ее искоренить не так уж просто, всякий, кому дороги свобода и добрые нравы нации, может тщательно ее остерегаться и яростно бичевать, не страшась упреков в излишнем рвении Однако то влияние, которое обеспечивает короне ее право распоряжаться высокими должностями, гражданскими и церковными, а также удостаивать почестями, имеет иную природу Это орудие может стать в руках власти слишком могущественным, и все же от него нельзя полностью отказаться, не уничтожив тем самым монархию и более того — всякий порядок в управлении государством Но общины в то время относились к короне с таким недоверием, что внесли билль (прошедший два чтения) об исключении из нижней палаты всех ее членов, занимавших какие-либо доходные должности

Общины также объявили незаконными постоянную армию и королевскую гвардию — притязание, следует признать, неслыханное, однако необходимое для того, чтобы надежно защитить конституцию ограниченной монархии и обеспечить свободу подданных

БИЛЛЬ О HABEAS CORPUS[205)]

Произвольные аресты представляют собой злоупотребление, в той или иной степени имеющее место почти во всяком правлении, кроме британского, и если подобная опасность нам теперь совершенно не грозит, то этим мы обязаны главным образом настоящему парламенту — заслуга, отчасти искупившая то крайнее ожесточение и бессмысленное упрямство, которое его члены, ослепленные своими предрассудками, проявляли в других вопросах Великая хартия заложила основы этой важной гарантии свободы, Петиция о праве подтвердила ее и расширила, но чтобы сделать ее полной, отняв у министров и судей всякую возможность обхо-

дить закон или тянуть с его исполнением, требовалось включить в него ряд новых пунктов Этим целям и служил акт о habeas corpus, принятый на данной сессии Он запрещал отправлять кого-либо в тюрьму за пределами Англии Далее, ни один судья, под страхом суровых кар, не мог теперь отказать арестованному в приказе о habeas corpus, предписывавшем начальнику тюрьмы представить в суд «тело арестованного» (отсюда и название соответствующего распоряжения) для проверки законности его взятия под стражу и тюремного заключения Если тюрьму и суд разделяло не более двадцати миль, приказ о habeas corpus подлежал исполнению в течение трех дней, соответственно расстоянию срок этот увеличивался, обвинение арестованному суд должен был предъявить на первой же своей сессии после его заключения в тюрьму, а уже на следующей сессии приступить к рассмотрению его дела Наконец, ни один человек, освобожденный из-под стражи по приказу суда, уже не мог быть повторно арестован за тот же проступок Закон этот представляется необходимым для защиты свободы подданных в смешанной монархии, а поскольку другие формы правления не знают ничего подобного, то одно это обстоятельство побуждает нас ставить нашу нынешнюю конституцию выше всех прочих Следует, однако, признать, что при столь крайней степени свободы личности нелегко обеспечить полную безопасность государства и поддерживать в нем надлежащий порядок, особенно в больших городах Есть также причины думать, что ввиду скудости своих доходов и недостатка военных сил корона в ту эпоху все еще нуждалась для управления государством в некоторых дискреционных полномочиях

Высказывая столько ревности в деле защиты свободы, парламент в то же время упорно не желал хоть в чем-либо пойти навстречу короне Доходы короля, сильно уменьшившиеся вследствие антиципаций, были к тому же обременены большими долгами, срок сбора пошлин, утвержденных в 1669 и 1670 годах, приближался к концу, английский флот, по словам короля, пришел в полный упадок и являл собой жалкое зрелище Но бедственное положение короны не вызвало у общин ни малейшего участия, напротив, именно им палата главным образом и рассчитывала воспользоваться, чтобы провести билль об исключении, а также добиться отставки и наказания всех ненавистных ей министров Поэтому общины не спешили облегчить финансовые нужды короля, а его жалобы и затруднения лишь прибавляли им надменности Впрочем, подозрения насчет армии заставили палату выделить ту же сумму (206 000 фунтов), какую вотировал на ее расформирование прошлый парламент (Данное постановление, по причине последующих отсрочек и роспуска, а также возникших у лордов сомнений, так и не стало тогда законом) Расходование ассигнованных средств было расписано по пунктам с величайшей дотошностью, на сей раз, правда, общины уже не требовали, чтобы эти деньги поступили в торговую палату Лондона

С большой энергией велся процесс об импичменте пяти сидевших в Тауэре лордов-папистов и графа Денби Могущество этого министра вмес-

те с его влиянием на короля сделали его в высшей степени ненавистным для вождей партии страны, и теперь общины надеялись, что Денби, если поставить его в безвыходное положение, будет вынужден, чтобы обелить самого себя, открыть всю закулисную историю союза с Францией, заключавшую в себе, как они подозревали, некую страшную тайну. Со своей стороны, король, опасаясь тех же последствий и желая защитить своего министра, объявленного преступником лишь за то, что исполнял приказы монарха, употребил все свое влияние, чтобы уже дарованное графу помилование было признано законным. Лорды назначили день для рассмотрения данного вопроса и согласились выслушать доводы обеих сторон; но общины решительно воспротивились их претензиям на право обсуждать аргументы и участвовать в разборе дела. Они постановили, что всякого, кто осмелится без их дозволения заявить в палате лордов о законности помилования Денби, надлежит считать изменником свободам английских общин; а кроме того потребовали отстранить епископов (чья преданность двору была им хорошо известна) не только от участия в суде над графом, когда таковой начнется, но и от обсуждения вопроса о законности дарованного ему помилования.

До Реформации епископы всегда обладали правом заседать в парламенте, но в старину они вовсе не усматривали в нем высокой чести, а напротив, всячески стремились занять в государстве особое положение, дабы не зависеть от светских властей и не отвечать за свои действия ни перед кем, кроме папы и других лиц их собственного сана.[206] Правда, Кларендонские постановления, принятые в царствование Генриха II,[207] обязывали их являться на заседания парламента, но поскольку каноническое право запрещало им участвовать в тех процессах, где обвиняемому грозила смертная казнь, то в подобных случаях их от этой обязанности освобождали. Неприсутствие, поначалу добровольное, превратилось со временем в твердое правило, и когда судили графа Страффорда, епископам, которые уже не обязаны были подчиняться нормам канонического права и охотно приняли бы участие в процессе, пришлось тем не менее удалиться. Обычно они подавали протест, заявляя о своем законном праве разбирать в парламенте судебные дела, и этот протест, в котором видели простую формальность, всякий раз принимали к сведению и оставляли без последствий. Однако дело Денби породило новый спорный вопрос, притом весьма важный. Общины, которым ожесточение народа и безденежье короны предоставили теперь отличную возможность расширить собственные полномочия и привилегии, решительно утверждали, что у епископов ничуть не больше права подавать свой голос в вопросе о помиловании графа, чем в самом деле о его импичменте. Епископы же доказывали, что помилование было лишь предварительным, и что там, где речь идет о преступлениях, за которые полагается смертная казнь, ни каноническое право, ни парламентские обычаи никогда не требовали от них покидать палату до начала самого процесса. Если их неучастие в подобных процессах считать привилегией, т. е. освобождением от обязанности — а ведь

таким и было его истинное происхождение, — то, значит, им, епископам, и надлежит решать, в какой мере станут они этой привилегией пользоваться Если же видеть в нем ограничение их пэрских прав, то столь невыгодный для них обычай не следует распространять за пределы его первоначального действия; что же касается всех так называемых «доводов по аналогии», то едва ли они имеют здесь хоть какую-то силу.

ОТСРОЧКА И РОСПУСК ПАРЛАМЕНТА

Эти аргументы показались палате лордов столь убедительными, что она признала за епископами право голоса при решении вопроса о законности помилования Денби. Общины продолжали требовать их удаления, между палатами завязался горячий спор, и королю, не ожидавшему от этого парламента ничего, кроме яростных выпадов, явилась мысль воспользоваться столь удобным предлогом и прервать сессию отсрочкой. Находясь в подобном расположении духа, он получил внезапное известие. палата общин готовит ремонстрацию, чтобы очередными разглагольствованиями на свою излюбленную тему — заговор и папизм — еще сильнее разжечь гнев народа. Карл был глубоко встревожен и потому, даже не спросив мнения членов нового совета, суждениями коих он обещал руководствоваться в любых действиях, поспешил исполнить свое намерение (27 мая) и таким образом совершенно расстроил планы оппозиционеров. Смелый шаг короля привел партию недовольных в неописуемое бешенство. Шефтсбери не остановился перед угрозами, публично заявив, что человек, внушивший государю мысль об отсрочке, поплатится за это головой Вскоре, опять же без консультации с советом, парламент был распущен (10 июля) и назначены новые выборы. Король готов был испробовать все средства, лишь бы только смягчить своих подданных; в случае же неудачи, надеялся Карл, вся вина ляжет на тех, чья строптивость заставила его обратиться к крайним мерам

ПРОЦЕСС И КАЗНЬ ПЯТИ ИЕЗУИТОВ

Но даже после роспуска парламента не прекратились судебные расправы над католиками, обвиненными в заговоре, и король вынужден был уступить неистовой ярости народа. Первыми предстали перед судом провинциал иезуитов Уайтбред вместе с членами ордена Фенвиком, Гейвеном, Тернером и Херкортом. Помимо Отса и Бедло, против них выступил новый свидетель — Дагдейл. Этот человек служил управляющим у лорда Астона и, несмотря на свою бедность, имел репутацию несколько лучшую,

чем два других доносчика, однако его рассказ о замышлявшихся католиками убийствах и избиениях заключал в себе столь же чудовищные бредни Он даже заявил, будто в Англии готовы взяться за оружие ни много ни мало двести тысяч папистов С помощью шестнадцати свидетелей из Сент-Омера (тамошних семинаристов, по большей части молодых людей из благородных фамилий) подсудимые доказывали, что Отс находился в этой семинарии в то самое время, когда, по его собственному сделанному под присягой утверждению, он был в Лондоне, но так как все они были католики и вдобавок ученики иезуитов, то ни судьи, ни присяжные не обратили на их доводы ни малейшего внимания Мало того, их самих суд встретил грубыми насмешками и оскорблениями «Если я вправе верить показаниям моих чувств, — сказал один из семинаристов, — то Отс никогда не покидал Сент-Омер» — «Но ведь вас, папистов, учат не доверять собственным чувствам», — ответствовал ему главный судья Следует, впрочем, признать, что Отс, возражая ученикам сент-омерской семинарии, изловчился представить некие доказательства своего пребывания в Лондоне, как тогда думали, не лишенные убедительности, однако впоследствии, когда его самого судили за лжесвидетельство, обман обнаружили с полной ясностью Желая еще более дискредитировать этого свидетеля, иезуиты доказали с помощью неопровержимых документов, что он лгал под присягой на процессе отца Айрленда последний находился в Стаффордшире в то самое время, когда, согласно утверждениям Отса, он якобы строил изменнические планы в Лондоне Но все эти доводы оказывались бессильными против народных предрассудков Обвиняемые были приговорены к смерти и казнены, до последнего вздоха, торжественно, твердо и страстно, заявляли они о своей невиновности, но их никто не желал слушать

ПРОЦЕСС ЛЕНГХОРНА

Следующим судили Ленгхорна, видного юриста, который вел все дела у иезуитов Отс и Бедло заявили под присягой, что все папские указы о назначении католиков на высшие должности в Англии прошли через его руки Когда присяжные признали подсудимого виновным, публика выразила свирепый восторг шумными возгласами одобрения Народное бешенство достигло тогда такой степени, что свидетелей, собиравшихся выступить в защиту этого несчастного, разъяренная чернь едва не разорвала на части у здания суда Один из них был избит до полусмерти, другая же заявила, что осмелится давать показания только в том случае, если суд обеспечит ей личную безопасность Единственное, что могли обещать ей судьи, это покарать тех, кто причинит ей какой-либо вред, и подсудимый из великодушия сам отказался от ее услуг

ОПРАВДАНИЕ УЭЙКМЕНА

До сих пор доносчикам сопутствовал полный успех, и каждое их обвинение влекло за собой смертный приговор Первая неудача постигла их на процессе Уэйкмена, врача королевы, которому они приписывали намерение отравить короля Сильным доводом в пользу Уэйкмена служило то, что в первом своем доносе, сделанном перед Тайным советом, Отс обвинил его лишь с чужих слов, а на вопрос канцлера, имеет ли он сообщить на сей счет еще что-нибудь, ответил «Избави меня Боже сказать что-либо против сэра Джорджа, ибо ничего больше мне не известно» На самом же процессе он решительно заявлял о виновности подсудимого В пользу Уэйкмена говорило также много других обстоятельств, и все же главной причиной его оправдания была связь его дела с особой королевы, в виновность которой никто всерьез не верил даже в ту пору, когда антикатолические предубеждения эпохи были всего сильнее Важность процесса заставила англичан опомниться, и к нации начали постепенно возвращаться утраченные ею на время человечность и здравомыслие Даже главный судья, который до сих пор открыто благоволил к свидетелям обвинения, без конца вопил о заговоре и поносил подсудимых, теперь заметно смягчился, а его напутствие присяжным оказалось весьма благоприятным для обвиняемых Отс и Бедло имели наглость бросить ему в лицо грубые упреки и даже обвинили его перед Тайным советом в пристрастности, а вся партия недовольных, ранее восхвалявшая действия судьи, теперь люто его возненавидела Оправдание Уэйкмена стало чувствительным ударом для свирепых разоблачителей папистских козней и легло несмываемым пятном позора на репутацию доносчиков Однако сам Уэйкмен, выйдя на свободу, столкнулся с бешеной злобой и угрозами нового судебного преследования, а потому счел благоразумным покинуть Англию, те же, кто упрямо не желал отказываться от веры в существование заговора, истолковали его бегство как доказательство вины

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ШОТЛАНДИИ

Глубокое недовольство английского народа и крайняя строптивость парламента не остались незамеченными в Шотландии, внушив ковенантерам надежду, что тем жестоким притеснениям, от которых они так долго страдают, когда-нибудь настанет конец Многие полагали, что Лодердейл и его приспешники умышленно подталкивали этих несчастных к отчаянным шагам и всячески провоцировали мятеж, рассчитывая затем поживиться имуществом, конфискованным у осужденных бунтовщиков Но ковенантеры, зная об этих коварных планах, воздерживались от любых насильственных действий, и министру-деспоту до сих пор не удава-

лось осуществить свой замысел. Наконец произошло событие, повлекшее за собой восстание в Шотландии.

Бешеный гнев ковенантеров вызвал Шарп, примас, которого они считали отступником от их принципов и который успел показать себя безжалостным гонителем всех, кто не желал подчиняться государственной церкви. Под началом у него состоял некто Кармайкл, столь же усердно искоренявший тайные религиозные собрания и по причине своей жестокости сделавшийся в высшей степени ненавистным для фанатиков. Эти последние устроили на Кармайкла засаду на дороге близ Сент-Эндрюса (3 мая) с намерением если не убить его, то, по крайней мере, крепко намять ему бока, чтобы впредь он поостерегся слишком рьяно преследовать нонконформистов.[209] Поджидая свою жертву, они с изумлением увидели карету самого архиепископа и тотчас же истолковали это как данное им свыше откровение тайной воли Промысла, осудившего прелата. Когда же они заметили, что с Шарпом, по какой-то непостижимой случайности, нет почти никого из слуг, то у них уже не осталось сомнений в том, что сам Господь предает им в руки их заклятого врага. Не долго думая, фанатики напали на архиепископа, вытащили его из кареты, вырвали из рук дочери, со слезами молившей пощадить отца, и, нанеся ему множество ран, бросили мертвое тело на дороге, а сами мгновенно скрылись.

Это ужасное преступление послужило правительству удобным предлогом для того, чтобы обрушить еще более жестокие гонения на фанатиков, взвалив вину за содеянное несколькими рассвирепевшими безумцами на всех нонконформистов без разбора. Впрочем, нельзя отрицать, что убийство Шарпа вызвало в среде ковенантеров всеобщее ликование и что слепое рвение часто побуждало этих людей отзываться как о весьма похвальном деле об убийстве своих врагов, которых они считали врагами религии и всякого истинного благочестия, и даже открыто к нему призывать в своих книгах и проповедях. Со всех кафедр понеслись речи об Иаэле и Сисере, Иегуде и Эглоне.[208] Офицеры, командовавшие расквартированными в западных графствах частями, получили более строгие приказы на предмет выслеживания и разгона незаконных религиозных сборищ, и потому ковенантеры, которые прежде сходились малыми группами, вынуждены были теперь являться на свои богослужения многочисленными толпами и вдобавок брать с собой оружие для защиты. В Рутерглене, небольшом местечке близ Глазго, они выступили с открытой декларацией против прелатства, после чего сожгли на рыночной площади несколько актов парламента и Тайного совета, устанавливавших эту форму церковного управления и запрещавших тайные сходки сектантов. Для столь дерзкого оскорбления верховной власти они умышленно избрали день 29 мая, годовщину Реставрации, предварительно погасив праздничные костры, разожженные в честь этого торжества.

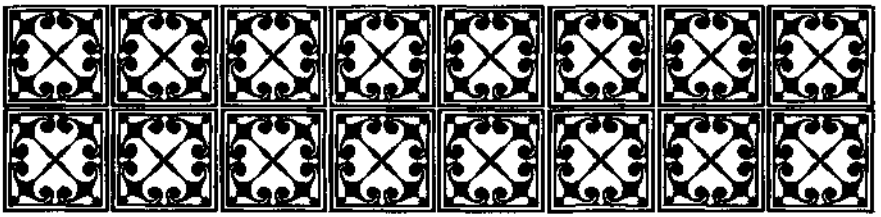
Капитан Грэхем (впоследствии виконт Данди),[209] офицер смелый и энергичный, атаковал на Лаудон-хилле многочисленное собрание сектантов, но был отбит с потерей в тридцать человек. Сами же ковенантеры,

видя, в сколь тяжкое преступление вовлекла их безрассудная опрометчивость, решили идти до конца и, полагаясь единственно на удачу и собственное мужество, добиваться амнистии, получить которую иным путем, ввиду крайней суровости правительства, у них не осталось уже ни малейших надежд Мятежники двинулись на Глазго, поначалу были отражены, но затем овладели городом, изгнали англиканское духовенство и обнародовали несколько прокламаций, в коих объявлялось, что они ведут борьбу против главенства короля над церковью, против папизма и прелатства, а также против наследника-паписта

БИТВА НА БОСУЭЛЬСКОМ МОСТУ

Каким бы случайным ни казалось обстоятельство, вызвавшее это восстание, есть причины подозревать, что некие знатные особы, действуя в сговоре с вождями партии страны в Англии, тайно подстрекали ковенантеров к крайним мерам[210] в расчете на то, что они повлекут за собой те же последствия, которыми обернулись шотландские беспорядки сорокалетней давности Опасаясь подобного развития событий, король тотчас же отправил в Шотландию Монмаута с небольшим отрядом английской кавалерии Герцог присоединил к нему части шотландской гвардии, а также несколько полков милиции, набранной в лояльных графствах, после чего стремительно двинулся навстречу мятежникам Те расположились у Босуэл-касла, между Гамильтоном и Глазго, и подойти к ним можно было лишь через мост, на котором даже небольшой отряд способен был отразить натиск всей королевской армии Ковенантеры весьма умело выбрали позицию, однако в последующих своих действиях ни ума, ни мужества не проявили Знать не присоединилась к повстанцам, из джентри за ними пошли немногие, так что их воинством (общая численность коего не превышала восьми тысяч человек) командовали по существу священники 22 июня Монмаут атаковал мост, защищавший его отряд мятежников, пока было чем стрелять, держался стойко Когда же боеприпасы кончились, то на просьбу прислать новые им ответили приказом оставить позиции и отступить Этот безрассудный шаг стал причиной быстрого разгрома ковенантеров Не встречая сопротивления, Монмаут перешел через мост и выстроил свои войска Чтобы обратить стоявшего перед ним неприятеля в беспорядочное бегство, герцогу потребовалось лишь открыть огонь из орудий «Сражения» в настоящем смысле слова здесь не было, и около семисот повстанцев погибло во время преследования Еще тысяча двести попали в плен, причем Монмаут проявил по отношению к ним такую гуманность, какую их собственные соотечественники не проявляли в подобных обстоятельствах никогда Тех, кто пообещал впредь жить мирно, отпустили Около трехсот упрямцев, не пожелавших принять столь мягкие условия, были отправлены на Барбадос, но, к несчастью, погибли

в пути; два священника были повешены. Человек великодушный по натуре, Монмаут к тому же добивался в Шотландии популярности, и король хотел поручить ему управление этим королевством. Он был женат на одной шотландской леди, наследнице знатной фамилии, состоявшей в родстве со всеми главнейшими аристократическими семействами. Между тем Лодердейл дряхлел на глазах, память его слабела, прочие способности также угасали, и он начал терять то влияние на короля, которое сохранял на протяжении стольких лет, несмотря на все усилия многочисленных врагов как в Англии, так и в Шотландии, и великое множество лежавших на его совести жестоких и деспотических деяний. Впрочем, даже теперь ему достало влияния, чтобы извратить все благие и разумные планы, которые, либо по собственному почину, либо по совету Монмаута, составил в отношении Шотландии король. Вышел акт об амнистии, однако стараниями Лодердейла он был сформулирован таким образом, чтобы служить защитой скорее ему самому и его приспешникам, а отнюдь не несчастным ковенантерам. Король велел оставить в покое участников недозволенных религиозных собраний, но Лодердейл находил способы под разными предлогами уклоняться от исполнения этого приказа. И все же следует отметить в похвалу Лодердейлу, что, главным образом по его совету, в Шотландию были незамедлительно посланы войска, а Монмаут быстро получил необходимые распоряжения. Именно это и позволило разрушить все расчеты английских оппозиционеров, которые, видя господствовавшие в обоих королевствах настроения, связывали огромные надежды с успехом восстания в Шотландии.



Глава IX (XXIV)

Положение партий. — Положение правительства — Мучной заговор — Виги и тори — Новый парламент — Неистовство общин — Билль об исключении — Доводы в пользу и против исключения — Билль об исключении отклонен — Процесс Стаффорда — Казнь Стаффорда Ожесточение общин — Роспуск парламента. 1681 — Новый парламент в Оксфорде — Дело Фицгарриса — Роспуск парламента. — Победа роялистов

ПОЛОЖЕНИЕ ПАРТИЙ

Вначале, убедившись, что вся нация поверила в существование папистского заговора и требует наказания виновных, король нашел нужным ради собственной безопасности во всех публичных речах и действиях делать вид, будто с полной верой принимает эту вздорную басню и искренне одобряет судебные процессы, эта уловка и спасла его от яростного и неудержимого потока народных предрассудков Когда же время, размышление, а также казнь мнимых заговорщиков несколько умерили всеобщее бешенство, он получил возможность сплотить вокруг себя весьма влиятельную партию, преданную интересам короны и полную решимости дать отпор притязаниям оппозиции

При любом смешанном правлении, подобном английскому, нация в своем большинстве неизменно стремится сохранить в целости все государственное устройство, однако по причине несходства человеческих предрассудков, интересов и склонностей одни всякий раз готовы с большим пылом защищать монархическую часть системы правления, другие же — ту, в которой главная роль принадлежит народу После Реставрации король пытался устранить различия между партиями и выбирал министров из числа людей самых разных взглядов, но как только он утратил популярность и стал вызывать всеобщее недоверие, то стал усердно обхаживать старую партию кавалеров, обещая в полной мере вознаградить их за то пренебрежение, на которое жаловались они прежде В нынешней крайности их поддержка сделалась для Карла еще более необходимой, с

другой стороны, многие обстоятельства побуждали в тот момент их самих, не теряя времени, оказать помощь короне и выступить на защиту королевской фамилии.

Для партии, твердо приверженной монархии, вполне естественно с особой ревностью оберегать законное право престолонаследия, ибо только оно, по ее убеждению, способно обеспечить устойчивость существующей системы правления и послужить надежным оплотом против любых посягательств со стороны народных собраний. План лишить герцога права на престол, с которым выступали теперь совершенно открыто, казался этой партии опасным новшеством, а замысел возвести на трон Монмаута, который вынашивали тайно, заставлял ее страшиться того, что бедствиям, порожденным борьбой за корону, коль скоро таковая начнется, уже не будет конца. Пылкие ревнители свободы доказывали, что король, чьи права на престол зависят от парламента, станет, разумеется, более внимательным к интересам или, по крайней мере, к настроениям своего народа; тогда как страстные поклонники монархии считали любую подобную зависимость унижением для королевской власти и громадным шагом к установлению в Англии республики.

Ясно, что союз с политическими роялистами значительно усилил короля, однако не менее важные преимущества доставила ему поддержка государственной церкви, которой сумел он в это время добиться своими ловкими действиями. Карл указывал церковникам на то, как много пресвитериан и иных сектантов примкнуло к партии страны, каким покровительством и поощрением они теперь пользуются, какой шум поднимают по поводу угрозы папизма и тирании. В итоге он сумел внушить англиканскому духовенству и его сторонникам тревожную мысль, что на свет вновь извлечен старый план уничтожения монархии, а с нею и епископата, и что их ожидают те же бедствия и притеснения, от которых они так долго страдали в годы гражданских войн и узурпаций.

Память о тех мрачных временах заставила принять сторону короны также и многих беспристрастных людей, ранее занимавших нейтральные позиции, а теперь страшившихся того, что пламенный энтузиазм свободы сольется с религиозным фанатизмом и в королевстве вспыхнет новая гражданская война. В самом деле, если бы король не обладал, как и прежде, прерогативой роспуска парламента, то можно было бы всерьез опасаться возобновления всех притязаний, насилий и бесчинств, которые некогда ввергли страну в ужасную смуту. Теперь, казалось, все повторяется с удивительной точностью, однако люди проницательного ума могли заметить, как в духе партий, так и в характере государей, весьма существенное различие, которое в конечном счете и позволило Карлу, хотя и подвергнув опасности свободу, сохранить в государстве мир.

Вопли против папизма звучали весьма громко, однако теми, кто эту ярость разжигал, и даже теми, кто кричал с чужого голоса, двигало в большей мере рвение партийное, а не собственно религиозное. Дух религиозного исступления успел породить столько зла, а с другой стороны, борьба

с ним оказалась столь успешной, что никакие хитрости и уловки не способны были его воскресить и поддержать. Ханжество фанатиков подверглось жестокому осмеянию, лицемерие святош никого уже не обманывало, требования продолжить Реформацию, равно как и претензии на особую чистоту нравов, стали внушать подозрения; и нынешние патриоты, не желая величать себя партией **божьих праведников** — название, весьма популярное в начале гражданских войн, — скромно довольствовались именем партии людей **порядочных и благонамеренных**,[211] из чего можно было с уверенностью предсказать, что действия их не окажутся столь неистовыми, а притязания столь непомерными.

Что же касается короля, то хотя он и не унаследовал строгой честности и твердых принципов своего отца, ему в гораздо большей степени были свойственны такие счастливые качества, как приятная легкость нрава и подкупающая любезность обхождения. Чуждый холодной надменности и сухой чопорности, король не имел в своем характере ни малейшей крупицы тщеславия или гордыни[212] и, будучи человеком на редкость благовоспитанным и учтивым, обращался с подданными не как с вассалами или мужланами, но как с пэрами, джентльменами и фрименами. Заверения его казались искренними, манеры неизменно обворожительными, а потому сердца подданных он завоевывал даже тогда, когда проигрывал в их мнении, и нередко добивался того, что симпатия англичан к его особе брала верх над разумным суждением о происходящем.[213] И хотя на поприще государственном король и пускался порой в предприятия, опасные для свободы и религии народа, он никогда не упорствовал и не шел напролом, но всякий раз возвращался на тот путь, который указывало ему общее мнение нации. А потому многим казалось жестоким и даже несправедливым судить слишком строго о слабостях государя, который с такой готовностью исправлял собственные ошибки и с такой снисходительностью прощал тех, кто чем-либо погрешил против него самого.

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Всеобщая любовь к королю проявилась в это время самым замечательным образом. Карл заболел в Виндзоре, несколько сильнейших приступов лихорадки заставили думать, что его жизнь в опасности. Людей всякого звания охватил ужас, дурные предчувствия по поводу наследника усиливали мучительную тревогу. При тогдашнем состоянии умов смерть короля, если воспользоваться словами сэра Уильяма Темпла,[214] показалась бы концом света. Англичане опасались, что недовольные тотчас же обратятся к крайним мерам и разожгут в королевстве пламя гражданской войны, причем и полная их победа, и полное поражение, и даже равновесие сил противников казались одинаково пагубным для страны исходом. А потому главные советники короля, Эссекс, Галифакс и Сандерленд, на-

ходившиеся во враждебных отношениях с Шефтсбери и партией страны, уговорили Карла тайно вызвать герцога, чтобы в случае какого-либо несчастья он готов был защитить свои права на престол от более чем вероятных покушений оппозиции. Прибыв в Англию (2 сентября), герцог нашел брата вне опасности, и полученное им приглашение решено было скрыть. Тем не менее эта поездка повлекла за собой важные последствия. Яков убедил короля подвергнуть опале Монмаута, чьи замыслы перестали теперь быть тайной, отнять у него начальство над армией и выслать из страны. Сам же герцог вернулся в Брюссель, но пробыл там недолго. С дозволения короля он отправился в Шотландию, якобы для того чтобы рассеять страхи англичан, на самом же деле — с целью обеспечить себе поддержку этого королевства.

Хотя Эссекс и Галифакс содействовали принятию решения вызвать в Англию герцога, вскоре они обнаружили, что завоевать его доверие им так и не удалось и что даже король, пользуясь их услугами на поприще государственном, к ним самим относится без особого уважения. Возмущенный Эссекс сложил с себя обязанности лорда-казначея, Галифакс удалился в свое поместье, Темпл, потеряв всякую надежду на примирение столь яростно враждующих партий, почти полностью отошел от дел ради своих книг и садов. Король, менявший министров с таким же легкомысленным безразличием, как и собственную политику, облек теперь своим доверием главным образом Сандерленда, Годольфина и Гайда. Последний стал преемником Эссекса на посту лорда-казначея.

Все министры, как и сам король, были совершенно не расположены встречаться с новым парламентом, в котором ожидали найти ничуть не меньше строптивости, чем в любом из предшествовавших. Почти всюду выборы принесли успех партии страны. Страх перед папистским заговором по-прежнему оказывал могущественное воздействие на толпу; католическое рвение и властный нрав герцога внушали серьезные опасения людям разумным и здравомыслящим. А потому король решил отсрочить созыв новоизбранного парламента, в надежде что время успокоит всеобщую тревогу, которую до сих пор он тщетно пытался рассеять другими средствами. Рассчитывать на то, что подобную меру одобрит Тайный совет, королю не приходилось. Карл понимал, что введенные им в состав последнего вожди партии страны станут яростно возражать против решения, грозившего расстроить все их планы, а роялисты не осмелятся его поддержать, ибо не захотят навлечь на себя месть парламента, когда тот наконец соберется. Указанные причины побудили короля действовать исключительно собственной властью, и он лишь объявил о своем решении в совете. Стоит отметить, что хотя король обещал ничего не предпринимать без консультации с советниками, он часто нарушал свое слово и в делах первостепенной важности вынужден был идти наперекор их мнению. Возмущенные действиями Карла, многие из них подали около этого времени в отставку. Так поступил и лорд Рассел, который благодаря своей пылкой приверженности религии и свободам нации, а также мягкому

нраву и безукоризненной честности был тогда самым популярным человеком в Англии. Увлекаясь, он заходил порой слишком далеко, однако чистота его намерений никогда не подвергалась сомнению, а так как Рассел являлся наследником крупнейшего состояния в королевстве и не имел никаких личных амбиций, то англичане полагали, что одна лишь крайняя необходимость может подтолкнуть его к каким-либо отчаянным шагам. Шефтсбери, имевшего во многих отношениях прямо противоположную репутацию, король отстранил от должности председателя Тайного совета, назначив вместо него графа Раднора, человека желчного нрава и капризного ума.

МУЧНОЙ ЗАГОВОР

Слухи о заговорах распространялись главным образом благодаря потворству и поощрению со стороны парламента, однако народ уже выказал такую готовность верить любым выдумкам, а успех Отса и Бедло так сильно вдохновлял всех оказавшихся в нужде негодяев, что даже во время отсрочки парламента англичан в покое не оставили.

Жил тогда некто по фамилии Денджерфилд. Этот тип уже успел отличиться: ему выжигали на руке клеймо, его высылали в колонии, били кнутом, четырежды выставляли к позорному столбу, штрафовали за мошенничество, объявляли вне закона как уголовника, осуждали как фальшивомонетчика, подвергали публично всем бесчестящим карам, какие только предусматривает закон за самые гнусные и чудовищные преступления. Но даже такому человеку тогдашние настроения и крайнее легковерие народа позволили стать весьма важной персоной. Денджерфилд придумал новый заговор, получивший название **мучного**, так как относящиеся к нему бумаги были якобы найдены в мешке с мукой. Разобраться в этой истории до конца не так уж просто, да в том и нет большой нужды. Известно лишь, что, пообещав выдать тайные козни пресвитериан, он добился покровительства некоторых знатных католиков и даже был допущен к особам герцога и короля, а посулив раскрыть новый заговор папистов, получил доступ к Шефтсбери и другим вождям партии страны. Какую из сторон — или, может быть, обе сразу — он намеревался обмануть, неясно; вскоре, однако, Денджерфилд сообразил, что в папистский заговор народ поверит с большей охотой, нежели в пресвитерианский, и потому рассудил за благо потрафить господствующим предубеждениям. Хотя его показания нельзя было принимать всерьез, оппозиция подняла страшный шум, утверждая, будто двор замышлял, в качестве ответного удара, ложно обвинить пресвитериан в заговоре. Следует признать, что эта эпоха, когда все без исключения партии обращались к столь низким и бесчестным уловкам и подозревали в них друг друга, есть позорное пятно в анналах британской истории.

Одной из самых невинных хитростей, к коим прибегали в ту пору враждующие партии, явилось торжественное сожжение в Лондоне чучела папы (17 ноября), обставленное с необыкновенной пышностью и стоившее немалых расходов; зрелище сие должно было развлечь, позабавить и еще сильнее возбудить толпу. Тогда же в Англию самовольно вернулся герцог Монмаут; осыпаемый бурными знаками любви восхищенного народа, он с триумфом проследовал через многие графства. Все эти уловки казались необходимыми для того, чтобы поддержать всеобщие предрассудки в долгий промежуток времени между сессиями парламента. Чтобы вырвать у короля согласие на созыв означенного собрания, прилагались самые энергичные усилия. Семнадцать пэров подали петицию на сей счет, многие городские корпорации последовали их примеру. Несмотря на явные знаки неудовольствия монарха и на изданную им суровую прокламацию, петиции с настойчивыми требованиями открыть заседания парламента шли отовсюду, причем составители их никогда не забывали упомянуть об угрозе папизма и об ужасных замыслах заговорщиков.

ВИГИ И ТОРИ

Подача петиций, сопровождавшаяся бурными сценами, была одним из главных приемов, которыми в прошлое царствование так ловко пользовалась оппозиция в своих нападениях на корону; и хотя теперь порядок сбора подписей под петициями и их вручения до известной степени регулировался актом парламента, сама эта практика не вышла из употребления и по-прежнему служила отличным способом изводить двор, сеять недовольство и объединять возбужденную нацию под какими угодно лозунгами. Не находя закона, на основании которого он мог бы наказать за эти назойливые и, по его мнению, несовместимые с верноподданническим долгом домогательства, король вынужден был противопоставить им народные обращения в совершенно ином духе. Всюду, где брала верх партия церкви и двора, составлялись адреса, в коих выражались глубочайшее уважение к особе Его Величества, полное согласие с приговорами его мудрости, безусловная верноподданническая покорность его прерогативе и бурное **негодование** против тех, кто дерзко на нее покушается, предписывая королю сроки созыва парламента. Нация таким образом раскололась на **петиционеров** и **негодующих**. Партийная вражда достигла в это время крайнего ожесточения. Самые имена, коими каждая из партий наградила свою соперницу, ясно показывают их взаимную ненависть и злобу. Ведь кроме **петиционеров** и **негодующих**, названий вскоре забытых, в том же году появились ставшие впоследствии столь знаменитыми прозвища **ВИГ** и **ТОРИ**, которые уже давно разделяют наш остров на два лагеря, хотя какие-либо существенные различия между ними можно заметить далеко не всегда. Партия двора попрекала своих противников

близостью к шотландским фанатикам-пресвитерианам, известным под именем **вигов**, партия же страны находила сходство между приверженцами двора и ирландскими бандитами-папистами, за которыми утвердилось наименование **тори** Так эти нелепые оскорбительные клички вошли во всеобщее и публичное употребление, и теперь они, по-видимому, имеют даже больший успех, чем в ту эпоху, когда их изобрели

Король между тем пускал в ход все средства, чтобы ободрить своих сторонников и вернуть симпатии народа Он по-прежнему усердно изображал великое рвение против папизма и даже дал согласие на казнь нескольких католических священников, единственным преступлением коих было то, что они приняли духовный сан в римской церкви Любопытно, что одному из них, Эвансу, приказ о немедленном приведении приговора в исполнение объявили в тот момент, когда он играл в теннис «Нет уж, — воскликнул Эванс, — прежде я доиграю партию!» Преследуя ту же цель — добиться популярности, — Карл заключил союз с Испанией и предложил союз Голландии, однако голландцы, устрашенные громадной мощью Франции и не рассчитывавшие всерьез на Англию — страну, охваченную столь яростной смутой, это предложение отклонили Карл вызвал из Шотландии герцога, но с приближением открытия парламента попросил его вновь туда вернуться

В условиях, когда созыв парламента зависел от воли короля, для партии страны было чрезвычайно важно держаться в строгих рамках постоянно действующих законов В обязанности лондонских шерифов входит определять состав присяжных, обычно одного из кандидатов на должность шерифа выдвигал лорд-мэр, поднимая тост за предложенного им человека, и городской совет всегда утверждал его без возражений На сей раз лорд-мэр, сэр Роберт Клейдон,[210] выставил кандидатуру, неугодную партии страны, и городской совет ее отверг Большинством голосов избраны были Бетел и Корниш, два индепендента-республиканца, иначе говоря, люди, теснейшим образом связанные с оппозицией Несмотря на все протесты и увещания, граждане Сити упорно стояли на своем, и партии двора пришлось уступить

Впрочем, решения лондонских присяжных не всегда обнаруживали полную предвзятость, а потому разум и справедливость порой брали верх даже там, где речь шла о папистском заговоре Так, около этого времени (23 июня) был оправдан граф Кастлмейн,[211] муж герцогини Кливленд, хотя Отс и Денджерфилд обвинили его ни более ни менее как в намерении убить короля Такой же вердикт присяжные вынесли сэру Томасу Гаскойну, престарелому джентльмену из северной Англии, которого обвинили двое слуг, уволенных им за бесчестные поступки Названные процессы сильно поколебали веру в заговор в умах большинства англичан, кроме разве что самых ярых приверженцев партии страны А потому, желая поддержать рвение против папизма, граф Шефтсбери, сопровождаемый графом Хантингдоном,[212] лордом Расселом, лордом Кавендишем, лордом Греем, лордом Брандоном,[213] сэром Генри Кеверли, сэром Гилбертом Дже-

рардом, сэром Уильямом Купером и другими знатными особами, явился в Вестминстер-холл и представил большому жюри графства Миддлсекс доводы в пользу предания герцога Йоркского суду как рекузанта-паписта. В тот момент, когда присяжные обсуждали это поразительное требование, главный судья призвал их к себе, после чего совершенно неожиданно и, кажется, не вполне законно их распустил. Шефтсбери, однако, вполне достиг цели, ради которой он и предпринял этот дерзкий шаг: граф показал свою отчаянную решимость идти до конца, дав понять всем своим сторонникам, что ни о каком примирении между ним и герцогом не может быть и речи. Столь смелый поступок внушил им полную уверенность в том, что Шефтсбери никогда не изменит их общему делу, и теперь они готовы были с непоколебимой твердостью и упорством поддержать любые предложенные им меры.

НОВЫЙ ПАРЛАМЕНТ

Поскольку Англия четко и открыто разделилась на две исполненные величайшего рвения партии, то королю нетрудно было понять, что большинство в новой палате общин составят убежденные противники двора; однако, желая испытать все средства, которые могли бы положить конец пагубным раздорам его подданных, он после долгого промедления все же решился созвать парламент (21 октября). В своей речи к палатам Карл заявил, что объявленные им отсрочки оказались весьма выгодными для его соседей и чрезвычайно полезными для него самого; что перерыв этот он употребил для окончательного заключения союза с испанской короной, которого неоднократно требовали прежние парламенты и который, как он убежден, встретит полное одобрение нынешнего; что, дабы указанная мера возымела должное действие и принесла великую пользу англичанам, надлежит избегать любых внутренних раздоров и в единстве помыслов твердо сплотиться ради общего дела; что сам он полон решимости сделать все возможное для достижения столь благой цели и одобрит любые шаги в защиту протестантской религии — при условии, что законный порядок престолонаследия не будет нарушен; что для обеспечения безопасности короля и королевства следует продолжить расследование папистского заговора, сурово наказывая всех виновных. Затем король указал парламенту на необходимость позаботиться о защите Танжера, отпустив для этих целей некоторую сумму, после чего продолжал так: «Но выше всех богатств мира сего я ценю полное согласие между нами, которое, я убежден, доставит нам бóльшую славу и силу, чем это могут сделать любые богатства. Ибо ничто другое не способно возвратить королевству могущество и энергию, ныне, по-видимому, утраченные, и вернуть нам то высокое уважение, коим Англия пользовалась во все времена. Вся Европа обратила свои взоры к вашему собранию в убеждении, что не только

наши, но и ее судьбы, счастливые или горестные, зависят теперь от него И если мы в злосчастных своих несогласиях зайдем так далеко, что полагаться на нашу дружбу станет опасно, то не будет ничего удивительного, если соседи наши изберут иной образ действий, который, быть может, окажется пагубным для нас А потому нам следует всячески остерегаться любых несвоевременных споров, способных обрадовать наших врагов и обескуражить друзей Если же нечто подобное произойдет, то вину за это никто не возложит на меня, ибо я делаю все возможное, чтобы сохранить в стране мир при моей жизни и удержать вас от раздоров после моей смерти Но великое ваше благоразумие и искренняя любовь избавляют меня от любых опасений на сей счет, а потому я твердо надеюсь, что каждый из вас потщится сделать все, дабы настоящий парламент принес добрые и полезные плоды»

НЕИСТОВСТВО ОБЩИН

Все эти примирительные речи не произвели на палату общин ни малейшего впечатления Каждый последующий ее шаг ясно показывал, каким бешеным рвением была она тогда охвачена Общины постановили, что подданные обладают бесспорным правом подавать королю петиции о созыве и открытии парламента Не удовлетворившись этим решением применительно к смешанной монархии, кажется, вполне оправданным, они с величайшей яростью обрушились на «негодующих», которые в своих обращениях к короне сурово осуждали подобные петиции Коммонеры не подумали о том, что одна группа людей имеет столь же законные основания высказывать свое мнение о государственных делах, как и любая другая, и что самые общепризнанные права могут в исключительных обстоятельствах стать предметом злоупотреблений и даже простое их осуществление способно вызвать бурные протесты За этот «проступок» из палаты был исключен сэр Томас Уитенс Общины назначили комитет для дальнейшего расследования действий членов, повинных в том же преступлении, обвинения на сей счет были выдвинуты против лорда Пастона, сэра Роберта Малверера, сэра Брайена Степлтона, Тейлора и Тернера Затем они обратились к королю с требованием покарать за участие в петициях «негодующих» сэра Джорджа Джеффриса, лондонского мирового судью, запуганный палатой, он сам отказался от своей должности, на которой его сменил сэр Джордж Треби, один из главных вождей партии страны Общины постановили начать дело об импичменте Норта, главного судьи Общих тяжб, как автора прокламации против беспорядков, коими сопровождалась кампания петиций, но при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что эта прокламация, составленная в чрезвычайно осторожных выражениях, не дает никаких оснований для судебного преследования Несколько ранее королю была подана петиция от города Таунтона «Как

вы смеете (dare) вручать мне подобную бумагу!» — воскликнул Карл. «Ваше Величество, — отвечал человек, ее доставивший, — моя фамилия Дэр (Dare)» За этот дерзкий ответ (хотя и под другим предлогом) его судили, приговорили к штрафу и бросили в тюрьму Теперь же общины обратились к королю с ходатайством об освобождении заключенного и о снятии с него штрафа Палата взяла также под свою защиту нескольких авторов и издателей клеветнических памфлетов

По приказу общин множество «негодующих» по всей Англии было взято под стражу Неприкосновенность личности подданных, которую так тщательно оградили Великая хартия и недавний закон о habeas corpus, теперь каждый день нарушалась произвольными арестами по прихоти палаты Здесь, правда, следует заметить, что наибольшую бдительность (и это вполне естественно и разумно) английская конституция проявляет по отношению к короне, к тому же у общин нет другого средства надежно защитить собственные привилегии, кроме арестов, которые, поскольку основания для них не могут быть наперед с точностью определены законом, всегда кажутся до известной степени произвольными Сознавая это, народ до сих пор без ропота взирал на осуществление палатой общин этой дискреционной власти, но так как теперь ею стали пользоваться с крайней, ничем не оправданной суровостью и открыто злоупотреблять в угоду партийным интересам, то всю страну охватило глубокое недовольство Мужество и твердость одного из «негодующих» некоего Стоуэлла из Эксетера, положили конец этой возмутительной практике Он не пожелал подчиниться парламентскому приставу, оказал ему сопротивление и заявил, что ему, Стоуэллу, неведомо, на основании какого закона его хотят подвергнуть аресту Палата же, находя одинаково рискованным как упорно стоять на своем, так и идти на попятный, предпочла прибегнуть к уловке и включила в свое постановление пункт о том, что Стоуэлл-де болен и что для поправления здоровья ему предоставляется месячный срок

Однако с наибольшей силой ожесточение общин проявилось во всех шагах, предпринятых ими в связи с папистским заговором, в расследовании коего они проявили столько же рвения и легковерия, как и их предшественники Палата возобновила постановление прошлого парламента, где утверждалось, что папистский заговор есть истинная правда, а чтобы еще сильнее застращать народ, заявила даже, что, несмотря на все разоблачения, заговор этот по-прежнему существует Она исключила из своей среды сэра Роберта Кана и сэра Роберта Йоменса те будто бы говорили, что никакого папистского заговора нет и в помине, а есть заговор пресвитерианский Она горько сокрушалась о смерти Бедло, которого называла важным свидетелем и на чьи показания возлагала большие надежды Заболев в Бристоле лихорадкой, Бедло послал за главным судьей Нортом, подтвердил все свои прежние показания, кроме тех, которые касались герцога и королевы, и, пожаловавшись на свою великую нужду, попросил Норта исходатайствовать у короля денежное пособие Через несколько дней он испустил дух, и вся партия страны, узнав об обстоятельствах его кончи-

ны, возликовала — как будто подобные показания можно было счесть заявлением умирающего; как будто признание лжесвидетельства в одних случаях служило гарантией его правдивости во всех остальных; и как будто упрямые утверждения одного негодяя могли перевесить сказанное перед смертью столькими людьми, ни в каких иных преступлениях, кроме приверженности папизму, не повинными.

Даже такому человеку, как Денджерфилд, общины оказывали покровительство и поддержку, всячески пытаясь обелить его безнадежно испорченную репутацию и вернуть ему право выступать в качестве свидетеля. Они приветствовали, поощряли, награждали гнусное отродье доносчиков. Так, в палату были приглашены Дженнисон, Турбервиль, Дагдейл, Смит и Лафариа; и их показания, совершенно вздорные и нелепые, встретили благосклонный прием. Короля просили даровать этим особам помилование и даже назначить пенсии, а их россказни, так пришедшиеся по вкусу палате, разрешено было напечатать. Д-ра Тонга рекомендовали на первую же высокую должность в церкви, которая станет вакантной. Одним словом, вместо того чтобы изумляться бесстыдству свидетелей, утверждавших явную ложь, англичане обнаруживали полную готовность верить любым выдумкам; приняв это в расчет, мы вправе удивиться тому, что против католиков не были представлены еще более «сильные» доказательства.

БИЛЛЬ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ

Главными причинами, поддерживавшими весь этот шум вокруг папистского заговора, были мрачные опасения за будущее, которые внушал англичанам герцог Йоркский, а также твердая решимость народных вождей лишить его прав на престол. Шефтсбери и многие влиятельные особы из партии страны уже отрезали себе все пути к примирению с Яковом и теперь, лишь погубив его, могли они спасти себя. Приверженцы Монмаута надеялись, что отстранение герцога расчистит дорогу для их патрона. Возмущение вероотступничеством герцога, любовь к свободе, религиозный пыл, бурные партийные страсти — все эти мотивы оказывали сильнейшее действие на оппозицию. Но всего более ее решимость добиваться исключения Якова из престолонаследия, отвергая любые другие, не столь крайние средства, укрепляла искусно поощряемая вождями партии надежда на то, что в конце концов король вынужден будет уступить ее требованиям. В самом деле, доходы Карла были обременены огромными долгами, но даже без этих долгов их едва ли хватило бы для покрытия необходимых правительственных расходов, а уж тем более для удовлетворения его собственной склонности к расточительным удовольствиям. Хотя Карл и лишил Монмаута своего открытого благоволения, все знали, что в глубине души он по-прежнему питает к сыну самые нежные чувства. Он ни-

когда не проявлял твердости и упорства, сталкиваясь с трудностями или назойливыми домогательствами Герцогиня Портсмут, более прочих любовниц милая сердцу короля, то ли из корыстных видов, то ли в надежде возвести на престол собственных детей, примкнула к партии страны, считалось, что данное обстоятельство также предвещает конечный успех оппозиции Государственный секретарь Сандерленд, связавший свои интересы с интересами герцогини, действовал в том же духе

Однако помимо дружеских чувств к брату и уважения к праву престолонаследия, существовало много других важных причин, заставлявших Карла решительно противиться планам отстранения Якова Все без исключения роялисты и ревностные приверженцы англиканской церкви — т е партия, составлявшая тогда единственную опору монархии, — считали право престолонаследия священным, и если бы король покинул их в столь важном вопросе, то следовало бы опасаться, что и они, в свою очередь, изменят делу короля, оставив его совершенно беззащитным перед дерзкими притязаниями и беззаконными посягательствами партии страны Партия же страны (или партия вигов, как ее стали называть) если и не сохраняла известные остатки республиканских симпатий, то, во всяком случае, с величайшей подозрительностью относилась к монаршей власти, а значит, у Карла были столь же веские причины страшиться, что если виги добьются своего теперь, то, раздраженные сопротивлением и окрыленные успехом, они возымеют желание и получат возможность ограничить прерогативу чрезвычайно узкими рамками Чтобы поколебать твердость короля, вновь были пущены в ход все мыслимые угрозы и обещания, но тщетно бросать своих друзей и отдаваться в руки врагов он не желал Добровольно делая столь важные уступки, предлагая раз за разом столь существенные ограничения полномочий наследника-паписта, Карл не без удовольствия наблюдал, как все его авансы отвергаются упрямой палатой, и надеялся, что после того как дух возмущения и недовольства сам себя истощит в бесплодной ярости, неизбежно наступит такой момент, когда он, король, сможет без всяких опасений обратиться к народу и найти в нем союзника против парламента

Народные вожди были исполнены такой решимости идти до конца, что менее чем через неделю после начала сессии прозвучало предложение внести билль об исключении и для его подготовки был назначен специальный комитет Новый билль ничем не отличался от прежнего, если не считать двух статей, ясно показывавших возросшую непримиримость общин дважды в год его предполагалось оглашать во всех церквах королевства, а всякий, кто осмелился бы поддержать претензии герцога на престол, мог быть помилован лишь особым актом парламента

В разгоревшихся затем дебатах обе стороны выказали крайнее ожесточение В поддержку билля выступили сэр Уильям Джонс, подавший к этому времени в отставку с должности генерального атторнея, лорд Рассел, сэр Фрэнсис Уиннингтон, сэр Генри Кейпл, сэр Уильям Палтни, полковник Титус, Треби, Гемпден, Монтегю (10 ноября), против — сэр Лео-

лайн Дженкинс, государственный секретарь; сэр Джон Эрнли, канцлер казначейства; Гайд, Сеймур, Темпл. Дошедшие до нас аргументы можно свести к следующим основным пунктам.

ДОВОДЫ В ПОЛЬЗУ И ПРОТИВ ИСКЛЮЧЕНИЯ

При любом государственном устройстве, заявляли сторонники исключения, существует власть абсолютная и верховная, и ни одно решение, получившее санкцию законодателей, каким бы необычным оно ни казалось, уже не может быть оспорено или изменено. Свобода же конституции нисколько не умаляет эту абсолютную власть, а, напротив, сообщает ей новую силу и придает особый авторитет в глазах народа. Чем больше членов государства участвует в принятии законов и чем свободнее подают они свой голос, тем меньше вероятности того, что меры, получившие их окончательную санкцию, могут встретить какое-либо противодействие. *В Англии законодательной властью облечены король, лорды и общины*, представляющие все сословия страны, а значит, нет ни малейших оснований изымать какие-либо государственные дела и даже самый порядок наследования короны из столь всеохватывающей и абсолютной юрисдикции. О парламентских полномочиях в данном вопросе заявлялось совершенно открыто и недвусмысленно; были примеры, когда полномочия эти осуществлялись на практике, и хотя можно привести серьезные доводы в доказательство того, что политическое благоразумие дозволяет обращаться к подобным новшествам лишь в исключительных случаях, соответствующие право и власть всегда будут принадлежать нации. Но если вообще бывают случаи, которые можно счесть исключительными, если мыслимы такие особые обстоятельства, которые требуют чрезвычайных мер, то именно с ними мы и имеем дело сейчас, когда наследник престола, отрекшись от религии своего государства, с величайшим пылом обратился в другую веру, глубоко ей враждебную и совершенно с ней несовместимую. Государь этого исповедания ни в чем не может полагаться на собственный народ, до крайности против него предубежденный; равным образом народ должен относиться к такому государю с сильнейшим недоверием — в итоге первый будет видеть единственную опору своего трона в пагубных союзах с иностранными державами, а второй, желая защитить свою религию и свободу, не найдет ничего лучшего, как стать на путь бесконечных подозрений, смут, раздоров и даже открытых восстаний. Хотя теологические принципы, сталкиваясь со страстями, часто оказывают весьма незначительное влияние на человечество в целом и еще меньшее — на государей; однако превращаясь в символы враждующих лагерей и знаки партийных различий, они вступают во взаимодействие с одной из самых сильных страстей человеческой природы и становятся способными увлекать людей к ужасным крайностям. Король обладает более проницатель-

ным умом и мягким нравом, чем герцог, но сколько расстройства и беспорядка влияние этого последнего уже успело внести в дела правления! Сколько раз толкало оно Англию к шагам, совершенно пагубным как для ее репутации и интересов за границей, так и для ее внутреннего мира и спокойствия! И чем упорнее твердят иные, что папистский заговор есть-де абсурдная и неправдоподобная выдумка, тем более веским аргументом в пользу исключения герцога он становится, ибо всеобщая вера в заговор ясно показывает глубокое отвращение англичан к вероисповеданию Якова и полную невозможность склонить народ к добровольному подчинению власти подобного монарха. Оказавшись в столь опасном положении, государь вынужден будет искать спасения в отчаянных и беззаконных средствах и попытается растоптать привилегии нации, которая проявила такую враждебность к его особе и ко всему тому, что он считает самым дорогим и священным. Предлагать же здесь ограничения полномочий и иные полумеры бессмысленно. Ибо какую бы долю прежней власти ни оставили мы в руках герцога, он непременно употребит ее против нации, и даже новые узы, обнаружив недоверие и нелюбовь народа, лишь усилят его стремление подняться на недосягаемую высоту, сделавшись совершенно независимым от своих подданных. А так как по английским законам сопротивление монарху все еще является государственной изменой, так как законы не допускают и не могут допустить в данном пункте ни малейших исключений, то каким же это будет безумием — оставить королевство в столь опасном и нелепом положении, когда величайшая добродетель подвергнется самым суровым карам, а законы можно будет спасти лишь такими средствами, которые эти самые законы объявляют чудовищным преступлением!

Сторонники партии двора рассуждали противоположным образом. Власть в полном смысле абсолютная и ничем не ограниченная, говорили они, есть чистая химера, коей нет места среди человеческих установлений. Любое правление основывается на мнении и чувстве долга, и всякий раз, когда верховный магистрат каким-либо законом или распоряжением бросает вызов тому, в чем мнение общества видит основополагающий принцип, утвердившийся так же прочно, как и его собственная власть, он разрушает фундамент последней и уже не может рассчитывать на повиновение. В европейских монархиях право престолонаследия справедливо относят к числу основополагающих, и пусть даже вся законодательная власть принадлежит одному лицу, ему не дозволяется собственным указом отстранять своего законного наследника и возводить на трон более дальнего родственника или же человека, не состоящего в родстве с царствующим домом. Злоупотребления в прочих частях правления могут быть пресечены, когда государь получит на сей счет более точные сведения или проведет более беспристрастное расследование, и до тех пор нам должно безропотно их терпеть; однако нарушение права престолонаследия влечет за собой последствия столь ужасные, что с ними невозможно сравнивать никакие другие беззакония или неустройства. Рассуждения

же о том, что Англия есть смешанная монархия и что закон, утвержденный королем, лордами и общинами, принимается-де с согласия всего государства, делу не помогают совершенно очевидно, что и в этом случае остается весьма могущественная партия, которая, конечно, может оказаться в меньшинстве при голосовании, но никогда не признает закон, ниспровергающий наследственное право, актом, имеющим силу и подлежащим безусловному исполнению Ограничения же вроде тех, что предложены королем, не посягают на конституцию, которая уже теперь во многих пунктах ограничивает прерогативы монарха, к тому же их можно составить с таким расчетом, чтобы они с успехом послужили всем тем целям, которых желают добиться посредством исключения Ведь если даже старинные бастионы, воздвигнутые против злоупотреблений королевской власти, в продолжение стольких веков оставались неприступными, то насколько же более прочными станут новые барьеры, надежность коих обеспечивается уже тем, что они должны еще сильнее урезать полномочия монарха! Далее, то самое религиозное рвение, которое побуждает народ ограничить прерогативы иноверного наследника, чрезвычайно уменьшит число его сторонников, лишив его всякой возможности силой или хитростью освободиться от связывающих его пут Король наш еще не стар, крепкое здоровье обещает ему долгую жизнь — а если так, то разумно ли переворачивать вверх дном все государство ради того только, чтобы принять меры на случаи события, которое, что весьма вероятно, так никогда и не произойдет? Никакая человеческая предусмотрительность не способна заранее оградить нацию при всех возможных, мыслимых обстоятельствах, да и сам билль об исключении, хотя и составленный с великой тщательностью, дает простор для вполне естественных предположений, которые с легкостью приходят на ум, однако не сообщает нам, как же следует поступать в том случае, если подобные предположения окажутся справедливыми Допустим, к примеру, что после смерти короля у герцога родится сын — и что тогда? Должен ли этот сын, без всякой собственной вины, лишиться права на престол? Или, может, принцесса Оранская должна будет сойти с трона, дабы освободить место для законного наследника? Впрочем, даже все эти аргументы неосновательны, следует помнить рассуждая о государственных делах, мы ищем не лучшее само по себе, но лучшее из того, что осуществимо на практике Король охотно соглашается на ограничения и уже предложил на сей счет ряд чрезвычайно важных пунктов, он, однако, полон решимости скорее подвергнуться самым суровым испытаниям, но не допускать посягательств на право престолонаследия Поостережемся же яростного духа партийной вражды, который подстрекает нас домогаться большего, чем могут нам дать, иначе мы утратим все выгоды от этих благодетельных уступок, а по кончине короля оставим нацию во власти государя, охваченного фанатическим рвением и до крайности раздраженного тем дурным обращением, с которым, по его мнению, он уже успел столкнуться

БИЛЛЬ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ОТКЛОНЕН

Доводы сторонников исключения показались палате общин более убедительными, и билль прошел огромным числом голосов. С успехом дать бой «эксклюзионистам» король рассчитывал в палате пэров. Преобладание партии двора, не желавшей замечать билль, было там столь явным, что даже вопрос о передаче его в комитет был положительно решен большинством всего в два голоса. Как только открылись прения (15 ноября), разгорелся ожесточенный спор. В поддержку билля выступили Шефтсбери, Сандерленд и Эссекс; его противников возглавлял Галифакс, выказавший тогда глубину ума и силу красноречия, доселе никем в этом собрании не превзойденные. Помимо сознания важности самого дела, Галифакса воодушевляло соперничество с собственным дядей, Шефтбери, которого он, по общему мнению, совершенно в тот день затмил. Король присутствовал в палате от начала до конца дебатов, затянувшихся до 11 часов вечера. Значительным большинством голосов билль был отвергнут. Все епископы, кроме одного, голосовали против. Свою роль сыграло здесь влияние двора; к тому же сами епископы полагали (или просто утверждали), что успехи пресвитерианства таят в себе большую угрозу для англиканской церкви, нежели распространение папизма, который, несмотря на покровительство герцога и даже короля, оставался глубоко противен духу английской нации.

До крайности раздосадованные этой неудачей, общины тотчас же приняли обращение с требованием навсегда удалить Галифакса из королевских советов и лишить его всякого доступа к особе Его Величества. Формальным предлогом стало здесь то, что Галифакс приложил руку к недавним неоднократным отсрочкам парламента, однако истинной причиной явилось, разумеется, его решительное противодействие биллю об исключении. Когда же король сообщил, что при нынешних его доходах удержать Танжер нет никакой возможности, и обратился к общинам с просьбой о субсидии, необходимой для защиты этой крепости, палата, вместо того чтобы пойти ему навстречу, вотировала еще один адрес, а по сути — самую настоящую ремонстрацию, резкостью своего тона немногим уступавшую знаменитой ремонстрации 1641 года, ставшей преддверием эпохи гражданских войн. В ней правительству ставили на вид все его грехи, едва ли не с самого начала царствования, — войну с Голландией, союз с Францией, отсрочки и роспуски парламента; а поскольку все эти меры, равно как и **чудовищный адский заговор**, объяснялись кознями папистов, то из текста ремонстрации ясно следовало, что король всегда находился под влиянием этой партии и был, по существу, главным заговорщиком против религии и вольностей собственного народа.

Хотя в важнейшем деле об исключении общины проявили крайнее ожесточение и даже явное безрассудство, следует все же признать, что подозрения и страхи, побудившие их поставить этот вопрос, имели под

собой серьезные основания; однако то обстоятельство, что — после столь долгого перерыва! — они вновь с неистовой яростью обратились к судебному преследованию папистского заговора, говорит о такой степени легковерия или несправедливости, которая не может быть оправдана ничем. Палата возобновила дело об импичменте заключенных в Тауэре лордов-католиков, а так как из числа последних наименее способным защитить себя в суде считался виконт Стаффорд, дряхлый и немощный старик, не отличавшийся к тому же большим умом, то его и решено было сделать первой жертвой, чтобы осуждение виконта открыло путь для смертных приговоров всем остальным. Председателем суда пэров назначили канцлера, возведенного теперь в достоинство графа, Ноттингема (30 ноября).

ПРОЦЕСС СТАФФОРДА

Против подсудимого выступили три свидетеля — Отс, Дагдейл и Турбервиль. Отс заявил под присягой, будто он сам видел, как иезуит Фенвик вручил Стаффорду подписанный генералом ордена Оливой грамоту о назначении виконта казначеем папской армии, каковую предлагалось набрать для покорения Англии (палата по-прежнему верила этой нелепой выдумке). Дагдейл показал, будто в Тикселе, поместье лорда Астона, подсудимый пытался склонить его к убийству короля, обещая ему за этот подвиг, помимо великой славы, быть причисленным римской церковью к лику святых, еще и денежное вознаграждение в 500 фунтов. Турбервиль утверждал, будто подсудимый сделал ему такое же предложение в своем парижском доме. Сулить деньги за убийство короля, не подготовив прежде план действий, оставляющий самому убийце хоть какую-то надежду скрыться от правосудия, есть сама по себе величайшая несообразность, в которую решительно невозможно поверить; к тому же всякий бесчестный свидетель способен утверждать это с такой легкостью, что подобного рода обвинение, где совершенно не упоминается о каких-либо конкретных обстоятельствах дела, ни один суд не должен принимать всерьез. Но хотя подсудимому трудно было ухватиться за какую-то подробность, он сумел опровергнуть заявления свидетелей во многих важных пунктах. Дагдейл утверждал под присягой, будто Стаффорд участвовал в великом совете католиков в Тикселе; однако Стаффорд представил бесспорные доказательства того, что в указанное время он находился в Бате и в его окрестностях. Турбервиль подвизался когда-то в качестве послушника у бенедиктинцев, затем бежал из монастыря, поступил кавалеристом во французскую армию, был уволен со службы и теперь, оставленный всеми родственниками, жил в крайней бедности в Лондоне. Стаффорд же доказал, опираясь на свидетельства своих камердинера и пажа, что ни в Лондоне, ни в Париже Турбервиля никогда не видели в его обществе; и в самом деле, может показаться чрезвычайно странным, что к судьбе челове-

ка, хранившего якобы столь важную тайну, виконт так долго относился с полнейшим безразличием.

В ходе процесса разъяренная чернь шумела и буйствовала сверх всякой меры, а представлявшие нижнюю палату обвинители, сэр Уильям Джонс, сэр Фрэнсис Уиннингтон и барристер[214] Мейнард, блистали красноречием и умом; и однако, несмотря на крайне неблагоприятные для него условия, подсудимый защищался гораздо лучше, чем это могли ожидать его друзья или его враги; неравная же борьба, которую пришлось ему вести, внушала глубокое сочувствие всякому, чье сердце оставалось открытым для движений человеколюбия. Стаффорд напомнил судьям, что в продолжение сорока лет, с самого начала гражданских войн, невзирая на бесчисленные опасности, невзгоды и лишения, он сохранял непоколебимую верность монархии; так кто же поверит, продолжал виконт, чтобы теперь, находясь в преклонном возрасте, располагая немалым состоянием, но будучи удручен старческой немощью, он мог изменить тому, чего твердо держался всю свою жизнь, и присоединиться к самому гнусному и ужасному из всех мыслимых заговоров — заговору против своего августейшего владыки, который всегда был к нему столь милостив и добр? Он указал на дурную репутацию свидетелей, на противоречия и явные нелепости в их утверждениях, на крайнюю нищету, в которой они прозябали прежде, хотя в это самое время участвовали, по их словам, в заговоре вместе с королями, принцами и вельможами; на то влияние и богатство, до которых вознесла их фортуна ныне. С искренностью и простодушием, более убедительными, чем самое блестящее ораторское искусство, он продолжал заявлять о своей невиновности и раз за разом не мог удержаться от того, чтобы не выразить живейшего удивления и глубокого возмущения наглым бесстыдством свидетелей.

Нам должно казаться поразительным, как показалось это самому Стаффорду, что после торжественного судебного процесса, продолжавшегося шесть дней, пэры большинством в двадцать четыре голоса вынесли ему обвинительный приговор. Впрочем, этот роковой вердикт он встретил безропотно. «**Хвалите святое имя Господа!**» — было единственным восклицанием, которое вырвалось у него в тот момент. Когда же председатель суда объявил ему, что пэры намерены ходатайствовать перед королем об отмене самых жестоких и позорных статей приговора — повешения и четвертования, Стаффорд разрыдался, но тут же сказал лордам, что причина этой слабости отнюдь не страх перед уготованной ему участью, но признательность за великую их доброту.

Замечательно, что уже после того как Карл, как это принято в подобных случаях, отменил пункты о повешении и четвертовании Стаффорда, два шерифа — Бетел и Корниш, дав волю собственным республиканским страстям и подчиняясь господствующему духу своей партии с ее всегдашней злобной подозрительностью по отношению к монархии, усомнились в праве короля проявить здесь малейшее милосердие. «Коль скоро он не может даровать осужденному полное помилование, — вопрошали они, —

то откуда же возьмется у него право отменить какую-то часть приговора?» Сомнения свои они вынесли на суд обеих палат, пэры объявили их беспочвенными, и даже общины, опасаясь, как бы подобного рода споры не предоставили Стаффорду возможность избежать наказания, дали следующий удивительный ответ «Палата **согласна**, чтобы Уильяма, бывшего виконта Стаффорда, шерифы казнили через отделение его головы от тела, **и только**» Не найти более разительного свидетельства охватившей тогда нацию ярости, чем тот факт, что даже лорд Рассел, человек добродетельный и гуманный, поддержал в палате варварское сомнение шерифов

В дни между вынесением приговора и казнью прилагались немалые усилия, чтобы поколебать решимость дряхлого и немощного старика и вырвать у него признание в «государственной измене», за которую он был осужден Прошел слух, будто Стаффорд сознался, и ревностные приверженцы партии страны, которые при всем своем легковерии в глубине души, надо полагать, питали известные сомнения в реальности папистского заговора, бурно возликовали по этому случаю Однако сам Стаффорд, когда его вновь вызвали в палату пэров, сообщил о многочисленных планах, которые он и другие особы составляли в свое время с целью добиться веротерпимости для католиков или, по крайней мере, смягчения принятых против них законов, после чего торжественно заявил, что это и есть та единственная измена, в которой он когда-либо был повинен

Теперь Стаффорд готовился к смерти Спокойная неустрашимость, которую он при этом проявил, столь подобавшая человеку его ранга и происхождения, была естественным следствием сознания собственной невиновности, а также той безупречной честности, которая отличала виконта в продолжение всей его долгой жизни Казалось даже, что вопиющие беззакония и несправедливости лишь укрепляют его дух По дороге к месту казни он потребовал плащ погода стояла суровая «Я могу задрожать от холода, — сказал Стаффорд, — и только, уповаю в том на Господа, но только не от страха!» Взойдя на эшафот, он продолжал настойчиво и страстно заявлять о своей невиновности, изливая в этих заверениях весь свой пыл, когда же Стаффорд упоминал о свидетелях, чьи ложные показания привели его на плаху, речь его дышала кротостью и милосердием Он торжественно осудил те безнравственные принципы, которые слишком рьяные протестанты приписывали всем римским католикам без разбора, и выразил надежду, что уже недалек тот час, когда теперешние заблуждения рассеются и сила истины, пусть и слишком поздно, восстановит в глазах всего света его доброе имя, ныне несправедливо опороченное

КАЗНЬ СТАФФОРДА

Простой народ, вопивший от восторга, когда Стаффорда судили и признали виновным, теперь заливался слезами жалости при виде мягкосердечия и силы духа, которые так явственно выражались в каждой черте лица, в каждом жесте, в каждом слове благородного старца Гробовое молчание толпы прерывалось лишь тяжкими вздохами и стонами Люди едва находили в себе силы, чтобы выразить согласие с заверениями в собственной невиновности, которые раз за разом повторял осужденный «Мы верим вам, милорд! Да благословит вас Господь, милорд!» — говорили они дрожащими от волнения голосами Даже палач был растроган Дважды поднимал он топор, намереваясь нанести роковой удар, и каждый раз решимость изменяла ему Наконец, глубоко вздохнув, он сделал последнее усилие, даровавшее Стаффорду вечный покой Казалось, все присутствующие почувствовали этот удар на себе А когда голову казненного подняли перед толпой и прозвучали обычные слова **«Смотрите — вот голова изменника!»**, ни единого возгласа одобрения не раздалось в ответ Ужас, сострадание, угрызения совести — вот что овладело сердцами зрителей и читалось на их лицах

Это была последняя кровь, пролитая под предлогом «папистского заговора», истории, которую, ради доброго имени нашей нации, лучше было бы предать вечному забвению и которую тем не менее следует навсегда сохранить в памяти людей, — как из уважения к истине, так и для того, чтобы будущие поколения англичан, да и все человечество в целом, усвоив, насколько возможно, этот горький урок, никогда более не впадали в столь позорное, столь дикое заблуждение

Казнь Стаффорда потешила злобные предрассудки партии страны, но нисколько не увеличила ее мощь и не упрочила ее положение, напротив того, пробудив глубокое сострадание к казненному, она лишь усилила распространившееся в Англии подозрение, что папистский заговор есть выдумка от начала до конца А потому, не желая упускать благоприятную возможность, общины решили дать почувствовать свое могущество как друзьям, так и врагам Они приняли билль о послаблениях в пользу диссентеров-протестантов и об отмене жестокого статута 35 года Елизаветы, билль этот, достойный всяческой похвалы, прошел также и через палату пэров Особую ненависть у коммонеров вызывал главный судья, который в свое время незаконно распустил большое жюри и таким образом расстроил дерзкий план Шефтсбери и его сторонников, требовавших предать герцога Йоркского суду как рекузанта За это преступление общины обвинили его теперь перед лордами, еще одно дело об импичменте было возбуждено против двух судей — Джонса и Уэстона те дошли до того, что в своих речах в судейском присутствии посмели назвать «фанатиками» многих первых реформаторов

Билль об исключении был отклонен лордами, а не самим королем, который тогда надежно прикрылся авторитетом верхней палаты, а потому

общины не смогли прибегнуть к своей обычной уловке — нападать на самого государя под видом нападок на его министров и советников. Теперь, однако, преследуя заранее поставленную цель — сделать так, чтобы в случае разрыва вся вина за него пала на общины, — Карл обратился к ним с новой речью. Предупредив палату, что пренебрежение нынешней благоприятной возможностью может иметь роковые последствия, король продолжал так: «Я уже обещал дать вам полнейшее удовлетворение, какого вы только можете пожелать, во всем, что касается протестантской религии, и согласился одобрить любые меры, совместимые с правильным и законным порядком наследования короны. И вот теперь, торжественно подтвердив — с теми же оговорками — прежние мои обещания и выказав таким образом готовность сделать со своей стороны все, чего от меня можно по разуму ожидать, я был бы рад услышать от вас, притом как можно скорее, в какой мере могу я рассчитывать на вашу помощь и что именно хотели бы вы получить от меня».

ОЖЕСТОЧЕНИЕ ОБЩИН

Сильнейшим доводом против предложенных королем ограничений было то, что они вводили слишком серьезные новшества в существующую систему правления и почти полностью лишали будущего монарха действительной власти. Учитывая, однако, тогдашнее настроение палаты и ее вождей, мы вправе полагать, что этот аргумент не произвел на них особого впечатления и что враждебность к двору побуждала коммонеров не к защите полномочий государя, а, напротив, к их ограничению. Коммонеры все еще надеялись, что крайняя нужда в средствах вместе с обыкновенной уступчивостью Карла заставят его безоговорочно предаться в их руки, и, таким образом, еще до восшествия на престол герцога, они тотчас же сделаются полными господами положения в государстве. По этой причине общины продолжали требовать исключения Якова, а кроме того внесли один за другим ряд важных биллей, и некоторые из них не на шутку встревожили двор: первый — о возобновлении Трехгодичного акта, столь опрометчиво отмененного в начале этого царствования; второй — о назначении судей на срок «пока будут себя хорошо вести»; третий — об объявлении государственной изменой сбора любых неутвержденных парламентов налогов; четвертый — об учреждении союза для охраны особы Его Величества, для защиты протестантской религии, для ограждения подданных-протестантов от всех беззаконных посягательств и иных враждебных действий и, наконец, для предотвращения перехода английской короны к герцогу Йоркскому или любому другому паписту. Память о Ковенанте была еще слишком свежа, чтобы в Англии не сообразили, какими будут последствия создания подобного союза; самому же королю, отлично знакомому с сочинением Давилы, не мог не прийти на ум достопамят-

ный иностранный пример, подтверждавший то, чему учил отечественный опыт.

Общины приняли также немало других постановлений, которые хотя и не имели силы законов, однако ясно показывали настроения и склонности самой палаты. Они, в частности, постановили, что всякий, кто советовал Его Величеству отклонить билль об исключении, есть пособник папистов, а также враг короля и королевства. В другом своем постановлении они поименно назвали этих «опасных врагов» — маркиза Вустера, графа Кларендона, графа Февершема,[215] графа Галифакса, Лоуренса Гайда[216] и Эдуарда Сеймура — и просили Его Величество навсегда удалить их из своих советов и от своей особы. Далее, общины постановили, что пока не будет принят билль об исключении, они не смогут вотировать королю какие-либо субсидии, ибо с их стороны это значило бы нарушить свой долг перед избирателями. Наконец, желая отнять у Карла возможность удовлетворить финансовые нужды правительства иным способом, сохранив таким образом независимость от парламента, они приняли еще одно постановление, в коем объявлялось, что всякий, кто посмеет ссудить королю деньги под те статьи королевских доходов, которые обеспечиваются поступлениями от таможенных пошлин, акцизных сборов и налога на очаги, должен считаться лицом, создающим помехи заседаниям парламента, и нести за это ответственность перед последним.

РОСПУСК ПАРЛАМЕНТА. 1681

Король мог рассчитывать на то, что пэры, уже успевшие отвергнуть билль об исключении, станут и далее защищать трон, а следовательно, ни один из опасных биллей, внесенных теперь в другую палату, так никогда и не будет представлен ему на утверждение. Но поскольку никаких надежд образумить и умиротворить общины уже не оставалось, а нынешние заседания лишь разжигали партийные распри и усиливали всеобщее брожение в государстве, король тайно решил парламент отсрочить (10 января). Коммонеры узнали об этом лишь за четверть часа до того, как парламентский пристав явился к дверям их палаты. Не желая терять драгоценного времени, они, в невообразимой суматохе, приняли несколько чрезвычайно странных резолюций. Палата постановила, что всякий, кто советовал Его Величеству отсрочить настоящий парламент, если при этом не имелось в виду добиться принятия билля об исключении, есть изменник королю, протестантской религии и английскому королевству, прислужник Франции и пенсионер французского короля; что лондонскому Сити надлежит выразить благодарность за непоколебимую преданность, равно как и за великое его рвение и неусыпную бдительность в деле защиты короля и протестантской религии; что, по убеждению палаты, Лондон в 1666 году сожгли паписты, замышлявшие таким образом ввести в ко-

ролевстве деспотическое правление и папистскую веру, что Его Величество покорнейше просят восстановить герцога Монмаута во всех гражданских и военных должностях, с которых, как подозревает палата, он был смещен по наущению герцога Йоркского, и что судебные преследования диссентеров протестантов на основании законов против нонконформистов в настоящее время, по мнению палаты, приносят тяжкие бедствия подданным короля, ослабляют сторонников протестантской религии, поощряют дерзость папистов и ставят под угрозу мир в королевстве

Несколько законов, не имевших, впрочем, большой важности, король утвердил, но что касается билля об отмене статута 35 года Елизаветы, то Карл тайно приказал клерку короны не представлять ему означенный билль вообще С помощью такой уловки, оскорбившей партию страны ничуть не меньше, чем это могло бы сделать прямое отклонение билля, и в то же время выдавшей известную нерешительность короля, от принятия столь благодетельного акта удалось тогда уклониться Прежде король нередко пытался собственной властью даровать терпимость нонконформистам, действуя порой в обход существующих законов, всякий раз, однако, эта религиозная свобода должна была, по мысли Карла, распространяться и на католиков, теперь же, до крайности раздраженный твердолобым упрямством сектантов, он решил сделать так, чтобы судьба этих людей и далее, насколько возможно, оставалась в его полной власти

Последние постановления общин означали, судя по всему, попытку палаты, убедившейся, что ее билль о союзе не пройдет, создать союз против короны окольным путем, иначе говоря, она стремилась объединить вокруг партии страны диссентеров, Сити и герцога Монмаута В самом деле, никогда еще угроза гражданской войны не казалась столь реальной, и королю давно пора было распустить парламент, вынашивавший, по-видимому, чрезвычайно опасные замыслы Он так и сделал, но вскоре созвал новыи Хотя Карл ясно видел, что влияние партии страны утвердилось во всех парламентских городах столь прочно, что никаких надежд получить более благосклонную к короне палату у него уже нет, он решился на этот шаг, ибо строго следовал своему прежнему плану — испытать все средства ради примирения с общинами, в случае же неудачи, рассуждал король, он сможет теперь с большим успехом оправдать окончательный разрыв с ними перед народом или, по крайней мере, перед собственной партией

В эпоху гражданских войн роялисты беспрестанно сетовали на то, что Долгий парламент заседал в Вестминстере, черпая таким образом силу и ободрение в близости могущественного и мятежного города, который с таким пылом принял его сторону в тогдашней борьбе Хотя теперь король располагал гвардией, внушавшей известный страх лондонской черни, он решил избавить себя от всех неприятностей и беспокойств и потому созвал новый парламент в Оксфорде Лондонский же Сити не замедлил показать, сколь верно судил король о господствовавших в нем настроениях Вновь избрав в парламент тех же членов, граждане Сити этим не удовлет-

ворились, но выразили им особую благодарность за прежние их действия, т е за настойчивое стремление до конца раскрыть **чудовищный** и **адский** папистский заговор, а также исключить из престолонаследия герцога Йоркского, главного виновника угрожающих государству бедствий и потрясений Монмаут и с ним пятнадцать пэров подали петицию против созыва парламента в Оксфорде, «где (заявили они) обе палаты не будут чувствовать себя в безопасности, а, напротив, могут с легкостью стать жертвой мечей папистов и их приспешников, из коих весьма многие уже проникли в гвардию Его Величества» Эти намеки, столь явно метившие в самого короля, имели своей целью не переубедить его, но еще сильнее воспламенить народ

Роспуск последнего парламента и созыв нового в Оксфорде могли, казалось бы, привести эксклюзионистов к мысли, что король намерен и впредь твердо держаться объявленного им решения, а потому никогда не даст санкции на важнейший для них билль, эти люди, однако, по-прежнему льстили себя надеждой, что крайняя нужда в деньгах вместе с покладистым нравом Карла в конце концов обеспечат им полное торжество Их вожди явились в Оксфорд, сопровождаемые, помимо слуг, еще и многочисленными отрядами своих приверженцев В частности, за четырьмя членами от Сити шествовала огромная толпа народу, на шляпах у этих людей красовались ленты со словами «**Долой папизм! Долой рабство!**». Король распорядился всюду расставить гвардейцев, его сторонники также попытались устроить демонстрацию своей силы — в общем, Оксфордское собрание больше напоминало шумный польский сейм, нежели обычный английский парламент

НОВЫЙ ПАРЛАМЕНТ В ОКСФОРДЕ

Король, который до сих пор обращался ко всем своим парламентам, и в особенности к двум последним, с самыми любезными и милостивыми речами, с нынешним парламентом счел нужным заговорить более властным тоном (21 марта) Он выразил недовольство незаконными действиями прежней палаты общин и заявил, что никогда не встанет на путь деспотического правления сам, а потому не потерпит подобного рода покушений и со стороны других Впрочем, продолжал король, созвав настоящий парламент так скоро, он уже ясно доказал, что никакие прошлые ошибки и прегрешения коммонеров не смогли внушить ему предубеждения против этих собраний И теперь, добавил Карл, он предоставил им еще одну возможность порадеть о безопасности государства, сам же явил миру новое свидетельство всегдашней своей готовности строго исполнять свой долг

Важный и повелительный тон речи короля не внушил общинам ни страха, ни благоговения Новая палата, почти целиком состоявшая из тех

же членов, что и прежняя, выбрала того же спикера и немедленно обратилась к тем же вопросам — импичмент Денби, отмена карательного статута Елизаветы, расследование папистского заговора, билль об исключении В последнем пункте коммонеры выказали крайнее ожесточение, не желая даже слушать ни о каких других, пусть даже и вполне приемлемых мерах Эрнли, один из королевских министров, предложил такой выход герцог отправляется в пожизненную ссылку без права приближаться к Англии на расстояние 500 миль, а по кончине короля ближайший наследник назначается регентом с полномочиями монарха Но даже этот план, хотя его поддержали сэр Томас Литтлтон и сэр Томас Момпссон, план, оставлявший за герцогом не более чем пустой титул короля, палата так и не удостоила своим вниманием Сопротивление двора и прежние досадные неудачи лишь сделали партию страны более сплоченной, более надменной и более упрямой, и теперь ее мог устроить только один, ее собственный план — полное исключение герцога из престолонаследия

ДЕЛО ФИЦГАРРИСА

Жил тогда некто Фицгаррис, ирландский католик, который втерся в доверие к герцогине Портсмут и с великим усердием доставлял ей сведения о всех клеветнических памфлетах, исходивших от партии страны, равно как и о всех замыслах, вынашивавшихся оппозиционерами против самой герцогини или против двора За подобного рода услуги, а также, надо думать, из уважения к его отцу, видному роялисту сэру Эдуарду Фицгаррису,[217] король пожаловал ему 250 фунтов Человек этот сошелся с неким Эверардом, шотландцем, который шпионил в пользу эксклюзионистов и был доносчиком по делу о папистском заговоре, и предложил ему сочинить памфлет против короля, герцога и всей тогдашней правительственной политики Установить доподлинно, каковы были его истинные цели, невозможно, вероятно (как утверждал впоследствии сам Фицгаррис), он намеревался передать этот пасквиль своей покровительнице герцогине и таким образом присвоить себе заслугу разоблачения вражеских козней Однако Эверард, который подозревал здесь какой-то другой замысел и, со своей стороны, был совсем не прочь снискать славу разоблачителя вражеских козней в глазах собственных покровителей, решил выдать приятеля Он пригласил знаменитого мирового судью сэра Уильяма Уоллера[218] и еще двух человек, и те, расположившись за портьерами, могли видеть и слышать все происходящее Памфлет, план коего был составлен самим Фицгаррисом,[219] а текст написан частью им, частью Эверардом,[220] представлял собой нечто совершенно невообразимое по своей ярости, непристойности и оскорбительности, это был опус, способный скорее причинить ущерб, нежели доставить какую-либо выгоду любой партии, которая имела бы неосторожность попытаться его использовать в собствен-

ных интересах. Уоллер донес обо всем королю и добился приказа о взятии Фицгарриса под стражу; при аресте в кармане у того нашли копию памфлета. Преданный в руки правосудия, Фицгаррис решил искать расположения партии страны, которая одна способна была его спасти и которая, как он убедился, диктовала свою волю почти на всех прежних судебных процессах. Он заявил, что написать означенный памфлет ему поручил двор, желавший таким образом вызвать ненависть к эксклюзионистам как к клеветникам; но к этой версии, вообще говоря, не выходившей за рамки правдоподобия, Фицгаррис сам подорвал всякое доверие, присовокупив к ней совершенно нелепые и бредовые подробности. Министры, утверждал он, намеревались разослать копии памфлета всем вождям партии страны, а когда те их получат, обвинить их в преступных замыслах и арестовать. Желая заслужить благоволение оппозиции еще более важными открытиями, он сделался разоблачителем пресловутого папистского заговора и, разумеется, не преминул подтвердить все леденящие кровь фантазии своих предшественников на этом поприще. Фицгаррис заявил, что вторая Голландская война была начата с целью полного искоренения протестантской религии в Англии и за границей; что иезуит отец Пэрри, раздосадованный заключением мира, поведал ему, будто католики решили убить короля и даже вовлекли в это преступный замысел королеву; что моденский посланник предлагал ему за убийство короля 10 000 фунтов, а когда он, Фицгаррис, отказался, сообщил, что замысел этот, воспользовавшись склянкой для лекарств, с успехом осуществит герцогиня Мазарини, отравительница столь же искусная, как и ее сестра, графиня де Суассон; что после смерти короля войска, несущие службу во Фландрии, должны вернуться в Англию, чтобы начать поголовную резню протестантов; что в Италии уже идет сбор денег на вербовку солдат и закупку снаряжения; что парламентариев больше не будет; что герцог посвящен во все эти замыслы и вдобавок причастен к плану убийства Годфри, обстоятельства коего в точности описал Пранс.

РОСПУСК ПАРЛАМЕНТА

Народные вожди с самого начала жаждали заполучить обвинение против герцога, и хотя Отс и Бедло в первых своих показаниях не рискнули зайти так далеко, Дагдейла и Денджерфилда[221] впоследствии усердно подталкивали к тому, чтобы восполнить столь существенный пробел и каким-то образом впутать Якова в историю заговора. И вот теперь, обнаружив, что Фицгаррис стремится к той же цели, общины не постыдились воспользоваться его показаниями в своих интересах, для чего и решили спасти арестованного от грозившей ему гибели. Из городской тюрьмы, где эксклюзионисты легко могли вступить с ним в тайные сношения, король распорядился перевести Фицгарриса в Тауэр, а кроме того велел, чтобы его

дело слушалось в соответствии с процедурой, предусмотренной общим правом Общины же, желая не допустить суда над Фицгарриссом и его казни, постановили возбудить против него процесс об импичменте и направили свое решение лордам Чтобы еще сильнее подчеркнуть свое неуважение к суду, они, словно в насмешку, поручили довести этот акт до сведения верхней палаты государственному секретарю Дженкинсу [222] До крайности возмущенный умышленным оскорблением, Дженкинс поначалу отказался им повиноваться, но затем, когда ему пригрозили арестом, вынужден был исполнить волю общин Лорды постановили передать дело обычному суду, который, как уведомил их генеральный атторней, и должен был, согласно принятому королем решению, вести процесс Фицгарриса Общины же твердо держались того взгляда, что пэры обязаны принимать к рассмотрению любое дело об импичменте, возбужденное нижней палатой (кажется, это и вправду был первый случай, когда они не пожелали этого сделать), а потому постановили, что отклонение лордами их импичмента следует считать отказом в правосудии и нарушением главнейших парламентских обычаев Палата также объявила, что всякий нижестоящий суд, который станет разбирать дело Фицгарриса или любого другого лица, против которого возбужден процесс об импичменте, окажется повинным в преступном посягательстве на привилегии парламента Назревал горячий спор, а так как ни малейших признаков того, что общины готовы умерить свой пыл, по-прежнему не наблюдалось, то король с радостью воспользовался удобным предлогом, который предоставили ему разногласия между палатами Он решил распустить парламент и так умело хранил свой замысел в тайне, что общины догадались о нем лишь тогда, когда парламентский пристав явился к дверям их палаты и призвал коммонеров в палату пэров, где им предстояло выслушать речь короля

Смелый шаг Карла, хотя его можно было предвидеть, как громом поразил партию страны, она совершенно пала духом и пришла в полное отчаяние Ее сторонники осознали, хотя и слишком поздно, что король уже давно сделал окончательный выбор, твердо решив скорее подвергнуться самым суровым испытаниям, но только не подчиняться тем условиям, которые они вознамерились ему навязать Им стало ясно, что он долго и терпеливо выжидал развязки, сумел за это время привлечь на свою сторону нацию и теперь мог бросить дерзкий вызов своим врагам Они понимали, что парламенты не будут созываться несколько лет, и в продолжение этого длительного периода правительство, пусть и опирающееся на немногочисленную партию, однако обладающее всей полнотой власти, будет иметь бесспорное преимущество перед своими разобщенными и рассеянными по стране противниками Эти мучительные мысли преследовали каждого, и все эксклюзионисты страшились, как бы король после первого удара тотчас же не обратился к еще более суровым мерам и не отомстил им за долгое и упорное противодействие его политике Со своей стороны Карл ничуть не меньше опасался того, что отчаяние может заставить их при-

бегнуть к силе и устроить какое-нибудь покушение на его особу. А потому обе партии устремились прочь из Оксфорда, и в этот город, еще недавно столь многолюдный и шумный, а теперь в одно мгновение опустевший, вернулись обычные тишина и покой.

ПОБЕДА РОЯЛИСТОВ

Видя, что ее противники, охваченные ужасом, рассеялись, партия двора еще сильнее воспряла духом и еще крепче сплотилась вокруг короля, на чью твердость, как она убедилась, можно было полагаться вполне. Теперь все громко возмущались беззакониями эксклюзионистов (изрядно их преувеличивая), и даже реальность папистского заговора, этого могущественного орудия их влияния, открыто подвергалась сомнению. Столь крутому перелому в настроениях общества с особым усердием содействовало духовенство. Движимый частью собственными страхами, частью внушениями двора, англиканский клир изображал всех своих противников сектантами и республиканцами и, будучи убежден, что еще недавно ему грозила страшная опасность, радовался счастливому от нее избавлению. Принципы, глубоко враждебные гражданской свободе, настойчиво проповедовались с церковных кафедр и излагались в бесчисленных верноподданнических адресах, авторы коих льстиво восхваляли последние меры короля, выражая радость по поводу того, что Его Величеству удалось наконец избавиться от парламентов. Всякому, кто принял бы подобные речи за чистую монету, могло бы показаться, что нация добровольно устремилась навстречу рабству и прямо-таки жаждет отдать в руки короля все вольности и права, завещанные ей славными предками и столько веков остававшиеся ее законным достоянием.

Но Карл был слишком проницателен, чтобы не отличать истинные чувства и мысли людей от тех слов, которые вырывались у них порой под влиянием монархического энтузиазма или в пылу борьбы с враждебной партией. Несмотря на все эти заверения в верноподданнической покорности, король думал, что полагаться на свой народ, назначая новые выборы, он еще долго не сможет, а потому решил искать выход из нынешних финансовых затруднений, рассчитывая лишь на собственную бережливость. Расходы на содержание двора были значительно урезаны; даже флот, столь дорогой сердцу короля, остался без прежнего попечения; от Танжера, хотя он уже обошелся казне в огромную сумму, через несколько лет отказались — крепость срыли, мол полностью разрушили, а возвращенный в Англию гарнизон усилил ту небольшую армию, в которой король видел надежную опору своей власти. Для нации было бы великой удачей, если бы Карл, пользуясь плодами своей победы, проявил столько же справедливости и умеренности, сколько благоразумия и ловкости проявил он на пути к ней.

Первым шагом, который предпринял двор, стал процесс Фицгарриса. Присяжные усомнились в том, что последнее постановление общин оставляет за ними право его судить, однако судьи, взяв на себя без колебаний решение этого вопроса, дали на него положительный ответ, и присяжные вынуждены были приступить к делу. То, что Фицгаррис являлся автором памфлета, было неопровержимо доказано, осталось лишь выяснить его намерения. Сам Фицгаррис утверждал, что он был тайным агентом двора и потому принес означенный пасквиль герцогине Портсмут; на этом основании он требовал, чтобы присяжные, разбирая дело, видели в нем мошенника, а не государственного изменника. Присяжные, однако, сочли доводы подсудимого не вполне убедительными и признали его виновным в государственной измене.

Видя, что судьба его находится всецело в руках короля, Фицгаррис отказался от всех своих прежних измышлений по поводу папистского заговора и даже сделал попытку искупить их новой ложью, теперь уже — против партии страны. Он заявил, что к этим выдумкам его побудили внушения и уловки рикордера Треби и двух шерифов — Бетела и Корниша; рассказ свой он настойчиво повторял даже перед казнью, и хотя все понимали, что столь испорченному и совершенно бесчестному человеку нельзя верить ни в чем, иные, видя необыкновенное упорство Фицгарриса, склонялись к мысли, что в последних его утверждениях есть, возможно, некая доля истины. Известно, однако, что его жена была знакома с миссис Уолл, любимой камеристкой герцогини Портсмут,[223] и Фицгаррис, вероятно, надеялся, что если он будет с прежней твердостью отстаивать выгодную двору версию, то его семейство удостоится неких милостей.

Любопытно видеть, в каком свете пытались представить эту историю политические противники. Партия страны утверждала, что Фицгарриса использовал двор, желавший возбудить в обществе ненависть к эксклюзионистам как к авторам гнусного пасквиля и таким образом внушить англичанам мысль о существовании протестантского заговора; партия же двора доказывала, что эксклюзионисты, обнаружив, что Фицгаррис — агент правительства, втянули его в это предприятие с намерением обвинить затем двор в подобном же замысле против самих эксклюзионистов. Вместо того чтобы попытаться оправдать своих противников, каждая из сторон с готовностью принимала самую запутанную и неправдоподобную версию. Народ же в ту пору был поставлен в невыносимое положение: всякий день англичанам не давали покоя этими головоломными историями, распаляя их гнев ужасными подозрениями на счет их же собственных сограждан. Полагали, что это был, по крайней мере, пятнадцатый из числа мнимых или, как тогда выражались, дутых заговоров, в которых двор пытался обвинить своих врагов.[215]

Партия страны рассчитывала воспользоваться показаниями Фицгарриса против герцога и католиков, а потому казнь этого человека стала для нее весьма чувствительным ударом. Но король и его министры вовсе не собирались довольствоваться этой первой, скромной победой. Они были

полны решимости развить свой успех, обратив против эксклюзионистов то самое наступательное оружие, пусть и омерзительное по своей природе, которым партия страны усердно запасалась против собственных врагов Вся шайка доносчиков, шпионов, лжесвидетелей и прочих негодяев, коих так долго содержали и поощряли вожди патриотов, теперь, убедившись, что король сделался полным хозяином положения, тотчас же повернула против своих бывших покровителей и предложила свои услуги министрам К стыду двора и позору века, людей этих приняли с распростертыми объятиями, а их показания, или, лучше сказать, лжесвидетельства пошли в ход для того, чтобы прикрыть видимостью законного суда убийства сторонников противной партии У этих последних торжествующие враги с издевкой вопрошали «Отчего же, скажите на милость, не могут эти особы выступить в качестве свидетелей? Разве они не разоблачили папистский заговор? Не их ли показания отправили на плаху Стаффорда и множество других католиков? И не вы ли сами так долго их восхваляли как людей честных и достойных всяческого доверия? Вы приблизили их к себе, а стало быть, им лучше, чем кому-либо другому, известны ваши измены, они полны решимости послужить королю и отечеству, но уже в новом облике, и не вам жаловаться, если судьба или справедливое воздаяние отмерит вам ныне той же мерой, какой вы сами мерили другим»

Несомненно, принцип возмездия может в иных обстоятельствах полностью оправдать, а в других — отчасти извинить такие действия, которые в противном случае заслуживали бы сурового осуждения Но эти постыдные уловки, отравляющие правосудие в самом его источнике и разрывающие всякие узы человеческого общества, столь омерзительны и опасны, что никакие ссылки на необходимость возмездия не способны оправдать или хотя бы извинить те преступления, к которым приводят подобные низости Как раз наоборот чем сильнее король и его министры возмущались в свое время лжесвидетельствами отъявленных негодяев, тем больше отвращения должна была бы внушить им теперь сама мысль об использовании тех же орудий мести против собственных врагов

Первой жертвой министров стал некто Колледж, столяр из Лондона, прославившийся своей бешеной ненавистью к папизму и имевший тесные связи с Шефтсбери и другими вождями партии страны последние усердно искали опору в простонародье, и люди вроде Колледжа оказывали им важные услуги Когда в Оксфорде заседал парламент, Колледж явился туда, вооруженный шпагой и пистолетом, это и стало теперь поводом для обвинения Утверждалось, будто существовал заговор, участники коего решили захватить короля и держать его в плену до тех пор, пока он не согласится пойти на уступки, которых требовала оппозиция Лондонские шерифы являлись непримиримыми врагами двора, не удивительно, что назначенное ими большое жюри признало выдвинутое против Колледжа обвинение необоснованным По этой причине подсудимого отправили в Оксфорд, где якобы и совершился акт государственной измены

Должность шерифа в Оксфорде исполнял лорд Норрис, сторонник партии *двора; последнюю горячо поддерживало и большинство жителей граф*ства. Жюри присяжных составили исключительно из роялистов, и хотя это были люди почтенные и уважаемые, ярость партийной вражды достигла тогда такой степени, что надеяться на беспристрастие подсудимому не приходилось. Перед самым началом судебного разбирательства у Колледжа отняли бумаги, содержавшие план его защитительной речи. Эту вопиющую несправедливость иные пытались оправдать ссылками на то, что в безумную эпоху папистского заговора один из подсудимых стал жертвой такого же грубого беззакония — столь дикое представление о возмездии внушала в ту пору своим приверженцам партия двора.

Свидетелями против Колледжа выступили Дагдейл, Турбервиль, *Гейнс и Смит — люди, которые прежде давали показания против* католиков и которых присяжные по этой самой причине считали мерзавцами, повинными в гнуснейшем лжесвидетельстве. Сам же Колледж, невзирая на обрушившиеся на него несправедливости и расставленные со всех сторон силки, защищался смело, умно, энергично, сохраняя полное присутствие духа; убедительными доводами и бесспорными фактами он опроверг утверждения свидетелей обвинения, однако присяжные, после продолжавшегося полтора часа совещания, признали его виновным. Публика в своей жестокости встретила вердикт ликующими возгласами, но подсудимый и тогда остался совершенно спокоен. Такое же непоколебимое мужество он сохранял и на плахе, с прежней твердостью отрицая свою причастность *к преступлению, в котором его обвиняли. Все поступки и слова* Колледжа свидетельствовали о том, что это был человек, сбитый с толку единственно лишь свирепым ожесточением своей эпохи, и что его самого воодушевляло искреннее, хотя и безрассудное рвение патриота и протестанта.

Так обе партии, движимые взаимной ненавистью, но стесненные узкими рамками закона, наносили одна другой страшные удары отравленными кинжалами, совершенно забыв в междуусобных своих распрях о всяком уважении к истине, о чести и гуманности.

Глава X (XXV)

Положение дел в Ирландии. — Оправдание Шефтсбери. — Процесс Аргайла. — Положение дел в Шотландии. — Положение правительства в Англии. — Назначение новых шерифов. — Приказы о quo warranto. 1683. — Могущество короны. — Заговор. — Бегство и смерть Шефтсбери. — Райхаузский заговор. — Раскрытие заговора. — Казнь заговорщиков. — Процесс лорда Рассела. — Казнь лорда Рассела. — Процесс и смерть Алджернона Сиднея. — Положение нации. — Иностранные дела. — Болезнь и смерть короля. — Характер короля

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ИРЛАНДИИ

Когда министры «кабали» вошли в тайный союз с Францией, они позаботились о том, чтобы из комитета по иностранным делам был исключен герцог Ормонд, и ничто не могло внушить нации больших подозрений на счет новой политики правительства, нежели то обстоятельство, что человек испытанной верности, безукоризненно честный и неподкупный, оказался отстраненным от всякого участия в государственных делах Англии. Благодаря своему огромному влиянию на короля «кабаль» добилась того, что у Ормонда было отнято даже управление Ирландией; на этом важном посту его сменил лорд Робертс (впоследствии получивший титул графа Раднора). Преемником Робертса стал лорд Беркли, за Беркли пришел граф Эссекс.[224] В 1677 году король наконец вспомнил об Ормонде, которым так долго пренебрегал, и направил его в должности лорда-наместника в Ирландию. «Кажется, я сделал все, чтобы обидеть этого человека, — сказал король, — однако превратить его в моего врага мне не под силу». И действительно, даже оказавшись в опале, Ормонд не присоединился к недовольным и никогда не поощрял тот ропот возмущения действиями короля, который с полным основанием, но часто с самыми дурными целями пыталась возбудить в стране оппозиция. Более того, он считал своим долгом регулярно, хотя и сохраняя при этом достоинство, являться в Уайтхолл, дабы показать, что его преданность основывается на чувстве благо-

дарности, искреннем расположении и твердых принципах, а не на каких-либо преходящих выгодах. О чем бы ни говорил Ормонд в ту пору, когда находился в немилости у двора, в каждом его слове выражалась скорее доброта его натуры, нежели гнев и досада. «Помочь вам я теперь бессилен, — повторял он друзьям, — и могу лишь навредить вам своими ходатайствами». А когда полковник Кэри Диллон,[225] домогавшийся какой-то должности, обратился к Ормонду с просьбой посодействовать его назначению, с жаром уверяя, что ему не на кого уповать, кроме Бога и его светлости, герцог ответил: «Увы, бедный мой Кэри, мне жаль тебя, ибо ты не найдешь двух других заступников, чье влияние при нашем дворе было бы столь ничтожным». «На меня теперь обращают внимания не больше, чем на старые заржавленные часы, — заметил он в другой раз, — но ведь даже этот выброшенный на свалку механизм дважды в сутки показывает время точно».

Всякий раз, когда Ормонд посещал из приличия двор, король, одинаково стыдившийся сказать герцогу какую-нибудь любезность и оскорбить его открытым пренебрежением, совершенно терялся и чувствовал себя в высшей степени неловко. «Хотел бы я знать, — пошутил по этому поводу развратный Бекингем, — герцог ли Ормонд пребывает ныне в немилости у Вашего Величества или Ваше Величество — у герцога Ормонда, ибо, глядя на то, как вы и он себя ведете, можно подумать, что настоящая опала постигла именно вас».

Когда же Карл нашел для себя выгодным проявить благосклонность к старым роялистам и англиканской церкви, Ормонд, пользовавшийся глубочайшим уважением всей этой партии, не мог, разумеется, не вернуть себе вместе с управлением Ирландией прежнее влияние и авторитет. На посту лорда-наместника он обнаружил те же качества, что и в течение всей своей жизни, и его правительственные меры в равной степени служили интересам монарха и народа, католиков и протестантов. Непоколебимо преданный государственной религии, Ормонд, даже в те времена всеобщего недоверия, сумел остаться вне подозрений, хотя и не потворствовал злобным предрассудкам черни какими-либо гонениями на папистов. Он увеличил доходы Ирландского королевства до 300 000 фунтов в год, содержал десятитысячную регулярную армию, обучил милицию численностью в двадцать тысяч человек, и хотя католикам, в нарушение Акта об устроении Ирландии, дозволялось жить в самоуправляющихся городах, надзор за ними был столь неусыпным, что даже самые боязливые из протестантов не испытывали на сей счет ни малейшей тревоги.

Между тем вновь получить должность лорда-наместника страстно мечтал Эссекс, некогда исполнявший ее честно и достойно; по причинам личного и партийного свойства Ормонда люто ненавидели Шефтсбери и Бекингем; наконец, противники двора стремились опорочить все части королевской администрации. А потому лорд-наместник едва ли мог удивиться, узнав, что его управление Ирландией подверглось яростным нападкам в парламенте, и прежде всего — со стороны Шефтсбери; в то же

время он был обрадован известием о том, сколь пылко и энергично, хотя и не нарушая приличий, выступил в поддержку отца его сын Оссори Защитив ряд правительственных мер Ормонда, на которые обрушился этот патриот-интриган, Оссори язвительно продолжал «Рассказав о том, что совершил лорд-лейтенант, я возьму на себя смелость столь же правдиво поведать вашим светлостям и о том, чего он не делал никогда Он никогда не советовал разваливать Тройственную лигу, прекратить выплаты по долгам казначейства, издать Декларацию о веротерпимости, разорвать мир с голландцами и вступить в союз с Францией, и не ему принадлежит это восхитительное изречение — Delenda est Carthago,[226] смысл коего в том, что протестантское государство Голландия, вопреки истинным интересам Англии, должно быть полностью разрушено И вот теперь, ваши светлости, я покорнейше вас прошу оказать моему отцу справедливость и судить о нем и о всех прочих людях по их делам и помышлениям» Эти несколько фраз, произнесенных доблестным и прямодушным воином, знаменитым своей безукоризненной честностью, произвели удивительное действие на слушателей и совершенно затмили все ухищрения риторики его противника, искусного витии и ловкого интригана Принц Оранский, ценивший людей, подобных Оссори, столь же высоко, сколь низко ставил он особ вроде Шефтсбери, не удержался и отправил графу письмо, в котором поздравил его с этой новой, не похожей на прежние победой

Хотя Оссори всегда стоял в стороне от партийных раздоров, он был самым популярным человеком в королевстве, и хотя он никогда не одобрял служение порочным видам двора, его любил и уважал король Около этого времени он умер, и его кончина вызвала всеобщую скорбь, неразумная же чернь, как это происходит всякий раз, когда она бывает глубоко потрясена чьей-то смертью, поспешила приписать ее действию яда Ормонд перенес утрату с твердостью и достоинством и навсегда сохранил память о блестящих качествах Оссори, наполнявшую его сердце одновременно гордостью и болью «Моего умершего сына, — говорил герцог, — я не променял бы ни на одного из чужих, живых сыновей, сколько их ни есть на свете»

Кому-то такие подробности покажутся, может быть, ненужным отступлением, но должен признаться я радуюсь и отдыхаю душой, когда — посреди удручающей картины бешенства и распрей, обманов и насилий, которую являет теперь наше повествование, — могу на минуту задержать свой взгляд на этих примерах гуманности и добродетели

Партия страны была заинтересована в том, чтобы поносить действия всех королевских министров, разумное же и мирное управление Ирландией, которое осуществлял Ормонд, вызывало у нее особое раздражение В Англии, где католики не составляли и сотой части населения, удалось повсеместно распространить панический страх перед восстаниями и даже поголовной резней, которые якобы замышляла эта секта, и не могло не казаться странным, что в Ирландии, где папистов было вшестеро больше, чем протестантов, до сих пор не обнаружилось ни малейших признаков

каких-либо козней или заговоров. Данное обстоятельство, если бы над ним как следует поразмыслили, способно было поколебать убеждение в реальности заговора и в самой Англии, серьезно подорвав авторитет тех народных вождей, которые так долго и с таким усердием внушали веру в него всей нации. А потому в Ирландии было официально объявлено, что каждый, кто представит на сей счет какие-либо сведения или выступит в качестве свидетеля, получит денежное вознаграждение, вдобавок в это королевство срочно направили шайку отпетых негодяев с поручением во что бы то ни стало раздобыть улики против католиков. Эти мерзавцы врывались в дома — якобы для того, чтобы искать оружие и секретные бумаги, — и подвергали их грабежу, они бросали в тюрьмы ни в чем не повинных людей, требуя затем взятки за их освобождение, но несмотря на все их усилия, эта страна, обыкновенно достаточно богатая на всякого рода доносчиков, никак не могла дать им сколько-нибудь подходящих свидетелей.

Наконец, объявился некто Фицджеральд, за ним пришли Айви, Сенсон, Деннис, Бурк, двое Макнамара и еще ряд лиц. Этих особ немедленно отослали в Англию, и хотя они имели такую репутацию, что им никто бы не поверил, даже если бы они говорили правду, а чтобы сочинить правдоподобную ложь, у них явно не хватало ума, граф Шефтсбери взял их под свое покровительство, обласкал, наградил и всячески поддерживал. В итоге на основании показаний подобных людей титулярный примас Ирландии Оливер Планкет был предан суду, признан виновным и казнен; Оксфордский же парламент отнесся к этому делу с такой серьезностью, что даже принял особое постановление, в коем объявлялось, что существование **богомерзкого** и **чудовищного** ирландского заговора не вызывает у него ни малейших сомнений. Но подобные решения, хотя прежде их считали непогрешимыми, теперь во многом утратили свой авторитет, и народ, оставшийся на сей раз равнодушным, встретил это заявление с некоторым недоверием.

ОПРАВДАНИЕ ШЕФТСБЕРИ

После роспуска парламента и победы роялистов опекаемые Шефтсбери свидетели вместе с Турбервилем, Смитом и прочими поспешили сделать министрам донос на своего бывшего покровителя, обвинив его в государственной измене. То, что на утверждения подобных проходимцев власти обращали внимание, само по себе возмутительно, есть, однако, известные причины полагать, что агенты двора, более того — министры, и даже сам король[216] пошли еще дальше и весьма усердно, хотя и безуспешно пытались найти людей с не столь испорченной репутацией, которые своими показаниями могли бы поддержать подорванный кредит свидетелей-ирландцев. Шефтсбери взяли под стражу, а большому жюри пред-

ставили обвинительный акт против графа. Новые лондонские шерифы Шьют и Пилкингтон, столь же рьяные приверженцы партии страны, как и их предшественники, позаботились назначить присяжными лиц, преданных тому же делу, — предосторожность абсолютно необходимая в те времена, когда найти людей беспристрастных или не имеющих партийных симпатий было весьма затруднительно. Если исходить из данных под присягой свидетельских показаний, то измена Шефтсбери была доказана неопровержимо, а лучше сказать, настолько неопровержимо, что самые эти показания следует считать совершенно не заслуживающими малейшего доверия и даже внимания. Опытный партийный вождь, с ранней юности живший в мире политических распрей, великий мастер по части всевозможных козней, заговоров и интриг, открывает якобы все свои изменнические замыслы этим темным проходимцам, настоящим бандитам, и вдобавок яростно поносит короля такими словами, какие бывают в употреблении лишь у грубой черни, иначе говоря, у людей, подобных самим же свидетелям! Правда, в шкатулке у Шефтсбери нашли план «союза» против папизма и герцога, и многие пункты этого документа были чреваты весьма опасными последствиями; не было, однако, доказано, что его составил или, по крайней мере, одобрял сам Шефтсбери, а так как подобные проекты открыто предлагались в парламенте, то для графа или для его корреспондентов было вполне естественно обсуждать, какой именно план следует представить этому собранию. А потому большое жюри, взвесив все обстоятельства дела, признало обвинение необоснованным, и присутствовавшая в зале публика выразила свою радость шумными возгласами одобрения, которые затем громким эхом прокатились по всему Лондону.

Около этого времени еще более чудовищный по своей несправедливости замысел возник в Шотландии — жертвой его должен был стать вельможа, заслуживавший наказания гораздо меньше, чем Шефтсбери; а так как эту страну привели к почти совершенной покорности, то задуманное удалось осуществить с полным успехом.

ПРОЦЕСС АРГАЙЛА

Граф Аргайл еще в молодости прославился верностью трону и преданностью королевской фамилии. Хотя отец его был вождем ковенантеров, он наотрез отказался поддержать их действия, а когда Конвент сословий присвоил ему звание полковника, решил не принимать это, пока соответствующий патент не утвердит сам король. Почтительное обращение и важные услуги снискали ему благоволение Карла, когда государь прибыл в Шотландию; и даже после битвы при Вустере все постигшие роялистов неудачи не смогли заставить его изменить делу короля. Действуя под началом Миддлтона, он упорно продолжал беспокоить победоносную английскую армию внезапными нападениями и согласился капитулировать,

лишь получив прямой приказ этого генерала Его непоколебимая преданность монархии внушала глубокую тревогу республике и протектору, а потому новые власти быстро нашли предлог, чтобы бросить его в тюрьму, и вплоть до Реставрации он находился в заключении В благодарность за прежние заслуги король восстановил его в правах и владениях, утраченных в связи с казнью отца, и возвел в достоинство графа Аргайла, когда же шотландский парламент вынес ему чудовищно несправедливый приговор, Карл вновь его смягчил В последующую часть этого царствования Аргайл вел себя так, как подобает верноподданному, и хотя граф, насколько мы можем судить, не расположен был безоговорочно поддерживать любые меры двора, он, даже выступая с возражениями против действия последнего, неизменно проявил свой мягкий и миролюбивый нрав

Летом 1681 года в Эдинбурге собрался парламент, королевским комиссаром был назначен герцог Вотировав субсидии королю и провозгласив нерушимым право престолонаследия, парламент утвердил присягу, которую обязаны были принести все лица, занимающие какие-либо должности — гражданские, военные или церковные Каждый должен был поклясться в том, что признает королевскую супрематию,[227] отрекается от Ковенанта, готов безусловно повиноваться монарху и отказывается от всех обязательств, предполагающих попытку внести какие-либо изменения в нынешнее церковное и государственное устройство Такой была присяга, предложенная партией двора, однако партия страны вознамерилась включить в нее еще один пункт — о верности протестантской религии, открыто возражать против которого, понятно, не было никакой возможности В целом этот документ вышел непомерно длинным для присяги, и, что гораздо хуже, в нем официально утверждалось исповедание веры, созданное еще в первые годы после Реставрации и содержавшее множество статей, с тех пор совершенно забытых нацией и парламентом В одной из них, в частности, проповедовалась доктрина сопротивления властям, так что текст данной присяги, впопыхах вотированной парламентом, оказался при ближайшем рассмотрении набором всякого рода нелепостей и противоречий Иные шотландцы, из числа самых твердых сторонников короны, не решились ее принести, епископы и многие священники принесли протест, граф Квинсберри соглашался присягнуть лишь при том условии, что ему будет дозволено присовокупить от себя особое истолкование, и даже Тайный совет, желая успокоить нацию, почел за нужное опубликовать разъяснение касательно некоторых двусмысленностей и трудных мест, содержавшихся в тексте присяги

Хотя сторонники двора не могли отклонить пункт о верности протестантской религии, они предложили, в качестве необходимого знака уважения, освободить от принятия данной присяги всех принцев крови Против такого изъятия решительно восстал Аргайл, заявивший, что единственная угроза для протестантской религии исходит от той порчи, которая проникла в недра королевской фамилии Пылкими и пространными рассуждениями на подобные темы он навлек на себя тайный гнев герцога и уже вскоре испытал его роковые последствия

Принимая означенную присягу в качестве члена Тайного совета, Аргайл в присутствии Якова прибавил к ней специальное разъяснение, с которым он заранее познакомил герцога и которое, как он думал, этот последний полностью одобрял. Заключалось оно в следующих словах: «Я тщательно изучил присягу и искренне готов оказать повиновение, насколько это для меня возможно. Будучи, однако, убежден, что в намерения парламента не входило требовать от нас таких клятв, которые бы противоречили друг другу, я полагаю, что никто не вправе навязывать собственное толкование присяги другим. А потому я принимаю ее в той мере, в какой она согласуется сама с собой и с протестантской религией. Далее, я торжественно заявляю, что не намерен брать на себя формальное обязательство как член Тайного совета никогда не желать и не добиваться таких перемен, которые сочту полезными для церкви или государства и совместимыми с протестантской религией и верноподданническим долгом. Последний пункт я считаю неотъемлемой частью моей присяги». Герцог, как и следовало ожидать, выслушал эти слова с полнейшим спокойствием, никого из присутствующих они также нисколько не возмутили, сам Аргайл *как ни в чем не бывало заседал в тот день в совете — в общем, случившееся* не стало поводом ни для неодобрительных замечаний, ни даже для сердитых взглядов, и никому, казалось бы, и в голову не могло прийти усмотреть здесь преступление, за которое полагается смертная казнь.

Несколько дней спустя изумленный Аргайл узнал, что издан приказ о его взятии под стражу, что его будут судить за государственную измену, злокозненную клевету и нарушение присяги, и что его невинные слова, превратным образом истолкованные, стали основанием для обвинительного акта, который грозит ему бесчестьем, потерей состояния и самой жизни. Нет нужды входить в подробности там, где вопиющая несправедливость целого слишком очевидна. Власть извлекла из ножен меч правосудия, не потрудившись создать хотя бы видимость последнего, соблюдены были лишь пустые формы законности — чтобы оправдать или, скорее, усугубить чудовищное беззаконие. Трое из пяти судей не постыдились признать подсудимого виновным в государственной измене и злокозненной клевете, жюри присяжных, составленное из пятнадцати пэров, вынесло ему обвинительный вердикт, и король велел объявить приговор, хотя и отсрочил приведение его в исполнение до особого приказа.

Герцог и его ставленники утверждали, что жизни и состоянию Аргайла на самом деле не угрожала ни малейшая опасность, и что устроители процесса обнаружили подобную суровость лишь затем, чтобы вынудить графа отказаться от ряда пунктов наследственной юрисдикции, которые де затрудняли отправление публичного правосудия и делали влияние его семейства в горной Шотландии опасным для правительства. Но даже если признать разумной цель, нельзя не согласиться, что средства были негодными, такими, каким не должно быть места не только при свободном, но и при любом цивилизованном правлении. А потому у Аргайла не осталось

никаких оснований надеяться на справедливость или милосердие подобных врагов — он бежал из тюрьмы и некоторое время скрывался в Лондоне, пока не нашел корабль, доставивший его в Голландию Король знал, где он прячется, но арестовать его не позволил [217] Однако все статьи приговора шотландское правительство, насколько это от него зависело, исполнило с неумолимой строгостью имущество Аргайла было конфисковано, его герб предан поруганию

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ШОТЛАНДИИ

Кажется, подлинное стремление к свободе было к этому времени в Шотландии совершенно подавлено — оставался лишь дух возмущения и мятежа, поощряемый ложным религиозным рвением Камерон и Карджил, два неистовых проповедника, пошли дальше всех своих собратьев они публично отлучили короля от церкви за тиранию и нарушение Ковенанта и отказались соблюдать ему верность как подданные Камерон был убит солдатами в стычке близ Эр-Мосса, Карджила схватили и повесили [228] Многие их приверженцы были преданы суду и приговорены к смертной казни Осужденным обещали сохранить жизнь, если они произнесут слова «**Боже, храни короля**», но они соглашались лишь молиться о его раскаянии Ссылаясь на упрямство мятежников, иные всячески пытались оправдать жестокие меры правительства, но если как следует поразмыслить, то в нем, пожалуй, можно усмотреть основания для противоположного вывода Столь прискорбное помрачение ума заслуживает скорее сочувствия, а не гнева, и едва ли эти люди дошли бы до подобного фанатического неистовства, если бы их не привела в ярость долгая череда насилий и притеснений

Так как король стал теперь полным хозяином положения в Англии и уже не страшился шумных протестов партии страны, то он позволил герцогу нанести ему визит, а вскоре Карла убедили дать согласие на окончательное возвращение Якова в Англию и даже допустить его к участию в государственных делах Пока же герцог отправился в Шотландию, чтобы забрать свое семейство и сделать необходимые распоряжения по управлению этой страной Ехать туда он решил морем, но его корабль налетел на мель и погиб Сам герцог избежал смерти, сев на баркас, причем в то самое время, когда тонули многие знатные особы, и среди прочих его зять Гайд, Яков будто бы заботился лишь о спасении своих собак и католических священников — эти два вида самых дорогих его сердцу существ некоторые авторы намеренно упоминают рядом Иные также утверждают, что на баркас можно было без всякого риска взять гораздо больше людей, и некоторые подплывали к нему, но их отталкивали, а тем, кто успевал ухватиться за борт, даже рубили руки Однако любой поступок любого высо-

копоставленного лица мог в ту эпоху с легкостью подвергнуться превратному истолкованию по вине партийной злобы, а потому нам следует проявлять величайшую осторожность, делая выводы на основании столь ненадежных свидетельств Любопытно, что оставшиеся на корабле матросы, хотя сами они вот-вот должны были пойти на дно вместе со своим судном и уже видели перед собой неизбежную гибель, заметив, что герцог находится в безопасности, тотчас же выразили свою радость и ликование громкими криками

Во время своего пребывания в Шотландии герцог оказывал немало любезностей джентри и знати, и столь учтивое обращение снискало ему глубокую симпатию тамошнего дворянства, однако с фанатиками он по-прежнему обходился довольно жестоко, во многих случаях показав себя человеком весьма сурового, чтобы не сказать безжалостного нрава

Утверждают даже, что когда пытали преступников, герцог лично при этом присутствовал и хладнокровно наблюдал, как будто на его глазах проводился некий любопытный эксперимент [218] Власть над Шотландией он отдал в руки канцлера графа Абердина и казначея графа Квинсберри, и те управляли страной в духе грубого деспотизма Одного джентльмена, Уира, привлекли к суду за то, что он водил дружбу с человеком, участвовавшим в мятеже, хотя ни на процессе по этому делу, ни в прокламации его имя даже не упоминалось Уира признали виновным (в Шотландии судебное преследование, возбужденное правительством, было тогда равнозначно осуждению), опираясь на нижеследующую цепь доводов всякий, кто замешан в мятеже — такова была исходная посылка, — непременно должен внушать подозрения соседям, если же соседи его уже заподозрили, то любому из них, надо полагать, известны также и причины для этих подозрений, каждый обязан доносить властям о своих подозрениях на счет любого человека и избегать общества изменников, неисполнение же сей обязанности равносильно соучастию в государственной измене Из этого силлогизма делался вывод «Вы беседовали с бунтовщиком, следовательно, вы сами — бунтовщик» Удалось, хотя и не без труда, добиться отсрочки исполнения вынесенного Уиру смертного приговора, однако правительство твердо решило воспользоваться прецедентом В южных и западных графствах учредили особые суды, и началось тщательное расследование этого нового вида преступлений Упомянутые трибуналы должны были действовать в течение трех лет, после чего власти обещали объявить амнистию Всякий же, кто принимал утвержденную парламентом присягу, освобождался от уголовной ответственности уже теперь. Устрашенные подобной тиранией, перед которой никто не мог полагать себя в безопасности, пресвитериане начали всерьез думать об эмиграции, и их представители отправились в Лондон для переговоров с хозяевами Каролины о переселении в эту колонию Любое положение казалось им теперь предпочтительнее жизни в родной стране, где из-за жестоких гонений и насилий они чувствовали себя не лучше, чем в логове разбойников

Около двух тысяч человек были объявлены вне закона под тем предлогом, что они общались или поддерживали какие-либо сношения с мятежниками,[219] и теперь за ними беспрестанно охотились солдаты, шпионы, доносчики и неправедные судьи Людям, мирно живущим в своих домах, задавали обыкновенно следующие коварные вопросы «Согласны ли вы отречься от Ковенанта? Считаете ли вы Босуэльское восстание мятежом? Было ли, по-вашему, преступным деянием убийство архиепископа Сент-Эндрюсского?» И если эти несчастные, одураченные создания отказывались отвечать, им выносили смертные приговоры [220] Даже женщин отправляли на виселицу за это мнимое преступление Несколько беглецов, доведенных до отчаяния свирепыми гонениями, обнародовали мятежную декларацию, отказавшись соблюдать верность Карлу Стюарту, которого они назвали «тираном» — должно признаться, имея со своей стороны известные основания считать его таковым Это происшествие Тайный совет использовал как предлог для новых, совершенно неслыханных жестокостей Отряды солдат разослали по всей стране, а всем офицерам, даже самым младшим по званию, предоставили полномочия требовать клятвенного отречения от декларации от любого, кто встретится им на пути, а в случае отказа — без дальнейших расспросов расстреливать смутьянов на месте [221] Невозможно перечислить все примеры преследований или, другими словами, бессмысленно-жестокой тирании, от которой страдала в ту пору Шотландия, к тому же это слишком возмутило бы человеческие чувства Но один из них столь поразителен, что я не смог удержаться и решил о нем рассказать

Как-то раз схватили трех женщин[222] и, по тогдашнему обыкновению, велели присягнуть в том, что они отрекаются от вышеупомянутой декларации Все они отказались и были приговорены к смертной казни через утопление Одна из них уже достигла преклонного возраста, две другие были совсем молоды одной минуло восемнадцать лет, другой не исполнилось еще и четырнадцати Даже столь свирепые гонители постыдились предать смерти самую юную, но двух других отвезли к месту казни и во время отлива привязали к столбам, установленным ниже уровня полной воды, чтобы сделать их смерть медленной и мучительной Когда вода начала прибывать, старуха, находившаяся дальше от берега, захлебнулась первой Молодая женщина, устрашенная зрелищем ее смерти, не выдержала и, уступая мольбам своих друзей, произнесла **«Боже, спаси короля»** Толпа тут же начала кричать, что она уже покорилась, и ее отвязали от столба Но майор Уинрем, распоряжавшийся казнью, вновь потребовал от нее подписать отречение, и когда женщина отказалась это сделать, велел немедленно погрузить ее с головой в воду, где она и захлебнулась

Жестокость шотландских властей объяснялась отчасти характером самого герцога, которому король доверил управление этой страной и который с великим рвением входил во все дела, стараясь не упустить ничего важного Такой же дух суровости и по той же причине проник до некоторой степени даже в управление Англией Герцог пользовался огромным

влиянием при дворе. Любили и уважали его меньше, чем короля, зато боялись больше, а потому волю Якова исполняли с бóльшим усердием, а знаки покорности оказывали с бóльшим подобострастием. Уоллер даже както заметил, что Карл, назло парламенту, который вознамерился не допустить герцога к наследованию английского престола, твердо решил, что тот будет царствовать еще при его жизни.

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА В АНГЛИИ

Тем не менее король, стремившийся поддерживать известное равновесие среди своих советников, по-прежнему, невзирая на постоянные возражения герцога, оказывал покровительство Галифаксу, которого он возвел в звание маркиза и назначил хранителем печати. Этот человек, тонкостью ума и обширностью талантов превосходивший всех, кому поручалось в это царствование ведать государственными делами, усердно пытался соблюсти своего рода нейтралитет в борьбе тогдашних партий и считался главой небольшой группы, известной под названием **лавирующих**. Подобный образ действий, более естественный для человека честного, нежели честолюбивого, так и не смог доставить ему репутацию первого, и в Галифаксе всегда, и не без оснований, видели скорее интригана, чем патриота. Сандерленд, поддержавший билль об исключении и по этой причине смещенный с должности, теперь, с согласия герцога, вновь оказался в числе министров. Крайнее двуличие или, во всяком случае, непостоянство, которое проявлял этот человек в течение всей своей жизни, заставило подозревать, что к партии страны он присоединился по тайному указанию короля. Гайд, возведенный в достоинство графа Рочестера, был первым комиссаром казначейства и во всем держал сторону герцога.

Сам король вынужден был действовать как глава партии — положение, для государя крайне неудобное и неизменно порождающее всякого рода несправедливости и притеснения. Зная, сколь ненавистны англиканской церкви диссентеры, Карл — вопреки принципам веротерпимости, которые он до сих пор поддерживал в Англии, — решил ублажить своих друзей гонениями на своих врагов. Законы против тайных религиозных собраний исполнялись теперь со всей строгостью — политика, которая, как отлично понимал и сам король, не способна была уменьшить ни число нонконформистов, ни их влияние, и за которой по этой причине следует видеть скорее слепой гнев, нежели разумный расчет. Вообще говоря, цель любых религиозных преследований едва ли может быть достигнута иным путем, кроме поголовного истребления инаковерующих.

НАЗНАЧЕНИЕ НОВЫХ ШЕРИФОВ

Хотя власть короля день ото дня укреплялась, она по-прежнему встречала серьезное противодействие, главным образом со стороны Сити, где безраздельно господствовала оппозиция. Не приходилось, к примеру, рассчитывать на то, что назначаемые шерифами присяжные покажут себя беспристрастными судьями между короной и народом; проделанные же в этом смысле опыты — процессы Шефтсбери и Колледжа — внушали опасение, что с такими присяжными государственная измена может остаться безнаказанной. А следовательно, тот, кто взялся бы изменить существующее положение вещей, оказал бы неоценимую услугу двору. Сэр Джон Мур, лорд-мэр,[229] поддался уговорам государственного секретаря Дженкинса и по его внушению решил отстоять традиционную привилегию своей должности — право назначать одного из шерифов. Когда наступил день выборов, он поднял тост за Норта,[230] купца Левантийской компании, согласившегося занять эту связанную с немалыми расходами должность. Партия страны твердила, что Норт лишь недавно вернулся из Турции и, судя по последним событиям в его жизни, скорее всего будет покорно исполнять волю двора. Начались выборы второго шерифа, и тут разгорелся ожесточенный спор. Большинство членов городского совета, во главе с двумя прошлогодними шерифами, отказались признать право мэра назначать одного из шерифов и упорно требовали, чтобы обоих избирали члены лондонских ливрейных гильдий. Партия страны решила провести Папильона и Дюбуа (24 июня); сторонники двора выдвинули своим кандидатом Бокса. Открылось голосование, но так как лорд-мэр запретил проводить выборы на обе вакантные должности, то он и шерифы разошлись, и каждая партия голосовала отдельно. Приверженцы партии страны, голосовавшие вместе с шерифами за Папилона и Дюбуа,[231] были гораздо многочисленнее тех, кто вместе с лорд-мэром отдал свои голоса за Бокса; но лорд-мэр заявил, что юридическую силу имеет лишь та баллотировка, которая проводилась в его присутствии, и провозгласил Бокса законно избранным шерифом. Тут, однако, возникло новое затруднение: Бокс, опасаясь тех последствий, которые могли бы повлечь за собой столь сомнительные выборы, уплатил штраф и отказался от должности, и мэр счел нужным начать все сначала. Когда же членам городского совета сообщили об этом, раздались громкие крики: «Никаких выборов! Долой выборы!» Никого, кроме уже избранных шерифов — Папильона и Дюбуа, советники не соглашались считать законными магистратами. Лорд-мэр, однако, по-прежнему утверждал, что законным было избрание одного лишь Бокса и что теперь необходимо заместить освобожденную им должность. Он распорядился начать новое голосование, и пока возмущенные граждане бестолково шумели, кучка мэрских клевретов избрала Рича, человека, прочим ливрейным компаниям совершенно неизвестного. Нор-

та и Рича привели, как положено, к присяге в качестве шерифов на следующий год; но когда эти люди вступали в должность, для их охраны пришлось выслать отряд милиции. Вскоре — и, как утверждают, с еще более грубыми нарушениями закона — был избран новый лорд-мэр, сторонник партии двора (25 октября).

Так партия страны лишилась своего оплота в Сити, где с самого начала партийных распрей в Англии она всегда имела неоспоримое и почти не оспариваемое превосходство над своими противниками. Было бы великой удачей, если бы, покончив с той предвзятостью, в которой обвиняли присяжных до сих пор, ее не заменили предвзятостью противоположного свойства, но при тогдашнем состоянии нации, расколотой на враждующие лагеря и охваченной крайнем возбуждением, справедливость и беспристрастие оставались недосягаемым идеалом. Приверженцы двора и церкви, назначенные присяжными, поставили правосудие на службу собственным партийным целям, и у короля появилась теперь надежда сполна отомстить своим врагам. Последствия этих перемен обнаружились очень скоро Когда пришли первые известия о том, что герцог намерен покинуть Шотландию, Пилкингтон, человек на редкость горячего нрава и тогда еще шериф, в ярости воскликнул: «Ну вот! Когда-то он сжег Сити, а теперь собрался сюда, чтобы перерезать нам всем горло!» За эти клеветнические речи герцог подал на Пилкингтона в суд, и тот постановил взыскать с оскорбителя громадную компенсацию — 100 000 фунтов. По английским же законам, утвержденным в Великой хартии, штрафы и компенсации не должны были приводить к полному разорению осужденного. Сэр Пейшенс Уорд (в прошлом лорд-мэр), дававший показания в пользу Пилкингтона, был предан суду, признан виновным в лжесвидетельстве и выставлен к позорному столбу. Этого сурового приговора оказалось достаточно, чтобы отбить у запуганных свидетелей всякое желание выступать в защиту тех, кого преследовал судебным порядком двор.[232]

УКАЗЫ О QUO WARRANTO. 1683

Но хотя корона добилась в Сити огромного успеха, победа ее не стала решающей и прежняя борьба могла возобновляться каждый год при выборах новых магистратов. А потому двор составил далеко идущий план с целью не только сделать короля полным хозяином положения в Сити, но и, опираясь на этот прецедент, обеспечить ему неограниченное влияние на все корпорации Англии и таким образом обрушить на законную конституцию удар такой силы, какого не могли нанести ей в прежние времена даже самые могущественные монархи-деспоты. Против Сити был издан указ о quo warranto,[233] т. е. о проверке действительности городской

хартии Утверждалось, что вследствие двух проступков, совершенных палатой ольдерменов и городским советом, Сити утратил все свои привилегии и не может больше считаться корпорацией, о чем и должно быть объявлено официально Дело в том, что после Великого лондонского пожара 1666 года, когда все рынки были заново отстроены и снабжены многими удобствами, магистраты для покрытия соответствующих издержек ввели небольшую пошлину на привозимые на эти рынки товары, а в 1679 году они составили адрес к королю против роспуска парламента, в котором выразились следующим образом «Податели настоящей петиции чрезвычайно удивлены недавней отсрочкой, которая сделала невозможным отправление публичного правосудия, равно как и принятие необходимых мер для защиты Вашего Величества и ваших протестантских подданных» Теперь же эти слова были истолкованы как грубая клевета на короля и его действия Против генерального атторнея и генерального солиситора дело Сити защищали на суде Треби и Поллексфен

Эти последние утверждали, что со времени установления в Англии монархии ни одна корпорация еще не была лишена своих привилегий и что подобный акт сам по себе означал бы вопиющую нелепость, что корпорация как таковая не может быть повинна в каких-либо преступлениях или проступках, а следовательно, ответственность за любые правонарушения должны нести лишь те лица, которые непосредственно их совершают, что члены корпорации, избирая своих магистратов, предоставляют им лишь законные полномочия, и если магистраты эти полномочия превышают, то их действия становятся незаконными, однако не могут быть вменены в вину как преступление корпорации в целом, что такой порядок существовал в Англии всегда, если не считать эпоху Реформации, когда закрывались монастыри, но то был исключительный случай, более того, все, совершившееся в ту пору, впоследствии сочли нужным санкционировать особым актом парламента, что корпорации, созданные для общего блага и на вечные времена, не должны уничтожаться из-за проступков отдельных членов, которые могут быть привлечены к ответственности за содеянное как частные лица, без ущерба для данного сообщества как целого, что даже частное владение, если оно является заповедным, не может быть конфисковано в пользу короны вследствие государственной измены его пожизненного владельца, но по его смерти переходит к ближайшему из законных наследников, что прегрешения, в которых обвиняют Сити, на самом деле не заслуживают ни малейшего порицания, а уж тем более — столь суровой кары, что каждая корпорация наделена правом издавать собственные распоряжения и самому захудалому парламентскому местечку в Англии всегда дозволялось заходить в осуществлении указанного права дальше, чем это сделал Лондон в случае, вызвавшем теперь столько недовольства, что Сити, восстановив за собственный счет городские рынки (построенные, кстати говоря, также на его средства), имел столь же законное право требовать небольшого вознаграждения от

тех, кто привозит туда свои товары для продажи, как и владелец дома — взимать арендную плату с жильцов, что те, кого подобное условие не устраивало, вольны были воздержаться от торговли на этих рынках, всякий же, кто означенную пошлину платил, делал это добровольно, что подача петиции есть общепризнанное право подданных и Сити в своем адресе к королю нисколько этой привилегией не злоупотреблял, что в декларациях самого короля, равно как и в постановлениях парламента, не раз объявлялось, что нации грозит опасность со стороны заговорщиков-папистов, судебное же преследование заговора, что совершенно очевидно, могло быть вполне успешным лишь при участии в этом деле парламента, что неоднократные отсрочки, вне всякого сомнения, создавали препятствия для импичмента лордов-папистов, а также для принятия необходимых законов и иных мер, призванных защитить нацию, что к составлению петиции граждан Сити побуждала не только забота о самосохранении, но и, ничуть не в меньшей степени, чувство верноподданнического долга, ибо все знали, что жизни короля всякую минуту грозит смертельная опасность со стороны заговорщиков-папистов, что Сити не обвинял самого короля в воспрепятствовании правосудию и тем более в каких-либо подобных умыслах, ибо считалось само собой разумеющимся, что за все пагубные последствия любой меры должны нести ответственность единственно дурные советники монарха, и что невозможно понять, почему за два публичных акта, которые, хотя прошло уже столько времени, не навлекли ни малейшего, даже самого легкого взыскания на лиц, непосредственно их совершивших, теперь следует карать всю корпорацию, которая никогда не может быть и никогда не должна считаться виновной в подобных действиях

Совершенно ясно, что тем, кто пожелает выступить с апологией мер двора, придется в данном случае основывать свои аргументы не на законе, а на государственных соображениях А следовательно, судьи, которые признали Сити виновным (12 июня), не могут быть оправданы ничем, ибо в своих решениях они всегда должны руководствоваться единственно лишь чистыми принципами правосудия и справедливости Однако судьи в те времена занимали свои должности «до тех пор, пока это угодно королю», и ни одно судебное дело, в котором пускал в ход свое влияние двор, просто не могло быть решено вопреки его желанию После оглашения приговора граждане Сити обратились с покорнейшей просьбой к королю, и тот согласился возвратить им их хартию, но Сити пришлось принять следующие условия отныне ни один лорд-мэр, шериф, рикордер, судебный пристав, секретарь корпорации или коронер не может быть допущен к отправлению своей должности без санкции Его Величества, после двукратного неутверждения им вновь избранных мэра или шерифов король вправе назначить этих магистратов по собственному усмотрению, мэр и совет ольдерменов могут с дозволения Его Величества снять с должно-

сти любого магистрата; а в случае открытия вакансии ни один ольдермен не может быть избран без согласия совета ольдерменов, который, дважды отклонив вновь избранного кандидата, вправе заместить эту должность сам.

МОГУЩЕСТВО КОРОНЫ

Все корпорации Англии, имея перед глазами печальный пример Лондона, быстро уразумели, сколь тщетной оказалась бы теперь всякая попытка спорить с двором, и большая их часть, уступив давлению правительства, согласилась отказаться от своих хартий в пользу короля. За возвращение хартий требовали крупные суммы, а право распоряжаться всеми важными и доходными должностями перешло к короне. Кажется удивительным, что гордых роялистов, и в мыслях никогда не имевших делать власть монарха абсолютной, недавняя победа над противниками опьянила настолько, что они одобрили опаснейший прецедент, который ставил под угрозу все права нации и предоставлял королю возможность, под сходными предлогами и с помощью тех же орудий, вновь объявить недействительными все хартии, только что им пожалованные. Каждый друг свободы должен согласиться, что народ, чья конституция оказалась грубо попранной в жестокой борьбе партий, имел право использовать любые разумные средства, чтобы возвратить гарантию своих вольностей, столь злосчастным образом утраченную.

ЗАГОВОР

Совершенно очевидно, что пока корону поддерживала столь могущественная партия, сопротивление правительству, какими бы оправданными ни были его мотивы, не могло оставаться в рамках благоразумия, и потому все рассудительные люди видели здесь только один выход — смириться с нынешними злоупотреблениями. Существовала, однако, партия недовольных, и владел ею столь яростный и мятежный дух, что еще до этого последнего беззакония, отдавшего английскую конституцию в полную власть короля, она уже начала строить планы сопротивления, хотя в то время подобные действия были бы столь же безрассудными, сколь неоправданными. Весной 1681 года,[223] незадолго до созыва Оксфордского парламента, король тяжело заболел в Виндзоре, и всю страну охватила глубокая тревога. Герцог Монмаут, лорд Рассел и лорд Грей,[234] подстрекаемые неугомонным Шефтсбери, условились, в случае если болезнь короля

окажется смертельной, взяться за оружие и воспрепятствовать восшествию герцога на английский престол Карл выздоровел, но от своих опасных замыслов оппозиционеры не отказались Те же заговорщики вместе с Эссексом и Солсбери твердо решили не допустить роспуска Оксфордского парламента, о котором, как ожидалось, со дня на день должен был объявить король, и втянули в свою преступную авантюру ряд вождей общин Они дошли до того, что задержали в палате нескольких лордов — якобы затем, чтобы подписать протест против отклонения импичмента Фицгаррриса, но, узнав, что перепуганные общины прекратили свои заседания, в конце концов также вынуждены были разойтись Арест и процесс Шефтсбери на какое-то время приостановили эти интриги, возобновившиеся лишь после того, как двор навязал Сити новых шерифов Вожди партии страны сочли тогда, что над ними нависла грозная опасность, и были чрезвычайно рады, обнаружив, что лондонские граждане, охваченные теми же страхами, готовы пуститься в самые рискованные предприятия Кроме Сити, заговорщики подстрекали к вооруженному выступлению джентри и знать в нескольких графствах Англии Монмаут вовлек в подобные замыслы графа Макклсфилда, лорда Брандона, сэра Гильберта Джерарда[235] и других джентльменов в Чешире, лорд Рассел вступил в переписку с сэром Уильямом Кортни, сэром Фрэнсисом Роузом и сэром Фрэнсисом Дрейком, которые обещали поднять западные графства, а Тренчард, пользовавшийся влиянием в Таунтоне, городе, настроенном против правительства, заверял Рассела в том, что жители этих мест готовы деятельно поддержать восстание Шефтсбери и его агент Фергюсон, священник-индепендент и неугомонный интриган, плели козни в Сити, на который заговорщики возлагали главные надежды Требовалось лишь поднести факел, чтобы вспыхнул пожар, но осторожный лорд Рассел убедил Монмаута отложить предприятие Между тем Шефтсбери до такой степени поддался страху перед угрожавшей ему опасностью разоблачения, что тайно оставил свой дом и укрылся в Сити, где принялся строить самые отчаянные замыслы, к которым только могут толкнуть человека неудовлетворенная жажда мести и обманутые мечты честолюбия Он яростно восставал против всякого промедления, с жаром доказывая сообщникам, что теперь, когда они зашли так далеко и доверили свою тайну стольким людям, их может спасти от гибели только смелое и решительное осуществление задуманного В итоге прежние проекты были вновь извлечены на свет, заговорщики устраивали свои сходки в разных домах, преимущественно у Шепарда, крупного лондонского виноторговца, был разработан план восстания в Лондоне, Чешире, Девоншире и Бристоле, назначены места сбора, согласована во всех подробностях последовательность действий, Монмаут и Армстронг даже изучили расположение королевской гвардии, придя к выводу, что нападение на нее может быть успешным, заслушали и одобрили текст декларации, призванной оправдать предприятие в глазах народа, и по всему

казалось, что теперь уже восстание неминуемо, но тут новой его отсрочки добился Тренчард, заявивший, что необходимые приготовления в западных графствах могут быть закончены лишь через несколько недель.

БЕГСТВО И СМЕРТЬ ШЕФТСБЕРИ

Все эти предосторожности и бесконечные проволочки приводили в бешенство Шефтсбери, полагавшего, что только смелость и быстрота действий способны обеспечить успех предприятия; он даже грозил начать восстание, опираясь лишь на собственных приверженцев в Сити, и с похвальбой заявлял, что там у него имеется десять тысяч, как он выражался, **лихих парней**, готовых взяться за оружие по первому же его знаку. Монмаут, Рассел и другие заговорщики с некоторых пор опасались, как бы отчаяние и в самом деле не толкнуло его к каким-нибудь рискованным шагам — как вдруг им стало известно, что после долгой борьбы между страхом и гневом граф оставил всякие надежды на успех и бежал в Голландию. Он жил как частное лицо в Амстердаме, а чтобы надежнее обеспечить собственную безопасность, пожелал сделаться членом городского магистрата; но о его прежней враждебности к Голландской республике там хорошо помнили, и все его просьбы были отклонены. Вскоре он умер, и его смерть не вызвала ни скорби у друзей, ни радости у врагов. Бешеный нрав Шефтсбери, несмотря на весь его ум, причинил немало вреда делу, которое он защищал. Несправедливости и беззакония, совершенные по его наущению или при его потворстве, казались возмутительными даже его собственной партии, и порой трудно было не вспомнить, что тот самый Шефтсбери, который превратился ныне в столь рьяного патриота, некогда бессовестно прислуживал двору. Замечательно, однако, что этот человек, чьи принципы и поступки по всех прочих отношениях были столь предосудительны, оказался превосходным канцлером, и что все его действия, пока он занимал эту высокую должность, отличались в равной степени разумностью и честностью — столь трудно отыскать в истории личность абсолютно порочную или совершенно добродетельную, хотя движимые партийными предрассудками авторы легко впадают в крайности как восторженных похвал, так и жестоких обличений.

После отъезда Шефтсбери заговорщики столкнулись с известными трудностями, пытаясь восстановить связи с недовольными гражданами Сити, уже привыкшими полагаться единственно лишь на этого вельможу. Но общие надежды, равно как и общие страхи, в конце концов бросили их в объятия друг другу, и на свет вновь появился правильный план восстания. Был создан совет шести, который составили Монмаут, Рассел, Эссекс, Говард, Алджернон Сидней и Джон Гемпден, внук знаменитого пар-

ламентского вождя. Эти люди вошли в соглашение с Аргайлом и шотландскими оппозиционерами, обязавшимися по получении 10 000 фунтов на покупку оружия в Голландии поднять на борьбу ковенантеров. Равным образом опять стали думать о восстании в Чешире, в западных графствах и в Сити, и вожди заговора не однажды собирались, чтобы придать этим планам более определенную форму. Заговорщики, однако, сильно расходились в своих политических воззрениях. Сидней страстно мечтал о республике, к той же цели стремился Эссекс, тогда как Монмаут лелеял надежду добиться для себя короны. Рассел и Гемпден, твердые приверженцы старинной конституции, намеревались лишь исключить герцога из престолонаследия и покончить с прежними злоупотреблениями. Лорд Говард, человек совершенно беспринципный, готов был присоединиться к любой партии, если это послужит его собственной выгоде. И однако, несмотря на явное несходство характеров и целей, общая ненависть к герцогу и нынешнему правительству сплотила их в одну партию, и они твердо решились пойти на этот опасный опыт и поднять восстание.

РАЙХАУЗСКИЙ ЗАГОВОР

Пока вожди согласовывали подобные планы, заговорщики более низкого звания устраивали собственные сходки, где не только велись разговоры о предстоящем восстании, но и вынашивались иные замыслы, Монмауту и «шестерке» совершенно неизвестные. К числу этих людей принадлежал полковник Рамси, в прошлом республиканский офицер, отличившийся затем в Португалии и рекомендованный королю маршалом Шомбергом; подполковник Уолкот, еще один бывший офицер республики; Гуденаф, заместитель шерифа в Лондоне, известный своей ревностной приверженностью к партии страны; юристы Уэст, Тайли, Нортон, Эйлофф, а кроме того — Фергюсон, Роуз, Хоун, Кейлинг, Холлоуэй, Бурн, Ли и Рамболд, по большей части лавочники и купцы. Из всех перечисленных выше заговорщиков доступ к вождям партии имели только Рамси и Фергюсон. Собираясь вместе, эти люди вели самые ужасные и преступные речи; нередко они заговаривали даже об убийстве короля и герцога (или, как фамильярно выражались сами заговорщики, о **подрезке сучьев**) и даже всерьез обсуждали план подобного предприятия. Рамболд, солодовник по ремеслу, владел фермой Райхауз, стоявшей у дороги на Ньюмаркет, куда король имел обыкновение ездить раз в год на скачки. Описав расположение своей фермы, Рамболд показал сообщникам, как легко было бы, перевернув посреди дороги телегу, остановить в этом месте королевский экипаж; после чего они, спрятавшись в кустах, могли бы произвести по королю несколько выстрелов, а затем преспокойно уйти по тропинке через окрестные поля. Но хотя видимая осуществимость этого замысла

привела заговорщиков в восторг, сколько-нибудь четкий план действий они так и не составили, ни люди, ни оружие, ни лошади подготовлены не были, и дальше пустых разговоров, служивших отдушиной для переполнявшего их пылкого рвения и бешеной злобы, дело так и не пошло Между тем дом, в котором жил в Ньюмаркете король, внезапно загорелся, и Карлу пришлось покинуть этот город на восемь дней раньше, чем предполагалось вначале Впоследствии, когда заговор был раскрыт, данному обстоятельству приписывали спасение монарха, и партия двора не знала, как выразить свое изумление перед мудростью путей Провидения Известно, впрочем, что с королем, когда он так неожиданно уехал из Ньюмаркета, людей было меньше, чем обычно, и Рамболд с досадой поведал своим сообщникам, сколь превосходная возможность были ими злосчастным образом упущена

РАСКРЫТИЕ ЗАГОВОРА

Среди прочих заговорщиков я уже упоминал Кейлинга, лондонского торговца солью Человек этот участвовал в одном дерзком предприятии — попытке ареста лорда-мэра Лондона по требованию Папильона и Дюбуа (избранных шерифами, но незаконно лишенных должности), и теперь, когда за эти действия ему угрожало судебное преследование, счел наилучшим для себя выходом купить помилование, выдав властям тайну заговора, в котором сам был глубоко замешан Он донес государственному секретарю Дженкинсу о плане убийства короля (12 июня), но так как Кейлинг был единственным свидетелем, то государственный секретарь, которого, надо думать, уже успели скептически настроить множество вымышленных заговоров, не решился издать ордер на арест стольких людей А потому Кейлинг, желая подкрепить прежние показания новыми фактами, уговорил своего брата вызвать на изменнические речи Гуденафа, одного из заговорщиков, и теперь Дженкинс стал относиться к сообщениям Кейлинга более серьезно Между тем заговорщики каким-то образом узнали о нависшей над ними опасности и скрылись Схватить удалось только одного — Барбера, музыкального мастера, а поскольку его признания совпали во многих пунктах с доносом Кейлинга, то существование заговора сочли совершенно бесспорным и его участников всюду принялись искать с большим усердием

Юрист Уэст и полковник Рамси, убедившись, каким опасностям подвергает их попытка уйти от наказания, решили спасти собственные жизни ценой жизни своих товарищей и отдали себя в руки правосудия с намерением выступить в качестве свидетелей Уэст смог лишь подтвердить показания Кейлинга, зато от Рамси помимо новых подтверждений того же замысла, в конце концов, хотя и с великим трудом, удалось получить сведения о тайных собраниях в доме Шепарда Шепард был немедленно взят под

стражу; мужество изменило ему, и он выдал своих сообщников. На основании его свидетельств был издан приказ об аресте замешанных в заговоре аристократов. Монмаут скрылся от правосудия; Рассела заключили в Тауэр; Грей был арестован, но сумел бежать; Говарда взяли, когда он пытался спрятаться в дымоходе; человек безнравственный и к тому же сильно нуждавшийся в деньгах, он, в надежде на помилование и вознаграждение, не долго думая рассказал о заговоре все, что знал. Показания Говарда немедленно повлекли за собой арест Эссекса, Сиднея и Гемпдена. Каждый день в каком-нибудь убежище хватали новых заговорщиков и отправляли в тюрьму.

КАЗНЬ ЗАГОВОРЩИКОВ

Первым предстал перед судом подполковник Уолкот. Несколько ранее этого человека, некогда прославившегося своей храбростью, охватил такой страх смерти, что он написал государственному секретарю Дженкинсу, предложив, если ему будет обещано помилование, изобличить своих сообщников; но как только он совершил этот низкий поступок, в нем заговорили чувства более благородные, и он попытался скрыться, хотя и безуспешно. Свидетелями против Уолкота выступили Рамси, Уэст, Шепард и пивовар Бурн. Когда же суду представили его собственноручное письмо к секретарю, показания свидетелей уже невозможно было оспаривать. Осуждены были также Хоун и Роуз. Эти двое, как и Уолкот, перед казнью признали справедливость приговора, а из судебного разбирательства и из собственных слов подсудимых с достаточной очевидностью явствует, что заговорщиками был разработан правильный план восстания и что нередко в их кругу велись разговоры даже об убийстве короля, причем многие участники заговора одобряли подобный замысел.

ПРОЦЕСС ЛОРДА РАССЕЛА

После суда над этими преступниками, который, по расчетам его организаторов, должен был, вероятно, подготовить почву для процесса лорда Рассела, народ твердо поверил в существование заговора и, пораженный ужасом, проникся ненавистью к заговорщикам. Свидетелями против оказавшегося под судом вельможи выступали Рамси, Шепард и лорд Говард. Рамси показал под присягой, что с участниками заговора его самого познакомили в доме Шепарда, в присутствии Рассела; тот как раз привез письмо от Шефтсбери, настойчиво убеждавшего сообщников поскорее начинать задуманное восстание; ему, однако, ответили, что предприятие

нашли нужным отложить и что Шефтсбери должен на время удовлетвориться таким решением Этот ответ, утверждал свидетель, доставил графу Фергюсон, но подсудимый также был согласен с отсрочкой Рамси добавил, что заговорщики вели разговоры о необходимости разведать расположение королевской стражи и что, если он не ошибается, Монмаут, Грей и Армстронг взяли эту задачу на себя Шепард сообщил суду, что Фергюсон заранее избрал его дом в качестве места тайных встреч заговорщиков и что он, Шепард, всячески старался держать своих слуг подальше от гостей и прислуживал последним сам Беседовали же они главным образом о том, как застать врасплох стражу, выяснить ее расположение было поручено Монмауту и двум его друзьям На следующей встрече те сообщили, что охрана несет службу без всякой бдительности и что замысел внезапного нападения вполне осуществим, Шепард, однако, не брался утверждать, что подобный план решено было привести в исполнение Подсудимый же, насколько он мог припомнить, участвовал в обоих этих собраниях, во всяком случае, на одном из них, по словам Шепарда, он был точно Тогда же, добавил свидетель, Фергюсон, в присутствии Рассела, зачитал декларацию, в которой излагались причины задуманного восстания и подробно описывались все злоупотребления, вызывавшие недовольство народа

Лорд Говард являлся одним из членов совета шести, созданного уже после бегства Шефтсбери, и входившие в него заговорщики успели провести два собрания — одно у Гемпдена, а другое у Рассела Говард показал, что на первой из этих встреч было решено начать восстание сначала в графствах и только затем в Сити, тогда же заговорщики назначили сборные пункты, определили количество и виды необходимого оружия, согласовали весь план действий На втором собрании речь шла главным образом о сношениях с шотландскими оппозиционерами, поддерживать с ними связь было поручено Сиднею, который послал в Шотландию Аарона Смита с надлежащими инструкциями Говард добавил, что в ходе этих совещаний никаких формальных голосований не проводилось, впрочем, ни малейших возражений не было, ибо все участники, в том числе и подсудимый, выразили полное согласие с принятыми решениями

Рамси и Шепард давали показания против Рассела с большой неохотой, между тем, как явствует из «Тайной истории» Грея,[224] эти люди, если бы только захотели, могли бы представить против него более определенные свидетельства Подобное нежелание вместе с невозможностью сохранить в памяти все подробности разговора, который имел место за восемь месяцев до суда и о котором никто из его участников тогда еще не собирался доносить властям, способны внушить нам известные, пусть и не слишком серьезные сомнения в точности их показаний В целом, однако, было неопровержимо доказано, что подсудимый обсуждал и безоговорочно одобрил план восстания, что он обсуждал, но не вполне одобрил план внезапного нападения на королевскую стражу, и что он никогда не замышлял и ни разу не заводил речи об убийстве короля Такова фактическая

сторона дела, и в достоверности этих фактов едва ли можно было усомниться; но что касается собственно юридической стороны процесса, то здесь по-прежнему оставалось одно затруднение, притом весьма существенное.

Английские законы о государственной измене, как в определении этого преступления, так и в отношении требуемых доказательств, являются самыми мягкими и гуманными, а стало быть, и самыми справедливыми из всех где-либо существующих на сей счет законов. В статуте Эдуарда III указаны два главных вида государственной измены — замысел и намерение лишить короля жизни и открытая война против него; а закон Марии определяет, что для доказательства этого преступления необходимы совпадающие показания двух свидетелей, в которых речь идет о каком-то явном действии, предпринятом с этими целями Однако юристы, отчасти из желания услужить государю, отчасти в убеждении, что столь строгие ограничения могут повлечь за собой дурные последствия, стали более свободно толковать как определение самого преступления, так и вопрос о доказательствах. Уже не требовалось, чтобы два свидетеля подтверждали своими показаниями одно и то же определенное явное действие; считалось достаточным, если оба они засвидетельствуют один и тот же акт государственной измены; и хотя эта уловка может показаться излишней тонкостью, ею долго пользовались английские суды, и в конце концов на процессе лорда Стаффорда ее официально санкционировал парламент. С такой же вольностью юристы толковали и закон Эдуарда III. Они указывали, что если некто станет участником заговора с целью поднять в государстве мятеж, войдет с этим намерением в сношения с иностранными державами и даже приготовит деньги и оружие, то — если его вовремя разоблачат и мятежа не последует — этого человека, согласно прямому смыслу упомянутого статута, нельзя будет привлечь к суду за государственную измену. Чтобы устранить данную несообразность (которую разумнее было бы исправить новым законом), они обычно предъявляли обвинение в намерении убить короля, а замысел мятежа представляли как доказательство этого намерения. Но хотя подобная форма обвинительного акта и судебного процесса была весьма распространенной, и именно таким путем многим подсудимым был вынесен приговор, эта практика попрежнему считалась небезупречной с точки зрения закона, а к тому же она, что вполне очевидно, софистически смешивала два вида государственной измены, которые статут тщательно различал. Еще более предосудительным делал это ухищрение один принятый вскоре после Реставрации закон, объявлявший государственной изменой, на время царствования Карла, всякий замысел мятежа или его обсуждение и дозволявший начинать судебное преследование не позднее чем через полгода после совершения преступления. Однако, невзирая на этот статут, юристы продолжали (как продолжают они до сих пор) пользоваться прежней формой обвинительного акта, и именно на основании подобных обвинений судили как сэра Генри Вена, так и Оливера Планкета, титулярного примаса Ир-

ландии Всеобщее отвращение к бывшим республиканцам и к заговорщикам-папистам было столь глубоким, что никому и в голову не приходило выражать недовольство таким толкованием статута, и юристы решили, что они смогут воспользоваться тем же прецедентом и теперь, в деле весьма популярного и любимого в стране лорда Рассела Преступление Рассела само по себе явно подпало под статут Карла II, однако после событий, о которых шла речь в показаниях Рамси и Шепарда, протекло уже больше шести месяцев, установленных по закону как крайний срок для начала судебного преследования, показания же Говарда никакой другой свидетель подтвердить не мог А потому, чтобы сделать обвинение более серьезным, в него включили намерение убить короля, доказательствами же подобного намерения объявили замысел поднять мятеж и, что казалось аргументом еще более убедительным, план нападения на королевскую стражу

Рассел заметил это отступление от закона и потребовал, чтобы защитнику позволили привести свои доводы, но главный судья ответил подсудимому, что подобное одолжение может быть ему сделано лишь в том случае, если он сознается в поступках, которые ставят ему в вину Необоснованное смешение двух видов государственной измены, хотя подобная практика опиралась на многочисленные прецеденты, была главной, но не единственной несправедливостью, на которую Рассел имел причины жаловаться в ходе процесса Защищался Рассел без особой энергии, он лишь заявил, что никогда не вынашивал замыслов покушения на жизнь короля, своего же участия в заговоре с целью восстания он, как человек правдивый, отрицать не мог Присяжные — а это были люди честные и уважаемые, но рьяные роялисты — после непродолжительного совещания признали подсудимого виновным

К королю обращались с ходатайствами о помиловании осужденного, а старый граф Бедфорд, отец Рассела, даже предлагал герцогине Портсмут деньги — 100 000 фунтов Король был неумолим Его уже успели взбесить прежние неистовства партии страны, к тому же он знал, что сам подсудимый не только строил тайные планы, но и в своей открытой оппозиции короне в парламенте всегда доходил до величайших крайностей Рассел даже усвоил те суровые принципы, подобные которым мы находим в одном из писем Брута-младшего «Если бы мой отец, — заявлял он, — посоветовал королю отклонить билль об исключении, то я первый предложил бы парламенту начать процесс об его импичменте» Когда столь непреклонная решимость Рассела стала очевидной, его популярность, его гуманность, его справедливость, — в общем, самые его добродетели, превратились в преступления и использовались как доводы против помилования А потому король согласился отменить лишь наиболее позорные пункты приговора, который по закону должны выносить государственным изменникам «Теперь, — заметил Карл, — лорд Рассел сможет убедиться, что я действительно обладаю той прерогативой, которую на процессе лорда Стаффорда он не счел нужным за мною признать» Так как злобная ярость партии страны в свое время сделала для короля совершенно невоз-

можным, не подвергая явной опасности собственную корону, помиловать столь многих католиков, в чьей невиновности и более того — преданности и любви он ничуть не сомневался, то теперь, когда меч правосудия готов был обрушиться на головы приверженцев самой этой партии, Карл, вероятно, решил, что у этих людей не может быть никаких разумных оснований рассчитывать на то, что он вмешается и спасет их от смерти

Супруга лорда Рассела, женщина редкой добродетели, дочь и наследница почтенного графа Саутгемптона,[236] бросилась к стопам короля и со слезами на глазах заклинала вспомнить о заслугах и верности ее отца, способных искупить вину тех проступков, к которым искренне исповедуемые, хотя и ошибочные принципы толкнули ее мужа Эти мольбы стали последним проявлением женской слабости (если они вообще заслуживают этого названия), которую она обнаружила Убедившись в тщетности любых просьб и ходатайств, она собрала все свое мужество и не только нашла в себе силы стойко встретить роковой удар, но и попыталась укрепить собственным примером дух несчастного лорда Прощаясь в день казни, нежные супруги сумели сохранить достоинство и самообладание «Теперь мне не страшна смерть», — сказал, расставшись с женой, Рассел Лорд Кавендиш, задушевный друг Рассела, не покинул его и в нынешней беде Он вызвался устроить его побег, изъявив готовность, поменявшись с ним платьем, остаться в тюрьме вместо него, чего бы это ни стоило впоследствии ему самому Но Рассел не пожелал спасать собственную жизнь с помощью такого средства, которое могло бы навлечь огромное несчастье на его друга Когда же герцог Монмаут сообщил в письме, что готов сдаться властям, если, по мнению Рассела, подобный шаг способен хоть как-то помочь его спасению, тот сказал «Какая же мне будет польза в том, если вместе со мною погибнут мои друзья?» Судя по некоторым его словам, Рассел сохранял в этом трагическом положении не только присутствие духа, но и чувство юмора Накануне казни у него вдруг пошла носом кровь «Я не хочу, чтобы кровопускание излечило меня от всех болезней уже сейчас, — сказал он находившемуся рядом д-ру Бернету, — это будет сделано завтра» А перед тем как явились шерифы, чтобы препроводить его на эшафот, Рассел остановил свои часы «Я покончил все свои счеты с временем, — заметил он, — и отныне должен думать единственно лишь о вечности»

КАЗНЬ ЛОРДА РАССЕЛА

Эшафот воздвигли близ Линкольнс-инн, т е на значительном расстоянии от Тауэра очевидно, устроителям казни очень хотелось, провезя Рассела по стольким лондонским улицам, показать мятежным гражданам их любимого вождя, который некогда пользовался их полным доверием, а теперь должен был подвергнуться каре по всей строгости закона Рассел

был самым популярным человеком в своей партии, да и у ее противников вызывал меньше ненависти, чем прочие оппозиционеры, а потому его печальная судьба внушала искреннее сострадание каждому, чье сердце оставалось открытым движениям гуманности Нисколько не изменившись в лице, он хладнокровно положил голову на плаху, два удара топора отделили ее от тела (21 июля)

В речи, обращенной к шерифам, Рассел, заботясь о своей репутации в глазах потомков, с жаром доказывал, что ни убийства короля, ни каких-либо перемен в образе правления он никогда не замышлял, открыто признать существование планов восстания, не поставив под удар своих друзей, которых все еще могли бы привлечь за это к суду, Рассел не мог, осужденный, однако, не пытался очистить самого себя от обвинений в подобном замысле, который, при тогдашнем положении страны, он отнюдь не считал преступным Судя по многим местам в его речи, Расселом до последней минуты двигало слепое партийное рвение — страсть, которую даже добродетельный человек, действующий на общественном поприще, едва ли способен совершенно в себе истребить, ибо он черпает силы в самом духе гражданственности и прикрывается благовидной личиной «принципов» Рассел заявил, что твердо верит в существование папистского заговора, и добавил, что хотя ему часто приходилось слышать о планах нападения на королевскую стражу, он всякий раз их осуждал Хладнокровное убийство стольких ни в чем не повинных людей, объяснил Рассел, было бы до такой степени похоже на зверские обычаи папистов, что он не мог относиться к подобному замыслу иначе как с крайнем омерзением В общем, этот несчастный лорд отличался скорее личной честностью и чистотой своих намерений, нежели глубоким умом

ПРОЦЕСС И КАЗНЬ АЛДЖЕРНОНА СИДНЕЯ

Следующим судили Алджернона Сиднея Этот мужественный человек, сын графа Лейстера, принял деятельное участие в войне против покойного короля, и хотя зараза религиозного фанатизма нисколько его не затронула, он с таким пылом поддерживал все замыслы партии республиканцев-индепендентов, что был назначен членом Верховной палаты правосудия, приговорившей монарха к смертной казни, впрочем, сам Сидней являться на заседание этого трибунала не счел нужным Он всегда смело и горячо выступал против Кромвелевской узурпации, а впоследствии, когда все его отчаянные попытки помешать реставрации короля оказались тщетными, твердо решил не принимать всеобщей амнистии и, не желая признавать ненавистные ему династию и образ правления, предпочел удалиться в добровольное изгнание Пока республиканская партия подавала признаки жизни, Сидней деятельно участвовал во всех ее интригах, какими бы ничтожными ни были надежды на успех, но в конце концов, видя,

что его личные дела требуют его возвращению в Англию, в 1677 году обратился к королю с просьбой о помиловании и получил таковое. Когда же партийные распри, порожденные папистским заговором, достигли крайнего ожесточения, Сидней, полный тех возвышенных представлений о свободе, которые усвоил он некогда из великих примеров классической древности, присоединился к народной партии и был готов, пусть даже ценой гражданской войны со всеми ее ужасами, сделать новую попытку установить в Англии столь обожаемую им республику.

Даже из такого, весьма кратко описанного характера и биографии этого необыкновенного человека нетрудно понять, сколь ненавистным стал он для двора и правительства; единственное, за что их следует порицать, так это за тот незаконный метод, к которому прибегли они, чтобы осуществить свой замысел против Сиднея. На процессе они выставили множество свидетелей, доказывавших реальность заговора вообще; когда же подсудимый, возмутившись происходящим, указал на то, что о нем самом ни один из этих людей не обмолвился ни словом, ему ответили, что подобный метод судопроизводства, хотя и небезупречный с точки зрения закона, использовался на процессах заговорщиков-папистов — обстоятельство, способное послужить основанием скорее для того, чтобы осудить одну партию, нежели оправдывать другую. Единственным свидетелем, давшим показания непосредственно против Сиднея, был лорд Говард, но так как по закону требовалось два свидетеля, то для восполнения этого недостатка власти придумали весьма странную уловку. При обыске в кабинете подсудимого была обнаружена рукопись трактата о правлении, в которой Сидней защищал принципы и в самом деле благоприятные для свободы, но такие, какие, как каждому было известно, во все времена разделяли даже самые благонамеренные и верные подданные монархов: первоначальный договор, согласие народа как источник власти, законность сопротивления тиранам, преимущества свободы перед единоличным правлением. Суд заявил, что эти бумаги равносильны показаниям второго свидетеля и даже многих свидетелей. Подсудимый возразил, что приписывать ему авторство этих бумаг нет никаких других оснований, кроме простого сходства почерка — аргумента, никогда на судебных процессах не принимавшегося; что даже если признать его, Сиднея, автором рукописи, то ведь сочинял он этот трактат лишь для собственного удовольствия, никогда не думал выпускать его в свет и даже не сообщил его содержание ни одному человеку; что написан он был, как показывает цвет чернил, много лет тому назад, а значит, представлять его как доказательство нынешнего заговора против правительства совершенно бессмысленно; и наконец, что там, где закон определенно требует двух свидетелей, недостаточно одного, даже при самых веских уликах, а уж тем более такого, чьи показания являются столь шаткими и неубедительными. Защищаясь, подсудимый обнаружил редкую силу ума и твердость духа, но все его доводы оказались тщетными. Главным судьей был теперь неистовый и жестокий Джеффрис; он пустил в ход свое влияние, и предубежденные присяжные

с готовностью вынесли Сиднею обвинительный вердикт. Казнь состоялась несколько дней спустя (17 декабря). Сидней жаловался, и не без оснований, на несправедливость приговора, но — человек слишком благородной души — не стал отрицать свою причастность к планам заговора, которые строил вместе с Монмаутом и Расселом. Скорее он даже гордился тем, что ему предстоит умереть за **доброе старое дело**, коему, по его словам, он верно служил с ранней юности.

Казнь Сиднея считается одним из позорнейших эпизодов этого царствования. Следует признать, что представленные суду улики против него не могли иметь юридической силы, а потому действия присяжных, вынесших ему обвинительный вердикт, заслуживают сурового порицания. Но если бы после вынесенного судом приговора король вдруг вмешался и помиловал человека, который, хотя и обладал в прочих отношениях многими достоинствами, был, вне всякого сомнения, виновен; который всегда оставался злейшим и непримиримейшим врагом королевской династии и совсем недавно злоупотребил милосердием монарха, то это стало бы актом какого-то сверхъестественного великодушия — однако считать его прямым и непреложным долгом Карла не было ни малейших оснований.

Единственным свидетелем против Гемпдена также выступил Говард, и его показания не были подкреплены серьезными уликами. А потому юридические советники короны не сочли возможным привлечь Гемпдена к суду за государственную измену; они ограничились обвинением в противозаконных действиях и добились нужного им приговора. Наложенный на Гемпдена штраф изумлял своей непомерностью — 40 000 фунтов.

Один из заговорщиков, бристольский купец Холлоуэй, бежал в Вест-Индию, а теперь был доставлен в Англию. Ранее его объявили вне закона, но годичный срок, данный ему для сдачи властям, еще не истек. Поэтому Холлоуэю предложили защищать себя на суде, но так как он уже успел сознаться в своей причастности к заговору с целью восстания и даже сообщил о том, что слышал какие-то разговоры об убийстве короля, хотя и не одобрял подобные планы, то ему показалось более разумным возложить все свои надежды на милость Карла. Холлоуэя казнили, причем до последней минуты он упорно повторял свои прежние показания.

Сэр Томас Армстронг, схваченный в Голландии и отправленный в Англию королевским посланником Чидли, находился в таком же точно положении, как и Холлоуэй, но в той же милости или, скорее, в том же праве ему было отказано. Юристы заявили, что требовать судебного разбирательства по своему делу он мог бы лишь в том случае, если бы еще до истечения положенного срока добровольно отдал себя в руки правосудия, хотя, рассуждая по справедливости, арест Армстронга и следовало считать тем обстоятельством, которое не позволило ему это сделать. Король ненавидел этого джентльмена, полагая, что именно его внушения склонили к измене Монмаута; он также утверждал, будто Армстронг некогда обещал Кромвелю убить его самого, хотя следует признать, что последнее

обвинение подсудимый весьма убедительно опроверг. Причины той несправедливости, жертвой которой стал теперь Армстронг, были таковы: власти опасались, что достаточных доказательств его вины представить не удастся, и что даже вновь назначенные присяжные, люди предубежденные и во всем, казалось бы, покорные воле Джеффриса и других жестоких судей, не осмелятся признать его виновным.

В день суда над Расселом Эссекс, человек знаменитый своими талантами и добродетелями, был обнаружен в Тауэре с перерезанным горлом. Жюри при коронере, осмотрев труп, вынесло вердикт — **самоубийство**; но так как два десятилетних мальчика (один из них впоследствии отказался от своих показаний) заявили, будто они слышали крики и шум, доносившиеся из его окна, и видели, как чья-то рука выбросила окровавленную бритву, то иные с готовностью ухватились за это обстоятельство и сочли виновником смерти Эссекса короля и герцога, которые в то самое утро посещали Тауэр. Известно, однако, что Эссекс был подвержен приступам глубокой меланхолии, и один из них случился с ним тотчас же после ареста; кроме того, он имел обыкновение рассуждать о допустимости добровольного ухода из жизни, а его супруга после дотошных расспросов, провести которые было поручено д-ру Бернету, не нашла никаких причин заподозрить здесь умышленное убийство, — но все эти факты и множество других обстоятельств так и не смогли совершенно рассеять страшное подозрение. Не удивительно, что партийная вражда в таком изобилии плодит всякого рода пороки, ведь она с успехом разжигает всевозможные страсти и вдобавок, когда люди убеждаются, что никакие беззакония не способны лишить их уважения единомышленников, а полнейшая невиновность не может защитить их от клеветы врагов, она лишает прежней силы два главных сдерживающих начала человеческого поведения — честь и стыд.

Но хотя нет никаких оснований думать, что Эссекса убили по приказу двора, следует признать, что его смерть была использована самым неправомерным образом на процессе Рассела. Королевский адвокат в своем выступлении сослался на это происшествие как на убедительное доказательство заговора; передают также, что оно сильно повлияло на решение присяжных. С той же целью самоубийство Эссекса использовалось и на процессе Сиднея.

ПОЛОЖЕНИЕ НАЦИИ

Несколько памятных судебных дел, рассматривавшихся около этого времени, хотя и не стоят в какой-либо связи с Райхаузским заговором, ясно показывают тогдашние настроения судей и присяжных. Отса признали виновным в том, что он назвал герцога «изменником-папистом»;

присудили к возмещению убытков за бесчестье и запретили выпускать из тюрьмы до тех пор, пока он не уплатит всю сумму — 100 000 фунтов. Такой же приговор за такое же преступление был вынесен Даттон-Колту. Сэра Сэмюэля Бернардистона оштрафовали за то, что в своих частных письмах (они были перехвачены) он дурно отзывался о правительстве. Этот джентльмен был ненавистен двору как старшина присяжных, отклонивших в свое время обвинительный акт против Шефтсбери, и теперь двор воспользовался упомянутым выше предлогом, чтобы его наказать, хотя такой прецедент можно с полным правом счесть чрезвычайно жестокой мерой, способной к тому же разрушить доверительные отношения между друзьями и подорвать всякую веру в тайну частной переписки.

О господствовавших в английских судах настроениях дает понятие еще один процесс, о котором, хотя он состоялся в следующем, 1684 году, было бы, пожалуй, уместно рассказать здесь. Некоего Розуэла, пресвитерианского проповедника, три женщины обвинили в том, что в одной из своих проповедей он произнес изменнические слова. Они привели под присягой несколько фраз из этой проповеди, причем показания их совпали с буквальной точностью. Розуэл, однако, защищался весьма умело. Он доказал, что свидетельницы были распутными особами, имевшими скверную репутацию; что сам он даже в годы Кромвелевой узурпации всегда оставался твердым роялистом и беспрестанно молился за короля и его династию; и что в своих проповедях он часто внушал пастве мысль о необходимости повиновения законному монарху. Что же касается проповеди, послужившей поводом для обвинения, то несколько свидетелей, ее слушавших (иные из них даже записывали за проповедником), показали под присягой, что он не произносил тех слов, которые ставят ему в вину. В качестве еще одного доказательства Розуэл предъявил собственные записи. Женщины же не смогли доказать ни с помощью свидетелей, ни каким-либо иным путем, что они сами присутствовали на том собрании; а те слова, которые, по их утверждению, прозвучали в проповеди Розуэла, были настолько грубыми, что невозможно было предположить, чтобы какой-либо человек, находясь в здравом уме, решился их произнести перед весьма разнородной публикой. Розуэл выдвинул еще один довод: кажется почти невероятным, говорил он, чтобы эти три женщины могли запомнить столь длинный период, прослушав его один-единственный раз, и запомнить так превосходно, чтобы их показания на сей счет совпали вплоть до последней буковки. Подсудимый предлагал даже поставить следующий опыт: он произнесет фразу такой же длины, как и та, которая записана в их показаниях, а они пусть попробуют ее повторить. Что еще более странно, женщины забыли даже, на какие слова из Писания читал свою проповедь Розуэл, и не могли припомнить из нее ни единого отрывка, кроме тех пассажей, которые воспроизвели в своих свидетельствах. После столь убедительной защиты генеральный солиситор почел за благо промолчать и даже Джеффрис ограничился общими разглагольствованиями против пресвитериан и участников незаконных сектантских собраний; но столь яростными и злобными были тогда партийные предубеждения, что присяжные

вынесли подсудимому обвинительный вердикт, который, впрочем, показался всем столь вопиюще несправедливым, что так и не был приведен в исполнение

Герцог Монмаут бежал тотчас же по раскрытии заговора, и двор долго не имел о нем никаких сведений Наконец, Галифакс, который уже начал опасаться чрезмерного могущества королевской партии и полагал, что влияние Монмаута послужит наилучшим противовесом влиянию герцога, обнаружил его убежище и уговорил его написать к королю два письма, полные выражений нежности и смиренной покорности Отцовская любовь вновь заговорила в сердце Карла, он разрешил Монмауту явиться ко двору и даже попытался устроить примирение сына с братом, а пообещав Монмауту, что его слова не будут использованы против его друзей, убедил его рассказать о заговоре во всех подробностях Но на другой день, желая принудить к молчанию партию страны, король собрал на чрезвычайное заседание Тайный совет и объявил его членам, что Монмаут искренне раскаялся в своем участии в недавней конспирации и выразил твердую решимость никогда более не впутываться в столь преступные предприятия Карл даже распорядился опубликовать на сей счет сообщение в «Газетт»,[237] официальном правительственном вестнике Монмаут же молчал, пока не получил формального помилования, но убедившись, что своим поступком он совершенно опорочил себя в глазах собственной партии, и понимая, что хотя его самого и не могут вызвать в суд в качестве свидетеля, однако его показания, известные теперь всем и каждому, способны повлиять на вердикт присяжных на любом будущем процессе, решил во что бы то ни стало восстановить свою честь А потому агенты Монмаута, исполняя его инструкции, принялись уверять, что он никогда не делал тех признаний, которые ставят ему в вину, и партия страны подняла шум, доказывая, что все это коварные измышления двора Выведенный из себя поведением Монмаута, король удалил его от своей особы, а затем приказал покинуть пределы Англии

Двор отлично знал, что английские оппозиционеры поддерживали сношения с недовольными в Шотландии, и что Байли из Джервисвуда, человек немалых достоинств и обширной учености, а также два джентльмена из рода Кемпбеллов[238] приезжали в Лондон — якобы для переговоров о переселении шотландских пресвитериан в Каролину, на самом же деле для того, чтобы договориться о совместных действиях с английскими заговорщиками Байли был арестован и отправлен в Эдинбург, но так как свидетелей против него не находилось, то Тайный совет потребовал от него присяги в том, что он будет отвечать на все поставленные ему вопросы Байли отказался принять столь несправедливое условие и был оштрафован на 6 000 фунтов Наконец, два человека — Спенс и Карстарс, подвергнутые пытке, дали показания, компрометировавшие графа Тарраса и еще ряд лиц, а те, чтобы спасти себя, обвинили Байли Его судили и признали виновным, а поскольку ужасные условия тюрьмы довели его до такого состояния, что, как опасались, он мог и не дожить до следующего

утра, то казнить его решено было в тот же день, после вынесения приговора.

Жестокости, совершенные в период царствования Карла, явно противоречили обычному образу действий короля, и хотя люди, изучавшие его характер более тщательно, утверждали, что когда речь шла о тяжких преступлениях, он был строг и неумолим, нация склонна была объяснять все несправедливые и суровые меры громадным влиянием герцога, в чьи руки король — из собственной лени к трудам, а вовсе не потому, что считал брата умнее себя, — передал бразды правления. Корона много выиграла благодаря раскрытию заговора и ничего не потеряла из-за сурового наказания заговорщиков: ужас и отвращение, вызванные планом убийства короля, который, как правило, смешивали с замыслом восстания, сделали непопулярной всю партию страны и примирили народ с политикой двора. Отовсюду приходили адреса, составленные в самом верноподданническом духе, а доктрина покорности высшему гражданскому магистрату, даже безусловного ему повиновения превратилась тогда в непререкаемую догму. Оксфордский университет принял резолюцию, торжественно осудившую ряд положений, названных в этом постановлении «республиканскими», но в большинстве своем представлявших собой по сути те самые принципы, на которых только и могут основываться свобода и конституция в ограниченной монархии. Партия эксклюзионистов, еще недавно столь многочисленная, могущественная и рьяная, лежала в бессилии у ног короля; она совершенно пала духом и утратила прежнее влияние в стране. Малейший намек на оппозицию двору мгновенно вызывал у народа глубокое неприятие.[225]

Король пускал в ход все средства, чтобы упрочить свою нынешнюю популярность и, хорошо понимая, что наибольшую для него опасность представляют подозрения на счет папизма, рассудил за благо выдать свою племянницу леди Анну за принца Георга, брата короля Дании.[239] И однако, весь авторитет и все красноречие Галифакса так и не смогли побудить Карла созвать парламент, доверившись нации в выборе ее новых представителей. Хотя его доходы были обременены огромными долгами, король предпочел бороться с уже имеющимися трудностями, но не начинать рискованный опыт, который, вновь разбудив столько злобных страстей, мог бы поставить под угрозу его покой. Герцог также решительно восстал против этого предложения и даже склонил короля к мерам, единственная цель коих заключалась в том, чтобы сделать всякое примирение с парламентом совершенно невозможным. Против Уильямса, спикера двух последних парламентов, было возбуждено судебное преследование в связи с теми приказами, которые издавал он, подчиняясь распоряжениям палаты, — явное нарушение парламентских привилегий, которое будущая палата общин едва ли могла оставить без внимания. Денби и лорды-паписты, которые уже так долго сидели в Тауэре и которые не могли теперь рассчитывать на то, что их делом, наконец, займется парламент, подали соответствующее прошение и были освобождены под поручительство — мера,

сама по себе вполне справедливая, но воспринятая как грубое посягательство на привилегию этого собрания Наконец, герцог, вопреки закону, был восстановлен в должности лорда-адмирала без принесения присяги, требуемой известным парламентским актом

ИНОСТРАННЫЕ ДЕЛА

Если бы в характере короля имелась малейшая частица зависти или ревности, если бы им двигала та забота об интересах нации или хотя бы о собственной чести, которую предполагал его высокий сан, то он скорее пошел бы на риск серьезных внутренних осложнений, но не позволил бы Франции вести себя с тем дерзким высокомерием, которое выказывала она теперь на всех переговорах Нимвегенский мир,[240] навязанный голландцами союзникам против их воли, полностью развалил антифранцузскую лигу, и все ее бывшие участники, столкнувшись с финансовыми затруднениями, сократили численность своих войск до обычного уровня Только Людовик по-прежнему держал под ружьем огромную армию и, продолжая военные приготовления, с каждым днем становился все более грозной силой Он действовал теперь так, будто являлся единственным сувереном в Европе, а все прочие государи уже в самом скором времени должны были превратиться в его вассалов В Меце и Брейзахе были учреждены особые суды, или палаты, для «воссоединения» тех территорий, которые когда-либо входили в состав вновь завоеванных им провинций Эти палаты учиняли проверки владельческих прав, корни которых терялись в глубокой древности, вызывали на свои заседания соседних государей и принимали постановления, отнимавшие у них спорные земли Людовик захватил важный город Страсбург, с давних пор являвшийся свободным государством, под совершенно пустым и даже смехотворным предлогом он потребовал у испанцев Алст, когда же те отказались его уступить, французский король блокировал Люксембург и вскоре овладел им [226] Генуя подверглась бомбардировке за то, что генуэзцы согласились построить несколько галер для испанцев, и чтобы избежать еще более суровых кар, республика вынуждена была принять самые унизительные условия Империю грубо оскорбляли в ее главе и важнейших членах, она же не находила иных способов защитить свою честь, кроме бесплодных жалоб и увещеваний

Испания была настолько разгневана вызывающим поведением Франции, что, забыв о своем нынешнем бессилии, объявила войну надменному врагу она надеялась, что прочие державы Европы, осознав грозившую им всем опасность, немедленно придут ей на помощь Принц Оранский, чьими господствующими страстями были любовь к войне и ненависть к Франции, всюду поддерживал демарши испанцев В 1681 году он посетил Анг-

лию с целью склонить короля к более тесному сотрудничеству с союзниками. Он также предложил Штатам увеличить вооруженные силы республики, но французы сумели привлечь на свою сторону несколько провинций и даже город Амстердам, и этот план был отвергнут. Положение дел в самой Англии, равно как и общеизвестные симпатии английского монарха, позволяло врагам принца находить весьма благовидные оправдания для противодействия его политике.

Как только Карл распустил парламент и принял решение править страной, опираясь лишь на прерогативу, он отказался от недавно заключенного союза с Испанией и возобновил опасные связи с Людовиком. Последний даже предлагал ему выступить третейским судьей в его спорах с Испанией, но эта держава, видя пристрастность Карла, не пожелала принять столь невыгодный для нее план. Пересылались ли в это время в Англию деньги, нам достоверно неизвестно; однако у нас есть серьезные основания предполагать, что Франция и в самом деле до некоторой степени облегчала финансовые нужды короля.[227] И хотя у Карла были веские причины опасаться, что громадная и все возрастающая мощь этого королевства при тогдашней слабости английского флота может превратиться в величайшую угрозу для Англии, никакие доводы и соображения не могли пробудить его от летаргического сна.

Именно в этот момент могущество Людовика и достигло своей высшей точки — вершины, остававшейся недосягаемой для европейских монархов со времен Карла Великого. Монарх, более других способный дать ему отпор, был всецело на его стороне; а турки, подстрекаемые венгерскими мятежниками, уже готовились вторгнуться во владения императора и лишить этого государя всякой возможности воспрепятствовать дальнейшему росту французского могущества. Пожалуй даже, мы вправе говорить здесь об оплошности Людовика, ибо он не воспользовался в полной мере столь благоприятными условиями, которые впоследствии уже не сумел создать для себя вновь. Но этот монарх, хотя он и руководствовался мотивами честолюбия гораздо чаще, чем принципами справедливости или умеренности, в еще большей степени подчинялся внушениям тщеславия. Он довольствовался тем, что дерзко диктовал свою волю и безнаказанно оскорблял всех государей и все республики Европы; таким образом он вызывал их негодование, но не мог уменьшить их силу. Тогда как в личном общении с каждым, кто, приближаясь к его особе, изъявлял совершенную покорность его власти, французский король был изысканно любезен, все соседние государи один за другим испытали на себе следствия его гордого и надменного нрава; поощряя же безудержную лесть своих поэтов, ораторов и придворных, упиваясь их пророчествами о мировой державе, Людовик еще быстрее, чем это могло сделать зрелище его могущества само по себе, распространял повсюду страх перед завоеванием и порабощением.

В продолжение всего царствования Карла непомерная мощь Франции не внушала ему ни малейшей тревоги, а Клиффорд, один из министров,

пользовавшихся его наибольшим благоволением, якобы даже заявлял, что королю выгоднее быть наместником столь великого и щедрого монарха, нежели рабом пятисот собственных дерзких подданных. А потому честолюбивые замыслы и громадное могущество Людовика нисколько не омрачали жизнь Карлу; в остальном же его положение казалось теперь более предпочтительным, чем в любой период после Реставрации. Сильная партия, потрясавшая его трон и угрожавшая членам его фамилии, была полностью разгромлена; своими опрометчивыми и безрассудными действиями она навлекла на себя ненависть народа и суровые кары закона. Карл вернул себе прежнюю популярность и, что, вероятно, радовало короля больше, чем наличие послушного парламента, получил возможность править страной без этого собрания. Несомненно, однако, что, несмотря на все эти благоприятные обстоятельства и радужные перспективы, король не был вполне счастлив и удовлетворен. Испытывал ли он серьезные затруднения из-за недостатка денег, страшился ли того, что нынешние деспотические меры могут изменить настроение народа, мы точно не знаем. По всей видимости, горячий нрав и неблагоразумие герцога, толкавшего Карла к опасным предприятиям, действительно внушали ему серьезную тревогу и беспокойство. Кто-то слышал, как однажды, возражая против безрассудных предложений герцога, он сказал: «Брат мой, я уже слишком стар, чтобы вновь пускаться в дальние странствия; ну а вы можете это сделать, если вам так угодно». Каковы бы ни были причины неудовлетворенности короля, представляется вполне вероятным, что он намеревался внести некоторые изменения в свой образ действий и даже составил план нового политического курса. Полагают, что Карл твердо решил отправить герцога в Шотландию, вернуть из ссылки Монмаута, созвать парламент, дать отставку всем непопулярным в стране министрам и полностью довериться любви и доброму расположению своих подданных.[228]

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ КОРОЛЯ

Посреди этих поистине мудрых и благих замыслов с королем случился внезапный приступ, напоминавший апоплексический удар; и хотя благодаря кровопусканию Карл от него оправился, прожил он после этого лишь несколько дней и 6 февраля, на пятьдесят пятом году жизни и на двадцать пятом году своего царствования, скончался. Он имел от природы столь крепкую телесную конституцию и всегда столь тщательно следил за своим здоровьем, что его смерть поразила подданных так, словно он умер во цвете молодости. Глубокая скорбь, вызванная их любовью к покойному и страхом перед его преемником, а также то обстоятельство, что его смерть пришлась на критический для Англии момент, породила, как и следовало ожидать, слухи об отравлении. Приняв, однако, в расчет

все реальные факты, мы должны будем отбросить это подозрение, как и многие другие, коими изобилуют все исторические повествования.

В те несколько дней, пока продолжалась болезнь короля, его посещали служители англиканской церкви, но он выказывал полнейшее равнодушие к их молитвам и наставлениям. Призвали католических священников, и Карл принял от них причастие, сопровождавшееся также и другими обрядами римской церкви. В его кабинете были найдены две бумаги, написанные его собственной рукой и содержавшие аргументы в защиту этого вероисповедания. Герцог имел глупость тотчас же их опубликовать — таким образом он подтвердил правоту обвинений, выдвигавшихся заклятыми врагами политики брата, а заодно явил миру яркое доказательство собственного фанатизма.

ХАРАКТЕР КОРОЛЯ

Если мы рассмотрим характер Карла II с тех различных точек зрения, которые возможны в данном случае, то он покажется нам довольно противоречивым и даст повод для весьма несходных и даже противоположных оценок. Взглянув на Карла как на собеседника, мы увидим самого любезного и очаровательного из людей и должны будем признать, что в этом отношении его поведение и манеры были совершенно безукоризненны. Его любовь к шуткам столь удачно умерялась хорошим воспитанием, что никогда и никого не оскорбляла; его склонность к насмешкам в такой мере сдерживалась благоразумием и тактом, что его друзья никогда не боялись стать их предметом; его ум, если воспользоваться словами человека, который близко знал короля и сам был превосходным судьей в подобных вещах,[229] нельзя было назвать слишком тонким и глубоким — качества, нередко вызывающие зависть или опасения у окружающих; скорее это был ум ясный, приятный и благовоспитанный, который обыкновенно так нравится людям. И хотя порой король, пожалуй, бывал более словоохотлив, чем это дозволялось строгими правилами хорошего тона, его приветливый нрав и общительность всякий раз так завораживали участников беседы, что они расходились, вполне довольные им и самими собою. В общем, это была лучшая сторона в характере короля, и Карл, похоже, сам это сознавал, ибо в любой момент готов был отбросить этикетные формальности, требуемые его высоким саном, и из монарха превратиться просто в приятного собеседника.

В сфере обязанностей частной жизни его поведение, хотя и не вполне безупречное, в главном достойно похвалы. Он был очаровательный щедрый любовник, любезный и предупредительный муж, заботливый брат, нежный отец, добрый господин.[230] Однако способность к дружбе и даже чувство благодарности были ему свойственны лишь в самой незначительной степени, и он никогда не испытывал к кому-либо из своих министров

или придворных искренней и глубокой привязанности. Карл полагал, что эти люди служат ему единственно из корысти, и со своей стороны готов был в любой момент пожертвовать ими ради собственного покоя или выгоды.

На этих подробностях из его частной жизни мы должны закончить наш панегирик Карлу. В остальном его поведение, возможно, и допускает известные оправдания, но едва ли заслуживает особых похвал. Можно сказать, что он был в гораздо большей степени создан для жизни частной, нежели публичной: в первой он обнаруживал склонность к порядку, бережливость, умеренность; во второй был расточителен, беспечен и нерадив. Если мы рассмотрим Карла как государя, то увидим, что его характер, хотя и не вполне лишенный достоинств, в целом представлял опасность для его народа и бесчестил его самого. Пренебрегавший интересами нации, равнодушный к ее славе, питавший отвращение к ее религии, подозрительный к ее свободе, транжиривший ее богатства и щадивший только ее кровь, Карл своими действиями, хотя они и казались всякий раз не более чем легкомысленной забавой короля, подвергал ее опасности яростной гражданской войны и даже иностранного вторжения, позорного и гибельного для Англии. И однако, все эти возмутительные обстоятельства, если изучить их тщательно и беспристрастно, можно в значительной мере объяснить свойственной ему ленью — недостатком, к которому, хотя он и является злосчастным для монарха, мы не можем относиться слишком сурово.

Кто-то заметил о Карле, что он ни разу не сказал ничего глупого и не сделал ничего умного — суждение, для которого, хотя оно и грешит явным преувеличением, его характер и поступки, кажется, давали известные основания. Когда королю сообщили эту фразу, он ответил, что все это очень легко объяснить тем, что его слова принадлежат ему самому, тогда как его действия — министрам.

Если мы примем в расчет жажду власти, неотделимую от человеческой природы, и вспомним, что Карл воспитывался за границей и среди кавалеров — партии, для которой было вполне естественно всячески преувеличивать посягательства народных собраний на права монархии, то нам не покажется удивительным то, что гражданская свобода не нашла в нем особенно ревностного защитника. Измученный партийными распрями, уставший от жалоб и клеветы, обремененный долгами, стесненный в своих доходах, он пытался, хотя и не слишком энергично, найти такой механизм управления государством, который был бы проще по своему устройству и легче в обращении. Однако его пристрастие к Франции даже после всех трудов, предпринятых нами через исследование фактов и построение логических предположений для того, чтобы оценить его роль, по-прежнему, мы должны откровенно признаться, заключает в себе нечто загадочное и необъяснимое. Надежда сделаться с помощью Людовика абсолютным монархом кажется столь химерической, что едва ли ее мог так долго и упорно питать столь проницательный государь, каким был Карл;

что же касается денежных субсидий, то за одну кампанию в ходе второй Голландской войны он, несомненно, израсходовал больше денег, чем получил от Франции за все свое царствование А потому я склонен думать, что Карлом руководили симпатия и расположение к французской нации Он считал этот народ бодрым, веселым, любезным, обходительным, утонченным, привязанным к своему государю и преданным католической вере, и по этим причинам сердечно его любил Противоположный характер голландцев сделал их для Карла предметом глубокого неприятия, и даже к англичанам он был довольно холоден из-за некоторой грубоватости их манер Наши представления о собственных интересах часто искажаются страстями, и порой бывает так, что национальные предрассудки движут даже таким человеком, на которого никогда не оказывает влияния пристрастие к отдельным лицам

Характер этого государя искусно обрисовали два великолепных мастера, отлично с ним знакомые — герцог Бекингем и маркиз Галифакс, несколько изящных штрихов принадлежат здесь сэру Уильяму Темплу Кроме того, свою кисть для изображения этого предмета использовал д-р Уэлвуд и епископ Бернет, однако первый из них проявляет, пожалуй, некоторое пристрастие в пользу Карла, а второй слишком строг и явно недоброжелателен Вместо того чтобы выискивать точное сходство между Карлом II и императором Тиберием, на котором настаивает этот прелат, было бы справедливее указать здесь на полную противоположность и различие Император, похоже, настолько же превосходил короля в способностях, насколько уступал ему в добродетели Дальновидный, благоразумный, деятельный, ревнивый, злобный, мрачный, скрытный, нелюдимый, жестокий, непреклонный, неспособный прощать — такой образ римского тирана сохранила для нас история Единственное же, в чем он действительно напоминает Карла, — это любовь к женщинам, страсть, которая является слишком распространенной, чтобы можно было говорить о разительном сходстве, и которая у этого гнусного и отвратительного тирана сочеталась с противоестественными наклонностями

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вот их имена графы Денби, Малгрейв, Пемброк, Солсбери, лорды Грей и Ферфакс, Лайл, Роллс, Сент-Джон, Уайлд, Бредшоу, Кромвель, Скиппон, Пикеринг, Мэссем, Гезльриг, Гарингтон, Вен-младший, Данверс, Армайн, Майлдмей, Констебль, Пеннингтон, Уилсон Уайтлок, Мартин, Ледлоу, Степлтон, Хевингем, Уоллоп, Хатчинсон, Бонд, Попэм, Валентайн, Уолтон, Пьюрфой, Джонс [10]

[2] 1643 г

[3] 1646 г

[4] Whitlocke

[5] Уокер в своей History of Independency Pt 2 P 152, приводит следующий пример фанатического безрассудства «Около этого времени в приходскую церковь Уолтона-на-Темзе явилось шестеро солдат Дело шло к вечеру, м-р Фосет, местный священник, еще не успел закончить свою проповедь Один из солдат принес с собой лампу с горящей внутри свечой, а в другой руке держал четыре незажженные свечи Он потребовал, чтобы прихожане задержались, объявив, что должен донести до них слова Божьи, после чего попытался взойти на кафедру Народ не позволил ему это сделать и даже не разрешил остаться в храме Тогда он вышел на церковный двор и там поведал прихожанам, что ему было видение, в коем Господь приказал ему сообщить им свою волю, каковую волю он должен объявить, а они — исполнить под страхом вечного осуждения, заключается же она в пяти огнях 1) «Суббота упраздняется как ненужная бессмыслица, иудейский обычай и пустой обряд Здесь, — сказал он, — я должен был бы погасить первую свечу, но из-за сильного ветра я не могу ее зажечь 2) Десятина упраздняется как иудейский обычай, ритуализм, тяжкое бремя для праведников и великая помеха землепашеству и ремеслу Сейчас я должен был бы погасить вторую свечу, но и т д 3) Должность священника упраздняется как противная христианству и более не нужная, ибо ныне сам Христос входит в сердце избранников своих, а Дух его дарует им откровения и озарения Сейчас я должен был бы погасить третью свечу, но и т д 4) Светская власть упраздняется как бесполезная, ибо ныне сам Христос явился нам в чистоте своей и основал на земле царство изобраников своих К тому же все мирские властители — эти тираны, притесняющие свободу праведников и налагающие на них цепи указов и законов, каковые суть не более чем простые человеческие измышления Сейчас я должен был бы погасить четвертую свечу, но » и т д Затем он сунул руку в карман, вытащил небольшого формата Библию, раскрыл ее, показал прихожанам и изрек «Вот книга, пред которой вы благоговеете, состоящая из двух частей — Ветхого и Нового Завета Знайте же она упраздняется, ибо нет в ней ничего, кроме жалких начатков, молока для грудных детей, теперь же к нам пришел Христос во славе, а он дарует избранникам своим Дух свой более щедрой мерой, чем это способна

сделать Библия Мне велено сжечь ее на ваших глазах» После чего, задув свечу, он сказал «Смотрите, вот и пятый огонь погас» В ту пору широко распространилось убеждение, что истинному христианину не подобает платить ренту таким же, как он, христианам, и землевладельцы были вынуждены применять все предусмотренные законом кары против тех арендаторов, чья религиозная совесть оказывалась слишком щепетильной

[6] History of Independency Part 2

[7] Parliamentary History Vol 19 P 136, 176

[8] Parliamentary History Vol 19 P 165

[9] Burnet Clarendon

[10] Sir Edward Walker's Historical Discourses P 159

[11] Ibid P 160

[12] Ibid P 166, 167

[13] Ibid P 170

[14] Ibid P 178

[15] Whitlocke P 404, 408

[16] Ibid P 396, 418

[17] Sir Edward Walker P 165

[18] Ibid P 168

[19] Whitlocke P 443

[20] Sir Edward Walker

[21] Это лучшее из дошедших до нас писаний Кромвеля (в общем довольно бездарных), и мы приведем из него целый отрывок «Не тому, говорите вы, учит вас Христос, чтобы судить о правоте нашего дела по событиям Мы вправе желать, чтобы глаза ваши не были поражены слепотой и вы могли бы узреть все удивительные вещи, совершенные в недавнее время промыслом Божьим в Англии Но скажите разве не обращали вы к Господу торжественные просьбы и моления? И разве не делали то же самое мы? И не следует ли вам, как и нам, со страхом и трепетом, видеть в этом грозном и непостижимом деянии руку и волю Всемогущего Бога — вместо того, чтобы пренебрежительно именовать его событием? Разве не вспыхивала время от времени надежда в ваших и наших сердцах, пока ожидали мы, как явит себя господь после наших к нему призывов? Так неужели после всех наших молитв, постов, слез и упований, после торжественных воззваний к Господу станем мы теперь называть это простыми событиями? Да смилуется над вами Господь Мы же чувствуем ныне истинный страх Божий, ибо это было спасением, дарованным нам милосердием и благостью Господними

Заклинаю вас именем Христа постарайтесь постигнуть, что хотел сказать вам этим Господь, мы же потщимся помочь вам своими молитвами, дабы вы могли это скорее уразуметь Ибо, если ведомы нам собственные сердца, мы исполнены великого сострадания ко всем благочестивым людям в Шотландии» — Thurloe Vol 1 P 158

[22] Heathe's Chronicle P 301

[23] Parliamentary History Vol 20 P 47

[24] Whitlocke P 523

[25] В палату был внесен билль против румян, мушек и иных возмутительных нескромностей женского туалета, но он не прошел Parliamentary History Vol 19 P 263

[26] Dr John Walkers Attempt P 117, et seq

[27] Когда граф Дерби был еще жив, Айртон потребовал от него сдать остров Мэн, на что граф дал следующий твердый и достопамятный ответ «Письмо ваше

я прочел с негодованием и отвечаю на него с презрением так Желал бы я знать, каким образом могла явиться вам нелепая мысль, будто я способен стать таким же, как и вы, изменником своему государю, ведь вам превосходно известны прежние мои деяния на службе его величеству, от этих же принципов верности я не отступил ни на йоту Ваши предложения я отвергаю, вашей милостью — гнушаюсь, ваша измена мне омерзительна Я бесконечно далек от мысли сдать этот остров к вашей выгоде — напротив, я намерен защищать его всеми силами и до последней возможности ради вашей погибели Примите это как окончательный ответ и воздержитесь от дальнейших попыток, ибо если вы осмелитесь побеспокоить меня новыми посланиями в подобном роде, я велю сжечь бумагу и вздернуть того, кто ее принес Так решил и так, можете не сомневаться, поступит тот, кто почитает высшей для себя славой быть самым верным и покорным подданным его величества Дерби»

[28] Whitlocke P 496, Heathes Chronicle P 307

[29] Пресвитерианское духовенство имело обыкновение назначать в аристократические семейства особых капелланов, которые шпионили за своими господами, сообщая церковному начальству о частных делах и домашних разговорах членов семьи, — поразительный пример тирании священников и унижения знати! Даже слуг обязывали доносить на своих господ (Whitlocke P 502) Тот же автор (С 512) рассказывает нам следующую историю Собравшийся в Перте синод вызвал в суд священников и мирян, выражавших недовольство **божественным правлением** пресвитерианского духовенства, а поскольку мужья были в отлучке, то держать за них ответ решили жены И вот в день, назначенный для судебного заседания, сто двадцать женщин, вооруженных добрыми дубинами, явились в город и осадили церковь, где собрались их преподобия Последние выслали своего представителя для переговоров, но когда он стал грозить женщинам отлучением от церкви, те, крепко поколотив парламентера, захватили его в качестве пленника, после чего отправили отряд из шестидесяти человек, который разогнал прочих священников, также порядком намяв им бока, захватил их имущество и двенадцать лошадей Один из священников пробежал целую милю, принимая всех встречных за грозных своих неприятельниц, а столкнувшись с каким-то солдатом, бухнулся перед ним на колени, чем весьма озадачил последнего Победоносное воинство в юбках пленило также синодского секретаря, беднягу дубасили до тех пор, пока он не отказался от своей должности Тринадцать священников пришли в себя в четырех милях от места побоища, собравшись с духом, они постановили, что деревня эта предается анафеме, что в ней больше никогда не будет синода, и что хотя в 1638 и 1639 гг женщины удостоились похвал за побивание камнями епископов, теперь весь их пол надлежит считать погрязшим в пороке и нечестии

[30] 1647 г

[31] 17 октября 1650

[32] Thurloe Vol 1 P 182

[33] В жизнеописании сэра Генри Вена сообщается, что этот знаменитый республиканец резко возражал против войны с Голландией и что в поддержку ее выступали главным образом военные

[34] Во время конференции в Уайтхолле

[35] См Milton's State Papers

[36] Parliamentary History Vol 20 P 182

[37] Процитируем самого Кромвеля «Мне остается сказать вам одно слово, хотя здесь я, пожалуй, обнаружу мою слабость, но я хочу ободрить вас в трудах ва-

ших Позвольте мне начать следующим образом признаюсь, я не надеялся дожить до такого дня, как этот, да и вы, полагаю, тоже, я не надеялся увидеть, что учение Христа будет исповедоваться так, как исповедуется оно в этот день и в этом деле Иисус Христос исповедуется сегодня тем, что вы призваны сюда, вы же исповедуете его своей готовностью явиться на его зов, и день этот стал благодаря вам (насколько это возможно для немощи человеческой) днем силы Христа Я уверен, вы помните слова из Писания **В день силы своей он исполнит свой народ ревности** Бог творит этот день днем силы Христа, ведь после стольких кровопролитий и испытаний, которые вынесла эта нация, Он возлюбил свой народ почти так же, как собственного Сына, и явил ему величайшую милость, призвав его к высшей власти Бог признал своего Сына, Он признал вас и заставил вас признать Его Поверьте, я не надеялся дожить до такого дня, я никогда, никогда » Тут, мне кажется, Кромвель зарыдал он вообще весьма был к тому расположен и в любой момент готов был залиться слезами Продолжение этой чрезвычайно странной речи можно найти в Milton's State Papers P 106 Она отличается такой же темнотой, нелепостью и бессвязностью, как и почти все речи и писания Оливера

[38] Whitlocke P 543, 548

[39] Конференция в Уайтхолле

[40] В ту эпоху мнимые праведники имели обыкновение отказываться от таких имен, как Генри, Эдуард, Энтони, Уильям, которые они находили языческими, и принимать другие, окруженные ореолом особой святости и божественности Даже имена, восходящие к Новому Завету — Джеймс, Эдрю, Джон, Питер, — внушали им гораздо меньше благоговения, чем ветхозаветные Иезекииль, Аввакум, Иешуа или Зоровавель А порой целое благочестивое речение употреблялось в качестве имен Вот имена членов одного жюри присяжных, заседавшего около этого времени в графстве Сассекс

Угодный Богу, Тревор из Норшема,
Искупленный Христом, Комптон из Бэттла,
Будь крепок, Хитон из Хэра,
Да вознаградит тебя Господь, Смарт из Файвхерста,
Стой твердо на вершине, Стрингер из Кроухерста,
Прах земной, Адамс из Уорблтона,
Призванный, Лоуэр, оттуда же,
Истребляй грех, Пимпл из Уитема,
Возвратись к Богу, Спелмен из Уотлинга,
Будь верен, Джойнер из Бритлинга,
Избегай вражды, Робертс, оттуда же,
Веди праведный бой за веру, Уайт из Эмера,
Больше плодов, Фаулер из Ист-Хедли,
Уповай на Господа, Бендинг, откуда же,
Осененный благодатью, Хердинг из Льюиса,
Утешься Биллинг, оттуда же,
Кроткий, Бруэр из Окхема

См Broom's Travelsin England P 239 «Кромвель (говорит Кливленд) завербовал в свое воинство чуть ли не весь Ветхий Завет, и по именам солдат его полка легко изучать родословие нашего Спасителя Во время переклички вместо списка личного состава вполне можно обойтись первой главой Евангелия от Матфея» А у Прейзгода Бербона был брат, которого звали **Если бы Христос не умер за вас, вы были бы прокляты Бербон** Но произносить столь длинное имя было

чрезвычайно утомительно, и народ, удержав из него лишь последнее слово, называл этого человека **Проклятый Бербон**

[41] Thurloe Vol 1 P 273, 591 Stubbs P 91, 92

[42] Thurloe Vol 1 P 393

[43] Thurloe Vol 2 P 429

[44] Ibid Vol 1 P 616

[45] Thurloe Vol 2 P 588

[46] Ibid P 620

[47] Parliamentary History Vol XX P 433

[48] В 1648 г

[49] В эпоху гражданских войн этот государь не слишком радел об интересах своего дяди, зато упорно искал расположения парламента, он даже согласился получать от последнего 8000 фунтов в год в качестве пенсии и принял участие в заседаниях созванного парламентом собрания богословов

[50] Thurloe Vol 3 P 103, 619, 656 В оставшейся в Англии копии договора, заключенного после этих долгих переговоров, имя протектора и было оставлено перед именем французского короля Thurloe Vol 6 P 116 См также Vol 7 P 178

[51] См описание переговоров с Францией и Испанией у Thurloe Vol 1 P 759

[52] Он предложил Швеции создать общий союз и лигу всех протестантов Whitlocke P 620, Thurloe Vol 7 P 1 Составить представление о тех принципах, которыми руководствовался Кромвель в своей внешней политике, можно также по Thurloe Vol 4 P 295, 343, 443, Vol 7 P 174

[53] Thurloe Vol 1 P 759

[54] Id , ibid

[55] Thurloe Vol 1 P 759

[56] Id , ibid Дон Алонсо заявил, что торговля с Индией и инквизиция — это два глаза его повелителя, протектор же требует немедленно выколоть оба

[57] Carrington P 191

[58] Bates

[59] Clarendon

[60] Vita D Berwici P 124

[61] Burchet's Naval History См также Carte's Collections Vol 2 P 46, 47, Thurloe Vol 3 P 505

[62] Thurloe Vol 4 P 135, World's Mistake in Oliver Cromwell, in the Harl Miscel Vol 1

[63] Thurloe Vol 4 P 570, 589

[64] Thurloe Vol 5 P 433

[65] 20 апреля 1657 г

[66] Clarendon, Life of Dr Berwick, etc

[67] Кромвель следовал здесь совету (впрочем, лишь отчасти), который дал ему Гаррисон еще в те времена, когда между ними существовало полное согласие в мыслях и чувствах «Пусть служение Иегове (изрек этот праведник в офицерском мундире) будет всякий день высшей и первейшей вашей заботой Почитайте ее делом более важным, чем сон, еда и всякого рода совещания А порой вам следует уклоняться от окружающих вас людей, дабы, оставив их общество, беседовать с Господом Почему бы вам не иметь всечасно рядом с собою несколько избранных, святых, чтобы время от времени уединяться для разговора? Что до меня, то я всегда обретал в этом великую отраду и утешение» Milton's State Papers P 12

[68] Около этого времени произошел случай, который едва не стоил протектору жизни, а его врагов чуть было не избавил от всех хлопот по устройству заговоров и плетению интриг Получив в подарок от графа Ольденбургского шестерку прекрасных упряжных лошадей фрисландской породы, Кромвель решил прокатиться в свое удовольствие по Гайд-парку, в карете рядом с ним находился секретарь Теро Внезапно лошади чего-то испугались и понесли, Кромвель уже не мог ни править ими, ни усидеть на месте Он упал, запутался в постромках, некоторое время кони тащили его по земле, а тут еще вдруг выстрелил пистолет, находившийся у него в кармане Но этому человеку всегда и во всем так поразительно везло, что когда его подняли на ноги, обнаружилось, что он отделался легкими ушибами

[69] Whitlocke P 647

[70] Bates

[71] Процесс цареубийц

[72] Bates

[73] Whitlocke P 570

[74] Thurloe Vol 4 P 57

[75] Ibid Vol 6 P 557

[76] Можно приводить наугад любой отрывок, ибо вся его речь от начала до конца выдержана в одном стиле «Признаюсь, ибо мне надлежит быть с вами вполне откровенным, должен признаться, в общем, я хотел бы сказать, я надеюсь, меня поймут правильно, ибо воистину, выступая перед подобными слушателями, я должен тщательно подбирать слова Короче говоря, я хочу сказать, что в этой своей речи я не пытаюсь проводить сравнение между людьми разных взглядов и парламентом, который хочет добиться своего Я знаю, здесь не может быть сравнения, и никто не вправе мне заявить, будто в моих словах имеется хотя бы намек на это, ведь парламент, кажется, позволил мне говорить вам все, что я думаю, то есть предложить ему, парламенту, мои скромные мысли, мнения и соображения И если я думаю, что они таковы и останутся такими, будут преданными слугами верховной власти, кому бы она ни принадлежала Если бы я не сказал вам, что считаю их такими людьми, если бы я думал иначе, то я был бы не прав, можете так и передать парламенту А теперь я хочу сказать кое-что о себе, о своих мыслях Поверьте, мне нет особого дела до того, как следует называть или именовать то, чем я не обладаю, но ведь слово Господне всегда было и, надеюсь, всегда будет законом для моей совести и для моего ума, и, воистину, если рука и промысел Божьи вели кого-то темными путями, то ведь никто, конечно, не поставит ему этого в вину, ибо кто же захочет блуждать во тьме? Но такова воля Божья Да, человек может греховным образом возложить ответственность за собственное безумие и слепоту на промысел Божий, такое может случиться со всяким Но ведь может быть и так, что именно промысел Божий, именно он ведет людей сквозь тьму и мрак И я должен сказать вам, что уже много раз ощущал я себя орудием Провидения, и хотя подобный опыт, помимо или вопреки слову Божию, нельзя считать непогрешимым правилом, однако во многих случаях он способен послужить верным истолкованием этого слова» Conference at Whitehall Основной порок речей Кромвеля заключается не в недостатке ораторского искусства, а в скудости мыслей Глубокий и тонкий ум, который обнаруживал он в своих действиях, и совершенная нелепость его рассуждений образуют поразительный, невиданный в истории контраст Полное собрание речей, писем и проповедей Кромвеля (ибо, он, представьте, писал и проповеди) составило бы курьезнейший том,

который за вычетом немногих страниц можно было бы с полным основанием признать одной из самых бессмысленных книг на свете.

[77] Thurloe. Vol. 6. P. 261.

[78] Он мечтал завладеть Эльсинором и Зундским проливом. См.: World's Mistakein in Oliver Cromwell. Он также пытался заполучить Бремен. Thurloe. Vol. 6. P. 478.

[79] Тогдашние «святые» не преминули отметить, что битва состоялась в тот самый день, на который в Лондоне был назначен торжественный пост с молебствием; так что, как выразился по сему случаю Флитвуд (Thurloe. Vol. 7. P. 159), «пока мы молились, они сражались, и Господь дал нам потрясающий ответ. Господь не только поддержал нас в нашем деле там, он благосклонно принял наше обращение к нему здесь посредством молитвы — старого, испытанного и верного способа, к которому мы с успехом прибегаем во всякого рода бедствиях и затруднениях». Тем же духом проникнуто и письмо Кромвеля к его храбрым адмиралам Блейку и Монтегю[88] (Thurloe. Vol. 4. P. 744): «Поистине, я полагаю и даже вполне убежден, что лучшие священники и христиане Англии, люди испытанной мудрости и добродетели, возносят за вас всякий день великое множество молитв и, несмотря на некоторые препятствия, стремятся помочь вам всей своей пылкой верой, что служит для нас и, как я уповаю, послужит для вас немалым одобрением. Но несмотря на все это, и вам и нам надлежит предать самих себя и все дела наши в руки нашего премудрого Отца, пред волей коего, не только по причине его могущества и безусловного права, но и ради его благости, мудрости и истины, должны смириться все создания, и в особенности те, кто стали его чадами в духе» и т. д.

[80] Thurloe. Vol. 1. P. 762.

[81] Ibid. Vol. 7. P. 151, 158.

[82] В действительности кардинал вовсе не имел о Кромвеле столь высокого мнения и часто называл его «удачливым безумцем». Vie de Cromwell, par Raguenet. См. также: Carte's Collection. Vol. 2. P. 81; Tumble's Life of Monki World's Mistakein O. Cromwell. P. 931.

[83] Thurloe. Vol. 6. P. 53.

[84] Bates; см. также: Thurloe. Vol. 7. P. 355, 416.

[85] Cowley's Discourses. В оригинальный текст внесены некоторые изменения.

[86] Ludlow.

[87] Carte's Collections. Vol. 2. P. 243.

[88] Ludlow.

[89] King James's Memoirs.

[90] Gumble's Life of Monk. P. 93.

[91] Lord Lansdown's defence of general Monk.

[92] Clarendon.

[93] После того как 11 февраля генерал прямо потребовал созыва свободного парламента, он уже не мог иметь в виду ничего другого, кроме реставрации короля, и, однако, еще долго не желал никому открыться — даже самому королю. Упомянутое выступление имело место через восемь дней после его прибытия в Лондон. Если бы Монк когда-либо действительно замышлял «открыть собственную лавку», то, разумеется, не оставил бы так скоро столь заманчивый план, но предпринял бы для его осуществления какие-нибудь шаги, которые бы обнаружили его истинные намерения. Только какая-то серьезная неудача, какая-то сорвавшаяся попытка вынудила бы его отказаться от честолюбивого стремления к личной власти — но ведь ни малейших признаков последнего мы не находим! История же

с участием сэра Антони Ашли Купера, изложенная м-ром Локком, кажется, совершенно не заслуживает доверия См Lord Lansdown's Vindication, а также Philip's Continuation of Baker К сказанному этими авторами добавлю, что кардинал Мазарини желал реставрации короля, хотя и не отважился предпринять что-либо серьезное для ее приближения

[94] Lansdown, Clarendon

[95] Burnet

[96] Sir Philip Warwick

[97] Killing no Murder

[98] Уайтлок (С 599) рассказывает следующую историю «Как-то раз (дело было в Хейсингтоне, графство Нортумберленд) некие квакеры явились в день Господень к местному священнику и повели с ним разговор, после чего на квакеров набросилась толпа и одного или двух из них чуть не прибила до смерти, но те, выбравшись во двор, упали на колени и принялись молить Бога даровать прощение не ведающим, что творят, а затем, обратившись к прихожанам, стали доказывать, что, избив их, они поступили весьма худо Речь их имела такой успех, что крестьяне, разругавшись между собою, исколотили друг друга еще сильнее, чем прежде — квакеров»

[99] Whitlocke P 624

[100] Harleian Miscellany Vol 16 P 399 Некая Доркас Ирбери показала в суде под присягой, что она была мертва в продолжение двух дней, и Нейлор возвратил ее к жизни

[101] Id , ibid

[102] Thurloe Vol 5 P 708

[103] Scobel P 419

[104] Thurloe Vol 2 P 476

[105] Scobel P 376

[106] Thurloe, vol 6 P 425

[107] Судя по всему, доходы последнего короля с 1637 года до начала работы Долгого парламента составили всего лишь 900 000 фунтов, из которых 200 000 можно счесть незаконными

[108] Dr Walker P 14

[109] Thurloe Vol 1 P 753

[110] Ibid Vol 2 P 414

[111] Ibid Vol 7 P 667

[112] World's Mistake in Oliver Cromwell

[113] Whitlocke P 298

[114] Ibid P 378

[115] Journal, 2d December, N 652

[116] Id , ibid

[117] Journal, 6th April 1659

[118] Thurloe Vol 1 P 395, Vol 2 P 414

[119] Gumble's Life of Monk

[120] Whitlocke P 477

[121] Journal, 7th April 1659

[122] Strafford's Letters Vol 1

[123] Clarendon P 421, 423, 430, 467

[124] Lewis Robert's Treasure of Traffick

[125] Happy Future State of England

[126] Anderson Vol 2 P 111

[127] Id , ibid

[128] British Empire in America Vol 1 P 372

[129] Burnet

[130] Neale's History of the Puritans Vol 4 P 123

[131] P 639

[132] Parliamentary History Vol 19 P 83

[133] C 633

[134] Journals Vol 8 P 24

[135] King James's Memoirs Этот государь пишет, что причиной или предлогом для сохранения гвардии, которую поначалу предполагалось распустить вместе с остальными частями армии, стало восстание Венера

[136] King James's Memoirs

[137] Parliamentary History Vol P 173

[138] Carte's Answer to the Bystander P 79

[139] D'Estrades 25 июля 1661 г , Mr Ralph's History Vol 1 P 176

[140] Carte's Ormond Vol 2 P 254 Данная версия кажется нам более убедительной, чем утверждение в «Мемуарах» Абланкура о том, что главным сторонником португальского брака являлся канцлер Нет никаких причин думать, что французский резидент в Лиссабоне мог многое знать о тайнах английского двора, с другой стороны, как бы решительно ни противился планам короля канцлер, он, разумеется, попытался бы скрыть это обстоятельство от королевы и ее семейства и даже в парламенте и в Тайном совете наверняка поддерживал бы уже принятое решение Сам Кларендон в своих «Мемуарах» пишет, что он никогда не выступал ни за, ни против португальской партии

[141] Lord Lansdown's defence of general Monk, Temple Vol 2 P 154

[142] D'Estrades 17 августа 1662 г Из обещанных 500 000 фунтов приданого в действительности было уплачено немногим более половины

[143] D'Estrades 21 августа 12 сентября 1662 г

[144] Впрочем, из многих писем Д'Эстрада, в частности, из письма от 21 августа 1661 г , явствует, что король мог бы передать Дюнкерк парламенту, который не отказался бы взять на себя соответствующие расходы, но не желая выделять деньги для этой цели королю С другой стороны, король не был склонен, чтобы парламент приобрел какие-либо особые, самостоятельные права и полномочия в той области государственных дел, которая, как можно было подумать, в столь малой степени относилась к его ведению Отсюда следует, что английская система правления еще не достигла того уровня упорядоченности и взаимного доверия различных властей, какой был совершенно необходим для ее правильного функционирования

[145] 3 октября 1662 г В самом деле, для англичан Дюнкерк был важен прежде всего потому, что, находясь в руках французов, он мог бы послужить расстройству их торговли, но ведь в хороший морской порт его впервые превратил Людовик XIV А если бы англичанам пришлось когда-либо перевозить свои войска на континент, то это наверняка производилось бы для помощи какому-нибудь союзнику, чьи порты могли бы послужить для подобной цели с таким же успехом, как и Дюнкерк, если бы последний находился в руках англичан

[146] Kennet's Register P 850

[147] Автор признает, что папистское рвение короля (как это явствует из многих мест в «Мемуарах» Якова II) могло временами заходить дальше, чем это здесь предполагается

[148] Temple Vol 2 P 42

[149] Описание данного инцидента в «Мемуарах» короля Якова отличается от того, что мы находим на сей счет у любого из историков Яков утверждает, что пока он спал, Брункер отдал приказ капитану корабля сэру Джону Харемену сбавить ход Сэр Джон выразил свой протест, однако подчинился Некоторое время спустя, обнаружив, что отставание флагмана может вызвать неразбериху во всем флоте, он вновь поднял паруса, так что герцог, появившийся вскоре на юте и нашедший дела в том самом положении, в каком он их оставил, так и не узнал, что случилось, пока он отдыхал Никто ему об этом не сказал тогда ни слова Лишь по прошествии долгого времени он случайно услышал об этой истории и решил наказать Брункера по военным законам, но примерно тогда же делом этим занялась палата общин, выдвинувшая против него обвинение перед лордами, отчего у герцога не осталось иного средства наказать Брункера, кроме как уволив его со своей службы Сам же Брункер, выступая перед палатой, ни разу не сослался на какие-либо приказы, полученные им от герцога

[150] D'Estrades 19 декабря 1664 г

[151] Ibid 14 августа 1665 г

[152] Tromp's Life, D'Estrades 5 февраля 1665 г

[153] D'Estrades 21 мая 1606 г

[154] Голландцы тратили на войну около сорока миллионов ливров в год, т е более трех миллионов фунтов стерлингов, — средства, значительно превышавшие соответствующие субсидии английского парламента D'Estrades 24 декабря 1665, 1 января 1666, Temple Vol 1 P 71 По всей видимости, именно недостаток наличных денег навел короля на мысль платить матросам жалованье долговыми обязательствами, отчего, как выяснилось впоследствии, они много потеряли

[155] Temple Vol 2 P 41

[156] Правда, некоторые нонконформисты, как в Англии, так и в Шотландии, поддерживали сношения со Штатами и вынашивали замыслы восстания, но были слишком слабы, чтобы даже пытаться их осуществить D'Estrades 13 октября 1665 г

[157] Кларендона обвиняли в том, что он советовал королю править без парламента, опираясь на военную силу, что он утверждал, будто король является папистом или папистам сочувствует, что он получил крупные суммы за то, что добился для заинтересованных лиц Канарского патента и других незаконных патентов, что по его наущению и его стараниями многие подданные Его Величества были подвергнуты противозаконному заключению на отдаленных островах и в дальних фортах, где они, чего и хотел Кларендон, лишились всякой судебной защиты, что по его вине сбор пошлин отдавался на откуп по заниженным ставкам, что он получил большие деньги от компании виноторговцев за то, что позволил ей поднять цены на вино, что он быстро сколотил такое состояние, какое никак не могли обеспечить законные доходы с занимаемых им должностей, что он ввел деспотический образ правления в колониях Его Величества, что он отверг предложения, касавшиеся защиты островов Невис и Сент-Кристофер, что стало для Англии причиной больших убытков в тех краях, что в ту пору, когда он находился на службе Его Величества на континенте, он поддерживал сношения с Кромвелем и его приспешниками, что он посоветовал продать Дюнкерк, что он незаконным образом вносил изменения в жалованные грамоты, данные за королевской печатью, что он вопреки закону выносил решения в совете по тем делам, которые подлежали рассмотрению в канцлерском суде, что он издал два приказа о quo warranto против корпораций с намерением выжать из них побольше денег, что он взял деньги за принятие билля об устроении Ирландии, что он изменил интере-

сам нации во всех договорах с иностранными державами, и что он был главным инициатором рассредоточения флота в июне 1666 г

[158] 25 января 1662 г

[159] Burnet P 149

[160] Burnet P 152

[161] Ibid P 147

[162] Burnet P 201

[163] Burnet P 202

[164] 1664 г

[165] Burnet P 213

[166] 28 ноября 1666 г

[167] Burnet P 237

[168] Woodrow's History Vol I P 256

[169] В 1666 г

[170] Сокращенное изложение доклада, сделанного комитетом Брук-хауз (именно так он назывался) было впервые опубликовано м-ром Ральфом (Т 1 С 177, на основе собрания лорда Галифакса), на это же издание ссылаюсь здесь и я Если мы внимательно изучим представленное членами комитета объяснение своих действий, (см сл с у того же автора), то убедимся, что по отношению к королю эти люди проявили некоторую предубежденность Так, они не потрудились обратить внимание на суммы, истраченные до 1 сентября 1664 г Между тем все военные приготовления предшествовали этой дате и обошлись, как сообщил парламенту канцлер Кларендон, почти в 800 000 фунтов, — цифра, на наш взгляд, весьма правдоподобная, и ее следует включить в общую сумму королевских расходов Далее, к неучтенным в ведомостях расходам комитет отнес средства, которые обыкновенно шли на оплату гвардии, но в продолжение двух лет и десяти месяцев, пока продолжалась война, экономились, — всего 700 000 фунтов Но подобный вывод кажется несправедливым на этой обычной статье расходов короне тогда действительно удалось сэкономить — войны не могли свести на нет всю эту экономию? Кроме того, комитет указал в качестве неучтенных сумм 340 000 фунтов призовых денег, за которые король, по-видимому, просто же считал себя обязанным отчитываться Все эти суммы составляют в общей сложности более 1 500 000 фунтов

[171] М-р Карт в своей «Защите ответа стороннему наблюдателю» пишет, что этих земель едва ли могла принести более 100 000 фунтов, и его доводы кажутся нам вполне убедительными

[172] *Д' Эстрад* 21 июля 1667 г

[173] Гурвиль в своих «Мемуарах» (Т 2 С 14, 67) пишет, что Карл никогда не относился к Тройственному союзу всерьез и что, испытывая сильнейшую враждебность к де Витту, он пытался с помощью этой уловки разрушить его союз с Францией — в надежде, что впоследствии он, Карл, еще найдет возможность утолить свою жажду мести голландскому пенсионарию Это сообщение, хотя оно и не делает особой чести памяти английского короля, представляется весьма правдоподобным, если принять в расчет действительные события, а также осведомленность автора «Мемуаров»

[174] *Temple* Vol 2 P 179

[175] 3 января того же года в Ньюхолле, Эссекс, после продолжительной болезни в возрасте шестидесяти двух лет скончался Джордж Монк, герцог Албермарл Он оставил после себя огромное состояние — 15 000 фунтов годового дохода с земельных владений и 60 000 наличными Состояние это герцог приобрел уже на

закате дней благодаря щедрым пожалованиям короля, а затем умножил собственной бережливостью Епископ Бернет, не изменяя столь характерному для него духу партийной злобы, пишет об этом прославленном человеке с откровенной предвзятостью и даже упрекает его в жадности, но так как Монк, насколько нам известно, ни в малейшей мере не запятнал себя алчностью и корыстолюбием, то его бережливый образ действий было бы справедливее объяснять привычками, усвоенными еще в молодости, когда он располагал весьма скудными средствами Мы видим здесь, как злословие преследует память благородного мужа, прожившего нравственно безупречную жизнь человека, который восстановив древнее, законное и свободное правление в трех королевствах, ввергнутых в пучину губительнои анархии, вправе теперь называться тем из обитателей Британских островов, кто, от начала времен и до наших дней, оказал своему отечеству самые прочные и важные услуги, — воистину поразительный пример того, какой необыкновенной силой обладают злобные партийные предрассудки! Далее, почти все средства, с помощью которых Монк добился успеха в своих великих предприятиях, также были совершенно безупречными Правда, какое то время он скрывал свои истинные замыслы, но ведь подобное притворство, в тех условиях совершенно необходимое, едва ли можно ставить генералу в вину Низвергнутый им парламент — ублюдочный, самозванный «парламент» узурпаторов — не доверял ему никаких постов, а стало быть, Монк просто не мог никому изменить Да и само притворство генерала имело свои пределы так, Монк отказался принести присягу в том, что он отвергает власть короля Должен, впрочем, сознаться его преподобие д-р Дуглас познакомил меня с подлинным письмом Монка к сэру Артуру Гезльригу (из архива Кларендона), в котором генерал весьма пылко (и, разумеется, кривя душой) заверяет в своей безусловной преданности республике Остается лишь пожалеть о том, что столь достойный человек, и к тому же столь прямой и откровенный по натуре, оказался вынужден дойти в своем притворстве до подобного поступка Род Монка пресекся со смертью его сына

[176] 12 ноября того же года в возрасте 59 лет, скончался в своем сельском уединении Томас лорд Ферфакс, который, не будучи выдающейся личностью, совершил немало великих дел, и, преследуя самые честные и благородные цели, столько раз позволял втягивать себя в преступные предприятия Его дочь и наследница вышла замуж за Джорджа Вильерса, герцога Бекингема

[177] Что можно перевести следующим образом Человека справедливого и неуклонно идущего к цели [180]

[178] Уже после выхода в свет настоящей «Истории» автор имел возможность познакомиться с прямыми и совершенно неопровержимыми доказательствами существования этого заговора Благодаря любезному разрешению ректора шотландской коллегии в Париже он смог внимательно прочесть хранящиеся там «Мемуары» Якова II Они составляют несколько томов небольшого формата, написанных собственной рукой этого государя и охватывающих важнейшие события его жизни, начиная с ранней юности и почти до его кончины О союзе с Францией в них рассказывается следующее Главной целью короля и герцога было изменить государственную религию в Англии — предприятие, которое они считали совсем нетрудным, ибо уверовали, что кавалеры и церковная партия питают к папизму сильнейшее расположение Договор с Людовиком был заключен в Версале в конце 1669 или в начале 1670 г лордом Эранделом (между прочим, ни один историк не сообщает о его причастности к этому делу) По условиям договора Людовик обязался выплачивать Карлу каждый год (посредством ежеквартальных субсидий) 200 000 фунтов, чтобы тот смог ввести в Англии католическую рели-

гию, а также выслать десятитысячный корпус в случае каких-либо мятежей и беспорядков После того как дело будет сделано, Англии надлежало вступить в войну с Голландией на стороне Франции В случае успешного ее исхода Людовик должен был получить внутренние провинции, принц Оранский — верховную власть в провинции Голландия, а Карл — Слюйс, Брилль, Валхерен вместе с остальными портами По плану короля первым шагом должно было стать изменение государственной религии в Англии, но герцогиня Орлеанская в ходе их свидания в Дувре убедила Карла начать с Голландской войны — вопреки протестам герцога Йоркского, который упорно доказывал, что Людовик, после того как он добьется собственных целей, уже не захочет утруждать себя английскими делами О замысле сделать Карла абсолютным монархом герцог нигде прямо не упоминает, несомненно, однако, что это подразумевала другая часть плана, осуществить которую предполагалось исключительно властью короля Король был столь ревностным папистом, что когда у него появилась надежда вернуть свое королевство в лоно католической церкви, он заплакал от радости

Впоследствии некоторые новые любопытные подробности, касающиеся истории этого договора, обнародовал сэр Джон Делримпл Оказывается, о его подготовке и заключении известно было лишь четырем папистам—советникам короля — Арлингтону, Эранделу, Клиффорду и сэру Ричарду Билингу Бекингема, Ашли и Лодердейла в тайну не посвятили Чтобы втянуть их в эту авантюру, король прибег к весьма хитрой и совершенно недостойной уловке После того как договор был тайно заключен и подписан, король лицемерно объявил этим трем министрам о своем желании заключить договор и союз с Францией с целью взаимной помощи и войны с Голландией, когда же всякого рода мнимые трудности и препятствия были с успехом преодолены, на свет — с согласия и одобрения упомянутых лиц — появился новый, фиктивный, договор, содержавший все пункты прежнего, подлинного, договора, кроме статьи о переходе короля в католичество И однако, даже этот договор фактически подразумевал установление в Англии абсолютной монархии, ибо помощь французским войскам и война с Голландией, столь противные интересам и желаниям народа, не могли означать ничего другого Трудно прийти в себя от изумления, видя то совершенное отсутствие здравого смысла, которое от начала и до конца этого преступного предприятия проявили его участники Ведь если папизм внушал нации столько ужаса и омерзения, что даже три королевских министра, Бекингем, Ашли и Лодердейл — люди испорченные и беспринципные, — не пожелали или не рискнули его принять, то как можно было надеяться на то, что английский народ удастся силой загнать в ограду этой церкви? Приняв в расчет тогдашнее положение страны, где было великое множество закаленных в боях ветеранов — фанатичных протестантов, воспитанных в эпоху гражданских войн, — несложно прийти к выводу, что после того как король публично объявил бы о столь диком и вызывающем намерении, корона на его голове не продержалась бы, вероятно, и двух месяцев Надо думать, именно по этой причине Людовик и французские министры всячески убеждали Карла не сбрасывать маску до той поры, пока успехи в войне с Голландией не создадут для осуществления его замысла более благоприятные условия

[179] Duke of Buckingham's character of king Charles II

[180] 25 марта этого года в возрасте сорока шести лет умер Генри Кромвель, второй сын протектора После реставрации короля (которую он встретил скорее с удовлетворением, чем с неприязнью) Генри, никем не тревожимый, вел спокойную жизнь частного лица

[181] Некоторые историки, ссылаясь на протоколы заседаний парламента, утверждают, будто на этой сессии общины провели расследование и выяснили, что дохо-

ды короля составляют 1 600 000 фунтов в год, тогда как необходимые расходы — всего 700 000 Однако ни малейших следов того в протоколах не обнаруживается, и то, что они пишут, кажется совершенно неправдоподобным

[182] Welwood, Burnet, Coke

[183] Temple's Memoirs Vol I P 458

[184] Например, переписка между Денби и Монтегю, послом короля в Париже, а также мемуары и письма Темпла Из этих последних мы знаем, что все предлагавшиеся королем условия мира были выгодными для Франции и что, по мнению принца Оранского, он всякий раз ранее согласовывал их с французским посланником

Из Vohn Dalrymle's Appendix P 103, явствует, что король самолично, без какого-либо участия своих министров, подписал секретное соглашение с Францией и за обещание нейтралитета выговорил себе пенсию В свете этих обстоятельств его *королевское слово,* столь торжественно данное подданным, можно счесть одним из самых постыдных и возмутительных деяний, которые когда-либо исходили от трона

[185] Sir John Dalrymple's Appendix P 112

[186] Temple Vol I P 461

[187] Т е три тысячи солдат в Шотландии, а также обычные гарнизонные части и королевская гвардия в Англии, общей численностью примерно пять тысяч человек Sir J Dalrymple's Appendix P 161

[188] Сэр Джон Делримпл в своем «Приложении» (где он ссылается на донесения Барильона из парижских дипломатических архивов) рассказывает об этих интригах более подробно С английской стороны в них участвовали лорд Рассел, лорд Голлис, лорд Беркшир, герцог Бекингем, Алджернон Сидней, Монтегю, Бальстрод, полковник Титус, сэр Эдуард Гарлей, сэр Джон Бейбер, сэр Роджер Хилл, Боскоуэн, Литтлтон, Поул, Гарборд, Гемпден, сэр Томас Армстронг, Готем, Герберт и еще несколько менее известных лиц Из них только лорд Рассел и лорд Голлис отказались брать французские деньги, все остальные принимали от Барильона подарки и взятки Следует, однако, заметить, что партийные взгляды этих людей, а также вполне обоснованное недоверие к королю и герцогу сами по себе, независимо от полученных ими денег, побуждали их к тем же шагам, к которым склонял их французский посол Таким образом, французские интриги в парламенте оказали совершенно ничтожное воздействие на работу английской политической машины, тогда как интриги с участием короля, которые никогда не являлись тайной, имели последствия бесконечно более важные Суммы, розданные за три года каждому из упомянутых выше лиц (за исключение Монтегю), не превысили 16 000 фунтов и, стало быть, не могли сколько-нибудь серьезно повлиять на палаты, в особенности если сопоставить их с теми средствами воздействия, которыми располагала корона А потому во всех депешах Барильона мы обнаруживаем одно страстное желание — добиться того, чтобы парламент не собирался вообще Поведение же английских патриотов было скорее недостойным, нежели преступным, и мосье Куртен пишет, что двести тысяч ливров, употребленных испанцами и немцами, дали бы результат более значительный, чем два миллиона, розданных французами См *Сэр Дж Делримпл* Приложение С 111 Забавно видеть общее негодование, я бы сказал — всенародный гнев, который возбудило недавнее открытие факта этих тайных переговоров, — главным образом, из-за причастности к ним Алджернона Сиднея, коего уже успел произвести в герои слепой партийный предрассудок Неблагодарность и вероломство этого человека, который, выпросив у короля помилование, тотчас же по возвра-

щении в Англию принялся строить планы нового мятежа, представляют собой деяния гораздо более преступные, чем его согласие брать французское золото Между тем об этих подробностях биографии Сиднея знали всегда, но они никого не смущали Зато на любые сношения с Францией в Англии смотрят как на ужаснейшую скверну, от которой не очиститься уже никаким покаянием Считается, что даже память лорда Рассела, который проявил тогда лишь обыкновенное партийное рвение, навеки опозорена вновь открывшимися обстоятельствами

[189] 19 октября 1669 г

[190] 28 июля 1670 г

[191] В 1675 г

[192] Burnet

[193] Oates's Narrative

[194] Burnet, Echard, North, L'Estrange, etc

[195] Burnet, North

[196] North

[197] Burnet, North, Trials

[198] North P 206

[199] Ibid P 205

[200] Парламент вотировал королю 600 000 фунтов на роспуск армии, возмещение расходов на морские вооружения и выплату приданого принцессы Оранской

[201] North P 207

[202] North's Examen P 186

[203] Burnet Vol I P 437

[204] Appendix to sir John Dalrymple's Memoirs

[205] 3 декабря

[206] Сэр Уильям Скрогге

[207] В 1566 г спикер сказал королеве Елизавете, что без ее санкции сделанный палатой выбор не может иметь силы D'Ewes's Journal P 97 Сходное мнение выражал в парламенте 1592 и 1593 гг другой спикер — сэр Эдуард Кок D'Ewes P 459, Townsend P 35 Таким образом, данная претензия общин, подобно многим другим правам и привилегиям, представляется до известной степени новшеством

[208] Вот их имена принц Руперт, архиепископ Кентерберийский, лорд Финч, канцлер, граф Шефтсбери, председатель совета, граф Англси, хранитель Большой государственной печати, герцог Албермарл, герцог Монмаут, герцог Ньюкасл, герцог Лодердейл, герцог Ормонд, маркиз Винчестер, маркиз Вустер, граф Арлингтон, граф Солсбери, граф Бриджуотер, граф Сандерленд, граф Эссекс, граф Бат, виконт Фоконберг, виконт Галифакс, епископ Лондонский, лорд Голлис, лорд Рассел, лорд Кавендиш, Ковентри, секретарь, сэр Фрэнсис Норт, главный судья, сэр Генри Кейпл, сэр Джон Эрнли, сэр Томас Чичли, сэр Уильям Темпл, Эдвард Сеймур, Генри Поул [203]

[209] Wodrow's History of the Sufferings of the Church of Scotland Vol 2 P 28

[210] Algernon Sidney's Letters P 90

[211] Temple Vol I P 335

[212] Ibid P 449

[213] Dissertation on Parties Let 7

[214] Vol 1 P 342

[215] College's trial

[216] Captain Wilkinson's narrative

[217] Burnet Vol 1 P 522

[218] Burnet Vol 1 P 583 Wodrow Vol 2 P 169 Этот последний автор, гораздо более авторитетный, упоминает лишь один подобный случай, дело Спреля, и, кажется, случай совершенно исключительный

[219] Wodrow Vol 2 Appendix, 94

[220] Ibid Vol 2 Passim

[221] Ibid Vol 2 P 434

[222] Ibid Vol 2 P 505

[223] Lord Gray's Secret History of the hye-house Plot Это самое обстоятельное и достоверное изложение всех этих событий, к тому же оно в целом подтверждается епископом Спратом и даже Бернетом равно как и материалами процессов самих участников заговора и их предсмертными признаниями — так что не может быть ничего более странного, чем утверждения иных особ, будто эта конспирация была таким же вымыслом, как и папистский заговор В декларации Монмаута, обнародованной в следующее царствование также признается, что крайние меры тогда действительно обсуждались

[224] С 43

[225] В ноябре того же года в возрасте шестидесяти двух лет умер принц Руперт Он покинул свою родину таким молодым, что успел превратиться в настоящего англичанина, а в конце жизни, как подозревали иные, даже питал симпатии к партии страны По этой причине Руперт был в большой немилости у двора В том же году скончался герцог Лодердейл

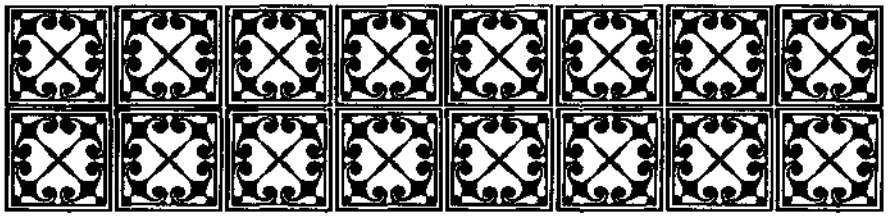
[226] Из John Dalrymple's Appendix явствует, что за попустительство захвату Люксембурга король (помимо обычной пенсии) получил от Франции миллион ливров

[227] Нижеследующий отрывок взят из писем г-на Барильона, хранящихся ныне в Версале, в Depôt des Affaires etrangeres Автора познакомили с этим текстом во время его недавнего пребывания во Франции «Convention verbale aretee le 1 Avril 1681 Charles II s'engage a ne rien omettre pour pouvoir faire connoitre a sa mageste qu'elle avoit raison de prendre confiance en lui, a se degager peu a peu de l'alliance avec l'Espagne, et a se mettre en etat de ne point etre contraint par son parlement de faire qulque chose d'oppose aux nouveax engagements qu'il prenoit En consequence, le roi promet un subside de deux millions, la premiere de trois annees de cet engagement et 500 000 ecus les deux autres, se contentant de la parole de sa majeste britannique, d'agir a l'egard de sa mageste conformement aux obligations qu'il lui avoit Le Sr Hyde demanda que le roi s'engagea a ne point attaquer les pays bas et mkme Strasbourg, temoignant que le roi son maitre ne pourroit s'empecher de secourir les pays bas, quand même son parlement ne seroit point assemble M Barillon lui repondit en termes generaux par ordre du roi, que sa majeste n'avoit point intention de rompre la paix, et qu'il n'engageroit pas sa majeste britannique en chose[241] contraires a ses veritables interêts» [241]

[228] Этот слух подтверждают King James's, а также D'Avaux's Negotiations Dec 14, 1684

[229] Маркиз Галифакс

[230] Герцог Бекингем



ПРИМЕЧАНИЯ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

[1] Для политического словаря Юма было характерно использование термина «партия» для обозначения религиозно-политических группировок середины XVII столетия Индепенденты, в особенности та их часть, что примыкала к Кромвелю, отстаивали наиболее последовательную по тем временам политическую концепцию и в конечном счете добились власти В этом смысле их «организация» в чем-то сближалась с организацией политических партий XVIII века Подробнее об этом см *Федоров С Е* Пуританизм и общество в стюартовской Англии (Позднее индепендентство), СПб , 1993

[2] Многие религиозные и религиозно-политические движения XVII века с точки зрения лежавшей в их основании доктрины вращались вокруг одних и тех же сюжетов При этом своеобразие теологических и политических воззрений во многом зависело от того, насколько оригинально эти сюжеты были скомпанованы в рамках отстаиваемого ими учения Складывалось впечатление, что в конце 40-х — начале 50-х годов XVII века в Англии действует множество религиозных сект и толков (под воздействием мнимого многообразия находятся и современники-ересиографы Томас Эдвардс и Эфраим Пэджит) Наиболее радикальная часть сектантов идейно примыкала к индепендентству и в период республики активно содействовала сторонникам Кромвеля Обозреватели—современники религиозной жизни Англии этого периода (Эдвардс, Пэджит) единодушно отмечали исчезновение религиозных разногласий среди сектантов накануне установления республиканского строя К концу 50-х годов активность сект значительно повысилась, главным образом за счет разочарований, постигших их руководителей в первые годы протектората Наиболее обстоятельной работой в этом плане остается коллективная монография под редакцией Б Рэя и Б Мэннинга Radical Religion in XVIIth Century England / Ed by B Reay & B Manning Oxford, 1984

[3] Милленарии — в Англии XVII века сторонники различных учений, объединенных общим названием — милленаризм (от *лат* mille — тысяча и annus — год), развивали учение о 1000-летнем царстве Христа (миллениуме), которое начиналось, согласно Апокалипсису, его Вторым пришествием

[4] Антиномиане — достаточно распространенный в XVII веке синоним для обозначения антитринитариев (*греч* anti — против, trinitas — троица), последователей учения, отвергавшего догмат о божественной Троице и о единосущности трех ипостасей Бога, из учения вытекает отрицание божественной природы Христа, а признаваемый в нем единый Бог часто отождествляется с мировым разумом и природой, что сближает антиномиан с пантеистами и деистами (см примеч), закон о веротерпимости, принятый в Англи в 1683 году, не распространял свое действие на антиномиан, а закон о смертной казни, грозившей сторонникам этой ереси, был отменен лишь в 1813 году, считается, что антиномианское уче-

ние способствовало в конечном счете возникновению либералистского и модернистского течений в современном протестантском богословии

[5] Речь идет о Карле II Стюарте

[6] В данном случае Юм использует термин «индепенденты-республиканцы» в значении «политические индепенденты» и имеет в виду ту часть движения, которая к концу 40-х годов XVII века практически отделилась от его религиозного крыла, в этот период деятельность индепендентских проповедников почти полностью переместилась в графства, только такие крупнейшие индепендентские религиозные деятели, как Джон Гудвин и Уильям Паркер, оставались в Лондоне Более детальное освещение этого вопроса *Brown J* History of Congregationalism and Memorials of the Churches in Norfolk and Suffolk London, 1877, *Cleal E* History of Congregationalism in Surrey London, 1908, *Федоров С Е* Пуританизм и общество в стюартовской Англии Гл III

[7] Достаточно распространенное и по сей день суждение, основанное на том, что индепендентское движение, как его религиозное, так и политическое течения изначально формировались по типу харизматических, уже ранние лидеры конгрегационалистов (Джон Херн) и броунистов (Джон Браун) отстаивали расхожее в индепендентских кругах мнение, что цель оправдывает средства Далее подобные суждения подкреплялись определенным настроем сначала индепендентских проповедников, а затем и лидеров политического течения, считавших себя «святыми», боговдохновенными, неограниченными средствами в отстаивании истинности своего учения Об этом пишут современники (*Walker Clement* Relations and Observations Historical and Political upon the Parliament begun London, 1650, *Gartz Peter* Puritanisher Glaubens und Mentspigel Leipzig, 1653) и собственно сами адепты (*Lawrence Martin* The Use and Practice of Faith London, 1657) Кромвель был в этом плане наиболее типичной фигурой См весьма показательную в этом плане подборку документов, составленную М Стейсом Cromwelliana A Chronological Detail of Events in which Oliver Cromwell was engaged/Comp by M Stace Westminster, 1810

[8] Текст опубликован Kenyon J The Stuart Constitution Oxford, 1966

[9] Государственный совет (Council of State) — основной институт в системе исполнительной власти республики, Юм достаточно подробно, но хаотично описывает историю воникновения и функции этого института В современной научной литературе сложились два диаметрально противоположных мнения относительно истории учреждения этого органа одни историки полагают, что его возникновение было вызвано чрезвычайными обстоятельствами, сложившимися в момент установления республики, другие уверены, что его возникновению предшествовала определенная эволюция центральных исполнительных институтов в Англии, имевшая место в 1642–1649 годах, очевидно, что после того как власть короля стала в стране номинальной, был распущен Тайный совет и ликвидированы должности государственных секретарей, наделенных ранее основными исполнительными функциями, возникла ситуация, в которой продолжавший свою деятельность парламент не справлялся с нараставшим кризисом государственной власти До момента учреждения (1644) Комитета двух королевств (Commetee of Both Kingdoms) парламент был вынужден самостоятельно отправлять возложенные на него исполнительные полномочия, лишь только в отдельных случаях в качестве дополнительных действовали организуемые по случаю временные парламентские комиссии и подкомитеты, Дерби-хауз комитет (1648) имел практически те же полномочия и тот же состав, что и предыдущий, за исключением выведенных из него шотландцев (часть историков полагает, что он был близок по сути к орга-

низуемым ранее комитетам обеих палат парламента), после установления республики произошли значительные изменения как в составе государственной власти, так и в ее учреждениях именно тогда «охвостье» Долгого парламента решает заменить Дерби-хауз комитет новым органом — Государственным советом, полномочия которого уже в момент создания были необычайно широки, было бы ошибочным полагать, что отношения этого органа и палаты общин были такими, как отношения Тайного совета и монарха несмотря на то что Государственный совет был подотчетен палате, его функции носили скорее исполнительный, чем совещательный характер, за исключением вопросов, связанных с налоговой политикой, он действовал самостоятельно в тех областях, которые касались отношений с армией и флотом, государственной безопасности, иностранных миссий и послов, позднее совету были переданы полномочия, ранее принадлежавшие лорду-адмиралу Англии в 1650 году Государственный совет делегировал их только что учрежденному комитету по делам Адмиралтейства, практика последующего распределения полномочий между входящими в его состав комитетами отчетливо просматривается на примере действовавшего Армейского комитета, совместно с генералитетом и комитетом офицеров управлявшего республиканской армией, в целом тенденция к созданию подчинявшихся Государственному совету комитетов сохраняется на протяжении 1649–1653 годов так, первый Государственный совет (02 1649–02 1650) инициировал деятельность шести комитетов, второй (02 1650–02 1651) — пяти, третий (02 1651–11 1651), четвертый (12 1651–12 1652) и пятый (12 1652–04 1653) достаточно последовательно продолжали создавать новые комитеты, из сорока одного члена совета более половины были задействованы в их работе, помимо так называемых ординарных членов Государственный совет имел свой служилый штат, в состав которого входили секретарь совета, два клерка, от двух до пяти подклерков, старший пристав, восемь (позднее двенадцать) младших приставов, двенадцать посыльных, блюститель, два носильщика и многочисленная прислуга

[10] Приводимый Юмом список включает в себя помимо упоминавшихся в предыдущем томе Бэзила Филдинга (Basil Fielding, 1608–1674), второго графа Денби, Эдмунда Шеффилда (Edmond Sheffield, 1611–1658), второго графа Малгрейва (не следует путать с Эдмундом Шеффилдом (1564–1646), первым графом Малгрейвом), Филипа Герберта (Philip Herbert, 1584–1650), первого графа Монтгомери и четвертого графа Пемброка, Уильяма Сесила (William Cecil, ум 1669), третьего графа Солсбери, Томаса Грея (Thomas Grey, 1623–1657), барона Грея из Гроби, Томаса Ферфакса (Thomas Fairfax, 1612–1671), третьего барона Ферфакса, далее следуют нетитулованные особы Джон Лайл (John Lisle, 1610–1664), [один из соисполнителей должности хранителя Большой государственной печати, 1648–1649], Оливер Сент-Джон (Oliver St John, 1598–1673) [до 1648 года был лордом главным судьей суда Общих тяжб], Джон Уайлд (John Wilde или Wylde, 1590–1669) [до 1646 года исполнял должность главного барона Казначейства], Генри Майлдмэй (Henry Mildmay, ум 1664), Уильяма Констебля (William Constable, ум 1655), Исаака Пеннингтона (Isaak Pennington, 1587–1660), Роуланда Уилсона (Rawland Wilson, 1615–1650), Дениса Бонда (Denis Bond, ум 1658) Источник, по которому Юм составлял этот список, неизвестен, но членство целого ряда деятелей в Государственном совете весьма сомнительно так, из названных Юмом графов лишь Филип Герберт безоговорочно согласился с назначением, остальные, судя по всему, отказались от участия, среди других персонажей — Эдвард Попэм (Edward Popham, 1610–1651), известный адмирал — участия в деятельности совета не принимал

[11] Речь идет о Джеймсе Гамильтоне (James Hamilton, 1606–1649), первом герцоге Гамильтоне и Джеймсе Грхэме (James Graham, 1612–1650), пятом графе и первом маркизе Монтрозе

[12] Арчибальд Кемпбелл (Archibald Campbell, 1598–1661), восьмой граф Аргайл, позднее — маркиз Аргайл

[13] Значительная часть земли действительно к этому времени находилась в руках знати, но, утверждая, что эта знать была шотландской, Юм ошибается политика распределения титулов в составе шотландского пэрства в 1603–1639 годах привела к тому, что часть земель старого королевского домена была перераспределена между англичанами и ирландцами, которые подчас имели уже английские и ирландские титулы

[14] Более подробно об этих событиях можно узнать из шестого тома The Journals of the House of Commons of the Kingdom of Ireland from [1613 to1800] Vol I–XIX Dublin, 1796–1802 Vol VI P 233ff

[15] Маррог О'Браен (Murrogh O'Brien, 1614–1674), первый граф и шестой барон Инчикуин Возведение в графский титул состоялось 05 05 1654

[16] О возможностях равнозначного употребления терминов «lord-lieutenant» и «lord-deputy» см примеч 89 к первому тому настоящего издания

[17] Отношение Карла к католицизму было не менее противоречивым, чем отношение его отца его официальные взгляды были скорее антикатолическими, но при этом в его окружении было достаточно много католиков, и он, подобно отцу, не раз возвышал представителей католических кланов и семей судя по всему, он придерживался тактики, унаследованной от знаменитого Бекингема, и стремился в религиозном плане к определенному компромиссу, Юм, очевидно, этой точки зрения не разделял

[18] Нунций (*лат* nuntius — вестник) — дипломатический представитель папского престола в странах, с которыми римская курия поддерживает дипломатические отношения, помимо основных обязанностей осуществляет наблюдение за деятельностью католической церкви в стране его пребывания Джованни Батиста Риннучини (D B Rinuccini, 1592–1653), архиепископ, папский нунций в Ирландии (1652)

[19] Оуэн О'Нил (Owen Roe O'Neill, 1590–1649) — ирландский патриот и генерал

[20] Томас Престон (Thomas Preston, 1585–1655), первый виконт Тары

[21] Алик де Бург (Ulick de Burgh, 1604–1657), пятый граф Кланрикард

[22] Речь идет о генерале Джоне Ламберте (John Lambert, 1619–1683) и генерал-майоре сэре Хардрессе Уоллере (s Hardress Waller, 1604–1666)

[23] Законы о государственной измене в первой половине XVII века продолжали базироваться на известном статуте Эдуарда III (25Edw III st 5), хотя во внимание принимались и соответствующие прецеденты (например, статут 1 Edw VI C 12), имевшие место в более поздний период, под государственной изменой подразумевались следующие виды преступлений умышление смерти короля и королевы-консорта и других членов венценосной семьи, ведение войны против короля в пределах его королевства, оказание помощи враждебной королю стороне, участвующей против него в активных военных действиях, убийство первых лиц королевства (канцлера, лорда-хранителя Малой государственной печати, лорда-казначея, лорда-камергера, лорда-гофмейстера и др), подделка монеты

[24] Секвестрация (*англ* sequestration) — практика наложения ареста или запрета на недвижимое имущество, депозитация, сопровождаемая либо наложением штрафов (композиций), либо его последующей конфискацией и продажей в

пользу государства, использовалась как одно из средств пополнения государственной казны, первоначально секвестрация применялась в отношении земель и имущества деликвентов (злоумышленников), секвестры назначались в отношении отдельных лиц и отдельных местностей, так, 15 10 1642 обе палаты парламента вынесли постановление о наложении секвестра на имущество последовательных сторонников короля, 27 03 1643 палаты приняли ордонанс, упорядочивающий процедуру секвестрации все полномочия по осуществлению секвестра возлагались на соответствующие комитеты по графствам, ордонанс от 18 08 1643, смягчив это постановление, разрешил расходовать не более одной пятой части дохода на содержание жен и детей сторонников короля, эти два основных ордонанса были дополнены 25 05 1644 третьим, не внесшим, однако, принципиальных изменений в производство секвестрации, начиная с 30 01 1644, т е после того как было объявлено прощение всем роялистам (кроме зачинщиков гражданской войны), были установлены размеры композиций для тех, кто признал новую власть, для определения размеров таких штрафов был организован специальный комитет, заседавший в Голдсмит-холле, практика секвестрации была расширена в период республики главным образом за счет коронных и церковных земель, первоначально, начиная с 1649 года, парламентский комитет по секвестрации возглавлял лорд Говард, после того как он и его комиссары были изобличены во взяточничестве, доверие к комитету стало ослабевать, уже в апреле 1651 года секвестрацией руководил временный комитет, учрежденный при Казначействе

[25] Роберт Венейблс (Robert Vanables, 1612? –1687) — парламентский генерал, капитан (1644), полковник, комендант Тарвина (1645), военный комендант Ливерпуля (1648), пехотный генерал (1649), генерал (1654)

[26] Достаточно сложно судить, о каком из Нилов идет речь, судя по всему, Юм имеет в виду либо Лайонела Турлога О'Нила (Lionel Turloug O'Neil), либо генерал-майора Оуэна Ро О'Нила (Owen Roe O'Neill) — младшего брата графа Тирона, сэр Чарльз Кут (s Charles Coote, 1590–1661) — один из лидеров Коннтотской республики, с 17 12 1652 — граф Монтрат, Роберт Блейк (Robert Blake, 1599–1657), сначала полковник (1644), затем адмирал парламентского флота (1645)

[27] Юм, должно быть, имеет в виду полковника Эдварда Аштона (Edward Aston, ум 1658)

[28] Юм допускает неточность лорда Таффа не существовало, должно быть, речь идет о Теобальде Таффе (Theobald Taffe, ум 1677) — ирландском полковнике, ставшем позднее (17 06 1661) графом Карлингтоном

[29] Оранский дом — княжеская, а по линии Оранских-Нассау — королевская фамилия (получила название от герцогства Оранж в Южной Франции, территории, включенной с XVI века в состав гр Нассау), к дому Оранских-Нассау относятся штатгальтеры Нидерландов (1572–1795), король Англии Вильгельм III Оранский (1689–1702), а с 1815 года принадлежат короли и королевы Нидерландов

[30] Уинрам Джордж (George Winram, ум 1650) — шотландский судья и политический деятель Джон Либертон (John Libertoun, ум 1650), лорд Либертон

[31] Речь идет о Джоне Кеннеди (John Kennedy, 1595–1668), шестом графе Кассилисе, Уильяме Керре (William Kerr, 1605–1675), третьем графе Лотиане, Джеймсе Сесиле (James Cecil, ум 1683), третьем графе Солсбери, приходившемся сыном Чарльзу Сесилу, виконту Крэнборну

[32] Любопытно, но под описание Юма подходят как Джеймс Гамильтон (James Hamilton, 1606–1649), третий маркиз и первый герцог Гамильтон, так и его брат Уильям Гамильтон (William Hamilton, 1616–1651), второй герцог Гамильтон

[33] Жан Франсуа Поль де Гонди (J F P de Gondi, 1613–1679) — французский политический деятель и писатель, с 1652 года — кардинал, оставил великолепные мемуары (первое издание Memoires vol I-III Nancy, 1717, русский перевод, М , 2000)

[34] Плутарх (ок 46 г н э — после 120), один из известнейших греческих писателей римского периода, античный список его сочинений содержит 227 названий, из которых сохранилось свыше 150 (в том числе неподлинных), их обычно делят на две группы «моральные» трактаты и биографии, на русском языке опубликованы *Плутарх* Сравнительные жизнеописания / Подг С И Соболевский и др М , 1961–1964 Т 1–3, Застольные беседы / Подг Я М Боровский и др Л , 1990

[35] Речь идет о полковниках Джоне Уррее (John Urry, ум 1650), Роберте Спотисвуде (Robert Spottiswood, ум 1650), лорде Невабае и Уильяме Сибальде (William Sibbald, ум 1650), относительно Хэя из Дагелти у Юма допущена ошибка речь должна идти о сэре Джоне Хэе, лорде Барра (John Hay, ум 1654) — известном шотландском судье, именно он с 1642 года был в тесных контактах с Робертом Спотисвудом

[36] Чарльз Сетон (Charles Seton, ум 1673), второй граф Данферлин

[37] Ингейджеры (от *англ* engager — лицо, принимающее на себя обязательства) — первоначально сторонники договора Карла I с пресвитерианами, позднее сторонники парламентского акта от 2 01 1650 (An Act of Subscribing the Engagement), согласно которому все представители мужской части населения, достигшие 18-летнего возраста, должны были выразить свою лояльность в отношении республики

[38] Речь идет об Анне Вер (Anne Vere, годы жизни неизв), дочери Гораса Вера, барона Вера из Тилбури, брак был заключен 20 06 1637

[39] Александер Лесли (Alexander Leslie, 1580–1661), граф Ливен

[40] Магог — один из сыновей Иафета, сына патриарха Ноя, согласно Иосифу Флавию, от Магога произошли скифы, под нашествием которых дрогнули киммерийцы, переселившиеся и занявшие северные острова и полуострова Европы, часть английских и валлийских топонимов имеют киммерийские корни

[41] Кромвель активно полемизировал по религиозным вопросам, какую серию его полемических выступлений имеет в виду Юм, судить достаточно сложно, так или иначе все выступления Кромвеля по конфессиональным и церковным вопросам опубликованы The Writings and Speeches of Oliver Cromwell / Ed by W Abbott 4 vols Cambridge, 1937–1943 Vol 2, обзор религиозных воззрений Кромвеля впервые составлен Клементом Уолкером *Walker C* The High Court of Justice or Cromwell's New Slaughter House in England London, 1651

[42] Генерал Джон Миддлтон (John Middleton, 1619–1674) известен более как граф Миддлтон (креация состоялась 05 05 1656)

[43] Речь идет о совокупности радикальных религиозно-политических группировок, выступавших с критикой политики Кромвеля, практика так называемых «протестаций» была впервые введена Долгим парламентом в 1641–1642 годах (см *Kenyon J* The Stuart Constitution P 222), далее — по мере расширения (Священная Лига и Ковенант, 1643–1648) — она привела к возникновению устойчивого движения протестеров, которые в период республики выступали уже не только по религиозным вопросам, но и затрагивали сферу политики

[44] Джеймс Стенли (James Stanley, 1607–1651), седьмой граф Дерби

[45] Речь идет о Шарлотте Тремойль (Charlotte de la Trémoille, 1599–1664), дочери Клода Тремойля, герцога Тюра, брак с Джеймсом Стенли, седьмым графом Дерби был заключен 26 06 1626

[46] Эдмунд Ледлоу (Edmond Ludlow, 1617? –1692) — полковник, впоследствии генерал парламентской армии

[47] Здесь, должно быть, опечатка, графа Дивена не существовало, судя по всему, речь идет об *Александре Лесли* (Alexander Leslie, 1580–1661), *лорде* Бэлгони и графе Ливене

[48] Юм пишет о Лодовике Линдси (Lodovic Lindsey, 1600–1652), графе Кроуфорде, лорда Огилви к этому времени уже не существовало скорее всего Юм имеет в виду Джеймса Огилви (James Ogilvy, 1615–1704), второго графа Эрли

[49] Навигационный акт был принят 9 октября 1651 года, он завершал собой ряд предшествовавших ему навигационных актов 1381, 1382, 1488–1489, 1532, 1540 и 1563 годов

[50] Мартен Тромп (Marten Tromp, 1598–1653) — флотоводец, с 1637 года — лейтенант-адмирал Соединенных Провинций, в 1652–1654 годах — главнокомандующий

[51] Михиел Рюйтер (M Ruyter, 1607 –1676) — нидерландский флотоводец, лейтенант-адмирал и главнокомандующий флотом Соединенных Провинций (1655), главный лейтенант-адмирал Нидерландов (1673)

[52] Ян Витт (J Witt, 1625–1672), государственный деятель, пенсионарий Дордрехта (1650), великий пенсионарий (1653), был фактическим правителем Соединенных Провинций (1650–1672)

[53] Роберт Овертон (Robert Overton, ум 1668) — военный деятель, полковник (1648), Томас Гаррисон (Tomas Harrison, 1606–1666), военный деятель, участвовал в судебном процессе над Карлом I Стюартом

[54] Речь идет о Генри Стюарте (Henry Stewart, ум 1651)

[55] Уильям Рассел (William Russell, 1613–1700), пятый граф Бедфорд

[56] Речь идет о Томасе Кери (Thomas Carey, ум 1659), втором виконте Фолкленде

[57] Деисты — последователи деизма (от *лат* deus — бог), религиозно-философского учения, отрицающего непосредственное вмешательство Бога во все протекающие в природе и обществе события, но признающего его в качестве творца мира, Бог изображается ими как первопричина, безличное начало, лишенное тех черт, которые обычно приписывает ему церковь, в XVII веке многие деисты называли себя свободомыслящими (см примеч 24 к первому тому наст издания)

[58] Речь идет о Генри Мартине (Henry Marten, 1602–1688), участнике судебного процесса над королем, сэре Томасе Чаллонере (Thomas Challoner, 1595–1661), сыне известного елизаветинского дипломата, сэре Джоне Уайлдмане (John Wildman, 1621?–1693) и Генри Невиле (Henry Neville, 1620–1694), известном республиканце

[59] В середине XVII века под «законом Моисея» в широком смысле понимали десять ветхозаветных заповедей (декалог), сохранивших свою ценность для христианского социума

[60] Полный русский перевод текста опубликован Законодательство Английской революции 1640–1660 / Сост Н П Дмитриевский М , Л , 1946 С 175–182 Английский текст *Kenyon J P* The Stuart Constitution Cambridge, 1966 P 342–348

[61] Юм имеет в виду Генри Лоуренса (Henry Lawrence), Джона Ламберта (John Lambert), Чарльза Флитвуда (Charles Fleetwood), Филипа Скиппона (Philip Skippon), Джона Дезборо (John Desborough), Эдварда Монтагю (Edward Montagu), Уильяма Сиденхема (William Sydenham) — армейских офицеров, а также Филипа Сидни (Philip Sydney), сэра Энтони Ашли Купера (Antony Ashley Cooper), сэра

Чарльза Уолси (Charles Wolsey), сэра Гилберта Пикеринга (Gilbert Pickering), Френсиса Роуза (Francis Rous), Ричарда Мейджера (Richard Major) и Уолтера Стрикленда (Walter Stricklend)

[62] Констебль (constable) — первоначально — комендант крепости или замка, начиная с XIII века — один из высших придворных чинов (коннетабль Англии), затем представитель местной администрации, рангом ниже шерифа, в начале XVI века появляется чин так называемых малых констеблей (petty constables), помогавших местным старостам (warden)

[63] Расписной зал (Painted Chamber) — один из сохранившихся холлов старого Вестминстерского дворца

[64] Джон Терло (John Thurloe, 1616–1668) — государственный секретарь (29 03 1652 занял должность вместо заболевшего Уильяма Фроста) Собранная им коллекция государственных бумаг — один из важнейших источников по истории республики и протектората См *Thurloe J* A Collection of the State Papers of John Thurloe Containing Authentic Memorials of the English Affairs from the year 1638, to the Restoration of King Charles II / Ed by T Birch Vol 1–7 London, 1742

[65] Децимация (decimation) — термин, имевший первоначальное значение «взимание десятины», начиная с 1640-х годов приобрел дополнительное значение его употребляли тогда, когда речь шла о казни (повешении, затем расстреле) каждого десятого, в 1650-х годах этот термин использовался для обозначения казни высших военных, а в некотором случае и высших государственных чинов

[66] Вестфальский мир (1648) подвел итоги Тридцатилетней войны (1618–1648)

[67] Джулио Мазарини (J Mazarini, 1602–1661) — кардинал (1641), первый министр Франции (1643)

[68] Христина Августа (Christina Augusta, 1626–1689) — дочь Густава II Адольфа, шведская королева (1632–1654), отреклась от престола в пользу двоюродного брата Карла X Густава

[69] Карл X Густав (1622–1660) — король Швеции (1654–1660)

[70] Анна Австрийская (Anne d' Autriche, 1601– 1666) — французская королева, жена Людовика XIII (1615), регентша (1643–1661) при их сыне Людовике XIV

[71] Генрих IV Наварский (1553–1610) — король Франции (1589–1610)

[72] Алонсо де Карденьянс, маркиз Карденьянс (Alonzo de Cardenas, ум 1656) — испанский дипломат и политический деятель

[73] Конде (Conde) — французский аристократический род, боковая ветвь Бурбонов, Юм имеет в виду Луи Конде, или Великого Конде (1621–1688), до 1646 года он носил титул герцога Ангиенского

[74] Юм, скорее всего, имеет в виду Карлоса Бадахоса (Carlos Badajoz, ум 1658), маркиза Бадахоса, сына знаменитого Алонсо (Хуана) Бадахоса, завоевателя Перу

[75] Речь идет об Алонсо Медина Сели (Alonzo Medina Celi, годы жизни неизв), герцоге Медина

[76] Должно быть, Диего Диаквес (D Diaques, ум 1673)

[77] Понятие «государственная церковь» для периода республики и протектората весьма условно, целая серия государственных актов, направленных против католиков, англикан, нонконформистов и даже отчасти против пресвитериан видоизменила конфессиональную ситуацию в стране, собственно государственной могла считаться достаточно аморфная конгломерация умеренных протестантских толков, рядовые последователи которых были лояльны к официальному режиму, а руководители приходов «протестированы» на предмет политических и религи-

озных симпатий, церковные организации, входившие в этот конгломерат, подчинялись строгим предписаниям и ограничениям, утвержденным Государственным советом, естественно, что помимо лояльных, существовали различного рода религиозные толки, не считавшиеся официально признанными, тем не менее они продолжали быть «недостатком» того, что Кромвель считал «государственной церковью»

[78] Контролеры (у Юма — tryers) — члены так называемого санкционного комитета (Approbation Commetee), ведавшего вопросами церковного устройства на местах, им принадлежал решающий голос при назначении священников, определении устойчивых норм церковного общежития, они ведали деятельностью попечительных комиссий (Commision of Trustees)

[79] Анабаптисты (букв «перекрещенцы» от *греч.* anabaptizo — вновь погружаю, т е вновь крещусь) — собирательный термин для радикальных протестантских религиозных сект, критически относившихся ко многим церковным обычаям и ритуалам, в частности, не признававших крещение младенцев, поскольку религиозный выбор может быть только свободным, осознанным актом, и, следовательно, совершенным во взрослом состоянии

[80] Карлос Эммануил (1638–1675), герцог Савойский

[81] Эдвард Гайд (Edward Hyde, 1609–1674) — ближайший советник Карла I и Карла II Стюартов, барон Гайд из Хиндона (3 11 1660), виконт Корнбери и граф Кларендон (20 04 1661)

[82] Верховная палата Правосудия (High Court of Justice) — чрезвычайный суд, трибунал, первоначально учреждена для суда над Карлом I (1648), затем ее заседания были возобновлены под председательством уже упоминавшегося Джона Бредшоу для разбирательства по делу Гамильтона (февраль 1649), далее последовательно ее состав собирался в 1650–1651 гг (East Anglia's case, Dr Love's case, Earl Derby's case)

[83] Роджер Бойл (Roger Boyle, 1621–1679), лорд Брогхилл — государственный и военный деятель, драматург, с 5 09 1660 — первый граф Оррери

[84] Речь идет о сэре Чарльзе Флитвуде (Charles Fleetwood, ум 1692) 21 11 1651 умирает Франсес Смит, первая жена Флитвуда, почти одновременно с нею умирает Генри Айртон, муж старшей дочери Кромвеля Бриджит, в конце мая 1652 года она выходит замуж за сэра Чарльза Генри Кромвель (Henry Cromwell, 1628–1674), четвертый сын Оливера Кромвеля

[85] Русский перевод петиции опубликован Законодательство английской революции / Сост Н П Дмитриевский М , Л , 1946 С 206–210, английский вариант *Kenyon J* The Stuart Constitution P 350–357

[86] Речь идет о сэре Роберте Риче (Robert Rich, ум 1657), внуке одного из близких соратников Оливера Кромвеля Ричарда Рича (Richard Rich, 1587–1658), графа Уорвика, сэр Роберт был женат на четвертой дочери Оливера Кромвеля — Франсес (1638–1720) Томас Беласис (Thomas Belasyse, 1627–1700), виконт Факонберг был женат (1657) на третьей дочери Кромвеля — Мэри (ок 1638–1712), в отличие от отца и деда — первоначально на стороне парламента, но в период Реставрации стал последовательным роялистом, член Тайного совета при Карле II, капитан королевских гвардейцев, посол в Италии, лорд-лейтенант Северного Ридинга (1660–1692), граф Факонберг (1689)

[87] Хуан Австрийский (Juan de Austria, 1547–1578) — испанский полководец и политический деятель, побочный сын императора Карла V, брат испанского короля Филиппа II

[88] Роберт Блейк (Robert Blake, 1599–1657) — английский флотоводец, морской генерал (1651), адмирал (1655) Эдвард Монтагю (Edward Montagu, 1625–1672), граф Сендвич — английский флотоводец, адмирал (1656)

[89] Джеймс Батлер (James Butler, 1610–1688), двенадцатый граф и первый герцог Ормонд, до 1658 года находился в Германии, высадился в Англии в г Уэстмарше (гр Эссекс) 8 июня 1658 года

[90] Сэр Уильям Уоллер (William Waller, 1597?–1668) — парламентский генерал Томас Ферфакс (Thomas Fairfax, 2612–1671), третий барон Ферфакс — генерал парламентской армии (1647), главнокомандующий (1649), оставляет пост в 1650 году, после чего фактически находится в ссылке, ему принадлежат содержательные воспоминания-мемуары (*Fairfax Thomas* The Memoirs of General Fairfax, wherein is contained an Account of All His Sieges and Battles in the North of England Leeds, 1776)

[91] Сэр Генри Слингсби (Henry Slingsby, 1602–1658) — роялистский деятель, участник заговора против Оливера Кромвеля, оставил дневник, в котором описал детали заговора (Diary of sir Henry Slingsby / Ed by Daniel Parsons London, 1836) Джон Хьюит (John Hewit, 1614–1658) — роялистский религиозный деятель, доктор богословия

[92] Джон Мордонт (John Mordant, 1627–1675), барон Мордонт из Рейгейта, *виконт Мордонт из Эвалона, младший сын Джона Мордонта, первого графа Питерборо*, история с его чудесным спасением более прозаична, чем считает Юм жена Мордонта Элизабет Кэри, дочь Томаса Кэри — младшего сына Роберта Кэри, графа Монмута подкупила всех членов почтенного собрания, заседавшего в Расписном зале Вестминстера 2 07 1658

[93] Сведения о восстании опубликованы *Thurloe J* Collection of State Papers London, 1742 Vol VI P 184–187 (часть отчета опубликована в русском переводе Законодательство английской революции/Сост Н П Дмитриевский С 201)

[94] Эдвард Сексби (Edward Sexby, ум 1658) — один из наиболее известных заговорщиков эпохи протектората, ему принадлежат два любопытных трактата, оправдывающих идею убийства в политических целях (Killing no Murder [вышел под псевдонимом «W Allen»] и Apology of Tyrannicide), вышедших в Голландии в 1657 году

[95] Майлз Синдеркомб (Miles Sindercombe, ум 1657) — заговорщик, по наущению Сексби должен был застрелить Кромвеля по дороге в Гемптон-Корт постигшая неудача подтолкнула его к поджогу часовни в Уайтхолле 8 01 1657, покончил с собой в Тауэре, приняв яд, принесенный сестрой

[96] Речь идет о старшей дочери Кромвеля Бриджит

[97] Кроме уже упоминавшихся дочерей Кромвеля следует назвать Элизабет (ок 1629–1658), состоявшую в браке с неким Джоном Клейпулом (John Claypoole)

[98] Джон Гудвин (John Goodwin, 1594–1665) в 1633 году примкнул под влиянием Джона Коттона (John Cotton, 1582–1672) к лондонской броунистской конгрегации, затем — один из выдающихся индепендентских теологов, теоретик религиозного направления

[99] Ричард Кромвель (Richard Cromwell, 1626–1712) — третий сын Оливера Кромвеля и Элизабет Бурчиер

[100] Пропущена Элизабет Кромвель, она скончалась 6 09 1658

[101] Роберт Кромвель (Robert Cromwell, ум 1617) — второй сын сэра Генри Кромвеля из Хинчинбрука (гр Хантингтон), внук Ричарда Уильямса, который

изменил фамилию, заимствовав новую от умершего к тому времени патрона Томаса Кромвеля, графа Сассекса (1485–1540)

[102] Элизабет Стюарт (Elizabeth Stewart) — дочь Уильяма Стюарта, предки которого на протяжении нескольких поколений жили на землях, принадлежавших аббатству Или

[103] Существует мнение, что мать Оливера Кромвеля имела какие-то отдаленные родственные связи с шотландским королевским домом Стюартов, но оно ошибочно, поскольку английские предки Якова I Стюарта были связаны с норфолкским родом Stewart (ов), а не с илийским, о котором идет речь

[104] Кромвель был прирожденным оратором и полемистом, практически все его речи сохранились, о них можно судить по изданию У Эббота *Abbott W* The Writings and Speeches of Oliver Cromwell Vol 1–4 Cambridge, 1937–1947 (том 1 содержит речи и письма за 1599–1649 годы, том 2 — за 1649–1653 годы, том 3 — за 1653–1655, том 4 — за 1655–1658 годы)

[105] Считается, что Ричард был назван по меньшей мере дважды в качестве преемника — 31 августа и 2 сентября, официальная версия была впервые опубликована в Mercurius Politicus 3 сентября 1658 года Описываемая Юмом версия строилась на том, что первое завещание было составлено после второй инсталяции Кромвеля Терло в своем письме от 30 09 1658 сообщает, что Кромвель составил завещание и распорядился, чтобы он держал его в секрете (*Thurloe J* V 7 P 364), но гонец, прибывший в Уайтхолл сразу же после смерти лорда-протектора, этого завещания не обнаружил

[106] Генри Кромвель (Henry Cromwell, 1628–1674) — четвертый сын Оливера Кромвеля и Элизабет Бурчиер, лорд-наместник (1657)

[107] Люди Пятой монархии — сектантское движение, возникшее в 1640-е годы, ответвление милленариев, вели проповедь наступления «пятой монархии», т е тысячелетнего царства Христа, которое трактовалось ими как царство справедливости и равенства, любые светские авторитеты и власть отрицались, секта распалась в 1660-х годах Наиболее обстоятельное исследование *Hill C* The World Turned Upside Down London, 1972

[108] Джон О'Кей (John O'Key, ум 1662), сначала капитан (1644), затем полковник парламентской армии, один из судей короля, в ноябре 1654 года выступил с критикой новой конституции, предстал перед военным судом, но был прощен, в 1657 году был обвинен в организации выступлений в Бедфорде против Кромвеля («The Humble and Serious Testimony of Many Hundred of Godly People in the County of Bedford»), весной 1658 года был обвинен в пособничестве руководителям секты Людей Пятой монархии

[109] Джон Сайденхем (John Sydenham, 1615–1661), капитан, затем полковник парламентской армии, не следует путать с Уильямом Сайденхемом (1624–1689), личным врачом Оливера Кромвеля Джеймс Берри (акт 1655) — парламентский генерал Томас Келси (Thomas Kelsy, ум 1680), сначала майор (1645), затем генерал парламентской армии Все перечисленные персонажи — авторы декларации совета офицеров от 13 05 1659, требовавшей восстановления парламента

[110] Полный текст опубликован Законодательство английской революции 1640–1660 / Сост Н П Дмитриевский М , Л , 1946 С 213–214

[111] Достаточно сложно судить, о каком из Тичбернов идет речь, дело в том, что Джона Тичберна (Tichburn), судя по всему, не существовало, зато были известны два Тичберна сэр Генри Тичберн (Henry Tichborn, 1581–1667) — начальник Дрогеды и Роберт Тичберн (Robert Tichborn, ум 1682) — участник судебного процесса над королем

[112] Джон Айртон (John Ireton, 1615–1689) — брат упоминавшегося Генри Айртона, лорд-майор (1658), после Реставрации ему было отказано в амнистии, заточен сначала в Тауэр, затем переведен в тюрьму на о Силли, в 1682 году освобожден, но в 1685 году опять арестован и посажен

[113] Сэр Хардресс Уоллер (Hardress Waller, 1604–1666?) — участник судебного процесса над королем, соратник Флитвуда и Ламберта Джон Джонс (John Jones, ум 1660) — участник судебного процесса над королем, полковник парламентской армии (1646), состоял в дружественных отношениях с Лудлоу, Корбетом и Томлинсоном

[114] Сообщаемые Юмом сведения весьма сомнительны, для него вообще характерно приводить в таких случаях, как этот, сведения, не поддающиеся в настоящее время проверке

[115] Речь идет об Анне Стюарт (Anne Stuart, 1665–1714), королеве Англии (1702–1714)

[116] Уильям Лентал (William Lenthall, 1591–1662), спикер палаты общин (1640), восстановлен в должности (1659)

[117] Из перечисленных персонажей ранее не упоминались Джон Десборо (John Desborough, 1609–1680), генерал-майор парламентской армии, сэр Уильям Кларк (William Clarke, 1623?–1666), секретарь военного совета парламента (1647–1649), *армейского совета в Шотландии* (1651–1660) Оставил богатейшую коллекцию официальных бумаг и переписки The Clarke Papers / Ed by C H Firth vol I–IV London, 1891-1901

[118] Герберт Морли (Herbert Morley, 1616–1667) — полковник парламентской армии (1644), назван среди судей короля, член первого Государственного совета, впоследствии один из лидеров оппозиции Кромвелю, с 1653 года в добровольной ссылке, в 1659 году возвращен в парламент от Сассекса выступал против восстановления палаты лордов

[119] Более точное описание событий можно почерпнуть из Carte Thomas Original Letters Vol I–2 London, 1739 V 2 P 246–248

[120] Комитет безопасности (Committee of Safety) — одно из учреждений, представлявших исполнительную власть, ведал отчасти финансовой политикой, а позднее отношениями с иностранными государствами, впервые возникает в 1642 году, в 1644–1647 годах его функции выполняет комитет двух королевств, а с 1648 года — Дерби-хауз комитет, в августе—сентябре 1651 года его деятельность восстанавливается и продолжается вплоть до 1653 года, далее, в 1659 году комитет опять реанимируют как одно из звеньев исполнительной системы

[121] Элжернон Сидни (Algernon Sidney, 1622–1683) — один из лидеров республиканцев, второй сын Роберта Сидни, второго графа Лейстера и Дороти Перси, дочери Генри Перси, девятого графа Нортумберленда, генерал-лейтенант, был назван среди судей короля, но участия в заседаниях трибунала не принимал, резко критиковал Кромвеля за роспуск парламента, в 1659 году возглавил вместе с Эдвардом Монтагю и Томасом Бумом английскую делегацию на переговорах между королями Дании и Швеции (Commons Journal V VII P 677, 698–700) Юм преувеличивает его участие посредническая миссия провалилась, Сидни не рискнул вернуться в Англию и с 1659 по 1677 годы находился за границей (сначала в Швеции, Германии, Голландии и затем во Франции), арестован 26 06 1683 и казнен в июле 1683 года, похоронен в фамильном склепе Лейстеров в Пенхарсте, оставил несколько сочинений, среди которых обширный трактат Discourses concerning Government, представлявший ответ на сочинение Роберта Филмера Patriarcha (впервые напечатан в 1680 году), General View of Government in Europe (впер-

вые опубликован в 1744 году) и Use and Abuse of Parliament (опубликован под псевдонимом James Ralp)

[122] Пиренейский мир (7 11 1659) завершил войну Франции с Испанией, с французской стороны договор был подписан Мазарини, а с испанской — доном Луисом де Аро По соглашению Испания отдавала Франции Русильон, Конфлан и ряд других территорий Подтверждала права Франции на Наварру, в свою очередь, Франция освобождала часть Каталонии, некоторые крепости в Нидерландах, Франш-Конте, отказывалась от поддержки воевавшей с Испанией Португалии, последствия договора были скреплены браком Людовика XIV на испанской инфанте Марии Терезии

[123] Здесь — Людовик XIV

[124] Юм не совсем точен, договор был подписан на о Фезан в устье реки Бидасоа

[125] Роберт Сидни (Robert Sidney, 1595–1677), второй граф Лейстер

[126] Джон Байрон (John Byron, ум 1684), третий барон Байрон

[127] Сэр Джон Лоусон (John Lowson, ум 1665), английский флотоводец, вице-адмирал (1655), адмирал (1659)

[128] Речь идет о возвращении исключенных 6–7 12 1648 членов Долгого парламента, текст решения (21 02 1660) опубликован Законодательство английской революции 1640–1660 / Сост Н П Дмитриевский М , Л , 1946 С 217 Английский оригинал Parliamentary History of England V III P 1579

[129] Русский перевод опубликован Законодательство английской революции 1640–1660 / Сост Н П Дмитриевский М , Л , 1946 С 217 Английский оригинал Acts and Ordinances of the Interregnum V II P 1469

[130] Речь идет о Джоне Гренвилле (John Grenville, 1628–1701)

[131] Местечко Бреда находится в южной части Голландии в Северном Брабанте, при слиянии рек Марака и Аа Здесь в марте 1660 года поселился Карл, живший до этого времени в Брюсселе

[132] Пространное извлечение из Бредской декларации опубликовано на русском языке Законодательство английской революции 1640–1660/Сост Н П Дмитриевский М , Л , 1946 С 218–219 Английский оригинал *Kenyon J* The Stuart Constitution Oxford, 1966 P 357–358

[133] Русский перевод опубликован Законодательство английской революции 1640–1660 / Сост Н П Дмитриевский М , Л , 1946 С 219 Английский оригинал Journals of the House of Commons V VIII P 16–17

[134] Речь идет об антипуританской поэме «Гудибрас» Сэмюэля Батлера (Samuel Butler, 1612–1680), опубликованной по частям в 1663, 1664 и 1678 годах Имя главного героя Гудибрас заимствовано у английского поэта XVI века Эдмунда Спенсера, в поэме которого «Королева фей» действует сэр Гудибрас, отличавшийся не столько разумом, сколько силой

[135] В отечественной историографии наследие квакеров успешно исследуется Т А Павловой (см ее монографию *Павлова Т А* Джон Беллерс и английская социально-экономическая мысль второй половины XVII в М , 1979)

[136] Джон Нейлор (John Neylor, 1624–1691) — один из ведущих индепендентских, а затем квакерских публицистов, под влиянием идеолога движения Джона Фокса написал знаменитое письмо «To the Independent Society» (1654)

[137] Осанна (*древнеевр* гашиана) — «спаси же» — молитвенное восклицание, используемое в особо торжественных случаях, этим криком народ приветствовал Христа во время его торжественного въезда в Иерусалим, выражая этим свою надежду на спасение Саваоф (*древнеевр* силы, воинства) — один из библей-

ских эпитетов, используемых для названий Бога, часто встречается у Пророков и в Псалмах (Господь Саваоф) этим термином определяется свойство всемогущего Бога как владыки всех небесных и земных сил (I Цар 17 45, Пс 23 10, Ис 1 24), в религиозно-политическом словаре середины XVII века под Саваофом полагали Бога войны В сочетании эти два слова встречаются в евангелиях (Мк 11 9–10, Мф 21 9) и означают «осанна в вышних»

[138] Антонис Ван Дейк (Antonice Van Dyck, 1599–1641) — выдающийся фламандский художник, был придворным живописцем Карла I Стюарта, создал галерию портретов членов королевскои семьи и известнейших аристократов того времени, оказал влияние на развитие портретной живописи в Англии последующего периода (наиболее известные работы Карл I в трех позициях, 1635, Карл в мантии рыцаря ордена Подвязки, 1636, Роберт Рич, второй граф Уорвик, 1637 сэр Джон Саклинг, 1637, Элджернон Сидни, десятый граф Нортумберленд, 1638, Томас Уэнтворт, граф Страффорд и сэр Филип Мейнваринг, 1639, Джеймс Гамильтон, тертий маркиз Гамильтон, 1640 и др)

[139] Иниго Джонс (Inigo Jones, 1572–1652) — выдающийся английский рисовальщик и архитектор, зачинатель так называемого неопалладианского классицизма (см о нем *Михайловский Е В* Архитектор Иниго Джонс М , 1939, *Саваренская Т Ф , Швидковский Д О* Градостроительство в Англии XVII–XVIII вв М , 2001)

[140] Лоуз Генри (Lawes Henry, 1592–1662) — английский музыкант и композитор, наиболее известная работа — музыка к маскам «Coelum Britanicum» (написана и поставлена в Уайтхолле Томасом Керью в 1633 году) и «Comus» Джона Мильтона (1637)

[141] Джеймс Ашер (James Ussher, 1581–1656) — архиепископ Армага, трактаты и выступления Ашера были собраны и впервые опубликованы *Asher James* Complete Works 18Vols Dublin, 1847

[142] Марвелл Эндрью (Marwell Andrew, 1621–1678) — английский поэт, ученик и подражатель Мильтона, автор поэм и од, ярый республиканец (лучшее издание произведений вышло под редакцией известного литературоведа Д Кэри *Marwell Andrew* Poems / Ed by John Carey London The Penguin, 1969)

[143] Уоллер Эдмунд (Edmund Waller, 1606–1687) — английский поэт, автор од и панегириков, поэтических сочинений религиозно-философского свойства (первое полное прижизненное издание *Waller E* Divine Poems London, 1685)

[144] Должно быть какая то неточность идентифицировать сведения, сообщаемые Юмом, не удалось

[145] «Комус» (Comus)» пьеса-маска, написанная Джоном Мильтоном (1637), в основе сюжета — поэтическая история испытаний молодой Леди, которую пытается соблазнить Комус — дух веселья и плотского греха (более подробно *Самарин Р М* Творчество Джона Мильтона М , 1963) «Потерянный Рай» (1667) — одна из самых грандиозных эпических поэм Мильтона, в основу которой положен библейский миф о грехопадении первых людей (о самой поэме *Чамеев А А* Джон Мильтон и его поэма «Потерянный Рай» Л , 1986, русский перевод обеих поэм *Джон Мильтон* Потерянный Рай Стихотворения Самсон-борец М , 1976)

[146] Тит Лукреций Кар (ок 98–55 гг), римский поэт, последователь эпикуреизма, автор дидактической поэмы «О природе вещей » (De rerum natura, русский перевод поэмы см *Лукреций* О природе вещей / Пер Ф А Петровского М , 1958)

[147] Давенант Уильям (William Davenant, 1606–1668) — английский поэт и драматург, развивал принципы эстетики барокко, выступал за сближение с тра-

дициями прециозной литературы наиболее известны его трагедия «Элбовейн — король Ломбардии» (Albovine, King of Lombards, 1629), поэмы «Мадагаскар» (Madagascar, 1635/38) и «Гондиберт» (не окончена The Incomparable Poem of Gondibert Vindicated from the Wit Combats of Four Esquires, Clinas, Dametas, Sandro, & Juck Pudding, 1650) Полное издание его произведений *Davenant W* Collected Dramas / Ed by J Maidment and W Logan 5 vols New York, 1964 (репринт издания Edinburgh, 1872–1874)

[148] Эбрахам Коули (Abraham Cowly, 1618–1687) — английский поэт и эссеист, автор поэм и эссе нравоучительного свойства (первое прижизненное издание *Cowly A* Several Discourses by Way of Essays in Prose and Verse London, 1668)

[149] Джон Денхэм (John Denham, 1615–1669) — английский поэт и переводчик Горация и Вергилия Упоминаемая Юмом поэма «Cooper Hill» (1642) наряду с поэмой «On Cowley» (1667) считаются лучшими в его литературном наследии, эта поэма пользовалась огромной популярностью среди современников Денхэма и его продолжателей аллюзии, связанные с нею, можно найти у Роберта Геррика (Robert Herrick, 1591–1674), в поэме «Rival Ladies»Джона Драйдена (John Dryden, 1631–1700) и «Windsor Forest» Александра Поупа (Alexander Pope)

[150] Томас Гоббс (Thomas Hobbes, 1588–1679), английский философ-материалист, на формирование его философской системы значительное воздействие оказали общение с Ф Бэконом, сочинения Галилея, Гассенди и Декарта, основные сочинения «Элементы законов естественных и политических» (The Elements of law natural and Political, 1640), философская трилогия «Основы философии» «О теле» (De corpore, 1655), «О человеке» (De homine, 1658), «О гражданине» (De cive, 1642), «Левиафан» (1651, первый русск перевод, 1936) Полное издание работ *Hobbes T* The English Works 11vols London, 1839–1845, русский перевод избранных работ *Гоббс Т* Избранные произведения 1–2 т *М* , 1964

[151] «Республика Океания» — утопия, основное произведение Джеймса Гаррингтона (James Harrington, 1611–1677), в котором описан идеал буржуазно-демократической республики, произведение было направлено против политической теории Томаса Гоббса, изложенной в его «Левиафане» (подробнее об этом *Сапрыкин Ю М* Политическое учение Гаррингтона *М* , 1976)

[152] Уильям Гарви (William Harvey,1578–1657) — выдающийся английский врач, открывший закон кровообращения Трактат, упоминаемый Юмом, был впервые опубликован в 1628 году во Франкфурте (полное название Exercitatio Anatomica de Mortu Cordis et Sanguinis in Animalibus)

[153] В данном случае имеется в виду написанное Кларендоном в эмиграции внушительное по объему сочинение «История [Великого] мятежа» первое сокращенное издание его труда вышло в начале XVIII века *Clarendon, Hyde Edward* True Historical Narrative of the [Great] Rebellion and Civil Wars in England 3vols Oxford, 1702, затем The History of the Rebellion and Civil Wars in England, begun in the year 1641 / Re-ed by W D Macray 6vols Oxford, 1888

[154] Уильям Чиллингуорт (William Chillingworth, 1602–1644?) — неортодоксальный теолог, один из интереснейших участников конфессиональной полемики тех лет, первоначально — последовательный лоудианец, автор трактата «Доводы против непогрешимости Римско-католической церкви» (Discourses Against the Infallibility of the Roman Catholic Church, 1625), затем после обращения — католический автор умеренной ориентации, выступавший с критикой лютеранства, полемика, о которой пишет Юм, завязалась после выхода серии трактатов против иезуитов под вымышленным именем Джона Фишера (John Fisher), Эдвард Нотт (Edward Knott, ум 1676) ответил оппонентам в трактате «Charity Mistaken,

with the Want whereof Catholics are Unjusly Charged for Affirming, as They Do with Grief, that Protestancy Unrepented Destroys Salvation, 1630», на который последовала реакция оксфордовских теологов во главе с преподобным Джоном Поттером (John Potter, ум 1672), провостом Куинз колледжа «Want of Charity Justly Charged on All Such Romanists as Dare Affirm that Protestancie Destroyeth Salvation, 1631», наконец, появился трактат, авторство которого приписывают Уильяму Чиллингуорту «Mercy and Truth, or Charity maintained by Catholics, 1634» О творчестве этого незаурядного полемиста можно судить по изданию *Chillingworth W* Opera Omnia 3vols Oxford, 1832 описание жизни теолога дано Historical and Critical Account of the Life of William Chillingworth London, 1752

[155] Перечисляемые Юмом персонажи Артур Ансли (Arthur Annesly, 1614–1686) унаследовал (1660) титул своего отца виконта Валеншиа, а 20 04 1661 был продвинут к графскому титулу Ансли, Купер Энтони Ашли (Cooper Antony Ashley, 1621–1683) — будущий граф Шефтсбери был возведен 20 04 1661 в виконтское достоинство Ашли из Уимборна Дензил Холлиз (Denzil Holles, 1599–1680), второй сын Джона Холлиза, графа Клэра был возведен 20 04 1661 в баронское достоинство Холлиза из Ифилда, из упоминаемых Юмом двух религиозных авторов наиболее трудно идентифицировать Калами в то время это почтенное семейство было представлено Бенжамином Калами (Benjamin Calamy, 1642–1686), доктором теологии, пребендарием кафедрального собора Св Павла в Лондоне, Эдмундом Калами-старшим (1600–1666), которого знали как одного из авторов нашумевшего «Смектимнууса» (Smectymnuus) и Эдмундом Калами-младшим (1635–1685), что касается Ричарда Бакстера (Richard Baxter, 1615–1685), то он был основателем так называемой рациональной теологии и занимал позицию близкую к индепендентской

[156] Джордж Монк (George Monk, 1608–1670) стал 7 07 1660 одновременно бароном Монком из Потриджа, графом Торрингтоном и герцогом Абермарлем

[157] Эдвард Гайд (Edward Hyde, 1609–1674) был возведен 3 11 1660 в баронское достоинство Гайда из Хиндона, а 20 04 1661 получил титул виконта Корнбури и графа Кларендона

[158] Джеймс Батлер (James Butler, 1610–1688), десятый граф Ормонд, стал 30 03 1661 маркизом Ормондом

[159] Сэр Эдвард Николас (Edward Nichalas, 1593–1669) — государственный секретарь при Карле I и Карле II Стюартах

[160] Полный список так называемых «цареубийц» отсутствует многие из тех, кто был назван в качестве судей короля, либо не присутствовали на финальном заседании трибунала и, следовательно, не поставили свои подписи под приговором, либо и вовсе отказались участвовать в судебном процессе, так или иначе исчерпывающая идентификация персоналий весьма затруднительна, более или менее полное представление о том, кто реально присутствовал на заседаниях трибунала, а затем подписал приговор Карлу I, можно составить по The Trial of Charles I, King of England, before the High Court of Justice, for High Treason London, 1740 (или по более авторитетному изданию A Complete Collection of State Trials/ Comp by T W Howell & al V 4 Col 990–1154)

[161] Генри Стюарт (Henry Stuart, 1639–1660), герцог Глостер, третий сын Карла I Стюарта и Генриетты Марии скончался 13 09 1660 (он был известен также как Генри Офландс)

[162] Гедеон — судья израильскии, известен как избавитель израильского народа от бедствий и постоянных нападений мадианитян и других кочевников, происходил из города Офры в Палестине

[163] Речь идет о Джоне Мейтленде (John Maitlend, 1616–1682), втором графе Лодердейле

[164] Praemunire — тип преступления, получившего свое название от вводных слов указа о вызове в суд обвиняемого, которым последний обязывался дать ответ на обвинение «Praemunire facias A B» — «Да будет сделано предупреждение A B», сущность этого правонарушения состояла в прямом или косвенном признании верховенства папы над английской короной, впервые факт подобного преступления зафиксирован в статуте 27 Edw III (1353), статут 16Rich II (1393) установил за совершение praemunire лишение покровительства законом и конфискацию имущества виновных, помимо этого виновные могли быть лишены жизни, им могли отрубить руки, а также подвергнуть тюремному заключению

[165] Акт о корпорациях (The Corporation Act, 1661) — сокращенное название королевского акта 13Car II, st 2, c I An Act for the Well Governing and Regulating of Corporations (полный текст опубликован *Kenyon J* The Stuart Constitution Oxford, 1966 P 376–378)

[166] Акт об единообразии (Uniformity Act, 1662) — сокращенное название королевского акта 14 Car II c 4 An Act for the Uniformity of Public Prayers and Administration of Sacraments and Other Rites and Ceremonies

[167] Екатерина Браганца [Португальская] (Catharine of Braganza, 1638–1707) вышла замуж за Карла II Стюарта 21 мая 1661 года (полный текст опубликован *Kenyon J* The Stuart Constitution P 378–379)

[168] Речь идет о Декларации короля, датированной 26 октября 1662 года (His Majesty's Declaration to All His Loving Subjects, 26 December 1662, текст опубликован *Kenyon J* The Stuart Constitution P 403–406) ее часто называют первой декларацией веротерпимости

[169] Речь идет о Джордже Дигби (George Digby, 1612–1677), втором графе Бристоле

[170] Генри Беннет (Henry Bennett, 1685–1685) — секретарь герцога Йоркского (1654), государственный секретарь (1662)

[171] Трехгодичный акт (The Triennial act, 1641) — сокращенное название королевского акта 16 Car I c 1 An Act for the Preventing of Inconveniences Happening by the Long Intermission of Parliaments (полный текст *Kenyon J* The Stuart Constitution P 219–220)

[172] Вильгельм III Оранский (Willem III, prins van Oranje, 1650–1702) штатгальтер Голландии (1674–1702), английский король (1689–1702), правил совместно с Марией Стюарт (Mary, 1662–1694), дочерью Якова II (1689–1694)

[173] Сэр Роберт Холмс (Robert Holmes, 1622–1692), английский адмирал (1662)

[174] Сэр Уильям Беркли (William Berkeley, 1639–1666), английский вице-адмирал (1662), затем адмирал (1664)

[175] Сэр Орландо Бриджмен (Orlando Bridgeman, 1606–1674) — лорд-хранитель Большой королевской печати (30 08 1667), любопытно, что, получив печать, он так и не стал лордом-канцлером, и, следовательно, Канцелярия оставалась для него неподотчетным департаментом

[176] Речь идет о Джордже Вилльерсе (George Villiers, 1628–1687), втором герцоге Бекингеме

[177] Генри Беннет стал 22 04 1672 виконтом Трентфордом и графом Арлингтоном

[178] Сэр Джон Ковентри (John Coventry, ум 1682) акт, который упоминает Юм, известен как 22&23 Car II C 1

[179] Декларация о веротерпимости (Declaration of Indulgence, 1672) Полный текст *Kenyon J* The Stuart Constitution P 407–408

[180] Использовано выражение из «Од» Горация III 1–4 «justum et tenacem propositi virum» — «Кто прав и к цели твердо идет»

[181] Речь идет об ответе короля на запрос общин от 14 02 1673, известном как «King's Surrender, 1673» (The King's Reply, 24 February, 1673) и ответе общин «The Common's Answer, 26 February, 1673», 7 03 1673 Карл II отменил декларацию веротерпимости, текст опубликован *Kenyon J* The Stuart Constitution P 408–410

[182] Хинидж Финч (Heneage Finch, 1621–1682) занимал последовательно должности генерального солиситора, лорда-хранителя Большой королевской печати и лорда-канцлера, 10 10 1674 он становится бароном Финчем из Давентри, а 12 05 1681 графом Ноттингемом

[183] Томас Осборн (Thomas Osborne, 1631–1712) — первый граф Денби, маркиз Кармартен и герцог Лидс (креация состоялась 27 06 1674), на его дочери Бриджет был женат внебрачный сын короля — граф Плимут (бракосочетание состоялось 13 07 1678)

[184] Дело Ширли против Фагга (Shirly v Fagg, 1675) опубликовано в *Kenyon J* The Stuart Constitution P 419

[185] Эдмодсбери Годфри (Edmund Berry Godfrey, 1621–1678) — видный юрист общего права, мировой судья судебной провинции Вестминстер

[186] De propaganda (*лат*) — здесь буквально — для распространения

[187] Генерал — глава религиозного ордена или конгрегации, у иезуитов — чаще всего верховный генерал, избирается пожизненно и утверждается папой

[188] Речь идет о Генри Эранделе (Henry Arundel, 1606–1694), но Юм ошибается, называя его канцлером слухи о его новой должности были предметом обсуждения при дворе, но назначение так и не последовало. Уильяме Герберте (William Herbert, 1617–1696), третьем лорде Поуисе, Уильяме Годольфине (William Godolphin, 1634?–1696) — персонаже, к тому времени отсутствовавшем в Англии и выполнявшем миссию при испанском дворе (он известен как автор весьма содержательного путеводителя по Испании Hispania Illustrata London, 1703), Ричарде *Ленгхорне* (Richard Lenghorne, ум 1679), Уильяме Говарде (William Howard, 1614–1680), виконте Стаффорде, что касается лорда Питерса (Peters), у Юма, должно быть, допущена ошибка такого персонажа не существовало

[189] Бенедиктинцы — члены первого в католической церкви монашеского ордена, основанного в начале VI века Бенедиктом Нурсийским (480–550), составленный им устав ордена требовал постоянного пребывания в монастыре, послушания и воздержания, труд считался обязательным, в XVII веке деятельность бенедиктинцев связана с многочисленными конгрегациями, самой крупной из которых считалась конгрегация св Мавра (осн 1621)

[190] Доминиканцы — обиходное название нищенствующего ордена братьев-проповедников, восходящее к имени основателя Доминика (1170–1221), главной целью которого была борьба с распространением еретических движений, начиная с 1233 года в их руках была инквизиция

[191] Роберт Грув (Robert Grove, 1634–1696) — теолог, глава Уинчестерской епархии

[192] Мнение о том, что Великий лондонский пожар (1666) был делом рук иезуитов, было весьма распространено среди современников, которые отказывались верить, что причиной пожара было неосторожное обращение с огнем в одной из булочных города

[193] Речь идет о Мэтью Пуле (Mathew Poole, 1624–1679), известном комментаторе Библии, при поддержке Уильяма Ллойда (William Lloyd, 1627–1712), епископа Вустерского, он приступил в 1666 году к созданию так называемого «Синопсиса», в котором попытался собрать воедино труды своих предшественников-комментаторов текста Священного Писания, в 1669 году был издан первый том «Synopsis Criticorum aliorumque Sacrae Scriptorae interpretur», а в 1676 году последний, пятый том собрания, второе полное издание вышло во Франкфурте в 1678 году Эдвард Стиллингфлит (Edward Stillingfleet, 1635–1699), глава Вустеровской епархии, один из патронов издания Синопсиса, оригинальный религиозный автор, искавший компромисса между пресвитерианством и государством (показателен его трактат «The Irrenicum, 1659»), был близок к латитудинианцам (вольнодумцам) и кембриджским платоникам (связь просматривается на примере его сочинения «Origines Sacrae, 1662»)

[194] Упоминаемые Юмом лорды Каррингтон — Арчибальд Праймроуз (Archibald Primrose, 1617–1679), Бруденел — Томас Бруденел (Thomas Brudenell, ум 1679), граф Кардиган

[195] Акт о присяге (Test Act, 1678) — общеупотребительное название королевского акта 30 Car II St 2, c 1 An Act for the More Effectual Preserving the King's Person and Government by Disabling Papists from Sitting in either House of Parliament (текст опубликован *Kenyon J* The Stuart Constitution P 465–466) интенсифицировал, а в чем-то и уточнял положения предыдущего акта (25 Car II C 2), был отменен только на десятый год правления Георга IV (1829)

[196] Речь идет о Ральфе Монтагю (Ralph Montagu, 1638–1709), герцоге Монтагю, назначение на должность в качестве посла в Париже состоялось 1 09 1676

[197] Действовавший в те времена избирательный ценз ограничивался 40 шиллингами годового дохода, его называли «фригольдерским»

[198] Речь идет о Джеймсе Скотте (James Scott, 1649–1685), герцоге Монмауте (официальный титул Монмаут и Баклеук), внебрачном сыне Карла II и Люси Уолтерс Карл познакомился с нею в Гааге, где она находилась вместе с патроном ее отца Робертом Сидни, младшим сыном второго графа Лейстера, Джеймс Скотт был привезен в Англию в 1659 году

[199] Юм имеет в виду сэра Томаса Мерса (Thomas Meres, 1635–1717)

[200] Речь идет о сэре Эдварде Сеймуре (Edward Seymour, 1633–1708), его родословная восходит к знаменитому лорду-протектору Сомерсету

[201] Сэр Уильям Грегори (William Gregory, 1624–1696) — видный юрист общего права, судья, судебный пристав (1677)

[202] Сэр Уильям Темпл (William Temple, 1628–1699), политический деятель и философ, с 1678 года на дипломатической работе

[203] Кроме уже упоминавшихся персонажей Эссекс — Артур Кейпл (Arthur Capel, 1631–1683), первый граф Эссекс (креация состоялась 18 04 1661, он считался графом Эссексом седьмой креации, до него этот титул был закреплен за семейством Деверо), Роберт Спенсер (Robert Spenser, 1640–1702), второй граф Сандерленд, Джон Холлиз (John Holles, 1662–1711), первый герцог Ньюкасл (он формально считался герцогом Ньюкаслом второй креации, герцогом первой креации был упоминавшийся Уильям Кавендиш, скончавшийся в 1662 году), Чарльз Полетт (Charles Paulett, 1625–1699), шестой маркиз Уинчестер, первый герцог Болтон (1689), Джордж Сэвил (George Sevile, 1633–1695), маркиз Галифакс (креация состоялась 13 01 1668), лорда Робертса не существовало речь, видимо, идет о Джоне Робартесе (John Robartes, 1606–1685), первом графе Рандоре 21 04 1679 он стал членом Тайного совета, 23 07 1679 получил титул виконта

Бодмина и графа Рандора, сэр Томас Чичли (Thomas Chichley, 1688–1699) и Генри Поуле (Henry Powle, 1630–1692)

[204] Билль об исключении (The Exclussion Bill, November 1680) полный текст опубликован *Kenyon J* The Stuart Constitution P 469–470

[205] Habeas Corpus Act — общеупотребительное, сокращенное название королевского акта 31 Car II C 2 An Act for the Better securing the Liberty of the Subject and for Prevention of Imprisonments beyond the Seas (Акт о лучшем обеспечении *свободы подданного и о предупреждении заточений за морями) или так называемый* «The Habeas Corpus Amendment Act, 1679» (русский перевод Законодательство английской революции / Сост Н П Дмитриевский М , Л , 1946 С 326–333, английский текст *Kenyon J* The Stuart Constitution P 430–432), считается, что до издания этого акта порядок обеспечения неприкосновенности личной свободы в Англии был далек от совершенства, в частности, выдача приказа «Habeas Corpus» инициировалась исключительно по усмотрению судей, отсутствовали четкие указанию на ограничения срока выдачи приказа, более того, неисполнение распоряжений судьи не влекло за собой никакой ответственности, поправки, зафиксированные в акте 1679 года, устраняли указанные недостатки

[206] Присутствие духовных лордов в парламенте регулировал так называемый House of Lords Precedence Act, 1539 именно тогда после объединения двух порядков — светского и духовного был разрешен вопрос о представительстве епископов обеих церковных провинций (Кентерберийской и Йоркской) в верхней палате парламента, при этом так называемым викарным епископам (Колчестерскому, Дуврскому, Гуллскому, Ноттингемскому и Третфордскому) в представительстве было отказано

[207] Кларендоновские постановления — свод норм обычного права, узаконенных в Кларендоне в январе 1164 года, заложили основу для реформы церковных судов, в более широком смысле означали дальнейшее наступление английской короны на церковные прерогативы

[208] Перечисляются достаточно распространенные в XVII веке имена, ассоциировавшиеся в сознании современников с эпизодами как ветхозаветной, так и новозаветной истории так, например, Эглон — моавитский царь, покоривший евреев, был символом авторитарности и бескомпромиссности

[209] Речь идет о Джоне Грэхеме (John Graham, 1649?– 1699), получившем титул виконта Данди 12 11 1684

[210] Сэр Роберт Клейтон (Robert Clayton, 1629–1707), шериф Лондона (1671), лорд-мэр города (1679),

[211] Барбара Вилльерс (Barbara Villiers, 1641–1709), герцогиня Кливленд, Роджер Палмер (Roger Palmer, ум 1705), граф Каслмейн

[212] Юм имеет в виду Теофилуса Гастингса (Theophilus Hastings, 1650–1701), двенадцатого графа Хантингтона

[213] Чарльз Джерард (Charles Gerard, ум 1694), первый виконт Брендон

[214] Барристер — (barrister) — выпускник одного из судебных иннов (см примеч 264 к пред тому), получивший право на судебную практику, в сущности, адвокат, пользовавшийся правом выступать в суде

[215] Людовик Дюра (Louis Duras, 1640–1709), второй граф Фавершем

[216] Лоуренс Гайд (Lawrence Hyde, 1641–1711) стал графом Рочестером 29 11 1681

[217] Речь идет об Эдварде Фицгаррисе (Edward Fitzharris, 1648?–1681) — ирландском католике и авантюристе

[218] Сложно судить, о каком из Уоллеров идет речь, судя по всему, Юм имеет в виду сэра Уильяма Уоллера (William Waller, ум 1699), но он не был юристом, зато был известен своими антипапистскими настроениями

[219] Речь идет о «The True Englishman Speaking Plain English in the Letter from a Friend» (подробнее об этом в примеч XII к четвертому тому *Cobbett J* Parliamentary History of England V IV Appendix, no XII), казнь состоялась 7 01 1681

[220] Об Эдмонде Эверарде упоминает тот же Коббетт, но деталей о его личности не приводит

[221] Томас Данджерфилд (Thomas Dangerfield, 1650?–1685) — лжесвидетель, один из клиентов Кромвеля, более детально описываемые события изложены самим Данджерфилдом в его сочинении «Particular Narrative of the Late Popish Designs Written by Himself London, 1679»

[222] Сэр Леолайн Дженкинс (Leoline Jenkins, 1623–1685) — видный юрист цивильного права, дипломат, член Тайного совета (11 02 1679), государственный секретарь (26 04 1679), сменивнивший на этом посту Генри Ковентри (Henry Coventry, 1619–1689)

[223] Луиза Рене д' Керуаль (Louise Reneé de Keroualle, 1649–1734), герцогиня Петерсфилд и Обиньи, фаворитка Карла II Стюарта, первоначально камеристка Генриетты Стюарт, герцогини Орлеанской — сестры Карла II, мать Чарльза Леннокса, первого герцога Ричмонда, внебрачного сына Карла II, 19 08 1673 стала одновременно баронессой Петерсфилд, графиней Фареншем и герцогиней Пертерсфилд, в 1674 году по просьбе Карла II Людовик XIV дарит ей манор Обиньи и титул герцогини Обиньи

[224] Здесь — Артур Кейпл (Arthur Capel, 1631–1683), граф Эссекс

[225] Речь идет о Кэри Диллоне (Cary Dillon, годы жизни неизв), младшем брате Уэнтворта Диллона (Wentworth Dillon, 1633–1685), четвертого графа Роскомона

[226] Delenda est Carthago (лат) — (тж Carthago delenda est) — «Карфаген должен быть разрушен», несколько измененный варнант знаменитой фразы, приписываемои Марку Порцию Катону, восстанавливаемой по ее греческой передаче в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха (Марк Катон, XXVII)

[227] См примеч 83 к первому тому наст издания

[228] Ричард Камерон (Richard Cameron, ум 1680) и Доналд Каргилл (Donald Cargyll, ум 1680) — лидеры ковенантерского движения или движения камеронианцев, Юм ошибается, описывая детали казни Камерона на самом деле ему сначала отрубили пальцы на обеих руках, затем — по локоть обе руки и только потом — голову (детали изложены *Woodrow J* History of the Sufferings of the Church of Scotland Edinburg, 1848 P 123)

[229] Сэр Джон Мур (John Moore, 1620–1702) стал лордом-мэром Лондона в 1672 году

[230] Основана как акционерная в 1581 году, с 1605 года — регулируемая компания

[231] Речь идет о Томасе Папиллоне (Thomas Papillon, 1623–1702) и Эдварде Дюбуа (Edward Du Bois, 1634–1695), английских купцах

[232] Сэр Пейшент Уорд (Patience Ward, 1629–1696) после описываемых событий выехал в Голландию

[233] См примеч 43 к первому тому наст издания

[234] Джеймс Скотт (James Scott, 1649–1685), герцог Монмаут, Уильям Рассел (William Russell, 1639–1683), лорд Рассел из Торнбоу, упоминаемый Юмом лорд

Грей — это, очевидно, Форд Грей (Ford Grey, ум. 1701), лорд Грей из Уарка, граф Танкервилл.

[235] Юм ошибается, полагая, что лорд Брандон и граф Маклесфилд — разные лица: на самом деле речь идет о Чарльзе Джерарде (Harles Gerard, 1659–1701), *втором бароне Брандоне, первом виконте Брандоне и графе Маклесфилде*; упоминаемый сэр Гилберт Джерард приходился дальним родственником графу Маклесфилду.

[236] Речь идет о Рейчел Райозли (Rachel Wriothesly, годы жизни неизв.), дочери Томаса Райозли (1607–1667), пятого графа Саутгемптона; матери Райозли Рассела, второго герцога Бедфорда.

[237] Упоминаемая Юмом «Gazette» достаточно сложно поддается идентификации: ни об одной из известных под таким названием газет нельзя сказать с уверенностью, что она выходила в годы, указанные Юмом: в каталоге, составленном Р. Крейн (*Crane R. S.* A Census of British Newspapers and Periodicals, 1620–1800. Chapel Hill, 1927), под № 261 (P. 40) числится «Gazette or London Daily Advicer», *но она выходила в 1741–1796 годах, под № 1341 «Gazette», выходившая в Норидже* также в первой половине XVIII века, а под № 1342 «Gazette-á-la-monde», наиболее ранние выпуски которой датируются 1709 годом; очевидно, Юм имел в виду все-таки известный альманах «Oxford Gazette and Reading Mercury» — издание, выходившее в свет в 1660–1670-х годах на английском и французском языках под названием «London Gazette» и «Gazette de Londres» соответственно.

[238] Кемпбеллы (The Campbells) — могущественный шотландский клан, представители которого сначала носили одноименный баронский титул, затем, начиная с Колина Кемпбелла (1493), графский, потом от Арчибальда Кемпбелла (1598–1661) — титул маркизов и, наконец, от Арчибальда Кемпбелла (ум. 1703) титул герцогов Аргайлов.

[239] *Племянница Карла II Анна была замужем за принцем Георгом, братом* короля Дании. Георг (1660–1727) — курфюрст Ганноверский (1698), а с 1714 года — английский король, первый представитель Ганноверской династии.

[240] Нимвегенский мир — более точно — Нимвегенские мирные договоры, завершившие войну 1672–1678 годов между коалицией государств во главе с Францией и антифранцузской группировкой во главе с Голландской республикой.

[241] (фр.) Устное соглашение, заключенное 1 апреля 1681 года. Карл II обязуется сделать все, дабы у Его Величества не возникло сомнений в том, что он поступил правильно, оказав ему доверие; постепенно выйти из союза с Испанией и занять такое положение, при котором парламент не мог бы принудить его к мерам, *противоречащим принимаемым на себя новым обязательствам. Со своей* стороны, король обещает в течение трех лет, пока будет действовать настоящее соглашение, выплачивать ему субсидию: два миллиона в первый год и по пятьсот тысяч экю в последующие два года, довольствуясь при этом обещанием Его Британского Величества вести себя по отношению к Его Величеству сообразно тем обязательствам, которые он перед ним имеет. Сэр Гайд выразил желание, чтобы король пообещал не нападать на Нидерланды и даже на Страсбург, сославшись на то, что его господин — английский король вынужден будет оказать помощь Нидерландам даже в том случае, если не будет созван парламент. Господин Барильон по приказу короля ответил ему в общих выражениях, что Его Величество не намерен нарушать мир и не станет побуждать Его Британское Величество к действиям, противным его истинным интересам.

БИБЛИОГРАФИЯ ДАВИДА ЮМА: РЕКОНСТРУКЦИЯ*

Отправной точкой при составлении полной библиографии использованных Юмом изданий послужили примечания, сделанные к тексту самим автором, которые, однако, дают далеко не полное представление о характере источников и литературы, к которой он обращался. Нашей целью было восстановить точное имя автора, на работу которого дана ссылка (многие фамилии приведены Юмом в искаженной форме), полное название труда (зачастую он не указывает, какая именно работа данного автора цитируется, и в некоторых случаях мы приводим сведения о нескольких сочинениях, возможно использованных в том или ином примечании), а также год его издания. Поскольку, за редкими исключениями, Юм в своих ссылках не упоминает конкретное издание, которым он пользовался, мы сочли целесообразным обозначать место и год первой публикации книги, а также данные того ее переиздания, которое по времени максимально приближено к моменту написания Юмом своего труда.

Приводимый ниже список свидетельствует о том, что Юм рассматривал достаточно разнообразный круг литературы. Около трети цитируемых им изданий — источники, среди которых протоколы заседаний парламента, собрания официальных государственных документов, коллекции дипломатических и личных писем, мемуары. Он также использует произведения наиболее авторитетных английских юристов, начиная с Фортескью и заканчивая Блэкстоном.

1 *Anderson, Adam*
An Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce, from the earliest accounts to the present times. 2 vols.
A. Millar. London, 1764.

2 *Anglesey Arthur, earl of Anglesey*
Happy future state of England in populousness and trade since the Reformation. Printed by Randall Taylor, London, 1689.

* Составитель А. А. Паламарчук.

3. Bacon's Works, 1730 = Fransisci Baconi...Opera Omnia...Novae huic editioni accedunt Opuscula historico-politica ex Anglico nuper latine facta (a Simone Joanne Arnoldo). 7 vols. Apud R&J Wetstenios & G. Smith. Amsterdami, 1730.

4. Bacon's Letters, ed. by Birch. =

a) Original Letters and Memoirs, written by the Lord Chancellor Bacon. Corrected and published by R. Stephens, few notes by Th. Birch. For Olive Payne. London, 1736.

b) Letters, Speeches, Charges, Articles Etc. of Francis Bacon. Now first published by Thomas Birch. London, [издатель неизвестен]1763.

Biographia Britannica, or, the lives of the most eminent persons who have flourished in Great Britain and Ireland, from the earliest ages down to the present times... In 6 vols. W. Innys etc.: London, 1747–1766.

5. *Bates*. Неясно, кого именно Юм имеет в виду. Судя по фрагменту, где сделана сноска, это может быть Bates, William, nonconformist preacher.

The Works of the late Revenered and Learned W. Bates. For B. Aylmer and J. Robinson. London, 1700.

6. *Birch, Thomas*. An Inquiry into the share, which King Charles I had in the Transactions of the Earl of Glamorgan...in the years 1645 and 1646. London, 1747.

7. Blackstone's Commentary.= Sir William Blackstone. Commentaries of the Laws of England. In 4 vols. Clarendon Press, Oxford, 1765-1769.

8. Borlace, Hist. = Borlase, Edmund.

a) The History of the execrable Irish Rebellion trac'd from many preceeding acts to the grand eruption, the 23. of October, 1641 and thence pursued to the Act of Settlement, MDCLII. By E. Borlase. 1680.

b) The History of the execrable Irish Rebellion...To which are addedletters to and from Oliver Cromwell, Ireton, Preston, and many others. London, 1743.

9. *Burchet, Josiah*.

A Complete History of the most Remarkable Transactions at Sea, from the earliest accounts of time to the conclusion of the last war with France.

W. B. for J. Walthoe. London, 1720.

10. Cabala, Mysteries of State, in letters of the great ministers of K. James and K. Charles. Wherein much of the publique manage of affaires is related. Faithfully collected by a Noble hand.

For M. M. G. Bedell & T. Collins. London, 1654.

11 Camden = *Camden, John* (1551–1623)

a) Britannia, sive Florentissimorum Regnorum Angliae, Scotiae, Hiberniae et Insularum adjacentum ex intimae antiquitate Chronographica Descriptio Londini, 1586 (англ перевод — London, 1610),

b) Annales rerum Anglicarum et Hibernicarum, regnante Elizabetha ad annum Salutis MDLXXXIX Londini, 1615

Camden Brit . ed by Gibson = Camden's Britannia, newly translated into English with large additions and improvements Published by Edmund Gibson A Swalle, A&J Churchil London, 1695

2nd edition A Churchill London, 1722

12 *Carte, Thomas*

1) An History of the Life of James, Duke of Ormonde To which is added a very valuable collection of letters, serving toverify the most material facts in the said history, 3 vols J J and P Klapton London, 1736

2) A Collection of Original Letters and Papers concerning the Affairs of England, from the year 1641 to 1660 found among the Duke of Ormonde's Papers 2 vol

A Millar London, 1739

2a) A Collection of the several Papers published by Mr Th Carte, in relation to his History of England

M Cooper London, 1744

3) Answer to a By-Stander Есть два издания A Full Answer to the Letter from a By-Stander Wherein his false calculations and misrepresentations of facts in the time of King Charles II are refused By R- H-, Esq [i e Th Carte] London, 1742

3a) A Full and Clear Vindication of the Full Answer to the Letter from a By-Stander In which all the Cambridge Gentleman's [i e Corbyn Morris's] cavils and misrepresentations of that book, in his letter to Mr Thomas Carte are exposed and refused

J Robinson London, 1743

13 *Cavendish, Margareth, Duchess of Newcastle*

The life of the thirce Noble Prince, William Cavendishe, Duke, Marquess, and Earl of Newcastle

Pr for A Maxwell London, 1667

14 *Cicero, Marcus Tullius* De Legibus =

M Tulli Ciceronis De legibus libri tres Recensuit, ac Petri Victorii, Paulli Manucii, Johimi Camerarii, Dionysii Lambini et Fulvii Ursini notis suas adjecit Jaannes Davisius Corn, Crownfield, Cantabrigiae, 1727

Editio secunda: Gul. Thurbourn: Cantabrigiae, 1745.

15. Cowley's Discourses. = *Cowley, Abraham* Не обнаружилось сочинения с названием Discourses, несмотря на крайнюю плодовитость автора. Его собрание сочинений: The Works of Mr. Abaraham Cowley. Ed. by Th. Sprat, Bishop of Rochester. J. M. for Henry Herringman: London, 1668.

16. *Edward Hyde, Earl of Clarendon.*

1) The History of the Rebellion and Civil Wars in England, begun in 1641, with the precedent passages, and actions that contributed thereto, and the happy end and conclusion thereof by the King's blessed restoration. In 3 vols. Oxford, 1704.

Переиздание — Oxford, 1732.

2) Life of Clarendon. = The life of Edward, Earl of Clarendon, written by himself. Printed from his original manuscripts. Oxford, [издатель неизвестен] 1759.

3) State papers collected by Edward Earl of Clarendon, commencing from the year 1621, containing the materials from which his History of the Great Rebellion was composed. 3 vol. Oxford, [издатель неизвестен] 1767.

17. *Coke, Edward, Sir.*

1) Institutes of the Lawes of England До 1750-х годов переиздавались шесть раз.

— The First Part of the Institutes of the Lawes of England, or a *Commentarie upon Littleton* [i.e. his Tenores Novelli] Authore Edw. Coke London, 1628.

12th edition — London, 1628.

— The Second Part of the Institutes of the Lawes of England. Containing the exposition of many ancient and other statutes. M. Flesher for E. Dawson etc. London, 1642.

6th edition — W. Rawlins for Th. Basset. London, 1681.

— The Third Part of the Institutes of the Lawes of England concerning high treason, and other pleas for the crown, and other criminal cases. M. Flesher, for W. Lee& D. Pakeman. London, 1644.

6th edition — W. Rawlins for Th. Basset, 1680.

— The Fourth Part of the Institutes of the Lawes of England, concerning the jurisdiction of courts. M. Flesher for W. Lee & D. Pakeman. London, 1644.

6th edition — W. Rawlins for Th. Basset, 1680.

2) Reports
— Les Reports de Edward Coke In Aedibus Thomae Wight, printed for the Companie of Stationers London, 1600–1615
— Существует также английское издание The Reports of Sir Edward Coke London, 1618

18 Husb Col =
a) A Collection for Improvement of Husbandry and Trade, Ed by J Houghton No 1-584 London, 1692–1703
b) A Collection for Improvement of Husbandry and Trade Revised, Corrected and published with a preface and useful indexes by R Bradley London, 1727–1728

19 *Davies, John, sir*
a) Юм упоминает только The Question concerning Impositions, Tonnage, Poundage, Prizage, Customs etc Fully stated and argued, from reason, law and policy Pr Henry Twyford, rich Marriot London, 1656 (L , 1659)

У него также имеется сочинение Civil warres of Great Britain and Ireland Containing an exact history of their occasion, originall, progress and happy end by impartiall pen
Printed by R W for Philip Chetwind London 1661 Также Glasgow, Printed by R Sanders, 1664

20 *D'Estrades, Godefroi, count*
Lettres, memoires et negotiations de M le Compte d'Estrades, tant en qualité d' Ambassadeur de S M F C en Italie, en Angleterre et en Hollndes Edité par M Marchand 9 tom Londres, The Hague, 1743

21 *D'Ewes* = D'Ewes, sir Simonds
The Journals of all the parliaments during the reign of Queen Elizabeth, both of the House of Lords and House of Commons Collected by Sir Simonds D'Ewes Knight and Baronet Printed for J Starkey London, 1682

22 Digby's Papers, published by Secretary Coventry = *Sir Everard Digby* Papers or Letters of Sir Everard Digby, chiefly relating to the Gunpowder Plot, and written by him during his imprisonment in the Tower / In The Gunpowder treason etc , pp 229–263 London, 1679

23 Lettres from and to *Sir Dudley Carleton Knt , During his Embassy in Holland Ed by Philip Yorke London, [издатель неизвестен] 1775*

24 *Dugdale, Sir William* Неясно, какое из сочинений Юм имеет в виду Вероятно, это книга
a) A short review of the late troubles of England London, 1681.
Также могут быть использованы его сочинения

b) Origines Juridiciales or historical memorials of the English Laws, Courts of Justice, forms of tryall, punishment in cases criminal, law writers, law books, grants and settlements of estates etc 2 vol London, 1666

c) A perfect copy of all summons of the Nobility to the Great Councils and Parliaments of this Realm, from the XLIX of King Henry III until these present times London, 1685

25 *Fortesccue, John, sir*

1) De laudibus legum Angliae A learned commendation of the politique lawes of Englande Newly translated into Englishe by R Mulcaster (English and Latin version)

Richard Tottill London 1567 также изд 1599, 1714, 1719

2) The Difference between an Absolute and Limited Monarchy, as it more particulary regards the English Constitution Published by Sir John Fortescue-Aland London, 1714 (L , 1719, 1724)

26 *Fuller Ecclesiastical History* = The Church History of Britain, from the Birth of Jesus Christ, until the year 1648 For J Williams London, 1655

27 *Lord Lansdown* = Granville, George, baron Lansdowne

1) A Letter to the Author of Reflections Historical and Political, occasioned by a Treatise in vindication of General Monk and Sir Richard Granville

J Tonson, L Gilliver London, 1732 (на это сочинение есть точная ссылка у Юма, но он использовал еще какие-то его работы)

2) Могли также быть использованы The Genuine Works, in verse and prose, of George Granville, Lord Lansdowne

J Tonson and L Gilliver London 1732

28 *Grotii Annales* = Grotius, Hugo

Annales et historiae de rebus belgicis Amasterdam ex typographejo J Blaev, 1657

English translation Printed for H Twyford London, 1665 Также французские издания 1657, 1658, 1703

29 *Gumble, Thomas*

The life of General Monck, Duke of Albemarle etc with remarks upon his actions J C for T Basset London, 1671

французское издание La vie du General Monk, Duc d'Albemarle Traduit de l'Anglois par Guy Miege Londres, 1672

30 *Guthry, Henry*

a) Memoirs of Henry Guthry, late Bishop of Dunkel, in Scotland, wherein the conspirances and rebellion against King Charles I are briefly and faithfully related London, 1702

b) Memoirs of Henry Guthry, late Bishop of Dunkel, in Scotland, Containing and impartial realtion of the affaires of Scotland, civil and ecclesiastical, from the year 1637 to the death of King Charles Second Edition Glasgow, 1747

31 *Hacket's Life of Williams* = Hacket, John

a) Scrinia reservata a memorial offer'd to the great deservings of J Williams, Ld Keeper of the Great Seal and Archbishop of York E Jones, for S Lowndes London, 1693

b) Bishop Hacket's Memoirs of the life of Archbishop Williams, Lord Keeper of the Great Seal Abridg'd by W Stephens London, 1715

32 The Harleian Miscelany a collection of scarce, curious, and entertaining pamphlets and tracts found in the late Earl of Oxford library In 8 vols London, 1744–1746

2nd edition London, 1753

33 Heathe = Heath, John

A brief chronicla of the late intestine wars in the three kingdoms of England, Scotland and Ireland from 1637 to 1663 London, 1663

2nd edition To which is added a continuation to 1675 by J Philips J C for T Basset London, 1676

34 *Lord Herbert's Memoirs* = вероятно, Юм имеет в виду Edward Herbert, baron Herbert of Cherbury The life of Edward, Lord Herbert of Cherbury, written by himself Ed by Horace Walpole Strawberry-Hill, [издатель неизвестен] 1764

Существует также обширная переписка Герберта за 1614–1626 гг

35 The History of the life and sufferings of Laud

Есть сочинение The life and death of W Lawd, late Archbishop of Canterburie by E W , who was acquainted with his proceedings in Oxford London, 1645

36 *Hobart, Sir Henry*

The reports of Sir Henry Hobart, resolved and adjudged by himself and others London, 1641

The Fifth edition with an addition of many thousands of new references by E Chilton In the Savoy London, 1724

37 *Hutchison, Thomas* The History of the Colony (Province) of Massachusetts Bay, 1628–1750 T &J Fleet Boston, New England, [издатель неизвестен] 1764

38 Jeanin = *Jeanin, Pierre* Les negotiations de M Le President Jeanin Ed par l'Abbe de Castille Paris, 1656

39 *Johnston, Robert* Historia rerum Britannicarum ut et multarum Gallicarum, Belgicarum & Germanicarum ab anno 1572 ad annum 1628 Adjectus est rerum ae personarum index
Sumptibus J Ravesteynii Amsteladami, 1655

40 *Journals of the House of Commons* = The Journals ans Sessional papers and Votes of the House of Commons, and the Blue Books in general vol 1–81, 8 Nov 1547 to 31 May 1826 London, 1742 etc

41 *Kennet* = Kennet, White

1) A Complete History of England with lives of all the kings and queens thereof , from the earliest account of time, to the death of His late Majesty King William III Containing a faithful relation of all affairs of state, ecclesiastical ans civil
a) 1 st ed London Printed for Barb Aylmer, Reb Bonwick, Sam Smith and Benj Walford etc 1706
b) 2 nd ed London, Printed for R Bonwicke [etc], 1719

2) A Register and Chronicle ecclesiastical and civil, containing matters of fact with notes and references towards discovering and connecting the true history of England from the Restauration of King Charles II London, 1728

42 *King James's Works* = The workes of the most high and mightie prince, James, by the Grace of God, King of Great Britaine, France and Ireland, Defender of Faith etc Published by James, bishop of Winton, and dean of His Majestie's chappel royall
London printed by R Barker and John Bill Anno 1616

43 King James's Memoirs
Вероятно, имеются в виду The Memoirs of King James II, containing an account of the transactions of the last twelve years of his life with the circumstances of his Death
D Edwards London, 1702

Существуют также Memoirs of the most remarkable enterprises and actions of James, Duke of York

44 *La Boderie* = Le Fevre de la Boderie, Antoine
Ambassade de Monsieur de la Boderie en Angleterre sous le regne d'Henry IV et la minorite de Louis XIII depuis les annees 1606 jusqu'en 1611 5 tom 1750.

45 *Langlois de Motteville, Françoise*

a) Memoires pur servir a l'histoire d'Anne d'Austriche Ed par Blaisot Desbordes 5 tom Amsterdam, 1723 Переиздание 6 tom Amsterdam, 1739

b) английское издание Memoirs for the history of Anne of Austria, wife to Lewis XIII of France Translated from the original French 5 vol London, 1725–1726

46 Lloyde = *Lloyd, David*

a) Memoires of the Lives, Actions, Sufferings and Deaths of those noble, revenered and exellent personages that suffered by death, sequestration, decimation or otherwise for the protestatnt religion, and the great principle thereof, allegiance to their soveraigne, in our late intestine wars and from thence continued to 1666 With the life and martyrdom of King Charles I

S Speed London, 1668

b) Modern Policy Completed, or, the Publick Actions and Councels of General Monck since 1639 to 1660

J B for H March, London, 1660

47 *May, Thomas* Юм называет его сочинение History of the Parliament Это могут быть

a) Historiae Parliamenti Anglia Breviarium tribus partibus explicitum 1 Causae belli civili Angliae 2 Progressum belli mentie 3 Origines & progressus secundi belli Authore T M Londini, 1650

b) A breviary of the History of the Parliament of England Expressed in three parts Written in Latine by T May and for the generall good translated into English London, 1650

c) The History of the Parliament of England, which began Nov the third, 1640 With a short view of some precedent years

M Bell for G Thomason London, 1647

48 Mathers = *Mather, Increase*

A realtion of the troubles which have happened in New — England, by reason of the Indians there from the Year 1614 to the year 1675 Together with an Historical Discourse concerning the prevalence of Prayer Boston, 1677

49 Milton's State Papers =

Letters of State written by Mr John Milton to most of the Sovereign Princes and Republicks of Europe from the year 1649 till 1659 To wich is added an account of his life by E Philips London, 1649 Но, видимо, Юм все-таки использовал какие-то другие State Papers

50 *Misselden, Edward*

The Circle of Commerce Or, the Balance of Trade, in defence of free trade opposed to Malynes Little fish and his Great Whale, and ppoized against them in the scale Wherein also, Exchanges in generall are considered, by E M(isselden), Merchant

J Dawson for N Bourne London, 1623

51 *Monson, Sir William*
Naval tracts, relating of all the Actions of the English by Sea, under Queen Elizabeth and King James I From the original manuscripts
London, 1732 переиздания London, 1744, 1752

52 *Montesquieu, Charles Louis de Secondat, baron de*
De l'Esprit de Loix Publie par J J Vernet 2 tom Geneve, 1748
2 nd edition Leyde, 1749

53 Munn = *Mun, Thomas*
A Discourse of Trade from England onto the East Indies By T Mun. London, 1621

54 *Nalson, John*
An impartiall Collection of the great affairs of State, from the beginning of the Scotch Rebellion in 1639, to the murder of the King Charles I wherein the whole series of the late troubles in England, Scotland and Ireland are faithfully represented 2 vol
London, 1682

55 Neale = *Neal, Daniel*
The History of the Puritans, or Protestant Non Conformists, from the Reformation (To the Act of Toleration in 1689) with an account of their principles in 4 vol London, 1732–1738

56 The Parliamentary or Constitutional History of England Being the Faithful Account of All the Most Remarkable Transactions in Parliament from the Earliest Times to the Restoration of King Charles II By several hands In 24 vols London, 1751–1761

57 Percy's Remarks of his travels // The Harleian Miscelany a collection of scarce, curious, and entertaining pamphlets and tracts found in the late Earl of Oxford library In 8 vols London, 1744–1746 Vol 1 (2nd edition London, 1753)

58 Perinchef = *Perrinchief, Richard*
The Royal Martyr or, the Life and Death of King Charles I London, 1676

59 *Petty, sir William* The Political Anatomy of Ireland, with the establishment for that kingdom when the late Duke of Ormond was Lord Lieutenant to which is added Verbum Sapienti, or, an account of the wealth and expences of England, and the method of raising taxes in the most equal manner Ed by N Tale

D Brown & W Rogers London, 1691
2nd edition — London, 1719

60 *Raguenet, François*
Histoire d'Oliver Cromwel C Barbin Paris 1691, другое издание Cologne, 1691

61 *Raleigh, Walter, sir*
a) Historie of the World in five bookes At London, printed for Walter Burre by W Stausby, 1614 Переиздания 1621, 1628, 1634

b) *Obsevations* Существует несколько изданий сочинений Рэли с заголовком Observations из них могли быть использованы Юмом Judicious and Select Essayes and Observations by that renowned and learned knight, Sir Walter Raleigh, upon the first invention of shipping, the misery of invasive warre, the Navy-Royall and sea-service
T W for H Moseley London, 1650

Observations touching Trade and Commerce Some collections of Sir Waler Raleigh, discovering England's loss for want of due improvement of its native commodities London, 1669

62 *Ralph, James* (pseud Issachar Barebone)
The History of England during the reigns of K William, Q Anne and K George I With an introductory review of the reigns of the Royal Brothers, Charles and James, in which are to be found the seeds of the Revolution By a Lover of Truth and Liberty London, 1744

63 *Rushworth, John*
a) Historical collections of Private passages of State, weightly matters in Law, remarkable Proceedings in five Parliaments Beginning the sixteenth year of King James, anno1618, and endidng the fifth year of King Charles, anno 1629 London, 1659 (L , 1659–1701, 1721–1722)

b) The Parliamentary, or Constitutional history of England In 24 vols London, 1751

64 *Rymer* = Foedra, Conventiones, Literae et Cujuscunque Generis Acta Publica, inter Reges Angliae et Alios quosvis imperatores, reges, pontifices / Accurante Th Rymer in 20 vols Londini, 1704–1732

65 Saunderson = *Sanderson, Sir William*
A compleat History of the Life and Raigne of King Charles London, 1658

66 *Scobell, Henry*
a) A Collection of several Acts of Parliament, published in the years 1648–1651 By H Scobell London, 1651

b) Collections of Acts and Ordinances of generall use made in the Parliament begun and held at Westminster the third day of Nov 1640 By H Scobell London, 1658

c) Several Proceedings in Parliament H Scobell, Cleric Parliamenti 25 September 1649–21 April 1653 London, 1649 etc

67 *Spenser, Edmund* View of the State of Ireland London, 1603

68 *Spotswood* = Spottiswoode, John The History of the Church of Scotland, beginning the year of our Lord 203, and continued to the end of the reign of King James London, 1655

69 *State Trials* = A Compleat collection of state-trials, and other crimes and misdemanours, from the reign of King Henry the fourth, to the end of the reign of Queen Anne In 4 vols
London, Printed for Thimothy Goodwin etc 1719

70 *Statutes at large* = Keble, Jos The Statutes at large from Magna Charta to the end of the reign of King Charles II London, 1695

71 Stowe = *Stow, John*
a) The Chronicles of England, from Brute unto this present year of Christ, 1580 London, 1580,
b) второе издание — хроника доводится до 1586 г (London, 1587),
c) третье издание — до 1592 г (London, 1592),
d) четвертое издание — до 1600 г (London, 1600),
e) пятое издание — до 1605 г (London, 1605),
f) шестое издание — до 1615 г (London, 1615),
g) седьмое издание — меняется название Annales, or, a general Chronicle of England begun by J Stow, continued and augmented unto the end of 1631 by E Howes Pr by A M for R Meighen London, 1631–1632

72 *Stubbe, Henry*
An Essay in defence of the good old Cause, or, a discourse concerning the rise and extent of the power of the Civil magistrate in reference to Spiritual affaires With a preface concerning the name of the good old Cause, an equal Commonwealth, a co-ordinate Synod, the holy Commonwealth published lately by Mr Richard Baxter, and a vindication of the hon Sir Henry Vane from the false a-persions of Mr Baxter London, 1659

73 *Sully's Memoirs* = Maximilian de Bethune, duc de Sully
a) французские издания Memoirs des sages et royalles oeconomies d'estate domestiques, politiques et militaires de Henry le Grand de Maximilian de Bethune

2 tom Amsterdam, J Bouquet, 1638 Существуют многочисленные переиздания Например Amstedam, 1725, Londres, Paris, 1747, Geneve, 1752

b) английские издания Memoirs of Maximilian de Bethune duke of Sully, prime minister of Henry the Great Newly translated from the French edition of m de L'Ecluse Printed by A Donaldson Edinburgh, 1720

The Memoirs of the Duke of Sully during his residence at the English Court Also, a relation of the political sheme commonly called the Great design of Henry IV G&A Ewing Dublin, 1751

74 *Temple, Sir John*

a) The Irish Rebellion or, an history of the beginning and the first progresse of the generall rebellion raised within the kingdom of Ireland upon the 23 Oct 1641 Together with the barbarous cruelties and bloody massacres which ensued thereupon R White, for S Gellibrand London, 1646

Sixth edition, corrected To which is added Sir H Tichborne's history of the seige of Drogheda in 1641 Aaron Rhames Dublin, 1724

75 *Thurloe, John*

The Protectorate of Oliver Cromwell and the State of Europe during the early part of the reign of Louis XIV London,1838

76 *Toland, John*

Amyntor or a Defence of Milton's Life, Containing I A general Apology for all writings of that kind II A Catalogue of books attributed in the primitive times to Jesus Christ, his Apostles and other eminent persons III A complete history of the book intituled Icon Basilike London, 1699

77 The Trade's Increase//The Harleian Miscelany a collection of scarce, curious, and entertaining pamphlets and tracts found in the late Earl of Oxford library In 8 vols London, 1744–1746 Vol 3 (2nd edition London, 1753)

78 Tromp's Life Написано больше о Корнелиусе Тромпе (1629–1691), и только о нем обнаружилось сочинение, похожее на «Life»

La vie de Corneille Tromp Ou L'on verra tout ce que s'est passe de plus memorable dans les guerres que la Hollande a eu a soutenir contre la France La Haye, 1694

По поводу биографии его отца Мартена Тромпа (1598–1653) есть сочинение на голландском яз Leven en Bedryf van C Tromp Ondermengd met de voornaamste da den van Marten Tromp 1692

79 Vicar = *Vicars, John*

God in the Mount Or, Englands Rememberancer Being a panegyrick Piramides, erected to the honour of England's God, in commemoration of al the miraculous Parlamentarie — Mercies wherein God hath been seen in the Mount of Deliverance

By T Paine and M Simmons London, 1641 [1642]

80 *Walker, Clement*

a) Relations and Observations, Historical and Politik, upon the Parliament begun Anno Dom 1640 Divided into 4 books 1 The Mystery of the two Junto's Prebyterian and Independent 2 The History of Independency etc

b) The History of Independency опубликована и отдельным изданием The History of Independency, with the rise, growth and practices of that powerful and restlesse faction By Clement Walker London, 1648

81 *Walker, John* An attempt towards recovering an Account of the Number and Sufferings of the Clergy of the Church of England who were sequester'd, harasse'd etc London, 1714

82 *Walker, sir Edward* Historical discourses upon several occasions viz 1 The happy progress of the arms of K Charles I from 30 March to 23 Nov 1644 written by His Majesty's command and corrected by His own hand II Memorials of His Majesty's unfortunate success in the year following With perfect copies of all the votes, letters, proposals & answers relating unto the treaty at newport in 1648

Ed by H Clopton London, 1705

83 *Waller, Edmund*

Works of Edward Waller, esq , in verse and prose Publ by Mr Fenton I Tonson London, 1729

84 *Warwick, Sir Philip*

Memoires of the reigne of King Charles I with a continuation to the happy restauration of King Charles II Published from the original manuscript London, 1701, London, 1702

85 *Welwood, James*

Memoirs of the most material transactions in England for the last hundred years preceeding the Revolution in 1688 London, 1700

Тж изд 1718, 1730

86 *Wentworth Thomas, Earl of Strafford*

The Earl of Strafford letters and dispatches with an essay towards his life by Sir G Radcliffe By W Knowler In 2 vols London, 1739

Переиздание Dublin, 1740

87 *Whitelocke, Sir Bulstrode the Elder*
a) Memorals of the English affaires from the suppos'd expedition of Brute to this island, to the end of the reign of King James the Ist By Sir B W , with some account of his life and writings by W Penn and a preface by J Welwood London, 1708

b) Memorials of the English affaires, or, a historical account of what passed from the beginning of the reign of king Charles the First to King Charles the Second, his happy restoration Ed by Arthur, Earl of Anglesea London, 1732

88 *Wilson, Thomas* The State of England anno Dom 1600//Kennet, W Op cit (Юм цитирует по книге Кеннета)

89 *Winwood* = Sir Ralph Winwood
Memorials of affairs of State in the reigns of Queen Elizabeth and King James Collected (chiefly) from the original papers of the right Honourable Sir Ralph Winwood Comprehendidng likewise the negotiations of sir Henry Newille, sir Charles Cornwallis etc
Printed by W B[owyer] for T Ward London 1725 [i e 1724]

90 *Wishart, George*
a) The Compleat History of the Warres in Scotland under the conduct of James, Marquesse of Montrose Translated from the latin of G W London, 1660, London, 1720
b) The History of the Kings Majesties affaires in Scotland, under the conduct of James, Marquesse of Montrose London, 1652

91 *Wood, Anthony* Athenae Oxonienses an exact history of all the writers and bishops who have had their education in the University of Oxford, from the fifteenth year of King Henry the Seventh To which are added, the Fasti, or Annales of the said University, for the same time Printed for Th Bennet London, 1691–1692
2nd ed London, 1721

92 *Woodrow, Robert*
The History of the sufferings of the Church of Scotland, from the Restauration to the revolution, collected from the public records and well attested narratives 2 vol
J Watson Edinburgh, 1721–1722

93 World's Mistake in Oliver Cromwell // The Harleian Miscelany a collection of scarce, curious, and entertaining pamphlets and tracts found in the late Earl of Oxford library In 8 vols London, 1744–1746 Vol 4

СОДЕРЖАНИЕ

РЕСПУБЛИКА
Глава I (XVI) 5
Глава II (XVII) 50
Глава III (XVIII) 97
КАРЛ II
Глава IV (XIX) 136
Глава V (XX) 169
Глава VI (XXI) 208
Глава VII (XXII) 255
Глава VIII (XXIII) 297
Глава IX (XXIV) 337
Глава X (XXV) 368
Примечания 406
Примечания научного редактора 422
Библиография Давида Юма: Реконструкция 444

Директор издательства:
И. А. Савкин

Художественный редактор:
Е. И. Шиленкова

Корректор:
Н. П. Дралова

Оригинал-макет:
Е. Н. Ванчурина

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»:
193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, **13**
Телефон издательства: (812) 567–2239
Факс: (812) 567–2253
E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 10.04.2002. Подписано в печать 21.08.2002.
Формат $60\times88/_{16}$. 29 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 3566.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia